

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Arc 292.130

Harvard College Library

From the
CONSTANTIUS FUND

Bequeathed by
Evangelinus Apostolides Sophocles
Tutor and Professor of Greek
1842-1883

For Greek, Latin, and Arabic
Literature

ЗАПИСКИ
КЛАССИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

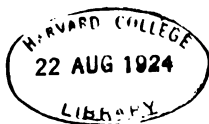
Томъ IV.

Съ приложеніемъ 2 портретовъ, 19 таблицъ и съ 102 рисунками въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надсѣдннская, 43).
1907.

Acc 292.130

Напечатано по постановленію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Мартъ 1907.

Секретарь *Б. Фармаковский.*

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Д. чл. С. А. Жебелевъ , Памяти И. В. Помяловскаго (съ портретомъ). I—VII	
Д. Θ. Бѣляевъ (+), Вузантина. Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ. Книга III. Богомольные выходы византійскихъ царей въ городскіе и пригородные храмы Константинополя (съ портретомъ автора и двумя автотипическими таблицами)	1
Ο. Φ. Вальдгауеръ , Портреты Александра Великаго. (съ шестью автотипическими таблицами)	193
Д. чл. Н. П. Лихачевъ , Древнѣйшія буллы и печати Ширпурлы (съ пятью фототипическими таблицами)	225
Протоколы засѣданій Отдѣленія археологій древне-классической, византійской и западно-европейской за 1904 годъ.	264
Протоколы засѣданій Отдѣленія археологій древне-классической, византійской и западно-европейской за 1905 годъ.	272
Протоколы засѣданій Отдѣленія археологій древне-классической, византійской и западно-европейской за 1906 годъ.	276

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Διάφορα ἑλληνικὰ γράμματα ἐκ τοῦ ἐν Πετροῦπόλει Μουσείου τῆς Α. Ε. τοῦ χορίου Νikolas Likhatscheff ὑπὸ 'Α Παπαποπούλου-Κεραιμέως (съ шестью фототипическими таблицами).

U. Thomsen

Памяти И. В. Помяловскаго.

Наши засѣданія приходится открывать въ наступающемъ сезонѣ съ грустнаго сообщенія. 28 минувшаго сентября скончался, на 62-омъ году жизни, Иванъ Васильевичъ Помяловскій, почетный членъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, Управляющій Отдѣленіемъ археологіи древне-классической, византійской и западно-европейской. Въ послѣдній разъ И. В. Помяловскій предсѣдательствовалъ въ нашемъ Отдѣленіи 20-го ноября 1904 года; съ тѣхъ поръ, въ теченіе почти двухъ лѣтъ, тяжелая болѣзнь не давала возможности И. В. Помяловскому принимать участіе въ нашихъ собраніяхъ, и мы его въ своей средѣ не видали...

Отошелъ въ вѣчность одинъ изъ самыхъ ревностныхъ дѣятелей нашего Общества, одинъ изъ наиболѣе преданныхъ его интересамъ и работамъ членовъ. Въ теченіе 30 слишкомъ лѣтъ имя И. В. Помяловскаго неразрывно связано съ лѣтописью нашего Общества. 25 ноября 1871 года, молодой тогда магистръ римской словесности (за диссертацию «Маркъ Теренцій Варронъ Реатинскій и Мениппова Сатура, Спб. 1869»), доцентъ нашего Университета, И. В. Помяловскій былъ избранъ въ число дѣйствительныхъ членовъ Общества, почти сразу же по возвращеніи изъ заграничной командировки, которая опредѣлила кругъ научныхъ занятій И. В. Помяловскаго и приблизила его къ интересамъ классической и христіанской археологіи и эпиграфики. Получивъ солидную подготовку къ занятіямъ латинскими надписями подъ руковод-

Записки класс. отд. Имп. Р. Арх. Общ., т. IV.

ствомъ Ричля ¹⁾), И. В. Помяловскій отправился въ Италію, гдѣ посѣтилъ Миланъ, Болонью, Венецію, Флоренцію, Римъ и Неаполь. Во всѣхъ этихъ городахъ, по его словамъ, «онъ не опускалъ случая списывать находящіяся тамъ древнія надписи и, между прочимъ, списалъ всю ватиканскую *galleria Lapidaria*». Результатомъ этихъ работъ была докторская диссертация И. В. Помяловскаго «Эпиграфическіе этюды» (Спб. 1873), состоящая изъ двухъ большихъ отдѣловъ; 1) древніе наговоры (*talulae defixionum*) и 2) римскіе колумбаріи. Въ томъ и другомъ этюдѣ главными источниками для И. В. Помяловскаго служили надписи. «Приводимыя нами эпиграфическія данныя, говоритъ онъ въ предисловіи (стр. IX) своей книги, или списаны нами съ подлинниковъ, или извлечены изъ другихъ сочиненій. Всѣ, относящіяся къ первому отдѣлу, тщательно скопированы съ оригиналовъ и неоднократно проверены; съ нѣкоторыхъ, по возможности, сняты и эстампажи. Пользованіе памятниками, которые сообщаются въ печатныхъ сочиненіяхъ, было несравненно труднѣе и постоянно требовало приложенія извѣстныхъ пріемовъ, изъ которыхъ главные суть слѣдующіе: 1) надобно было внимательно отдѣлать написи поддѣльныя или интерполированныя, въ массѣ встрѣчающіяся въ старинныхъ сборникахъ Грутера, Рейнесія, Фабретти, Муратори, отъ написей подлинныхъ; 2) мѣстами необходимо было возстановить правильное чтеніе, невѣрно понятое и переданное издателями, и 3) изъ различныхъ редакцій одного и того же памятника выбрать болѣе вѣрную и примитивную»

«Эпиграфическіе этюды» И. В. Помяловскаго, обработанные со всею присущею ему всегда обстоятельностью, детальною и осторожностью въ выводахъ, написанные вполне литературнымъ, подчасъ образнымъ, языкомъ, были у насъ въ Россіи однимъ изъ первыхъ, если не первымъ трудомъ въ области древней эпиграфики. Съ тѣхъ поръ И. В. Помяловскій неоднократно возвращался къ эпиграфическимъ студіямъ ²⁾, а въ 1881 году составилъ для V-го археологичес-

¹⁾ См. статью И. В. Помяловскаго «Филологическая семинарія и занятія латинской эпиграфикой проф. Ричля» въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1870, ноябрь.

²⁾ См. Храмъ Тифатинской Діаны въ трудахъ II-го Спб. археологическаго съѣзда, вып. I (1876), 22—59. Храмовый инвентарь, найденный въ Неми. Труды III Кіевскаго

каго съѣзда въ Тифлисъ «Сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа», увѣнчанный въ 1882 г. нашимъ Обществомъ золотой медалью. Въ предисловіи къ этому, первому у насъ въ Россіи, эпиграфическому *Corpus* у И. В. Помяловскій писалъ: «принявшись за работу, составитель увидѣлъ что взятая имъ на себя задача представляетъ: *periculosae plenum opus aleae*, ибо требуетъ основательнаго знакомства съ обширною и многоязычною литературою. При изученіи ея главныхъ представителей, онъ очень скоро убѣдился, что совершенно недостаточно свести въ одно изданные ими греческіе и латинскіе эпиграфическіе тексты, но что необходимо составить сводъ и тѣмъ указаніямъ путешественниковъ, которые, не приводя текста надписей, упоминаютъ только объ ихъ существованіи... Расширилъ составитель свою задачу еще и въ другомъ отношеніи: онъ не ограничился, какъ ему было предложено, XII вѣкомъ, но включилъ въ сборникъ и памятники болѣе поздніе... Что касается внѣшнихъ приемовъ работы, то составитель предпочелъ держаться въ нихъ указаній берлинскаго «*Corpus inscriptionum latinarum*». Посвятивъ значительную часть своихъ обширныхъ и разнообразныхъ трудовъ изученію надписей, И. В. Помяловскій первый ввелъ въ обиходъ нашего университетскаго преподаванія римскую эпиграфику и въ этомъ отношеніи онъ, наряду съ Э. Э. Соколовымъ, долженъ быть признанъ архететомъ многочисленной уже теперь школы русскихъ эпиграфистовъ.

Но не одна эпиграфика составляла предметъ ближайшихъ занятій И. В. Помяловскаго. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго вѣка онъ много и усердно работалъ въ области классической филологіи и археологіи ¹⁾, а въ 90-хъ годахъ

археологическаго съѣзда, II (1878), 113—137. По поводу одной греческой христіанской надписи, найденной недавно въ Египтѣ, Извѣстія Импер. Русск. Археол. Общ. IX (1880), 276—306 (статья содержитъ разборъ данныхъ, относящихся къ встречающимся въ греческихъ надписяхъ литургическимъ формуламъ). Два римскіе военные диплома, найденные недавно въ Болгаріи. Журн. Мин. Нар. Просв. 1880, май. О Танаитскихъ коллегіяхъ. Труды VI Одесскаго археологическаго съѣзда, II (1888), 24 сл.; также рецензіи на эпиграфическіе труды И. В. Цвѣтаева и др.

¹⁾ См. напр. Австрійскія ученныя экспедиціи въ Ликію. Журн. Мин. Нар. Просв. 1883, ноябрь. Описание древнихъ и средневѣковыхъ монетъ принесенныхъ въ даръ Православному Палестинскому Обществу архим. Антониномъ (1886). Статьи во II т. (1887) „Записокъ“ Общества: „Исслѣдованія въ области римско-германской границы“, „Археологическая находка въ Пуатье“. Переводы соч. Фр. Авг. Вольфа „Что такое классическая филологія“ и Стефани „Собраніе памятниковъ древняго искусства въ Павловскѣ“.

издалъ, перевелъ и объяснилъ цѣлый рядъ текстовъ, относящихся къ областямъ греческой и русской агиографіи ¹⁾ и палестиновѣдѣнія ²⁾).

Обильная и разносторонняя ученая дѣятельность И. В. Помяловскаго не мѣшала ему нести, въ теченіе 28 лѣтъ, труды университетскаго преподаванія, быть, въ теченіе 10 лѣтъ, деканомъ Историко-Филологическаго факультета и неоднократно исполнять въ лѣтніе мѣсяцы должность ректора университета, не упоминая о многихъ иныхъ его преподавательскихъ и административно-учебныхъ обязанностяхъ. Когда въ декабрѣ 1897 года исполнилось тридцатилѣтіе ученой и педагогической дѣятельности И. В. Помяловскаго, его университетскіе ученики и слушатели, не только филологи-классики, но и историки, историки литературы и искусства и философы, однимъ словомъ представители всѣхъ почти дисциплинъ, входящихъ въ составъ Историко-Филологическаго факультета, объединились въ чествованіи своего уважаемаго наставника и, при поднесеніи ему изданнаго въ его честь сборника статей, обратились къ нему съ такимъ привѣтствіемъ: «При широкомъ пониманіи задачъ избранной Вами отрасли знанія, Вы ознаменовали Вашу плодотворную научную дѣятельность многими выдающимися трудами въ различныхъ областяхъ филологіи, намѣчали задачи, подлежащія разработкѣ, указывали и ученикамъ Вашимъ методы и приемы научнаго изслѣдованія, и въ же время Вы съ неизмѣннымъ участіемъ слѣдили за успѣхами другихъ наукъ, входящихъ въ программу Историко-Филологическаго факультета, и выказывали ревнивую заботу объ ихъ болѣе правильной постановкѣ въ университетѣ, вникая живо въ интересы различныхъ кафедръ. Ваша всегдашняя отзывчивость и сердечное отношеніе къ Вашимъ бывшимъ слушате-

¹⁾ Житіе преп. Аѳанасія Аѳонскаго по ркп. Моск. Синод. библ. Житіе иже во святыхъ отца нашего Григорія Синаита по ркп. Моск. Синод. библ. Житіе Кириака отшельника по ркп. Казанской духовной акад. Житіе и подвизаніе иже во святыхъ отца нашего Георгія Кипрскаго иже въ Хузивѣ. Аммонія Мниха повѣсть объ отцахъ въ Синаѣ и Раноѣ избѣнныхъ. Житіе иже во святыхъ отца нашего Феодора архіепископа Елесскаго. Житіе св. Саввы Освященнаго, составленное св. Кирилломъ Скивопольскимъ въ древне-русскомъ переводѣ. Житіе Евоимія Великаго. Житіе Іоанна Молчальника.

²⁾ Паломничество по св. мѣстамъ конца IV вѣка, Оселосій. О мѣстоположеніи св. земли начала VI в. Аркульфъ, Разказъ о св. мѣстахъ, записанный Адамнаномъ ок. 670 г.

лямъ, какой бы специальности они себя не посвятили, дають и имъ смѣлость присоединиться къ Вашимъ непосредственнымъ ученикамъ въ составленіи настоящаго сборника, лучшимъ украшеніемъ котораго является посвященіе имени Вашему».

Я убѣжденъ, что подъ этимъ привѣтствіемъ лицъ, имѣвшихъ счастье и честь учиться у И. В. Помяловскаго и слушать его лекціи, готовы были бы подписаться всѣ тѣ русскіе ученые—и не одни только филологи, для которыхъ дороги интересы науки въ Россіи и которыхъ судьба, въ томъ или иномъ отношеніи, ставила въ близкое соприкосновеніе съ И. В. Помяловскимъ. Будучи человѣкомъ безграничной любезности и отзывчивости, служба наукѣ для науки, прилагая всѣ зависящія отъ него средства къ ея упроченію въ нашей родинѣ, И. В. Помяловскій всегда готовъ былъ дѣлиться со всякимъ, обращающимся къ нему, и своими знаніями и своими библіотечными сокровищами и своими совѣтами и своими ходатайствами. Много лицъ изъ среды русскаго ученаго и преподавательскаго персонала перебивали, въ свое время, съ своими вопросами и ходатайствами, у И. В. Помяловскаго на его квартирѣ на Сергіевской или на дачѣ въ Гатчинѣ, и, должно быть, очень немногіе изъ нихъ уходили отъ него «съ пустыми руками». И. В. Помяловскій не умѣлъ, да и не хотѣлъ отказывать, и, по свойственному ему прекраснодушію, готовъ былъ посодѣйствовать всюду и во всемъ, гдѣ и въ чемъ онъ только могъ.

Черезъ два года послѣ того, какъ И. В. Помяловскій вступилъ въ число членовъ нашего Общества, онъ въ засѣданіи 28 декабря 1873 года, былъ избранъ его секретаремъ и исполнялъ эти обязанности безъ малаго 12 лѣтъ. Время секретарствованія И. В. Помяловскаго является одною изъ наиболѣе оживленныхъ эпохъ въ дѣятельности нашего Общества. Такъ въ 1877 году, по предложенію И. В. Помяловскаго, съ цѣлью завязать болѣе тѣсныя сношенія съ иностранными учеными и археологами, цѣлый рядъ ихъ былъ избранъ въ число членовъ-корреспондентовъ и сотрудниковъ Общества. Въ 1882 году, при участіи и содѣйствіи И. В. Помяловскаго, произведено было значительное измѣненіе въ организациі Общества: съ цѣлью устранить

исключительно административный оттѣнокъ общихъ собраний и придать имъ по преимуществу характеръ ученыхъ, сдѣлавъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ доступными для публики, былъ учрежденъ Совѣтъ для вѣданія административными дѣлами Общества. Всего же болѣе трудовъ понесъ И. В. Помяловскій по издательской дѣятельности общества. Будучи, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, завзятымъ библиофиломъ, И. В. Помяловскій радовался, можно сказать, появленію у насъ всякой хорошей книги, и потому излишне удивляться, что издательская дѣятельность Общества была болѣе чѣмъ близка его сердцу. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ редактированіи Трудовъ второго археологическаго съѣзда, бывшаго въ Петербургѣ въ 1871 году, ему принадлежитъ всецѣло редактированіе X-го тома Извѣстій нашего Общества, редакція изслѣдованій Оленина и редакція трудовъ архимандрита Антонина «Поѣзка въ Румелію» и «Изъ Румеліи». Когда, въ концѣ февраля 1885 года, И. В. Помяловскій сложилъ съ себя секретарскія обязанности, Общество, желая выразить ему признательность за понесенные труды, избрало его въ число своихъ почетныхъ членовъ.

За время своего секретарствованія И. В. Помяловскій принималъ участіе въ 1883 году отъ имени Общества въ предварительномъ комитетѣ въ Москвѣ по устройству VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ ¹⁾, а въ 1879 году онъ былъ депутатомъ отъ Общества на Антропологической выставкѣ въ Москвѣ. Позже мы видимъ его въ качествѣ депутата отъ Общества въ предварительныхъ комитетахъ по организации VII археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ (1887) и VIII археологическаго съѣзда въ Москвѣ (1890).

Когда въ засѣданіи Классическаго Отдѣленія 13 мая 1893 года бывший тогда Управляющимъ отдѣленія Н. И. Стояновскій отказался отъ этой должности, его замѣстителемъ единогласно былъ избранъ И. В. Помяловскій. Съ тѣхъ поръ и до своей болѣзни (въ концѣ 1904 года) И. В. Помяловскій предсѣдательствовалъ на нашихъ засѣданіяхъ, и такихъ засѣданій при немъ было 76. Такъ какъ

¹⁾ Отчетъ объ Одесскомъ съѣздѣ былъ напечатанъ И. В. Помяловскимъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, январь—мартъ.

почти все время предсѣдательствованія И. В. Помяловскаго въ нашемъ Отдѣленіи совпадетъ со временемъ моего секретарствованія въ немъ, то распространяться о нашей совмѣстной, всегда дружелюбной дѣятельности, я считаю неудобнымъ. Долженъ засвидѣтельствовать, однако, лишь то, что И. В. Помяловскій живо интересовался и близко принималъ къ сердцу дѣла Отдѣленія, и его первый вопросъ, при встрѣчѣ со мною, всегда былъ такой: «Когда думаете собрать Отдѣленіе». О томъ, какимъ былъ предсѣдателемъ на нашихъ собраніяхъ И. В. Помяловскій, напоминать нечего: надѣюсь, что въ этомъ отношеніи мы всѣ его живо еще помнимъ. Долженъ упомянуть также и о томъ, что, ставъ предсѣдателемъ Отдѣленія, И. В. Помяловскій прежде всего поспѣшилъ устроить издательскую дѣятельность его: въ декабрѣ 1893 года, онъ внесъ въ Совѣтъ предложеніе печатать статьи по классической и византійской археологій, кромѣ Записокъ, также отдѣльными оттисками, которые выходили бы въ свѣтъ особыми выпусками подъ заглавіемъ «Груды Отдѣленія археологій древне-классической, византійской и западно-европейской». Вслѣдствіе этаго ходатайства было постановлено печатать 300 отдѣльныхъ оттисковъ для «Трудовъ». Въ этомъ не встрѣтилось надобности, такъ какъ съ 1895 года наше Отдѣленіе стало издавать сначала свои «Труды», а затѣмъ и «Записки» вполнѣ самостоятельно, и при жизни И. В. Помяловскаго имѣло возможность издать ихъ въ количествѣ восьми томовъ.

Такова въ общихъ чертахъ свѣше тридцатилѣтняя плодотворная, разносторонняя, любвеобильная, лишенная какихъ-либо признаковъ чванливости, дѣятельность И. В. Помяловскаго. Не забудетъ ея, надѣмся, и будущій историкъ Петербургскаго университета, и будущій историкъ русскаго просвѣщенія. Императорское же Русское Археологическое Общество, въ частности наше Отдѣленіе, много воспріявшее отъ трудовъ своего покойнаго сочлена, должно свято хранить о немъ воспоминаніе.

С. Жебелевъ.

A stylized, handwritten signature in black ink. The signature is enclosed within a large, thin oval outline. The signature itself is highly decorative and cursive, with many loops and flourishes.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

«Если бы послѣ Д. Θ. Бѣляева остались только двѣ книги его «Byzantina», то и этого наслѣдія было бы съ избыткомъ достаточно для того, чтобы признать его заслуги для византиновѣдѣнія незабвенными». Такъ писалъ я въ некрологѣ покойнаго, помѣщенномъ въ VIII т. «Византійскаго Временника», не зная въ то время, что Д. Θ. Бѣляевымъ, еще до постигшей его тяжелой болѣзни, составлена была отчасти и III книга «Byzantina». Рукопись этой III книги доставлена была, послѣ смерти Д. Θ. Бѣляева († 10 марта 1901 г.), въ Императорское Русское Археологическое Общество Ю. А. Кулаковскимъ съ предложеніемъ напечатать его въ «Запискахъ» Общества. Редакція «Записокъ», въ которыхъ помѣщены были двѣ первыя книги «Byzantina» (Новая серія, тт. V и VI), разумѣется, съ большою благодарностью приняла предложеніе Ю. А. Кулаковскаго.

На оберткѣ, въ которой доставлена была рукопись III книги «Byzantina», Д. Θ. Бѣляевымъ помѣчено «Казань, 1892—»¹⁾). Ясно, покойный предполагалъ не ограничиться четырьмя тѣми главами, которыя теперь напечатаны; это видно и изъ содержанія особенно послѣднихъ двухъ главъ, гдѣ имѣются указанія на дальнѣйшія предположенія автора, къ сожалѣнію, оставшіяся невыполненными. Ясно также и то, что четыре главы, входящія въ составъ III книги «Byzantina», не были окончательно проредактированы авторомъ. На поляхъ руко-

---

¹⁾ Изъ содержанія I и II главъ видно, что онѣ были написаны или дополнены Д. Θ. Бѣляевымъ послѣ поѣздки его въ 1894 г. въ Константинополь; отсутствіе же упоминаній о поэмѣ Родія въ IV главѣ показываетъ, что эта глава была закончена, вѣроятно, ранѣе 1896 года.

II

писи сохранились замѣтки Д. Θ. Бѣляева, сдѣланныя карандашомъ, изъ которыхъ слѣдуетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ предполагалъ кое-что дополнить, а, быть можетъ, кое-что и измѣнить. Все же и въ томъ видѣ, въ какомъ оставлены были Д. Θ. Бѣляевымъ эти четыре главы III книги «Byzantina», оказалось вполне возможнымъ ихъ напечатать и украсить, такимъ образомъ, этимъ наслѣдіемъ покойнаго члена Общества «Записки» послѣдняго.

Тѣ незначительныя дополненія и измѣненія исключительно редакціоннаго характера, которыя пришлось сдѣлать, отмѣчены [ ]. Во всемъ остальномъ рукопись печаталась безъ измѣненій, въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась. На нѣкоторые изъ рисунковъ, иллюстрирующихъ текстъ, имѣются указанія и въ рукописи Д. Θ. Бѣляева; другіе рисунки, равно какъ и планъ Константинополя Буондельмонте, воспроизведенный на табл. I и II по книгѣ Mor dtmann'a,¹⁾ присоединены по указанію Я. И. Смирнова, щедро помогавшаго мнѣ при редакціи и корректурѣ.

Приложенный портретъ Д. Θ. Бѣляева исполненъ по фотографическому снимку, любезно доставленному мнѣ вдовою покойнаго З. В. Бѣляевой.

Августъ 1906.

С. Жебелевъ.

---

¹⁾ Esquisse topographique de Constantinople (Lille, 1892), стр. 44. 73. [отд. отд. изъ Revue de l'art chrétien, 4 série, II (1891)]. Рисунки 19—23. 27 въ текстѣ исполнены по фотографіямъ, рис. 1, 2 и 6 заимствованы у van Millingen, Byzantine Constantinople (London, 1899), стр. 106—107; рис. 3—5. 7—16—у Strzykowski, Jahrb. d. k. d. arch. Inst. VIII (1893), стр. 6, 8, 7, 13, 15, 20, 22, 23, 27, 9, 232, 233; рис. 17 и 18 у Barth'a, Konstantinopel (Berühmte Kunststätten, № 11), стр. 113, 116; относительно рис. 24—26 см. соответствующія указанія на стр. 166 (прим.), 169 (прим. 1).

BYZANTINA.

Очерки, материалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ.

КНИГА III.

Богомольные выходы византійскихъ царей въ городскіе и пригородные храмы Константинополя.

ГЛАВА I.

Средневѣковой Константинополь и Средняя улица въ немъ.

Исторія Константинополя начинается со времени основанія мегарскими выходцами греческой колоніи Византіи (Βοζάντιον) въ 658 году, названной такъ по имени ея мифическаго основателя Византа (Βόζας)¹⁾. Безъ всякаго сомнѣнія, туземныя поселенія были здѣсь гораздо раньше, такъ какъ трудно допустить, чтобы такое превосходное и удобное для поселенія мѣсто такъ долго оставалось безъ всякаго населенія и нужно было специальное указаніе на его удобства Дельфійскаго оракула для того, чтобы привлечь туда первыхъ поселенцевъ. Но исторія не знаетъ этихъ древнѣйшихъ обитателей Золотаго Рога, которымъ, по всей вѣ-

---

¹⁾ Литература по исторіи Византіи [указана въ статьяхъ J. Miller'a, Kubitschek'a и Oberhummer'a у Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie, III, 1116 сл.; IV, 963 сл. Обзоръіе старой литературы дано было Г. С. Дестунисомъ въ статьяхъ „Топографія средневѣковаго Константинополя“. Журн. Мин. Нар. Просв. 1882, ч. ССХІХ, 1—32; 1883, ч. ССХХV, 1—29, 229—263. Указанія на позднѣйшія работы см. у Krumbacher'a, Gesch. d. byz. Litteratur²⁾, München, 1897, 1111—1112 и 1118. Изъ общихъ обзоръіи Константинополя и его памятниковъ наиболѣе обстоятельнымъ является сочиненіе Н. П. Кондакова „Византійскіе церкви и памятники Константинополя“ въ Трудахъ VI Археологическаго съѣзда въ Одессѣ (1884), III, Одесса, 1887. Новѣйшимъ и наилучшимъ описаніемъ Константинополя служить книга E. A. Grosvenor'a, Constantinople, London, 1898, 2 тт. Ср. также новѣйшій путеводитель по Константинополю Bäckesker'a (1905 г.). О работѣ Morgmann'a, Esquisse topographique de Constantinople (Revue de l'art chrétien, IX, 1891 и отдѣльно Lille, 1892), см. рецензію Д. Θ. Бѣляева въ Визант. Врем. I].

роятности, Византія обязапа и своимъ названіемъ, и мегарскіе колонисты являются, такимъ образомъ, первыми историческими обитателями и основателями города, которому суждено было превратиться со временемъ въ столицу Римской имперіи и играть въ исторіи выдающуюся, первенствующую роль.

Маленькая греческая колонія, благодаря чрезвычайно выгодному торговому положенію, плодородію окружающей страны и необыкновенному обилію рыбы въ омывающихъ ее водахъ, быстро начала разрастаться, богатѣть и увеличиваться новымъ переселенцами, хотя и должна была долго вести упорную борьбу съ окружающимъ туземнымъ населеніемъ. Находясь на перепутьѣ между Средиземнымъ и Чернымъ морями, между Европою и Азіею, и занимая такой пунктъ, изъ котораго всегда можно и удобно было отрѣзать путь идущимъ изъ Азіи въ Европу, изъ Чернаго моря въ Средиземное, Византія, естественно, привлекала къ себѣ вниманіе всѣхъ народовъ и государствъ, искавшихъ преобладанія и господства въ восточной части Средиземнаго моря и въ прилегающихъ къ нему областяхъ. Сильныя государства, получавшія преобладанія въ этой области Средиземнаго моря, для укрѣпленія своего могущества и для упроченія своего преобладанія, всегда стремились имѣть на своей сторонѣ, а если оказывалось возможнымъ, то и въ своей власти, Византію, какъ ключъ отъ коммерческихъ и военныхъ путей. Потому, когда въ Малой Азіи и прилегающихъ къ ней моряхъ утвердили свое господство персы, Византія подпала подъ власть персовъ и принуждена была пустить въ свои стѣны персидскій гарнизонъ. Послѣ разбитія персидскаго флота при Саламинѣ, когда преобладаніе персидскаго государства въ Средиземномъ морѣ было сломлено, въ Византіи былъ собранъ побѣдоносный греческій флотъ, и, съ образованіемъ морского союза іонійскихъ городовъ, Византія сдѣлалась членомъ этого союза и оставалась имъ до Пелопоннесской войны, во время которой Византія переходила во власть того, кто преобладалъ на морѣ, и была сначала союзницею афинянъ, а потомъ спартанцевъ.

Съ возстановленіемъ афинскаго могущества на морѣ и образованіемъ морского союза, Византія опять вошла въ составъ афинской симмахіи (394) и оставалась членомъ ея до Союзнической войны, когда, благодаря раздорамъ съ афинянами изъ-за провозной пошлины (*δραχμήιον*) съ проходящихъ чрезъ Босфоръ товаровъ, Византія возстала противъ Афинъ въ союзѣ съ Родосомъ, Хиосомъ и Косомъ и, по мирному договору 355 г., добилась полной независимости, сдѣлавшись самостоятельной второстепенною морскою силою, благодаря своему выгодному геогра-

фическому положенію и значительному флоту. Съ этого времени, все усиливаясь и возрастая, несмотря на временныя неудачи и несчастія, Византія удачно лавировала между вновь возникавшими вокругъ нея политическими силами и сохранила свою независимость во время македонскаго владычества до распространенія римскаго владычества въ восточной части Средиземнаго моря.

Съ появленіемъ римлянъ на этой сценѣ, Византія очень удачно приняла сторону этой новой всепокоряющей силы и, благодаря своей прозорливости, оставаясь вѣрною союзницею римлянъ, сумѣла сохранить свою автономію и во время римскаго владычества. Въ составъ Римской имперіи Византія вошла въ качествѣ *civitas libera*, паравиѣ съ другими самостоятельными городами; но и въ этотъ періодъ, когда возгорались междуусобныя войны между нѣсколькими претендентами на императорскій престолъ, Византіи приходилось лавировать между борющимися силами и при неудачѣ стороны, на которой была Византія, сильно страдать отъ побѣдителя. Въ такомъ положеніи оказалась Византія при Септиміи Северѣ. Принявъ сторону его противника, Песценція Нигра, Византія была осаждена Септиміемъ Северомъ и такъ упорно защищалась, при помощи своихъ крѣпкихъ стѣпъ, что войска римскаго императора должны были цѣлыхъ три года держать въ осадѣ этотъ крѣпкій и стойкій городъ, который вынужденъ былъ къ сдачѣ не силою римскаго оружія, а голодомъ. За это упрямое сопротивленіе Византія была жестоко наказана раздраженнымъ побѣдителемъ: городъ былъ не только лишенъ своей относительной свободы и самостоятельности, но и почти весь разрушенъ и отданъ со всѣми своими владѣніями во власть Перинѳа-Иракліи (теперь Эски-Эрегли). Отъ этого страшнаго погрома Византія оправилась нескоро, хотя римскій владыка, въ гнѣвѣ чуть не уничтожившій городъ, скоро самъ понялъ, что Византія со своими крѣпкими стѣнами нужна была и для Римской имперіи, какъ оплотъ противъ азіатскихъ и европейскихъ варваровъ, и потому самъ началъ возстановлять ея стѣны и общественныя зданія, въ томъ числѣ ипподромъ, переименовавъ возстановленный городъ въ *Antonina Byzantiorum Augusta*. При сынѣ Септимія Севера, Антонинѣ Каракаллѣ, Византіи возвращены были политическія права, хотя и не всѣ, и возстановленный городъ опять началъ возрастать и оправляться отъ погрома. Это было тѣмъ болѣе кстати, что скоро начались частыя нападенія варваровъ на Византію и открылся длинный рядъ попытокъ овладѣть важнымъ городомъ; попытки эти продолжались послѣ превращенія Византіи въ столицу Римской имперіи и окончились завоеваніемъ города турками.

*

Превращенію въ столицу, какъ извѣстно, предшествовала осада Византіи Константиномъ Великимъ, который, послѣ побѣды при Адрианополѣ, осадилъ въ Византіи бѣжавшаго и укрывшагося здѣсь своего послѣдняго соперника Лицинія. Происшедшее во время этой осады пораженіе войскъ Лицинія войсками Константина при Хрисополѣ, на азіатскомъ берегу Босфора, почти противъ Византіи, положило конецъ осадѣ: какъ Халкидонъ, такъ и Византія открыли свои ворота Константину, а Лициній бѣжалъ въ Никомидію, откуда чрезъ свою жену Констанцію, сестру Константина, просилъ о дарованіи ему жизни (сентябрь 324). Константинъ Великій, сдѣлавшись послѣ низверженія Лицинія, едиводержавнымъ владыкою Римской имперіи, довольно долго оставался въ Византіи и отсюда наблюдалъ за ходомъ дѣлъ на Никейскомъ соборѣ и; только послѣ его закрытія, отправился въ Римъ для торжественнаго празднованія двадцатилѣтія своего царствованія (*vicennalia*). Это послѣднее пребываніе въ Римѣ побѣдоноснаго императора продолжалось около трехъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ Константинъ убѣдился, что старый Римъ не можетъ быть его резиденціею, что для новыхъ порядковъ и новаго строя жизни, которые замышлялъ Константинъ, нужна новая столица, новый Римъ.

Какъ извѣстно, свою молодость Константинъ, *volens nolens*, провелъ на востокѣ и хорошо изучилъ восточную половину имперіи. Хорошо зналъ онъ и восточныхъ враговъ имперіи, въ войнѣ съ которыми онъ прошелъ строгую, но въ высшей степени полезную для него военную практическую школу. Она выработала изъ него побѣдоноснаго полководца и дальновиднаго политика, который лучше, нежели кто другой, могъ оцѣнить стратегическое и политическое положеніе извѣстнаго пункта, извѣстнаго города, и выбрать мѣсто для Новаго Рима, долженствовавшаго если не замѣнить, то соперничать со старымъ Римомъ, и въ то же время быть оплотомъ восточной половины имперіи противъ азіатскихъ и европейскихъ варваровъ, напавшихъ на восточныя окраины громадной имперіи съ сѣвера и юга. Отъ зоркаго ока дальновиднаго политика и полководца не могло ускользнуть несравненное превосходство мѣстоположенія Византіи въ военномъ, административномъ и коммерческомъ отношеніяхъ. Никакой другой пунктъ хорошо знакомаго Константину римскаго востока не соединялъ такъ много удобствъ и выгодъ, какъ Византія, съ преимуществами которой императоръ близко познакомился во время осады этого города и послѣ нея и которая во время долгаго пребыванія въ Византіи предъ послѣднею поѣздкою въ Римъ онъ имѣлъ время зрѣло обсудить и сравнить

съ удобствами и недостатками другихъ пунктовъ и городовъ восточнаго побережья Средиземнаго моря, давно сдѣлавагося внутреннимъ римскимъ моремъ.

Весьма возможно, что Константинъ, желая провѣрить правильность своихъ соображеній, сообщалъ свои мнѣнія относительно другихъ пунктовъ и городовъ своимъ ближайшимъ друзьямъ и совѣтникамъ и вмѣстѣ съ ними обсуждалъ сравнительныя удобства и выгоды разныхъ городовъ, что и могло послужить основаніемъ для позднѣе возникшихъ сказаній о колебаніяхъ Константина и божественномъ указаніи, рѣшившемъ судьбу Византіи. Подобныя сказанія существовали въ древности относительно почти всѣхъ знаменитыхъ городовъ, и такой славный въ исторіи Европы и Азіи городъ, какъ Византія-Константинополь, не могъ не вызвать такихъ сказаній, тѣмъ болѣе, что его славная судьба тѣсно связана съ торжествомъ христіанства и превращеніемъ языческой имперіи въ христіанскую. Новый Римъ сдѣлался столицей какъ бы новой, христіанской, имперіи, а историческій фактъ такой громадной важности, естественно, совершился не безъ воли Божества новой религіи.

Рѣшившись превратить Византію въ Новый Римъ, Константинъ Великій навсегда разстался со старымъ Римомъ и, возвратившись въ Византію, въ 326 [или 328] г. приступилъ къ перестройкѣ сравнительно небольшого провинціального города въ столицу всемірной имперіи, громадныя ресурсы которой позволяли римскому владыкѣ исполнить это колоссальное предпріятіе очень скоро. Черезъ четыре [или два] года, 11-го мая 330 года, Константинъ уже могъ совершить освященіе (ἐγκαίνια) новой столицы, такъ что самъ строитель еще могъ нѣсколько лѣтъ наслаждаться плодомъ рукъ своихъ и жить въ новой столицѣ, которая сначала называлась Nova Roma—Новымъ Римомъ, а потомъ, по имени основателя, стала называться Константинополемъ (Κωνσταντινούπολις, Constantinopolis). День рожденія (γενέθλια) или освященія новой христіанской столицы римской имперіи церковь внесла въ число своихъ радостныхъ праздниковъ, и память этого важнаго историческаго событія ежегодно праздновалась торжественнымъ крестнымъ ходомъ изъ храма св. Софіи на форъ (forum) Константина.

Въ настоящее время, при огромной массѣ центральныхъ управленій и учреждений въ болѣе или менѣе обширномъ и могущественномъ государствѣ, превращеніе провинціального города въ столицу потребовало бы гораздо больше времени и денегъ, чѣмъ тогда, во времена Константина Великаго, но и ему необходимо было сдѣлать очень много,

и, очевидно, только при его необыкновенной настойчивости и неограниченных средствах, которыми он располагал, возможно было такое быстрое превращение Византии в Новый Рим.

Прежде всего необходимо было расширить город, т.-е. обнести его новыми, гораздо более обширными стенами, чтобы можно было в их пределах построить не только многочисленных общественных и правительственных зданий и дворцы, но и дать достаточно места для частных построек ожидавшегося многочисленного населения чиновного, военного, промышленного и торгового.

Хотя Византия была сравнительно с провинциальными городами очень важным, значительным и большим городом, но для той великой роли, которая ей предназначалась, она была очень мала и впоследствии, когда Новый Рим достиг своего полного роста, старая Византия составляла сравнительно небольшую, хоть и важную часть Константинополя.

Принимая во внимание постоянные опасения колонистов и желание по возможности оградить и обезпечить себя от нападений с суши и с моря, можно думать, что греки заняли такой пункт, который, находясь у самого моря и хорошей гавани, в то же время представлял все удобства для укрепления с суши и ограждения от набегов и грабежей варварских соседей-туземцев. Такой пункт представлял собою мыс, выступающий в море при устье Золотого Рога и соответствующий более или менее I холму, на котором теперь находятся Старый Сарай (дворец) и св. София.

Теперь этот холм не представляет тех удобств, которые он имел прежде, для отделения и укрепления стеною от прилегающих к нему местностей; но и до сих пор еще сохранились следы того, что между I холмом и II проходила довольно глубокая долина, к которой I холм спускался гораздо круче, чем к II, где был Forum Constantini. Крутой спуск в эту долину, доходившую до спуска к Мраморному морю, доставлял большие удобства для постройки на его гребне стены. Судя по очертанию местности в древнейшем ее виде, насколько можно возстановить его, можно думать, что древнейшие византийские стены с западной стороны проходили приблизительно там, где были потом стены Большого дворца, обращенные к Ипподрому, затем пересекали Большую улицу в ее начале, где был впоследствии Милей, т.-е. первый мильевой столб, и, пройдя по западной стороне двора (atrium) св. Софии, поворачивали направо, к Золотому Рогу, к которому он, вероятно, примыкали южнее теперешнего Га-

латскаго моста т.-е., ближе къ устью ¹⁾). Хотя теперь, послѣ безчисленныхъ построекъ и перестроекъ въ окрестностяхъ древнихъ византійскихъ стѣнъ, оврагъ, отдѣлявшій I холмъ отъ II, не только заваленъ, но на югъ отъ св. Софіи совершенно сравненъ, тѣмъ не менѣе и теперь еще можно наблюдать на западъ отъ св. Софіи, за полотномъ конно-жельзной дороги, для которой была скрыта западная часть двора св. Софіи, очень значительное углубленіе почвы, широкую яму, окруженную засыпанными развалинами. Это углубленіе, вѣроятно, пло чрезъ весь ипподромъ и кончалось въ концѣ его глубокимъ выходомъ къ низменному берегу моря, какъ видно изъ высокой массивной субструкціи, на которой теперь стоитъ музей янычаръ, занимающій мѣсто прежняго полу-кружія ипподрома. Провести точную линію древнѣйшихъ византійскихъ стѣнъ, несмотря на указанія нѣкоторыхъ позднихъ византійскихъ писателей, [едва ли возможно]. Только раскопки, случайныя или нарочитыя, могутъ дать вполне точныя и несомнѣнныя указанія относительно линіи древнихъ, собственно византійскихъ, стѣнъ, а пока приходится ограничиться тѣмъ общимъ положеніемъ, что стѣны древней, до-христіанской, Византіи обнимали только первый холмъ и ограждали его съ суши и съ моря, причѣмъ морскія стѣны были ниже и слабѣе сухопутныхъ, прочность и необыкновенная крѣпость которыхъ вызвала удивленіе пытавшихся ихъ разрушить: стойкость и храбрость обитателей заставляла иногда даже колоссальныя силы Римской имперіи со всѣми ея громадными средствами и военнымъ

---

¹⁾ Древніе писатели, видѣвшіе древнюю Византію, но, конечно, не предвидѣшіе ея славы, говорятъ только о крѣпости и высотѣ стѣнъ, но ничего не говорятъ объ ихъ протяженіи и положеніи. Извѣстія о линіи древнихъ византійскихъ стѣнъ находятся у позднѣйшихъ средневѣковыхъ писателей и точнѣе всего у Анонима-Кодина: начиналась стѣна при Византѣ отъ башни Акрополя и проходила до башни Евгенія, а затѣмъ поднималась къ Стратигію и проходила къ баямъ Ахилла. Находящаяся здѣсь апсида, такъ называемая Урвикіева, была сухопутными воротами византійцевъ. Отсюда стѣна доходила до Милія, гдѣ также были ворота у византійцевъ. Отсюда стѣна шла до витыхъ колоннъ цикаларіевъ (Τζικαλαρίων, горшечниковъ) и спускалась въ Топы (Τόπος), а оттуда, загибая чрезъ Манганы и Аркадіевы бани, достигала Акрополя (V and u i, Imp. Orient., Antiqu. lib. I, 1). Всѣ названныя мѣстности, кромѣ витыхъ колоннъ горшечниковъ, извѣстны и позволяютъ въ общихъ чертахъ представить себѣ направленіе византійскихъ стѣнъ, за исключеніемъ участка отъ Милія до Топовъ, за неизвѣстностью положенія колоннъ горшечниковъ. Въ пользу того, что на западѣ стѣны не доходили дальше Милія, говорятъ и преданіе о томъ, что палатка Константина Великаго, во время стоянки предъ Византією, находилась на томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии былъ forum Константина, въ центрѣ котораго стояла и стоитъ еще колонна Константина, называемая теперь обожженною или обгорѣлою колонною (Codini Origines, 41).

Извѣстіе Зосимы (II, 304) о томъ, что forum Constantini былъ построенъ на мѣстѣ древнихъ воротъ, едва ли заслуживаетъ довѣрія, если принять во вниманіе очертаніе мѣстности.

искусством отчаяваться въ возможности взять ихъ силою и переходить къ продолжительной и утомительной осадѣ, чтобы голодомъ принудить стойкихъ защитниковъ неприступныхъ стѣнъ сдать ихъ добровольно. Крѣпость стѣнъ и храбрость жителей испытать и самъ Константинъ Великій.

Превращая этотъ маленькій, хотя и крѣпкій, городокъ въ столицу всемірной имперіи, Константинъ могъ, конечно, предвидѣть, что Новый Римъ будетъ гораздо обширнѣе греческой Византіи, и окружилъ новыми стѣнами такое пространство, которое, по его мнѣнію, достаточно было для населенія столицы: въ нѣсколько разъ это пространство превосходило старый городъ и, какъ Старый Римъ, заключало въ себѣ 7 холмовъ. Точно опредѣлить границы константиновскаго Новаго Рима мы такъ же не можемъ, какъ и древней Византіи, такъ какъ современные историки не опредѣляютъ точно линіи стѣнъ Константина, и мы знаемъ о направленіи ихъ и точкахъ соприкосновенія съ моремъ по извѣстіямъ того же компилятора, который говоритъ о стѣнахъ древней Византіи. По его свѣдѣніямъ, городъ Константина былъ хотя и значительно меньше позднѣйшаго, тѣмъ не менѣе онъ былъ очень обширенъ, и позднѣйшимъ поколѣніямъ нужно было прибавить гораздо меньше, чѣмъ прибавилъ Константинъ къ старой Византіи. По свидѣтельству Анонима-Кодина, сухопутная стѣна, начинаясь на берегу Мраморнаго моря возлѣ храма пресв. Богородицы Жезла, шла черезъ Троадовскій портикъ до Эксакіонія и, пройдя около нѣкоторыхъ позднѣйшихъ монастырей и кварталъ Вона на сѣверѣ, поворачивала къ Золотому Рогу, котораго достигала около храма св. Антонія и моста того же имени. По Мраморному морю и Золотому Рогу Константинъ продолжилъ византійскія стѣны и довелъ ихъ до новыхъ сухопутныхъ. Примѣнительно къ настоящей топографіи Константинополя, стѣны на берегу Мраморнаго моря начинались тамъ, гдѣ теперь кварталъ Этъ-емезъ, и, направляясь отсюда къ сѣверу, достигали Большой улицы (Средней) въ томъ пунктѣ, гдѣ теперь Исакапу и гдѣ были Золотыя ворота Константиновскихъ стѣнъ, которыя отсюда шли мимо (на востокъ) Чукур-Бостана (цистерна св. Мокія) въ долину рѣчки Лика; поворачивая къ востоку отъ Лика, стѣны проходили нѣсколько сѣвернѣе мечети султана Мехмета, стоящей на мѣстѣ храма св. Апостоловъ, и нѣсколько южнѣе мечети султана Селима спускались къ Золотому Рогу, къ которому подходили и примыкали къ морской стѣнѣ около второго моста черезъ Золотой Рогъ. Само собою разумѣется, что линія стѣны зависѣла много отъ очертанія мѣстности и стратегическихъ соображеній строителя.

За стѣною были расположены лагеря и квартиры гарнизона, когорты котораго дали цифровыя названія позднѣйшимъ кварталамъ, образовавшимся за стѣнами Константинова города. Изъ этихъ названій очень часто упоминаются кварталы: Второй (Δεύτερον), Третій (Τρίτον), Пятый (Πέμπτον), напоминающіе собою роты Измайловскаго полка, давшія имена соответствующимъ кварталамъ Петербурга.

Хотя Константину Великому впоследствии приписывали многія постройки, которыя воздвигнуты были его преемниками, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что Константинъ старался возможно роскошнѣе обстроить и украсить свою новую столицу и употребилъ для этого богатые средства и неограниченное могущество властителя всемірной имперіи. Благодаря власти и богатству Константинъ могъ не только построить множество замѣчательныхъ общественныхъ и частныхъ зданій, но и украсить свой городъ, Новый Римъ, многочисленными художественными произведениями, которыми изобилывалъ древній міръ и которыя римскій владыка могъ брать безпрепятственно для украшенія новой столицы. Масса чиновнаго и промышленнаго люда со всѣхъ концовъ обширной имперіи устремилась на зовъ императора въ новую резиденцію, которая раздѣлена была на регионы и получила организацію и управленіе, подобныя существовавшимъ въ древнемъ Римѣ. Во главѣ городского управленія стояли, какъ и въ старомъ Римѣ, свои praefecti urbi, на обязанности которыхъ было не только смотрѣть за порядкомъ, но и заботиться о благоустройствѣ Новаго Рима и его безопасности отъ внѣшнихъ враговъ.

Несмотря на большое пространство, обнесенное стѣнами, городъ Константина скоро былъ заселенъ; даже за его стѣнами, въ мѣстахъ расположенія гарнизонныхъ когортъ, образовались сплошные кварталы. Черезъ сто лѣтъ слишкомъ эти загородныя поселенія стали настолько важны и многочисленны, что при Θεодосіи II Младшемъ потребовались новыя стѣны, которыя и были воздвигнуты тогдашними префектами Аннеміемъ и Киромъ-Константиномъ. Дальше этихъ стѣнъ городъ не пошелъ и, за исключеніемъ сѣверной, Влахернской, части, остался въ тѣхъ предѣлахъ, которые получилъ при Θεодосіи II. Тѣ стѣны, которыя построены были вышеназванными префектами, съ разными починками и поправками защищали городъ тысячу лѣтъ, и не мало враговъ должны были обратиться вспять предъ этою твердынею. Старыхъ средневѣковыхъ средствъ было недостаточно для взятія и форсирования этихъ крѣпкихъ стѣнъ. Только новое орудіе, порохъ и пушки, могли разбить эту твердыню и проложить путь въ городъ. Но [и] при новомъ орудіи потребны были цѣлыя полчища противъ небольшой горсти защитниковъ, чтобы

взять силою этот оплот восточно-римской империи, потерявшей все, кроме этого оплота. Простоявъ тысячу лѣтъ, до взятія Константинополя турками, Θεодосіевы стѣны, рѣдко поправляемыя, но чаще разрушаемыя, стоятъ и теперь, какъ неопровержимый и наглядный памятникъ былого величія, какъ историческое украшеніе многострадальнаго города (рис. 1 и 2).

Сравнительно недавно мѣстное ученое общество занялось изученіемъ сухопутныхъ стѣнъ и составило обстоятельную карту ихъ съ указаніемъ тѣхъ названій, которыя приурочиваются къ разнымъ частямъ этихъ стѣнъ. Еще раньше изучать эти стѣны во всѣхъ подробностяхъ покойный Паспати, изложившій результаты своихъ изслѣдованій въ особомъ трудѣ, съ которымъ русскую публику познакомилъ покойный Г. С. Дестунисъ ¹⁾.

По этимъ изслѣдованіямъ, основаннымъ на детальномъ изученіи сохранившихся стѣнъ и средневѣковыхъ свидѣтельствъ о нихъ, стѣны, построенныя при Θεодосіи Младшемъ, простирались отъ Мраморнаго моря до Золотого Рога и соединялись съ приморскою стѣною по Золотому Рогу нѣсколько южнѣ Влахернскаго квартала, который при Θεодосіи не былъ включенъ въ предѣлы стѣнъ, а составлялъ загородный кварталъ и вошелъ въ предѣлы города при императорѣ Иракліи. Чтобы огородить стѣною этотъ кварталъ съ знаменитымъ храмомъ въ немъ, Ираклій обвелъ его особою стѣною, которая, по имени этого царя, называется Иракліевою, въ отличіе отъ Θεодосіевой.

Θеодосіевская стѣпа на всемъ своемъ протяженіи, отъ Мраморнаго моря до Золотого Рога, имѣла въ длину около 7 верствъ (6.806 метровъ), а послѣ постройки Иракліевой стѣпы около 5 верствъ (4.950 метровъ). Съ позднѣйшими добавками и усовершенствованіями, какъ можно видѣть до сихъ поръ, Θεодосіевскія укрѣпленія состояли изъ двойного ряда стѣнъ и рва: первая, внутренняя, стѣна гораздо выше второй, наружной, и отдѣляется отъ нея промежуточнымъ пространствомъ около 9 сажень шириною, которое значительно выше уровня земли за стѣною внутри города и за малою стѣною внѣ города. Это такъ называемый периволь (περίβολος). За этимъ периволомъ, параллельно внутренней стѣнѣ, идетъ вторая, малая или внѣшняя, стѣна, отдѣленная отъ рва (τάφρος) пространствомъ около 17 метровъ, которое значительно ниже перивола, по выше почвы за рвомъ. Ровъ, шириною около 10 сажень (19—21 метръ),

---

¹⁾ [Указанія на литературу см. у Oberhammer'a, Paul-Wissowa, Real-Encyclopadie, IV, 968. См. также Al. van Millingen, Byzantine Constantinople, the walls of the city and adjoining historical sites, London, 1899. Статьи Г. С. Дестуниса по „Топографіи средневѣковаго Константинополя“ помѣщены въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1882—3 г.]

тянется параллельно стѣнамъ, отъ Мраморнаго моря до Иракліевой стѣны, и раздѣленъ на нѣсколько частей поперечными перегородками (*διαφράγματα* у Паспати, *διαφράγματα* на археологической картѣ), которыя, начинаясь внизу рва довольно широкимъ основаніемъ, суживаются кверху настолько, что по нимъ можно пройти одному съ трудомъ. Ровъ обложенъ какъ съ внутренней, такъ и внѣшней стороны каменными стѣнками, которыя съ внѣшней стороны доходятъ до прилегающей къ нему почвы, а съ внутренней гораздо выше, какъ и прилегающая къ ней почва, и снабжены были бойницами. Это—*escarpe* (τὸ ἔξω πτερὸν) и *contre-escarpe* (τὸ ἔξω πτερὸν). Какая была глубина рва, теперь не видно, потому что ровъ заваленъ мусоромъ и землею, такъ что мѣстами, гдѣ имѣется по близости вода для поливки, въ немъ разведены сады и огороды; по все-таки онъ вездѣ ниже прилегающей къ нему почвы.

Полагають, что перемычки во рвѣ сдѣланы были для того, чтобы задерживать ими воду, которою наполнялся ровъ и которая безъ этихъ преградъ, благодаря разности уровня рва, стала бы стекать, такъ какъ долина, по которой идетъ ровъ, представляетъ значительные уклоны на протяженіи стѣнъ. Всѣхъ преградъ или перемычекъ во рву теперь насчитываютъ до 18, а прежде, быть можетъ, ихъ было и больше. Кромѣ этой цѣли перемычки служили для водопроводовъ, и по трубамъ, проложеннымъ въ верхнихъ частяхъ перемычекъ, протекала въ городъ вода изъ загородныхъ источниковъ, которая, въ случаѣ надобности, могла служить и для наполненія рвовъ. Такимъ образомъ Θεодосіевскія стѣны или укрѣпленія представляли для непріятеля четыре преграды: большая стѣна, малая стѣна, эскарпъ и ровъ, съ крутыми отвѣсными стѣнками.

Кромѣ тѣхъ препятствій для непріятеля, которыя представляли стѣны и ровъ, большая и малая стѣна укрѣплены были многочисленными башнями, съ которыхъ можно было обстрѣливать междустѣнные и застѣнные пространства. Большая стѣна на разстояніи около 24 сажень снабжена башнями, которыхъ было до 120, а малая имѣла около 70, которыя приходились приблизительно въ срединѣ между башнями большой стѣны, такъ что пространство между башнями не превышало 12 сажень и, въ случаѣ надобности, могло быть въ достаточной степени защищено и обстрѣливаемо съ башенъ большой и малой стѣнъ. Но, находясь возлѣ стѣнъ и примыкая къ нимъ, башни, однако же, не составляли одной постройки со стѣнами, а представляли собой самостоятельныя зданія. Потому паденіе башенъ не влекло за собою разрушенія стѣнъ и наоборотъ: обрушившаяся стѣна не влекла за собою паденія башни, стоящей возлѣ обвалившейся стѣны. Башни служили мѣстомъ

APPROXIMATE ELEVATION AND RESTORATION OF
THE WALLS OF THEODOSIUS THE SECOND

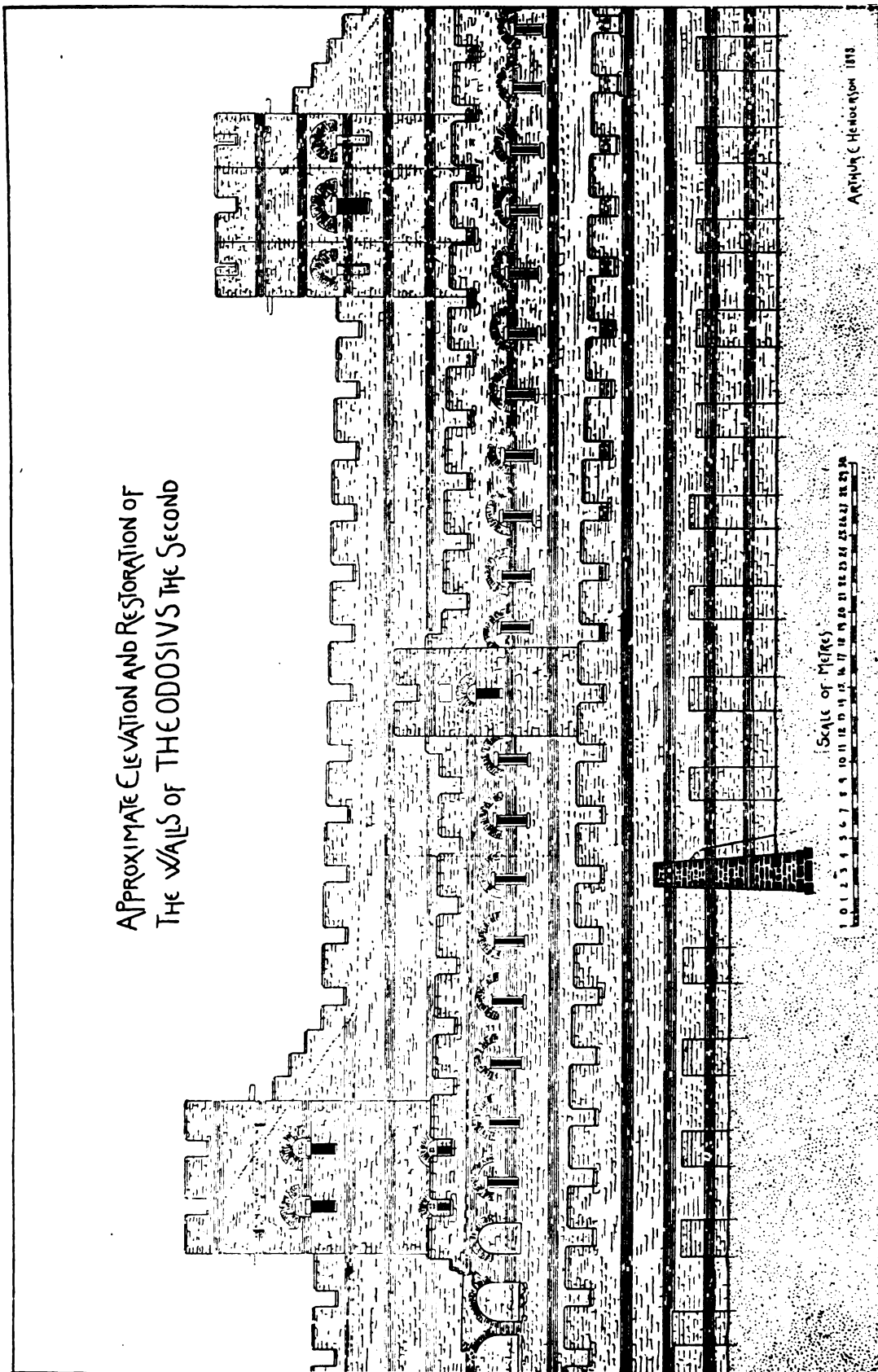

Рис. 1. Стѣны Феодосія II.

APPROXIMATE SECTION AND RESTORATION OF THE WALLS OF THEODOSIUS THE SECOND

SCALE OF METRES

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31

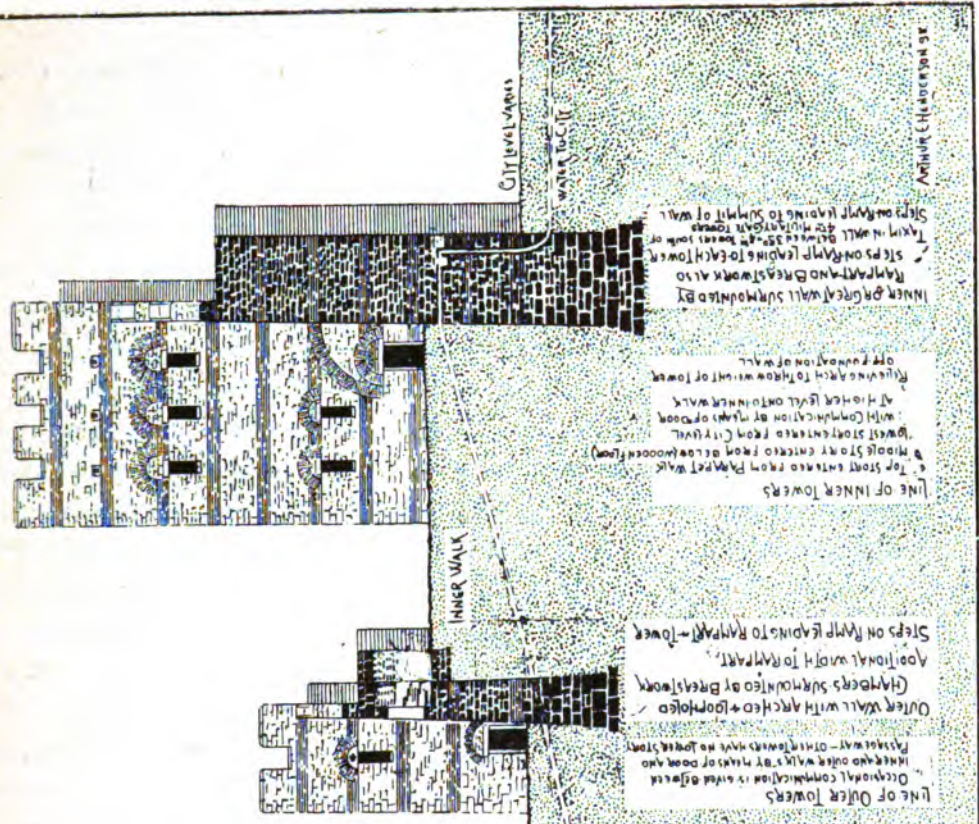
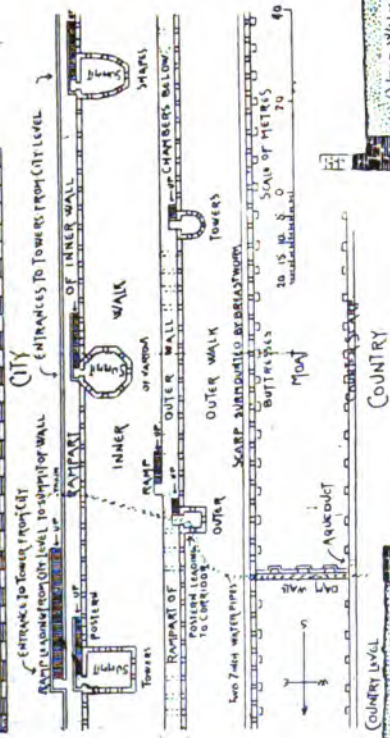

Рис. 2. Стѣны Феодосія II.

пребыванія сторожевыхъ постовъ и защитниковъ стѣнъ во время осады, тѣмъ болѣе, что вершины стѣнъ не представляли удобнаго мѣста для стоянки воиновъ, особенно внутренняя, большая, стѣна, которая сверху хотя и была толщиною въ $2\frac{1}{2}$ метра, но изъ нихъ 1 метръ занимали бойницы, такъ что для людей, стоявшихъ за бойницами, на стѣнѣ оставалось $1\frac{1}{2}$ метра неогороженнаго со стороны города пространства, при высотѣ стѣнъ въ 20—10 метровъ. Хотя въ случаѣ надобности можно было дѣйствовать и съ этой площадки, но нахожденіе на ней и особенно передвиженія сопряжены были съ большою опасностью, такъ какъ съ нея легко можно было упасть въ городъ и разбиться до смерти. Въ этомъ отношеніи гораздо больше удобствъ для защитниковъ стѣнъ представляла внѣшняя, малая, стѣна, которая со стороны перивола, т.-е. между стѣнъ, возвышалась только метра на 3 и снабжена была входными лѣстницами, между тѣмъ какъ на внутреннюю стѣну изъ города лѣстницъ нѣтъ и на нее нужно было, повидимому, входить черезъ башни или по наружнымъ приставнымъ лѣстницамъ. Башни какъ внутренней, такъ и внѣшней стѣны имѣютъ различную форму; однѣ изъ нихъ круглыя, другія четырехугольныя, а есть и восьмиугольныя, какъ видно изъ прилагаемыхъ рисунковъ. Паспати измѣрялъ ихъ окружность и вмѣстимость и полагалъ, что каждая башня большой стѣны при внутренней площади въ 70 кв. метровъ могла вмѣстить до 60 человѣкъ, между тѣмъ какъ несравненно меньшія башни внѣшней стѣны могли вмѣщать только 5—6 человѣкъ. Какъ тѣ, такъ и другія башни снабжены были, какъ и стѣны, бойницами, изъ-за которыхъ и стрѣляли стоявшіе на башняхъ, покрытыхъ сверху сводами, составлявшими полъ башенъ. Толщина башенныхъ стѣнъ была отъ $\frac{1}{2}$ до 2 метровъ, а наружный фасадъ башенъ большой стѣны отъ 10 до 12 метровъ ширины; слѣдовательно, башни представляютъ собою весьма прочныя и устойчивыя зданія, способныя противостоятъ не только непріятельскимъ ударамъ, но и не особенно сильнымъ землетрясеніямъ, благодаря чему большая часть изъ нихъ величаво высятся и до сихъ поръ, хотя и покрыты растительностью.

Послѣ постройки стѣнъ при Θεодосіи II за сѣвернымъ концомъ ихъ, упиравшимся въ приморскія стѣны Золотого Рога, въ скоромъ времени возникъ весьма важный городской кварталъ Влахерны (*Βλαχέρραι*), въ которомъ уже при преемникахъ Θεодосія II, Маркіанѣ и Пульхеріи, строится дворецъ и возникаетъ знаменитый впоследствии храмъ Влахернской Богоматери, куда благочестивая царица помѣщаетъ одну изъ самыхъ драгоценныхъ и высокочтимыхъ святынь Цареграда—ризы Богоматери и гдѣ находился цѣлебный и священный источникъ (*ἀγίασμα*). Въ слѣдую-

щія десятилѣтія кварталъ этотъ все разростался и сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ участковъ Константинополя, такъ что чрезъ 1½ столѣтія послѣ постройки Θεодосіевскихъ стѣнъ императоръ Ираклій счелъ нужнымъ обнести его стѣною и такимъ образомъ оградить этотъ драгоцѣнный кварталъ отъ разграбленія и опустошенія варваровъ, грозившихъ и дѣйствительно подходившихъ къ столицѣ. Такъ возникла стоящая и до сихъ Иракліева стѣна (τὸ Ἰρακλειῶν τεῖχος).

Направо отъ Адрианопольскихъ воротъ, если идти къ нимъ изъ города, гдѣ стѣны Θεодосія идутъ къ востоку, стоятъ развалины загадочнаго дворца, такъ называемаго Текфуръ Сарая, занимающаго одинъ изъ самыхъ возвышенныхъ пунктовъ Константинополя и упирающагося однимъ своимъ концомъ въ малую стѣну Θεодосія, такъ что второй этажъ этого дворца высится надъ этою стѣною и окна дворца открываютъ видъ на поля, лѣса и долины за городомъ. Не доходя нѣсколько шаговъ до этого дворца, большая стѣна вдругъ прерывается и посредствомъ поперечной стѣны соединяется съ малою подъ прямымъ угломъ. Эта поперечная стѣна закрываетъ собою доступъ изъ города въ периволье и, наоборотъ, изъ перивола въ городъ. За Текфуръ Сараемъ далѣе къ Золотому Рогу прерывается вдругъ и малая Θεодосіева стѣна и подъ прямымъ угломъ къ ней стоитъ гораздо болѣе высокая и толстая (3,70 метр.) Иракліева стѣна, которая сначала идетъ на сѣверъ, а чрезъ нѣсколько сажень поворачиваетъ на востокъ къ Зототому Рогу, обхватывая собою Влахерскій кварталъ. Иракліева стѣна, превосходя значительно Θεодосіеву стѣну, даже большую или внутреннюю, своею высотой и толщиной, отличается тѣмъ, что предъ нею нѣтъ ни другой стѣны, за исключеніемъ Львовой, ни рва, почему Иракліева стѣна уже въ средніе вѣка называлась *μονότειχος*, одностѣнокъ. Такъ какъ за стѣною мѣстность неровная и частью рважистая, то рва, быть можетъ, и нельзя было провести; но зато стѣна, кромѣ своей высоты и толщины, охранялась огромными массивными башнями, которыхъ насчитывается до 20 и которыя и теперь стоятъ въ своемъ грозномъ величїи и поражаютъ своєю солидностью и прочностью, которой не могли преодолѣть даже землетрясенія, а враги даже и не пытались одолѣть эту твердыню, охранявшую не только городъ, но и царскій дворецъ съ его сокровищами и святынями. Со стѣнъ и башенъ открывается великолѣпный видъ на холмистую, поросшую лѣсомъ мѣстность, окружающую конецъ Золотого Рога, около котораго былъ и есть загородный кварталъ.

Въ первой четверти IX в. Левъ Арменинъ, отецъ царя Θεофила, передъ частью Иракліевой стѣны, въ томъ ея концѣ, который подходитъ

къ Золотому Рогу, построилъ другую меньшую стѣну длиною около 50 сажень (100 метровъ). Эта стѣна, по имени строителя, называется Львовскою стѣною (*Λεόντιου τεῖχος*).

Такимъ образомъ сухопутныя укрѣпленія Константинополя слагаются изъ Θεодосіевыхъ, Иракліевой и Львовской стѣнъ. Морскія стѣны, въ свою очередь, по мѣрѣ расширения города, удлинялись какъ по Мраморному морю, такъ и по Золотому Рогу, до соединенія съ новою городскою стѣною, но онѣ никогда не были двойными и такими крѣпкими, какъ сухопутныя, потому что византіицы не столько боялись и подвергались нападеніямъ съ моря, сколько съ суши. Второю морскою стѣною имъ служилъ флотъ, долгое время не имѣвшій соперниковъ.

Какъ приморскія, такъ и сухопутныя стѣны отъ времени и землетрясеній подверглись разрушенію и требовали исправленія. Какъ видно изъ надписей на каменныхъ плитахъ, вдѣланныхъ въ стѣнахъ, ихъ особенно много исправляли первый и послѣдній цари-иконоборцы.

Какъ морскія, такъ и сухопутныя стѣны Константинополя, закрывавшія городъ со всѣхъ сторонъ, пробиты были воротами, чрезъ которыя жители имѣли выходъ къ морю и на долину, примыкавшую къ сѣверо-западнымъ сухопутнымъ стѣнамъ. Не считая нужнымъ для нашихъ цѣлей заниматься воротами въ морскихъ стѣнахъ, мы остановимъ вниманіе читателей на нѣкоторыхъ, немногихъ, воротахъ сухопутныхъ стѣнъ Θεодосіевскихъ, которыя представляли собою главные выходы и, замыкая наиболѣе важныя и многолюдныя артеріи города, вели къ главнымъ загороднымъ дорогамъ, тѣмъ болѣе, что съ этими воротами и ведущими къ нимъ центральными улицами намъ придется встрѣтиться при изложеніи тѣхъ церковныхъ церемоній, которыя составляютъ предметъ настоящей книги. Къ тому же и свѣдѣнія наши относительно улицъ средневѣкового Цареграда очень и очень ограничены, такъ что Мордманнъ въ своемъ послѣднемъ планѣ счелъ возможнымъ обозначить только двѣ улицы: такъ называемую Среднюю или Большую улицу и Адрианопольскую, т.-е. ту, которая вела къ Золотымъ воротамъ, и ту, которая вела къ теперешнимъ Адрианопольскимъ, составляющимъ и теперь предметъ спора относительно средневѣкового названія своего. Но и относительно Золотыхъ воротъ, столь прославленныхъ въ средніе вѣка, не все обстоитъ благополучно: и относительно ихъ имѣются нѣкоторыя сомнѣнія и разногласія, которыя затронуты покойнымъ Г. С. Дестунисомъ, но не разрѣшены окончательно, а частью даже увеличены. Кромѣ тѣхъ отступленій и противорѣчій, которыя высказаны были относительно Золотыхъ воротъ Скарлатомъ Византіемъ и Детьеромъ и кото-

рья опровергаетъ Г. С. Дестунисъ, покойный нашъ византологъ допускаетъ существованіе Золотыхъ воротъ на самомъ берегу моря, у пристани, называемой теперь Ташискелеси, кромѣ общеизвѣстныхъ Золотыхъ воротъ въ Θεοδοσίου στήνη.

Поводомъ къ появленію этихъ новыхъ Золотыхъ воротъ послужило сообщеніе о вѣздѣ въ столицу Никифора Фоки, находящееся въ Придворномъ уставѣ Константина Багрянороднаго (I, 90). Провозглашенный царемъ во время похода, Никифоръ Фока 16 августа 963 года дѣлалъ триумфальный вѣздъ въ Цареградъ для коронованія и освященія своего узурпаторства и для этого переѣхалъ изъ загороднаго дворца Іеріи (Ἰέρεια), лежавшаго противъ Константинополя на азіатскомъ берегу, раннимъ утромъ въ царской лодкѣ (дромонѣ), переѣхалъ на европейскій берегъ и высадился у Золотыхъ воротъ (προσέβαλεν ἐν τῇ χρυσῇ πόρτῃ I, p. 438 Bonn.). Встрѣченный здѣсь всѣмъ городомъ со свѣчами и оиміакомъ, Никифоръ вышелъ изъ лодки и верхомъ на конѣ поѣхалъ предъ стѣною (διὰ τοῦ ἔξω παρατειχίου) и, доѣхавъ до мощеной дороги, повернулъ (διὰ τῆς πλαχωτῆς στραφείς) по ней въ монастырь Богородицы Абрамитовъ. Помолившись здѣсь и облачившись въ кастановый скарамангій, Никифоръ снова сѣлъ верхомъ на коня и вѣхалъ въ большія Золотыя ворота (ἦλθεν εἰς τὴν μεγάλην χρυσὴν πόρταν), гдѣ, остановившись на лошади верхомъ, слушалъ привѣтствія и славословія димовъ Ипподрома.

Едва ли можно сомнѣваться, что въ этомъ случаѣ покойный византологъ нашъ ошибался, предположивъ существованіе какихъ-то Золотыхъ воротъ у самой пристани. Упомянутое Золотыхъ воротъ при обозначеніи пристани, въ которой Никифоръ Фока присталъ къ европейскому берегу, нужно было для отличенія этой пристани отъ другихъ пристаней какъ въ городѣ, такъ и внѣ его, по европейскому берегу Мраморнаго моря, такъ какъ цари, переѣзжавшіе изъ Іеріи на европейскій берегъ, далеко не всегда причаливали у пристани, находившейся за стѣною близъ Золотыхъ воротъ. Такъ, напр., Василій Македонянинъ въ такомъ же случаѣ переѣхалъ прямо въ Евдомъ, слѣдовательно, гораздо западнѣе Константинополя и его Золотыхъ воротъ, а Теофилъ, напротивъ, присталъ къ европейскому берегу у св. Маманта, а оттуда переѣхалъ Золотой рогъ около Влахернъ и затѣмъ за стѣною верхомъ проѣхалъ къ Золотымъ воротамъ ¹⁾).

¹⁾ Cerim. I, p. 498 и 504, гдѣ описаны триумфальные вѣзды Василія Македонянина съ сыномъ и Теофила съ кесаремъ.

Та пристань, которая въ обрядѣ въѣзда Никифора Фоки обозначается Золотыми воротами, въ другомъ обрядѣ, въ которомъ описывается выѣздъ царя въ Вознесеніе въ храмъ Богородицы Источника изъ Большого дворца, обозначается врахиоліемъ Золотыхъ воротъ ¹⁾. Какъ здѣсь упоминаніе Золотыхъ воротъ не значить, что на пристани стояли Золотыя ворота, такъ и въ обрядѣ въѣзда Никифора, на основаніи упоминанія Золотыхъ воротъ, нельзя заключать о существованіи ихъ у самой пристани. Упомянутое далѣе опять большихъ Золотыхъ воротъ (μεγάλη Χρυσή πόρτα) указываетъ не на другія какія-нибудь ворота, отличныя отъ первыхъ; а показываетъ только, что царь въѣзжалъ въ большое среднее отверстіе, а не въ меньшее боковое. Это отмѣчается и въ другихъ вышеприведенныхъ обрядахъ, а въ одномъ отмѣчено, что большія ворота были открыты для въѣзда царя, между тѣмъ въ обыкновенное время они были закрыты, и простые смертные ходили и ѣздили чрезъ боковыя малыя ворота ²⁾.

Такъ какъ недалеко отъ Золотыхъ воротъ находились ворота и дорога, ведшія изъ города къ храму Богородицы Источника (τῶν Πηγῶν), и ѣхавшіе къ этому храму по морю высаживались въ пристани у Золотыхъ воротъ, то пристань эта называется иногда пристанью источниковъ (ἀποβάθρα τῶν Πηγῶν) и подъ этимъ названіемъ значится на картѣ археологическаго общества, причѣмъ о Золотыхъ воротахъ у самой пристани нѣтъ и не могло быть рѣчи, потому что Золотыя ворота были одни, несмотря на убѣжденіе покойнаго Г. С. Дестуниса, что «существовали въ Константинополѣ двойкія Золотыя ворота» ³⁾.

Прежде покойнаго нашего византолога предполагалъ въ Константинополѣ двое Золотыхъ воротъ Детье, который почему-то настоящія и до

¹⁾ Cerim. I, p. 108: ἀπέρχεται μέχρι τοῦ βραχιολίου τῆς χρυσῆς πόρτης.

²⁾ Cerim. I, p. 500: δι᾿ ἄλλων ἐν τῇ μέσῃ θριαμβεύοντα ἀπὸ τῆς χρυσῆς πόρτης ἕως τῆς γαλκῆς τοῦ παλατίου, ἀνοίγεισσι τότε τῆς μέσης καὶ μεγάλης χρυσῆς πόρτης. Ср. p. 506. Къ сожалѣнію, изобрѣтатели другихъ Золотыхъ воротъ, кромѣ существующихъ, вовсе не обратили вниманія на это мѣсто или не знали его, а между тѣмъ, здѣсь прибавка при μεγάλη и μέση исключаетъ всякую возможность объяснять μεγάλη иначе, какъ въ смыслѣ двернаго отверстія, а не другого сооруженія. Упуская это изъ виду, Мордтманъ (Esquisse, 13), на основаніи извѣстія Кедрина (II, p. 475), что Βασίλειος διὰ τῶν μεγάλων πυλῶν τῆς χρυσῆς πόρτης ἐθριάμβευεν, думалъ, что большими воротами назывались настоящія Золотыя ворота, а, въ противоположность имъ, тѣ ворота, которыя стоятъ рядомъ съ Золотыми и называются теперь Еди-Куле-Капусси, назывались μικρὰ πύλη (?), хотя самая фраза Кедрина показываетъ, что подъ μεγάλαι πύλαι разумѣется часть Золотыхъ воротъ (πόρτης), которыя большими не называются, между тѣмъ, какъ πύλαι, дверныя отверстія, называются большими, въ отличіе отъ малыхъ, боковыхъ.

³⁾ Очеркъ сухопутныхъ стѣнъ, 15.

сихъ поръ существующія Золотыя ворота считаетъ малыми, а истинными Золотыми воротами тѣ, которыя стояли вблизи Сулу - монастыря ¹⁾. Хотя это категорическое, но ничѣмъ не подкрѣпленное заявленіе Детье покойный Г. С. Дестунисъ считалъ совершенно неосновательнымъ, тѣмъ не менѣе въ новѣйшемъ трудѣ по топографіи Константинополя, принадлежащемъ первостепенному знатоку Константинополя, д-ру Мордтманну, эта мысль съ видоизмѣненіемъ является снова и, какъ у Детье, воспродуцируется на планѣ, приложенномъ къ очерку Константинополя ²⁾. Къ счастью, д-ръ Мордтманнъ приводитъ и основанія, которыя заставили его послѣдовать мнѣнію Детье. По словамъ почтеннаго изслѣдователя Константинополя, въ извѣстной Noticia Золотыя ворота не совпадаютъ съ Золотыми воротами Θεодосіевыхъ стѣнъ, но съ воротами, обозначенными на планѣ Буондельмонте подъ именемъ Porta antiquissima Pulchra. Но, на мой взглядъ, Noticia, которая упоминаетъ только Porta aurea въ 12 регионѣ, не давая ни малѣйшаго указанія на мѣсто нахождения, не даетъ никакихъ основаній допускать существованіе другихъ Золотыхъ воротъ, кромѣ существующихъ со временъ Θεодосія Великаго, а малыя Золотыя ворота явились у Детье, очевидно, по той причинѣ, что у византійскихъ писателей, когда говорится о триумфальномъ вѣздѣ царя, отмѣчается, что онъ вѣхалъ въ большія Золотыя ворота, а не въ малыя; но это вовсе не значитъ, что эти малыя ворота стояли въ другомъ мѣстѣ, а значитъ только, что цари при торжественныхъ вѣздахъ вѣхали чрезъ большія ворота, среднія, а не боковыя, малыя, которыя обыкновенно были открыты для всѣхъ смертныхъ. Д-ръ Мордтманнъ и его предшественникъ Детье упустили изъ виду, что царь и въ церковь входилъ въ среднія, большія (μεγάλη), двери, а не въ боковыя, меньшія, предназначенныя для публики и всегда открытыя. Это обозначается и въ обрядахъ церковныхъ выходовъ, но изъ этого однако же никто не

---

¹⁾ Das erste Militärthor wie alle Militärthore vermauert, hat aber als goldenes Thor zwei marmorne corinthische Säulen, als einzige Unterscheidung, weil es nur das kleine goldene Thor, verschieden von dem wahren goldenen Triumphthore, das in der Nähe von Sulu-Monastir war. Dethier, Der Bosphor und Constantinopel, 2 Aufl. Wien, 1876, 51. Такимъ образомъ, Детье считаетъ Золотыя ворота за военныя первыя, за которыми слѣдовали вторыя, третьи и т. д.; но такъ какъ чрезъ нихъ шли торжественныя процессіи, то ихъ украсили коринтскими мраморными колоннами, чтобы хоть сколько-нибудь отличить отъ простыхъ военныхъ воротъ. Какъ мы увидимъ ниже, такое мнѣніе явилось отъ плохого знакомства съ Золотыми воротами настоящими и теперь стоящими.

²⁾ Разница заключается въ томъ, что Детье считаетъ настоящія Золотыя ворота малыми, а большія ставитъ гораздо восточнѣе, въ старой стѣнѣ Константина; Мордтманнъ считаетъ малыми теперешнія Еди-Куле-Капусси, а придуманныя Детьею называетъ Porta Antiquissima Pulchra.

станетъ заключать, что малыя двери находятся въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, а не рядомъ съ большими, средними или красными (*ῥαία πύλη*).

Упуская изъ вниманія это совмѣстное нахожденіе большихъ и малыхъ Золотыхъ воротъ Детье и Мордтманнъ стали искать ихъ въ другихъ мѣстахъ и нашли на планѣ позднѣйшаго путешественника какія-то «весьма древнія красивыя ворота», но почему эти красивыя ворота нужно считать большими, а не всѣмъ извѣстныя Θεодосіевскія, этого они не объясняютъ и едва ли могутъ объяснить, такъ какъ «древнѣйшихъ

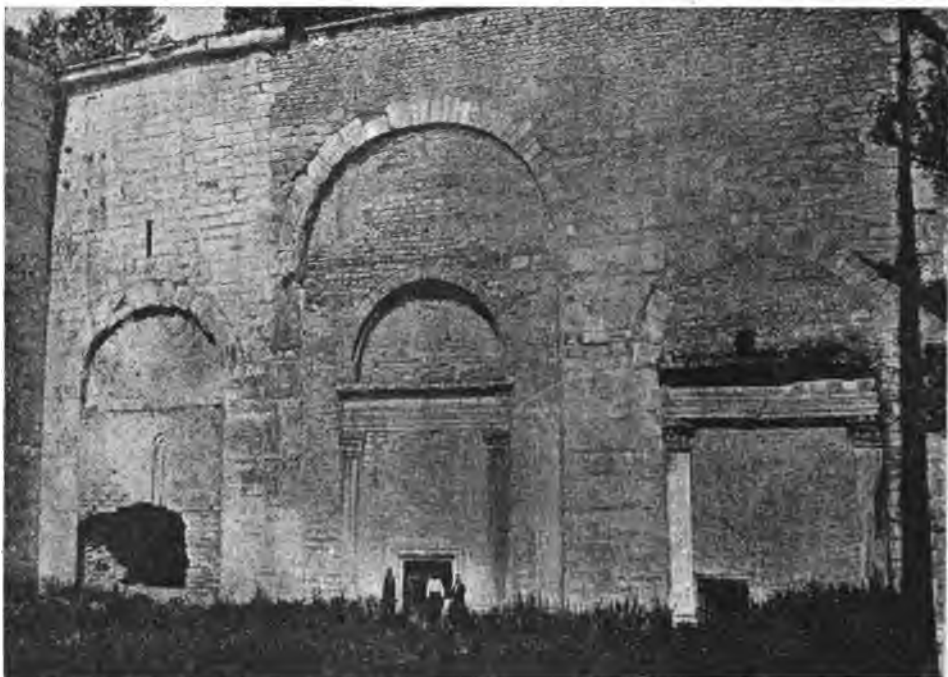

Рис. 3. Золотыя ворота въ Константинополѣ.

воротъ» этихъ никто не описалъ, а, слѣдовательно, никто и не знаетъ, больше ли они Θεодосіевскихъ или меньше, какъ никто не знаетъ, что это были за ворота, составляли они дѣйствительно метопонъ Константиновой городской стѣны или были аркой, замыкавшей какой-нибудь базаръ или площадь, въ родѣ тѣхъ арокъ, которыми замыкался форъ Константина, какъ мы увидимъ ниже. Такая арка должна была быть красивою, но красота не давала права называть эти ворота Золотыми ни Буондельмонте, который не называетъ ихъ такъ, ни повѣйшимъ ученымъ, которые собственное недоразумѣніе стараются прикрыть ссылками на Буондельмонте и, не разрѣшая своихъ выдуманныхъ затрудненій, дѣлаютъ совершенно ненужныя ложныя догадки; не разрѣшая вопроса, они

еще болѣе запутываютъ его, вмѣсто того, чтобы посмотреть хорошенько на существующія Золотыя ворота и убѣдиться, что другихъ пикогда не было и нигдѣ въ Константинополь нѣтъ.

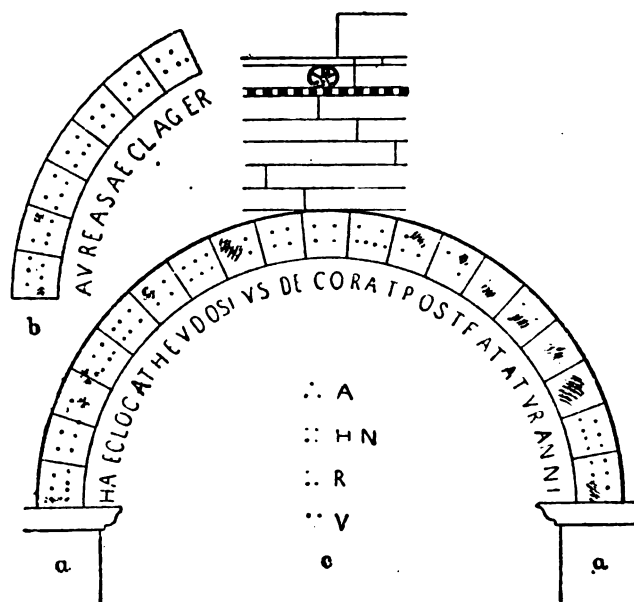

Рис. 4. Золотыя ворота въ Константинополь. Центральная арка.

Эту задачу взялъ на себя Стржиговскій и пришелъ къ столь же важнымъ, сколько несомнѣннымъ результатамъ, которые исключаютъ всякіе поиски и предположенія относительно другихъ Золотыхъ воротъ въ Константинополь¹⁾. Дѣло въ томъ, что Золотыя ворота, какъ видно изъ сохранившейся частию до сихъ поръ надписи, построены были гораздо раньше Θεодосіевскихъ стѣнъ, въ которыхъ они стоятъ теперь. Между тѣмъ какъ стѣны были построены при Θεодосіи II, Золотыя ворота существовали уже при его великомъ дѣдѣ и возведены были въ честь его, для его триумфальнаго въѣзда въ качествѣ триумфальной арки послѣ 388 г. Подобно аркѣ Константина въ Римѣ, арка въ честь Θεодосія, поставленная предъ стѣнами, представляла собою три дверныхъ отверстія и состояла изъ трехъ арокъ, причемъ средняя была гораздо больше, чѣмъ боковыя, какъ это видно и до сихъ поръ, несмотря на всѣ превратности судьбы, испытанная аркою Θεодосія въ Константинополь (рис. 3).

На камняхъ, изъ которыхъ сложена средняя арка, была металлическая надпись, буквы которой прикрѣплены были выходившими изъ нихъ гвоздями. Хотя буквы теперь исчезли, но слѣды буквъ остались на кам-

¹⁾ [Strzygowski, Jahrb. d. k. d. arch. Inst. (VIII) 1893, 1—39].

няхъ въ видѣ дырочекъ для гвоздей буквъ и показываютъ, что надпись, изданная еще въ XVII в., была сдѣлана на той и другой сторонѣ арки, т. е. на западной и восточной, другими словами, на сторонѣ, обращенной къ полю, и на сторонѣ, обращенной къ городу. Эту надпись съ несомнѣнностью констатируется какъ время первой постройки Золотыхъ воротъ, такъ и объясняется причина названія ихъ (рис. 4).

*Haec loca Theodosius decorat post fata tyranni,
Aurea saecula gerit qui portam construit auro,*

гласила надпись, показывающая, по мнѣнію ученыхъ, что арка построена послѣ побѣды надъ Максимомъ и низверженія его въ 388 году предъ въѣздомъ въ Константинополь въ 391 году.

Изъ этихъ стиховъ, говорить Дюканжъ, видно, почему ворота назывались Золотыми: очевидно, потому, что ворота эти были украшены золочеными орнаментами.

Вслѣдствіе этого послѣдующіе императоры, когда хотѣли дѣлать торжественный въѣздъ въ столицу, шли чрезъ эти ворота по такъ называемой Средней улицѣ ко двору.

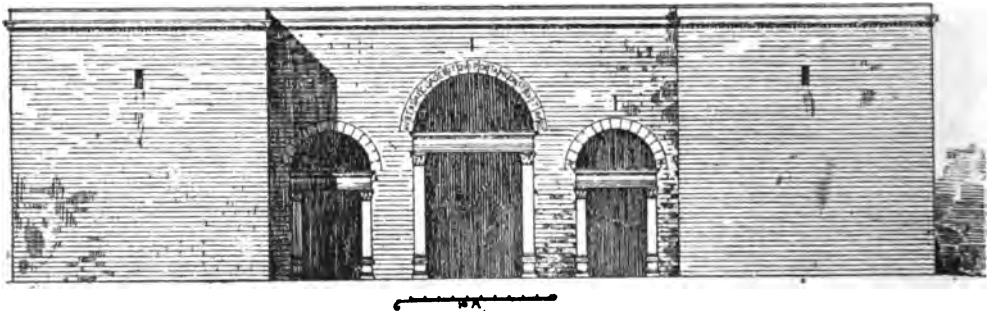

Рис. 5. Золотыя ворота въ Константинополь. Западный фасадъ (реставрація).

Такъ какъ арка Феодосія, назначенная для его триумфальнаго въѣзда, была обращена фасадомъ къ западу, т.-е. на ту сторону, откуда царь и процессія должны слѣдовать, то западная сторона была отдѣлана гораздо роскошнѣе и богаче задней, обращенной къ городу: и до сихъ поръ еще видно, что арки Золотыхъ воротъ опирались на изящныя мраморныя колонны съ коринтскими капителями, хотя онѣ теперь частью исчезли, а частью замурованы въ стѣны вслѣдствіе разныхъ передѣлокъ и сокращеній, которымъ подвергалась эта столь же знаменитая, сколько и несчастная арка, теперь совсѣмъ замурованная, кромѣ небольшой дверки, оставленной для прохода въ пространство между первою и второю стѣною (рис. 5).

Когда при Θεодосіи II, послѣ страшнаго землетрясенія, разрушившаго Константиновскія стѣны, стали строить новыя на новомъ мѣстѣ, чтобы

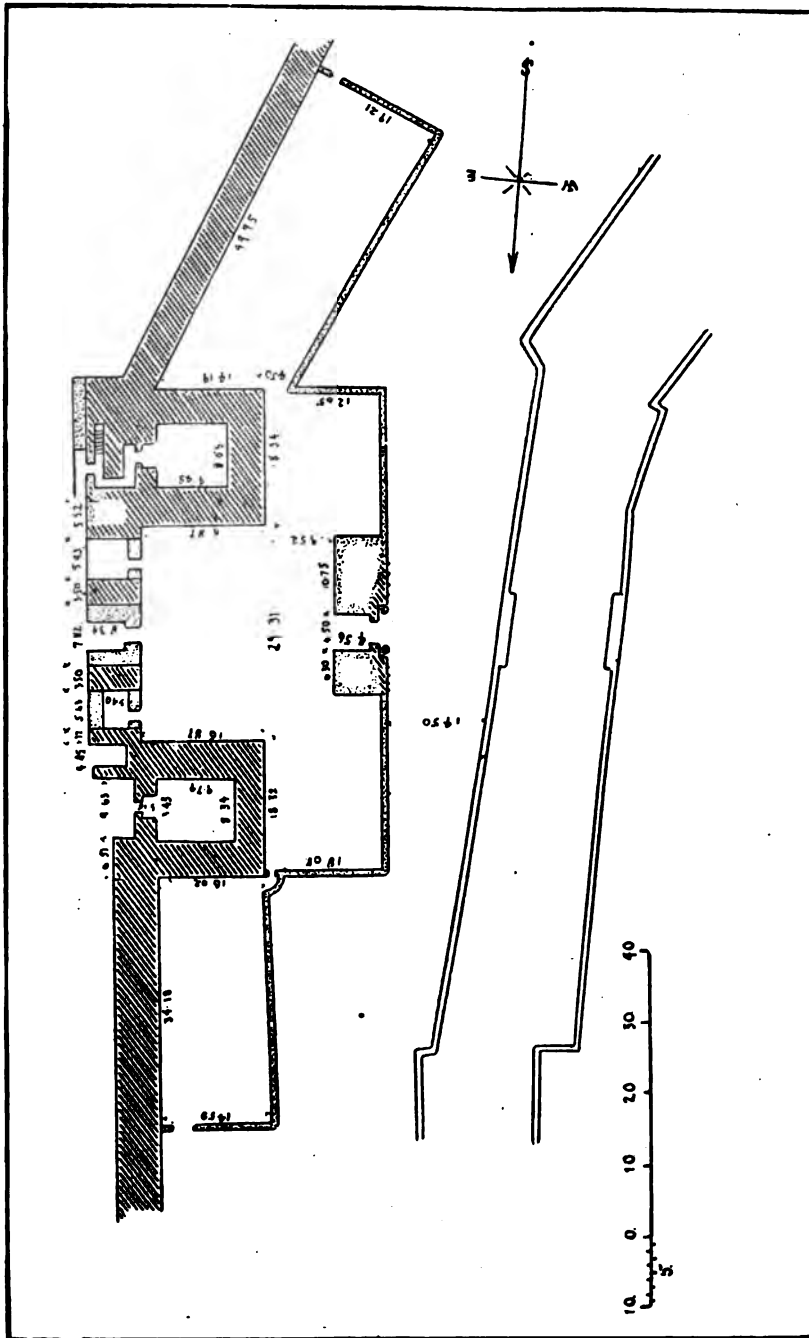

Рис. 6. Золотыя ворота въ Константинополѣ. Планъ по Adolphe Burdet.

захватить въ стѣны и прикрыть выросшіе за стѣнами кварталы, арка Θεодосія I была исходнымъ пунктомъ для постройки новыхъ стѣнъ:

строители западнѣ этой арки не считали нужнымъ отодвигать новую стѣну. Быть можетъ, она и выстроена была въ началѣ фактическаго города, на краю городскихъ, застѣнныхъ построекъ, которыя, вѣроятно, двигались прежде всего по берегу Мраморнаго моря и Золотому рогу. Какъ бы то ни было, но это обстоятельство подтверждаетъ свидѣтельство надписи и доказываетъ существованіе арки Θεодосія, а, слѣдовательно, и Золотыхъ воротъ, ранѣе стѣнъ Θεодосія, благодаря которымъ арка превратилась въ ворота.

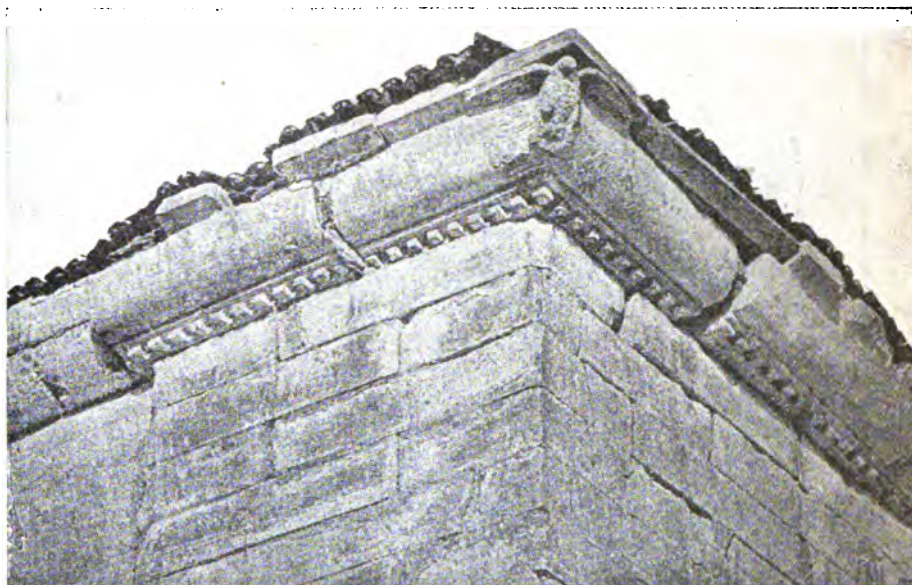

Рис. 7. Золотыя ворота въ Константинополѣ. Часть сѣверной башни.

Получивъ другое значеніе и назначеніе, арка Θεодосія получила разныя пристройки и прибавки, которыя превратили ее въ крѣпкія и недоступныя ворота, а затѣмъ и въ несокрушимую крѣпость (рис. 6).

Прежде всего изъ мраморныхъ, плотно и крѣпко прилаженныхъ четырехугольныхъ плитъ по бокамъ воротъ поставлены были огромныя четырехугольныя башни, которыя и до сихъ поръ поражаютъ своею массивностью и прочностью. Вверху они украшены красивымъ, хотя и простымъ карнизомъ, съ орлами по угламъ. Башни прилегаютъ плотно къ стѣнамъ и, по словамъ царя Іоанна Кантакузина, представляютъ совершенно недоступную и при тогдашнихъ средствахъ разрушенія несокрушимую твердыню; плиты огромнаго размѣра были такъ прилажены одна къ другой и такъ прочно скрѣплены желѣзными скобами, что, казалось, сдѣланы были изъ одного цѣльнаго камня (αὐτόλιθος). Время, однако же, значительно ихъ испортило, и Кантакузинъ, съ восторгомъ

говорившій объ ихъ прочности и испытавшій ихъ несокрушимость, долженъ былъ, когда сдѣлался царемъ, покрасить ихъ и реставрировать, чтобы потомъ обратить ихъ въ крѣпость и недоступную твердыню столицы (ἀκρόπολις).

Такъ какъ Золотыя ворота укрѣплены двумя башнями, совершенно согласно общему плану укрѣпленія воротъ, то нужно думать, что они были построены въ одно время со стѣнами. Въ пользу этого мнѣнія говорятъ и разныя другія соображенія, между прочимъ, и характеръ постройки и орнамента, который соотвѣтствуетъ времени Θεодосія Младшаго и который приводитъ Стржиговскаго къ убѣжденію въ томъ, что башни, которыя онъ называетъ пилонами, современны стѣнамъ (стр. 7 и 8).

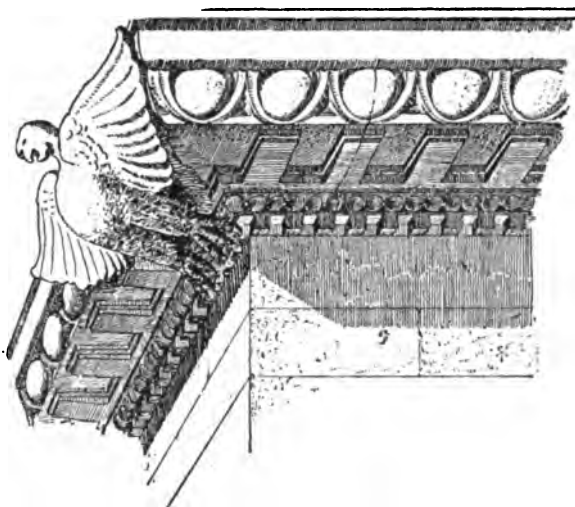

Рис. 8. Золотыя ворота въ Константинополѣ.
Часть сѣверной башни (реставрація).

Такого же мнѣнія и по тѣмъ же соображеніямъ Стржиговскій держится и относительно воротъ въ малой стѣнѣ, соотвѣствующихъ Золотымъ воротамъ. Такъ какъ ворота малой стѣны укрѣплялись вездѣ двумя башнями, то и предъ Золотыми воротами ворота въ малой стѣнѣ укрѣплены ими, причемъ онѣ поставлены такъ, что закрываютъ Золотыя ворота и могутъ быть вдвинуты въ пространство между башнями Золотыхъ воротъ большой, внутренней, стѣны.

Такая постройка башенъ въ лѣвой стѣнѣ указываетъ на преднамѣренность архитектора, строившаго Золотыя ворота во всей ихъ совокупности, т. - е. превращавшаго арку въ крѣпостныя и вмѣстѣ съ тѣмъ триумфальныя ворота.

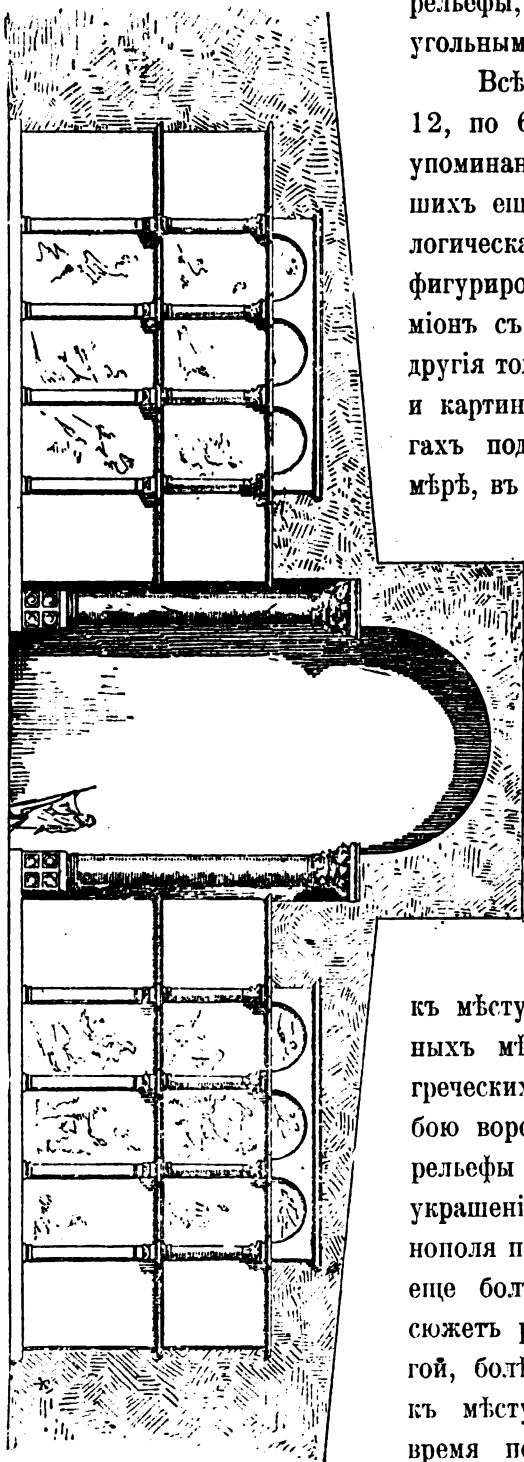
Въ отличіе отъ Золотыхъ воротъ собственно, ворота въ малой стѣнѣ имѣютъ не три дверныхъ отверстія, а только одно, соотвѣтствующее большому, среднему, отверстию Золотыхъ воротъ, между тѣмъ, какъ противъ малыхъ отверстій стоятъ башни малой стѣны. Отверстіе это сдѣлано, по обыкновенію, въ видѣ арки, опирающейся на двѣ коринскія колонны изъ разноцвѣтнаго мрамора, значительно пострадавшія отъ времени.

По богамъ арки, вмѣсто боковыхъ дверей или арокъ, были сдѣ-

ланы, по всей вѣроятности съ самаго начала, интересныя и оригинальныя украшенія: направо и налѣво отъ арки были разнообразныя барельефы, раздѣленные круглыми и четырехугольными колонками (рис. 9—14).

Всѣхъ рельефовъ, повидимому, было 12, по 6 на каждой сторонѣ, и, судя по упоминаніямъ путешественниковъ, видѣвшихъ еще рельефы, всѣ они были мифологическаго, языческаго, содержанія: здѣсь фигурировали Иракль, Проміея, Эндиміонъ съ Селиной, Пигасъ съ нимфами и другія тому подобныя мифическія личности и картины. Въ самомъ верху въ полукругахъ подъ самыми арками, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ рамахъ были летящія амуры, такъ какъ сюжеты нѣкоторыхъ картинъ были не только языческаго, но и эротическаго характера. Хотя исторія искусства въ греко-римскомъ мірѣ позволяетъ относить содержаніе рельефовъ къ эпохѣ постройки Золотыхъ воротъ, тѣмъ не менѣе вѣрнѣе, кажется, будетъ то мнѣніе, по которому эти рельефы, столь разнообразнаго и столь мало подходящаго къ мѣсту содержанія, привезены изъ разныхъ мѣстъ и сняты съ разныхъ зданій греческихъ городовъ, чтобы украсить собою ворота Новаго Рима. Если бы эти рельефы сдѣланы были специально для украшенія Золотыхъ воротъ Константинополя при благочестивомъ Θεодосіи II и еще болѣе благочестивой Пульхеріи, то сюжетъ рельефовъ былъ бы навѣрно другой, болѣе подходящій и ко времени, и къ мѣсту. Въ пользу обычнаго въ то время похищенія предметовъ искусствъ

Рис. 9. Золотыя ворота въ Константинополѣ. Фасадъ пропигей (реставрація Стржнеговскаго).

для украшенія столицы говорить и удивленіе путешественниковъ красотѣ рельефовъ, тонкости и необыкновенному изяществу нѣкоторыхъ фигуръ, — качества, приводившія нѣкоторыхъ англичанъ до попытокъ вынуть ихъ и стащить въ Англію. Въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ этихъ попыткахъ, былъ и знаменитый похититель пареонскихъ мраморовъ, лордъ Арундель. Какъ ни прискорбны такія эгоистическія попытки и привычки англичанъ, но приходится пожалѣть, что ихъ попытки относительно константинопольскихъ мраморовъ — рельефовъ не удались. Тогда, безъ сомнѣнія, любители античнаго искусства могли бы изучать и наслаждаться константинопольскими мраморами, какъ теперь наслаждаются изученіемъ афинскихъ. Къ сожалѣнію, покупка не состоялась, мраморные рельефы остались и мало-помалу были уничтожены ненавистниками всякаго искусства, особенно пластики и живописи, грубыми и невѣжественными турками. Чѣмъ позднѣе извѣстіе, тѣмъ меньше оказывается рельефовъ, и теперь остались только слѣды тѣхъ рамокъ изъ мраморныхъ колоннъ, которыя позволили Стржиговскому составить и возстановить схему расположенія рельефовъ. Слѣды этихъ колоннъ и рамокъ такъ мало замѣтны, что огромное большинство туристовъ проходитъ мимо этихъ воротъ, не замѣчая слѣдовъ древнихъ украшеній и не подозревая, что когда-то здѣсь были памятники высокой художественности, услаждавшіе взоры всѣхъ тѣхъ,

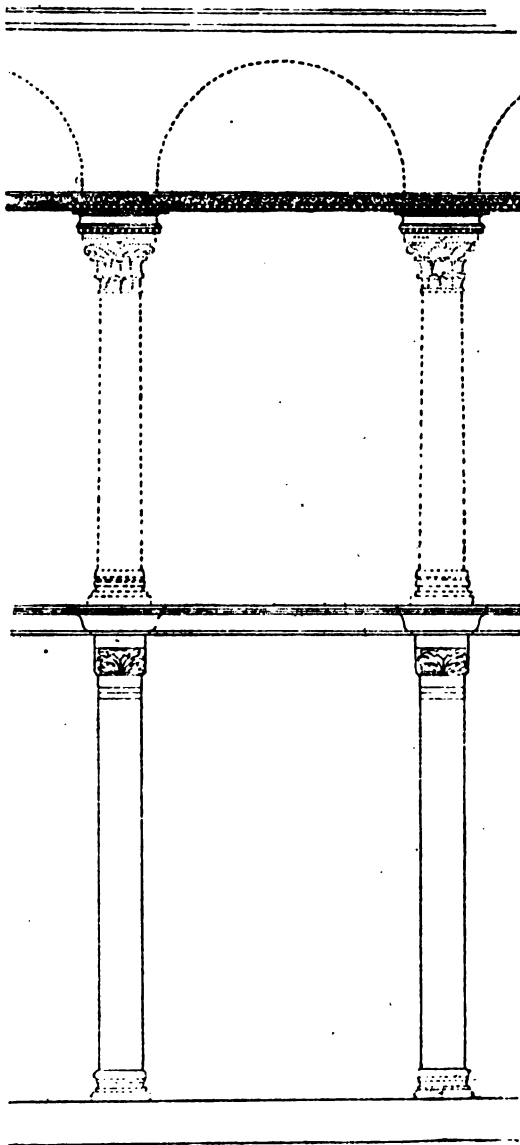

Рис. 10. Золотыя ворота въ Константинополь.
Часть пропилей (реставрація).

которые входили въ Золотыя ворота или проходили мимо нихъ съ внѣшней стороны стѣны.

Несмотря на всѣ превратности судьбы, несмотря на всѣ осады, выдержанныя константинопольскими стѣнами, эти рельефы оставались въ сравнительной цѣлости до паденія Константинополя и исчезаютъ мало-по-малу при господствѣ турокъ, истреблявшихъ всякія изображенія и продолжающихъ уничтожать памятники искусства, несмотря на всѣ свои музеи и картинныя галлерей, которые они теперь заводятъ.

Рис. 11. Золотыя ворота въ Константинополь. Часть пропилей.

Кромѣ этихъ рельефовъ, украшавшихъ ворота въ малой стѣнѣ, самыя Золотыя ворота украшены были нѣсколькими статуями, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимали изображенія обоихъ Θεодосіевъ; изъ нихъ о статуѣ Θεодосія Великаго мы знаемъ изъ извѣстія о паденіи ея во время страшнаго землетрясенія въ 740 году, а о статуѣ Θεодосія Младшаго сообщаютъ анонимъ въ древностяхъ Константинополя и прибавляетъ при этомъ интересныя сообщенія: 1) что статуя Θεодосія Младшаго поставлена была позади слоновъ, взятыхъ изъ храма Арея въ Лоппахъ; 2) что, кромѣ этихъ статуй, стояли еще другія, поставленныя протоаскиритомъ Вигиліемъ, который, кромѣ своей статуи, водрузилъ и портретъ своей жены. Кромѣ всего этого, были, вѣроятно, и другія изображенія,

меньшаго размѣра, стоявшія на выступахъ или въ нишахъ, какъ въ видѣ отдѣльныхъ статуй, такъ и въ видѣ рельефовъ, которыми обыкновенно изобилуютъ какъ арки триумфальныя, такъ и колонны въ честь царей. Словомъ, Золотыя ворота были построены съ подобающею римлянамъ времянъ Θεодосія роскошью и великолѣпиемъ и потому долго служили для парадныхъ, торжественныхъ въѣздовъ. Теперь эти ворота давнымъ-давно замурованы и входятъ въ составъ знаменитой турецкой крѣпости Еди-Куле, т.-е. Семибашеннаго замка, гдѣ сидѣли и гибли не только

Рис. 12. Золотыя ворота въ Константинополь. Часть пропилей.

турецкіе наши, но и европейскіе сановники, а въ томъ числѣ и наши посланники. Башни налѣво отъ входа испещрены надписями на разныхъ европейскихъ языкахъ, сдѣланныя заключенными тамъ узниками за вины свои и своихъ государствъ или правительствъ. Калитка или небольшая дверь въ Золотыхъ воротахъ приводитъ на дворъ Семибашеннаго замка, довольно обширный и просторный, съ развалившеюся маленькою мечетью по срединѣ. На противоположной Золотымъ воротамъ стѣнѣ имѣются ворота, чрезъ которыя теперь входятъ изъ города, съ прилегающей площади, въ страшный нѣкогда Семибашенный замокъ. Выйдя изъ этихъ воротъ и повернувъ налѣво къ городской стѣнѣ, приходишь къ такъ называемымъ Еди-Куле-Капу, т.-е. воротамъ Семибашеннаго замка, открытымъ и замѣняющимъ давно закрытыя и заложен-

ныя Золотыя ворота. Къ воротамъ Семибашеннаго замка, стоящимъ рядомъ съ Золотыми, приводитъ и конная желѣзная дорога.

Въ средніе вѣка на мѣстѣ тенерешней площади Семибашеннаго замка была довольно большая площадь, на которой собирались официальные лица и простые обыватели для встрѣчи въѣзжающаго царя, и партіи ипподрома привѣтствовали здѣсь триумфатора своими славословіями, послѣ которыхъ процессія двигалась далѣе для выслушанія по-

Рис. 13. Золотыя ворота въ Константинополь.
Капитель у новыхъ воротъ въ пропилеяхъ.

выхъ привѣтствій, поздравленій и прославленій, происходившихъ на всемъ протяженіи длинной и роскошной, такъ называемой Средней или Большой, улицы. Указаніе на мѣсто этихъ славословій, которыя до Большаго Дворца и св. Софіи повторялись болѣе 10 разъ, можетъ служить для опредѣленія направленія этой улицы. Такія указанія даетъ, какъ извѣстно, сборникъ церемоніаловъ, составленный по инициативѣ Константина Багрянороднаго. Эти церемоніалы тѣмъ болѣе цѣнны, что они составлялись современными церемоніймейстерами, знавшими городъ и особенно Среднюю улицу, какъ свои пять пальцевъ, а не писавшіе по слухамъ или по книжкамъ, безъ хорошаго знакомства съ городомъ и его памятниками, какъ это случается иногда у византійскихъ хронистовъ

мало или почти вовсе не знавших города. Указаніями церемоніаловъ и мы воспользуемся для опредѣленія Средней улицы и остановимся на тѣхъ ея памятникахъ, которые будутъ встрѣчаться въ нижеизложенныхъ церемоніалахъ и обрядахъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время явилось мнѣніе, что Средняя улица была не одна, а, по крайней мѣрѣ, двѣ, изъ которыхъ одна шла къ Золотымъ воротамъ, а другая къ Адрианопольскимъ.

Поводомъ къ возникновенію такого мнѣнія о наличности двухъ среднихъ улицъ явилось то обстоятельство, что названіе Средней улицы ἡ Μέση (ὁδός) означаетъ не только Среднюю улицу, но и средину улицы, площади, дома, храма и т. п. и употребляется въ обоихъ этихъ смыслахъ въ Обрядахъ Константинопольскаго Багрянороднаго. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ, несомнѣнно, о Большой или Средней улицѣ, не всегда можно и нужно понимать ἡ Μέση въ смыслѣ названія улицы, а

Рис. 14. Золотыя ворота въ Константинополь. Капитель.

слѣдуетъ разумѣть средину этой улицы, въ отличіе отъ стороны ея, тротуара или, точнѣе, быть можетъ, портика, окаймлявшаго улицу. Дѣло въ томъ, что въ Константинополь было много портиковъ по бокамъ улицъ и они по нѣкоторымъ улицамъ тянулись на значительномъ ихъ протяженіи, по нѣкоторымъ, быть можетъ, непрерывно отъ начала до конца ¹⁾.

Мы не можемъ себѣ представить такой улицы, потому что въ нашихъ городахъ, сколько мнѣ извѣстно, такихъ улицъ не бываетъ ²⁾ и, по условіямъ нашего климата, въ нихъ нѣтъ надобности. Въ странахъ южныхъ, гдѣ солнце лѣтомъ немилосердно жжетъ, такія улицы составляютъ не рѣдкость, а въ Болоньѣ, напр., много такихъ улицъ, такъ что можно исходить городъ въ разныхъ направленіяхъ, не подвергаясь дѣйствию лучей солнца или каплямъ дождя.

¹⁾ Свидѣтельства [важнѣйшія] о [такихъ] портикахъ [сопоставлены у Unger'a, Quellen d. byzant. Kunstgesch. 127 сл.].

²⁾ [На полѣ карандашомъ авторомъ прибавлено: „за исключеніемъ гостивыхъ дворовъ и тому подобныхъ построекъ; предъ домами такія галлерей у насъ считаются рѣдкостью“].

Подобныя улицы были и въ Константинополѣ, и такою была въ значительной части, если не вся, такъ называемая Средняя или Большая улица¹⁾. Во всякомъ случаѣ, въ своемъ концѣ отъ фора Константина до Милія эта улица шла между двумя портиками и цари, когда имъ приходилось шествовать изъ св. Софіи къ фору Константина въ дурную погоду, могли проходить это пространство и проходили не по срединѣ улицы, а по портикамъ, между тѣмъ какъ въ другое время они шествовали по срединѣ улицы. Въ виду такой возможности шествовать не по срединѣ, въ церемоніалахъ обозначается, что царь идетъ тамъ или здѣсь по срединѣ улицы или площади, а не по краю или подъ портикомъ. Такой смыслъ иногда имѣетъ терминъ *ἡ μέση* какъ въ церемоніалахъ торжественныхъ шествій по Средней или Большой улицѣ, ведшей отъ Золотыхъ воротъ къ св. Софіи и Большому Дворцу, такъ и въ другихъ церемоніалахъ. Одинъ разъ этотъ терминъ встрѣчается и въ церемоніалѣ шествія въ храмъ св. Апостоловъ, для обозначенія той части пути, которая простиралась отъ храма св. Полиевкта до храма св. Апостоловъ. Сколько мнѣ извѣстно, это мѣсто и было причиною появленія второй Средней улицы, ведущей къ храму св. Апостоловъ и далѣе къ Адрианопольскимъ воротамъ (Эдирнекапу). Но предполагать, что передъ храмомъ св. Апостоловъ вдругъ появлялась опять Средняя улица, съ которой царь уже свернулъ вправо какъ замѣчено въ церемоніалѣ, нѣтъ никакого разумнаго основанія, между тѣмъ, какъ замѣчаніе относительно шествія царя по срединѣ улицы или площади здѣсь вполне умѣстно и понятно.

Устранивъ такимъ образомъ вопросъ о двухъ среднихъ улицахъ, какъ совершенно праздный и явившійся вслѣдствіе недоразумѣнія, мы займемся опредѣленіемъ направленія Средней или Большой улицы примѣнительно къ современному Константинополю. Твердымъ основаніемъ для опредѣленія направленія могутъ и должны служить памятники, упоминаемые въ церемоніалахъ и существующіе или въ цѣлости или въ видѣ остатковъ развалинъ на своихъ исконныхъ мѣстахъ до настоящаго времени. Исходныя точки или начало и конецъ улицы этой, къ счастью, сохранились: это—св. Софія и Золотыя ворота.

Къ сожалѣнію, направленіе улицы можно указать далеко не на всемъ протяженіи ея, потому что изъ упоминаемыхъ въ церемоніалахъ памятниковъ сохранились, хотя бы въ развалинахъ и незначительныхъ остаткахъ, сравнительно очень немногіе. Такъ, упоминаемая послѣ Золотыхъ воротъ непосредственно какая-то Сигма теперь представляетъ

¹⁾ [Unger, Quellen d. byz. Kunstgesch. 128].

загадку, какую Сигму здѣсь нужно разумѣть. Сигмою въ Константинополѣ назывался портикъ, имѣвшій форму полукруга, тогдашней уставной сигмы (С); портиковъ такой формы было довольно много въ разныхъ частяхъ города, такъ какъ эта форма портика принадлежала къ числу любимыхъ тогда архитектурныхъ формъ.

При обзорѣ частей Большого Дворца мы видѣли, что такой портикъ былъ въ той части дворца, которая была построена Теофиломъ и съ которой цари принимали и привѣтствовали собравшихся въ фіалѣ Триконха димотовъ, т.-е. представителей партій Ипподрома¹⁾. Какъ зданія дворца и множество другихъ общественныхъ зданій, интересующій насъ портикъ Сигма исчезъ, и теперь нѣтъ не только слѣдовъ его, но даже неизвѣстно и его мѣсто. Можно сказать только, что онъ находился педалеко отъ Золотыхъ воротъ и былъ послѣ нихъ первымъ пунктомъ, гдѣ, быть можетъ, цари останавливались для выслушанія славословій и откуда цари поворачивали влѣво, т. е. на сѣверо-востокъ, къ Ексакіонію.

Но, къ сожалѣнію, это имя говорить намъ не болѣе того, что мы знаемъ о Сигмѣ, т.-е. относительно Ексакіонія, или Нехакіоніон, ничего достовѣрнаго мы сказать не можемъ. Правда, относительно этого топографическаго термина имѣется нѣсколько позднѣйшихъ извѣстій, которыя какъ будто что-то объясняютъ, но они такъ сбивчивы, такъ неопредѣленны и отчасти носятъ такіе явные слѣды позднѣйшихъ комбинацій и выдумокъ, что вывести изъ нихъ ничего опредѣленнаго и положительнаго нельзя, а повторять ихъ вслѣдъ за Дюканжемъ и его новѣйшими послѣдователями едва ли нужно.

Достаточно сказать, что мы не узнаемъ изъ этихъ извѣстій, что называлось Ексакіоніемъ: какая-нибудь мѣстность, т.-е. кварталъ, часть города, или какая-нибудь постройка и ближайшая къ ней площадь. Потому мы не знаемъ даже и того, какъ нужно писать и произносить названіе этой мѣстности: ἐξαικίονιον или ἐξακίονιον. При такомъ положеніи вопроса и характерѣ извѣстій каждый могъ думать по своему и помѣщать этотъ топографическій терминъ тамъ, гдѣ казалось удобнѣе и согласнѣе съ тѣми извѣстіями, которыя казались наиболѣе вѣроятными и заслуживающими довѣрія.

Не придавая потому особенно важнаго значенія этимъ комбинаціямъ, я считаю нужнымъ указать, что Ексакіоній упоминается въ церемоніалахъ и приходится въ процессіяхъ на пути къ св. Мокію и къ

¹⁾ Byzantina, I, 91 сл.

Золотымъ воротамъ, хотя эти топографическіе пункты отстояли довольно далеко одинъ отъ другого, и Средняя улица, продолженная въ прямомъ направленіи до стѣны, прошла бы между ними. Шедшему по Средней улицѣ отъ св. Софіи, съ востока на западъ, приходилось сворачивать къ св. Мокію направо, къ Золотымъ воротамъ налево. Однако же и въ томъ и другомъ случаѣ, т.-е. шелъ ли кто-нибудь къ св. Мокію или къ Золотымъ воротамъ, онъ проходилъ чрезъ Ексакіоній; изъ чего я позволяю себѣ заключить, что Ексакіоній находился на прямомъ продолженіи Средней улицы и былъ недалеко отъ Ксиролофа и колонны Аркадія, представляя собою промежуточный пунктъ между Золотыми воротами и колонною Аркадія (теперь Авреть-базарь), такой пунктъ, отъ котораго уже шла болѣе или менѣе прямая улица къ колоннѣ Аркадія. Во всякомъ случаѣ отнестъ Ексакіоній западнѣе св. Мокія, къ самой стѣнѣ, какъ дѣлаетъ д-ръ Мордтманнъ совершенно не позволяющія указанія церемоналовъ Придворнаго устава, который, къ тому, же называетъ обыкновенно этотъ топографическій пунктъ не ἑξᾶκίδιον, а ἑξακίδιον, а это названіе (шестистолбіе), образованное подобно другимъ словамъ, сложнымъ съ ἕξ—шесть, указываетъ на присутствіе въ этомъ пунктѣ шести колоннъ, или стоявшихъ отдѣльно, или входившихъ въ составъ какого-нибудь зданія или портика. Нѣкоторыя извѣстія объ Ексакіоніи позволяютъ, повидимому, склоняться въ пользу того, что «шестистолбіемъ» площадь и, быть можетъ, окружающая мѣстность стала называться отъ шести колоннъ со статуями на нихъ, украшавшихъ небольшую площадь ¹⁾).

На твердую почву и на не подлежащій никакому сомнѣнію топографическій пунктъ мы попадаемъ, когда доходимъ до Ксиролофа, упоминаемаго обыкновенно при перечисленіи пройденныхъ въ торжественной процессіи пунктовъ послѣ Ексакіонія. Ксиролофомъ (Ξηρόλοφος) назывался въ средніе вѣка тотъ холмъ, который въ видѣ довольно большого треугольника составляетъ юго-западную оконечность города. Ручей или рѣчка Ликъ (Λύκος) ограничиваетъ его съ сѣвера, какъ бы отрѣзавая его отъ остального города, протекая между Ксиролофомъ и городомъ отъ сухопутной стѣны до Мраморнаго моря, такъ что всѣ вышеназванные топографическіе пункты, составляющіе разныя части Средней улицы, начиная отъ Золотыхъ воротъ, расположены на Ксиролофѣ (Сухомъ холмѣ), находившемся, очевидно, до постройки Θεодосіевскихъ стѣнъ

¹⁾ [На полѣ карандашомъ прибавлено: „можно сказать предположительно, что стояли статуи не Константина Великаго, а Константина, сына Ирины, и др. современниковъ“].

большую часть вѣ городскихъ Константиновскихъ стѣнъ. Только острый уголь этого холма, обращенный на востокъ, къ городу, былъ, повидимому, захваченъ стѣною Константина. Недалеко отъ этой стѣны Аркадій устроилъ forum своего имени съ колонною въ свою честь по образцу колонны въ честь его отца, Θεодосія I, стоявшей на площади Тавра или Θεодосія (Forum Theodosianum). Сынъ Аркадія, Θεодосій II, поставилъ на колонну статую Аркадія, такъ что forum Arcadianum, устроенный Аркадіемъ, нѣкоторое время называли также forum Theodosianum. Съ теченіемъ времени оба эти имени были забыты и замѣнены названіемъ того холма, на которомъ былъ построенъ forum, такъ что у составителей обрядовъ Придворнаго устава и другихъ писателей того времени Ксиролофъ означаетъ и forum Arcadianum и его колонну. Колонну и forum Аркадій устроилъ въ 403 г., а статую его Θεодосій поставилъ въ 421 г., но въ 542 г. статуя уже потеряла правую руку, а въ 740 г. и совсѣмъ свалилась отъ землетрясеній. Пострадала отъ времени и непогоды и самая колонна, но стояла до 1719 г., когда отъ землетрясенія она свалилась и была разбрана и свезена. Устоялъ и остался на мѣстѣ только постаментъ до пачала самой колонны. Вотъ этотъ-то постаментъ, который стоитъ и до сихъ поръ на своемъ мѣстѣ, и служить яснымъ и несомнѣннымъ указателемъ того мѣста, гдѣ была Средняя улица на Ксиролофѣ и какая изъ теперешнихъ улицъ съ большею вѣроятностью можетъ быть принята за Триумфальную.

Дѣло въ томъ, что въ томъ направленіи, въ которомъ шла Средняя улица, идетъ теперь нѣсколько улицъ, а двѣ идутъ параллельно почти на всемъ разстояніи отъ долины Лика до Западныхъ (сухпутныхъ) стѣнъ. Конно-желѣзная дорога, идущая отъ Галатскаго моста мимо св. Софіи чрезъ forum Constantini, вѣроятно, но прежней Средней улицѣ, предъ подъемомъ на Ксиролофъ къ Авретъ-Базару и Авретъ-Таши (forum и columna Arcadii) развѣтвляется: одна вѣтвь идетъ, немного подаваясь вправо къ сѣверу, къ Пушечнымъ воротамъ, а другая, круто поворачивая налѣво, къ берегу Пропонтиды, идетъ близко къ берегу моря и, проходя, между прочимъ, мимо Студійскаго монастыря, приходитъ къ Семибашенному замку и открытымъ съ сѣверной его стороны воротамъ (Еди-куле-капу). Въ пунктѣ развѣтвленія конно-желѣзной дороги начинается третья улица, которая, въ видѣ довольно прямой и широкой улицы, доходитъ до площади, средину которой занимаетъ мечеть Коджа-Мустафа, бывшая греческая церковь.

Отсюда эта улица развѣтвляется на нѣсколько кривыхъ улицъ и переулковъ, изъ которыхъ нѣкоторые ведутъ болѣе или менѣе прямо къ

Золотымъ воротамъ, влѣво отъ прямой до сихъ поръ улицы, а нѣкоторые переулки приводятъ къ улицѣ, ведущей къ Силиври-капу и почти все время идущей почти параллельно съ той, которая начинается у развѣтвленія конно-желѣзныхъ дорогъ.

Когда изъ долины Лика вы подниметесь по этой улицѣ, идя отъ св. Софiи къ Золотымъ воротамъ, или, доѣхавъ до развѣтвленія по конно-желѣзной дорогѣ, пойдете по той улицѣ, по которой конно-желѣзная дорога не идетъ, то, перейдя по этой улицѣ долину Лика и поднявшись къ Авретъ-Базару, вы напрасно будете искать глазами колонну Аркадія, остатки которой здѣсь находятся: ихъ съ улицы не видно; вамъ представляются съ одной стороны дома, а съ другой—рядъ деревянныхъ лавокъ или деревянный длинный сарай, раздѣленный на нѣсколько отдѣленій. Въ этихъ лавкахъ или на ихъ мѣстѣ производилась еще не такъ давно торговля женскимъ живымъ товаромъ, привозимымъ изъ разныхъ странъ и въ томъ числѣ изъ Россіи. Здѣсь богатые турки покупали себѣ и служанокъ и красивыхъ женъ, которыя тутъ держались подъ надлежащимъ присмотромъ и осматривались покупателями, какъ осматривается скотъ. Теперь открыто такой позорной торговли не производится и она принуждена прятаться по темнымъ угламъ въ частныхъ домахъ, гдѣ и до сихъ поръ, говорятъ, можно пайти не мало разнообразнаго живого женскаго товара. Отъ прежняго центра этой торговли осталось только названіе: Авретъ-Базаръ-женскій рынокъ, отъ котораго и украшавшая его колонна Аркадія стала называться Авретъ-Ташъ.

Мы должны были завернуть направо въ переулокъ, чтобы увидѣть этотъ Авретъ-Ташъ. Жалкіе остатки колоссальной колонны едва видны были изъ турецкихъ лачугъ, которыми постаментъ колонны былъ облѣпленъ (рис. 14).

Справа на углу Большой улицы стоятъ какой-то невзрачный домишко, отдѣляющій колонну отъ улицы и скрывающій ее отъ идущихъ по улицѣ. Онъ закрываетъ колонну съ запада, но не примыкаетъ къ колоннѣ плотно: между нимъ и колонной оставался проходъ, чрезъ который и проникъ Стржиговскій для осмотра колонны съ тѣхъ сторонъ, которыя были доступны обозрѣнію.

Съ запада постаментъ былъ во время обозрѣнія ея Стржиговскимъ открытъ на переулокъ и колонна была видна хоть съ одной стороны. Съ тѣхъ поръ хоть и немного прошло годовъ до нашего визита колоннѣ, но любовь турокъ къ искусству съ тѣхъ поръ сдѣлала большіе успѣхи: постаментъ колонны огороженъ и съ западной стороны. Какой-то, очевидно, просвѣщенный и прогрессивный турокъ между угло-

вымъ домомъ, стоящимъ съ южной стороны колонны, на углу улицы и переулка, и слѣдующимъ по переулку домомъ, примыкающимъ къ колоннѣ съ сѣверной стороны, подъ одну линію съ вышними стѣнами домовъ провелъ заборъ, покрылъ его кое-какъ, а снаружи сдѣлать маленькую дверь. Подрывши немного подъ колопной съ этой же стороны, съ которой проходилъ заборъ, мудрый турокъ устроилъ тутъ (что вы думаете?)... складъ для угля. Безполезно стоявшая много вѣковъ колонна пріютила, наконецъ, полезное учрежденіе: турецкую лавченку съ углемъ. Жалкій обломокъ старины сѣдой и величавой отъ этого сосѣдства, понятно, не сдѣлался сохраннѣе, а сталъ грязнѣе и жалче. Какъ же, однако, осмотрѣть остатки униженнаго и оскорбленнаго до послѣдней степени величія?

Колонна и доступъ къ пей загорожены со всѣхъ сторонъ; а нашъ проводникъ, молодой грекъ, обучавшійся въ русскомъ университетѣ, не зналъ, къ кому и какъ обратиться, чтобы про-

никнуть къ колоннѣ. Постояли мы, постояли и, въ отчаяніи, опять пошли на большую улицу, чтобы возвратиться сюда въ другой разъ. Но въ это время вдругъ явился благодѣтельный геній въ видѣ молодого человѣка, въ формѣ воспитанника военной школы, и предложилъ намъ пройти во дворъ дома съ сѣверной стороны отъ колонны и не только осмотрѣть ее снаружи, но и въ срединѣ. Понятно, мы изъявили желаніе, выразили нашему нежданному генію благодарность и обѣщали на чай хозяину дома, на дворѣ котораго находится колонна. Благодѣтель нашъ немедленно устроилъ для насъ проходъ чрезъ турецкій домъ, т. е. испросилъ надлежащее разрѣшеніе на удаленіе жителей и жительницъ изъ комнатъ, такъ какъ намъ приходилось проходить чрезъ жилыя ком-

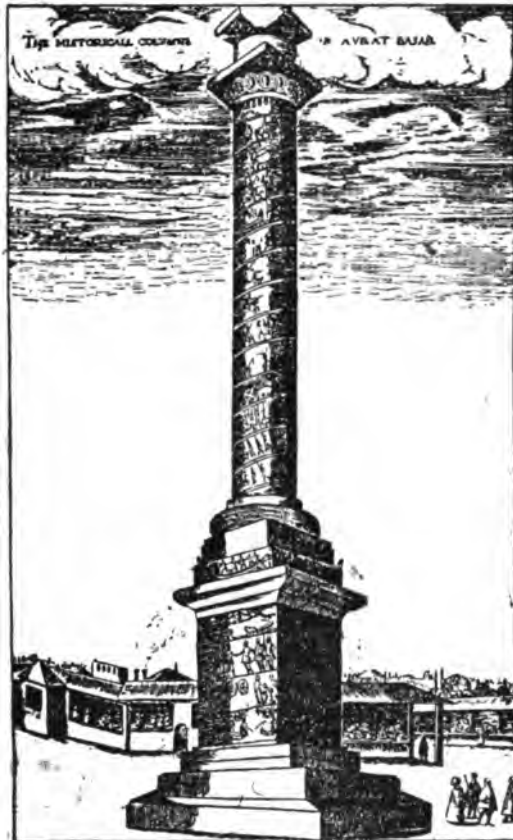

Рис. 14. Аркадіева колонна въ Константинополѣ (по рисунку Sandys'a).

паты довольно бѣднаго турецкаго дома, но довольно чистаго и приличнаго, устланнаго старинными коврами и потертыми низкими диванами. Пройдя домикъ, мы вышли на маленькій дворикъ, на который обращена была сѣверная сторона колонны съ дверью изъ нея. Дверь вела въ колонну на винтовую лѣстницу, устроенную въ колоннѣ.

Войдя въ дверь, посѣтитель оказывается въ небольшой и невысокой комнаткѣ, служащей какъ бы передней для лѣстницы, которая скоро начинается и сохранилась довольно исправно. Потолокъ передней комнаты украшенъ барельефнымъ орнаментомъ съ монограммою Христа по срединѣ съ буквами А и W и двумя звѣздочками (рис. 15).

Рис. 15. Потолокъ комнаты подъ Аркадіевою колонною въ Константинополѣ.

Обогнувши постаментъ колонны по внутренней витой лѣстницѣ, высѣченной въ тѣхъ же мраморныхъ массивныхъ плитахъ, которыя составляютъ стѣны и стержень стиловата колонны, посѣтитель выходитъ наверхъ постамента къ обломку перваго слоя самой колонны. На этомъ обломкѣ еще ясны остатки изображенія какой-то процессіи, въ которой участвуютъ конные, пѣшіе и стоящіе на колесницахъ, везомыхъ 4-мя лошадьми. Къ сожалѣнію, остатки изображеній слишкомъ ничтожны для того, чтобы составить себѣ какое-нибудь определенное понятіе о процессіи, и предположеніе Стржиговскаго о томъ,

что здѣсь изображено перевезеніе какихъ-то царскихъ инсигній, ни на чемъ не основано и мнѣ кажется мало вѣроятнымъ.

Въ дальнѣйшихъ спиральныхъ оборотахъ колонны, которые шли слѣва направо, изображены были подвиги и побѣды императора Аркадія, почему Жиль называетъ колонну *pignis variis scalptus*, что напоминаетъ названіе Никифора патріарха, который въ своей хроникѣ называетъ колонну *κίον γλόφατος*. Эти изображенія сдѣланы были съ такимъ расчетомъ, чтобы снизу казаться одинаковой величины, для чего каменные полосы спирали увеличивались по мѣрѣ ихъ высоты. Чѣмъ выше стояла полоса, тѣмъ она была шире, а скульптурныя изображенія выше. Вся колонна, вмѣстѣ съ стиловатомъ достигала огромной высоты въ 47 метровъ, между тѣмъ какъ сохранившіяся римскія колонны - Марка Аврелія достигаетъ только 41,15 метровъ, а Траянова не доходитъ до 39. Жиль насчиталъ внутри колонны 233 ступени и 56 оконъ. Лѣстница имѣла въ ширину

0,85 метра, причемъ толщина стѣнъ равнялась 0,61 метра, а толщина внутренняго компактнаго столба, вокругъ котораго шла лѣстница, была въ 1,05 метра, такъ что толщина всей колонны у основанія ея составляла почти 4 метра (3,97).

Прочность и солидность постройки этой колоссальной колонны доказаны временемъ: несмотря на частыя землетрясенія и другія (климатическія) разрушительныя вліянія колонна простояла, хотя и значительно поврежденная, до 1719 г. Болѣе 1000 лѣтъ она украшала собою площадь Аркадія и составляла одно изъ чудесъ Константинополя. Турки, попирающіе и разрушающіе все изящное и великое, не только застроили площадь своими лачугами, но и болѣе или менѣе измѣнили улицу, давши ей нѣсколько боковое направленіе: вмѣсто того, чтобы приводить прямо къ колоннѣ, улица ведетъ мимо ея, а колонна оказывается на дворѣ 2-го отъ угла дома. Почти то же случилось и съ Константиновою колонною, занимавшею средину площади Константина. Теперь улица отъ бывшаго Августеона до колонны Константина также идетъ на нѣсколько шаговъ мимо колонны, которая остается вправо отъ прямого продолженія улицы. Колонна Константина стоитъ, правда, еще на площади, но, благодаря тому, что она примыкаетъ къ оградѣ мечети, а не къ частнымъ домамъ. Прилегай она къ частнымъ постройкамъ, быть можетъ, ее постигла бы такая же судьба, какъ колонну Аркадія или Маркіана, оказавшуюся на заднемъ дворѣ какой-то турецкой бани, по крышѣ которой мы пробирались къ колоннѣ, стоящей на заднемъ мусорномъ дворѣ. Дикая орда, поселившаяся въ Царьградѣ, бережетъ только собакъ, которыя, вѣроятно, исчезнуть изъ Константинополя только вмѣстѣ съ турками. По этимъ образцамъ можно судить, какъ турки обращались съ площадями и стоявшими на нихъ памятниками. Такъ же безцеремонно поступали турки и съ улицами, но улицы представляли, благодаря домамъ и владѣльцамъ ихъ, болѣе сопротивленія произволу обладателей города и въ общемъ и главномъ сохранили, по крайней мѣрѣ многія, свое прежнее направленіе. Позволительно думать, что къ нимъ принадлежитъ и та артерія, которая вела и ведетъ отъ св. Софіи къ Золотымъ воротамъ и особенно тотъ ея участокъ, который пачинается съ Авретъ-Базара и доходитъ до колонны Константина, т.-е. на большей долѣ всего пути. Быть можетъ, улица была прямѣе и шире, но, во всякомъ случаѣ, шла приблизительно въ томъ же направленіи.

Громадная разница теперешней грязной и жалкой улицы состояла въ томъ, что средневѣковая Большая улица Константинополя украшена была не только роскошными площадями, портиками и колоссальными

колоннами, но и массою скульптурныхъ произведеній искусства изъ лучшихъ эпохъ. Но средневѣковые суевѣрные люди мало понимали эти произведенія, особенно историческаго характера, и видѣли не исторію прошедшаго, а предсказанія будущаго въ тѣхъ сценахъ и памятникахъ, которые достались имъ отъ прежнихъ, отдаленныхъ и забытыхъ, эпохъ. Точно также и на скульптуры колонны Аркадія они смотрѣли, какъ на предсказанія будущей судьбы Константинополя и всего царства и таинственный смыслъ этихъ произведеній старались втолковать еще болѣе суевѣрнымъ нашимъ посѣтителямъ Константинополя. Много такихъ толкованій слышалъ и передаетъ Антоній Новгородскій, а еще больше наши позднѣйшіе паломники, когда судьба царствующаго града и царства стала дѣйствительно вопросомъ времени и занимала умы всѣхъ, видящихъ униженіе и уменьшеніе силы и значеніе самаго царства.

Ближайшимъ къ площади Аркадія замѣчательнымъ пунктомъ, у котораго цари обыкновенно останавливались для выслушанія славословій партій Ипподрома, была площадь быка (βόες), которая чаще всего называется просто быкомъ (βός), отъ стоявшаго тамъ большого бронзоваго быка, который служилъ печью для сожженія преступниковъ. Преданіе гласитъ, что этотъ быкъ привезенъ былъ изъ Пергама. Такое употребленіе печи-быка, вѣроятно, явилось случайно, и едва ли можно вѣрить тому, что этотъ быкъ былъ специально привезенъ и поставленъ для сожженія въ немъ преступниковъ, потому что, сколько мнѣ извѣстно, ни у римлянъ, ни у грековъ, взявшихъ римскіе законы, казни сожженія не существовало, а если она и примѣнялась въ Византіи и Константинополѣ, то, по всей вѣроятности, только въ незначительныхъ случаяхъ, въ родѣ указанныхъ византійскими писателями.

Площадь быка (forum bovis, βόες ἀγορά) находилась въ XI регионѣ, какъ свидѣтельствуется древняя опись Константинополя, по приблизительно опредѣленію новѣйшихъ ученыхъ въ долину Лика, около того мѣста, гдѣ одна улица раздѣляется на три, въ мѣстности, извѣстной теперь подъ именемъ Аксерая.

За площадью быка мѣстомъ, гдѣ происходила смѣна партій Ипподрома, былъ кварталъ или площадь Амастрійская (τὰ Ἀμαστριανά). Названіе этой площади по городу Амастридѣ, лежавшему на сѣверномъ берегу Черпаго моря, приблизительно противъ Одессы, подало поводъ къ разнымъ измышленіямъ, которыя основаны на дурной славѣ пафлагонцевъ; но эти выдумки до того нелѣпы, что ихъ и повторять не стоитъ. Почему площадь не могла быть названа по весьма близкому къ Константинополю торговому и не разъ прославленному городу, я не совѣмъ

понимаю. Въ этой мѣстности по какимъ-нибудь обстоятельствамъ могли преимущественно останавливаться амастридцы, могли торговать на этой площади и т. п. Такіе случаи бывають и теперь, а еще чаще были тогда, когда земляки охотно селились и торговали въ городѣ въ какомъ-нибудь опредѣленномъ, излюбленномъ почему-либо, кварталѣ.

Относительно положенія этой площади мы знаемъ только то, что она находилась между «Быкомъ» и Капитоліемъ или Филадельфіемъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже; но поднимать эту площадь на сѣверъ изъ теперешней прямой улицы и отъ этой площади вести улицу опять внизъ, какъ дѣлаетъ Мордтманнъ, я совершенно не вижу оснований и полагаю, что Амастрийская площадь была на той же прямой улицѣ, которая теперь ведетъ отъ Фора Константина до вышеуказаннаго развѣтвленія на три улицы, какъ это и показано на планѣ Stolpe. Такое отступленіе отъ прямого пути мало понятно и трудно допустить, что оно дѣйствительно было.

Не болѣе, къ сожалѣнію, извѣстно и о положеніи такого громкаго по названію топографическаго пункта, какъ Капитолій. Изъ древняго описанія города (*Descriptio* [=Unger, Quellen d. byz. Kunstgesch. 101—103]) видно только, что онъ находился въ VIII regionѣ; а изъ обряда вѣзда Василія видно, что Капитолій былъ между Амастрийскою площадью и Филадельфіемъ. Древнее описаніе вѣзда Юстиніана показываетъ, что Капитолій находился на Средней улицѣ и представлялъ собою, повидимому, послѣдній пунктъ по Адрианопольской улицѣ по направленію къ Средней: доѣхавъ до Капитолія отъ храма св. Апостоловъ, который стоялъ на дорогѣ отъ Средней улицы къ Адрианопольскимъ воротамъ, Юстиніанъ былъ уже на Средней. Но что называлось Капитоліемъ, доподлинно неизвѣстно: предположеніе Дюканжа, которому слѣдуетъ Бандури, что Капитолій тождественъ съ Василикою, едва ли вѣроятно и ни на чемъ не основано. Едва ли Капитоліемъ называлось зданіе, а скорѣе мѣстность или площадь, чѣмъ-либо напоминавшая римскій Капитолій. Во всякомъ случаѣ, то положеніе, которое отводитъ Капитолію Мордтманнъ на своемъ планѣ, едва ли можетъ быть признано правильнымъ, такъ какъ оно противорѣчитъ показаніямъ какъ *Descriptio*, такъ и Обрядника, а это такіе свидѣтели, которыми пренебрегать нельзя.

Къ сожалѣнію, Капитолій упоминается въ обрядахъ довольно рѣдко, а большею частью пропускается, и послѣ Амастрийской площади слѣдуетъ прямо Филадельфій, какъ пунктъ, до котораго та или другая партія Ипподрома провозжала славословіями царя или отъ котораго она начинала ихъ, чтобы дойти до другого пункта. Филадельфіемъ, по сло-

вамъ средневѣковыхъ топографовъ, называлось мѣсто или площадь, на которой была статуя обнимающихся братьевъ, изображавшихъ, будто бы, Константа и Констанція, въ память ихъ встрѣчи послѣ смерти Константина Великаго. Другіе прибавляютъ, что здѣсь именно произошла встрѣча двухъ братьевъ, прибывшихъ одинъ съ запада, другой съ востока.

За Филадельфіемъ слѣдуетъ одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ пунктовъ Константинополя, расположенныхъ на Средней улицѣ, такъ называемый *forum Theodosii* или площадь Тавра, въ центрѣ которой находилась знаменитая колонна Феодосія Великаго, поставленная имъ самимъ въ память своихъ побѣдъ надъ готами и скивами.

Колонна Феодосія была сдѣлана наподобіе сохранившихся доселѣ римскихъ и послужила прототипомъ для колонны Аркадія, вкратцѣ выше описанной, т.-е. она состояла изъ барельефовъ, поднимавшихся спиралью, и внутри имѣла лѣстницу. Поставленная въ 386 г., чрезъ 8 лѣтъ (394) колонна была украшена статуею императора и, несмотря на разныя невзгоды, стояла болѣе 1000 лѣтъ, пока одинъ изъ султановъ не снесъ ее для постройки бань и мечети въ 1500 г. Благодаря такому продолжительному существованію, колонна Феодосія была осмотрѣна и срисована нѣкоторыми путешественниками, посѣтившими Константинополь до 1500 г. и оставившими намъ ея изображеніе.

По древнему описанію Константинополя по регіонамъ *forum Theodosii*, который уже при Феодосіи II назывался и площадью Тавра, находился частью въ VII, частью въ VIII регионѣ, что соотвѣтствуетъ южной части, обращенной къ улицѣ съ конно-желѣзной дорогой, теперешней площади сераскирата.

Мѣстоположеніе площади, а, слѣдовательно, и колонны не подлежитъ сомнѣнію и, въ свою очередь, указываетъ на прохожденіе здѣсь средневѣковой Большой улицы, на протяженіи которой *forum Theodosii* отдѣлялся отъ *forum Constantini* лишь хлѣбнымъ базаромъ, Артополіями, и соединялся съ послѣднимъ портиками. Такъ какъ названіе площади Феодосія именовъ Тавра встрѣчается уже въ древнемъ описаніи, то едва ли можно искать объясненіе названія въ томъ обстоятельствѣ, что Константинъ Копронимъ обратилъ площадь Феодосія въ рынокъ для крупнаго скота. Достовернѣе, кажется, объясненіе Дюканжа, который производитъ это названіе отъ сановниковъ Тавровъ, изъ которыхъ одинъ жилъ и былъ префектомъ преторіи при Константинѣ Великомъ (другой при Феодосіи II), и владѣлъ, вѣроятно, мѣстомъ и домомъ въ томъ кварталѣ, который потомъ занялъ былъ площадью Феодосія I.

Въ виду того, что, несмотря на постройку здѣсь *forum* съ колон-

ною въ память побѣдъ такого знаменитаго императора, какъ Θεодосій I, мѣстность и площадь съ колонною назывались какъ въ послѣдствіи, такъ и при Θεодосіи II (въ Descriptio), по имени Тавра, а не Θεодосія, позволительно думать, что за этою мѣстностью еще до постройки forum'a Θεодосіемъ I уже утвердилось названіе по имени Тавра до такой степени, что даже измѣненіе роли квартала не измѣнило его названія; какъ масса другихъ кварталовъ, такъ и этотъ продолжали называться по имени сановника Тавромъ, подобно тому, какъ площадь Аркадія съ колонною же продолжала называться по имени холма, на которомъ forumъ былъ построенъ. Имя Θεодосія едва ли было бы вытѣснено, если бы оно было господствующимъ раньше, чѣмъ поселился здѣсь Тавръ времени Θεодосія II.

Гораздо важнѣе недоумѣніе относительно содержанія барельефовъ, украшавшихъ колонну Θεодосія. Изданные Menestrier'омъ и переизданные у Бандури въ качествѣ рельефовъ колонны Θεодосія они въ настоящее время вызываютъ сомнѣнія и колебанія: одни принимаютъ эти интересные рисунки за копии съ барельефовъ колонны Тавра, другіе склонны скорѣе видѣть въ нихъ рисунки барельефовъ колонны Аркадія или Ксиролофа. Судя по рисунку всей колонны, данной Дюканжемъ, дѣйствительно можно сомнѣваться въ принадлежности этихъ таблицъ къ снимкамъ съ колонны Θεодосія I, хотя таблицы, несомнѣнно, принадлежатъ тому времени и представляютъ для насъ огромный интересъ, такъ какъ на нихъ, кромѣ разныхъ сценъ изъ жизни покореннаго племени, изображается триумфальный въѣздъ въ Константинополь римскаго императора пачала Византійской исторіи и города Константинополя, какъ столицы Римской имперіи.

За forum'омъ Theodosii или такъ называемымъ Тавромъ на востокъ, по направленію къ св. Софіи и Дворцамъ Большимъ, слѣдовалъ Хлѣбный базаръ или рынокъ (Артополій, 'Αρτοπόλιον). Хотя въ такомъ большомъ городѣ, какъ Константинополь, было, конечно, нѣсколько хлѣбныхъ базаровъ въ разныхъ частяхъ, но такъ называемый Артополій пользовался, очевидно, особенною извѣстностью, и его нарицательное имя сдѣлалось собственнымъ: безъ другихъ прибавленій и обозначеній онъ называется обыкновенно однимъ нарицательнымъ. Говорятъ, что на этомъ рынкѣ Константинъ Великій водрузилъ на мраморной колоннѣ одинъ изъ трехъ крестовъ, которые онъ приказалъ сдѣлать наподобіе видѣннаго имъ на небѣ креста. Въ числѣ прочихъ архитектурныхъ особенностей и украшеній на Артополіи была арка или апсида, у которой обыкновенно смѣнялись партіи Ипподрома, провожавшія и прославляв-

шія царя во время торжественныхъ процессій. Та партія, которая начинала славословія здѣсь, провожала царя до слѣдующей станціи, до *forum Constantini*, — одной изъ самыхъ важныхъ и знаменитыхъ площадей Константинополя. Римскіе императоры въ разныхъ городахъ имперіи имѣли прекрасный обычай строить въ свою честь и память базары съ площадями, такъ называемые *foга*. Константинъ Великій, построивъ такой *forum* въ Новомъ Римѣ, своей новой столицѣ, украсилъ его со всевозможнымъ великолѣпіемъ и роскошью, а въ срединѣ его водрузилъ знаменитую порфировую колонну, которая стоитъ на своемъ мѣстѣ и до сихъ поръ и представляетъ собою одинъ изъ несомнѣнныхъ памятниковъ времени самого Константина. Такимъ образомъ, своимъ присутствіемъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ знаменитая колонна точно и ясно указываетъ и мѣсто не менѣе знаменитой нѣкогда площади и многихъ окружавшихъ ее замѣчательныхъ зданій и сооружений.

По единогласному преданію, *forum* Константина, называвшійся у византійцевъ обыкновенно просто *форомъ* (*φόρος*), былъ круглый и построенъ былъ такимъ будто бы въ подражаніе и на мѣстѣ палатки, въ которой Константинъ жилъ во время осады. Но такъ какъ тѣ же преданія прибавляютъ, что *форъ* Константина находился у самыхъ воротъ древней Византіи, то является сомнительнымъ, чтобы эта палатка была у самыхъ воротъ непріятельскихъ. Палатка императора (*cohors praetoria*) не могла быть на краю военнаго лагеря, стоявшаго предъ Византіею, а имѣла свое определенное мѣсто въ римскомъ военномъ лагерѣ, и не было никакихъ основаній отступать отъ этого твердо установившагося обычая, созданнаго военною римскою практикою. Допустить, что *форъ* былъ построенъ на мѣстѣ военной палатки Константина можно только въ такомъ случаѣ, если стѣны Византіи были довольно далеко отъ *фора*, примѣрно около того оврага или долины, которая проходила мимо св. Софіи и около которой, по нашему мнѣнію, проходила стѣна древней Византіи. Какъ бы то ни было, *форъ* Константина былъ круглый и состоялъ изъ двухъ половинъ, полукруговъ, раздѣленныхъ двумя огромными арками, стоявшими одна противъ другой и ведшими одна на Артополій, а другая — къ св. Софіи и старому, до-константиновскому, городу. Полукруги, ограничивавшіе *форъ*, состояли изъ великолѣпныхъ мраморныхъ двухэтажныхъ портиковъ, въ изобиліи снабженныхъ и украшенныхъ массою скульптурныхъ произведеній лучшихъ древнихъ мастеровъ. Арки, открывавшія выходы на улицу, были также украшены статуями, и въ томъ числѣ статуями самого Константина и Елены, державшими кресты. Такъ была украшена арка, выходившая съ *фора* на во-

стокъ къ св. Софіи и Большому Дворцу. Очень можетъ быть, что статуи Константина и Елены съ крестомъ поставлены были послѣ Константина, но наши извѣстія знаютъ восточную арку фора уже съ этими статуями.

Средину круга, ограниченнаго двуэтажными портиками, занимала вышеупомянутая знаменитая порфировая колонна, стоящая и теперъ на своемъ мѣстѣ, хотя и въ обезображенномъ, искалѣченномъ видѣ. Многое могла бы рассказать эта колонна, видѣвшая всю исторію христіанскаго Константинополя. Многое испытала она сама и отразила на себѣ исторію города, такъ же обезображеннаго, искалѣченнаго, какъ и «обожженная» Константинова колонна. Теперъ она стоитъ прямымъ угоромъ христіанскому міру, своимъ видомъ калѣки напоминая ему, до какого униженія дошелъ этотъ христіанскій міръ, допускающій поруганіе памятника, столь будто бы дорогого для христіанъ и цивилизацій. А было время, когда этотъ колоссъ былъ дѣйствительно дорогъ для жителей христіанской столицы и много надеждъ и ожиданій соединялось съ нимъ въ сердцахъ жителей православной столицы: они издавна привыкли видѣть въ колоннѣ Константина охрану, палладіумъ столицы.

Говорятъ, что уже самъ Константинъ желалъ сдѣлать изъ своей колонны такой предметъ, который служилъ бы охраною, обладалъ бы талисманомъ города. Для этого онъ взялъ палладіумъ Рима (по однимъ извѣстіямъ въ Римѣ, по другимъ даже въ Троѣ) и тѣ корзины, въ которыхъ раздавались чудесные хлѣбы, послужившія для насыщенія цѣлыхъ тысячъ слушателей Спасителя міра, и положилъ ихъ подъ основаніе своей колонны. Самую колонну онъ привезъ изъ Фригіи и составилъ ее изъ отдѣльныхъ кусковъ, связавши и вмѣстѣ прикрывши ихъ соединеніе бронзовыми вѣнками. Все это было увѣнчано надлежащею капителью и затѣмъ украшено статуею Аполлона, увѣнчаннаго лучезарнымъ вѣнцомъ.

Впослѣдствіи, когда Константинъ сдѣлался первымъ христіанскимъ императоромъ и предъ самою смертію крестился, всему, связанному съ именемъ Константина, былъ приданъ христіанскій характеръ и христіанское религіозное толкованіе и значеніе. Такъ какъ Константинъ Великій съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе получалъ значеніе и почитаніе, какъ первый христіанскій царь, какъ основатель христіанской столицы и покровитель христіанства, какъ государственной религіи, то его форъ и его колонна получили не только государственно-историческое, но и большое религіозное значеніе. Занимая такое мѣсто въ городѣ, откуда можно по болѣе или менѣе прямымъ и широкимъ улицамъ идти въ разныя стороны и кварталы города, форъ Константина былъ весьма и весьма часто мѣстомъ, гдѣ проходили и останавливались для

совершенія молебствій религіозныя и политическія процессіи. Не говоря уже о такихъ процессіяхъ, которыя шли по Большоѣ улицѣ отъ Золотыхъ воротъ или сосѣднихъ кварталовъ къ св. Софіи и обратно, чрезъ площадь Константина проходило каждый годъ много крестныхъ ходовъ въ боковые кварталы, такъ что въ недавно открытыхъ церковныхъ уставахъ мы постоянно встрѣчаемся съ литіями, идущими чрезъ форъ Константина. Такъ какъ св. Софія, откуда или куда направлялись обыкновенно крестные ходы (литіи), стоитъ почти па краю одного изъ угловъ треугольника, составляющаго собственно Константинополь, то почти весь городъ приходится на западъ отъ св. Софіи и почти во всѣ пункты города нужно было идти отъ св. Софіи чрезъ форъ Константина. Поэтому крестные ходы чрезъ него и молебны на немъ въ церковныхъ уставахъ считаются десятками. Если память святого, освященіе храма или какой-нибудь праздникъ сопровождался крестнымъ ходомъ изъ св. Софіи къ мѣсту празднованія, то почти всегда упоминается форъ Константина и на немъ непременно совершается молебствіе (δοξάζουσι ἐκεῖ). Такое значеніе фора Константина, быть можетъ, привело къ тому, что къ стиловату колонны Константина была пристроена маленькая часовня или молеельня (εὐχτήριον¹⁾), въ которомъ такія молебствія на форѣ Константина и совершались, если не всегда, то, по крайней мѣрѣ, часто, какъ показываютъ придворные уставы, въ которыхъ, какъ мы увидимъ, описывалось нѣсколько такихъ молебствій, совершавшихся въ часовнѣ въ честь св. Константина около колонны Константина на форѣ его имени. По церковнымъ уставамъ, такія молебствія можно считать десятками, съ участіемъ патріарха и безъ него. Колонна Константина получила такимъ образомъ большое церковное значеніе, а сдѣлавшись священнымъ предметомъ, она мало-по-малу получила церковную окраску и въ своей исторіи: ей стали приписывать христіанскій, церковный характеръ въ самомъ основаніи и старались связать съ разными христіанскими святынями, о которыхъ не было помину при основаніи колонны. Аполлонъ или Илій (Ἰλιος), котораго изображала статуя, превратился или въ основателя христіанства или, по крайней мѣрѣ, въ самого Константина, а лучезарное сіяніе въ гвозди, которыми пригвождено было тѣло распятаго Богочеловѣка. Скоро явилась и соответствующая надпись, которая, несомнѣнно, была и о которой имѣются неопровержимыя свидѣтельства.

Когда и гѣмъ сдѣлана была надпись на капители колонны, надпись, въ которой Христу, Царю и Владыкѣ міра, посвящается не только городъ,

¹⁾ Юней см. статью Д. Ф. Бѣляева въ Лѣтописи И-Ф. Общ. при Новоросс. ун-в. IV].

но и вся римская держава съ молитвою о сохраненіи ея и спасеніи, неизвѣстно, по крайней мѣрѣ мнѣ; но мнѣ кажется несомнѣннымъ, что такая надпись могла быть сдѣлана только послѣ Константина, при его дѣтяхъ или слѣдующихъ преемникахъ, когда принадлежность императорской фамиліи къ христіанству не была оффиціальнымъ секретомъ, а признавалась открыто и оффиціально. Подобная судьба постигла и храмъ св. Апостоловъ, который изъ императорскаго мавзолея при дѣтяхъ Константина превратился въ христіанскій храмъ св. Апостоловъ. Можно съ большею или меньшею увѣренностью утверждать, что храмы Божественной Премудрости (*ἄγλας Σοφίας*) и Силы (*Δύναμις*) христіанское значеніе храмовъ получили также послѣ Константина, хотя построены были въ видѣ храмовъ Премудрости и Силы Божественной вообще, а не Второго лица Пресвятой Троицы.

Составленная изъ немногихъ цѣльныхъ порфіровыхъ круглыхъ плитъ въ 10 футовъ толщины, плотно пригнанныхъ и связанныхъ металлическими скрѣпами, порфіровая колонна Константина и украшавшая ее статуя благополучно стояли до Алексѣя Комнина, когда необыкновенно сильная буря сбросила и разбила статую, повредивъ и колонну съ капителью. Царь Алексѣй Комнинъ поправилъ, по возможности, поврежденную колонну, но не возобновилъ статуи, а, вмѣсто статуи, поставилъ туда большой крестъ, приписывавшійся Константину и стоявшій во дворцѣ. При этомъ Алексѣй Комнинъ приказалъ на капители увѣковѣчить свою починку надписью, которая уцѣлѣла и до сихъ поръ читается на капители «Обожженной колонны», стиловатъ которой ободранъ и, лишенный всякихъ украшеній, обитый и обезображенный, въ миниатюрѣ представляетъ олицетвореніе разореннаго, обезображеннаго, униженнаго и загаженнаго города Константина. Отъ бывшаго нѣкогда здѣсь великолѣпнаго фора нѣтъ и слѣда, хотя площадь тутъ есть, но не на срединѣ ея стоитъ колонна, а въ углу, въ сторонѣ, прилегая къ какой-то оградѣ. Улица, приводившая отъ св. Софіи къ срединѣ фора, къ самой колоннѣ, очевидно, значительно подалась, по крайней мѣрѣ, одною сторопою къ другой сторонѣ, такъ что колонна оказалась не противъ середины улицы, а противъ лѣвой ея стороны, если смотрѣть отъ колонны къ св. Софіи. Прежняя старинная улица, быть можетъ, начиналась въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается какое-то громадное старинное зданіе, теперь передѣланное въ склады и торговые помѣщенія. Очень можетъ быть, ближайшее изслѣдованіе этого зданія привело бы къ какимъ-нибудь интереснымъ результатамъ относительно фора Константина и прилегавшихъ къ нему зданій, въ родѣ сената на форумѣ, который особо

описывается въ поэмѣ, недавно обнародованной, Константина Родія, описывающаго сенатъ въ числѣ семи чудесъ Константинополя. Съ церемональной точки зрѣнія зданіе сената на форѣ, которое этою прибавкою отличается отъ сената на Августеонѣ, возлѣ св. Софіи, замѣчательно тѣмъ, что въ дурную погоду царь съ своею свитою въ нѣкоторые праздники приходилъ въ сенатъ слушать молебень, вмѣсто молельни св. Константина. Сюда же, въ зданіе сената, приходилъ патріархъ съ духовенствомъ служить литію, послѣ которой сначала царь, а потомъ патріархъ уходили туда, куда имъ нужно было по уставу для торжественной службы празднику.

Съ художественной точки зрѣнія сенатъ на форѣ замѣчательнъ былъ многими произведеніями скульптуры, взятыми изъ античнаго, языческаго, міра, а между прочимъ и рельефными литыми дверьми, принадлежавшими нѣкогда храму Діаны въ Ефесѣ и замѣчательными по художественному содержанію своему, которое вкратцѣ передается Константиномъ Родіемъ.

Въ церемональномъ отношеніи важна также церковь во имя Богоматери, построенная на форѣ Василиемъ Македоняниномъ для массы народа, имѣвшаго дѣла на форѣ, но не имѣвшаго тамъ до Василія I храма, въ которомъ бы народъ могъ помолиться. Этотъ храмъ Богоматери на форѣ, со времени Василія, служилъ мѣстомъ переоблаченія царей, когда, при триумфальномъ вѣздѣ, отъ фора Константина шли до св. Софіи нѣшкомъ въ полномъ царскомъ облаченіи, между тѣмъ какъ до фора они ѣхали на лошадяхъ въ военномъ парадномъ облаченіи. Для переоблаченія, доѣхавъ до фора, цари сходили съ лошадей, входили въ храмъ Богородицы на форѣ и тамъ въ мутаторіи переоблачались, послѣ чего въ полномъ облаченіи шли уже нѣшкомъ совершенно такимъ же порядкомъ и съ тѣми церемоніями, которые соблюдались при выходахъ царей изъ Хрисотриклипа Большого Дворца въ св. Софію въ Большіе Господніе праздники, какъ это описано въ I кн. моихъ *Byzantina*.

Съ фора Константина чрезъ восточную его арку и антифоръ, точное описаніе котораго мнѣ неизвѣстно, входили на Большую улицу или Среднюю, окаймлявшуюся съ обѣихъ сторонъ портиками до Милія и слѣдующей большой и важной площади, раздѣлявшей Большой дворецъ отъ св. Софіи, до Августеона. Большая улица на этомъ небольшомъ пространствѣ, повидимому, была самою красивою и бойкою частію города. Кромѣ богато устроенныхъ и роскошно убранныхъ портиковъ, быть можетъ, одною стороною примыкавшихъ къ южной сторонѣ св. Софіи, а другою къ сѣверной сторонѣ Большого дворца, конецъ улицы,

примыкавшій къ Большому дворцу, отличался важными и великолѣпными зданіями, общественными и частными. Здѣсь, между прочимъ, часто упоминаются въ Придворномъ уставѣ зданія: дворець Лавза, библіотека, преторій на лѣвой сторонѣ, если идти съ фора къ св. Софіи, бани Зевксиппа, сѣверныя постройки Ипподрома и нѣкоторыя другія постройки, дѣлавшія изъ этой части Большой улицы одинъ изъ лучшихъ кварталовъ города. И теперь на мѣстѣ этой улицы идетъ сравнительно довольно широкая и порядочная улица, опять-таки сравнительно; по она гораздо уже прежней улицы, а о портикахъ и роскошныхъ зданіяхъ тутъ нѣтъ и помину: время и дикая орда, поселившаяся въ Константинополь, все снесли и уничтожили, ничего не возстановивши и ничего не возобновивши. Улица все-таки, вѣроятно, осталась въ силу историческихъ обстоятельствъ, которыя обыкновенно заставляютъ послѣдующія поколѣнія держаться прежняго направленія улицъ въ старомъ городѣ: старая улица только значительно сузилась; домишки вылѣзли на пустое пространство улицы, которая вмѣстѣ съ этимъ могла измѣнить нѣсколько и свое направленіе; особенно это могло случиться въ концѣ, примыкающемъ къ площади Ипподрома и св. Софіи, гдѣ вообще очень многое измѣнилось и скрыто до основанія.

Первенствующее значеніе Средней или Большой улицы съ самаго начала, со времени перестройки Византіи въ Константинополь, видно изъ того, что на этой именно улицѣ, по примѣру основателя города, строили свои площади (foga) и ставили свои колонны слѣдующіе за Константиномъ императоры, всячески украшая эту излюбленную улицу. Почему именно она стала центральной и самою бойкою и сдѣлалась вмѣстѣ съ тѣмъ триумфальною? На этотъ вопросъ отвѣчать, мнѣ кажется, лучше всего топографія Константинополя собственно и особенно Большой улицы. Проходя по хребтамъ холмовъ, прилегающихъ къ Мраморному морю, и проходя отъ старой Византіи и дворца къ самой большой дорогѣ, расположенной по берегу Мраморнаго моря, Средняя или Большая улица, хотя и не была среднею улицею въ собственномъ смыслѣ, проходила чрезъ большую часть и лучшіе кварталы города, непрерывно продолжаясь на семь почти протяженіи города съ запада на востокъ. Хотя отъ Золотыхъ воротъ путь нѣсколько варьировался, и на Большую улицу собственно отъ Золотыхъ воротъ вели разные пути, тѣмъ не менѣе предпочитались, безъ сомнѣнія, тѣ улицы, которыя были просторнѣе и прямѣе и скорѣе выводили на прямую большую улицу. Къ сожалѣнію, этой улицы мы не знаемъ, а изъ описанія въѣздовъ царей можно заключить, что въ началѣ пути цари ѣхали разное,

какъ установлено церемоніаломъ, составленнымъ церемоніемейстеромъ, подъ руководствомъ пренозита, и утвержденнымъ царемъ. Само собою разумѣется, что тѣ религіозные выходы и крестные ходы, которые направлялись въ храмы, лежавшіе въ сторонѣ отъ Золотыхъ воротъ, не проходили участка, ближайшаго къ Золотымъ воротамъ, а въ концѣ Большой улицы сворачивали къ этому пункту, къ которому шли. Потому не нужно удивляться и смущаться тѣмъ, что крестный ходъ, идущій по Большой улицѣ, мимо тѣхъ самыхъ пунктовъ, которые упоминаются при триумфальныхъ вѣздахъ, не проходилъ чрезъ Золотыя ворота и ближайшіе къ нимъ топографическіе пункты: какъ показываетъ планъ, процессіи поворачивали раньше, нежели достигали Золотыхъ воротъ и прилегающихъ къ нимъ улицъ. Такъ, когда шли къ храму пресв. Богородицы Источника или отъ него, то шли не чрезъ Золотыя ворота, а чрезъ ворота Источника, которыя и до сихъ поръ сохранили свое имя, и потому съ Большой улицы не поворачивали на югъ, къ Мраморному морю, а шли прямо. Когда шли къ св. Мокію, то крестный ходъ долженъ былъ, значительно не доходя до стѣны, повернуть направо, такъ какъ храмъ св. Мокія находился направо отъ Большой улицы, на сѣверъ отъ нея, слѣдовательно, въ сторонѣ, противоположной Золотымъ воротамъ и значительно ближе ихъ для идущихъ отъ св. Софіи.

Несравненно раньше сворачивали съ Большой улицы, когда шли въ какой-нибудь храмъ, лежавшій ближе къ св. Софіи, или въ сторонѣ отъ Большой улицы. Такъ ходившіе въ храмъ св. Апостоловъ должны были по Большой улицѣ идти только до Капителія, а отъ него продолжать путь, по улицѣ, ведшей къ храму св. Апостоловъ и дальше къ Адрианопольскимъ воротамъ. Точно также крестные ходы во Влахернскій храмъ и другіе, находившіеся въ той же части (сѣверо-восточной) Константинополя, сворачивали съ Большой улицы въ началѣ ея (считая отъ св. Софіи), смотря по тому, какія улицы были ближе и удобнѣе для достиженія того храма, въ который крестный ходъ шелъ. Въ церковныхъ уставахъ IX и X в., недавно открытыхъ, такихъ случаевъ можно найти очень много, такъ какъ изъ многочисленныхъ крестныхъ ходовъ, совершавшихся въ теченіе года, большая часть исходила изъ св. Софіи и шла сначала по Большой или Средней улицѣ, по крайней мѣрѣ, до *forum Constantini*.

Не считая возможнымъ и нужнымъ входить здѣсь въ изложеніе всѣхъ выходовъ и процессій, которые совершались по Средней или Большой улицѣ, я считаю достаточнымъ указать на тѣ триумфальныя и

религіозныя процессіи, которые отмѣчены и записаны въ Придворномъ уставѣ и которыя могутъ дать понятіе и объ остальныхъ, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, не церковныя процессіи и крестныя ходы, которые мы предоставляемъ нашимъ литургистамъ, а преимущественно свѣтскіе и тѣ церковныя, въ которыхъ принимали участіе цари. Такъ какъ церковныя процессіи совершались, очевидно, по подобію свѣтскихъ процессій, то естественнѣе начать съ первыхъ.

Въ Константинополѣ свѣтскія торжественныя процессіи, двигавшіяся по Средней улицѣ, были двоякаго рода: одни триумфальныя, которыя дѣлали цари-побѣдители, подобно тому, какъ древніе римскіе консулы-триумфаторы совершали свои триумфальныя вѣзды, послѣ того, какъ сенатъ признавалъ ихъ достойными триумфа. Въ императорскій періодъ, особенно позднѣйшій, византійскій, императору не было надобности одерживать какія-нибудь блестящія побѣды и совершать геркулесовскіе подвиги для совершенія триумфальнаго вѣзда. Все зависѣло отъ воли самого царя и отъ его охоты играть роль триумфатора: если онъ считалъ триумфальный вѣздъ нужнымъ и пріятнымъ для своего тщеславія дѣломъ, то достаточно было номинальнаго участія въ какомъ-нибудь военномъ дѣлѣ или походѣ, кончившемся не совсѣмъ плачевно, чтобы совершить въ качествѣ побѣдителя торжественный и великолѣпный вѣздъ, который былъ тѣмъ богаче и роскошнѣе обставленъ, чѣмъ больше этого желалъ дѣйствительный или мнимый царь-побѣдитель: въ охотникахъ угодить царю-триумфатору недостатка никогда не было.

Такъ какъ присужденіе триумфа тому или другому полководцу соединялось иногда съ присужденіемъ ему короны, побѣднаго вѣнца или вѣнка, съ коронаціею, то впоследствии, въ императорскій періодъ, коронація, хотя бы ей и не предшествовалъ никакой походъ и вообще какое-нибудь участіе въ войнѣ, сопровождалась большею частью триумфальнымъ вѣздомъ или, по крайней мѣрѣ, шествіемъ, если коронація совершалась въ городѣ. Императорская корона составляла одинъ изъ отличительныхъ знаковъ царскаго достоинства, и триумфальный вѣздъ въ коронѣ въ первый разъ былъ въ то же время торжественнымъ вѣздомъ новаго императора. Въ первые вѣка византійской имперіи такіе вѣзды вновь коронованныхъ императоровъ совершались довольно часто, когда коронація или, по крайней мѣрѣ, выборы и провозглашенія императоровъ совершались не въ Константинополѣ, а за его стѣнами, въ его окрестностяхъ или въ провинціи.

Это — второй родъ триумфальныхъ вѣздовъ, совершавшихся по Большой улицѣ. Наши коронаціонныя вѣзды, явившіяся благодаря пе-

*

ренесенію резиденціи въ Петербургъ, можно причислить или уподобить этимъ триумфальнымъ въздамъ, хотя у насъ царь не только въѣзжаетъ безъ короны, но даже и въ день въѣзда не коронуется въ столицѣ, а возлагаетъ на себя корону чрезъ нѣсколько дней, послѣ говѣнія, подобнаго великопостному, такъ какъ коронація съ теченіемъ времени получала все болѣе и болѣе значенія и блеска, а въ церковномъ отношеніи все болѣе осложнялась и развилась въ цѣлый, довольно длинный обрядъ, соединенный съ миропомазаніемъ и причащеніемъ и тѣсно переплетенный съ литургіею. Въ то старое время, когда вновь коронованные византійскіе цари въѣзжали съ триумфомъ въ столицу, церковный элементъ коронаціи только зарождался и состоялъ изъ краткой молитвы, читавшейся константинопольскимъ епископомъ надъ короною, и благословеніемъ ея предъ надѣваніемъ на голову царю.

Кромѣ царскихъ триумфальныхъ въздовъ послѣ болѣе или менѣе удачныхъ экспедицій, бывали иногда, хотя и рѣдко, въѣзды полководцевъ, одержавшихъ какую-нибудь блестящую побѣду и не возбуждавшихъ въ царѣ подозрѣній, такъ какъ въ византійское время на триумфальный въездъ давалъ разрѣшеніе единственно царь, который, понятно, соглашался на такое отличіе только для тѣхъ, на вѣрность которыхъ онъ могъ рассчитывать и которымъ триумфъ, по мнѣнію царей, не вскружить головы. Эти въѣзды совершались также по Большой улицѣ.

Подобно царскимъ триумфальнымъ въздамъ, по Большой улицѣ совершались по нѣсколько разъ въ году церковныя процессіи или крестные ходы отъ св. Софіи въ какой-нибудь изъ храмовъ, лежавшихъ за городомъ или въ городѣ въ концѣ Большой улицы или около нея. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ крестныхъ ходовъ принималъ участіе царь, который на возвратномъ пути обыкновенно ѣхалъ верхомъ почти въ такомъ же костюмѣ, какъ и во время триумфальныхъ въздовъ. Встрѣчи и приемы димовъ ипподрома производились такъ же, какъ и во время триумфальныхъ въздовъ, только пѣснопѣнія, конечно, были другія.

Но сходство этихъ церковныхъ ходовъ и въздовъ съ триумфальными, само собою разумѣется, не говоритъ еще въ пользу происхожденія религиозныхъ процессій изъ триумфальныхъ въздовъ. Участіе царей въ церковныхъ выходахъ, будучи аналогично участію императоровъ въ нѣкоторыхъ языческихъ процессіяхъ и церемоніяхъ, въ то же время нельзя считать продолженіемъ языческихъ обычаевъ, а скорѣе — желаніемъ царей свидѣтельствовать о своемъ благочестіи и правотѣ, своей приверженности и преданности церкви и ея православнымъ обрядамъ. Царь былъ не только первый и вѣрный сынъ православія, но и

покровитель, защитникъ и охранитель православной церкви и, какъ таковой, долженъ былъ принимать участіе въ ея главнѣйшихъ обрядахъ и церемоніяхъ, крестныхъ ходахъ и религиозныхъ процессіяхъ.

Предполагая въ послѣдующихъ главахъ дать образцы церковныхъ процессій, совершавшихся съ участіемъ царя, и представить изложеніе одного триумфальнаго вѣзда, какъ излагаетъ ихъ уставъ Константина Багрянороднаго, я считаю достаточнымъ въ настоящее время ограничиться указаніемъ тѣхъ обрядовъ, которые имѣютъ своимъ предметомъ изложеніе вѣздовъ и выѣздовъ, происходившихъ въ Константинополѣ ежегодно и совершавшихся на Большой улицѣ. Эти обряды важны не потому только, что они воспроизводятъ дѣйствія царя и чиновъ во время такихъ выходовъ, но и потому, что они являются однимъ изъ самыхъ надежныхъ топографическихъ источниковъ, документально и оффиціально свидѣтельствующихъ о положеніи того или другого памятника или мѣста: нигдѣ нѣтъ такъ много данныхъ, собранныхъ въ одномъ памятникѣ о Средней улицѣ, какъ въ обрядахъ Константина Багрянороднаго, и они могутъ служить лучшимъ критеріемъ для оцѣнки мнѣній Дюканжа и другихъ ученыхъ по топографическимъ вопросамъ.

Между тѣмъ какъ у другихъ писателей памятники, стоявшіе на Большой улицѣ, или упоминаются и даже описываются отдѣльно или хотя и въ порядкѣ, но не всѣ и не до конца улицы, какъ, напр., у Кедрина и Константина Родія, въ Придворномъ уставѣ памятники, стоявшіе на Средней улицѣ, упоминаются сподрядъ и въ нѣсколькихъ обрядахъ нѣсколько разъ и притомъ иногда сначала въ одномъ порядкѣ, а потомъ въ обратномъ, такъ что въ одномъ и томъ же обрядѣ иногда находится критерій для провѣрки перечней и названій. Трудно желать что-нибудь болѣе точное и систематическое, тѣмъ болѣе, что эти перечни исходятъ изъ оффиціального источника и писаны современниками, продѣлывавшими всѣ эти обряды.

Изъ обрядовъ, въ которыхъ излагаются триумфальные вѣзды собственно, въ Придворномъ уставѣ дошли до насъ только три, да и тѣ изъ сравнительно поздняго времени, но они сохранили довольно много чертъ болѣе древнихъ временъ. Первый по времени описываетъ вѣздъ царя Теофила, послѣдняго иконоборца, устроенный имъ послѣ не всѣмъ удачнаго похода въ Киликію [Сегім. I, р. 503 sq.].

Какъ мы увидимъ ниже, Теофилъ подъѣхалъ къ городу по Золотому рогу, къ Иракліевой стѣнѣ, объѣхалъ вгнѣ стѣны всю сухопутную границу города до самыхъ Золотыхъ воротъ и, вѣхавъ черезъ нихъ, доѣхалъ до св. Софіи, въ которую и вошелъ черезъ св. Кладезъ, т.-е.

через южную боковую дверь, сойдя съ лошади предъ этою дверью. Теофилъ совершалъ свой вѣздъ съ цезаремъ Вардою, братомъ царицы Теодоры. Процессія была устроена и участники ея разставлены въ такомъ порядкѣ, который, очевидно, практиковался тогда въ подобныхъ случаяхъ. *Mutatis mutandis*, порядокъ этотъ напоминалъ ту триумфальную процессію, которая изображена была на Теодосіевой или Аркадіевой колоннѣ: сначала везли военную добычу и вели плѣнныхъ, а потомъ уже шли побѣдители.

Но съ подробностями этихъ вѣздовъ мы познакомимся въ слѣдующей главѣ, гдѣ будетъ дано обстоятельное описаніе одного византійскаго триумфальнаго вѣзда, а теперь считаю достаточнымъ обратить вниманіе читателя только на топографическія особенности вѣзда Теофила, особенно на начальную стадію его въ самомъ городѣ: Теофилъ ѣхалъ отъ Золотыхъ воротъ, черезъ которыя онъ, по обыкновенію, вѣхалъ въ городъ, черезъ Сигму, а потомъ по дорогѣ, ведущей къ св. Мокію до Милія (*διὰ τῆς πρὸς τὸν ἄγ. Μώκιον μέγχι τοῦ Μιλίου*). Дорога Теофила указана такимъ образомъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Не видно даже, разумѣть ли авторъ подъ *ἡ πρὸς τὸν ἄγ. Μώκιον* дорогу отъ Золотыхъ воротъ до Мокія или дальнѣйшій путь по Средней улицѣ, такъ какъ Средняя улица вела отъ св. Софіи къ св. Мокію и по ней ходилъ, какъ мы скоро увидимъ, крестный ходъ изъ св. Софіи къ св. Мокію и обратно.

Гораздо подробнѣе указанъ путь при описаніи вѣзда Василия Македонянина, но мы пока оставимъ его, такъ какъ думаемъ обстоятельно познакомить съ нимъ читателя въ слѣдующей главѣ, а теперь перейдемъ ко второму роду вѣздовъ, такъ называемымъ коронаціоннымъ.

Такіе вѣзды въ началѣ Византійской имперіи дѣлались, повидному, довольно часто, такъ какъ въ древнее время провозглашенія часто происходили въ Евдомѣ, послѣ чего совершался торжественный вѣздъ черезъ Золотыя ворота, лежавшія на прямомъ пути отъ Евдома къ св. Софіи и Большому дворцу, куда обыкновенно ѣхалъ вновь коронованный императоръ.

Изъ такихъ вѣздовъ описанъ въ Придворномъ уставѣ одинъ въ числѣ такъ называемыхъ провозглашеній, какъ образецъ «провозглашенія», совершившагося за городомъ, въ «Евдомѣ», гдѣ такія провозглашенія совершались довольно часто и представляли явленіе болѣе или менѣе обычное [Сегім. I, p. 410 sq.].

По смерти императора Маркіана, синклитъ, т.-е. всѣ высшіе чины

имперіи избрали преемникомъ Маркіана Льва. Министромъ двора (magister officiorum) былъ тогда Марціалъ, а Константинопольскимъ архіепископомъ Анатолій. Для провозглашенія новаго императора всѣ чины (οἱ ἄρχοντες), гвардія (αἱ σχολαί) и войско (οἱ στρατιῶται) собрались въ Трибуналъ въ Евдомѣ. Лавары и другія знамена и значки положены были на землю и всѣ собравшіеся, съ архіепископомъ и магистромъ во главѣ, начали восклицать: «Услыши Боже, Тебя призываемъ. Услыши, Боже! Льву жизнь, услыши, Боже! Левъ будетъ царствовать. Боже челолюбивый, государство (τὸ πρᾶγμα δημόσιον = res publica) просить въ цари Льва. Льва въ цари просить и войско. Льва принимаютъ законы. Льва принимаетъ дворецъ. Таковы мольбы Двора; таковы рѣшенія войска; таковы желанія синкрита; таковы мольбы народа. Льва ожидаетъ мѣръ; Льва принимаетъ войско. Общественная краса, Левъ, пусть выйдетъ. Общественное благо, Левъ, будетъ царствовать. Услыши, Боже, Тебя призываемъ!»

Послѣ этихъ возгласовъ Левъ, бывшій тогда комитомъ (comes = conte) и трибуномъ Маттіаріевъ, былъ приведенъ въ Трибуналъ и, какъ только онъ явился въ Трибуналѣ, кампидукторъ Вусамъ надѣлъ ему на голову маниакій, а другой кампидукторъ, Олимпій, далъ ему такой же маниакій въ правую руку. Какъ только собравшіеся увидели Льва въ такомъ украшеніи, т. е. съ маниакиемъ, замѣнявшемъ собою вѣнецъ, діадиму, на головѣ, знамена и значки, лежавшіе до сихъ поръ на землѣ, были подняты и всѣ собравшіеся закричали: «Августѣйшій Левъ, ты побѣждаешь, ты благочестивый, ты священный. Богъ намъ тебя даровалъ; Богъ будетъ хранить тебя. Почитая Христа, всегда побѣждаешь. Многія лѣта Левъ будешь царствовать. Христіанское царство Богъ да хранить».

Сейчасъ же вслѣдъ за этимъ кандидаты окружили царя въ самомъ Трибуналѣ и царь, облачившись въ царскую одежду, надѣлъ діадиму и въ такомъ облаченіи показался народу, взявъ щитъ и копьё. Всѣ чины отъ высшихъ до низшихъ въ извѣстномъ нисходящемъ порядкѣ приносили поздравленія и поклонялись новому царю, а народъ и войска словословили царя въ такихъ выраженіяхъ: «и могучій и побѣдоносный и священный. Счастливо, счастливо, счастливо. Многія лѣта. Августѣйшій Левъ, царствуй! Это царство Богъ да сохранить! Христіанское царство Богъ да сохранить!» и т. п. Въ отвѣтъ на это, царь чрезъ ливелларія обратился къ народу и воинамъ съ такою рѣчью: «Самодержецъ Левъ побѣдоносный и священный. Богъ всемогущій и ваше рѣшеніе, могучіе воины, на счастье выбрали меня самодержцемъ Римскаго государства».

Всѣ закричали: «Августѣйшій Левъ, ты побѣдишь. Избравшій тебя да сохранить тебя! Свое избраніе Богъ да сохранить. Благочестивое царство Богъ да охранить. И благочестивъ и могучъ». Въ отвѣтъ на это, отъ имени царя было сказано: будете имѣть во мнѣ такого полновластнаго начальника, который будетъ сотоварищемъ вашимъ въ трудахъ. Я научился ихъ переносить еще въ то время, когда вмѣстѣ съ вами несъ военную службу. Всѣ закричали: «Счастливо. Войско тебя царемъ, побѣдитель. Войско тебя царемъ, счастливымъ. Всѣ мы тебя желаемъ». Августѣйшій отвѣчалъ: я рѣшилъ, какіе дома я обязанъ доставить своимъ силамъ (войскамъ). Всѣ закричали: «и благочестивъ и могучъ и уменъ». Августѣйшій приказалъ объявить: «за ваше рѣшеніе и за мое счастливое царство дамъ вамъ по 5 золотыхъ и фунту серебра на человѣка». Это заявленіе встрѣчено было общимъ крикомъ солдатъ: и благочестивъ и щедръ. Отъ тебя почести, отъ тебя богатства. Да будетъ царство твое для насъ счастливымъ золотымъ вѣкомъ! На прощаніе самодержецъ кесарь августѣйшій приказалъ сказать: «Богъ съ вами!» и ушелъ, сопровождаемый высшими сановниками имперіи въ мутаторію, куда собрались и представители (по три отъ каждого гвардейскаго отряда) гвардейскихъ отрядовъ. Царь даетъ этимъ послѣднимъ спеціальныя порученія относительно денегъ, дѣлается расчетъ и выдаются деньги. Изъ мутаторіи царь пѣшкомъ отправляется въ военную походную церковь, сдѣланную въ палаткѣ и потому называемую бабочкою.

Въ мутаторіи, т.-е. особомъ небольшомъ отдѣленіи этой церкви, царь спялъ вѣнецъ, вошелъ въ церковь, помолился и, выйдя изъ церкви, снова надѣлъ вѣнецъ, а потомъ сѣлъ верхомъ на бѣлаго коня и дозволилъ сѣсть на коней и сановникамъ, которые на коняхъ сопровождали царя до храма св. Іоанна Крестителя, гдѣ въ мутаторіи царь снимаетъ опять вѣнецъ и отдаетъ препозиту. Препозитъ несетъ вѣнецъ за царемъ въ алтарь, гдѣ царь беретъ его у препозита и кладетъ на св. престолъ. Взявши вѣнецъ съ престола, царь отдалъ опять препозиту и кладетъ на престолъ приношеніе, доставленное управляющимъ частныхъ царскихъ имуществъ. Войдя на возвратномъ пути въ мутаторію, царь надѣваетъ вѣнецъ и ѣдетъ опять на бѣломъ конѣ къ Золотымъ воротамъ и чрезъ нихъ по Большой улицѣ до дворца Елены, гдѣ царь сходилъ съ лошади и входилъ во дворецъ. Завѣдующій этимъ дворцомъ встрѣчалъ его и покланялся ему до земли, если это было не въ воскресный день. Если завѣдующій дворцомъ Елены былъ чиновникъ, то царь отвѣчалъ ему поцѣлуемъ.

Г л а в а II.

Евдомъ.

Въ исторической и частной жизни обитателей Константинополя игралъ очень видную роль такъ называемый Евдомъ, одно изъ предмѣстій столицы Восточно-Римской имперіи. Здѣсь нерѣдко была главная квартира непріятелей, осаждавшихъ Константинополь; здѣсь принимались владѣтельные или вообще знатные гости царей предъ вѣздомъ въ самую столицу; здѣсь въ старину провозглашались и выбирались вновь избранные цари и отсюда совершали торжественные вѣзды въ городъ для коронаціи въ св. Софіи и вступленія въ Большой дворецъ; отсюда же иногда дѣлали цари—побѣдители свои триумфальные вѣзды, возвратившись изъ побѣдоноснаго похода. Въ Евдомъ изъ города, отъ св. Софіи или Большаго дворца, ежегодно нѣсколько разъ совершались торжественныя религіозныя процессіи, крестные ходы съ царемъ и патриархомъ во главѣ въ воспоминаніе какихъ-нибудь горестныхъ или радостныхъ событій, которыя, по воззрѣніямъ современниковъ, служили проявленіемъ гнѣва и милосердія Божія и память о которыхъ современники желали сохранить въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Къ такого рода событіямъ принадлежатъ грозныя осады непріятеля, землетрясенія и т. п. бѣды, имѣвшія какую-нибудь связь съ Евдомомъ.

Во всѣхъ означенныхъ вѣздахъ и процессіяхъ принимали участіе не только официальный чиновный міръ, но и простые обыватели, любившіе наслаждаться этими зрѣлищами и, по возможности, участвовать въ подобныхъ процессіяхъ. Въ виду такого значенія Евдома, естественно онъ часто упоминается у византійскихъ историковъ и вообще писателей, такъ что для пониманія многихъ и важныхъ мѣстъ въ ихъ трудахъ необходимо знать, гдѣ находился Евдомъ, и отвести ему какое-нибудь точное и опредѣленное мѣсто, которое бы объясняло извѣстія и сообщенія византійскихъ писателей. Къ сожалѣнію, сами они не даютъ точныхъ топографическихъ данныхъ о хорошо имъ извѣстномъ и не требующемъ никакихъ поясненій и описаній столичномъ предмѣстьѣ, въ которомъ каждый изъ современниковъ много разъ бывалъ и о которомъ еще чаще слыхалъ.

Въ виду такого значенія Евдома, съ одной стороны, и молчанія писателей о его топографіи, съ другой, возникли между новыми и повѣйшими изслѣдователями топографіи Константинополя разногласія относительно мѣстоположенія Евдома, которыхъ нельзя считать исчезнув-

шими и до настоящего времени. Такъ какъ мнѣ приходилось раньше и придется говорить въ этой книгѣ о церемоніяхъ, начинавшихся или оканчивавшихся въ Евдомѣ, то считаю себя обязаннымъ сказать пѣсколько словъ по этому вопросу, въ надеждѣ, по возможности, содѣйствовать усвоенію правильнаго рѣшенія вопроса. По моему убѣжденію, онъ уже рѣшенъ правильно, но это рѣшеніе недостаточно подробно обосновано и потому, быть можетъ, кажется недостаточно убѣдительнымъ, тѣмъ болѣе, что противъ такого рѣшенія, которое я считаю, вмѣстѣ съ другими новѣйшими учеными, правильнымъ и единственно возможнымъ, уже давно рѣшительно высказался знаменитый Дюканжъ, который посвятилъ этому вопросу даже особое изслѣдованіе, написанное со свойственною одному Дюканжу эрудиціею.

Основатель константинопольской топографіи, какъ особой научной дисциплины, Петръ Жилль, въ своей *Topographia Constantinopoleos*, въ особой главѣ (lib. IV, cap. IV), посвященной Евдому, говоритъ, что Евдомъ, предмѣстье или пригородъ Константинополя (*προάστειον*, suburbium), находился внутри стѣнъ на 6-мъ холмѣ въ 14-мъ регионѣ, около цистерны Бона, и заключалъ въ себѣ дворецъ, теперь извѣстный подъ именемъ дворца Константина, и храмъ Іоанна Предтечи (Продрома), который былъ построенъ Θεодосіемъ Великимъ; перенесимъ въ этотъ храмъ главу Іоанна Предтечи. Къ этому Евдому Жилль относитъ всѣ тѣ многочисленные свидѣтельства и упоминанія объ Евдомѣ, которыя находятся у византійскихъ писателей. Такъ какъ въ этихъ извѣстіяхъ упоминается и портъ, то Жилль находитъ портъ Евдома у Охотничьихъ воротъ въ Золотомъ рогѣ. Названіе Евдомъ (*Septimum*) Жилль объясняетъ тѣмъ, что имъ обозначалось число или номеръ, подъ которымъ извѣстно было это предмѣстье (Седьмое). Къ сожалѣнію, никакихъ доказательствъ въ пользу своихъ положеній Жилль не приводитъ, и вся эта глава, очевидно, основана на догадкахъ самаго Жилля, а не на свидѣтельствахъ средневѣковыхъ писателей.

Мнѣніе Жилля относительно мѣстоположенія Евдома оспаривалъ Адрианъ Валезій [*Hadrianus Valesius, Disput. de Basilicis, quas primi Francorum reges condiderunt, Paris. 1658 — 1660, cap. VIII*], братъ извѣстнаго издателя греческихъ церковныхъ историковъ Генриха Валезія (*Valois*), и доказывалъ, что Евдомъ, какъ показываетъ самое названіе въ полной формѣ: *Septimum milliarium* ("Εβδομον μίλιον), находился около милевого столба по дорогѣ, которая около Константинополя шла по берегу Мраморнаго моря и вела во Оракію и далѣе въ другія провинціи Восточно-Римской имперіи. Въ пользу своего мнѣнія Адр. Валезій ссылался на тексты и древнія свидѣтельства, объясняя ихъ въ томъ смыслѣ, ко-

торый ему казался несомненно вѣрнымъ и не опровержимымъ, и по которому всѣ древнія свидѣтельства говорятъ противъ Жилля и за него, Валезія.

Такъ какъ Дюканжъ усвоилъ мнѣніе Жилля и проводилъ его въ своихъ трактатахъ объ Евдомѣ и принадлежащихъ къ нему зданіяхъ и пунктахъ, то, естественно, возраженіе Валезія не могло быть оставлено безъ вниманія, и Дюканжъ, кромѣ статей въ разныхъ частяхъ Constantinopolis Christiana, посвятилъ вопросу о мѣстонахожденіи Евдома особый polemическій трактатъ, который перепечатывался потомъ нѣсколько разъ въ приложеніи къ его Constantinopolis Christiana. Въ этомъ трактатѣ знаменитый византологъ со всею учестостью, ему только свойственною, благодаря его феноменальной начитанности въ источникахъ, старается опровергнуть доводы противника и доказать, что Евдомъ паходился именно тамъ, гдѣ помѣщалъ его Жилль, и на Мраморномъ морѣ быть не могъ. Трактатъ этотъ имѣлъ огромное значеніе, и выводы Дюканжа усвоились, повторялись и теперь повторяются византологами, даже спеціально занимавшимися топографіею Константинополя, въ томъ числѣ мѣстными константинопольскими учеными, которые могли все, сказанное Дюканжемъ о мѣстоположеніи Поля, провѣрить на мѣстѣ и увидать собственными глазами ошибки Дюканжа, не издаваго Константинополя. Въ виду такого значенія экскурса Дюканжа, я считаю необходимымъ подробнѣе остановиться на доказательствахъ Дюканжа, обстоятельнѣе познакомить читателей съ его содержаніемъ.

Прежде всего Дюканжъ считаетъ нужнымъ заявить, что Евдомъ называется такъ отъ седьмого милевого столба, у котораго онъ находился на Золотомъ рогѣ ¹⁾. Здѣсь же было, а не на Мраморномъ морѣ, Марсово поле (Campus, Κάμπτος), Трибуналъ, царскій дворецъ, храмъ Іоанна Крестителя (Продрома) и другія зданія, находившіяся въ Евдомѣ и упоминаемыя у византійскихъ писателей. Нельзя, однако же, думать, что всѣ эти зданія были именно у седьмого милевого столба; напротивъ, здѣсь не было ни одного, а всѣ они были на Полѣ, которое тянулось отъ седьмого столба до города, потому что Евдомомъ назывался не одинъ только столбъ, но и все Поле, которое распростиралось между седьмымъ столбомъ и городомъ Константинополемъ ²⁾,

---

¹⁾ De hebdomo C-no disquisitio topographica, cap. 2: in confesso debere esse agnoscimus, Hebdomum ita appellatum quod Septimo (vetere scilicet Byzantio ad Promontorium Ceratinum) milliari distaret.

²⁾ "Εβδομον appellationem habuisse etiam inter Septimum istud milliare et urbem Constantinopolitanam interjectum Campum, in quo aedificia omnia, quorum meminerint Byzantini scriptores, nullaque in ipso milliari septimo stetisse ausim omnino contentere. Ibid. cap. 3.

и которое потому само называется Евдомомъ или Полемъ Евдома, какъ это видно изъ приводимыхъ мѣстъ изъ средневѣковыхъ писателей. Эти мѣста доказываютъ въ то же время, что Поле было близъ Константинополя и даже прилегалo къ нему, лежало предъ его воротами и было въ виду его (πρὸ τῆς πόλεως), чего нельзя было бы сказать, если бы это поле было у седьмого столба отъ города; да и жители во время землетрясѣній не побѣжали бы къ седьмому столбу, а остановилось бы и раскинули бы свои палатки раньше.

Не только Марсово Поле, но и Трибуналъ съ дворцомъ отождествляются съ Евдомомъ и называются его именемъ, а о нихъ говорится, что они находились не только на Марсовомъ полѣ, но и въ самомъ городѣ: относительно нѣсколькихъ императоровъ сказано, что они провозглашены были въ Константинополѣ въ Трибуналѣ или въ Евдомѣ, изъ чего видно, что эти пункты находились не только близъ города, но и въ самомъ городѣ, какъ и дворецъ Константина или Юстиниана, часто упоминаемый вмѣстѣ съ Полемъ и Трибуналомъ.

Весьма убѣдительнымъ доказательствомъ этого служитъ извѣстiе Теофана объ осадѣ саракинами Константинополя съ моря, отъ западной возвышенности или Магнавра Евдома до Кикловiя.

Дюкапжъ думаетъ, что это извѣстiе можно понимать только въ томъ смыслѣ, что саракины добрались до Евдома чрезъ Золотой рогъ и держали въ осадѣ Константинополь отъ крайнихъ пунктовъ Золотого рога до Семибашеннаго замка, т. е. стояли подъ морскими стѣнами города на всемъ ихъ протяженiи. Понимать извѣстiе Теофана иначе, полагать, что саракины осадили городъ отъ седьмого милевого столба по берегу Мраморнаго моря до Семибашеннаго замка, по мнѣнiю Дюкапжа, такъ же нелѣпо, какъ говорить, что враги окружили Парижъ отъ Версаля до Лувра.

Потому и подъ портомъ Евдома, который въ извѣстiи упоминается, нужно разумѣть не иной какой-нибудь, а Влахернскiй заливъ, и подъ приморскими берегами Евдома нужно разумѣть берега Золотого рога, а не Мраморнаго моря ¹⁾. Точно также и дворецъ Евдома былъ около Влахернъ и Золотого рога и построенъ былъ Константиномъ Великимъ, имя котораго онъ удерживаетъ до сихъ поръ, сначала за городомъ, а потомъ вошелъ въ его составъ и стоитъ у самыхъ стѣнъ (Текфуръ-Сарай). Здѣсь былъ консисторiй Грациана и Юстиниана, который иногда

---

¹⁾ Ibid. cap. XI—XII... ex locis allatis evidenter patet per sinum Ceratinum sarracenos in Hebdomum, seu in Campum, urbi proximum pervenisse, a quo ad Cyclobium usque mari urbem obsidere.

называется *novum Consistorium Justiniani* и помѣщается *in Septimo milliario ab urbe*. Но это не значить, что дворець былъ за семь миль отъ города; онъ былъ у самаго города или въ городѣ, а это только *locutionis forma*. Потому и у писателей часто вмѣсто названія дворца употребляется слово Евдомъ, напр., когда говорятъ, что царь или царица отправились въ Евдомъ, то это значить отправились во дворець Евдома. Возлѣ дворца находился Трибуналъ, который былъ построенъ на открытомъ воздухѣ и назывался то Трибуналомъ Евдома, то Трибуналомъ дворца, то просто Евдомомъ, какъ и дворець ¹⁾).

Если говорится, что Евдомъ былъ пригородъ, предмѣстіе Константинополя и находился предъ городомъ (*προάστειον, πρὸ τῆς πόλεως*), то это не значить, что онъ былъ далеко. Напротивъ, этимъ словомъ обозначаютъ мѣстности очень близкія къ городу, какъ Сики (*Sycae, Σίχαι*, Галата), которыя отдѣляются только Золотымъ рогомъ отъ города, какъ дворець источника, который находится у Золотыхъ воротъ и смеженъ съ ними. Мало того, предмѣстьями часто называются отдаленныя части города, гдѣ важныя особы часто имѣютъ сады и виноградники, которые они называютъ предмѣстьями. Да и въ законѣ сказано, что *suburbanum ab urbanis non loco, sed qualitate discernitur* ²⁾.

Такъ какъ Евдомъ или поле Евдома (*Campus*) простирался до седьмого милевого столба, то на этомъ пространствѣ находилось немало зданій и церквей, изъ которыхъ упоминаются храмы св. Θεοδοτίν, Иоанна Крестителя, Мины и Минея и Иоанна Богослова. Къ сожалѣнію, византійскіе писатели не говорятъ, ближе ли они были къ милевому столбу или къ городу. Относительно церкви св. Иоанна Предтечи хотя и сказано, что она стояла отъ города на седьмомъ милевомъ столбѣ, но этимъ обозначается только пространство Евдома, а сама церковь находилась недалеко отъ дворца и, вѣроятно, въ самомъ городѣ, хотя относительно ея, въ виду свидѣтельства Константина Багрянороднаго, и возникаетъ нѣкоторое сомнѣніе, которое Дюканжъ старается успокоить тѣмъ, что предполагаетъ существованіе другого храма. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что слово Евдомъ различно употреблялось византійскими писателями: 1) для обозначенія мѣста, на которомъ стоялъ седьмой столбъ, гдѣ никакихъ зданій, упоминаемыхъ у писателей, не было; 2) для обозначенія промежуточнаго пространства между седьмымъ камнемъ и Константинополемъ, пространства, на ко-

¹⁾ Cap. XIV.

²⁾ Cap. XVIII: Neque vero proxima dumtaxat civitatibus loca aut Palatia προάστειων nomine donata, sed etiam intra ipsam urbem.

торомъ стояли всё эти зданія, какъ дворець, Трибуналь, находившіеся въ стѣнахъ города, затѣмъ храмы св. Іоанна Крестителя и Іоанна Богослова, каковыя зданія у писателей обыкновенно и обозначаются именемъ Евдома.

Разсужденіе Дюканжа имѣло огромное значеніе для рѣшенія вопроса, и никто не счелъ возможнымъ выступить противъ такого высокаго авторитета, какимъ былъ Дюканжъ. Вопросъ считался рѣшеннымъ окончательно и такъ обстоятельно и основательно, что, по словамъ знатока топографіи Константинополя, Бандури, говорить объ Евдомѣ можно было только такъ, какъ говорилъ Дюканжъ. Потому Бандури ничего и не говоритъ объ Евдомѣ и находящихся тамъ топографическихъ пунктахъ, а желающихъ узнать объ нихъ что-нибудь обстоятельнѣе и доказательнѣе, отсылаетъ къ изложенному выше разсужденію Дюканжа и соотвѣтствующимъ трактатамъ въ Constantinopolis Christiana. Какъ въ самомъ дѣлѣ могъ ошибаться по вопросу объ Евдомѣ такой знатокъ константинопольскихъ древностей, знатокъ глубочайшій и всесторонній, какого еще не было, да, быть можетъ, и не будетъ? Трудно не преклоняться предъ такимъ подавляющимъ авторитетомъ. Авторитетъ Дюканжа въ этомъ вопросѣ признавался не подлежащимъ сомнѣнію и послѣ Бандури. Византологи XIX столѣтія также большею частью держались, а многіе и теперь крѣпко держатся мнѣній и выводовъ Дюканжа, и трудно убѣдить ихъ въ противномъ.

Сами греки, живущіе въ Константинополѣ, и тѣ усвоили взглядъ Дюканжа и потому въ ихъ сочиненіяхъ, въ ихъ планахъ и картахъ средневѣковаго Константинополя Евдомъ стоитъ около Влахернскаго квартала и стояція теперь извѣстныя подъ именемъ дворца Константина или Текфуръ-Сарая развалины, ничтоже сумняся, обозначаются именемъ Евдома. Даже Мордтманнъ въ своемъ планѣ средневѣковаго Константинополя слѣдовалъ этой традиціи, хотя въ Очеркѣ средневѣковаго Константинополя высказываетъ мнѣніе противоположное и считаетъ болѣе вѣроятнымъ мнѣніе противниковъ Дюканжа, какъ объ этомъ мною замѣчено въ разборѣ работы Мордтманна, помѣщенномъ въ Византійскомъ Временникѣ за 1894 годъ [стр. 389—402].

Въ ряду этихъ безусловныхъ послѣдователей Дюканжа мы встрѣтимъ почти всё имена новѣйшихъ византологовъ, занимавшихся топографіею Константинополя: патріархъ Константій, баронъ Гаммеръ, Паспати, археологи Константинопольскаго Силлога, Детье ¹⁾ и другіе

¹⁾ [Κωνσταντινίης, Παλαιά τε και νεώτερα ἤτοι περιγραφή Κωνσταντινουπόλεως... συνταχθεῖσα παρὰ ἀνδρός φιλολόγου καὶ φιλαρχαιολόγου, Βενετία, 1824, 38. N a m m e r, Constan-

археологи повторяють мнѣніе Дюканжа, не подвергая его ни малѣйшему сомнѣнію. Одинъ только Унгеръ осмѣлился не только не признать рѣшеніе и выводы знаменитаго византолога но и высказать свое мнѣніе или, лучше сказать, защищать мнѣніе Адр. Валезія, о томъ, что Евдомъ слѣдуетъ искать на Мраморномъ морѣ, безъ указанія, впрочемъ, мѣста Евдома и безъ ссылки на Адр. Валезія ¹⁾. Ему слѣдуетъ проф. Н. П. Кондаковъ, который подкрѣпилъ свое мнѣніе разборомъ главнѣйшихъ доводовъ Дюканжа и опроверженіемъ ихъ ²⁾. Писавшій въ одно время съ Н. П. Кондаковымъ по тому же вопросу покойный Г. С. Деступисъ, хотя и слѣдовалъ мнѣнію Дюканжа и новѣйшихъ греческихъ археологовъ, но высказалъ уже нѣсколько сомнѣній въ непреложности этого рѣшенія ³⁾.

Рѣшительно высказался противъ общепринятаго мнѣнія проф. van Millingen, который въ особой статьѣ, напечатанной въ трудахъ Константинопольскаго Силлога, старается доказать справедливость мнѣнія Адр. Валезія и ошибочность мнѣнія Жилля-Дюканжа указаніемъ на ясныя и несомнѣнныя свидѣтельства, приводимыя Валезіемъ, хорошо извѣстныя Дюканжу, но превратно имъ перетолкованныя ⁴⁾. Въ дополнение къ сказанному уже раньше Унгеромъ и Н. П. Кондаковымъ, проф. van Millingen высказалъ мнѣніе, что Евдомъ былъ около теперешняго города Макри-кѣй, лежащаго на Мраморномъ морѣ, между Константинополемъ и Санъ-Стефано, причемъ за портъ Евдома van Millingen принималъ небольшую излучину въ берегу, находящуюся между Макри-кѣй и пороховымъ казеннымъ заводомъ. Сколько мнѣ извѣстно, послѣ van Millingen'a никто больше не интересовался вопросомъ объ Евдомѣ, кромѣ Мордтманна, который въ Очеркѣ слѣдовалъ Millingen'у, а въ планѣ Дюканжу и его послѣдователямъ, какъ сказано выше.

Кромѣ изслѣдователей вопроса топографіи, нѣкоторые византологи, занимавшіеся другими вопросами, но имѣвшіе возможность и надобность попутно высказаться о положеніи Евдома, въ послѣднее время

---

tinopolis und der Bosporos, Pesth, 1822, I, 196 сл. Πασπάτης, Βυζαντινὰ μελέται τοπογραφικαὶ καὶ ἱστορικαί, Κ—πόλις, 1887, 2. 5. 19. 61. 63. 84. Dethier, Der Bospor und Konstantinopel, Wien, 1873, 25. 'Ο ἐν Κ—πόλει Φιλολογικὸς Σύλλογος. Παράρτημα τοῦ ΙΔ' τόμου ἀρχαιολογικὸς χάρτης τῶν χερσαίων τευχῶν Κ—πόλεως. 1884].

¹⁾ [Ersch-Gruber, Allgem. Encyclopädie. I Section. Bd. LXXXIV, 297—298. Quellen d. byz. Kunstgesch. I, 113 сл. 188 сл.]

²⁾ [Труды VI Археологическаго Съѣзда въ Одессѣ (1884), III (1887), 198. 201].

³⁾ [Труды VI Археологическаго Съѣзда, III, 263—264].

⁴⁾ [The Levant Herald, 10/22 April 1891. 'Ο ἐν Κ—πόλει Φιλολογικὸς Σύλλογος. Παράρτημα τοῦ ΚΑ' καὶ ΚΒ' τόμου].

также присоединились къ мнѣнію Адр. Вalezія и Унгера, какъ, напр., Шлумбергеръ въ своемъ Никифорѣ Фокѣ ¹⁾ и Стржиговскій въ своей прекрасной статьѣ о Золотыхъ воротахъ, съ которой мы познакомили читателей выше. Быть можетъ, и нѣкоторые другіе ученые, какъ современные намъ, такъ и жившіе до насъ, высказывались въ смыслѣ Адр. Вalezія, а не Дюканжа, но мнѣ, къ сожалѣнію, они остались неизвѣстны, да и неособенно важны случайно высказанныя мнѣнія не специалистовъ по вопросамъ топографіи въ виду рѣшительнаго сужденія и обстоятельнаго изслѣдованія такого авторитетнаго спеціалиста, какъ Дюканжъ, и ряда специалистовъ-археологовъ, не только занимавшихся топографіею Новаго Рима изъ-далека, но изучившихъ ее на мѣстѣ и имѣвшихъ возможность представлять себѣ разсматриваемые пункты.

Подобно и Стржиговскому и Шлумбергеру, мнѣ также приходилось высказываться относительно мѣстоположенія Евдома и я ни мало не затруднился опредѣлить его мѣсто на Мраморномъ морѣ, а не у Влахернъ. Въ рецензій на трудъ Мордманна ²⁾ я выразилъ то же мнѣніе и развилъ его нѣсколько подробнѣе, но не говорилъ объ основаніяхъ, которыя побудили меня не слѣдовать такому вѣскому авторитету, какъ знаменитый Дюканжъ, отложивъ это до болѣе удобнаго случая, т.-е. до возможности посвятить этому вопросу особый трактатъ, который въ настоящее время и представляется.

Начну съ того, что побудило меня вступить въ число противниковъ Дюканжа въ этомъ вопросѣ, когда я еще не только не видалъ Константинополя и окрестностей, но недостаточно ознакомился и съ вопросомъ. Занимаясь чтеніемъ Придворнаго Устава, который Дюканжу не былъ извѣстенъ, я нѣсколько разъ встрѣчался съ вопросомъ объ Евдомѣ и ни разу не видѣлъ необходимости искать его въ другомъ мѣстѣ, т.-е. не на Мраморномъ морѣ. Мало того, нерѣдко я поставленъ былъ бы въ большое затрудненіе, если бы вмѣстѣ съ Дюканжемъ предполагалъ, что Евдомъ находится возлѣ Влахернскаго квартала и ѣхать къ Евдому по морю нужно чрезъ Золотой рогъ къ Влахернскому порту. Дѣло въ томъ, что въ числѣ обрядовъ имѣется въ Придворномъ уставѣ нѣсколько записей о торжественныхъ вѣздахъ царей изъ Евдома въ Константинополь чрезъ Золотыя ворота для коронаціи въ храмѣ св. Софіи, а затѣмъ для занятія Большого дворца, стоявшаго на югѣ отъ св. Софіи.

---

¹⁾ [Schlumberger, Un empereur byzantin au X siècle, Paris, 1890].

²⁾ [Византійскій Временникъ, I (1894), 398—399].

Не менѣе, если не болѣе, важенъ для насъ одинъ триумфальный въѣздъ, начинавшійся не изъ Евдома, а прямо отъ Золотыхъ воротъ, къ которымъ царь доѣхалъ по предстѣню, т.-е. за стѣною города отъ Влахернскаго квартала. Этотъ въѣздъ, сдѣланный Теофиломъ, важенъ именно, какъ противоположность тѣмъ въѣздамъ, которые дѣлались изъ Евдома. Разница въ описаніи въѣзда показываетъ, какіе пункты должны мы встрѣтить въ описаніи въѣздовъ изъ Евдома, если бы онъ былъ около Влахернъ, а не на Мраморномъ морѣ.

Извѣстно, что римскіе императоры провозглашались обыкновенно войсками въ лагерѣ не только въ военное время, но и въ мирное; въ Константинополь, въ Новомъ Римѣ, подобно Старому, было также возлѣ города мѣсто для собранія войскъ, упражненій ихъ и парадовъ, называвшееся такъ же, какъ и въ Римѣ, *Сампус*, *Κάμπος*. Здѣсь въ древнее время и происходили выборы императоровъ войсками, когда въ этомъ была надобность и не оказывалось прямого наслѣдника.

Вмѣсто Марсова поля (*Сампус*) выборы происходили иногда и въ Константинополь и въ Ипподромѣ, находившемся возлѣ Большого дворца и представлявшемъ большія удобства для собранія массы народа. Наконецъ, въ случаѣ болѣзни императора, желавшаго провозгласить новаго императора соправителемъ, провозглашеніе дѣлалось въ одной изъ залъ Большого дворца. Образцы всѣхъ этихъ провозглашеній и записаны были въ свое время церемоніальныхъ дѣлъ чиновниками, а потомъ вошли въ сборникъ Константина Багрянороднаго ¹⁾.

Одинъ изъ обрядовъ стариннаго сборника представляетъ собою записку о провозглашеніи Льва I (457 г.) на Марсовомъ полѣ (*ἐν τῷ κάμπῳ*) ²⁾. Послѣ провозглашенія, Льва ввели на трибуналъ и надѣли на голову золотую цѣпь или гривну, а другую дали въ правую руку. Знамена, лежавшія доселѣ на землѣ, поднялись, и Льва облачили въ царскія одежды тутъ же, на трибуналѣ, и надѣли діадему, т.-е. настоящій царскій вѣнецъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій со стороны народа и войска и объявленія милостей и подарковъ со стороны новаго императора, Левъ пошелъ пѣшкомъ въ походную церковь — палатку, гдѣ, снявши предварительно вѣнецъ, Левъ помолился, а потомъ, выйдя изъ церкви и надѣвъ вѣнецъ, Левъ сѣлъ на бѣлаго коня и доѣхавъ на немъ до храма Іоанна Крестителя, гдѣ также молился у св. престола, на который онъ клалъ царскій вѣнецъ. Положивши на св. престолъ свое приношеніе, Левъ

¹⁾ [См. *Byzantina*, II, стр. XXVII сл.].

²⁾ [*Cerim.* I, p. 410 sq.].

вышелъ изъ храма и, надѣвъ вѣнецъ, поѣхалъ въ городъ, сначала верхомъ, а отъ дворца Елены, гдѣ онъ облачился въ еще болѣе драгоценныя царскія одежды, Левъ ѣдетъ въ колесницѣ до св. Софїи, гдѣ корона также кладется на св. престолъ, а потомъ при выходѣ надѣвается епископомъ.

Въ другомъ обрядѣ въѣзда изъ Евдома мы имѣемъ описаніе триумфальнаго вступленія въ столицу царя Василія I Македонянина съ сыномъ Константиномъ по возвращеніи изъ побѣдоноснаго похода [Сегім. I, р. 498].

Василій съ сыномъ и свитою, возвратившись изъ похода, остановились сначала по обыкновенію въ загородномъ дворцѣ, на азіатскомъ берегу, въ Іерин (теперешній Кади-кѣй противъ самаго Стамбула), а оттуда переѣхали въ Евдомъ, гдѣ встрѣчены были народомъ и синклитомъ, бывшимъ въ то время въ Константинополѣ. Прибывшіе цари отправились прежде всего въ храмъ Іоанна Предтечи, что въ Евдомѣ (ἐν τῷ τοῦ Προδρόμου καὶ τῷ ἐν τῷ Ἐβδόμῳ). Помолившись здѣсь и потомъ переодѣвшись, Василій съ Константиномъ сѣли на коней и предшествуемые и сопровождаемые синклитомъ и народомъ поѣхали къ Золотымъ воротамъ. Добѣхавъ до монастыря Аврамитовъ, находившагося предъ Золотыми воротами, цари сошли съ лошадей для того, чтобы войти въ храмъ Богородицы Аврамитовъ (такъ называемой Нерукотворной, Ἀχειροποιήτου); помолившись и переодѣвшись, цари сѣли на бѣлыхъ коней и послѣ приѣма и славословія партій ипподрома, поѣхали къ Золотымъ воротамъ, передъ которыми были встрѣчены епархомъ города, послѣ чего въѣхали въ среднія большія двери Золотыхъ воротъ и прослѣдовали къ св. Софїи по Средней или Большой улицѣ, въ слѣдъ за процессією плѣнныхъ и предметовъ военной добычи, которые, предварительно собранные и разставленные на лугу (ἐν τῷ λιβαδίῳ) предъ Золотыми воротами, пропущены были чрезъ Золотыя ворота, пока царь былъ въ храмѣ Богородицы Аврамитовъ.

Въ обоихъ обрядахъ указаны немногіе пункты въ такомъ порядкѣ, что сначала мы встрѣчаемъ трибуналъ въ Полѣ, потомъ храмъ Іоанна Предтечи, затѣмъ монастырь Аврамитовъ предъ Золотыми воротами и лугъ предъ ними же и, наконецъ, Золотыя ворота, ведущія чрезъ Среднюю или Большую улицу къ св. Софїи и дворцу. Никакихъ другихъ извѣстныхъ намъ и даже неизвѣстныхъ топографическихъ пунктовъ на пути не упоминается.

Имѣя это въ виду и принимая во вниманіе, что, по приведеннымъ самимъ же Дюканжемъ свидѣтельствамъ, Евдомъ, представляя собою примор-

скій пунктъ (*παραθαλάσσιος τόπος*), получилъ свое названіе отъ того, что онъ отстоитъ отъ города на семь милевыхъ столбовъ (*ἀπέχει δὲ τοῦτο ἑπτὰ σημεῖοις τῆς πόλεως*) или точнѣе стоитъ у седьмого милевого столба (*Septimo milliario*), мы поищемъ Евдомъ, согласно съ мнѣніемъ Адр. Вalezія и новѣйшихъ его послѣдователей, на берегу Мраморнаго моря, тѣмъ болѣе, что тутъ шла отъ Золотыхъ воротъ знаменитая *Via Egnatia*, на которой, какъ и на другихъ большихъ римскихъ дорогахъ, были поставлены милевые столбы. Эти столбы считались не отъ города въ тѣсномъ смыслѣ, а отъ перваго милевого столба въ Константинополѣ, т.-е. отъ такъ называемаго Милія, который, какъ мы видѣли, стоялъ у юго-западнаго угла двора св. Софїи и отъ котораго пачипалась Средняя или Большая улица, ведшая къ Золотымъ воротамъ и далѣе переходившая въ *Via Egnatia*.

Такъ какъ римская миля равна около $1\frac{2}{5}$ версты или километра, то 7 миль составляетъ около 10 верстъ или километровъ. Беремъ циркуль и прикидываемъ на планѣ окрестностей Константинополя, изд. Штольпе (*Stolpe*), отъ св. Софїи по берегу Мраморнаго моря. Выходитъ, что седьмой милевой столбъ, или Евдомъ, находился тамъ, гдѣ теперь стоитъ городокъ Макри-кѣй, какъ предполагалъ фан-Миллингенъ, который нашелъ и портъ Евдома въ маленькомъ заливѣ, находящемся между Макри-кеемъ и Золотыми воротами. Отъ города въ строгомъ смыслѣ, т. е. отъ городскихъ стѣнъ или Золотыхъ воротъ Макри-кѣй отстоитъ на 5 верстъ или километровъ, т.-е. на $3\frac{1}{2}$ римскихъ мили, а это очень важно въ виду того, что Дюканжъ придаетъ большое значеніе удаленію Евдома отъ города на 7 миль и между прочимъ видитъ въ этомъ разстояніи значительныя препятствія для признанія мнѣнія Адр. Вalezія болѣе или менѣе вѣроятнымъ, если не справедливымъ.

Въ источникахъ онъ находитъ, что Поле и весь Евдомъ были въ виду города, слѣдовательно, были весьма близки къ нему. Евдомъ вполне удовлетворяетъ этому условію: изъ него виденъ Константинополь, такъ же какъ изъ Константинополя виденъ Макри-кѣй, тѣмъ болѣе что берегъ Мраморнаго моря отъ Константинополя до Макри-кѣя и даже до Санъ-Стефано представляетъ плоскую равнину, не пересѣченную болѣе или менѣе значительными горами и оврагами, которые бы мѣшали видѣть на значительное разстояніе. И это опять-таки очень важное обстоятельство, такъ какъ для Марсова поля, требовавшаго довольно значительнаго ровнаго пространства, удобнаго не только для маршировки и маневрированія пѣхоты, но и для упражненій и ѣзды кавалерїи трудно было выбрать мѣсто болѣе удобное, чѣмъ берегъ Мраморнаго моря, между тѣмъ какъ чѣмъ болѣе мы будемъ удаляться отъ берега Мраморнаго

*

моря и приближаться къ Золотому рогу, тѣмъ мѣстность становится болѣе неровною, овражистою и лѣсистою, а за Адрианопольскими воротами и дорогою къ Западу, противъ стѣнъ Ираклія, словомъ тамъ, гдѣ предполагается Евдомъ, окрестности Константинополя до такой степени покрыты невысокими лѣсистыми горками и оврагами, что тамъ даже нѣкоторымъ послѣдователямъ Дюканжа казалось неудобнымъ устроить Марсово поле. Эта мѣстность скорѣе удобна была и есть для прогулокъ и охоты, для чего она и служила дѣйствительно въ средніе вѣка. Да и большой дороги тутъ не было и нѣтъ, а слѣдовательно и милевыхъ столбовъ не было надобности выставлять въ этомъ направленіи, а не было столбовъ не могло быть и мѣстности, названной по милевому столбу. Тѣмъ болѣе не могло быть здѣсь поля, виднаго изъ города на семь миль,—десять верстъ.

Хотя со стѣны, къ которой примыкаетъ Текфуръ-Сарай, пожалованный въ званіе Евдома и Влахернскаго дворца, видъ былъ очень красивъ и разнообразенъ, но именно потому, что съ этой стороны нѣтъ болѣе или менѣе обширной равнины, которая могла бы служить Марсовымъ полемъ для средневѣковыхъ войскъ.

Но забудемъ все это и представимъ, что Евдомъ съ простирающимся предъ нимъ на 10 верстъ полемъ находился дѣйствительно тамъ, гдѣ его и предполагали Жилль, Дюканжъ и ихъ послѣдователи. Льву I и всѣмъ царямъ, ѣхавшимъ изъ Евдома чрезъ Золотыя ворота въ городъ, приходилось бы сначала проѣзжать мимо почти всей сухопутной стѣны со всѣми воротами и дорогами. Ничего подобнаго на пути ихъ, однако же, не упоминается и никогда объ этой дорогѣ за стѣнами или внутри стѣнъ къ Золотымъ воротамъ изъ Евдома не говорится. Василій Македонянинъ, переѣхавшій въ Евдомъ съ азіатскаго берега, могъ доѣхать до Евдома или мимо Золотыхъ воротъ и всей стѣны Θεодосія II или чрезъ Золотой рогъ и Влахернскій кварталъ или около него за стѣной, а потомъ изъ Евдома ѣхать мимо стѣны къ Золотымъ воротамъ. Ничего подобнаго въ обрядѣ, однако же, нѣтъ, а говорится, что Василій прямо переѣхалъ въ Евдомъ (*διεπέρασε*) по морю и вошелъ въ храмъ Іоанна Предтечи, который стоялъ гдѣ-нибудь близко отъ пристани, а между тѣмъ, по Жиллю и Дюканжу, онъ былъ въ городѣ, и шествіе отъ него къ храму Богородицы Аврамитовъ было по городу или изъ города за городскія стѣны и мимо ихъ къ Золотымъ воротамъ. Какъ же о всемъ этомъ ничего не сказано въ обрядѣ, который именно и долженъ отмѣтить, гдѣ и какъ шелъ царь: топографическая точность составляетъ задачу и отличительную черту современнаго событію составителя описа-

нія вѣзда, а между тѣмъ онъ ничего не говоритъ о какихъ-нибудь посредствующихъ топографическихъ пунктахъ. Но относительно Василія Македонянина могло быть сомнѣніе: какъ онъ доѣхалъ до Евдома, чрезъ Золотой рогъ или чрезъ пристань у Золотыхъ воротъ и мимо всей стѣны Θεодосіевской до Иракліевой? Да и зачѣмъ ему нужно было ѣхать въ Евдомъ, когда онъ изъ него сейчасъ долженъ былъ опять ѣхать къ Золотымъ воротамъ, если онъ высадился у нихъ? Такіе и тому подобные вопросы возникаютъ сами собою, если мы предположимъ, что Евдомъ дѣйствительно находился между Адрианопольскими воротами и Влахернскимъ дворцомъ. Но всѣ такіе вопросы разрѣшаются просто и даже вовсе не возникаютъ, если мы предположимъ, что Евдомъ находился, гдѣ теперь лежитъ Макри-кѣй. Мало того. Эти соображенія находятъ полное подтвержденіе въ обрядахъ, въ которыхъ описывается вѣздъ не чрезъ Евдомъ. Сюда принадлежитъ прежде всего вышеназванный обрядъ, въ которомъ описывается вѣздъ царя Θεοφιλα [Сегім. I, р. 503 sq.], который до Золотыхъ воротъ ѣхалъ такъ, что долженъ былъ ѣхать чрезъ Жилль-Дюканжевскій Евдомъ, а между тѣмъ онъ въ обрядѣ вовсе не упоминается, тогда какъ другіе топографическіе пункты, которые дѣйствительно лежали на пути Θεοφιλα, упоминаются. Кромѣ вѣзда Θεοφιла сюда можно отнести и вѣздъ Юстиніана [Сегім. I, р. 497], который вѣзжалъ чрезъ Адрианопольскія ворота, былъ, такъ сказать, совсѣмъ возлѣ Жилль-Дюканжевскаго Евдома, но въ него не заѣхалъ.

Царь Θεοφίλς, послѣдній иконоборецъ (829—842), возвратившись изъ похода остановился на азіатскомъ берегу какъ и Василій, но синклитъ и народъ встрѣчалъ его не на европейскомъ берегу, въ Евдомѣ, какъ потомъ Василія, или у Золотыхъ воротъ, какъ встрѣчалъ еще значительно послѣ Никифора Фоку, а въ Іеріи, куда явилась и царица Θεοδора привѣтствовать мужа. Пробывъ здѣсь 7 дней въ ожиданіи прихода плѣнныхъ и добычи, которые должны были принять участіе во вѣздѣ въ городъ, Θεοφίλς переправился въ монастырь св. Маманта, гдѣ пробылъ 3 дня вмѣстѣ съ синклитомъ. Отсюда онъ переплылъ во Влахерны и, выйдя изъ лодки (дромона), сѣлъ верхомъ на коня, но поѣхалъ не по Влахернскому кварталу внутри городскихъ стѣнъ, а внѣ стѣнъ, и этимъ путемъ доѣхалъ до луга, гдѣ была приготовлена для него палатка предъ Золотыми воротами. Къ этому времени на лодкахъ перевезены были сюда же добыча и плѣнные (*βελόντες αὐτοῦς εἰς πλοῖα διαπέρασαν*) и начался торжественный вѣздъ. Θεοφίλς съ кесаремъ Вардоу, выйдя изъ палатки, сѣли на коней и вѣхали въ Золотыя ворота. Ни въ монастырь Аврамитовъ, ни въ храмъ св. Іоанна Предтечи Θεο-

филь не заходилъ и не заѣзжалъ; о нихъ обрядъ не говоритъ ни слова, какъ не говоритъ и объ Евдомѣ, а между тѣмъ, если бы Евдомъ былъ тамъ, гдѣ предполагаютъ его Жилль-Дюканжъ, то проѣхать чрезъ Евдомъ, по крайней мѣрѣ чрезъ поле Евдома, мимо самаго дворца и трибунала, Теофилу было необходимо, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ непременно былъ бы упомянутъ въ обрядѣ. Въдъ пристань Евдома, по словамъ Дюканжа, и есть собственно Влахернская пристань, къ которой нужно было ѣхать по Золотому рогу. Путь Теофила къ Золотымъ воротамъ чрезъ Золотой рогъ и есть собственно тотъ путь, которымъ нужно было ѣхать къ Жилль-Дюканжевскому Евдому, а между тѣмъ, ни Евдомъ, ни церковь Иоанна Предтечи, ни походная церковь-палатка, которыя упоминаются въ Евдомѣ, на этомъ пути не встрѣчаются и не упоминаются. А они пропущены въ обрядѣ быть не могли, если бы эти топографическіе пункты дѣйствительно были на пути Теофила. Ясно, что ихъ тутъ не было, и Теофиль не заходилъ въ названные храмы, потому что они находятся въ Евдомѣ, а Евдома тутъ не было.

Точно также Юстиніанъ Великій, совершая вѣздъ чрезъ ворота Харисія, которыя теперь называются Адрианопольскими, проѣзжалъ очень близко отъ Евдома и Поля, но ни въ Евдомѣ, ни въ тѣхъ храмахъ, которые упоминаются обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, не былъ. Если бы Евдомъ былъ дѣйствительно тамъ, гдѣ его предполагаетъ Дюканжъ, то Юстиніанъ, навѣрно, ѣхалъ чрезъ него или, по крайней мѣрѣ, заѣхалъ въ него. Ничего подобнаго, однако же, не было: Юстиніанъ проѣхалъ изъ воротъ Харисія прямо въ храмъ Апостоловъ для поклоненія праху царицы Θεодоры, а оттуда проѣхалъ въ Большой дворецъ. Объ Евдомѣ во всемъ церемоніалѣ вѣзда Юстиніана ни слова.

Напротивъ, въ общемъ обрядѣ вѣздовъ царей въ Константинополь съ разныхъ сторонъ, когда рѣчь идетъ о вѣздѣ изъ городовъ, лежавшихъ на Мраморномъ морѣ, въ числѣ такихъ городовъ нерѣдко упоминается Евдомъ, между тѣмъ какъ на другихъ путяхъ объ Евдомѣ рѣчи нѣтъ, по той простой причинѣ, что Евдомъ приходилось проходить только на пути въ столицу съ юго-запада или запада по *via Egnatia*, начинавшейся у Золотыхъ воротъ, если царь, подобно Василию Македонянину, не желалъ начать вѣзда изъ Евдома, даже возвращаясь изъ Азіи.

По общему обряду вѣздовъ царя, когда онъ возвращается съ запада, извѣстные чины обязаны встрѣчать его въ Ригии, а если желаютъ, даже и въ Иракліи, по синклитики встрѣчаютъ царя въ Евдомѣ и, если царь подъѣзжаетъ сюда сухимъ путемъ, а не по морю, встрѣчаютъ царя передъ храмомъ отроковъ (τῶν Νηπίων), причемъ царь сходитъ съ ло-

шади и, поцѣловавшись съ чиновниками, входитъ въ храмъ и молится. Царь послѣ этого въѣзжаетъ въ Евдомъ, а синклитики уходятъ, куда кому угодно. Если же царь прибываетъ въ Евдомъ по морю на лодкѣ (дромонѣ), то синклитики встрѣчаютъ его на берегу и, по выходѣ царя изъ дромона, цѣлуются съ нимъ, а потомъ провожаютъ его до воротъ Золотыхъ, а не воротъ Трибунала, придуманныхъ переводчикомъ, примѣняясь къ мнѣнію Жилля и Дюканжа относительно Евдома, хотя въ текстѣ греческомъ никакого трибунала тутъ не упоминается.

Какъ видитъ читатель, въ обрядѣ въѣзда царя съ запада чрезъ Евдомъ сухимъ путемъ или моремъ ни одного намека нѣтъ на какіе-нибудь топографическіе пункты, лежащіе въ области такъ называемаго Текфуръ-Сарая ни на сушѣ, ни на морѣ, какъ это было въ обрядѣ въѣзда Θεοφιλα, который проѣхалъ именно чрезъ тѣ мѣста, гдѣ нужно было ѣхать въ мнимый Евдомъ, и чрезъ него, какъ видно изъ названныхъ топографическихъ пунктовъ. Потому и нельзя видѣть никакихъ основаній въ обрядѣ въ пользу теоріи Дюканжа: онъ, напротивъ, говоритъ, въ пользу теоріи Адр. Валезія, въ пользу того, что Евдомъ находился на Мраморномъ морѣ, такъ какъ до него можно изъ западныхъ городовъ доѣхать и сухимъ путемъ и по морю, не проходя и не проѣзжая при этомъ какіе-нибудь общественные и важные пункты, которые, навѣрно, были бы названы, если бы проходили чрезъ нихъ или мимо ихъ. Изъ приведеннаго почти цѣликомъ обряда можно только вывести, что на западномъ краю пригорода Евдома стоялъ храмъ въ честь О трокровъ, у котораго царя встрѣчали синклитики и изъ котораго царь уѣзжалъ въ Евдомъ.

Если данныя Придворнаго устава не только противорѣчатъ помѣщенію Евдома на Мраморномъ морѣ, но скорѣе подтверждаетъ это, то Церковный уставъ въ древнѣйшихъ редакціяхъ еще яснѣе говоритъ въ пользу мнѣнія Адріана Валезія. Дѣло въ томъ, что въ церковныхъ уставахъ, имѣющихъ въ виду собственно Константинополь, указывалось не только имя святого на извѣстный день, но часто и храмы, гдѣ праздновалась память, и способъ, какимъ отличалось празднованіе памяти святого или какого-нибудь замѣчательнаго событія. Нани византологи, Н. Θ. Красносельцевъ и А. А. Дмитріевскій, какъ извѣстно, познакомили ученый міръ въ древнѣйшимъ такимъ уставомъ, принадлежащимъ IX вѣку ¹⁾, а въ скоромъ времени будутъ изданы извлеченія изъ Цер-

---

¹⁾ [Н. Ф. Красносельцевъ, Типикъ св. Софій въ Константинополѣ IX в., Одесса, 1892 = Лѣтопись Историко-Филологическаго Общества

ковнаго устава, составленнаго въ X в. по инициативѣ Константина Багрянороднаго, того самаго, по почину котораго составленъ и увидѣль свѣтъ Придворный уставъ.

Въ обоихъ уставахъ, особенно во второмъ много и часто говорится о крестныхъ ходахъ, совершавшихся въ Константинополь по разнымъ случаямъ, между прочимъ въ воспоминаніе событій и бѣдствій, постигшихъ городъ. Въ числѣ такихъ событій видное мѣсто занимаютъ довольно нерѣдкія въ Константинополь землетрясенія, если они сопровождались какими-нибудь сильными, потрясающими и поразившими современниковъ бѣдствіями и разрушеніями зданій, стѣнъ, храмовъ, памятниковъ и т. п.

Въ память такихъ землетрясеній, какъ и другихъ бѣдствій, въ родѣ нашествія непріятелей, установлены были крестные ходы въ тѣ именно мѣста, гдѣ это бѣдствіе было особенно замѣтно и ощутительно и куда крестные ходы совершались иногда во время землетрясеній, продолжавшихся иногда по нѣскольку дней, недѣль и даже мѣсяцевъ, такъ что установленный на послѣдующія времена крестный ходъ бывалъ иногда только ежегоднымъ воспоминаніемъ тѣхъ молитвословій и крестныхъ ходовъ, которые совершались во время самаго бѣдствія для умилоствленія Бога, наказавшаго жителей столицы за какія-нибудь преступленія.

Изъ многихъ «трусевъ», постигшихъ Константинополь, самый сильный и продолжительный трусь былъ, повидимому, въ царствованіе Θεодосія II Младшаго, когда страшное землетрясеніе продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ и когда совершались всевозможныя молебствія и крестные ходы для смягченія праведнаго гнѣва Божія и когда было услышано младенцемъ Трисвятое (τρισάγιον) во время одного крестнаго хода за городъ, въ которомъ участвовалъ самъ царь въ траурной одеждѣ съ босыми ногами. Не говоря уже о массѣ зданій, разрушенныхъ землетрясеніемъ, самыя стѣны городскія пали и открыли Новый Римъ врагамъ, если бы таковыя явились. Въ воспоминаніе этого ужаснаго землетрясенія установленъ былъ крестный ходъ въ Евдомъ изъ св. Софіи, который настолько подробно описанъ въ одномъ изъ древнѣйшихъ Церковныхъ уставовъ, что позволяетъ судить о направленіи крестнаго хода не только до стѣнъ города, но и за ними, и свидѣтельствуетъ о томъ, что было за стѣнами въ направленіи крестнаго хода.

при Новороссійскомъ университетѣ. II. Визант. отд. I, 156--254. А. А. Дмитриевскій, Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ Православнаго Востока. I. Тѣлхъ. I. Кіевъ, 1895, V—VIII, 1—16].

Я разумѣю Иерусалимскій списокъ устава Великой Церкви, гдѣ подь 25 сентября, когда началось землетрясеніе, окончившееся въ концѣ января, указанъ крестный ходъ изъ Великой Церкви въ Трибуналь Евдома ¹⁾. Литія, по обыкновенію, начинается въ св. Софіи и совершается такъ же, какъ и другія торжественныя литіи. Во главѣ крестнаго хода шествуетъ самъ патріархъ чрезъ форъ Константина и далѣе по Средней или Большой улицѣ до Золотыхъ воротъ, причѣмъ въ главнѣйшихъ пунктахъ, какъ форъ Константина, Золотыя ворота, совершаются молебствія (*δοξολογια*). Отъ Золотыхъ воротъ крестный ходъ съ пѣніемъ три-святого двигается къ Марсову полю и Трибуналу, гдѣ совершалось послѣднее молебствіе и читается евангеліе съ апостоломъ. Евангеліе читаетъ патріархъ, діаконъ за патріархомъ громкимъ голосомъ повторяетъ его, чтобы слышали всѣ присутствующіе. Послѣ евангелія діаконъ возглашалъ во всеуслышаніе, что литургія, по принятому обычаю, будетъ совершаться въ храмѣ св. Іоанна Богослова близъ Евдома, куда патріархъ тотчасъ же и уходитъ съ клиромъ.

Существеннымъ, важнымъ для насъ, чертами въ этомъ описаніи являются тѣ важныя указанія, которыя свидѣтельствуютъ о направленіи крестнаго хода и послѣдовательности топографическихъ пунктовъ, здѣсь названныхъ. Крестный ходъ идетъ по Средней улицѣ къ Золотымъ воротамъ, а отъ нихъ къ Полю и Трибуналу. Это какъ нельзя болѣе согласно съ тѣмъ положеніемъ Евдома, который предполагалъ Адр. Вalezій и его сторонники, но совершенно и безусловно противорѣчить предположенію Дюканжа. Если Евдомъ на сѣверной сторонѣ, около Влахернскаго квартала, то зачѣмъ литія идетъ чрезъ Золотыя ворота на югъ, вмѣсто того, чтобы идти на сѣверъ, зачѣмъ въ этомъ случаѣ крестный ходъ удаляется отъ Евдома вмѣсто того чтобы прямо съ фора Константина идти къ сѣверу, какъ бываетъ обыкновенно въ другихъ литіяхъ, имѣвшихъ своею цѣлью какой-нибудь сѣверный храмъ? Если 25 сентября крестный ходъ изъ Золотыхъ воротъ направлялся къ Дюканжевскому Евдому у Влахернскаго квартала и къ Полю у Золотого рога, то ему приходилось идти вдоль всей сухопутной стѣны и пройти много воротъ и интересныхъ пунктовъ, которыя, навѣрно, были бы названы, если бы дѣйствительно литія шла мимо ихъ. На пути слѣдованія, по минованіи всѣхъ главныхъ воротъ, было бы не Поле, которое простиралось на семь миль отъ города, а Трибуналь

¹⁾ [Д. Ѳ. Бѣляевъ, Новый списокъ древняго устава Константинопольскихъ церквей. Византійскій Временникъ, III (1896), 426 сл., особ. 455. Ср. А. А. Дмитриевскій, *Толкіа*, I, 155].

или дворець, а между тѣмъ сначала является Поле, потомъ Трибуналь. Да и патриарху, о которомъ такъ много беспокоится Дюканжъ, опасаясь за его силы, пришлось бы идти гораздо больше, нежели ему въ дѣйствительности приходилось идти по берегу Мраморнаго моря отъ Золотыхъ воротъ до Евдома, тѣмъ болѣе что мѣстность тутъ ровная и гладкая, между тѣмъ какъ къ Дюканжевскому Евдому отъ Золотыхъ воротъ нужно идти по дорогѣ неровной, съ спусками и подъемами, хотя и довольно отлогими.

Такимъ образомъ какъ Придворный, такъ и Церковный уставы своими указаніями даютъ полныя основанія искать Евдома на Мраморномъ морѣ, а не у Влахерискаго квартала. Всѣ указанія Придворнаго и Церковнаго уставовъ совершенно понятны и легко объяснимы только въ этомъ смыслѣ; напротивъ, они представляютъ большія затрудненія и нужно дѣлать большія натяжки для объясненія разныхъ мѣстъ у средневѣковыхъ писателей, если мы будемъ слѣдовать Жиллю-Дюканжу, который припужденъ былъ для поддержанія разъ принятой имъ невѣрной точки зрѣнія Жилля, дѣлать такія объясненія и комбинаціи, которыя онъ не допустилъ бы никогда безъ предвзятой мысли.

Оставивъ безъ защиты совершенно невозможное мнѣніе Жилля о томъ, что Евдомъ былъ седьмымъ кварталомъ въ Константинополѣ, Дюканжъ принужденъ прибѣгнуть для объясненія названія также къ невѣроятной догадкѣ, что Поле (*Káμπος*, *Campos*), Трибуналь и дворець (Магнавра) назывались Евдомомъ по той причинѣ, что это поле простиралось на семь миль, т. е. на десять верстъ, хотя упомянутыя постройки, какъ и храмы, находились въ городѣ, внутри стѣнъ. Кому придетъ въ голову называть седьмымъ т. е. столбомъ то, что только простиралась до него, или оканчивалось у него, между тѣмъ какъ главная часть Поля и его зданія находились въ городѣ? Кто скажетъ и могъ говорить, что храмъ Іоанна Предтечи находится у седьмого столба, если бы онъ былъ за 7 столбовъ отъ него, въ городѣ Константинополѣ? А между тѣмъ указанія средневѣковыхъ писателей на то, что Поле, Трибуналь и дворець находились у седьмого столба, такъ точны что не оставляютъ никакого сомнѣнія, и нужны большія усилія и самыя смѣлыя предположенія, чтобы перетолковать ихъ. Всѣ эти усилія даже такого авторитета, какъ знаменитый Дюканжъ, разбиваются однако же совершенно тѣми двумя обстоятельствами, неопровержимыми и неоспоримыми, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ Жилль-Дюканжъ помѣщаютъ свой Евдомъ никакого Поля на десять верстъ быть не могло, потому что предъ Текфурь-Сараемъ, на востокъ отъ Адрианопольскихъ воротъ до

Золотого рога, нѣтъ и не было мѣста для Марсова поля. Какъ уже было замѣчено, мѣстность на сѣверъ отъ Текфурь-Сарая настолько изрыта лѣсистыми горами и оврагами, что никому не могло придти въ голову дѣлать здѣсь Марсово поле, которое, кромѣ того, не было бы видно изъ города, если бы оно тутъ было, а было бы почти на всемъ протяженіи скрыто за возвышенностями. А между тѣмъ Дюканжъ часто говоритъ о томъ, что *Káptos* было видно изъ города, было въ виду города, но при этомъ, къ сожалѣнію, не указываетъ, по какой дорогѣ лежало это Поле, на какой дорогѣ былъ этотъ милевой столбъ, по которому названо Поле и всѣ примыкающія къ нему постройки. Тутъ, на западъ отъ Адрианопольскихъ воротъ, никакой большой дороги не было и быть не могло, потому что въ ближайшей къ Золотому ругу области западнѣе Адрианополя никакихъ большихъ городовъ и важныхъ областей, пуждавшихся въ прямомъ сообщеніи, не было, какъ нѣтъ и теперь. Всѣмъ этимъ условіямъ вполне соответствуетъ теперешній Макри-кѣй: онъ лежитъ въ ровной, прилегающей къ морю мѣстности, находящейся въ виду Константинополя, при большой дорогѣ, ведущей на западъ въ главные европейскіе города и области Восточно-Римской имперіи, около 7-го милевого столба. Въ немъ находился дворецъ съ большою тронною залю (консистерій) и Трибуналъ, выходившій на Марсово поле, которое тянулось отсюда, по крайней мѣрѣ могло тянуться, до самаго Константинополя или до прилегавшихъ къ нему съ юго-западной стороны монастырей. Исходнымъ пунктомъ или центромъ этого поля служили не зданія, находившіяся въ Константинополѣ, а стоявшія у седьмого милевого столба, потому и называются они находящимися въ Евдомѣ, у седьмого милліарія и т. п. Къ этому мѣсту можно при-быть изъ Азіи и Европы по морю, а изъ Европы и сухимъ путемъ, какъ сказано въ обрядѣ, не проходя никакихъ важныхъ пунктовъ, въ родѣ Золотого рога и Влахернскаго квартала.

Опасенія Дюканжа, что жители во время землетрясенія не побѣжали бы такъ далеко, къ 7-му милевому столбу, а раскинули бы свои палатки раньше, являются совершенно излишними, такъ какъ Евдомъ былъ у седьмого милевого столба, считая не отъ городской Θεодосіевской стѣны, а отъ Милія, да кромѣ того Поле (*Camrus*), на которое жители спасались, лежало между Евдомомъ и городомъ, слѣдовательно еще ближе отъ города, чѣмъ Евдомъ.

Принимая во вниманіе то обстоятельство, что на половину, т. е. на $3\frac{1}{2}$ мили тянулся городъ отъ пачальнаго милевого столба, такъ называемаго Милія, легко убѣдиться, что Марсово поле, какъ мы замѣтили, могло под-

ходить очень близко къ городу, почти доходить до него, а слѣдовательно и жителямъ не было надобности далеко бѣжать, а стоило только выбратъся изъ городскихъ стѣнъ и сосѣднихъ съ ними монастырей, чтобы очутиться на открытомъ ровномъ полѣ, на Марсовомъ полѣ Новаго Рима, которое тянулось далѣе до Евдома.

Потому нѣтъ ничего особенно труднаго и невозможнаго въ томъ, что во время землетрясеній и другихъ бѣдствій устанавливались частые крестные ходы на Марсово поле, и сравненіе Евдома съ Версалемъ, которое часто дѣлаетъ въ своей статьѣ Дюканжъ, не можетъ имѣть мѣста. Версаль отстоитъ отъ Парижа несравненно дальше, чѣмъ Евдомъ отъ Константинополя. Въ этомъ случаѣ больше, чѣмъ когда-нибудь, *contra-raison n'est pas raison*. Потому нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что на Поле ходили не только пѣшкомъ, но и босикомъ (*ἀυτοπόδοι*) сами императоры и шли съ патріархами, какъ представлено въ Минологіи Василія подъ 26 января (рис. см. ниже) и какъ пишутъ византійскіе хронисты.

Но изъ этой близости Поля къ городу, которую желаетъ доказать Дюканжъ, не слѣдуетъ однако же, что дворецъ, Трибуналь и церкви Поля были въ городѣ Константинополѣ, какъ доказываетъ Дюканжъ на основаніи такихъ указаній и свидѣтельствъ, которыя вовсе не даютъ для этого хоть какихъ-нибудь основаній.

Что Трибуналь, дворецъ Евдома и самый Евдомъ находился въ самомъ городѣ Константинополѣ, Дюканжъ заключаетъ изъ такихъ выраженій, въ которыхъ авторы, желая дать читателямъ понятіе о томъ, гдѣ находится Евдомъ и зданія, въ немъ находящіяся: въ Римѣ, Миланѣ, Константинополѣ или другомъ какомъ-либо большомъ городѣ, — называютъ Константинополь, какъ мы теперь говоримъ, что нашъ посолъ живетъ въ Константинополѣ, зимой въ Перѣ, а лѣтомъ въ Буюкъ-дере, хотя ни та, ни другая мѣстность не находятся собственно въ Константинополѣ, а близъ него, такъ какъ собственно Константинополемъ, по-турецки Стамбуломъ, называлась и называется та часть Константинополя въ широкомъ смыслѣ, которая огорожена стѣнами и представляетъ собою древнюю Византію, въ нѣсколько разъ увеличенную Константиномъ Великимъ и значительно распространенную еще Θεодосіемъ II Младшимъ. У современныхъ намъ и прежнихъ писателей мы часто можемъ встрѣтить выраженія: въ Сокольникахъ въ Москвѣ, на Озеркахъ или въ Лѣсномъ Институтѣ въ Петербургѣ, въ Сень-Клу въ Парижѣ и т. п., когда пригородная мѣстность не составляетъ самостоятельной единицы и можетъ подать поводъ къ сомнѣнію или неясности, тѣмъ болѣе, что

собственно Евдомъ означалъ седьмой столбъ и часто назывался полнымъ именемъ: τὸ Ἑβδόμον σημείον, Septimum milliarium, а слѣдовательно могъ быть и въ другомъ мѣстѣ, особенно около Рима, въ которомъ также былъ центральный милевой столбъ, исходная точка для счета миль и милевыхъ столбовъ по главнымъ дорогамъ, шедшимъ изъ Рима. Потому изъ выражений историковъ, приведенныхъ Дюканжемъ, въ родѣ такихъ, какъ: Валентъ провозглашается императоромъ ἐν τῷ Ἑβδόμῳ εἰς Κωνσταντινούπολιν или Constantinopoli in Milliario VII in Tribunali никакъ нельзя заключать, что Евдомъ съ Трибуналомъ находились въ самомъ Константинополѣ, т. е. внутри его стѣнъ. Но высокопочтенный Дюканжъ, увлекшись мыслью опровергнуть Валезія, дошелъ до того, что защищаетъ мысль Жилля даже вопреки яснымъ свидѣтельствамъ источниковъ ¹⁾. Такъ объ Аркадіи говорится, что онъ былъ провозглашенъ императоромъ ἐν Κωνσταντινουπόλει ἐν τῷ Τριβουναλίῳ τοῦ Ἑβδόμου (Chron. Alex.), in Milliario Septimo Constantinopoli (Marcell.), но въ извѣстіи о Гоноріи объяснено подробнѣе: Honorium pater suus Theodosius in eodem loco, quo fratrem eius Arcadium, Caesarem fecit, id est foras septimo a urbe milliario. Ясно и точно обозначено мѣсто Евдома: за городомъ, внѣ города, у седьмого столба.

Трудно, кажется, понять это мѣсто въ смыслѣ доказательства, что Евдомъ паходился внутри стѣнъ Константиноноля и, однако же, это мѣсто приводилось въ доказательство того, что Евдомъ и вышеназванныя зданія находились in ipsa urbe. Трудно даже вѣрить такому толкованію, не прочитавши собственными глазами въ статьѣ Дюканжа. Въ такомъ же родѣ приводятся и другія доказательства: Θεодосίῳ Μладшіῳ былъ провозглашенъ также ἐν Κωνσταντινουπόλει εἰς τὸ Ἑβδόμον ἐν τῷ Τριβουναλίῳ, Василискъ ἐν Κάμπῳ, Фока въ храмѣ св. Іоанна Предтечи въ Евдомѣ, Константинъ Копронимъ ἐν τῷ Τριβουναλίῳ, Левъ Армянинъ ἐν τῷ πρὸ τῆς πόλεως Τριβουναλίῳ и т. д.

Всякій безпристрастный читатель въ этихъ извѣстіяхъ усмотритъ только, что, съ перенесеніемъ резиденціи императорской въ Константинополь, императоры весьма часто, особенно въ древнѣйшія времена, когда еще живы были римскія традиціи, провозглашались и представлялись народу и войску съ Трибунала на Марсовомъ полѣ, точно такъ же, какъ это дѣлалось въ Римѣ. Самъ Дюканжъ приводитъ немало такихъ извѣстій, гдѣ говорится о провозглашеніяхъ въ Римѣ на Марсовомъ полѣ или въ Трибуналѣ, хотя Марсово поле въ Римѣ было

¹⁾ [Источники эти сопоставлены Дюканжемъ].

также не въ городѣ, а близь него, и провозглашенные въ Трибуналѣ Марсова поля императоры торжественно въѣзжали въ городъ и занимали Palatium, какъ въ послѣдствіи происходило въ Константинополѣ.

Такимъ образомъ извѣстія о провозглашеніи императоровъ ни мало не говорятъ въ пользу того, что Евдомъ, дворецъ и Трибуналъ находились въ самомъ Константинополѣ. Посмотримъ теперь другія извѣстія, главные доказательства Дюканжа, которыя онъ самъ признаетъ наиболѣе вѣскими и неопровержимыми.

Такими доказательствами въ пользу своего мнѣнія Дюканжъ считаетъ извѣстія объ осадѣ Константинополя саракинами при царяхъ Иракліевомъ сынѣ Константинѣ Погонатѣ и первомъ иконоборцѣ Львѣ Исаврѣ. Въ обоихъ случаяхъ саракины прибыли къ Константинополю на корабляхъ и потому должны были пристать къ какому-нибудь приморскому пункту. Въ обоихъ случаяхъ, по свидѣтельству Теофана [I, p. 353 de Boog] и другихъ хронистовъ, они пристали къ берегу и растянулись отъ (крайняго западнаго пункта) Евдома до (крайняго восточнаго пункта) Кикловія. Отъ врахалія у Золотыхъ воротъ до Кикловія происходили съ утра до вечера столкновенія и битвы.

Изъ этихъ ясныхъ и простыхъ словъ Дюканжъ дѣлаетъ совершенно превратныя заключенія и притомъ съ такою увѣренностію, которая не допускаетъ никакихъ возраженій; возможности предполагать, что саракины пристали къ берегу и осаждали Константинополь отъ Евдома на Мраморномъ морѣ до Кикловія тамъ же около Золотыхъ воротъ, Дюканжъ совершенно не допускаетъ; признать это возможнымъ значило бы, по мнѣнію Дюканжа, допустить, что можно осадить Парижъ, занявши линію отъ Версаля до Луврскаго дворца. Признавши такимъ образомъ мысль Адр. Валезія нелѣпостію, Дюканжъ видитъ въ извѣстіи, что саракинскій флотъ занималъ пространство отъ западной возвышенности (promontorium, ἀκρότης) Евдома или Магнавры до Кикловія, полное и неопровержимое подтвержденіе своего мнѣнія: какъ возвышенность Евдома можетъ находиться у 7-го столба, когда сказано, что тутъ находился дворецъ Магнавры, который находился въ городѣ (Текфуръ-Сарай)?

Какъ Кикловія находился у сухопутныхъ стѣнъ къ востоку у Мраморнаго моря, такъ Магнавра находилась у тѣхъ же стѣнъ, даже въ самомъ городѣ, къ западу у возвышенности Евдома. Только самый упрямый (pervicax) человѣкъ можетъ отрицать эти истины, къ которымъ далѣе Дюканжъ присоединяетъ и то, что саракины подошли къ Евдому, т. е. къ Полю, по Золотому рогу и такимъ образомъ осаж-

дала городъ на всемъ протяженіи приморскихъ стѣнъ отъ крайняго пункта Золотого рога до конца стѣны по Мраморному морю, какъ мы уже сказали выше.

Но, принадлежа къ упрямымъ отрицателямъ совершенно невѣрнаго взгляда Дюканжа на Евдомъ, мы должны прежде всего сказать, что тожество Текфурь-Сарая и Магнавы Евдома принадлежитъ къ выдумкамъ Жилля и потому не можетъ быть исходнымъ пунктомъ какого-нибудь доказательства, серьезнаго и основаннаго на источникахъ. Неосновательность этой выдумки видна уже изъ того, что Дюканжъ, принявъ ее, впадаетъ въ явное противорѣчіе, туманность и допускаетъ крайнія натяжки; согласно съ извѣстіемъ Теофана, Дюканжъ вынужденъ говорить, чтого Магнава Евдома (Текфурь-Сарай) находится на Западѣ, а Кикловій на востокѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Текфурь-Сарай гораздо восточнѣе Кикловія. Съ какой точки зрѣнія мы ни будемъ смотрѣть на эти пункты, о нихъ нельзя такъ выразиться, какъ выражается (Теофанъ и) Дюканжъ, принужденный держаться Теофана. Если смотрѣть отъ Золотого рога, то Текфурь-Сарай окажется дѣйствительно къ западу, но Кикловій будетъ еще западнѣе, а не будетъ лежать на востокѣ, какъ сказано у Теофана. Если мы будемъ смотрѣть съ западной стороны Константинополя, то оба пункта: Текфурь-Сарай и Кикловій будутъ лежать на востокъ и притомъ Текфурь-Сарай гораздо восточнѣе, чѣмъ Кикловій.

Значить ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, при отождествленіи Магнавы съ Текфурь-Сараемъ, понять выраженія Теофана и представить себѣ его ориентировку нельзя.

Въ этомъ легко убѣдиться, взявши самый простой планъ Константинополя и его окрестностей. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, знаменитый Дюканжъ какъ бы намѣренно не желаетъ понять простого смысла текста Теофана и даетъ ему превратное толкованіе, тѣмъ болѣе что указанія Теофаномъ обстоятельства второй осады, бывшей при Львѣ Исаврѣ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что саракины пристали къ сѣверному берегу Пропонтиды, а не въ Золотомъ рогѣ, а въ Золотой рогъ, напр., вовсе не попали, да и попасть имъ было нельзя, потому что, какъ хорошо извѣстно Дюканжу, входъ въ Золотой рогъ крѣпко запирался и оберегался знаменитою въ исторіи города цѣпью и флотомъ, который, при всей своей слабости для борьбы въ открытомъ морѣ могъ съ успѣхомъ отразить всякія попытки прорваться въ Золотой рогъ. Да и возможно ли предположить, что Теофанъ и другіе хронисты умолчали о прорывѣ непріятельскаго

флота въ Золотой рогъ и объ осадѣ Константинополя по всей линіи морскихъ стѣнъ, линіи, которая при всѣхъ осадахъ оставалась свободною и давала возможность внѣшнихъ сношеній? Дюканжъ и его послѣдователи забыли, что саракины, высадивъ десантъ и отрѣзавъ защитникамъ Константинополя путь на западъ, могли бы легко принудить городъ къ сдачѣ, если бы они дѣйствительно могли окружить городъ своимъ флотомъ и осадить его по всей морской линіи стѣнъ по Пропонтидѣ и Золотому рогу.

Константинополь былъ взятъ силою два раза и въ обоихъ случаяхъ непріятельскій флотъ былъ въ Золотомъ рогѣ, а во всѣхъ другихъ довольно частыхъ и многочисленныхъ случаяхъ осадъ этого не было и не могло быть, благодаря трудности прорваться непріятельскому флоту въ Золотой рогъ. Стоитъ только вспомнить взятіе Константинополя латинянами, чтобы убѣдиться въ важности этого обстоятельства и значенія Золотого рога и запиравшей его цѣпи.

Можно ли послѣ всего этого думать, что вторженіе непріятельскаго флота въ Золотой рогъ и полная осада Константинополя, которая составляла небывало рѣдкое явленіе, не было замѣчено и отмѣчено лѣтописцемъ?

Полагаю, что допустить этого нельзя въ виду того, что отмѣчаются гораздо менѣе важныя подробности и мѣстности. Какъ въѣздъ Теофила сравнительно съ въездомъ Василія Македонянина, изложенный выше, свидѣтельствуетъ, что Теофиль чрезъ Евдомъ не ѣхалъ, хотя и долженъ былъ ѣхать, и что Евдома на пути Теофила не было, такъ и молчаніе о входѣ непріятельскаго флота въ Золотой рогъ чрезъ цѣпь и о высадкѣ у Влахернъ ясно говорятъ, что этихъ весьма важныхъ обстоятельствъ вовсе не было, какъ предполагаетъ Дюканжъ, а если не было, то и Евдома тутъ не было, а его нужно искать въ другомъ мѣстѣ, положеніе котораго позволяетъ объяснить извѣстія Теофана, не прибѣгая къ такимъ предположеніямъ, которыя не только не оправдываются, но даже противорѣчатъ источникамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только прочитать все извѣстіе Теофана [I, p. 395 sq. de Boog.] о второмъ изъ приведенныхъ Дюканжемъ случаевъ осады Константинополя арабами, имѣвшемъ мѣсто при Львѣ Исаврѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что саракины и не думали проникать въ Золотой рогъ и осаждаютъ Константинополь отъ Влахернскаго квартала до Кикловія по линіи морскихъ стѣнъ. Теофанъ рассказываетъ, что Сулейманъ присталъ сначала отъ Магнавры до Кикловія со своимъ огромнымъ флотомъ; пробывъ здѣсь два дня, когда подулъ южный вѣтеръ

(νότος), Сулейманъ съ своимъ флотомъ поплыль мимо города (παρέπλευσαν τὴν πόλιν), и часть его войска и флота приплыла къ азіатскому берегу противъ Галаты, а часть пристала къ европейскому берегу отъ Галаты до Клідійскаго монастыря. Тяжелыя корабли, съ прекращеніемъ южнаго вѣтра, находясь на теченіи изъ Босфора, были снесены и сдѣлались жертвою греческаго огня, пущеннаго на нихъ огненосными кораблями, вышедшими отъ береговъ Акрополя, и частью унесены были еще дальше до острововъ Остраго и Широкаго, частью разбились о берега, частью потонули. Въ эту же ночь царь тайно собралъ цѣпь, запиравшую портъ у Галаты. Но непріатели, думая, что царь хочетъ ихъ заманить, снявши цѣпь, не вошли въ портъ и не пристали къ Галатѣ, а поплыли въ заливъ Сосөөнія и тамъ укрыли свой флотъ.

Изъ этого описанія дѣйствій и гибели саракинскаго флота видно, что саракинскій флотъ не только не осаждалъ Константинополя вдоль всѣхъ морскихъ стѣнъ, до самой вершины Золотого Рога, но даже не посмѣлъ войти въ пристань у Галаты, въ самомъ началѣ Золотого Рога; сначала онъ не могъ войти, потому что мѣшала цѣпь, а потомъ, когда у Галаты цѣпь была убрана, не осмѣлился, опасаясь ловушки со стороны грековъ. Стало быть, въ Золотомъ Рогѣ саракинскій флотъ не только не остановился, но и не посмѣлъ войти даже въ его устье. А между тѣмъ, по Дюканжу, онъ не только долженъ былъ войти въ Золотой Рогъ, но и достигнуть его вершины, лежавшей за предѣлами города, чтобы пристать къ мнимому Полю Евдома, будто бы прилегавшему здѣсь къ Золотому Рогу. Интересно знать, куда бы находившіеся здѣсь корабли саракинскіе поплыли при южномъ вѣтрѣ, о которомъ говорить Теофанъ? Очевидно, всего этого не было и не могло быть, а было то, что Дюканжъ считаетъ нелѣпостью, т.-е., что саракинскій флотъ въ обоихъ случаяхъ присталъ къ берегу Мраморнаго моря отъ Евдома до Кикловія и во второмъ случаѣ продѣлалъ то, что сообщаетъ Теофанъ и что въ главныхъ чертахъ сообщено выше. Плыть при южномъ или юго-западномъ вѣтрѣ отъ Евдома къ городу можно только въ томъ случаѣ, если находишься въ Мраморномъ морѣ, а если бы флотъ находился въ Золотомъ Рогѣ — у воображаемаго Жилль-Дюканжевскаго Евдома, то ему пришлось бы выѣхать на берегъ Галаты и Перы и еще выше послѣдней на сѣверный берегъ Золотого Рога, а никакъ не попасть въ Босфоръ.

Но если Евдомъ, у котораго присталъ саракинскій флотъ и Василій Македонянинъ, находился дѣйствительно на берегу Мраморнаго моря у седьмого милевого столба, а не предъ Текфуръ-Сараемъ, не у

Золотого Рога, какъ думалъ Жилль-Дюканжъ, то какъ же намъ быть съ осадой, которую Дюканжъ, знаменитый Дюканжъ, столь всѣми византологами уважаемый и почитаемый авторъ Constantinopolis christiana, признаетъ большою нелѣпостью и сравниваетъ съ осадой Парижа посредствомъ занятія линіи отъ Версаля до Луврскаго дворца? Какъ глупо и нелѣпо думать, что такимъ занятіемъ можно осадить Парижъ, такъ нелѣпо думать, что, занявъ линію по берегу Мраморнаго моря отъ Евдома до Кикловія, т. е. до начала приморскихъ стѣнъ, саракины осаждали, могли держать въ осадѣ Константинополь. Въ самомъ дѣлѣ вѣдь очень незначительная, ничтожная часть приморскихъ стѣнъ отъ Золотыхъ воротъ до Кикловія осаждалась саракинскимъ флотомъ, а остальные стѣны какъ морскія, такъ и сухопутныя были свободны. Развѣ это можно назвать осадой?

Если бы дѣло упрямыхъ противниковъ Дюканжа было такъ плохо и они ничего не могли сказать противъ его возраженій и обвиненій, то и тогда не было бы достаточнаго основанія переносить Евдомъ туда, гдѣ онъ быть не могъ. Но наше дѣло не такъ плохо и безнадежно: за насъ говоритъ вся исторія осадъ Константинополя до самой послѣдней, турецкой, включительно.

Константинополь осаждался много разъ и чужими и своими, и за исключеніемъ двухъ осадъ, кончившихся взятіемъ Константинополя, осаждался съ суши, а не съ моря. Море, благодаря греческому огню и флоту, оставалось свободнымъ; по крайней мѣрѣ Золотой Рогъ, запертый цѣпью и защищаемый даже очень слабымъ флотомъ, оставался всегда въ рукахъ защитниковъ Константинополя, и непріятельскій флотъ, за исключеніемъ латинскаго (1204 г.) и турецкаго (1453 г.), въ Золотой Рогъ не проникалъ: ихъ удерживала знаменитая цѣпь, протянутая отъ Акрополя, т. е. отъ угла, образуемаго Мраморнымъ моремъ и устьемъ Золотого Рога, къ Галатской башнѣ. Потому благочестивые крестоносцы, чтобы осадить Константинополь съ моря и въ Золотомъ Рогѣ, должны были сперва взять Галатскую башню, въ которой укрѣплялся конецъ этой цѣпи, а затѣмъ уже, отрѣзавши конецъ цѣпи, войти въ Золотой Рогъ. Турки, благодаря этой цѣпи и защищавшему Золотой Рогъ флоту, и вовсе не могли пробраться въ Золотой Рогъ съ кораблями, а принуждены были перетаскивать корабли изъ Босфора въ Золотой Рогъ черезъ Перу. Если даже турки, благодаря цѣпи, не могли прорваться, то во времена большого процвѣтанія Восточно-Римской имперіи прорваться туда чрезъ цѣпь и вовсе было трудно. Саракины при Львѣ Исаврѣ пытались было прорваться, но неудачно, какъ мы

видѣли, а когда Левъ спустилъ цѣпь и, повидимому, открылъ портъ, саракины сами не пошли, какъ было уже сказано.

Если такимъ образомъ осадить Константинополь со всѣхъ сторонъ было нельзя, то приходилось брать т. е. постараться взять его съ суши. Такъ дѣлали саракины: они приставали къ берегу Мраморнаго моря не для того только, чтобы осаждать берегъ и часть стѣны, у которой происходили постоянныя стычки, но и для того, чтобы высадить десантъ, который могъ вести правильную осаду и занимать долины и холмы въ окрестностяхъ Константинополя отъ Золотыхъ воротъ до Золотого Рога и впадающихъ въ него рѣчекъ.

По словамъ Теофана [I, p. 395 sq. de Boog], Масалма, перезимовавши въ Азіи, присталъ къ Авиду (Ἄβιδος) и переправилъ достаточное количество войска во Фракію и двинулся противъ столицы, грабя и раззоряя Фракію. Подойдя къ стѣнамъ города, саракины вырыли вокругъ стѣны (сухопутной) большой ровъ, а надъ нимъ возвели стѣну до груди вышиною.

Ясно, что саракины осаждали не только берега Пропонтиды, но всѣ сухопутныя стѣны и притомъ не только грабили окрестности, но вели правильную осаду города съ суши, какъ дѣлали большею частію непріатели, пытавшіеся взять городъ. Подобнымъ образомъ, вѣроятно, осаждали саракины и при Константинѣ Погонатѣ, а не ограничивались стычками около Кикловія и стояніемъ у береговъ Пропонтиды.

Подобнымъ образомъ осаждали Константинополь и болгаре подъ предводительствомъ Симеона, который занималъ и опустошалъ окрестности Константинополя, а въ концѣ концовъ, послѣ неудачныхъ попытокъ взять городъ, удалился въ Евдомъ, гдѣ, вѣроятно, была главная квартира, и велъ переговоры о мирѣ. Примѣровъ такихъ и подобныхъ осадъ можно было бы привести много, если бы была въ этомъ надобность и если бы эти случаи не были извѣстны каждому, болѣе или менѣе знакомому съ византійскою исторіею. Дюканжу, конечно, все это было извѣстно, но онъ, какъ бы нарочно, закрывалъ глаза на противорѣчащія его мнѣнію факты или перетолковывалъ ихъ по своему. Онъ самъ приводитъ въ XIII гл. своей статьи этотъ фактъ и говоритъ, что Симеонъ вырылъ ровъ отъ Влахернъ до Золотыхъ воротъ. При этомъ, конечно, Симеонъ долженъ былъ проводить ровъ и чрезъ Евдомъ, если бы онъ находился у Влахернъ, но объ Евдомѣ ни слова во время осады: о немъ говорится только тогда, когда Симеонъ отчаявается взять Константинополь. Да и какъ Симеонъ могъ съ своимъ штабомъ помѣститься въ Евдомѣ, т. е. въ его дворцѣ и прилегающихъ къ

*

нему зданіяхъ, если этотъ дворець (Текфурь-Сарай) въ городѣ, за его стѣнами. Но Дюканжъ всѣ эти обстоятельства благоразумно замалчиваетъ, какъ противорѣчащія его теоріи, а такихъ обстоятельствъ во время набѣговъ Симеона на Константинополь было очень много, и это упрямые противники Дюканжа не могутъ опустить безъ вниманія.

Во всякомъ случаѣ, какъ мы видѣли, въ осадѣ саракинами Константинополя, приставшими къ берегу Мраморнаго моря отъ Евдома до Кикловія, ничего нелѣпаго нѣтъ, а напротивъ, большая нелѣпость допускать, что они заняли Золотой Рогъ до самаго его начала, когда они боялись войти даже въ его устье, какъ объ этомъ точно и ясно сообщается въ хронографіи у Теофана и у другихъ хронистовъ.

Если главное возраженіе Дюканжа, его главные доводы въ пользу помѣщенія Евдома у Влахернскаго квартала оказываются въ сущности недоразумѣніемъ, совершенно неожиданнымъ и мало вѣроятнымъ со стороны такого авторитета, какъ авторъ Constantinopolis Christiana, — то остальные его толкованія и доказательства имѣютъ еще менѣе значенія, такъ какъ отличаются еще бѣльшими натяжками. Прямое свидѣтельство источниковъ, что дворець Евдома, консисторій Граціана или Юстиніана находится in Septimo ab urbe milliario, Дюканжъ считаетъ за простую locutionis forma и утверждаетъ, что дворець этотъ находился даже не за городомъ, а въ самомъ городѣ. Объявивъ такимъ образомъ несогласныя съ его мнѣніемъ свидѣтельства средневѣковыхъ писателей только за locutionis formae, Дюканжъ объявляетъ, что, хотя Евдомъ и называется *πρόστειον*, хотя и говорится въ источникахъ, что онъ находился *πρὸ τῆς πόλεως*, но это не значить, что Евдомъ дѣйствительно былъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ города, онъ могъ быть и въ самомъ городѣ, такъ какъ *πρόστεια* назывались не только ближайшія къ городу поселенія, но части города, лежащія на окраинахъ. Послѣ этого все можно утверждать и не стѣсняться никакими свидѣтельствами источниковъ, какъ бы ясны и точны они ни были. И дѣйствительно знаменитый византологъ оказался вынужденнымъ дойти до того, что сталъ совершенно превратно толковать показанія источниковъ, которые въ другихъ вопросахъ Дюканжъ не заподозриваетъ въ такой превратности и неточности, какъ будто они не умѣли выразиться болѣе точно. Церковный историкъ Сократъ сообщаетъ [Hist. eccles. VI, 6], что храмъ Іоанна Предтечи въ Евдомѣ отстоитъ отъ города на 7 миль (это замѣчаніе Сократа повторяется у него два раза [ср. VI, 11]), а Дюканжъ говоритъ, что на семь миль тянулось Поле, а храмъ Іоанна Крестителя нисколько не отстоялъ отъ города, а былъ внутри самаго города, недалеко отъ дворца (Магнавры), который также находится въ

городѣ, въ стѣнахъ его, хотя и былъ въ Евдомѣ. По толкованію Дюканжа, дѣйствительность оказывается какъ разъ противоположною тому, что говорится въ источникахъ. Въ заключеніе своего разсужденія Дюканжъ дѣлаетъ выводы прямо противоположные тому, что нужно ожидать на основаніи источниковъ: всѣ тѣ зданія и топографическіе пункты, которые въ источникахъ называются стоящими въ Евдомѣ или у седьмого милевого столба, вовсе тамъ не находились. Тамъ, напротивъ, ничего не было, а все, что было въ Евдомѣ по словамъ историковъ и другихъ писателей, было не въ Евдомѣ, а частью на пространствѣ отъ этого Евдома до города, а большею частью самыя важныя зданія—въ самомъ городѣ, т.-е. на семь миль отъ Евдома.

Если бы подобныя, явно противорѣчащія источникамъ соображенія стали доказывать кто-нибудь другой, а не Дюканжъ, то на подобныя словоизверженія никто бы не обратилъ вниманія: до такой степени они невѣроятны и явно ложны. Нужно допустить, что всѣ средневѣковые писатели сговорились морочить читателей и намѣренно вводить ихъ въ заблужденіе: не говорить того и такъ, что и какъ было, а говорить то, чего не было и быть не могло.

Ради чего же Дюканжъ приписываетъ писателямъ такія злыя намѣренія? Единственно для того, чтобы доказать, что Евдомъ былъ тамъ, гдѣ его не было и быть не могло, и не былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ дѣйствительно былъ. Для чего ему нужно было это, для чего ему нужно было опровергать справедливое мнѣніе Адр. Валезія, я не понимаю. Неужели для того, чтобы доказать, что онъ, Дюканжъ, ошибаться въ вопросахъ топографіи Константинополя не можетъ, и Адр. Валезій напрасно суется съ своими поправками? Этому не хочется вѣрить!

Какъ бы то ни было, но для меня совершенно ясны и несомнѣнны ошибки и ложныя толкованія Дюканжа. Думаю, что они будутъ еще яснѣе, если мы выяснимъ себѣ положительную сторону вопроса и постараемся опредѣлить, что такое былъ Евдомъ и что въ немъ было, при этомъ строго держась источниковъ.

Евдомомъ, какъ уже было много разъ сказано, называлось предмѣстіе Константинополя (*προάστειον*, *suburbanum*), лежавшее на берегу Мраморнаго моря по дорогѣ (*via Egnatia*), шедшей отъ Золотыхъ воротъ у седьмого милевого столба (*ἐπὶ τῷ ἑβδόμῳ μιλίῳ*, *in septimo miliario*), считая отъ начальнаго милевого столба, такъ называемаго Милія, находившагося у юго-восточнаго угла двора (*atrium*) св. Софїи и служившаго исходнымъ пунктомъ для всѣхъ дорогъ, шедшихъ отъ Константинополя. По милевому столбу, у котораго оно стояло, предмѣстие и

называлось . Седьмымъ столбомъ или просто Седьмымъ ("Εβδομος, Septimum). Далѣе у 12-го столба по той же дорогѣ былъ городокъ Ригій, еще дальше Силимврія, Ираклія и т. д.

Было ли въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Евдомъ какое-нибудь поселеніе до обращенія Византіи въ Константинополь, неизвѣстно, но Константинъ Великій, превративши Византію въ Новый Римъ, долженъ былъ позаботиться о пріисканіи удобнаго мѣста для Марсова поля, необходимой принадлежности каждаго большаго города, а тѣмъ болѣе столицы, гдѣ стояло всегда много войска, охранявшаго новую столицу и императора. Самымъ удобнымъ и подходящимъ мѣстомъ для такого поля былъ отлогій и ровный берегъ Мраморнаго моря близъ Константинополя, и Константинъ Великій естественно выбралъ его, такъ какъ дальше отъ берега мѣстность дѣлалась волнистою и еще дальше на сѣверо-востокъ, около Золотога Рога, она становится овражистою, гористою и лѣсистою. Такая мѣстность очень красива и удобна для охоты, а не для Марсова поля. И теперь еще окрестности Константинополя у Золотога Рога, на сѣверъ отъ бывшаго Влахернскаго квартала, невольно приковываютъ вниманіе своимъ разнообразіемъ, долинами, небольшими оврагами, холмами и лѣсистыми горками, которыя и въ средніе вѣка привлекали вниманіе царей, строившихъ тамъ дворцы съ видомъ на эту красивую и веселую мѣстность.

Совсѣмъ другимъ характеромъ отличается однообразный берегъ Мраморнаго моря, благодаря чему, какъ теперь, такъ и въ средніе вѣка онъ былъ очень мало заселенъ, между тѣмъ какъ восточное продолженіе Константинополя, берегъ Босфора и въ средніе вѣка и теперь были очень густо заселены, благодаря красивому разнообразію гористыхъ береговъ извилистаго Босфора. Но именно благодаря ровности и плоскости береговъ Мраморнаго моря съ европейской, сѣверной, стороны, особенно у теперешняго Макри-кѣя, гдѣ этотъ характеръ мѣста, эта плоскость далеко уходитъ и по берегу и въ глубь материка, берега эти болѣе всего годились для военныхъ упражненій, смотровъ, маневровъ и другихъ большихъ военныхъ дѣйствій и лѣтнихъ стоянокъ въ лагеряхъ. Близость ея къ берегу и возможность морскаго подвоза провіанта, военныхъ припасовъ и предметовъ вооруженія, какъ и самыхъ войскъ, еще болѣе увеличивала удобства этой мѣстности для Марсова поля изъ всѣхъ окрестностей Новаго Рима. Van Millingen, указавшій на Макри-кѣй, какъ на мѣсто прежняго Евдома, говоритъ, что портомъ Евдома, который упоминается у писателей и который подвергался исправленію между прочимъ при Юстиніанѣ, служилъ или

могъ служить заливъ Зейтанъ-бурну, находящійся между Макри-кѣемъ и Константинополемъ.

Сдѣлавъ нарочно поѣздку для осмотра Макри-кѣя, я пришелъ къ тому заключенію, что не этотъ заливчикъ былъ портомъ, такъ какъ это собственно не заливъ, а просто излучина берега съ очень незначительнымъ уклономъ отъ прямой линіи, который не могъ укрывать ни отъ вѣтра, ни отъ волненія. А Евдомъ дѣйствительно былъ портъ, слѣды котораго сохраняются и до сихъ поръ. Дѣло въ томъ, что, пріѣхавъ въ Макри-кѣй и сойдя съ поѣзда, мои спутники и я пошли по улицамъ Макри-кѣя къ морю и вездѣ, на улицахъ и площадяхъ, видѣли остатки и обломки мраморныхъ колоннъ, капителей, разбиваемыхъ на куски, очевидно, на известъ, устои мраморной цистерны съ надписью, которую трудно было разобрать. Такое обиліе архитектурныхъ остатковъ большихъ и дорогихъ построекъ подтверждало и укрѣпляло предположеніе, что Макри-кѣй былъ нѣкогда мѣстомъ, изобиловавшимъ дорогими и великолѣпными зданіями, украшенными мраморными колоннами и орнаментами. Выйдя на площадку къ морю, я пораженъ былъ тѣмъ, что одна часть ея была усыпана мелкимъ мусоромъ и отъ другой отдѣлялась фундаментомъ какой-то стѣны, шедшей отъ городка прямо къ морю, вдоль нашего пути, налѣво отъ насъ. За этимъ фундаментомъ какой-то стѣны была также площадь нѣсколько пониже и на довольно большое пространство она занята была садомъ (ближе къ городу) и огородомъ, шедшимъ до самаго моря и все понижавшимся къ нему. Я обратилъ на это вниманіе своихъ спутниковъ, и мы, идя вдоль этой стѣны, дошли до берега, очертанія котораго и развалины построекъ на немъ еще болѣе убѣдили насъ, что садъ и огородъ за фундаментомъ занимаютъ и заполняютъ какое-то большое углубленіе въ почвѣ, оканчивающееся каменною стѣною у самаго моря, которая, однако же, построена недавно и доходитъ только до половины огорода, замыкая его и не позволяя насыпной почвѣ осыпаться, между тѣмъ какъ другая половина углубленія, занятаго огородами, оканчивается насыпью, почти омываемою въ нижней части волнами моря.

По дощечкамъ и камнямъ можно пройти за стѣною и у подошвы насыпи съ одного берега долинки до другого и дойти до каменнаго помоста, омываемаго волнами моря и переходящаго въ каменную лѣстницу, сложенную изъ крупныхъ каменныхъ плитъ, хорошо обтесанныхъ и прилаженныхъ, но теперь значительно поврежденных временемъ и волнами. Эта лѣстница выводитъ 10—15 ступенями на

другой берег углубленія, довольно замѣтно и значительно выступающій въ море сравнительно съ вышеназваннымъ углубленіемъ. Этому возвышенному берегу лѣвой стороны углубленія, если смотрѣть къ морю, соответствуетъ такой же берегъ на правой сторонѣ, который также остроумъ угломъ выступаетъ въ море.

На этомъ углу теперь устроена простая деревянная бесѣдка для желающихъ полюбоваться моремъ. Съ этой бесѣдки, прямо подъ нею, на самомъ краю внизу лежатъ развалины какой-то византійской башни, размыаемыя теперь морскими волнами. Одинъ изъ моихъ спутниковъ, Г. П. Беглери, спустился къ этимъ развалинамъ и досталъ одинъ камень съ греческими буквами, указывающими на греческое происхожденіе башни. Весьма вѣроятно, что это—остатки одной изъ башенъ, фланкировавшихъ и защищавшихъ небольшой портъ Евдома, который занималъ всю эту, занятую теперь турецкимъ садомъ и огородомъ, долину. Входъ въ него, вѣроятно, былъ у выступающихъ угловъ, прежде увѣчаныхъ башнями, а конецъ, т. е. противоположная входу сторона, у конца сада, около цистерны, находящейся въ саду. Сколько мнѣ помнится, судя по теперешнему углубленію, болѣе или менѣе ясно обозначающемуся среди окружающей мѣстности, древній портъ былъ довольно помѣстителенъ и былъ, по крайней мѣрѣ, вдвое длиннѣе стороны, обращенной къ морю, между двумя башнями.

Обойдя такимъ образомъ все ясно засыпанное углубленіе, мы припили къ тому заключенію, что по своему объему оно вполне достаточно для небольшого порта и не представляетъ собою небывалаго примѣра засыпаннаго порта. Такихъ примѣровъ не мало по сосѣдству, въ Константинополѣ, гдѣ имѣются налицо и видны остатки нѣсколькихъ маленькихъ портовъ и пристаней на Мраморномъ морѣ, теперь разрушенныхъ, засыпанныхъ и заваленныхъ пескомъ и мусоромъ до такой степени, что они превратились въ низменности, весьма удобныя для садовъ и огородовъ, которые и не замедлили явиться на мѣстѣ старинныхъ портовъ. Тамъ, гдѣ стояли болѣе или менѣе значительные лодки и корабли, теперь стоятъ роскошно растущія въ насыпной почвѣ деревья, болѣею частью плодовые, разведены прекрасные огороды, хорошо поливаемые изъ сосѣднихъ цистернъ, которыхъ немалое количество греки оставили туркамъ въ наслѣдство и которыя открываются и до сихъ поръ.

Кромѣ порта, въ Евдомѣ былъ дворецъ для остановокъ царя и для пребыванія среди войскъ, какъ строятся дворцы въ современныхъ лѣтнихъ лагеряхъ, находящихся возлѣ столицъ. Какъ теперь главы государствъ перѣдко живутъ по цѣлымъ мѣсяцамъ въ лагеряхъ, особенно

гвардейскихъ, такъ и въ Константинополѣ цари проводили иногда довольно долгое время во дворцѣ Евдома, тѣмъ болѣе, что онъ находился на берегу моря и былъ однимъ изъ пригородныхъ дворцовъ. Юстиніанъ I, повидимому, особенно любилъ Евдомъ и подолгу жилъ тамъ, такъ что тамъ ему докладывались и подносились для подписи нѣкоторые законодательные акты. Тамъ же происходили иногда засѣданія совѣтниковъ Юстиніана, т. е. высшихъ и приближенныхъ сановниковъ, составлявшихъ «консисторію», въ особой залѣ, для этихъ засѣданій выстроенной и по имени строителя называвшейся *consistorium novum Justiniani*.

Дальнѣйшихъ свѣдѣній ни объ этой консисторіи, ни о дворцѣ, какъ нужно думать и какъ увѣряютъ писатели, построенномъ Константиномъ Великимъ въ одно время съ преобразованиемъ Византіи въ Константинополь, когда было выбрано мѣсто для Марсова поля, нѣтъ. Но такъ какъ Макри-кей еще совершенно не изслѣдованъ, то нѣтъ никакихъ основаній отчаиваться въ томъ, что найдены будутъ остатки а, быть можетъ, и фундаменты дворца въ Евдомѣ; эти остатки, однако же, будутъ, по всей вѣроятности, носить не тотъ характеръ, которымъ отвѣчаетъ дворецъ, признанный Дюканжемъ за Евдомъ (Текфуръ-Сарай). Довольно значительные остатки этого дворца показываютъ, что постройка эта не принадлежитъ времени Константина Великаго, а гораздо позднѣйшей эпохѣ, когда стѣны Иракліи уже были и принимались въ расчетъ при постройкѣ. Какъ длина, такъ и высота Текфуръ-Сарая приспособлена къ стѣнамъ Иракліи. Потому, хотя дворецъ этотъ и называется дворцомъ Константина, но подъ этимъ Константиномъ нельзя разумѣть Великаго.

Гораздо чаще, чѣмъ дворецъ Евдома въ извѣстіяхъ средневѣковыхъ писателей фигурируетъ Трибуналъ Евдома, на которомъ провозглашались новые императоры. Трибуналы составляли почти необходимую принадлежность римскихъ и византійскихъ дворцовъ и служили для выходовъ царей въ многолюдныя собранія чиновъ, войска и народа.

Въ виду обширнаго мѣста, занимаемаго трибуналами, особенно тою частью его, которая назначалась для войска и народа, они были обыкновенно открытые и въ простѣйшемъ видѣ состояли изъ ровной обширной площадки съ эстрадою или возвышеніемъ для представителей власти и высшихъ сановниковъ, которые показывались на этой эстрадѣ собранію и говорили къ собравшимся рѣчь непосредственно или чрезъ какого-нибудь чиновника, какъ бывало обыкновенно. Эстрада эта соотвѣтствовала конхамъ съ возвышеннымъ поломъ въ тронныхъ пріемныхъ залахъ и базиликахъ, съ которыми мы имѣли уже случай познакомиться при описаніи частей Большого Дворца (ср. рис. 17 и 18).

Въ циркѣ Константинопольскомъ площадку замѣняли мѣста для сидѣнья и бѣганья лошадей, а трибуналъ замѣняла такъ называвшаяся каоизма т. е. зданіе съ трономъ для царя и мѣстами для чиновъ и свиты, которые частью помѣщались рядомъ съ царемъ, частью ниже его на уступахъ и террасахъ эстрады. На Марсовомъ полѣ Трибуналъ могъ состоять изъ каменной эстрады, выходившей на болѣе или менѣе значительную площадь, на которой собирались войска и куда могъ сходиться и народъ, публика, между тѣмъ какъ чиновники и сановники

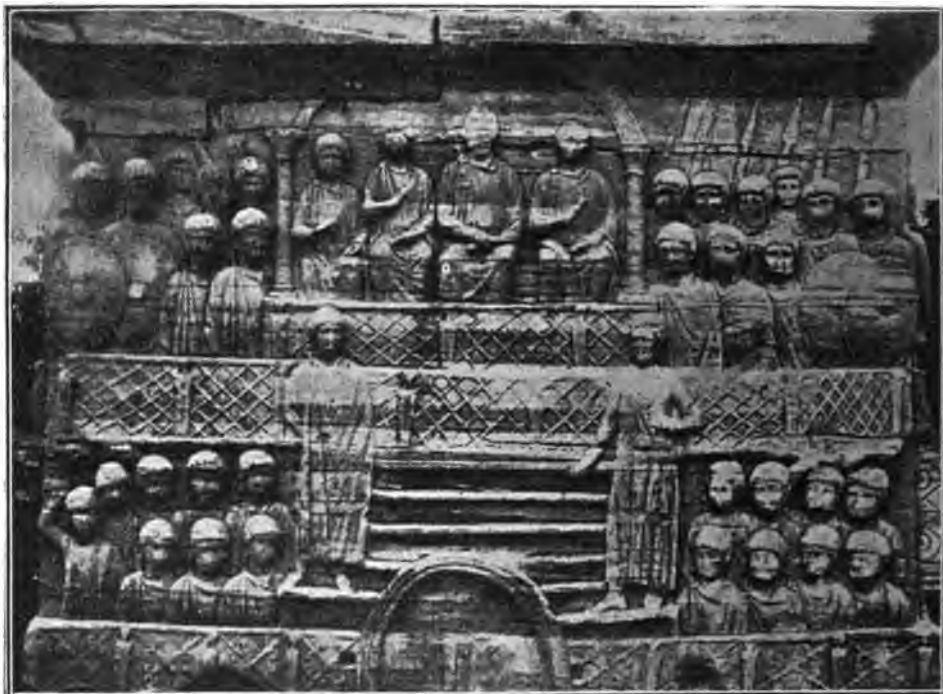

Рис. 17. Скульптурныя украшенія базы колонны Θεодосія Великаго (вост. сторона).

размѣщались обыкновенно на эстрадѣ, когда императоръ или полководецъ выходилъ на эстраду для обращенія къ народу. Такой Трибуналъ былъ, очевидно, и въ Евдомѣ и на немъ, какъ было приведено выше, по исконному римскому обычаю, войскамъ предъявлялся и ими утверждался, такъ сказать, новый императоръ, что потомъ иногда дѣлалось въ Инподромѣ или какомъ-нибудь дворцовомъ трибуналѣ или въ обширной залѣ.

Кромѣ этихъ зданій, въ Евдомѣ было нѣсколько церквей, частью построенныхъ императорами и снабженныхъ замѣчательными и весьма чтимыми реликвіями. Особенно видное значеніе имѣла церковь во имя Іоанна Предтечи, которую Θεодосій Великій положеніемъ въ ней главы

Іоанна Предтечи поднялъ на степень весьма важной христіанской сѣ-
тыни, тѣмъ болѣе что первоначально въ ней совершалось, повидимому,
благословеніе патриархомъ или епископомъ Константинопольскимъ цар-
скихъ регалій, т. е. совершался древнѣйшій и простѣйшій обрядъ
коронаціи, который впослѣдствіи съ гораздо большею помпою и цере-
моніями совершался въ св. Софіи. Храмъ этотъ былъ возобновленъ
Юстиніаномъ, который и для Евдома является такимъ же виднымъ
строителемъ, какъ для многихъ другихъ мѣстъ имперіи: по его имени

Рис. 18. Скульптурныя украшенія базы колонны Феодосія Великаго (сѣв. сторона).

называлась зала во дворцѣ, устроенная для дѣловыхъ пріемовъ и совѣ-
щаній, онъ очистилъ засорившійся портъ Евдома и вообще, очевидно,
заботился о благоустройствѣ этого предмѣстья столицы ¹⁾).

Послѣ храма въ честь Іоанна Предтечи самую важную церковью
Евдома считался храмъ Іоанна Богослова, въ которомъ служилась ли-
тургія въ день крестнаго хода въ память знаменитыхъ землетрясеній,
бывшихъ при Феодосіи II. Почему именно въ этомъ храмѣ соверша-

---

¹⁾ [Свидѣтельства о церкви Іоанна Предтечи—*ὁ ναὸς τοῦ Προδρόμου*—сопоставлены
у J. P. Richter'a, Quellen d. byz. Kunstgeschichte, стр. 145 сл.]

лась литургія въ этотъ день, сказать довольно трудно. Быть можетъ, этотъ храмъ или самъ сильно пострадалъ отъ землетрясенія или ближайшая къ нему мѣстность подверглась наибольшему разрушенію ¹⁾).

Кромѣ этихъ двухъ храмовъ въ Евдомѣ было нѣсколько другихъ церквей, не евктиріевъ только, но приходскихъ, показывающихъ, что Евдомъ былъ довольно большое и населенное предмѣстье, состоящее изъ нѣсколькихъ слободъ или кварталовъ, къ числу которыхъ безъ сомнѣнія принадлежать и Алусія, гдѣ стоялъ храмъ.

Г л а в а III.

Выходы въ храмъ Халкопратійскій.

Халкопратійскій храмъ во имя пресв. Богородицы, какъ и Влахернскій, принадлежалъ къ числу важнѣйшихъ и наиболѣе чтимыхъ храмовъ христіанскаго Константинополя. Послѣ храмовъ св. Софіи и св. Апостоловъ, Халкопратійскій и Влахернскій храмы, посвященные покровительницѣ и защитницѣ Константинополя, его «взбранной воеводѣ», служатъ чаще другихъ такими религіозными пунктами, куда и откуда совершаются торжественные крестные ходы патріарха съ духовенствомъ и народомъ и царя съ синклитомъ ²⁾. Какъ въ важнѣйшіе Господніе праздники царь совершалъ богомольные выходы въ храмъ Премудрости Божіей, такъ въ важнѣйшіе Богородичные опъ совершалъ крестные ходы и богомольные выѣзды въ Халкопратійскій и Влахернскій храмы. Такое выдающееся значеніе этихъ храмовъ въ значительной степени объясняется тѣмъ, что въ особыхъ придѣлахъ при этихъ храмахъ хранились драгоцѣнныя для христіанъ святыни, связанныя съ жизнью Богоматери: во Влахернскомъ храмѣ одежда или покровъ пресв. Богородицы, а въ Халкопратійскомъ одежда и поясъ ея.

Несмотря, однако же, на первенствующее значеніе Халкопратійскаго храма среди другихъ храмовъ, посвященныхъ Богоматери, мы имѣемъ

---

¹⁾ [Свидѣтельства о церкви Іоанна Богослова см. у J. P. Richter'a, ук. соч. 127 сл.].

²⁾ Потому и въ древнѣйшемъ изъ доселѣ извѣстныхъ уставовъ Великой церкви Влахернскій и Халкопратійскій храмы упоминаются, послѣ св. Софіи, всего чаще, какъ мѣста церковныхъ празднествъ и торжественныхъ, съ участіемъ патріарха, богослуженій. См. Н. Ф. Красносельцевъ, Тицикъ Церкви св. Софіи IX в., Одесса, 1892, 25. Отдѣльный оттискъ изъ 2-го вып. Лѣтописи Истор. Филол. Общества при Новоросс. университетѣ.

очень скудныя и противорѣчивыя извѣстія относительно его исторіи и очень неопредѣленныя свѣдѣнія о его мѣстоположеніи ¹⁾).

Халкопратійскій храмъ пресв. Богородицы назывался такъ отъ того, что построенъ былъ на мѣстѣ еврейской синагоги, находившейся среди «Мѣдныхъ Рядовъ» (τὰ Χαλκοπρατεῖα), въ которыхъ евреи торговали своими издѣліями изъ мѣди ²⁾). Евреи поселились и торговали въ этихъ рядахъ со временъ Константина Великаго, а при Θεодосίи Великомъ, когда онъ былъ на западѣ, подкупивъ ипарха Гонората, по религіи язычника, добыли у него позволеніе построить синагогу среди «Мѣдныхъ Рядовъ», которую и построили съ большою роскошью и великолѣпіемъ. Но народъ византійскій, исповѣдовавшій уже въ огромномъ большинствѣ христіанскую вѣру и ненавидѣвшій евреевъ, возмущенъ былъ этой антихристіанской постройкой и открыто порицалъ ипарха, который, однако же, мало обращалъ вниманія на эти порицанія и продолжалъ покровительствовать евреямъ. Тогда народъ ночью поджегъ синагогу и сжегъ ее. Ипархъ донесъ объ этомъ царю Θεодосίю, а Θεодосίи предписалъ, разыскавши виновныхъ, взыскать съ нихъ причиненные евреямъ убытки и заставить ихъ возстановить сожженную синагогу. Объ этомъ событіи и распоряженіи царя между тѣмъ узналъ св. Амвросій Медиоланскій и, когда Θεодосίи въ одинъ изъ Господнихъ праздниковъ, по обыкновенію, дѣлалъ богомольный выходъ и вошелъ въ каѳедральный храмъ, Амвросій обратился къ нему съ рѣчью, въ которой упрекалъ царя за то, что онъ насильно заставляетъ христіанъ строить евреямъ синагогу среди христіанскаго города и, предпочитая враговъ Христа вѣрующимъ въ Него, оскорбляетъ Того, который вѣнчалъ его царскою короною и вручилъ его заботамъ. Свое стадо, искупленное страданіями и кровію. На эти рѣзкіе упреки Θεодосіи сначала возразилъ: а развѣ можно позволить народу безчинствовать и производить

---

¹⁾ Извѣстія о постройкѣ и его передѣлкахъ собраны Дюканжемъ въ его Constantinopolis Christiana (lib. IV, p. 57 ed. Venet.). Ср. его же in Alexiadem Annae Comnenae notae, II, p. 513 Bonn. Эти извѣстія повторяются и разсматриваются у Vanduri въ Imperium Orientale, tom. II, Comment. in Antiquitates Const. p. 471 sq. (ed. Venet.). Ср. ibid. p. 305. Gyllii de Topogr. Constantinopol. lib. II, c. XXI. Нѣкоторыя извѣстія, приведенныя Дюканжемъ, повторяетъ Византій въ Κωνσταντινούπολις, I, 459—460. Эти же извѣстія вкратцѣ разсмотрѣны мною въ статьѣ: Храмъ Богородицы Халкопратійской въ Константинополѣ, помѣщенной въ 2-мъ вып. Лѣтописи Историко-Филол. Общества при Новороссійск. университетѣ (Одесса, 1892). Выказанныя тамъ соображенія частью повторяются здѣсь.

²⁾ Anonymi Antiquit. Constantin. lib. II, p. 23 (у Vanduri въ Imperium Orientale). Codini de aedific. p. 83 Bonn.: εἰς δὲ τὰ Χαλκοπρατεῖα ἀπὸ τοῦ Μεγάλου Κωνσταντίνου Ἰουδαῖοι κατήκον ὑρόνοος ἑκατὸν καὶ τριάκοντα δύο καὶ ἐπίπρασκον τὰ χαλκώματα.

беспорядки въ благоустроенныхъ городахъ? Но когда Амвросій отвѣтилъ на это царю, что не слѣдуетъ и евреямъ позволять имѣть синагогу въ центрѣ благочестиваго города, Θεодосίη смягчился и, убѣдившись въ справедливости словъ Амвросія, простилъ византійцамъ ихъ преступленіе и запретилъ евреямъ имѣть синагогу внутри города ¹⁾. Если это запрещеніе распространялось и на выстроенную уже синагогу среди «Мѣдныхъ Рядовъ», то самое зданіе синагоги и «Мѣдные Ряды» съ торговцами евреями продолжали стоять до внуковъ Θεодосія Великаго ²⁾. Только въ царствованіе Θεодосія II, имъ самимъ или сестрою его Пульхерією на мѣстѣ еврейской синагоги и «Мѣдныхъ Рядовъ» былъ построенъ храмъ во имя пресв. Богородицы, причѣмъ синагога и «Мѣдные Ряды» были снесены, мѣсто расчищено и на немъ возведенъ храмъ во имя пресв. Богородицы. Но мѣсто это продолжало носить свое прежнее названіе; потому и вновь построенный христіанскій храмъ въ отличіе отъ другихъ храмовъ во имя пресв. Богородицы назывался Халкопратійскимъ или въ Халкопратіяхъ.

Въ Хронографіи Θεοφάνη мы имѣемъ два противорѣчивыхъ извѣстія относительно времени постройки и строителей Халкопратійскаго храма. Подъ 5942 г. отъ сотворенія міра = 450 отъ Р. Х., послѣ извѣстія о возвращеніи изъ ссылки Пульхеріи, сказано, что она тотчасъ же перенесла изъ Ефеса мощи св. Флавіана, положила ихъ въ храмѣ св. Апостоловъ, а потомъ прибавлено: τότε τῆν τῶν Χαλκοπρατείων ἐκκλησίαν τῇ ἀγίᾳ Θεοτόκῃ ἀνήγειρε συναγωγὴν Ἰουδαίων πρότερον οὖσαν ³⁾, т.-е. «тогда воздвигъ (или воздвигла) Халкопратійскій храмъ св. Богоматери, бывший прежде іудейскою синагогою», смотря потому, къ кому мы будемъ относить ἀνήγειρε, къ Θεодосίῳ II или сестрѣ его Пульхеріи. Дюканжъ относилъ ἀνήγειρε къ Θεодосίῳ и потому видѣлъ въ этой замѣткѣ извѣстіе о постройкѣ Халкопратійскаго храма Θεодосіємъ Младшимъ. Но Рейске не безъ основанія замѣтилъ ⁴⁾, что извѣстіе о постройкѣ Халкопратійскаго храма слѣдуетъ относить не къ Θεодосіῳ, а къ Пульхеріи, о которой идетъ рѣчь въ предыдущемъ періодѣ, заключающемъ въ себѣ извѣстіе о перенесеніи мощей св. Флавіана. Хотя у позднѣй-

¹⁾ Zonar. Epit. Histor. Lib. XIII, c. XVIII, vol. III, p. 228 Dindorf. Cp. Cedreni Histor. Comp. I, p. 571 Bonn.

²⁾ Послѣ вышеприведенныхъ словъ у Анонима-Кодина сказано: ὁ δὲ Μικρὸς Θεοδόσιος ἐξέσωσεν αὐτοὺς (τοὺς Ἰουδαίους) ἐκείθεν καὶ ἀνακαθάρσας τοῦτον τὸν τόπον ναὸν τῆς Θεομήτορος ἀνήγειρε, συμπρωθέντα δ' ὑπὸ σεισμοῦ Ἰουστινῶς ὁ ἀπὸ κοροπαλάτων ἀνήγειρε καὶ κτίματα ἀπεχώρησεν αὐτῷ ἀκίνητα.

³⁾ Theoph. Chronogr. p. 102, l. 10—11 de Boor.

⁴⁾ Comment. ad Cerim. p. 135 Bonn.

шихъ писателей, какъ Георгій Монахъ (р. 498 ed. Muralt) и Анонимъ-Кодинъ, основаніе Халкопратійскаго храма приписывается Θεодосію II, но церковные историки: Θεодоръ Чтець и Никифоръ Каллисть относятъ первую постройку этого храма ко времени царствованія Маркіана и Пульхеріи (цитаты приведены у Дюканжа I. с.), такъ что вышеприведенное извѣстіе ееофановой Хронографіи можно вмѣстѣ съ Рейске отнести и къ Пульхеріи (Comment. ad Cerim. p. 135 Вонн.), тѣмъ болѣе что, по конструкціи, оно можетъ быть отнесено къ тому и другому, т.-е. къ Θεодосію и Пульхеріи. Къ кому бы, впрочемъ, мы ни относили эту замѣтку, во всякомъ случаѣ въ первоначальной редакціи Хронографіи ея не было. Она, очевидно, вставлена послѣ, быть можетъ, на основаніи извѣстій вышеназванныхъ церковныхъ историковъ. Это видно какъ изъ характера этой замѣтки, такъ и изъ того, что въ Хронографіи Θεοφана имѣется другое извѣстіе, по которому первымъ строителемъ Халкопратійскаго храма былъ Юстинъ II. Подъ 6069 г. = 577 отъ Р. X. въ Хронографіи Θεοφана сказано, «въ этомъ году царь Юстинъ, разрушивши еврейскую синагогу въ Халкопратіяхъ, построилъ храмъ Владычицы нашей св. Богородицы, находящійся близъ Великой Церкви» (πλησιάζουσαν τῇ Μεγάλῃ Ἐκκλησίᾳ). Первое извѣстіе, какъ внесенное въ Хронографію впоследствии, не вошло въ латинскій переводъ Хронографіи, сдѣланный бібліотекаремъ Анастасіемъ, между тѣмъ какъ второе находится у него въ буквальномъ переводѣ¹⁾).

Но если, признавая извѣстіе о постройкѣ Халкопратійскаго храма Пульхеріею или Θεодосіемъ за позднѣйшую вставку, мы устранимъ такимъ образомъ противорѣчіе въ самой Хронографіи Θεοφана, то противорѣчіе между показаніями церковныхъ историковъ, приписывающихъ постройку этого храма Пульхеріи, и вторымъ извѣстіемъ Хронографіи, относящимъ эту постройку по времени Юстина II, все-таки останется. За неимѣніемъ основаній для отрицанія того или другого изъ этихъ извѣстій, можно допустить, вмѣстѣ съ Дюканжемъ, что въ томъ и другомъ извѣстіи мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительными фактами, но не одинаковаго характера. Основаніе для такого примирительнаго пониманія противорѣчивыхъ извѣстій дается у Анонима-Кодина.

По словамъ Анонима-Кодина, въ Халкопратіяхъ со временъ Константина Великаго жили іудеи и продавали издѣлія изъ мѣди. Θεодосій Малый выгналъ ихъ отсюда, очистилъ мѣсто и воздвигъ храмъ Богоматери. Когда же храмъ этотъ отъ землетрясеній развалился, Юстинъ-

¹⁾ Theoph. Chronogr. I, p. 102; ср. p. 248 и II, p. 107 и 152.

Куропалата снова его выстроилъ и пожертвовалъ храму недвижимыя имущества. Если это извѣстіе не комбинація Анонима, то, значить, извѣстіе Хронографіи Теофана относительно Юстина нужно понимать въ смыслѣ возстановленія имъ прежняго, построеннаго Θεодосіемъ или Пульхеріею, храма, но разрушеннаго землетрясеніемъ, поэтому Юстинъ II можеть въ свою очередь дѣйствительно быть названъ строителемъ Халкопратійскаго храма, тѣмъ съ бѣльшимъ правомъ, что онъ же, по словамъ Анонима-Кодина, построилъ или пристроилъ примыкавшіе къ Халкопратійскому храму съ лѣвой или сѣверной стороны придѣльные храмы св. Раки (τῆς ἁγίας Σοροῦ) и св. апостола Іакова, брата Господня. Халкопратійскій храмъ въ томъ видѣ, въ которомъ онъ былъ извѣстенъ въ слѣдующіе вѣка, съ своими придѣлами, такимъ образомъ вполне можетъ быть названъ постройкою Юстина II. Только изгнаніе евреевъ и разрушеніе синагоги въ первоначальномъ извѣстіи Хронографіи неправильно приписано ему.

Кромѣ одежды и пояса Богоматери въ храмѣ св. Раки на лѣвой сторонѣ хранились въ особыхъ гробницахъ мощи женъ муроносицъ, а на правой сторонѣ волосы Іоанна Предтечи ¹⁾. Придѣлъ св. Раки примыкалъ къ Халкопратійскому храму съ лѣвой, сѣверной, стороны, назначенной для женскаго пола, какъ это видно изъ того, что царь, при богомольныхъ выходахъ въ Халкопратійскій храмъ, возложивши апокомвій на престоль Халкопратійскаго храма, идетъ въ св. Раку чрезъ лѣвую сторону алтаря и храма ²⁾. Здѣсь въ женскомъ нарѣикѣ находилось крыльцо (ἡ τροπική), изъ котораго былъ входъ въ южную часть храма св. Раки. Такъ какъ это крыльцо или портикъ служитъ не только входомъ изъ главнаго храма въ придѣльный, но и мѣстомъ стоянія царя и переоблаченія, то необходимо признать, что значительная часть этого портика представляла собою закрытое помѣщеніе, въ данномъ

¹⁾ Codini de aedif. p. 113: τὴν ἁγίαν Σορὸν τὴν ἐν τοῖς Χαλκοπρατείαις Ἰουστίνος ἀνήγειρεν... ἐν δὲ τῷ δεξιῷ μέρει τῆς ἁγίας Σοροῦ εἰσιϋκείμενα τῶν ἁγίων μуроφόρων τὰ σώματα, ἐν δὲ τῷ εὐωνόμῳ αἱ τρίχες τοῦ τιμίου Προδρόμου. Ср. Anonymi antiquit. lib. II, p. 25 (у Banduri)

²⁾ Cerim. I, 1, 31: ἐξέρχονται διὰ τοῦ ἀριστεροῦ μέρους τοῦ θυσιαστηρίου καὶ διέρχονται διὰ τοῦ γυναικωνίτου τῆς αὐτῆς ἐκκλησίας (Халкопратійскаго храма)... καὶ εἰσέρχονται οἱ δεσπῶται διὰ τῆς τροπικῆς εἰς τὴν ἁγίαν τράπεζαν τῆς ἁγίας Σοροῦ. Ср. 30, 166: καὶ διὰ τῆς πλαγίας τοῦ ἀριστεροῦ μέρους ἐξελθὼν (ὁ βασιλεὺς), εἰσέρχεται εἰς τὴν ἁγίαν Σορὸν. Подъ гинэконитомъ здѣсь, по всей вѣроятности, разумѣется собственно женскій нарѣикъ, а не корабль храма, потому что царь чрезъ него выходитъ въ коронѣ изъ храма и здѣсь привѣтствуютъ его высшіе чины многолѣтіемъ (I, 1, 31), а корона надѣвалась на царя патриархомъ уже по выходѣ изъ храма собственно, въ пристройкахъ, непосредственно примыкавшихъ къ храму, подобно св. Кладезю въ св. Софіи (ср. Byzantina, II, 182. О гинэконитахъ, см. тамъ же, 141 сл.).

случаѣ замѣнявшее собою мутаторіи и параклитики, въ которыхъ обыкновенно царь стоялъ во время литургіи и переоблачался. А принимая во вниманіе, что въ этомъ помѣщеніи царь стоялъ съ чинами кувуклія и своей военной свитой, можно думать, что это помѣщеніе (тропика) было довольно обширно и раздѣлялось, хотя бы завѣсою, на два отдѣленія по крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ которыхъ царь могъ бы въ присутствіи только ближайшихъ чиновъ кувуклія переоблачаться. Къ сожалѣнію, объ устройствѣ самаго храма св. Раки мы ничего не знаемъ, но несомнѣнно, что онъ составлялъ только придѣлъ, тѣсно сливавшійся съ главнымъ храмомъ Халкопратійской Богоматери, который, благодаря этой тѣсной связи съ св. Ракою и важному религіозному значенію хранившихся въ св. Ракѣ святынь, называется иногда храмомъ пресв. Богородицы Агіосоритиссы (*Ἀγιοσορίτισσα*), т. е. Святоращицы.

Благодаря этимъ святынямъ, храмъ былъ въ такомъ почетѣ, что важнѣйшіе византійскіе сановники не только посѣщали часто этотъ храмъ, но и считали благочестивымъ дѣломъ принимать участіе въ совершавшихся тамъ всенощныхъ бдѣніяхъ и другихъ службахъ и выступали въ качествѣ чтецовъ. Въ числѣ такихъ чтецовъ были между прочимъ куропалата Михаилъ Рангави до своего воцаренія и не менѣе извѣстный кесарь Варда, дядя Михаила III ¹⁾.

Кромѣ св. Раки, царь съ патриархомъ ходилъ въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы въ «лѣвый евктирій», входилъ тамъ въ алтарь и на св. престоль клалъ апокомвій ²⁾. Изъ обрядовъ Придворнаго устава видно, что этотъ евктирій или маленькій придѣльный храмъ примыкалъ слѣва къ храму св. Раки и входилъ въ составъ зданія Халкопратійскаго храма вмѣстѣ съ св. Ракою; но кому посвященъ былъ этотъ евктирій,

---

¹⁾ Codini de aedific. p. 113: участіе въ чтеніяхъ этихъ „важныхъ сановниковъ“ (*μεγάλοι ἄνθρωποι*) и многихъ магистровъ мотивируется именно тѣмъ, что здѣсь хранились одежда и покровъ пресв. Богородицы.

²⁾ Въ Благовѣщенскомъ обрядѣ (I, 30, 166), послѣ описанія пребыванія царя и патриарха въ св. Ракѣ, сказано: *ὡσαύτως καὶ ἐν τῷ ἐξ ἀριστερᾶς ὄντι εὐκτηρίῳ εὐξάμενος, τὴνθα ἀποκόμενον ἐν τῇ ἀγίᾳ τραπέζῃ καὶ ἐξέρχεται*. Въ обрядѣ Рождества Богородицы (I, 1, 31) объ этомъ же евктирії сказано: *καὶ εἰθ' οὕτως ἐν τῷ εὐωνόμῳ εὐκτηρίῳ τῆς αὐτῆς ἐκκλησίας μετὰ τῶν κληρῶν εὐχόμενοι ἀποτιθέασιν ἕτερον ἀποκόμενον ἐν τῇ ἀγίᾳ Σορῷ*. Такъ какъ предъ этимъ описывались такія же дѣйствія въ св. Ракѣ, то подъ тѣхъ αὐτῆς ἐκκλησίας нужно, по всей вѣроятности, разумѣть храмъ св. Раки, но конечныя слова сейчасть приведенной цитаты *ἀποτιθέασιν—Σορῷ* представляютъ букввальное повтореніе предыдущаго періода, въ которомъ идетъ рѣчь о дѣйствіяхъ царя въ св. Ракѣ. На основаніи вышеприведенныхъ словъ Благовѣщенскаго обряда можно думать, что въ обрядѣ Рождества Богородицы въ концѣ періода объ евктирії вмѣсто *ἐν τῇ ἀγίᾳ Σορῷ* слѣдуетъ читать *ἐν τῇ ἀγίᾳ τραπέζῃ*. Ср. нижеслѣдующее изложеніе обряда выходовъ въ Халкопратійскій храмъ.

т.-е. въ честь кого назывался, въ обрядахъ не сказано. Но можно, однако же, догадываться, не рискуя сдѣлать ошибки, что этотъ евктирій, примыкавшій съ лѣвой стороны къ храму св. Раки, носилъ имя св. Иакова брата Господня, такъ какъ изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что къ Халкопратійскому храму примыкать или въ немъ находился храмъ св. Иакова, построенный тѣмъ же самымъ Юстиномъ II, который возстановилъ Халкопратійскій храмъ и построилъ храмъ св. Раки. Такъ какъ храмъ св. Иакова представлялъ собою небольшой придѣлъ св. Раки, то, очевидно, онъ былъ построенъ въ одно время съ храмомъ св. Раки и возобновленіемъ Халкопратійскаго храма, въ общій комплексъ котораго входили оба эти придѣла.

Кромѣ мощей св. апостола Иакова, въ честь котораго построенъ былъ этотъ придѣлъ, называвшійся потому τὸ ἀποστολεῖον, въ немъ почилились въ особыхъ ракахъ мощи св. отроковъ, Симеона Богопримца и пророка Захарія ¹⁾).

Возобновленный Юстиномъ II Халкопратійскій храмъ имѣлъ форму

¹⁾ Codini de aedif. p. 113: τὸν ἅγιον Ἰάκωβον τὸν πλησίον αὐτῆς (τῆς ἁγίας Σοροῦ) ὁ αὐτὸς βασιλεὺς (Ἰουστίνος) ἀνήγειρεν, ἔνθα εἰσὶν ἐν σοροῖς λείψανα τῶν ἁγίων νηπίων καὶ τοῦ ἁγίου Σιμεῶν τοῦ θεοδόχου, προφήτου Ζαχαρίου καὶ Ἰακώβου τοῦ ἀδελφοθέου, ἐν δὲ τῷ δεξιῷ μέρει τῆς ἁγίας Σοροῦ εἰσὶ κείμενα τῶν ἁγίων μυροφόρων γυναικῶν τὰ σώματα, ἐν δὲ τῷ εὐωνύμῳ αἱ τρίγες τοῦ τιμίου προδρόμου. Ср. Anonymi Antiquit. lib. II, p. 25 (у Banduri). Ср. Du Cange, Constantin. Christ. lib. IV, p. 76. Доканжъ приводитъ здѣсь мѣсто изъ миней, гдѣ ἀποστολεῖον св. Иакова называется находящимся ἐν τῷ σεβασμίῳ ναῷ τῆς ἁγίας Θεοτόκου, πλησίον τῆς ἁγιωτάτης Μεγάλης Ἐκκλησίας. Доканжъ совершенно справедливо разумѣетъ подъ упомянутымъ здѣсь храмомъ Богородицы Халкопратійскій храмъ. Послѣ взятія Константинополя мощи, находившіяся въ храмѣ св. Иакова, гдѣ ихъ видѣлъ еще Антоній Новгородскій, были расхищены цѣликомъ или по частямъ и отвезены въ европейскіе храмы и монастыри. См. у графа Riant'a въ указателѣ ко 2-му тому его *Exuviae sacrae Constantinopolitanae* s. v. Iacobus, Simeon Theophorus, Zacharia, Zona Mariae.

Въ пользу помѣщенія храма св. Иакова въ Халкопратійскомъ храмѣ и отождествленія его съ евктиріемъ, упоминаемъ въ вышеприведенныхъ мѣстахъ Придворнаго устава, говоритъ недавно открытый Типикъ Великой церкви подъ 23 окт.: въ немъ ἀποστολεῖον св. Иакова названъ находящимся ἐνδον τοῦ σεβασμίου οἴκου τῆς παλαιῆς Θεοτόκου πλησίον τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας, а въ другомъ мѣстѣ, при обозначеніи службы въ субботу послѣ Пасхи, онъ названъ находящимся ἐνδον τῶν Халкопратείων, причемъ указано утреню совершать въ Халкопратійскомъ храмѣ, а для служенія литургіи переходить въ храмъ св. Иакова, который здѣсь, какъ и въ Придворномъ уставѣ, называется евктиріемъ (εἰσερχόμεθα ἐν τῷ αὐτοῦ εὐκτηρίῳ). Но проф. Кр а с н о с е л ь ц е в ъ, который приводитъ эти мѣста въ своей вышеназванной статьѣ о Типикѣ Великой церкви (стр. 40—42), безъ достаточныхъ основаній считая храмъ пресв. Богородицы, построенный царицею Веринюю, женою Льва I, за тождественный съ Халкопратійскимъ, неправильно думаетъ, что храмъ св. Иакова и мощи Симеона Богопримца находились именно въ храмѣ, построенномъ Веринюю. Для этого нѣтъ никакихъ основаній, тѣмъ болѣе что, какъ мы увидимъ ниже, храмъ, построенный Веринюю, скорѣе можно отождествлять съ храмомъ Богородицы ἐν τοῖς οὐρανοῖς, а не съ Халкопратійскимъ.

базилики и былъ плохо освѣщенъ, быть можетъ, потому, что храмъ не освѣщался сверху, а только съ боковъ. Въ теченіе трехъ послѣдующихъ вѣковъ храмъ опять значительно пострадалъ отъ времени и обстоятельствъ, такъ что Василиій I Македонянинъ, поправившій и возстановившій многіе храмы, пришедшіе въ ветхость при его предшественникахъ, поправилъ и Халкопратійскій храмъ, причемъ увеличилъ его высоту и далъ ему лучшее освѣщеніе ¹⁾.

18-го декабря, въ воспоминаніе освященія Халкопратійскаго храма (τὰ ἑγκαίνα), совершался крестный ходъ изъ храма св. Софіи въ Халкопратійскій. Къ сожалѣнію, ни въ минеяхъ, ни въ уставѣ Великой церкви не сказано, какое освященіе праздновалось 18-го декабря, первоначальное или второе, бывшее послѣ возобновленія храма Юстиномъ II ²⁾.

Если уже въ исторіи Халкопратійскаго храма есть нѣсколько сомнительныхъ пунктовъ, которые можно рѣшать только предположительно, то въ опредѣленіи мѣстоположенія этого знаменитаго въ свое время храма все основано на гаданіяхъ и предположеніяхъ, такъ какъ прямыхъ и ясныхъ извѣстій и указаній на мѣстоположеніе Халкопратій и Халкопратійскаго храма, давно исчезнушаго, мы не имѣемъ. На основаніи нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ можно сказать только, что Халкопратійскій храмъ находился «близъ» св. Софіи, по на сколько близко и съ какой стороны, наши данныя не говорятъ. Затрудненіе еще увеличивается тѣмъ, что «близъ» (πλησίον) св. Софіи упоминаются еще два храма во имя Богоматери: одинъ, построенный царицею Вериною (Verina, Οὐερίνα, по позднѣйшему написанію Βερίνα), супругою Льва I, а другой такъ называемый «въ небесахъ» (ἐν τοῖς

---

¹⁾ Кромѣ указанныхъ Дюканжемъ миней, о праздникѣ освященія Халкопратійскаго храма говорится въ уставѣ Великой церкви подъ 18 дек., гдѣ сказано, что изъ Великой церкви литія выходитъ въ Халкопратійскій храмъ около 3-го часа дня (т.-е. въ 9 ч. утра) передъ обѣдомъ; по прибытіи духовенства и патріарха въ наренкѣ Халкопратійскаго храма происходило, при пѣніи: „Возьмите врата князи ваша“, открытіе дверей (Н. Θ. Κ ρ α σ ο с е л ь ц е в ѣ, Типикъ Великой церкви, 49, отдѣльный оттискъ).

²⁾ Константинъ Багрянородный причисляетъ Халкопратійскій храмъ къ *καὶ οὐρεῖς*, т.-е. четырехугольнымъ длиннымъ храмамъ, каковы были базилика, имѣвшія по своему плану сходство съ *δρόμοι*, мѣстами для бѣга (*de admin. impreg. cap. 29 in fine*; ср. Д ю к а н ж ѣ, Gloss. Gr. s. v. *δρομικά*). Относительно своего дѣда тотъ же Константинъ Багрянородный въ биографіи Василия Македонянина (*cap. 93, p. 339, Вопп.*), сообщаетъ, что Василиій Македонянинъ *καὶ τὸν ἕτερον τῆς πανομήτου Θεοτόκου, τὸν ἐν τοῖς Χалκοπρατείσις θεῖον καὸν τῆς πανσέπτου καὶ ἁγίας Σοφοῦ, ταπεινὸν ἰδὼν καὶ ἀφώτιστον, καὶ φωτοδόχου ἐκατέρωθεν ἀναστῆσας ἀψίδα καὶ τὸ τέγος μεταωρίσας εὐπρεπεῖς κατηγάσεν καὶ μαρμαρογαῖς φωτὸς κατηγλαίσε.*

οὐρανοῖς) ¹⁾). Въ какомъ отношеніи паходятся эти храмы къ Халкопратійскому, навѣрно неизвѣстно.

Дюканжъ считаетъ возможнымъ признавать храмъ, построенный Вериною въ смежности или сосѣдствѣ съ св. Софіею, за тожественный съ Халкопратійскимъ ²⁾). Проф. Н. Θ. Красносельцевъ считаетъ это тожество не подлежащимъ сомнѣнію и даже храмъ св. Іакова со всѣми находившимися тамъ мощами относить къ этому храму Верины вопреки ясному свидѣтельству Анонима-Кодина, по которому, какъ мы видѣли, храмъ св. Іакова находился близъ Халкопратійскаго храма, и показаніямъ древнѣйшаго устава Великой церкви, по которымъ храмъ св. Іакова находился «внутри Халкопратійскаго храма».

Мнѣ, напротивъ, кажется, что не Халкопратійскій храмъ слѣдуетъ считать тожественнымъ съ храмомъ Верины, а храмъ Богородицы ἐν τοῖς οὐρανοῖς: другими словами, въ названіи этого послѣдняго храма мы имѣемъ только неправильное чтеніе или написаніе пазванія того же храма Верины ³⁾). Принимая во вниманіе рукописныя разночтенія въ названіи

¹⁾ Въ Constantin. Christ. Du Sange'a Халкопратійскій храмъ въ числѣ храмовъ, посвященныхъ Богородицѣ, рассмотрѣнъ подъ № IX (lib. IV, p. 57 ed. Venet.), храмъ, построенный Вериною подъ № XI (p. 58), а храмъ ἐν οὐρανοῖς подъ № XXVIII (p. 62 b).

²⁾ Дюканжъ подъ № 11 приводитъ выписку изъ III новеллы Юстиніана, въ которой въ обязанности клиру св. Софій ставится совершеніе богослуженій, кромѣ св. Софій, еще въ храмахъ св. Ирины, св. Θεодора и храмъ пресв. Богородицы, построенномъ Вериною, причемъ этотъ послѣдній храмъ называется лежащимъ въ сосѣдствѣ или смежности съ храмомъ св. Софій (ὁ πρὸς τῇ ἀγιοτάτῃ Μεγάλῃ Ἐκκλησίᾳ γειτονίᾳ καίμενος φηγομένη παρὰ τῆς εὐσεβοῦς τὴν λῆξιν Βερίνης). На основаніи этого сосѣдства съ храмомъ св. Софій, Дюканжъ заключаетъ, что храмъ, построенный Вериною, былъ тожественъ съ Халкопратійскимъ и относить къ храму, построенному Вериною, нѣкоторыя другія извѣстія, въ которыхъ говорится о храмѣ Богородицы, близкомъ къ св. Софій, въ томъ числѣ извѣстія Андрея Дандоло о перенесеніи мощей св. Симеона въ Венецію, хотя въ этомъ извѣстіи храмъ Богородицы, изъ котораго взяты мощи, называется только сосѣднимъ съ св. Софіею, безъ обозначенія его названія. А такъ какъ, по свидѣтельству Анонима-Кодина, мощи св. Симеона находились въ храмѣ св. Іакова, входившемъ въ составъ Халкопратійскаго храма, то въ извѣстіи Дандоло подъ храмомъ Богородицы вужно разумѣть Халкопратійскій храмъ, если, конечно, извѣстіе Анонима-Кодина вѣрно. Очень возможно, что проф. Н. Θ. Красносельцевъ былъ введенъ въ заблужденіе Дюканжемъ и, признавая храмъ, построенный Вериною, за Халкопратійскій, отвесъ извѣстіе Анонима-Кодина о мощахъ, хранившихся въ Халкопратійскомъ храмѣ (собственно въ храмѣ св. Іакова) къ храму, построенному Вериною, и помѣстилъ всѣ мощи, которыя, по словамъ Анонима-Кодина, находились въ Халкопратійскомъ храмѣ, въ храмѣ Богородицы, построенномъ Вериною, хотя нѣтъ ни одного указанія на то, что означенныя у Анонима-Кодина мощи находились въ храмѣ, построенномъ Вериною.

³⁾ Храмъ пресв. Богородицы „въ небесахъ“ упоминается у Анонима-Кодина и въ греч. минеяхъ. Въ изданіяхъ это мѣсто читается такъ: ὁ Ῥοδανὸς ἐκτίσεν οἶκον, ὃς καλεῖται τὴ ἐν οὐρανοῖς: ἐστὶ δὲ τῆς Μαρμαίνης. Въ рукописи Анонима стоитъ in cod. Reg. I: ὃς καλεῖται τῆς κοράνης (вѣроятно изъ βοράνης благодаря сходству въ написаніи κ и β);

храма ἐν τοῖς οὐρανοῖς, можно думать, что вмѣсто ἐν τοῖς οὐρανοῖς слѣдуетъ читать ἐν τοῖς Βερίνης, — νοῖς или ἐν τοῖς Οὐβερίνοῖς, — ης, тѣмъ болѣе, что положеніе обоихъ этихъ храмовъ относительно храма св. Софїи одинаково, насколько можно судить по скуднымъ и неяснымъ указаніямъ. Въ пользу этого мнѣнія говорятъ, мнѣ кажется, какъ легкость искаженія непонятнаго для переписчиковъ: ἐν τοῖς Οὐβερίνοῖς въ болѣе понятное: ἐν τοῖς οὐρανοῖς, такъ и то обстоятельство, что храмы въ Константинополѣ довольно часто обозначались подобнымъ образомъ, по именамъ своихъ строителей или владѣльцевъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ они были построены.

Признавая такимъ образомъ храмъ, построенный Вериною, за тождественный съ храмомъ пресв. Богородицы ἐν τοῖς οὐρανοῖς, а не съ Халкопратїйскимъ, мы тѣмъ самымъ исключаемъ изъ подлежащихъ нашему разсмотрѣнію извѣстій о мѣстѣ Халкопратїйскаго храма всѣ тѣ, которыя относятся къ храму Верины или храму въ небесахъ и будемъ

---

in cod. Reg. 2 et Colb. δὲ καλεῖται εὐοράνης (у Vanduri, Imper. Orient., Comment. p. 356). Въ рукописяхъ Кодина это мѣсто читается также различно; кромѣ вышеприведеннаго чтенія, которое, по словамъ Vanduri, Lambecius ex cod. Vat. reformavit, въ другомъ Ватик. кодексѣ читаемъ: ὁ Ῥοδανὸς ὄπισθεν τῆς ἁγίας σοφίας τὸ νῦν τυγχάνον, ὅπερ καλεῖται τὰ Αὐγοράνης. Въ греч. минеяхъ подъ 9 дек. (зачатіе пресв. Богородицы) говорится, что въ этотъ день τελεῖται ἡ σύναξις ἐν τῷ σεβασμίῳ οἴκῳ τῆς Θεοτόκου τῷ ὄντι ἐν τοῖς οὐρανοῖς πλησίον τῆς ἁγιωτάτης ἐκκλησίας. Но и въ минеяхъ чтеніе ἐν οὐρανοῖς имѣетъ варианты. У Никодима въ Синаксаристѣ подъ 9 же декабря читается: ἐν τῷ σεβασμίῳ οἴκῳ τῆς Θεοτόκου, τῷ ὄντι ἐν τοῖς Εὐοράνοῖς παρὰ τὴν ἁγιωτάτην Μεγάλην Ἐκκλησίαν (Н. Θ. Красносельцевъ, Типикъ св. Софїи IX в., 43). Къ сожалѣнію, я не имѣю подъ руками Никодимова Синаксариста и не знаю, имѣются ли другія разночтенія въ названіи занимающаго насъ храма. Но и приведенныхъ разночтеній, полагаю, достаточно для того, чтобы чтеніе ἐν οὐρανοῖς считать довольно сомнительнымъ. Принимая во вниманіе, что храмъ Богоматери, построенный Вериною, нигдѣ, кромѣ III новеллы Юстиніана, не упоминается, можно думать, что въ вышеприведенныхъ, очевидно, испорченныхъ рукописныхъ чтеніяхъ мы имѣемъ упоминанія объ этомъ храмѣ и что вмѣсто этихъ чтеній слѣдуетъ читать не ἐν οὐρανοῖς, какъ читалъ Ламбецій, а ἐν Οὐβερίνοῖς или ἐν τοῖς Οὐβερίνης, каковымъ способомъ часто обозначаются мѣста храмовъ и другихъ зданій какъ у Анонима-Кодина, такъ и въ Церковномъ уставѣ св. Софїи IX в. (ср. Н. Θ. Красносельцевъ, *ibid.* 28 сл.).

Тождество этихъ храмовъ, кажется мнѣ, подтверждается и указаніями на мѣсто этихъ храмовъ. По III-й новеллѣ Юстиніана храмъ, построенный Вериною, находился въ смежности съ св. Софіею, по Никодимову Синаксаристу онъ находился у (παρὰ) храма св. Софїи, а по Типику IX в. храмъ ἐν τοῖς οὐρανοῖς былъ ἐν τῷ ἐξάερῳ св. Софїи, т.-е. на одной изъ площадокъ или дворовъ, окружавшихъ храмъ св. Софїи. По Ватик. рукописи домъ Родана, на мѣстѣ котораго былъ храмъ, находился ὄπισθεν τῆς ἁγίας Σοφίας, а такъ какъ переднею частью храма св. Софїи можетъ считаться западный или южный фасадъ, обращенный на Августеонъ, то выраженіе „сзади“ можно понимать только въ смыслѣ сѣверной или восточной стороны храма св. Софїи, гдѣ, вѣроятно, и находился храмъ пресв. Богородицы, построенный Вериною, т.-е. между св. Софіею и св. Ириною (Древнею).

принимать во вниманіе только тѣ, которыя относятся собственно къ Халкопратійскому храму.

Къ сожалѣнію, эти извѣстія такъ скудны и неопредѣленны, что на основаніи ихъ трудно указать съ желательною точностью мѣсто знаменитаго нѣкогда Халкопратійскаго храма. Наиболѣе надежнымъ источникомъ какъ по качеству, такъ и по количеству данныхъ о мѣстоположеніи Халкопратійскаго храма является Придворный уставъ Константина Багрянороднаго; но эти данныя однимъ изслѣдователямъ не были извѣстны (Дюканжъ), а другими, позднѣйшими (Лабартъ и Паспати), были поняты невѣрно и перетолкованы, вслѣдствіе чего Халкопратійскій храмъ помѣщаютъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ искать его слѣдовъ и остатковъ, если таковыя имѣются.

Принимая во вниманіе, что Халкопратіи и Халкопратійскій храмъ находились недалеко отъ Базилики и принимая эту Базилику за зданіе сената, построенное Константиномъ на Августеонѣ, на югѣ отъ св. Софіи, Дюканжъ полагалъ, что Халкопратіи находились близъ св. Софіи около этой Базилики, не опредѣляя, однако же, положенія Халкопратійскаго храма относительно св. Софіи болѣе точнымъ образомъ и не указывая ему опредѣденнаго мѣста среди зданій, окружавшихъ св. Софію.

Гораздо дальше Дюканжа въ этомъ ложномъ направленіи пошли Лабартъ и Паспати, которые, принявъ положеніе Дюканжа, что Базилика есть сенатъ на Августеонѣ, стараются, на основаніи обрядовъ Константина Багрянороднаго, указать точно и опредѣленно положеніе Халкопратійскаго храма относительно св. Софіи.

Лабартъ въ своей книгѣ объ Императорскомъ дворцѣ въ Константинополѣ съ обычною увѣренностью въ несомнѣнности своихъ мнѣній и доказательствъ относительно Халкопратійскаго храма говоритъ ¹⁾: «Эта капелла находилась между сепатомъ и св. Софіею, какъ показываетъ Дюканжъ ссылкой на Теофана. Этотъ фактъ подтверждается книгою Церемоній (т.-е. Придворнымъ уставомъ Константина Багрянороднаго), изъ которой видно, что императоръ, послѣ молитвы въ этой капеллѣ, поднимался по деревянной лѣстницѣ въ катихуменіи св. Софіи. Въ другомъ случаѣ, послѣ молитвы въ храмѣ св. Маріи (т.-е. въ томъ же Халкопратійскомъ храмѣ), онъ спускался по деревянной лѣстницѣ и садился на лошадь въ портикѣ Fogum'a, чтобы возвратиться во дворецъ. Эта деревянная лѣстница должна быть внѣ храма, на одной изъ сторонъ капеллы св. Маріи Халкопратійской. Мы уже говорили о дере-

¹⁾ Labarte, Le Palais imperial de Constantinople, Paris, 1866, 40.

вянной лѣстницѣ, по которой императоръ изъ своего дворца проходилъ въ катихуменіи Великой церкви. Деревянная лѣстница, упомянутая въ обоихъ этихъ случаяхъ, должна быть одна и та же, а отсюда видно, что храмъ св. Маріи Халкопратійской примыкалъ и къ храму св. Софіи и къ стѣнамъ дворца».

Паспати, принимая и повторяя эти аргументы Лабарта, находитъ доказательство близости Халкопратійскаго храма къ св. Софіи въ томъ, что Халкопратійскій храмъ служилъ основаніемъ для упомянутой у Лабарта деревянной лѣстницы, соединявшей дворцовыя зданія съ катихуменіями св. Софіи, такъ что безъ Халкопратійскаго храма между дворцовыми зданіями и св. Софіею трудно представить себѣ лѣстницу въ 33 метра, которые, по придуманному самимъ Паспати плану дворцовыхъ зданій, отдѣляли отъ нихъ храмъ св. Софіи ¹⁾).

Всматриваясь въ аргументы Лабарта, не допускающія, повидимому, никакихъ возраженій и сомнѣній, мы, при ближайшемъ изученіи ихъ, найдемъ очень слабыя пункты. Прежде всего Лабартъ совершенно неправильно подкрѣпляетъ свое мнѣніе о положеніи Халкопратійскаго храма у юго-восточнаго угла св. Софіи ссылкой на авторитетъ Дюканжа. Хотя знаменитый авторъ «Христіанскаго Константинополя» и неправильно принималъ Базилику за сенатъ, лежавшій на югъ отъ св. Софіи, тѣмъ не менѣе онъ не помѣщалъ Халкопратійскаго храма между сенатомъ и св. Софіею и вообще не указывалъ для этого храма опредѣленнаго мѣста, а говорилъ только, что онъ находился близъ храма св. Софіи, основываясь на словахъ Хронографіи Теофана, приведенныхъ нами выше и не дающихъ основанія для помѣщенія Халкопратійскаго храма въ какомъ-либо точно опредѣленномъ мѣстѣ.

---

¹⁾ Πασπάτης, 'Ανάκτορα, 84 сл., ср. приложенный къ книгѣ планъ, гдѣ противъ юго-восточнаго угла св. Софіи поставлено три храма рядомъ. Это Халкопратійскій храмъ съ храмами св. Раки и апостола Іакова. При составленіи своей статьи о Халкопратійскомъ храмѣ, помѣщенной во 2-мъ выпускѣ Лѣтописи Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ, я имѣлъ неосторожность обратить вниманіе въ книгѣ г. Паспати только на тотъ отдѣлъ ея, который носитъ заглавіе: „Богородица Халкопратій“ (стр. 84—85) и не просмотрѣлъ слѣд. отдѣла: „крытая лѣстница“. Такъ какъ въ первомъ изъ указанныхъ отдѣловъ Паспати не связываетъ Халкопратійскаго храма съ храмомъ св. Софіи, а говоритъ только о положеніи ея у юго-восточнаго угла св. Софіи, то я счелъ долгомъ похвалить Паспати за это отступленіе отъ Лабарта, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что такіе случаи представлялись мнѣ рѣдко и мнѣ гораздо чаще приходилось, особенно въ I кв. Вузантина, опровергать Паспати, чѣмъ соглашаться съ нимъ. Къ сожалѣнію, случай былъ неудаченъ: въ слѣдующемъ отдѣлѣ Паспати не только повторяетъ ошибки и натяжки Лабарта, но и старается ихъ подкрѣпить новыми доказательствами, которыя однако жъ доказываютъ только, какъ мало Паспати понималъ обряды Придворнаго устава.

Эту ложную ссылку Лабартъ старается подкрѣпить указаніями Придворнаго устава и приводитъ нѣсколько «случаевъ», будто бы доказывающихъ ложное мнѣніе, что Халкопратійскій храмъ не только примыкалъ къ храму св. Софіи, но и соединялся съ нимъ деревянною лѣстницею. Къ сожалѣнію, эти «случаи» представляютъ результатъ чистаго недоразумѣнія и, говоря откровенно, непониманія тѣхъ обрядовъ, изъ которыхъ берутся случаи. Не понявъ обрядовъ, Лабартъ, ничтоже сумняся, дѣлаетъ отъ себя небольшія, но очень важныя добавленія къ цитируемымъ текстамъ, совершенно незамѣтныя для незнакомыхъ съ Придворнымъ уставомъ, но существенно измѣняющія смыслъ словъ текста.

Приведенные Лабартомъ «случаи» взяты изъ обрядовъ богомольныхъ выходовъ въ Благовѣщеніе въ Халкопратійскій храмъ и не только не доказываютъ мнѣнія Лабарта и Паспати о положеніи Халкопратійскаго храма, а, напротивъ, ясно говорятъ, что Халкопратійскій храмъ находился совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, на западъ отъ св. Софіи, хотя и близко отъ нея.

Какъ читатель увидитъ ниже изъ подробнаго изложенія и описанія выходовъ въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы, въ эти праздники цари дѣлали выходъ въ храмъ св. Софіи по типу среднихъ выходовъ ¹⁾, и изъ св. Софіи шли съ своимъ синклитомъ чрезъ западныя врата и дворъ св. Софіи къ Милію, находившемуся около юго-западнаго угла двора (atrium, λουτήρ) св. Софіи ²⁾, а отъ Милія по Средней или Большой улицѣ къ форуму (Forum, ὁ φόρος) св. Константина, на западъ отъ св. Софіи. Войдя на площадку храма св. Константина у его колонны, царь дожидался прибытія патріарха съ духовенствомъ и крестнымъ ходомъ. По совершеніи краткаго молебствія въ храмѣ св. Константина прибывшимъ патріархомъ, царь съ своимъ синклитомъ шель опять раньше патріарха чрезъ антифоръ въ портикъ близъ дома Лавза, а оттуда уходилъ въ храмъ Халкопратійской Богоматери (Serim. I, 30, 165).

Если въ Благовѣщеніе бывала дурная погода, т.-е. шель дождь, то царь и синклитъ отъ Милія шли не по срединѣ Большой улицы, ведшей отъ площади Августеона къ форуму Константина, а по портику, т.-е. подъ его кровлею, и, дойдя до фора Константина, шли не къ порфировой колоннѣ Константина и его храму, а къ зданію сената, находившемуся на сѣверной сторонѣ фора; съ прибытіемъ патріарха здѣсь,

¹⁾ Объ этихъ выходахъ см. мои Byzantina, II, 220 слѣд.

²⁾ О Миліи, лутирѣ и западныхъ вратахъ св. Софіи, см. тамъ же, 91 сл., ср. Указатель къ II кн. Byzantina.

въ зданіи сената, онъ служилъ краткое молебствіе, послѣ котораго царь съ своимъ синклитомъ опять спускался (*κατέρχεται*) по тому же портику изъ дома Лавза, и здѣсь повернувъ налѣво, уходилъ въ Халкопратійскій храмъ (*Serim. I, 30, 169*).

Дойдя до Халкопратійскаго храма, царь дожидался опять патріарха въ нареикѣ, затѣмъ встрѣчалъ прибывшаго съ крестнымъ ходомъ патріарха и вмѣстѣ съ нимъ совершалъ входъ въ Халкопратійскій храмъ обычнымъ порядкомъ. Послѣ возложенія апокомвія на св. престолъ этого храма, царь съ патріархомъ чрезъ лѣвую сторону его входилъ въ предѣльные храмы св. Раки и св. апостола Іакова, гдѣ также возлагалъ апокомвій на св. престолахъ, послѣ чего въ болѣе древнее время царь, возвратившись съ патріархомъ въ Халкопратійскій храмъ, или, точнѣе, въ его гинэконитъ, прощался здѣсь съ патріархомъ, и поднимался по деревянной лѣстницѣ изъ женской или сѣверной части храма въ катихуменіи, гдѣ слушалъ литургію, приобщался св. таинъ, а по окончаніи литургіи, «спускался или сходилъ по той же деревянной лѣстницѣ гинэконита лѣвой стороны и, сойдя по ступенямъ конхи въ дидаскаліи, выходилъ къ двери, ведущей къ портику, садился здѣсь на лошадь» и ѣхалъ верхомъ до Милія, гдѣ происходила первая встрѣча Венетовъ ¹⁾. Отъ Милія царь ѣхалъ во дворецъ чрезъ Халку, причемъ поворачивалъ направо, немного не доѣзжая до двора храма св. Софіи. Такимъ порядкомъ совершался выходъ въ Халкопратійскій храмъ, вѣроятно, до Льва VI, при которомъ пребываніе царя въ храмѣ сокращено: царь оставался въ храмѣ только до ектеніи, слѣдующей за евангеліемъ и послѣ ектеніи проходилъ чрезъ женскую, т.-е. сѣверную половину храма къ выходу, ведшему къ портику, гдѣ и садился на лошадь.

Въ виду того, что, по новому порядку, царь всей литургіи не слушалъ и св. таинъ не приобщался въ Халкопратійскомъ храмѣ, онъ въ катихуменіи не поднимался, а слушалъ евангеліе и ектенію, стоя въ тропикѣ, т.-е. преддверіи или паперти храма св. Раки, который эту тропику соединялся и примыкалъ къ сѣверной сторонѣ Халкопратійскаго храма ²⁾. Въ остальномъ обрядъ совершался такъ же, какъ и прежде.

Изъ этого краткаго очерка выходовъ въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы каждый непредубѣжденный читатель заключить, что царь

¹⁾ *Serim. I, 30, 169; ср. I, 35, 185.*

²⁾ Объ этихъ измѣненіяхъ обряда богомольныхъ выходовъ въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы сказано ниже, гдѣ подробно изложена процедура выходовъ по старому и новому порядку.

и патриархъ шли отъ св. Софіи на западъ къ форуму Константина, а оттуда возвращались опять назадъ, чтобы достигнуть Халкопратійскаго храма, по той же улицѣ, а въ дурную погоду по тому же портику, по которому шли раньше, причемъ, дойдя до дома Лавза, поворачивали налѣво, чтобы войти въ Халкопратійскій храмъ. Ясно, значить, что Халкопратійскій храмъ находился между св. Софіею и форумомъ Константина, налѣво отъ Большой или Средней улицы, если идти съ фора Константина къ св. Софіи, площади Августеону и Большому дворцу, и направо, если идти отъ этихъ пунктовъ къ форуму Константина. Такъ какъ царь поворачивалъ налѣво для входа въ храмъ у дома Лавза, а по выходѣ изъ храма, сѣвъ на лошадь въ портикъ, очень скоро подъѣзжалъ къ Милію, то, при болѣе точномъ опредѣленіи мѣста Халкопратійскаго храма, мы можемъ сказать, что онъ находился между Лавзомъ и Миліемъ и почти примыкалъ къ портику, окаймлявшему Большую улицу съ сѣверной стороны, тому самому, по которому царь шель въ дурную погоду отъ св. Софіи на форумъ Константина и по которому онъ съ фора опять спускался къ Халкопратійскому храму, а по выходѣ оттуда ѣхалъ до Милія на пути въ дворецъ ¹⁾. Судя по тому, что царь и патриархъ отъ Милія къ форуму поднимается (*ἀνέρχεται*), а на возвратномъ пути отъ фора Константина къ Халкопратійскому храму опять спускается (*κατέρχεται*), можно думать, что Халкопратійскій храмъ находился или въ долинѣ ²⁾, отдѣлявшей два холма, изъ которыхъ на одномъ стояла св. Софія съ площадью Августеонъ и дворцомъ, а на другомъ форумъ Константина, или въ началѣ подъема изъ этой долины къ форуму.

Во всякомъ случаѣ Халкопратійскій храмъ стоялъ дѣйствительно близко къ храму св. Софіи, какъ гласить хроника Ософана, и въ него можно было попасть изъ св. Софіи, а равно и изъ дворца и, наоборотъ, не заходя на форумъ Константина, какъ возвращался царь изъ Халкопратійскаго храма прямо во дворецъ и какъ ходилъ иногда патриархъ прямо изъ св. Софіи въ Халкопратійскій храмъ ³⁾.

¹⁾ О положеніи фора Константина относительно площади Августеона и св. Софіи см. выше, 48, а о соединявшихъ эти топографическіе пункты портикахъ ср. *Byzantina*, II, стр. XX.

²⁾ Объ этой долинѣ и подъемѣ почвы отъ нея къ форуму опредѣленіе другихъ говоритъ Жилль въ *Topogr. Constant. lib. I, c. VIII* (у *Vandugi* въ *Imperium Orientale*, ed. Venet. p. 286): *ex prima promontorii planitie, in qua dixi Sophiae templum et Hippodromum esse, molle dorsum secundi collis mille passibus leniter ascenditur usque ad Columnam Purpuream* (т. е. Константина).

³⁾ Въ своей статьѣ о Халкопратійскомъ храмѣ, названной выше, я высказалъ предположеніе, что Халкопратійскій храмъ находился въ долинѣ; но въ рецензіи

Такимъ образомъ, по топографическимъ даннымъ Придворнаго устава Константина Багрянороднаго, Халкопратійскій храмъ находился не на юго-восточномъ углу св. Софіи, а, наоборотъ, былъ на западъ отъ нея и ея двора (atrium), около юго-западнаго угла котораго, по всей вѣроятности, стоялъ Милій,—ближайшій пунктъ на пути царя изъ Халкопратійскаго храма во дворець. Такъ какъ о мѣстѣ Милія (τὸ Μίλιον, Milliage), представлявшемъ собою пунктъ, отъ котораго, подобно римскому milliage, считались мили по всѣмъ дорогамъ, шедшимъ изъ Новаго Рима въ разныя области имперіи, я уже имѣлъ случай говорить довольно подробно при изложеніи шествія царя изъ Большаго дворца въ св. Софію во время большихъ праздничныхъ выходовъ, то говорить здѣсь еще разъ объ этомъ топографическомъ пунктѣ было бы излишне ¹⁾).

Что касается до дома Лавза, у котораго царь сворачивалъ налѣво, идя съ фора Константина назадъ по портику, чтобы войти въ Халкопратійскій храмъ, то мѣсто его довольно ясно опредѣляется шествіемъ царя. Домъ Лавза, находился, очевидно, между форомъ Константина и площадью Августеономъ и примыкалъ къ сѣверному портику Средней или Большой улицы ²⁾. На смежность его съ портикомъ указываютъ

на изслѣдованіе проф. Красносельцева о Типикѣ св. Софіи, въ виду того, что патриархъ, идя прямо изъ св. Софіи въ Халкопратию, тоже ἀνέρχεται, и допускалъ возможность отодвинуть нѣсколько храмъ Халкопратійскій и помѣстить его на подъемѣ къ фору. Въ виду этого проф. Красносельцевъ написалъ мнѣ, что эта поправка, основанная на данномъ имъ чтеніи ἀνέρχεται, не нужна, такъ какъ онъ не ручается за правильность чтенія ἀνέρχεται, вмѣсто чего можно, по его словамъ, читать и ἀπέρχεται. О хожденіи патриарха прямо (εὐθεῖς) въ Халкопратійскій храмъ и ненадобности заходить на форъ Константина, см. изслѣдованіе Н. Θ. Красносельцева о Типикѣ и ср. мою рецензію въ Ж. М. Н. Пр. 1892, ноябрь. Такъ какъ точно указать мѣсто Халкопратійскаго храма нельзя, то нельзя и сказать, насколько онъ близокъ къ храму св. Софіи, но, если онъ даже находился на половинѣ пути отъ св. Софіи къ фору, то все-таки его можно считать близъ лежащимъ и такое его положеніе не будетъ противорѣчить словамъ Хронографіи Теофана, особенно если принять во вниманіе, что храмъ св. Ирины называется не только лежащимъ близко, но и ближайшимъ къ храму св. Софіи.

¹⁾ См. Byzantina, II, 92 сл.

²⁾ Свѣдѣнія, сообщенныя византійскими писателями о домѣ Лавза, собраны Дюканжемъ въ Constantin. Christiana, lib. II, p. 105 ed. Venet. кромѣ, конечно, тѣхъ данныхъ, которыя находятся въ Придворномъ уставѣ Константина Багрянороднаго и которыя вполне подтверждаютъ заключенія Дюканжа о близости дома Лавза къ фору Константина и Средней улицѣ. Къ сожалѣнію, Дюканжъ, не знавшій Придворнаго устава и потому имѣвшій смутныя понятія о частяхъ Большаго дворца, смѣшиваетъ домъ Лавза, стоявшій на Средней улицѣ, съ триклиномъ или палатою Лавзіакомъ, входившимъ въ составъ Большаго дворца и лежащимъ между Хрисотриклиномъ и Юстиніановою палатою (см. указатель къ I кн. Byzantina). По словамъ Анонима-Кодина домъ или дворець Лавза (τὰ Λαύζου) получилъ свое названіе отъ важнаго савонника, патрикія и препозита временъ Аркадія, но первоначально домъ былъ по-

извѣстія о бывшихъ въ Константинополѣ въ разное время пожарахъ. Такъ, во время пожара въ царствованіе Фоки, сгорѣла Средняя улица отъ Лавза и Преторія до арки, стоявшей противъ фора Константина. При Василискѣ, въ 476 г., пожаръ, начавшійся въ Халкопратіяхъ, опустошилъ всю окрестность, въ томъ числѣ оба портика и Лавзь, и дошелъ до фора Константина. Въ числѣ сгорѣвшихъ здѣсь зданій была и Базилика съ 120,000 книгъ ¹⁾).

Изъ этого послѣдняго извѣстія видно, что и Базилика, которую Дюканжъ считалъ возможнымъ принимать за одно зданіе съ сенатомъ, стоявшемъ на площадѣ Августеонѣ и которая дѣйствительно была близка къ Халкопратійскому храму, находилась не на югъ отъ св. Софіи, а на западъ около Милія, или, по выраженію Кодина, сзади Милія. Такимъ образомъ, и мѣстоположеніе Базилики и ея сосѣдство съ Халкопратійскимъ храмомъ не только не говоритъ въ пользу помѣщенія Халкопратійскаго храма у юго-восточнаго угла св. Софіи, а, напротивъ, заставляеть помѣщать его на западъ отъ этого храма, тѣмъ болѣе, что съ сенатомъ, лежавшимъ на югъ отъ св. Софіи, Базилика ничего общаго не имѣеть и едва ли не съ самаго начала служила для помѣщенія огромной библіотеки и высшей риторической и философской школы, въ которой подвизались знаменитые риторы.

Если, такимъ образомъ, ни обряды Придворнаго устава, ни другія

строенъ Константиномъ Великимъ въ числѣ 12 домовъ, построенныхъ имъ для сенаторовъ, переѣхавшихъ въ Новый Римъ (Anon. Antiquit. pars V, p. 12 у Banduri = Codini de signis, p. 37 Bonn.). Домъ Лавза отличался великолѣпной отдѣлкой и обиліемъ украшавшихъ его предметовъ искусства.

¹⁾ Chron. Paschale, I, 695 Bonn. Ср. Cedreni Hist. I, 616, гдѣ, между прочимъ, объ этомъ пожарѣ сказано: ἐν μέσῳ τῶν Χαλκοπρατειῶν ἀρξάμενος αὐτάς τε ἀνάλωσεν ἅμφο τὰς στοὰς καὶ τὰ προσεῦθ' πάντα τὴν τε καλουμένην Βασιλικήν, ἐν ἣ ἀπέκειτο βιβλιοθήκη, ἔχουσα βιβλίους μυριάδας δώδεκα κτλ. Ср. приведенное у Du Cange'a Const. Christ. II, p. 119 изъ Зонары: οἶκος δ' ἦν ἐν τῇ καλουμένῃ Βασιλικῇ ἔγγιστα τῶν Χαλκοπρατειῶν βασιλείας, ἐν ᾧ καὶ βιβλίοι πολλοὶ ἐναποκεινταί. Codini de signis, p. 89 Bonn.: ἐν αὐτῇ τῇ βασιλικῇ χρυσορόφῳ ὄπισθ τοῦ Μιλίου κτλ.

Къ сожалѣнію, Дюканжъ въ главѣ о сенатѣ смѣшивалъ не только эту Базилику съ сенатомъ, но и оба зданія сената, изъ которыхъ одно находилось дѣйствительно на югъ отъ св. Софіи, а другое на форѣ Константина, считалъ за одно и то же зданіе и даже утверждалъ, что зданіе сената на форѣ Константина не упоминается у средне-вѣковыхъ писателей. Но уже Бандури справедливо замѣтилъ, что Дюканжъ въ этомъ случаѣ ошибается, и указалъ (Imper. Orientale, Comment. p. 473 Venet.), что уже въ древнемъ описаніи Константинополя по регионамъ (см. у Дюканжа въ Const. Christ. p. 56) Базилика помѣщается въ 4 регионѣ наряду съ Milium (Milliare augeum) и площадью Августеономъ, между тѣмъ какъ зданія сената перечисляются одно въ шестомъ, а другое во второмъ регионѣ. Не менѣе ошибочно и то, что сенатъ на форѣ Константина не упоминается у средне-вѣковыхъ писателей: онъ не только упоминается, но и прямо называется сенатомъ фора.

извѣстія и данныя относительно мѣста Халкопратійскаго храма не говорятъ въ пользу помѣщенія его у юго-восточнаго угла св. Софіи, то на какомъ же основаніи Лабартъ и Паспати помѣщали здѣсь этотъ храмъ? Они говорятъ съ такою увѣренностью въ справедливости своихъ соображеній, что безъ разбора ихъ основаній вышеизложенныя доказательства того, что Халкопратійскій храмъ находился на западъ, а не на востокъ отъ св. Софіи, будутъ не полны, и у читателя можетъ остаться сомнѣніе относительно несостоятельности доводовъ названныхъ ученыхъ, тѣмъ болѣе, что оба они пользуются заслуженною извѣстностію, а Паспати посвятилъ топографіи и археологіи средневѣковаго Константинополя нѣсколько изслѣдованій и считается однимъ изъ лучшихъ знатоковъ этого отдѣла византійской археологіи.

Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ тѣми свойствами этихъ ученыхъ, на которыя я указывалъ во введеніи къ I кн. *Byzantina* и которыя доказалъ многими примѣрами при изложеніи топографіи Большаго дворца. Я разумѣю самоувѣренное и безцеремонное обращеніе съ источниками Лабарта и некритичность Паспати. Благодаря этимъ свойствамъ, сомнительное предположеніе Дюканжа о тождествѣ Базилики съ сенатомъ превратилось въ несомнѣнную истину и къ ней приспособлены показанія Придворнаго устава.

Дѣло въ томъ, что въ Придворномъ уставѣ два раза упоминается деревянная лѣстница, по которой царь, идя въ храмъ св. Софіи крытыми дворцовыми переходами, изъ этихъ переходовъ прямо поднимается въ катихуменіи св. Софіи ¹⁾. Въ Благовѣщенскомъ обрядѣ выходовъ въ Халкопратійскій храмъ также упоминается деревянная лѣстница, по которой царь, какъ мы видѣли, изъ сѣверной женской части храма поднимается въ катихуменіи. Лабартъ, а за нимъ Паспати, заключаютъ: 1) что деревянная лѣстница, ведшая изъ переходовъ дворца, и деревянная лѣстница Халкопратійскаго храма одна и та же; 2) что царь изъ Халкопратійскаго храма уходилъ по деревянной лѣстницѣ въ катихуменіи не Халкопратійскаго храма, а св. Софіи; потому Лабартъ безъ всякой оговорки и прибавилъ въ цитатѣ изъ Благовѣщенскаго обряда къ слову «катихуменіи» слова «св. Софіи», совершенно извращая, такимъ образомъ,

---

¹⁾ Объ этой лѣстницѣ, ведшей изъ верхнихъ переходовъ Магнавры въ катихуменіи св. Софіи, см. мои *Byzantina*, I, 121. Случай шествія царя въ храмъ по этой лѣстницѣ изъ дворца и обратно изложены въ *Byzantina*, II, 134, 238 и 245. Царь ходилъ по этой лѣстницѣ, когда шелъ въ храмъ св. Софіи „тайно“, т. е. не парадно, кратчайшимъ путемъ въ сопровожденіи ближайшихъ чиновъ кувукліи и своей военной свиты.

смысль обряда, а Паспати, не сомнѣвающійся въ томъ, что царь уходилъ въ катихуменіи св. Софіи, видитъ подтвержденіе этого въ томъ, что царь стоялъ тамъ «во время совершенія литургіи», какъ будто царь не могъ стоять во время литургіи ни въ какомъ другомъ храмѣ, кромѣ св. Софіи, и какъ будто въ Халкопратійскомъ храмѣ нельзя было совершать литургію. Для того, чтобы показать тожество деревянной лѣстницы, ведшей изъ діаватика или переходовъ дворца въ катихуменіи св. Софіи, съ деревянною лѣстницею Халкопратійскаго храма, Паспати приводитъ цитаты изъ Благовѣщенскаго обряда, въ которыхъ говорится о катихуменіяхъ Халкопратійскаго храма, рядомъ съ цитатами изъ Крестовоздвиженскаго обряда и Недѣли Православія, въ которыхъ говорится дѣйствительно о деревянной лѣстницѣ, ведшей изъ дворцовыхъ переходовъ въ катихуменіи св. Софіи. Паспати, такимъ, образомъ, подтасовкою цитатъ достигаетъ того, чего Лабартъ достигъ прибавкою нѣсколькихъ словъ. Для знакомаго съ цитуемыми обрядами и манерою Паспати 'валить въ одну кучу такой матеріалъ, который на самомъ дѣлѣ ничего не имѣетъ между собою общаго, такая подтасовка сразу очевидна и только убѣждаетъ еще лишній разъ, что Паспати частенько выписывалъ цитаты, не понимая тѣхъ обрядовъ, изъ которыхъ онъ ихъ бралъ. Но для мало знакомыхъ съ обрядами и склонныхъ вѣрить цитатамъ, которыя всѣ приведены подъ видомъ выписокъ изъ Благовѣщенскаго обряда, эти выписки могутъ показаться убѣдительными, какъ и самоувѣренныя прибавки Лабарта, тѣмъ болѣе, что эта подтасовка и прибавки дѣлаются безъ всякихъ оговорокъ и поясненій. Въ виду этого считаю долгомъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

1) Нѣтъ никакихъ резонныхъ основаній считать деревянную лѣстницу Халкопратійскаго храма за тожественную съ таковою же лѣстницею изъ переходовъ дворца въ катихуменіи св. Софіи. Если была деревянная лѣстница изъ дворцовыхъ переходовъ въ катихуменіи св. Софіи, то могла быть таковая же и въ другихъ общественныхъ и частныхъ зданіяхъ, и было бы нелѣпо думать, что во всѣхъ общественныхъ зданіяхъ средневѣковаго Константинополя деревянная лѣстница была только одна, изъ переходовъ дворца въ катихуменіи св. Софіи. Если въ обрядахъ Константина Багрянороднаго упоминаются только двѣ деревянныя лѣстницы, то это совершенно случайно и происходитъ отъ того, что только эти двѣ деревянныя лѣстницы играли роль въ дошедшихъ до насъ обрядахъ, какъ такія части зданій, по которымъ проходилъ царь. Если мы на основаніи матеріала или способа постройки лѣстницъ будемъ всѣ одинаковыя лѣстницы относить къ одному зданію, хотя бы

онѣ упоминались въ другихъ, то мы дойдемъ до совершенно невѣроятныхъ абсурдовъ.

2) Еще менѣе основаній думать, что царь, возложивши апокомвій въ Халкопратійскомъ храмѣ и еѳо придѣлахъ, уходилъ для слушанія литургіи въ катихуменіи св. Софіи, какъ хотять убѣдить насъ Лабартъ и Паспати. Съ такимъ же точно правомъ и относительно другихъ многихъ храмовъ, городскихъ и пригородныхъ, въ которые царь дѣлалъ богомольные выходы и выѣзды, можно утверждать, что, по возложеніи на престолъ апокомвія, онъ уходилъ изъ нихъ въ катихуменіи св. Софіи, такъ какъ царь обыкновенно уходилъ для слушанія литургіи въ другихъ храмахъ, кромѣ св. Софіи, въ катихуменіи того храма, въ которомъ онъ находился. Но такъ какъ для всякаго, не лишеннаго смысла и не одержимаго предвзятыми мнѣніями, и безъ специальныхъ указаній ясно, что царь, возложивши апокомвій на престолъ того или другого храма, уходилъ въ катихуменіи именно этого храма, если это былъ храмъ, а не евктирій, то въ обрядахъ обыкновенно просто говорится, что царь уходилъ въ катихуменіи, безъ обозначенія или повторенія названія храма. Точно также сказано въ обрядѣ Благовѣщенскаго выхода и относительно катихуменій Халкопратійскаго храма безъ повторенія названія храма.

3) Лабартъ и Паспати смѣшиваютъ, какъ было уже сказано, форъ Константина съ площадью Августеонъ и помѣщаютъ колонну Константина на Августеонѣ, такъ что и самое шествіе царя и патріарха изъ св. Софіи въ Халкопратійскій храмъ представляютъ себѣ въ совершенно превратномъ видѣ.

4) Вся эта путаница произошла, очевидно, отъ того, что оба ученые брали свои цитаты безъ яснаго пониманія тѣхъ обрядовъ, къ которымъ эти цитаты относятся, вслѣдствіе чего для нихъ явилась возможнымъ сопоставлять такія мѣста, которыя между собою не имѣютъ ничего общаго, кромѣ деревянной лѣстницы. Ложные и совершенно превратные выводы обоихъ ученыхъ относительно мѣста Халкопратійскаго храма, какъ и фора Константина, еще одинъ разъ показали, какъ опасно изъ обрядовъ Придворнаго устава брать отдѣльныя мѣста, безъ предварительнаго изученія и сопоставленія однородныхъ обрядовъ. Какъ у Лабарта, такъ и у Паспати, особенно у послѣдняго, такія выписки изъ непонятыхъ обрядовъ были причиною множества явныхъ и нелѣпныхъ ошибокъ. На первый взглядъ такія крупныя и очевидныя ошибки въ книгѣ археолога, специально занимавшагося и писавшаго по топографіи Константинополя, кажутся даже невѣроятными, и только частое повто-

репие ихъ убѣждаетъ въ необходимости признать ихъ и въ то же время заставляеть, вопреки желанію, произносить строгій приговоръ и говорить о непониманіи тѣхъ мѣстъ, на которые авторы ссылаются, какъ на несомнѣнные доказательства своихъ положеній. Позволяю себѣ надѣяться, что и читатель, познакомившись съ нижеизложенными обрядами выходовъ въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы, придетъ къ такому же заключенію и извинить длинныя разсужденія о такихъ предметахъ, которыя были бы сами по себѣ ясны, если бы ихъ не затемнили неправильныя толкованія вышеназванныхъ ученыхъ.

Крестный ходъ, совершавшійся въ Рождество Богородицы и Благовѣщеніе изъ св. Софіи въ храмъ пресв. Богородицы Халкопратійской чрезъ форъ Константина, начинался выходомъ царя съ синклитомъ въ св. Софію. Выходъ этотъ совершался до Халки тѣмъ же путемъ, какъ въ большіе Господніе праздники, но отъ Халки царь шель не чрезъ большія ворота Халки, а чрезъ малыя желѣзныя ворота и Хить Халки, приводившій прямо къ св. Кладезю и южнымъ вратамъ храма св. Софіи. Путь въ св. Софію, такимъ образомъ, нѣсколько сокращался. Сокращалось сравнительно съ выходами въ большіе Господніе праздники и число встрѣчъ или приемовъ (*αἱ δοχαί*) какъ со стороны чиновъ синклита (не было отдѣльнаго ввода высшихъ чиновъ въ Золотую Руку), такъ и со стороны димовъ Ипподрома ¹⁾). Приемы димовъ, кромѣ того, ограничивались чтеніемъ ямбовъ и не сопровождались пѣснопѣніями и славословіями въ обычныхъ мѣстахъ на пути шествія царя въ св. Софію. Царь, облачившись въ Октагонѣ въ хламиду, не надѣвалъ здѣсь короны (*στέρμα*), а шель до храма св. Софіи въ томъ головномъ уборѣ, въ которомъ выходилъ изъ Хрисотриклина, т.-е. въ шапкѣ. По всѣмъ этимъ признакамъ и отличительнымъ чертамъ выходовъ въ храмъ св. Софіи въ Рождество Богородицы и Благовѣщеніе мы отнесли ихъ къ среднимъ выходамъ и разсматривали, наряду съ подобными выходами въ другіе нѣкоторые праздники, какъ особый типъ царскихъ богомольныхъ выходовъ въ храмъ св. Софіи, причемъ были указаны и отмѣчены всѣ, извѣстныя намъ, отступленія и сокращенія сравнительно съ большими выходами ²⁾).

¹⁾ Къ сказанному въ Byzantina, II, 221—222 о томъ, что при среднихъ выходахъ приема высшихъ чиновъ въ Золотой Рукѣ не бывало, необходимо прибавить замѣтку, сдѣланную при составленіи и редакціи Устава, въ обрядѣ Крестопоклоннаго воскресенія (I, 29, 161: *ἤνιχα κατέλαβεν ὁ χαῖρος, ἐξήρχοντο οἱ δεσπότες καὶ ἐδέχοντο αὐτοὺς οἱ πατριῆσι εἰς τὸν Ὀνόποδα, οὐχὶ δὲ ἐνδὸν τοῦ πορτικῶδ (Золотой Руки), εἰς τὸν Αὐγουστέα. Относительно портика Августея, называвшагося Золотой Рукою, см. мои Byzantina, I, 107.*

²⁾ Byzantina, II, 221—224.

Такъ какъ, за исключеніемъ этихъ сокращеній и особенностей, средніе выходы до Халки совершались такъ же, какъ и большіе, подробно описанные во 2 и 3 гл. II кн. *Byzantina*, то я считаю излишнимъ излагать здѣсь выходъ царя съ синклитомъ въ св. Софію, чтобы не повторять сказаннаго въ указанныхъ главахъ II кн. Мы можемъ прямо начать съ того момента, когда кончается выходъ въ св. Софію и начинается крестный ходъ изъ храма св. Софіи въ храмъ Халкопратійскій, т. е. съ выхода царя и патріарха изъ алтаря на солею, чтобы начать отсюда крестный ходъ.

Но прежде, нежели мы приступимъ къ изложенію обряда, необходимо замѣтить, что какъ царь, такъ и чины совершали выходъ въ св. Софію, а отсюда въ Халкопратійскій храмъ, въ парадныхъ облаченіяхъ, хотя и не самыхъ великолѣпныхъ. Судя по перечню парадныхъ выходныхъ облаченій въ гл. 37, I кн. Придворнаго устава, царь въ оба эти праздника облачался въ красные дивитисіи и соотвѣтствующія имъ хламиды (*διδρητήσια πορφυρά καὶ τὰς τούτων χλαμίδας*). Въ виду такого облаченія царя можно было бы ожидать, что и чины въ оба праздника облачались въ одежды такого же цвѣта ¹⁾, но въ Благовѣщенскомъ обрядѣ (I, 30, 162) мы, напротивъ, находимъ замѣчаніе, что въ этотъ праздникъ, патрикіи облачаются въ бѣлыя хламиды съ ярко-пурпурными нашивками (въ этотъ праздникъ хламидъ съ золотоканнными нашивками не носятъ) ²⁾. Точно также и весь синклитъ облачается въ бѣлыя хламиды, а препозиты съ чинами кубуклія облачаются такъ, какъ «установлено для нихъ». Весьма возможно, что эта разница въ цвѣтѣ обла-

¹⁾ Относительно цвѣта облаченій царя и чиновъ въ большіе Господніе и другіе праздники, ср. *Byzantina*, II, 42—43.

²⁾ *Serim.* I, 30, 162: ἀλλάσσοι οἱ μὲν πατρικοὶ χλαμίδα λευκὰ, ἔχοντα ταβλία ἀπὸ ὀξέων, (ἐν γὰρ ταύτῃ τῇ ἑορτῇ οὐ φοροῦσιν τὰ ὑπὸ χρυσοκλάβων ταβλίων χλαμίδα)... Въ этомъ мѣстѣ мы имѣемъ интересную замѣтку относительно, такъ сказать, степени парадности облаченія чиновъ. Хотя въ Благовѣщеніе, какъ и въ большіе Господніе праздники, выходъ совершался въ парадныхъ облаченіяхъ, но, однако, не самыхъ роскошныхъ и дорогихъ, а нѣсколько болѣе простыхъ, чѣмъ въ большіе Господніе праздники. Оттѣнокъ парадности заключается въ томъ, что нашивки на хламидахъ, надѣвавшихся въ Благовѣщеніе, были не золотоканнныя, а простыя пурпурныя, не вышитыя золотомъ. Цвѣтъ нашивокъ выражается словомъ ἀπὸ ὀξέων. Къ сожалѣнію, точное значеніе этого слова опредѣлить трудно. Дюканжъ s. v. ὀξύς переводитъ этотъ терминъ посредствомъ лат. *violaceus*, но изъ приведенныхъ имъ мѣстъ не видно, что ὀξύς выражало именно этотъ оттѣнокъ пурпурнаго цвѣта. Такъ какъ ὀξύς, острый, въ цвѣтовомъ смыслѣ означаетъ: рѣзкій, яркій, блестящій, а въ соединеніи съ *πορφυρός* рѣзко-ярко-пурпуровый, то, по выраженію *Reiske* (*Comment.* 555, ср. 228 и 753), *perarduum est discere, quem colorem voce ὀξύς significat, rubrum ne an violaceum*. Можно только сказать, что ὀξύς означаетъ яркость, рѣзкость цвѣта или оттѣнка пурпура, но какого именно, сказать трудно: можетъ быть пурпурнаго, краснаго, а, б. м., фіолетоваго, такъ какъ пурпурный цвѣтъ имѣлъ разные оттѣнки.

ченія царя и чиновъ въ одинъ и тотъ же праздникъ только кажущаяся и должна быть объясняема тѣмъ, что показанія вышеуказанныхъ мѣстъ Придворнаго устава относятся къ разнымъ эпохамъ. Такъ какъ специальный Благовѣщенскій обрядъ, какъ мы увидимъ, принадлежитъ къ болѣе древнимъ обрядамъ, чѣмъ обрядъ Рождества Богородицы (I, 1. 26—33) и перечень облаченій (I, 37, 187 и слѣд.), то, быть можетъ, разницу въ показаніяхъ обрядовъ относительно цвѣта облаченій царя и чиновъ синклита слѣдуетъ объяснять разностью во времени и полагать, что во время составленія Благовѣщенскаго обряда всѣ облачались въ бѣлыя одежды, а потомъ стали облачаться въ красныя. Этотъ послѣдній обычай и отмѣченъ въ перечнѣ облаченій при обрядѣ Рождества Богородицы, вошедшемъ въ составъ общаго обряда, т.-е. I гл. I кн., при редакціи Придворнаго устава. Въ пользу такого именно толкованія указанной разности говорятъ и то обстоятельство, что въ концѣ обряда Крестопоклоннаго воскресенья (I, 29, 161), предшествующаго Благовѣщенскому обряду, замѣчено, что «въ древнія времена въ праздникъ Благовѣщенія сановники облачались въ консисторіи въ бѣлыя хламиды». Ясно, что во время написанія этой замѣтки чины облачались не въ бѣлыя облаченія, а въ красныя (порфирᾶ), какъ видно изъ цвѣта царскаго облаченія ¹⁾.

Переходя затѣмъ къ описанію крестнаго хода изъ св. Софіи въ Халкопратійскій храмъ, совершавшагося въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы, считаю необходимымъ замѣтить, что какъ выходы въ эти

¹⁾ Замѣтка эта относительно облаченія въ Благовѣщеніе прибавлена къ обряду Крестопоклоннаго воскресенья и отнесена къ 29 главѣ, хотя, по содержанію своему, эта замѣтка принадлежитъ къ слѣдующей, 30. гл., въ которой трактуется о томъ, что нужно соблюдать, если праздникъ Благовѣщенія пресв. Богородицы случится въ воскресенье средней недѣли. Потому глава 30 должна начинаться раньше, съ начала этой замѣтки: ἰστέον, ὅτι κτλ. (I, 29, 161, строка 18), въ которой говорится о нѣкоторыхъ деталяхъ Благовѣщенскаго выхода, если Благовѣщеніе случится въ воскресенье вообще. За этой замѣткой слѣдуетъ другая замѣтка, начинающаяся также съ ἰστέον и служащая какъ бы введеніемъ къ самому обряду. Между этими двумя замѣтками помѣщено заглавіе 30 главы, содержащей описаніе выхода въ Благовѣщеніе, если оно случится въ Крестопоклонное воскресенье. Но такъ какъ обрядъ и начинается именно описаніемъ того дѣйствія, которое совершалось въ Благовѣщеніе, если оно приходилось въ Крестопоклонное воскресенье, то во второй (вводной) замѣткѣ и надобности вовсе не было: она только повторяетъ заглавіе 30 главы и вставлена, очевидно, какъ и первая замѣтка, при редакціи сборника специальныхъ обрядовъ. Это видно, какъ изъ характера этихъ замѣтокъ, такъ и изъ того, что Благовѣщенскій обрядъ въ своемъ прежнемъ видѣ начинается словами, которыми начинаются многіе другіе обряды: *προέρχονται ἅπαντες ἐνώχιοι ἐν τῇ παλατίῃ καὶ ἀλλεσοῦσιν* κτλ. Ср. I, 10, 71; I, 11, 86; I, 14, 91; I, 15, 96; I, 16, 98; I, 18, 109; I, 19, 114; I, 22, 124; I, 23, 128; I, 26, 143; I, 29, 161; I, 32, 171; I, 38, 191; I, 61, 277 и др.

праздники изъ Дворца, точиѣ изъ Хрисотриклина въ св. Софію, такъ и шествіе изъ этого храма до храма св. Константина у колонны этого царя на форѣ, носившемъ его же имя, совершались совершенно такъ же, какъ выходы и крестные ходы въ храмъ св. Апостоловъ, въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли и другіе праздники, въ которые византійскіе цари дѣлали выходы въ храмъ св. Апостоловъ, пока эти выходы не замѣнены были выѣздами. Потому обрядъ понедѣльника Пасхальной недѣли (I, 10, 71 и слѣд.) до молебствія въ храмъ св. Константина включительно можетъ и долженъ приниматься во вниманіе при описаніи выхода въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы, какъ совершенно параллельный съ обрядами этихъ Богородичныхъ праздниковъ.

Такой же параллельный обрядъ мы имѣемъ въ II, 19, 607 и слѣд., гдѣ описанъ триумфъ царя надъ побѣжденными врагами, совершавшійся на форѣ Константина, для чего сначала дѣлался выходъ въ храмъ св. Софіи по типу среднихъ выходовъ, а изъ св. Софіи крестный ходъ на форѣ Константина, совершенно такой же, какъ въ Благовѣщеніе, Рождество Богородицы и понедѣльникъ Пасхальной недѣли, съ той только разницею, что крестный ходъ доходилъ только до колонны Константина.

По всѣмъ этимъ четыремъ обрядамъ, цари съ синклитомъ, совершивъ выходъ въ св. Софію по типу среднихъ выходовъ, послѣ кажденія вокругъ св. престола, уходили не въ мутаторій, какъ въ большіе Господни праздники, а становились съ патріархомъ опять предъ св. престоломъ со стороны среднихъ св. вратъ алтарной преграды, и архидіаконъ возгласомъ начиналъ литію или молебствіе крестнаго хода, т.-е. возглашалъ: «Благослови, владыко!» Патріархъ, послѣ обычнаго: «Благословенъ Богъ нашъ», читалъ молитву. По окончаніи краткаго молебствія, царь съ патріархомъ выходили на солею, причемъ впереди ихъ несли крестъ и евангеліе ¹⁾. При выходѣ на солею, царь бралъ у препозита молебственную свѣчу (*κηρίον λιτανίαιον*), т.-е. свѣчу, приспособленную для крестныхъ ходовъ (*λιτή*) ²⁾. Подобныя же свѣчи брали и возжигали участвовавшіе въ крестномъ ходѣ чины царскаго синклита и, при пѣніи тро-

¹⁾ Этотъ моментъ, т.-е. начало крестнаго хода, послѣ кажденія св. престола, подробнѣе всего описанъ въ I, 1, 28, гдѣ сказано, что выходятъ изъ алтаря царь съ патріархомъ не только послѣ возгласа архидіакона и молитвы патріарха, но *καὶ τὰ ἕξτε τῆς ἐκκλησιαστικῆς καταστάσεως γενομένης πύσης*. Въ I, 10, 74 и I, 30, 164 о пребываніи царя въ алтарѣ говорится очень кратко и о моленіи не упоминается.

²⁾ Относительно восковыхъ свѣчъ, снабженныхъ рукояткою и розеткою для того, чтобы во время шествія подъ открытымъ небомъ можно было удобно держать ихъ и чтобы воскъ не капалъ на руки и платье, см. мои *Byzantina*, II, 241, прим. 2.

Рис. 19. Миниатюра Ватиканскаго минологія (26 окт.).

паря празднику пѣвчими, стоявшими на амвонѣ ¹⁾, направлялись впереди царя, въ іерархическомъ порядкѣ, къ выходу, т.-е. къ западнымъ вратамъ. За ними слѣдовали царь съ патриархомъ, предшествуемые крестомъ и евангеліемъ, изъ которыхъ первый несомъ былъ особымъ крестоносцемъ (*σταυροφόρος*), а второе архидіакономъ.

Пройдя по срединѣ храма за амвонъ, царь и патриархъ останавливались между амвономъ и западными вратами, оборачивались къ алтарю, патриархъ читалъ еще молитву и совершалось опять краткое молебствіе, причемъ крестъ и евангеліе ставились предъ царемъ и патриархомъ ²⁾.

¹⁾ Тропарь Благовѣщенія обозначенъ въ Благовѣщенскомъ обрядѣ (I, 30, 164) начальными словами: *Σήμερον τῆς σωτηρίας ἡμῶν τὸ κεφάλαιον...*, т.-е. Днесъ спасенія нашего главизна... Тропарь, значитъ, пѣлся въ Благовѣщеніе тотъ самый, который и теперь поется. Тропарь на Рождество Богородицы не обозначаетъ. Теперь въ Рождество Богородицы поется тропарь: Рождество Твое, Богородице Дѣво...

²⁾ Первые моменты крестнаго хода подробнѣе, нежели въ Благовѣщенскомъ обрядѣ (I, 30, 164), описаны въ обрядѣ Рождества Богородицы (I, 1, 28). Здѣсь упоминается второе краткое молебствіе между амвономъ и западными вратами (*τίεται χάρισις εὐχὴ κατὰ τὴν ἐκκλησιαστικὴν ἀκολουθίαν*), между тѣмъ какъ въ Благовѣщенскомъ обрядѣ (ср. I, 10, 74) сказано короче, что царь и патриархъ шли съ соеи прямо къ западнымъ или царскимъ вратамъ. Возможно, впрочемъ, что иногда дѣйствительно такъ и бывало. О пѣвчій тропаря сказано въ Благовѣщенскомъ обрядѣ, а въ обрядѣ Пасхальнаго понедѣльника указано, что его начинаютъ пѣть пѣвчіе на амвонѣ (I, 10, 74, ср. II, 19, 609). Хотя въ обрядахъ не указано, кто несетъ крестъ, тѣмъ не менѣе можно сказать навѣрно, что крестъ несъ „крестоносецъ“, такъ какъ особы церковно-

Рис. 20. Миниатюра Ватиканскаго минологія (26 янв).

служители, называвшіеся крестоносцами и носившіе крестъ въ крестныхъ ходахъ, существовали въ западной и восточной церкви съ IV в., хотя въ западной церкви они назывались, подобно военнымъ знаменосцамъ, драконаріями (*dragonesarii*, собственно носители знаменъ съ изображеніемъ драконовъ). Такой „крестоносецъ“ изображенъ въ минологіи Василя подъ 26 окт. (ed. Albani, I, p. 145) и 26 янв. (*ibid.* II, p. 137), гдѣ изображены и кресты, которые носились въ процессіяхъ. Это—большіе, богато украшенные кресты съ длинной рукояткой, которую крестоносецъ держитъ въ обѣихъ рукахъ (Klaus, *Realencykl. d. christl. Alterthümer*, s. v. *Dragonesarius* и *σταυροφόρος*). Въ Придворномъ уставѣ такіе процессуальные кресты называются *σταυροί λιτανιακοί*, а носящіе ихъ служители иподіаконами (I, 20, 120; I, 21, 123). На миниатюрахъ подъ 26 окт. и 26 янв. (рис. 19. 20) представлены процессіи или крестные ходы, установленныя въ воспоминаніе большихъ землетрясеній. Вѣдь, 26 окт. во главѣ процессіи идетъ патриархъ съ евангеліемъ и кадиломъ, за нимъ крестоносецъ и духовенство. Подъ 26 янв. патриархъ съ царемъ идетъ по срединѣ процессіи; впереди ихъ крестоносецъ и духовенство, а сзади чины царскаго синклита. Въ обоихъ случаяхъ патриархъ идетъ съ евангеліемъ и кадиломъ, что несогласно съ даннымъ въ текстѣ описаніемъ, по которому евангеліе несетъ впереди архидіаконъ. Не знаю, насколько точно передаютъ подробности крестнаго хода миниатюры минологія, но въ занимающихъ насъ обрядахъ Придворнаго устава прямо сказано, что царь и патриархъ идутъ съ соеи къ западнымъ вратамъ, *προπορευομένων αὐτῶν τοῦ τε σταυροῦ καὶ τοῦ εὐαγγελίου* (I, 1, 28), а такъ какъ евангеліе носится предъ патриархомъ обыкновенно архидіакономъ, то и въ моемъ описаніи названъ архидіаконъ (ср. I, 1, 14: *цари προσκυνοῦσι τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον βασιταζόμενον ὑπὸ τοῦ ἀρχιδιακόνου*). Но въ дальнѣйшей процессіи евангеліе, вѣроятно, несетъ, хотя, б. м., и не все время, самъ патриархъ, когда онъ шель во главѣ духовенства, простившись съ царемъ, какъ это изображено на указанныхъ миниатюрахъ и какъ видно изъ того, что онъ входитъ въ храмъ св. Константина на форѣ съ евангеліемъ (*ὁ δὲ πατριάρχης μετὰ τοῦ εὐαγγελίου καὶ τῶν οἰκείων διακόνων καὶ ψαλτῶν ἀνέρχεται ἐν τῷ εὐκτηρίῳ... τοῦ ἁγίου Κωνσταντίνου*, I, 1, 30).

Послѣ этого царь и патриархъ шли къ западнымъ среднимъ или царскимъ дверямъ и чрезъ нихъ выходили въ пареикъ св. Софіи. Здѣсь царь кланялся патриарху, цѣловался съ нимъ и уходилъ въ мутаторію у красныхъ вратъ (ἡ ὄραία πόλη), т.-е. въ нишу съ завѣсою для надѣванія головного убора, царской шапки или короны ¹⁾).

Патриархъ, однако же, не уходилъ, а дожидался выхода царя изъ мутаторіи, потому что, по выходѣ изъ-за завѣсы, царь снова прощался и цѣловался съ патриархомъ и, откланявшись ему, уходилъ впередъ съ своимъ синклитомъ, совершая крестный ходъ отдѣльно (μετὰ τῆς οἰκείας λιτῆς I, 1, 28). Царь выходилъ изъ св. Софіи, по обыкновенію, чрезъ красныя врата, проходилъ чрезъ дворъ св. Софіи (διὰ τοῦ λουτήρος I, 10, 74; I, 30, 164), и, выйдя изъ него чрезъ большія ворота въ Аѳиръ, по ступенямъ Аѳира спускался къ Милію. Пройдя чрезъ него, царь выходилъ на Большую или Среднюю улицу, ведшую отъ площади Августеона къ форуму Константина между двумя портиками ²⁾, и шель по срединѣ ея съ своимъ синклитомъ къ колоннѣ св. Константина, причемъ царскій синклитъ пѣлъ тропари и другія священныя пѣсни; запѣвалою среди чиновъ синклита былъ церемоніарій (ὁ τῆς χαταστάσεως) ³⁾).

¹⁾ О надѣваніи головного убора въ мутаторіи у красныхъ вратъ упомянуто въ сравнительно позднѣйшемъ обрядѣ Рождества Богородицы (I, 1, 28), вошедшемъ въ составъ 1 гл. I кн. Придворнаго устава. Ни въ обрядѣ понедѣльника Пасхальной недѣли, ни въ обрядѣ Благовѣщенія о надѣваніи шапки или короны въ мутаторіи ничего не говорится. Умолчаніе о надѣваніи короны въ двухъ послѣднихъ обрядахъ можно было бы объяснить краткостью изложенія сравнительно съ обрядомъ Рождества Богородицы, если бы такого же умолчанія о вѣнцахъ не было и въ перечнѣ царскихъ облаченій во время праздничныхъ выходовъ (I, 37). Въ этомъ перечнѣ мы находимъ указанія, въ какихъ одеждахъ (дивитисіи и хламидѣ) царь совершалъ крестный ходъ,—но о коронахъ ничего не сказано, между тѣмъ какъ при перечнѣ предметовъ облаченія, въ какихъ онъ возвращался изъ Халкопратійскаго храма во Дворецъ (р. 190 и 191), названы короны (στέμματα). Принимая во вниманіе это обстоятельство, можно думать, что во время написанія болѣе древнихъ обрядовъ для крестнаго хода царь, если и надѣвалъ какую-нибудь шапку, то, б. м., не корону въ тѣсномъ смыслѣ (στέμμα), а какой-нибудь другой головной уборъ, не столь нарядный, какъ στέμμα, вслѣдствіе чего, б. м., этотъ головной уборъ и не названъ въ обрядахъ и перечнѣ облаченій. Но такъ какъ эти царскія шапки (туфы, камилавки и т. п.) украшались подобно коронамъ и впоследствии имѣли значеніе коронъ, то, повидимому, можно сказать, не рискуя сдѣлать большой ошибки, что цари совершали крестные ходы въ коронахъ или вѣнцахъ, по крайней мѣрѣ относительно X в., тѣмъ болѣе, что на рисункахъ Ватиканскаго минологія, относящихся къ этому времени, цари, участвующіе въ крестныхъ ходахъ, изображаются обыкновенно въ коронахъ или очень сходныхъ съ ними шапкахъ, напримѣръ, Θεодосίη Μладшій въ вышеназванномъ рисункѣ къ 26 янв.; тотъ же Θεодосίη въ миниатюрѣ къ 27 янв. (Menol. ed. Albani, II, 140) и Михаилъ III въ миниатюрѣ къ 24 февраля (ibid. 209).

²⁾ Относительно красныхъ вратъ св. Софіи, мутаторія около нихъ, двора св. Софіи, Аѳира, Милія и пр., см. Byzantina, II, гл. IV, а также указатель къ этой книгѣ.

³⁾ Хотя въ занимающихъ насъ обрядахъ не указано, что на пути отъ св. Софіи

Дойдя до порфировой колонны св. Константина, при которой былъ устроенъ маленькій храмъ въ честь этого равноапостольнаго царя, основателя христіанскаго царства съ христіанскою столицею, царь подходилъ къ храму и, отдавши препозиту свѣчу, съ которой онъ шелъ отъ св. Софіи, поднимался по ступенямъ лѣстницы, ведшей къ входнымъ дверямъ храма, и, войдя на верхнюю площадку предъ храмомъ, становился направо отъ лѣстницы, гдѣ и дожидался патріарха съ духовенствомъ и народомъ, опираясь на рѣшетку или балюстраду, ограждавшую площадку, на которой онъ стоялъ.

На ступеняхъ площадки этой, ниже царя, на правой же сторонѣ отъ лѣстницы, ведшей на площадку, становились чины кувуклія, а внизу, но внутри колоннады, окружавшей пьедесталъ колонны Константина, опять — таки направо отъ лѣстницы, слѣдовательно, противъ царя, становились чины синклита: магистры, аеипаты, патрикіи и прочіе. За колонами, на маленькихъ ступеняхъ, но съ той же стороны, т.-е. противъ царя, становились съ своими пѣвчими чины числа, царскіе гребцы и димы партій Ипподрома, такъ что вся правая сторона предъ площадкою храма св. Константина занималась царскою свитою. Далѣе за ними средину площади занимала царская военная свита: протоспаѳаріи, спаѳаріи и другіе, такъ называемые царскіе, и, наконецъ, чины гвардейскихъ отрядовъ. Какъ «царскіе», такъ и гвардейцы стояли не только съ правой стороны толпы, но и съ лѣвой ¹⁾, окружая и замыкая отъ напора

до фора Константина царскій синклитъ пѣлъ священные гимны соотвѣтствующаго праздника, тѣмъ не менѣе можно предполагать, что и во время шествія отъ храма св. Софіи къ фору Константина, чины синклита пѣли гимны, какъ они обыкновенно пѣли ихъ во время такихъ шествій царя „съ собственнымъ молебствіемъ“ (μετὰ τῆς οἰκίας (или ἰδίας) λιτῆς), тѣмъ болѣе что въ числѣ сопровождавшихъ царя лицъ находились димы Ипподрома, чины числа и царскіе гребцы съ своими пѣвчими и запѣвалами, которые, какъ мы увидимъ, поютъ катавасію праздника и которые въ извѣстномъ смыслѣ могутъ быть сопоставляемы съ церковными пѣвчими, шедшими съ патріархомъ. Запѣваетъ во время царскихъ крестныхъ ходовъ обыкновенно церемоніарій, какъ руководитель и распорядитель процессіи. Ср. мои Byzantina, II, 246. Ниже мы встрѣтимъ нѣсколько такихъ случаевъ. Относительно пѣнія разныхъ пѣснопѣній и славословій не только димами Ипподрома, но и чинами числа (οἱ τοῦ ἀριθμοῦ), ср. *ibid.* 254.

¹⁾ Разстановка чиновъ царской свиты и гвардейскихъ отрядовъ (τῶν ταυμάτων) довольно подробно описана въ обрядѣ Рождества Богородицы (I, 1, 28—29), короче въ обрядѣ Пасхальнаго понедѣльника I, 10, 74 и Благовѣщенскомъ I, 30, 164; но въ нихъ зато имѣются указанія на такія дѣйствія, которыя не упомянуты въ обрядѣ Рождества Богородицы. Такъ, напримѣръ, въ Благовѣщенскомъ обрядѣ, послѣ описанія прибытія царя къ колоннѣ Константина, буквально тожественнаго съ обрядомъ Пасхальнаго понедѣльника (I, 10, 74), прибавлено замѣчаніе о разстановкѣ военной свиты царя и чиновъ гвардейскихъ отрядовъ, котораго нѣтъ въ обрядѣ Рождества Богородицы. Мѣсто, которое занимали димы Ипподрома, и по обряду Рождества Бо-

зрителей участвующихъ въ процессіи чиновъ царскаго синклита и димотовъ, стоявшихъ съ правой стороны, а въ то же время охраняя мѣсто предъ площадкою съ лѣвой стороны, гдѣ должны стать чины патриаршаго клира и представители города, имѣющіе прибыть съ патриархомъ.

Послѣ того, какъ чины царской свиты и синклита заняли свои мѣста около колонны св. Константина, подходилъ патриархъ съ своимъ крестнымъ ходомъ, т.-е. съ духовенствомъ и народомъ. Во главѣ процессіи шли «екдики» съ своими жезлами и первые входили въ ограду колонны (*κλυοστασία*) и, дойдя до первой ступени той лѣстницы, наверху которой направо стоялъ царь, опираясь на рѣшетку, останавливались.

Затѣмъ входили митрополиты, архіепископы и епископы, участвовавшіе въ крестномъ ходѣ, и, дойдя по лѣстницѣ до площадки, на которой стоялъ царь, совершали поклоненіе царю установленнымъ порядкомъ. подводимые царскимъ церемоніаріемъ и патриаршимъ референдаріемъ, подобно тому, какъ это дѣлалось предъ цѣлованіемъ любви въ храмѣ св. Софіи ¹⁾).

Послѣ поклоненія царю, высшіе духовные сановники становились на ступеняхъ базы колонны налѣво отъ лѣстницы, направо отъ которой соотвѣтствующія мѣста заняты были высшими чинами царскаго кувуклія.

Затѣмъ подходили участвовавшіе въ ходѣ чины клира и пѣвчіе и, наконецъ, шествовалъ патриархъ съ евангеліемъ, предшествуемый крестоносцемъ и поддерживаемый первыми и ближайшими чинами своего клира.

Когда патриархъ подходилъ къ той лѣстницѣ, на верхней площадкѣ которой стоялъ царь, препозитъ подавалъ царю зажженную восковую свѣчу; царь, по обыкновению, молился со свѣчею въ лѣвой рукѣ кресту, который держалъ крестоносецъ - иподіаконъ, прикладывался къ нему, потомъ прикладывался къ евангелію и, раскланявшись съ патриархомъ,

---

городицы, подтверждается однимъ мѣстомъ обряда триумфа на Ипподромѣ (II, 19, 611), гдѣ, кромѣ того, прибавлено, что вмѣстѣ съ ними стояли чины числа (*οἱ τοῦ ἀριθμοῦ*), царскіе гребцы съ пѣвчими *κατὰ τὸν τύπον*, по установленному порядку, т.-е. какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, когда совершаются молебствія у колонны Константина. Во время триумфа всѣ они поютъ славословіе и многолѣтіе, какъ въ обрядахъ Богородичныхъ праздниковъ, насъ занимающихъ, поютъ катавасіи праздниковъ.

¹⁾ Относительно поклоненія царю высшихъ духовныхъ сановниковъ предъ цѣлованіемъ любви, см. мои *Byzantina*, II, 171—172. Въ обрядѣ Рождества Богородицы сказано (I, 1, 29): *εἰσερχονται οἱ μητροπολίται καὶ ἀρχιεπίσκοποι, καὶ τὴν κατὰ τύπον ἀποτελούσαν προσκύνησιν, δηλώνοντι διὰ τοῦ τῆς καταστάσεως καὶ τοῦ референдарίου προσαγομένους καὶ τοὺς δεσπότης προσκυνούοντας*. Уже первый издатель Лейхъ замѣтилъ ошибочность текста въ этомъ мѣстѣ и совершенно правильно читалъ *προσαγομένοι... καὶ προσκυνούοντας* вмѣсто *προσαγομένου... καὶ προσκυνούοντας*.

цѣловался съ нимъ, а свѣчу отдавалъ препозиту, который передавалъ ее церемоніарію, а тотъ ставилъ ее на одинъ изъ ручныхъ подсвѣчниковъ, носимыхъ во время крестнаго хода (*ἐν τοῖς τῆς λιτῆς μηχαναλοῖς*). Крестъ между тѣмъ ставили на мраморную подставку, которая стояла наверху лѣстницы, на плащадкѣ, предъ дверьми храма св. Константина. Царь возвращался на свое прежнее мѣсто, а патріархъ съ нѣкоторыми священно- и церковно-служителями и пѣвчими поднимался по лѣстницѣ и входилъ въ храмъ, между тѣмъ какъ остальной клиръ патріарха оставался внизу налѣво отъ лѣстницы, а пѣвчіе-сироты (*ὄρφανα*) становились около членовъ синклита. Тутъ же стоялъ и народъ, т.-е. городскіе жители, участвовавшіе въ крестномъ ходѣ, занимая ту сторону площади, которая прилегала къ зданію сената, находившемуся на форѣ Константина.

Когда патріархъ входилъ въ храмъ св. Константина, димы Ипподрома, по знаку препозита, пѣли трижды катавасію праздника. Послѣ этого въ храмѣ св. Константина патріархъ совершалъ краткое молебствіе, причемъ діаконъ, читавшій ектенію, читалъ ее, стоя у оконъ лѣвой стороны храма св. Константина и смотрѣлъ въ окно, чтобы публика, стоявшая предъ храмомъ, могла ее слушать, такъ какъ храмъ этотъ (*εὐκτήριον*) былъ такъ малъ, что въ немъ могъ помѣститься только патріархъ съ незначительною и необходимую частью своего клира и пѣвчихъ, участвовавшихъ въ совершеніи молебствія. Не говоря уже о публикѣ, даже царь съ своею ближайшею свитою и высшее духовенство стоялъ внѣ этого маленькаго храма или молельни. Предъ началомъ этого молебствія царю подавалась препозитомъ зажженная восковая свѣча, съ которою онъ и стоялъ во время молебствія; по окончаніи молебствія препозитъ бралъ у царя свѣчу и отдавалъ ее церемоніарію, который ставилъ ее на ручной подсвѣчникъ.

Послѣ этого церемоніарій разстановивалъ чиновъ синклита и царской свиты въ томъ порядкѣ, въ которомъ они должны совершать дальнѣйшее шествіе, а царь прощался съ патріархомъ, который, вѣроятно, выходилъ изъ храма на площадку. Прощаніе состояло, по обыкновенію, во взаимныхъ поклонахъ и цѣлованіи ¹⁾.

¹⁾ Разстановка духовныхъ чиновъ описана въ обрядѣ Рождества Богородицы (I, 1, 29—30), гдѣ подробнѣе говорится о прибытіи патріарха и дѣйствіяхъ его у колонны Константина. Короче всѣ эти моменты описаны въ Благовѣщенскомъ (I, 30, 165) обрядѣ и обрядѣ Пасхальнаго понедѣльника (I, 10, 74—75), каковыя обряды и въ этой части буквально тождественны. По словамъ обряда Рождества Богородицы, γίνεται ἡ συνήθης ἐκτενὴ παρὰ τοῦ διακόνου, δηλονότι προκύπτουτος διὰ τῶν θυρίδων τοῦ εὐωνόμου μέρους τοῦ αὐτοῦ εὐκτηρίου.

Простившись съ патриархомъ, царь сходилъ съ площадки и при спускѣ бралъ у препозита молебственную свѣчу, съ которою онъ и шель, окруженный кувукліемъ и военною свитою и предшествуемый чинами синклита и димами Ипподрома.

Во главѣ процессіи становился церемоніарій, который начиналъ пѣть тропарь праздника. Вся эта процессія со свѣчами въ рукахъ и пѣніемъ священныхъ гимновъ отъ колонны св. Константина шла назадъ, спускаясь по той же Средней улицѣ, по которой она поднялась отъ Милія къ форуму Константина.

Пройдя Антифоръ и нѣкоторою часть Средней улицы, около дома Лавза, процессія вступала въ портикъ, шедшій отъ Милія къ форуму Константина, и, поворотивъ налѣво, приближалась къ цѣли крестнаго хода, храму пресв. Богородицы Халкопратійской. Царь чрезъ красныя врата входилъ въ нарѣикъ, садился здѣсь и, окруженный ближайшими сановниками, высшими чинами кувуклія, хрисотриклинитами и «царскими», дожидался прибытія патриарха съ своимъ крестнымъ ходомъ¹⁾.

Когда тѣмъ же путемъ къ Халкопратійскому храму приближался патриархъ съ своимъ крестнымъ ходомъ, то прежде патриарха въ нарѣикъ входили едьяки, митрополиты, архіепископы и епископы и, проходя мимо царя чрезъ нарѣикъ, кланялись ему установленнымъ порядкомъ, подводящие референдаріемъ и церемоніаріемъ, а затѣмъ входили въ самый храмъ чрезъ среднія или царскія врата, ведущія изъ нарѣика въ храмъ. За ними чрезъ царскія же врата входили пѣвчіе (τὰ ὄργανα), а остальной клиръ и міряне проходили въ храмъ правыми боковыми дверями. Наконецъ, шель патриархъ, предшествуемый крестомъ и окруженный главными діаконами и другими чинами клира св. Софіи.

Съ приближеніемъ патриарха, царь вставалъ, выходилъ навстрѣчу патриарху съ зажженною свѣчею въ рукѣ, прикладывался послѣ троекратнаго поклона къ кресту и евангелію, раскланивался и цѣловался съ патриархомъ, послѣ чего оба они направлялись къ царскимъ вратамъ для совершенія «малаго входа».

---

¹⁾ Путь царскаго крестнаго хода указанъ въ Благовѣщенскомъ обрядѣ, I, 30, 165: διέρχεται ὁ βασιλεὺς... διὰ τοῦ Ἀντιφόρου καὶ εἰσέρχεται ἐν τῷ ἐμβόλῳ πλησίον τοῦ Λαύσου, καὶ ἀπὸ τῶν ἐκεῖσε ἀπέρχεται ἐν τῷ ναῷ τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῶν Χалκοπρατίων. Въ концѣ того же обряда, гдѣ говорится объ особенностяхъ хода во время дурной погоды, сказано (р. 169), что царь, дойдя до Лавза, ἀριστερὸν ἐκκλίνας, ἀπέρχεται εἰς τὰ Χалκοπράτεια. Относительно окружающей царя свиты замѣчено, I, 1, 30: царь дожидается патриарха въ нарѣикѣ, τῆς βασιλικῆς τάξεως ἐκεῖσε παρισταμένης, ἤγουν, τοῦ κορυβακλειοῦ καὶ τῶν ἀσηκρητῶν χρισотρικλινιτῶν τε καὶ βασιλικῶν ἀνθρώπων. Объ этихъ чинахъ, см. указатели къ I и II кн. монахъ Byzantina.

Малый входъ (ἡ εἰσοδος μικρά) царемъ и патриархомъ совершался совершенно такъ же, какъ и въ храмъ св. Софіи, во время большихъ выходовъ, когда царь приходилъ въ храмъ къ малому выходу. Царь и патриархъ шли черезъ нарекъ къ царскимъ вратамъ, останавливались здѣсь; царю препозитъ подавалъ зажженную восковую свѣчу; патриархъ (послѣ возгласа архидакона) читалъ входную молитву, во время которой царь молился, затѣмъ отдавалъ свѣчу препозиту, а тотъ церемоніарію. Царь еще разъ прикладывался къ кресту и евангелію, бралъ патриарха за руку и шелъ рядомъ съ нимъ (царь справа, патриархъ слѣва) черезъ храмъ на солею къ среднимъ св. вратамъ алтарной преграды. Помолвившись предъ св. вратами со свѣчею въ рукѣ, царь входилъ въ алтарь, причемъ патриархъ или вошедшіе туда раньше митрополиты пододвигали царю одну изъ дверей для прикладыванія къ утвержденному на ней кресту ¹⁾).

Войдя въ алтарь Халкопратійскаго храма, царь, по обыкновенію, прикладывался къ покрову св. престола, бралъ у препозита предназначенный для этого храма апокомвій, возлагалъ его на св. престоль и кадилъ вокругъ св. престола со всѣхъ сторонъ.

Послѣ этого царь съ патриархомъ и немногими ближайшими чинами кувуклія шелъ черезъ лѣвую сторону алтаря и храма въ смежный съ Халкопратійскимъ храмомъ храмъ св. Раки (τῆς ἁγίας Σοφοῦ).

Такъ какъ этотъ послѣдній храмъ примыкалъ къ Халкопратійскому съ сѣверной стороны и входъ въ него былъ изъ сѣвернаго или женскаго корабля Халкопратійскаго храма, то царь съ патриархомъ проходили на пути къ храму св. Раки черезъ гинэконитъ Халкопратійскаго храма, и здѣсь его привѣтствовали обычнымъ многолѣтіемъ собравшіеся тутъ и разставленные въ должномъ порядкѣ чины царскаго синклита обычнымъ многолѣтіемъ.

Войдя въ храмъ св. Раки, царь съ патриархомъ шелъ, какъ и въ Халкопратійскомъ храмѣ, на солею и останавливался для молитвы предъ св. вратами. Затѣмъ царь и патриархъ входили въ алтарь, царь бралъ у препозита апокомвій и возлагалъ на св. престоль, который потомъ кадилъ со всѣхъ сторонъ.

Отсюда царь и патриархъ шли въ придѣльный храмъ св. Іакова и царь точно также входилъ въ алтарь и возлагалъ апокомвій.

Послѣ этого царь съ патриархомъ и ближними чинами кувуклія возвращался опять въ Халкопратійскій храмъ, точнѣе въ лѣвый корабль

---

¹⁾ О маломъ входѣ подробности ср. мои Byzantina, II, 153—154.

его или гинэконить и по деревянной лѣстницѣ, ведшей отсюда въ катихуменіи, поднимался наверхъ, распростившись и поцѣловавшись съ патріархомъ ¹⁾).

Въ катихуменіяхъ царь уходилъ въ особое закрытое помѣщеніе, мутаторій, и тамъ слушалъ литургію, а чины царскаго синклита и свиты стояли въ катихуменіяхъ.

Когда, по ходу службы, приближалось время приобщенія св. таинъ, церемоніарій докладывалъ препозиту, а тотъ царю о томъ, что пора посылать за патріархомъ. Царь дѣлалъ распоряженіе о приглашеніи патріарха съ св. дарами, препозитъ передавалъ приказаніе царя церемоніарію, а тотъ посылалъ за патріархомъ двухъ силенціаріевъ, которые и отправлялись въ алтарь пригласить патріарха для причащенія царя и чиновъ въ катихуменіяхъ. Патріархъ, послѣ причащенія высшихъ духовныхъ сановниковъ и священно-служителей, участвовавшихъ въ совершеніи литургіи, бралъ чашу съ св. дарами и, въ сопровожденіи силенціаріевъ и нѣсколькихъ діаконовъ, отправлялся въ катихуменіи, причемъ силенціаріи поддерживали его подъ руки.

Наверху. лѣстницы патріарха встрѣчали высшіе чины царскаго кувуклія и, замѣнивши силенціаріевъ, вели его подъ руки въ катихуменіи, гдѣ на особомъ антиминсѣ ставились св. дары, а патріархъ стоялъ въ ожиданіи выхода царя изъ того помѣщенія, въ которомъ онъ слушалъ литургію. Царю докладывалъ препозитъ съ высшими чинами кувуклія о прибытіи патріарха съ св. дарами; царь, слушавшій литургію безъ хламиды, облачался въ хламиду и выходилъ къ патріарху, раскланивался съ нимъ, цѣловался и затѣмъ приобщался св. таинъ, т.-е. тѣла и крови Христовой подъ обоими видами отдѣльно.

Послѣ приобщенія св. таинъ, царь, раскланявшись съ патріархомъ, уходилъ въ свой мутаторій и сидѣлъ тамъ, пока патріархъ изъ собственныхъ рукъ приобщалъ высшихъ чиновъ синклита: патрикіевъ, стратиговъ, доместиковъ и вообще сановниковъ, занимавшихъ высшія должности. Послѣ приобщенія царя, по приказанію препозита, они приглашались для этого въ должномъ іерархическомъ порядкѣ церемоніаріемъ. Когда всѣ чины приобщились, царь, извѣщенный препозитомъ, выходилъ изъ своего мутаторія и прощался съ патріархомъ, который уходилъ, изъ катихуменій доканчивать литургію сопровождаемый и поддерживаемый сначала высшими чинами кувуклія, а потомъ силенціаріями ²⁾).

¹⁾ Относительно деревянной лѣстницы Халкопратійскаго храма и мутаторія, см. выше. О мутаторіяхъ вообще, ср. мои *Byzantina*, II, 128 сл. и 133 сл.

²⁾ Хотя порядокъ приглашенія патріарха и приобщенія изложенъ здѣсь под-

Пока патриархъ доканчивалъ литургію, царь съ чинами переоблачался въ катихуменіяхъ для параднаго отъѣзда въ Большой дворецъ. Такъ какъ имъ предстояло теперь ѣхать верхомъ, то чины синклита, севершавшіе крестный ходъ въ тяжелыхъ хламидахъ, надѣвали болѣе легкіе и удобные для верховой ѣзды пурпурные плащи, а царь, кромѣ того, вмѣсто дивитисія или далматики, надѣвалъ подъ плащъ обшитый золотою каймою скарамангій и опоясывалъ украшенный жемчугомъ и драгоценными камнями мечъ ¹⁾.

Патриархъ между тѣмъ кончалъ литургію и снова поднимался въ катихуменіи, чтобы проводить царя до выхода изъ Халкопратійскаго храма и возложить на него при выходѣ корону. Поздоровавшись съ царемъ, патриархъ давалъ ему просфору, а царь давалъ патриарху апокомвій и получалъ сосудъ съ благовоннымъ св. масломъ (*ἀλεπτά*).

Затѣмъ предъ спускомъ изъ катихуменій [патриархъ] возлагалъ на царя подаваемую препозитомъ корону въ особомъ закрытомъ помѣщеніи и прощался съ царемъ ²⁾, который спускался по деревянной лѣстницѣ, по которой онъ поднялся въ началѣ литургіи, но, не дойдя до конца ея, поворачивалъ въ дидаскалій и, спустившись по лѣстницѣ въ дидаскалій, выходилъ къ двери храма, ведшей къ портику, шедшему отъ Миліа къ Лавзу и далѣе къ форуму Константина.

Здѣсь, въ портикѣ, царь садился на лошадь верхомъ, то же дѣлали чины синклита и кувукліа и ѣхали къ Милію, причемъ церемоніарій, предшествуемый четырьмя остіаріями, державшими въ рукахъ золотые, украшенные драгоценными камнями, жезлы, шель пѣшкомъ впереди, одѣ-

---

робнѣе, нежели въ Благовѣщенскомъ обрядѣ (I, 30, 166—167), но эти подробности имѣются въ другихъ обрядахъ, въ которыхъ излагается такой же приходъ патриарха въ катихуменіи для приобщенія царей и высшихъ чиновъ. Сюда принадлежатъ обряды, которые будутъ описаны ниже, а именно: поведѣльника Пасхальной недѣли (I, 10, 78), Вознесенія (I, 18, 112—113). Ср. Срѣтенскій обрядъ (I, 27, 151), гдѣ указано, какіе сановники въ подобныхъ случаяхъ послѣ царя приобщаются изъ рукъ патриарха.

¹⁾ [О скарамангій см. статью Д. Θ. Бѣляева „Облаченіе императора на Керченскомъ щитѣ“. Журн. Мин. Нар. Просв. 1893, октябрь].

Для выѣзда верхомъ, какъ мы увидимъ ниже при изложеніи другихъ Богомольныхъ выходовъ и выѣздовъ, царь обыкновенно переоблачался въ скарамангій и плащъ, а чины, бывшіе въ скарамангіяхъ, надѣвали вмѣсто хламидъ плащи. Ср. *Byzantina*, II, 7—8, прим. 4. Въ обрядѣ Благовѣщенія скарамангій названъ обшитымъ золотою каймою (*σκαρμανγίον χρυσόκλαβον*). Въ перечнѣ облаченій сказано (I, 37, 191), что цари для выхода надѣваютъ (*τὰ πορφύρα χρυσά σκαρμανγία*). Такъ какъ чины облачаются въ одежды такого же цвѣта, то они, по замѣчанію Благовѣщенскаго обряда, надѣваютъ *σαῦτα ἀληθινὰ πορφύρα* (ср. мои *Byzantina*, I, 91).

²⁾ Относительно обычнаго прощанія царя съ патриархомъ, апокомвіяхъ, просфорахъ и благовонномъ маслѣ, см. мои *Byzantina*, II, 180—184.

тый, какъ и остіаріи, въ красный плащъ. Когда царь и вся его свита тихо подѣзжала къ Милію, ихъ встрѣчаль пѣснопѣніями и славословіями бѣлый димъ, стоявшій подъ аркою Милія съ димархомъ венетовъ во главѣ. Пѣвчіе или запѣвалы дима пѣли соотвѣтствующія празднику пѣснопѣнія, славословія и многолѣтія, а димархъ, подводимый церемонаріемъ, подходилъ къ царю, цѣловаль его въ ногу и подаваль ему ливелларій, который царь бралъ и передаваль шедшему возлѣ него начальнику конюшеннаго вѣдомства (τῷ κόμητι τοῦ σταβλοῦ). Димархъ отходилъ назадъ и, ставъ на свое обычное мѣсто впереди дима, осѣняль царя крестнымъ знаменемъ, пока димоты пѣли пѣснопѣнія и многолѣтія, а органы играли соотвѣтствующія празднику пѣсы.

Когда царь проѣзжалъ чрезъ Милій, его встрѣчаль и привѣтствоваль красный димъ съ димархомъ прасиновъ во главѣ, который также подносилъ ливелларій и крестилъ царя во время пѣснопѣній и славословій димотовъ.

Третій пріемъ происходилъ на площади Августеонѣ предъ большими воротами Халки. Принималь и славословилъ царя загородный димъ съ димократомъ прасиновъ, т.-е. начальниковъ экскувиторовъ или экскувитомъ во главѣ, который дѣлалъ то же самое, что и димархи въ двухъ первыхъ пріемахъ ¹⁾.

¹⁾ О пріемахъ димотовъ, см. I, 1, 32 и I, 30, 168. Оба эти обряда согласны относительно 1 и 4 пріема, нѣсколько разнорѣчатъ относительно 2 и 3. Между тѣмъ какъ по I, 1, 32, т.-е. по обряду Рождества Богородицы 2-й пріемъ совершаетъ красный димъ съ димархомъ во главѣ, по Благовѣщенскому обряду 2-й пріемъ совершался загороднымъ димомъ прасиновъ съ димократомъ во главѣ, а относительно 3-го сказано кратко, что его совершаютъ οἱ τοῦ μέρου τῶν πρασίωνъ безъ указанія ихъ представителя. Такъ какъ димократъ прасиновъ совершалъ съ загороднымъ димомъ прасиновъ 2-й пріемъ, то подъ οἱ τοῦ μέρου τῶν πρασίωνъ можно разумѣть только красный димъ прасиновъ съ димархомъ прасиновъ во главѣ. Если въ Благовѣщенскомъ обрядѣ нѣтъ ошибки въ порядкѣ пріемовъ, какъ можно предполагать на основаніи другихъ подобныхъ пріемовъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, то, значить, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ маленькимъ измѣненіемъ въ порядкѣ пріемовъ, происшедшемъ послѣ написанія Благовѣщенскаго обряда. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ мѣсто 3-го пріема въ рукописи и изданіяхъ читается невѣрно: I, 30, 168, строка 9 мѣсто δέχονται αὐτὸν εἰς τὸν Αὐγουστέα нужно читать δέχονται αὐτὸν εἰς τὸν Αὐγουστέωννα, такъ-какъ здѣсь рѣчь идетъ не о тронной залѣ во дворцѣ Дафны, называвшейся Августеемъ (ὁ Αὐγουστέας), а о площади между Халкою и св. Софіею (ὁ Αὐγουστέων). Эта ошибка легко объясняется большимъ сходствомъ въ названіи площади и тронной залы. Какъ здѣсь площадь Августеонъ названа именемъ залы, Августеемъ, такъ I, 1, 33 зала, Августей, два раза названа Августеонномъ, на что указано было въ Вузантина, I, 100, прим. 2, и II, 225, прим. I. Въ обоихъ случаяхъ ошибочность написанія очевидна для всякаго, кто обратитъ вниманіе на положеніе площади и залы и приметъ въ соображеніе, гдѣ долженъ находиться въ данномъ случаѣ царь, въ залѣ ли дворца Дафны или на площади предъ входомъ въ Большой дворецъ.

Четвертый и послѣдній приѣмъ совершали уже по вѣздѣ царя во дворъ Халки; у рѣшетки, ведшей къ большимъ бронзовымъ воротамъ Халки, стоялъ загородный димъ венетовъ съ димократомъ венетовъ, и пачальникомъ (доместикомъ) гвардейскихъ школъ во главѣ. Приѣмъ совершался совершенно такимъ же порядкомъ, какъ и три предыдущіе, причѣмъ димократъ венетовъ, послѣ подачи ливелларія, крестилъ царя, а органы димовъ играли соотвѣтствующія пьесы.

Когда царь подѣзжалъ къ рѣшеткѣ Халки и дамъ начиналъ свои славословія, всѣ сопровождавшіе царя верхомъ чиновники синклита и кувуклія сходили съ лошадей и послѣ словословія по переднимъ частямъ дворца шли уже пѣшкомъ. На лошади оставался только одинъ царь, который ѣхалъ верхомъ чрезъ Халку, палату школъ и помѣщенія для отдѣльныхъ школъ, причѣмъ проѣзжалъ чрезъ куртины и доѣзжалъ до лѣстницы или крыльца съ лѣстницею, ведшею въ палату экскувитовъ и кандидатовъ.

Такъ какъ по лѣстницѣ верхомъ нельзя ѣхать, то царь здѣсь сходилъ съ лошади и чрезъ палаты экскувитовъ и кандидатовъ шелъ пѣшкомъ до храма Господа мимо Консистеріи ¹⁾.

Средніе и низшіе чины синклита, синклитики собственно, во время большихъ выходовъ въ храмъ св. Софіи, встрѣчавшіе царя и привѣтствовавшіе въ Консистеріи, становились, при возвращеніи царя чрезъ храмъ Господа, а не чрезъ Консистерію, у дверей Консистеріи, выходящихъ въ палату кандидатовъ, и привѣтствовали царя, когда онъ проходилъ по палатѣ кандидатовъ мимо ихъ къ западнымъ дверямъ храма Господа, гдѣ становились шедшіе впереди царя высшіе чины синклита: магистры, аноипаты, патрикии и стратиги, чтобы откланяться царю и привѣтствовать его обычнымъ многолѣтіемъ: «на многіе и добрые годы да продлитъ Богъ царство твое» ²⁾.

Когда царь съ чинами кувуклія входилъ чрезъ среднюю бронзовую

---

¹⁾ О Халкѣ, большихъ воротахъ ея, выводившихъ на Августеонъ, и рѣшеткѣ (τὸ κάγκελλον), ведшей къ бронзовой двери Халки, см. мои *Byzantina*, I, 131—132. Путь отъ Халки до Консистеріи описанъ тамъ же, только въ обратномъ порядкѣ, 123—130. О храмѣ Господа и его положеніи относительно Консистеріи и палаты кандидатовъ см. тамъ же, 122. Ср. приложенный къ I кн. планъ Лабарта.

²⁾ Путь царя и чиновъ чрезъ Халку и храмъ Господа, какъ весь вообще обрядъ обратнаго шествія изъ Халкопратійскаго храма, какъ въ Благовѣщенскомъ обрядѣ, такъ и въ обрядѣ Рождества Богородицы (I, 1, 32 и I, 30, 168) описанъ кратко. Привѣтствіе синклитиковъ у Консистеріи соотвѣтствуетъ привѣтствію ихъ въ Консистеріи при возвращеніи царя изъ храма св. Софіи въ большіе Господніе праздники, а привѣтствіе высшихъ чиновъ синклита у храма Господа такому же привѣтствію ихъ въ Золотой Рукѣ Августея (см. мои *Byzantina*, II, 193—194).

дверь въ нарѣжкѣ храма Господа, двери эти немедленно запирались чинами кувуклія, которые, въ свою очередь, привѣтствовали здѣсь царя обычнымъ многолѣтіемъ. Къ царю подходилъ препозитъ, снималъ съ него корону, и царь входилъ въ храмъ и становился предъ св. вратами, гдѣ взявши у препозита зажженную свѣчу, молился и послѣ молитвы возвращалъ препозиту свѣчу. Изъ храма Господа царь шелъ по переходамъ (діаватикамъ), ведшимъ отъ этого храма ко двору собственно, въ полукругъ Триконха, а изъ него по переходамъ 40 мучениковъ входилъ, въ сопровожденіи чиновъ кувуклія, въ Хрисотриклинь, гдѣ чины кувуклія въ послѣдній разъ привѣтствовали его многолѣтіемъ ¹⁾.

Царь, помолившись иконѣ Спасителя, находившейся въ тронной конхѣ Хрисотриклина, уходилъ въ свой покой, откуда снова выходилъ къ парадному обѣду, который въ этотъ день совершался въ Юстиніановой палатѣ ²⁾.

Чины синклита, откланявшись царю, проходили, вѣроятно, чрезъ Консисторію въ Апсиду, а оттуда чрезъ переходы Триконха и однополотенную дверь Идика въ Лавзіакъ, палату, находившуюся между Хрисотриклиномъ и Юстиніановой палатой.

Въ Лавзіакѣ, вѣроятно, совершалось приглашеніе чиновъ синклита къ царскому столу порядкомъ, подобнымъ тому, который практиковался въ воскресные дни и который описанъ мною въ 1 гл. II кн. *Byzantina*. Приглашенные чины оставались въ ожиданіи обѣда, а прочіе расходились по домамъ. Предъ обѣдомъ царь, какъ и чины, облачились въ скарамангіи, а чины кувуклія въ пурпурныхъ плащахъ стояли во время обѣда въ два ряда.

Вышеизложеннымъ порядкомъ выходы въ Халкопратійскій храмъ совершались въ IX в. и началѣ X, но потомъ, до составленія Придворнаго устава изъ отдѣльныхъ обрядовъ и небольшихъ сборниковъ, порядокъ выходовъ этихъ былъ видоизмѣненъ и упрощенъ или сокращенъ.

---

¹⁾ О переходахъ храма Господа, Триконхѣ и переходахъ Сорока мучениковъ, см. мои *Byzantina*, I, 90, стр. 43.

Шествіе чрезъ храмъ Господа и упомянутые переходы кратко описано I, 1, 32 и I, 30, 168--169. Подробнѣе этотъ путь описанъ I, 10, 84; I, 17, 107.

²⁾ Мѣсто обѣдовъ въ Благовѣденіе и Рождество Богородицы, облаченіе чиновъ и составъ приглашенныхъ указанъ въ клиторологіи Филовея (II, 52, 762 и 782, стр. I, 30, 169). Въ I, 30, 169 не указано, гдѣ совершался обѣдъ, а сказано только, что чины синклита проходили въ Лавзіакъ. Полагаю, что они собирались тутъ для приглашенія, подобно протоспааріямъ въ воскресные дни (см. *Byzantina*, II, 30), тѣмъ болѣе, что въ Лавзіакѣ обѣдовъ не происходило. Относительно Лавзіака, однополотенной двери изъ него въ Идикъ и др. топографическихъ пунктахъ, см. указатель къ I кн. моихъ *Byzantina*. Ср. приложенный къ ней планъ Лабарта.

Старый порядокъ изложенъ въ Благовѣщенскомъ обрядѣ, а новый въ обрядѣ Рождества Богородицы, вошедшемъ въ составъ 1 гл. I кн., въ которой изложены типическіе обряды разныхъ выходовъ¹⁾. Такъ какъ выходъ въ Рождество Богородицы совершался совершенно такимъ же порядкомъ, какъ и въ Благовѣщеніе, какъ объ этомъ прямо замѣчено въ концѣ обряда Рождества Богородицы (I, 1, 33), то, очевидно, и этотъ послѣдній обрядъ былъ въ своемъ первоначальномъ видѣ сходенъ вполне съ Благовѣщенскимъ и видоизмѣненъ, согласно съ новыми порядками, при редакціи 1 гл. I кн. и составленіи Придворнаго устава, а Благовѣщенскій обрядъ внесенъ въ Придворный уставъ въ прежнемъ, неизмѣненномъ видѣ. Чтобы объяснить разногласіе между старымъ Благовѣщенскимъ обрядомъ и новымъ обрядомъ Рождества Богородицы, которые, по замѣчанію составителя устава, должны совершаться совершенно одинаково, въ концѣ Благовѣщенскаго обряда составитель сдѣлалъ замѣчаніе (I, 30, 169—170), что и теперь все совершается согласно съ этимъ обрядомъ, за исключеніемъ того, что «нынѣ царь не поднимается въ катихуменіи, но, стоя на паперти св. Раки, тутъ слушаетъ литургію, а, возвратившись во дворецъ, садится за столъ не въ парадномъ облаченіи, но въ иматіи, да и кувуклій не стоитъ во время обѣда».

Обращаясь къ видоизмѣненному, согласно съ новыми порядками, обряду Рождества Богородицы, мы дѣйствительно находимъ отмѣченную составителемъ разницу относительно дѣйствій царя въ Халкопратійскомъ храмѣ (I, 1, 31). Послѣ возложенія апокомвія въ лѣвомъ придѣлѣ св. Раки, т. е. въ храмѣ св. Іакова, по обряду Рождества Богородицы, царь не идетъ чрезъ гинэконить по деревянной лѣстницѣ въ катихуменіи, а, дойдя до паперти храма св. Раки, чрезъ которую онъ входилъ съ патріархомъ въ этотъ храмъ, царь здѣсь прощается съ патріархомъ. Патріархъ уходитъ въ алтарь Халкопратійскаго храма для продолженія литургіи, совершеніе которой, во время хожденія патріарха съ царемъ, приостанавливалось, а царь переоблачался: вмѣсто хламиды и дивитисія, царь облачался въ скарамангій въ виду предстоящей ему ѣзды верхомъ и затѣмъ слушалъ евангеліе и слѣдующую за тѣмъ ектенію²⁾. По

¹⁾ О составѣ 1 гл. I кн. см. Предисловіе къ *Byzantina*, II, стр. XXXVII—XL. Ср. стр. 37—38.

²⁾ Когда царь не приобщался св. таинъ въ томъ или другомъ храмѣ, куда онъ дѣлалъ богомольный выходъ или выѣздъ, то онъ обыкновенно слушалъ только евангеліе и ектенію, а затѣмъ уходилъ изъ храма. Такіе случаи указаны уже при изложеніи выходовъ въ храмъ св. Софіи. Мы тамъ видѣли, что въ Недѣлю Православія, по новому порядку, царь не приобщался св. таинъ, а слушалъ литургію въ катихуменіяхъ только до евангелія, а затѣмъ уже распоряжался насчетъ приглашенія чи-

окончани ея, патриархъ выходилъ изъ алтаря и приходилъ къ царю для прощанія съ нимъ, которое, по обыкновенію, состояло въ томъ, что патриархъ надѣвалъ на царя корону, давалъ ему просфоры и освященное масло, а отъ него получалъ апокомвій и уходилъ доканчивать литургію. Царь съ чинами кувуклія выходилъ въ притворъ женской или сѣверной стороны храма, гдѣ его привѣтствовали чины синклита обычнымъ многолѣтіемъ; послѣ возгласа препозита: «повелите!» чины синклита выходили въ портикъ, гдѣ царь и чины, какъ и прежде, садились на лошадей и ѣхали во дворецъ, какъ было уже описано.

Когда же произошла эта перемѣна или сокращеніе выхода?

Къ сожалѣнію, прямо и положительно отвѣтить на этотъ вопросъ, за неимѣніемъ точныхъ указаній, довольно трудно, но можно предполагать, что эта перемѣна произошла, какъ и многія другія, при Львѣ VI. Дѣло въ томъ, что въ гл. 37, т.-е. въ перечнѣ парадныхъ облаченій во время богомольныхъ выходовъ, говорится, что въ Рождество Богородицы и Благовѣщеніе царь уходилъ изъ Халкопратійскаго храма послѣ евангелія (*ἀπὸ τοῦ εὐαγγελίου ὑποστρέφουσι ἔφιπτοι οἱ δεσπῶται*, I, 37, 190 и 191). Глава эта написана послѣ измѣненій въ обрядахъ выходовъ въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли и Антипасху, сдѣланныхъ, какъ мы видѣли уже, несомнѣнно, Львомъ VI¹⁾, но еще до отмѣны выхода или, точнѣе, выѣзда въ храмъ св. Мокія, который былъ отмѣненъ въ 902 году, но который упоминается еще въ перечнѣ облаченій. Эти обстоятельства позволяютъ заключать, что и перемѣны въ обрядахъ богомольныхъ выходовъ въ занимающіе насъ Богородичные праздники произошли при Львѣ VI и притомъ до 902 г. А такъ какъ нововведенія Льва VI относительно Пасхальнаго понедѣльника и Антипасхи приняты уже во вниманіе и запесены въ клиторологій Филооея, составленный въ 900 году, то можно думать, что измѣненія въ обрядахъ какъ этихъ, такъ и выходовъ въ Халкопратійскій храмъ, произошли еще раньше, уже до 900 года, т.-е. въ первую половину царствованія Льва, быть можетъ, въ самомъ началѣ, вскорѣ по смерти Василия I Македонянина²⁾.

новъ къ обѣду и уходилъ въ патриаршія палаты (Byzantina, II, 247). Такіе случаи мы встрѣтимъ еще нѣсколько ниже при изложеніи выходовъ въ городскіе и дворцовые храмы.

¹⁾ Объ этихъ видоизмѣненіяхъ и сокращеніяхъ, сдѣланныхъ Львомъ VI въ обрядахъ богомольныхъ выходовъ въ Антипасху и Пасхальный понедѣльникъ, см. Byzantina, II, 220 слѣд. и 230—233.

²⁾ Левъ Мудрый вообще пронавелъ много измѣненій, какъ въ обрядахъ выходовъ въ храмы, сокращая и упрощая ихъ, такъ и въ придворныхъ порядкахъ и обычаяхъ, урегулировавъ и видоизмѣнивъ нѣкоторые изъ нихъ. См. Byzantina, II, 182.

Кромѣ этихъ видоизмѣненій, произведенныхъ Львомъ Мудрымъ, Благовѣщенскій обрядъ нѣсколько видоизмѣнялся, смотря по тому, въ какой день приходилось Благовѣщеніе. Если Благовѣщеніе приходилось въ какой-нибудь праздникъ, въ который и безъ того совершался выходъ, то или совершались одинъ за другимъ два обряда, если это было возможно, въ послѣдовательномъ порядкѣ, или одинъ совершался вполнѣ, а другой только отчасти, причемъ преобладаніе было, понятно, на сторонѣ того праздника, который считался важнѣе. Въ Придворномъ уставѣ указано нѣсколько такихъ случаевъ совпаденія Благовѣщенія съ другими праздниками.

1. Если Благовѣщеніе случалось въ Крестопоклонное воскресенье, то сначала происходило поклоненіе св. кресту, а потомъ уже совершался выходъ Благовѣщенскій ¹⁾. Для поклоненія «честному и животворящему древу св. креста», которое совершалось въ храмѣ пресв. Богородицы Фара, воелѣ Хрисотрикліна, чины синклита собирались ночью (*ἐν νύχτι*) въ скарамангіяхъ, а высшіе чины, кромѣ того, въ плащахъ во дворецъ и, пройдя чрезъ Юстиніановъ триклинь, Лавзіакъ и Золотую палату, входили въ храмъ Фара и поклонялись тамъ, вѣроятно, во время утрени, животворящему древу ²⁾, выходили изъ храма и, если царю угодно было дѣлать по случаю Благовѣщенія выходъ, получали приказаніе перейти въ тѣ помѣщенія дворца (*δέδοται μεταστάσιμον*), въ которыхъ они должны были привѣтствовать царя во время шествія въ храмъ св. Софїи и присоединиться къ свитѣ царя. Такъ какъ для Благовѣщенскаго выхода, если онъ не былъ заранѣе объявленъ и если чины не приходили въ Благовѣщенскомъ облаченіи, нужно было перемѣнить облаченіе, то чины

---

¹⁾ Дошедшій до насъ спеціальныи Благовѣщенскій обрядъ (I, 30) носитъ даже, какъ мы замѣтили выше, заглавіе, указывающее, что онъ первоначально былъ написанъ или записанъ по случаю Благовѣщенія, бывшаго въ Крестопоклонное воскресенье. Въ первоначальной своей формѣ онъ начинается именно съ описанія поклоненія чиновъ животворящему древу, но такъ какъ особенность выхода ограничивалась только этимъ поклоненіемъ, то со словъ *μεσοβας τῆς δευτέρας ἡρας* (р. 162, строка 20) начинается уже общій для всѣхъ дней Благовѣщенскій обрядъ, который въ велико-субботнемъ обрядѣ (I, 35, 186) называется прямо общимъ Благовѣщенскимъ выходомъ (*ἡ καθόλου προέλευσις τοῦ εὐαγγελισμοῦ*).

²⁾ Въ Крестопоклонное воскресенье чины поклонялись „честному и животворящему древу“ (*τὸ τίμιον καὶ ζωοποιῶν ξύλον τοῦ σταυροῦ, τὰ τίμια ξύλα*, I, 29, 161; I, 30, 162), каковымъ именемъ назывался крестъ, сдѣланный изъ найденнаго св. Еленою подливнаго креста, на которомъ былъ распятъ Иисусъ Христосъ (Ср. мои *Byzantina*, II, 237 сл.). Но это, очевидно, былъ не тотъ самый крестъ, который находился въ храмѣ св. Софїи и которому цари поклонялись въ Крестоводвиженіе, а другой, принадлежавшій дворцу, какъ мы увидимъ ниже. Относительно упомянутыхъ здѣсь частей и зданій дворца, см. указатель къ I кн. моихъ *Byzantina*.

синклита отправлялись сначала в Консисторию и тамъ переоблачались (I, 29, 161).

Съ наступленіемъ времени для выхода во второмъ часу дня (8-й утра), царь выходилъ изъ своего покоя въ Хрисотриклинь и продолжалъ шествіе въ храмъ св. Софіи, а затѣмъ на форъ Константина въ Халкопратійскій храмъ обычнымъ порядкомъ выходовъ въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы.

2. Если Благовѣщеніе случалось въ Великую субботу, когда царь ходилъ въ храмъ св. Софіи для участія въ перемѣнѣ покрововъ св. престола, то царь совершалъ выходъ въ св. Софію и производилъ всѣ тѣ дѣйствія, которыя полагались по обряду Великой субботы, т. е. принималъ участіе въ перемѣнѣ покрововъ, выходилъ въ Сосудохранильницу, для каждаго хранящихся тамъ сосудовъ и святынь, выходилъ чрезъ дѣватики св. Николая къ св. Кладезю ¹⁾, но изъ него не выходилъ на площадь и не шелъ во дворецъ, а чрезъ ту дверь, которая вела изъ св. Кладезя въ триклинь царскаго мутаторія, и стоя въ которой царь раздавалъ апокомвїи священно- и церковно-служителямъ предъ выходомъ изъ храма св. Софіи въ большіе Господніе праздники ²⁾, царь входилъ въ триклинь мутаторія, а изъ триклина въ мутаторій собственно, т. е. въ ту комнату, которая назначалась для переоблаченія, снималъ здѣсь при помощи состоящихъ при облаченіи чиновъ облаченіе Великой субботы и надѣвалъ облаченіе Благовѣщенія. Переоблачившись такимъ образомъ для Благовѣщенскаго выхода, царь опять входилъ въ храмъ, доходилъ до св. вратъ алтаря, молился и входилъ въ алтарь, снова поклонялся св. престолу, кадилъ его вокругъ и, когда выходилъ изъ алтаря на солею, бралъ у препозита молебственную свѣчу, а пѣвчіе начинали пѣть тропарь Благовѣщенія. Словомъ, обрядъ Благовѣщенскаго выхода совершался весь вышеописаннымъ новымъ порядкомъ, безъ всякихъ отличій и отступленій, т. е. царь шелъ сначала на форъ Константина, потомъ возвращался къ Халкопратійскому храму, гдѣ, послѣ возложенія апокомвїевъ, слушалъ, стоя на паперти храма св. Раки, евангеліе и ектенію, а потомъ возвращался верхомъ во дворецъ.

---

¹⁾ Обрядъ выхода въ Великую субботу изложенъ въ *Byzantina*, II, 224—229. Потому я не считаю нужнымъ излагать его, хотя онъ вкратцѣ повторенъ въ прибавкѣ къ обряду Великой субботы (I, 35, 184—5), на основаніи которой излагаются тѣ особенности Благовѣщенскаго выхода, если Благовѣщеніе приходилось въ Великую субботу.

²⁾ О мутаторіи и его частяхъ, см. *Byzantina*, II, 131. Относительно двери изъ св. Кладезя въ триклинь мутаторія и раздачи здѣсь кошельковъ съ деньгами, см. *ibid.* 181.

Но въ болѣе древнее время, когда цари обыкновенно въ Благовѣщеніе слушали литургію и стояли въ катихуменіяхъ, выходъ въ Благовѣщеніе, если оно случалось въ Великую субботу, отличался тѣмъ, что царь, хотя и поднимался въ катихуменіи Халкопратійскаго храма, но стоялъ тамъ не всю литургію, а слушалъ только евангеліе и ектенію (I, 35, 187), послѣ которыхъ спускался по деревянной лѣстницѣ, выходилъ въ портикъ и садился на лошадь ¹⁾.

Хотя въ этой замѣткѣ ничего не сказано объ участи въ крестномъ ходѣ вмѣстѣ съ царемъ патріарха, но, припимая во вниманіе, съ одной стороны, краткость подобныхъ замѣтокъ, а съ другой стороны, то обстоятельство, что въ концѣ замѣтки сказано, что обрядъ Благовѣщенскаго выхода въ Великую субботу совершается такъ, «какъ мы изложили выше обстоятельно въ общемъ выходѣ Благовѣщенія» (I, 35, 186) ²⁾, можно и было бы должно думать, что патріархъ, проводивъ царя до выхода изъ храма св. Софіи, шелъ вслѣдъ за нимъ съ духовенствомъ чрезъ форъ Константина, какъ описано выше, если бы въ открытомъ недавно уставѣ Великой церкви IX в. не было прямого замѣчанія, что, если Благовѣщеніе случится въ Великую субботу, то крестный ходъ идетъ въ Халкопратійскій храмъ не чрезъ форъ Константина, а прямо поднимается въ Халкопратіи (*ἐξερχομένης τῆς λιτῆς ἐκ τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας εὐθὺς ἀνέρχεται εἰς τὰ Χалκοπρατεῖα*) ³⁾. Здѣсь разумѣтся, конечно, церковный крестный ходъ съ патріархомъ и духовенствомъ. О царѣ не упоминается, и принималъ ли онъ участіе въ этомъ ходѣ, неизвѣстно. Но

---

¹⁾ Это замѣчаніе, сдѣланное въ концѣ обряда Великой субботы, написано, очевидно, еще тогда, когда цари ходили въ Халкопратійскомъ храмѣ въ катихуменіи, слѣдовательно до нововведенія, сдѣланнаго Львомъ VI (?). А такъ какъ замѣтка прибавлена къ обряду Великой субботы, то ясно, что и весь этотъ обрядъ написанъ равнѣе этого нововведенія и принадлежалъ къ сборнику старыхъ специальныхъ обрядовъ, вошедшихъ вмѣстѣ съ другими специальными обрядами въ Придворный уставъ, въ видѣ цѣлаго сборника, какъ объ этомъ было сказано въ предисловіи ко II кн. *Byzantina*, стр. XXXVI слѣд. Ср. *ibid.* 229 и 235.

²⁾ I, 35, 186, равно какъ, и I, 32, 176, слова текста ἐπὶ λεπτοῖς ἐξεθέμεθα переведены на латинскій языкъ неправильно посредствомъ: *breviter explicuimus*. 'Επὶ λεπτοῖς значить, напротивъ, подробно, обстоятельно, въ деталяхъ, какъ дѣйствительно и описанъ выходъ въ Благовѣщенскомъ обрядѣ сравнительно съ краткою замѣткою I, 35, 184—5.

³⁾ Этотъ уставъ описанъ проф. Н. Θ. Красносельцевымъ въ II вып. Лѣтописи Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ, Одесса, 1892 въ статьѣ подъ заглавіемъ: Типикъ церкви св. Софіи въ Константинополѣ. Статья эта издана и отдѣльнымъ оттискомъ и была предметомъ моей рецензіи, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1892 г. О богомольяхъ (ἡ λιτή) или крестныхъ ходахъ изъ храма св. Софіи въ Халкопратійскій храмъ по уставу Великой церкви въ IX в. проф. Красносельцевъ говоритъ на стр. 51 отдѣльнаго оттиска.

въ новооткрытомъ древнѣйшемъ уставѣ Великой церкви объ участи царя въ церковныхъ праздникахъ вообще не упоминается, за исключеніемъ переоблаченія покрыва св. престола въ Великую субботу, потому и заключать изъ умолчанія о царѣ, что царь не участвовалъ, еще нельзя, тѣмъ болѣе, что участие царя въ крестномъ ходѣ въ Благовѣщеніе, какъ и въ другіе праздники, далеко не было такъ обязательно и постоянно, какъ участие патріарха. Отъ воли царя зависѣло принять или не принять участие въ томъ или другомъ церковномъ торжествѣ¹⁾. Потому, быть можетъ, о царѣ въ церковномъ уставѣ и не упоминается, хотя онъ и участвовалъ обыкновенно во многихъ церковныхъ празднествахъ, т. е. дѣлалъ парадные выходы и совершалъ крестные ходы. Какъ бы, однако же, ни было, все-таки между Придворнымъ и Церковнымъ уставомъ относительно крестнаго хода въ Благовѣщеніе, случившееся въ Великую субботу, является разногласіе, которое примирить можно только предположительно. Возможны, мнѣ кажется, два предположенія; или царь съ своимъ синклитомъ совершалъ крестный ходъ чрезъ фортъ Константина, а патріархъ съ духовенствомъ шелъ прямо въ Халкопратійскій храмъ, или во время написанія Церковнаго устава и царь и патріархъ ходили прямо въ Халкопратійскій храмъ, если Благовѣщеніе приходилось въ субботу на страстной недѣлѣ.

Кромѣ Великой субботы въ извлеченіяхъ изъ типика Великой церкви IX в., сдѣланныхъ проф. Н. Θ. Красносельцевымъ, указанъ порядокъ службы и крестнаго хода, если Благовѣщеніе случится въ Великій четвергъ. Въ этомъ случаѣ «послѣ окончанія часовъ (въ Великой церкви, т. е. св. Софіи) и омовенія св. престола, выходитъ крестный ходъ и поднимается на фортъ (Константина), а оттуда возвращается въ Халкопратию»²⁾.

---

¹⁾ Потому препозитъ обыкновенно спрашивалъ наканунѣ праздника, угодно ли царю совершить богомольный выходъ (см. мои *Byzantina*, II, 22 и 40).

²⁾ Въ II кн. *Byzantina*, при изложеніи выхода въ Великую субботу для переоблаченія св. престола въ храмъ св. Софіи, я соединилъ обрядъ облаченія съ обрядомъ омовенія (стр. 224 сл.), которое, по позднѣйшимъ церковнымъ обрядамъ, совершалось въ Великій четвергъ. Такъ какъ омовеніе дѣйствительно соединялось съ переоблаченіемъ, то я предположилъ, что въ IX—X вв. омовеніе совершалось въ субботу и что участие царя въ облаченіи св. престола въ субботу представляетъ собою только часть этого обряда. Но изданныя недавно проф. Н. Θ. Красносельцевымъ извлеченія изъ древняго устава Великой церкви (см. вышеназванную статью, 93) показываютъ, что обрядъ омовенія и въ IX в., слѣдовательно издавна, совершался въ четвергъ, а въ субботу, независимо отъ омовенія, происходило облаченіе св. престола (*ibid.* 96). Въ первомъ царь не участвовалъ, а во второмъ участвовалъ. Къ сожалѣнію, въ извлеченіяхъ проф. Красносельцева „омовеніе“ выражено непонятнымъ словомъ *κατάλασις*, и не сразу можно догадаться, что разумѣется въ уставѣ

Хотя объ участіи царя въ этомъ крестномъ ходѣ ничего не говоритъ ни Церковный уставъ, ни обрядъ Великаго четверга, который находится въ Придворномъ уставѣ и который будетъ изложенъ ниже, тѣмъ не менѣе можно думать, что царь точно такъ же, какъ и въ другіе дни, принималъ участіе въ крестномъ ходѣ въ Халкопратійскій храмъ по Благовѣщенскому обряду, если Благовѣщеніе приходилось въ Великій четвергъ, совершая по возможности и то, что полагалось дѣлать въ этотъ четвергъ, независимо отъ Благовѣщенія.

3. Если Благовѣщеніе случалось въ Вербное воскресенье, когда совершался крестный ходъ по дворцовымъ храмамъ, изъ храма пресв. Богородицы Фара въ храмъ св. Стефана въ Дафнѣ и обратно, то царь, совершивъ крестный ходъ въ храмъ св. Стефана, не шелъ назадъ вслѣдъ за духовенствомъ, а входилъ въ смежный съ храмомъ св. Стефана китонъ (покой) Дафны, снявши въ Октагонѣ хламиду, и въ одномъ дивитисіи дожидался въ китонѣ извѣстія отъ патріарха. Чины синклита между тѣмъ шли въ разныя части дворца и становились въ тѣхъ палатахъ и помѣщеніяхъ, въ которыхъ они должны были, по Благовѣщенскому обряду, привѣтствовать царя во время шествія въ храмъ св. Софіи. Съ полученіемъ извѣстія отъ патріарха о томъ, что пора начинать выходъ, царь выходилъ въ Октагонъ, облачался при помощи веститоровъ въ хламиду и совершалъ выходъ въ св. Софію по Благовѣщенскому обряду, т. е. по

подъ *κατάπαυσις τῆς ἁγίας τραπέζης*. Такъ, на стр. 51 трактата проф. Красносельцева приведенное у меня въ текстѣ мѣсто относительно крестнаго хода въ Великій четвергъ, если оно случится въ Благовѣщеніе, гласитъ такъ: *μετὰ τὴν ἀπόλυσιν τῆς τριθέκτης καὶ τὴν κατάπαυσιν τῆς ἁγίας τραπέζης ἐξέρχεται ἡ λιτὴ καὶ ἀνέρχεται ἐν τῷ φόρῳ καὶ ὑποστρέφει εἰς τὰ Χалκοπρατεία*. То же самое мы находимъ въ извлеченіи изъ Типика на Великій четвергъ (*ibid.* 93): *μετὰ τὴν ἀπόλυσιν τῆς τριθέκτης γίνεται κατάπαυσις τῆς ἁγίας τραπέζης*. Но въ чемъ состояло это *κατάπαυσις*, не сказано ни въ Типикѣ, ни въ объясненіяхъ Н. Θ. Красносельцева. Принимая во вниманіе, что въ позднѣйшее время въ Великій четвергъ происходило омовеніе св. престола св. Софіи, которое называется въ обрядѣ омовенія *ἐκπλοῦσις τῆς ἁγίας τραπέζης* (G o a r, Eucholog. 2-е изд., 497 сл.), нельзя сомнѣваться, что въ обоихъ вышеприведенныхъ мѣстахъ вмѣсто *κατάπαυσις* слѣдуетъ читать *κατάπλοῦσις* омовеніе, тѣмъ болѣе что λ при извѣстныхъ написаніяхъ можно очень легко принять за α. Съ восстановленіемъ этого правильнаго и единственно возможнаго чтенія, становится несомнѣннымъ, что омовеніе издавна происходило въ четвергъ, а въ субботу, независимо отъ этого, было омовеніе и облаченіе св. престола, непосредственно послѣ омовенія безъ участія царя. Къ сожалѣнію, при разборѣ трактата Н. Θ. Красносельцева о Типикѣ св. Софіи IX в., я не обратилъ надлежащаго вниманія на эти темныя мѣста, которыя для меня стали ясны только при изложеніи Благовѣщенскихъ выходовъ, послѣ болѣе внимательнаго разсмотрѣнія вышеприведенныхъ мѣстъ Типика св. Софіи, до изданія моей II кн. *Byzantina* отдѣльнымъ оттискомъ, такъ что въ послѣднихъ листахъ II кн. я еще могъ замѣтить вкратцѣ относительно этихъ мѣстъ и поправить свою ошибку.

типу среднихъ выходовъ въ храмъ св. Софіи, а затѣмъ совершалъ крестный ходъ въ Халкопратійскій храмъ чрезъ форъ Константина ¹⁾.

4. Если Благовѣщеніе случалось въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли, когда совершался торжественный крестный ходъ (впослѣдствіе выѣздъ) въ храмъ св. Апостоловъ, то царь, совершивши въ Благовѣщенскомъ облаченіи выходъ въ храмъ св. Софіи по типу среднихъ выходовъ, одинаковому какъ для Благовѣщенія, такъ и для понедѣльника Пасхальной недѣли, шелъ оттуда съ своимъ крестнымъ ходомъ на форъ Константина, слушалъ тамъ краткое молебствіе и затѣмъ при пѣніи Благовѣщенскаго тропаря: «Днесъ спасенія нашего главизна», который, по обыкновенію, запѣвалъ перемоніарій, шелъ съ своимъ крестнымъ ходомъ не назадъ къ Халкопратійскому храму, а далѣе на западъ, по Средней улицѣ, до храма пресв. Богородицы Діакониссы, входилъ въ храмъ и слушалъ здѣсь прокимень, апостолъ, евангеліе и ектенію; послѣ ектеніи царь переоблачался и вмѣсто Благовѣщенскаго облаченія надѣвалъ облаченіе понедѣльника Пасхальной недѣли. Переоблачившись такимъ образомъ, царь съ синклитомъ, также переоблачившимся по пасхальному, при пѣніи пѣвчими на амвонѣ пасхальнаго тропаря: «Христось воскресе», выходилъ изъ храма Богородицы Діакониссы и шелъ далѣе по той же Средней улицѣ до поворота къ храму св. Апостоловъ, а потомъ, повернувъ направо, направлялся съ своимъ крестнымъ ходомъ къ храму св. Апостоловъ. Во время шествія отъ храма Діакониссы чины царской свиты пѣли уже не Благовѣщенскій, а Пасхальный тропарь, который, по выходѣ изъ храма Діакониссы, начиналъ церемоніарій. Другими словами, въ храмѣ Діакониссы кончался Благовѣщенскій выходъ и начинался выходъ Пасхальнаго понедѣльника ²⁾.

Принимался ли во вниманіе праздникъ Благовѣщенія на возвратномъ пути, т. е. пѣлись ли пѣснопѣнія Благовѣщенія димами наряду съ пѣснопѣніями Пасхальнаго понедѣльника, неизвѣстно. Можно только поэтому предполагать, что пѣлись, по крайней мѣрѣ, отчасти, такъ какъ для этого требовалось только больше времени. Другихъ какихъ-либо препятствій, повидимому, не было.

---

¹⁾ Относительно совершенія Благовѣщенскаго выхода въ Вербное воскресенье, см. прибавку, сдѣланную въ концѣ обряда Вербнаго воскресенья, I, 32, 176. Обрядъ крестнаго хода въ этомъ праздникѣ будетъ изложенъ ниже, въ числѣ выходовъ въ дворцовые храмы. Средніе выходы описаны въ II кн. *Byzantina*, 220 сл. Въ остальной части выходъ совершался, какъ описано выше.

²⁾ Замѣтка объ особенностяхъ Благовѣщенскаго выхода въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли помѣщена въ концѣ обряда выхода въ этотъ послѣдній праздникъ, I, 10, 85. Выходъ въ храмъ св. Апостоловъ будетъ изложенъ ниже.

5. По аналогіи съ вышеприведенными случаями совпаденія Благовѣщенія съ другими церковными празднествами можно судить о совершении Благовѣщенскаго выхода и въ другіе дни, т. е. можно думать, что по возможности совершалось все, что время позволяло исполнить. Но специальныхъ указаній относительно другихъ дней въ Придворномъ уставѣ не дано. Замѣчено только, что на возвратномъ пути актологіи совершаются только въ томъ случаѣ, если Благовѣщеніе придется въ субботу или въ воскресенье. Если же Благовѣщеніе случится въ другой день, то, хотя партіи или димы Ипподрома и стоятъ на своихъ мѣстахъ въ вышеописанномъ порядкѣ и послѣдовательности, но актологій не поютъ, а только привѣтствуютъ царя многолѣтіями, когда онъ подходилъ къ мѣсту встрѣчи, и осѣняютъ его крестнымъ знаменемъ, когда онъ проѣхалъ ¹⁾).

Отсутствіе славословій и пѣснопѣній при встрѣчахъ, кромѣ субботы и воскресенія, слѣдуетъ, по всей вѣроятности, объяснять тѣмъ, что въ прочіе дни Великаго поста, а тѣмъ болѣе страстной недѣли, праздничныя пѣснопѣнія, соединенныя съ прославленіемъ царей, считались не соответствующими тому покаянному и благоговѣйному настроенію, въ которомъ христіанинъ долженъ проводить Великій постъ, особенно страстную недѣлю.

6. Такъ какъ 25-го марта не только у насъ, но и на югѣ Европы бывають перѣдко дожди и сильные, холодные вѣтры и совершать въ такую погоду крестный ходъ по улицѣ, совершать молебствіе на площади Константина на открытомъ воздухѣ было неудобно, то въ такомъ случаѣ крестный ходъ какъ царя съ его синклитомъ, такъ и патриарха съ духовенствомъ, отъ Милія шелъ не по срединѣ улицы, а по портику, шедшему отъ Милія къ форуму Константина и окаймлявшему Среднюю улицу съ сѣверной стороны, т. е. съ правой, если идти отъ св. Софіи и Милія къ форуму Константина. Шествуя подъ кровлею портика, участники крестнаго хода доходили до самаго форума Константина, не подвергаясь дѣйствию дождя, но, дойдя до форума, шли не къ колоннѣ Константина, къ которой примыкалъ маленькій храмъ св. Константина, а, не выходя изъ-подъ кровли портика, достигали зданія сената, стоявшаго на форумѣ Константина. Здѣсь въ сенатѣ форума ставился антиминосъ, т. е. переносный церковный столикъ ²⁾, который въ данномъ случаѣ замѣнялъ престолъ храма св. Константина. Около этого антиминоса становился царь съ своею ближайшею свитою, а сзади чины синклита въ

¹⁾ Замѣтка объ этомъ сдѣлана послѣ изложенія обряда Рождества Богородицы, I, 1, 33.

²⁾ О подобныхъ антиминосахъ, см. Byzantina, II, 173 сл.

порядкѣ, подобномъ тому, въ которомъ они располагались предъ колоною Константина. Сюда же приходилъ вслѣдъ за царемъ и патриархъ съ духовенствомъ и народомъ и совершалъ здѣсь краткое молебствіе, которое во время хорошей погоды совершалось въ храмѣ св. Константина. Послѣ этого молебствія, какъ царь съ своимъ синклитомъ, такъ и вслѣдъ за царемъ патриархъ съ духовенствомъ шли назадъ по тому же портику, по которому пришли въ сенатъ фора, до дома Лавза и, пройдя чрезъ него, повертывали налѣво въ Халкопратійскій храмъ ¹⁾, все время или почти все время шествуя подъ кровлею портика и колоннъ тѣхъ зданій, которыя примыкали къ портику и возлѣ которыхъ приходилось идти царю и патриарху съ ихъ спутниками.

По выходѣ изъ Халкопратійскаго храма, царь также могъ ѣхать назадъ подъ кровлею того же портика и такимъ образомъ доѣхать почти до самой Халки, не подвергаясь дѣйствию дождя.

ГЛАВА IV.

Богомольные выходы и выѣзды въ храмъ св. Апостоловъ.

Храмъ св. Апостоловъ [τῶν ἁγίων Ἀποστόλων] построенъ былъ Константиномъ Великимъ и назначался для погребенія его самого и его наслѣдниковъ, христіанскихъ императоровъ, ихъ женъ и дѣтей ²⁾. Въ него перенесены были мощи св. Апостоловъ: Андрея, Тимофея и Луки при сынѣ и наслѣдникѣ Константина, Констанціи, при которомъ храмъ и освященъ во имя св. Апостоловъ, безъ всякаго сомнѣнія, согласно съ намѣреніемъ

¹⁾ О шествіи царя въ дурную погоду, см. I, 30, 169.

²⁾ Постройку храма св. Апостоловъ всѣ древнѣйшіе историки и хронисты, а въ томъ числѣ и современникъ Константина Евсевій, приписываютъ самому Константину [см. сопоставленіе свидѣтельствъ у J. P. Richter'a, Quellen d. byz. Kunstgeschichte, 101 сл.]. Хотя извѣстіе, находящееся въ Жизни Константина Евсевія, о томъ, что храмъ св. Апостоловъ построенъ между Пасхою и Троицынымъ днемъ въ годъ кончины Константина, весьма сомнительно и представляетъ, по всей вѣроятности, позднѣйшую вставку или искаженіе, какъ замѣтилъ Валезій (nota ad lib. IV, cap. 58 Vitae Const.), тѣмъ не менѣе, сомнѣваться въ постройкѣ этого храма Константиномъ гораздо раньше года его смерти нѣтъ основаній, такъ какъ, кромѣ свидѣтельства другихъ писателей, у самого Евсевія въ слѣдующей главѣ (59) прямо сказано, что Константинъ задолго до смерти обдумалъ вопросъ о мѣстѣ своего погребенія (ἀλλ' ὁ μὲν ἐκ μακροῦ καὶ πρότερον τῆ λογισμῶ τοῦτο προταπειόμενος, ἀφίερου τοῖς Ἀποστόλοις τὸν νεών). По словамъ хронографіи Теофана (р. 27 de Boor), первою погребена въ этомъ храмѣ св. Елена, мать Константина, которая скончалась за 12 лѣтъ до смерти своего царственнаго сына.

и волею самого Константина ¹⁾). Историкъ и панегиристъ св. Константина прямо говорить, что этотъ первый христіанскій императоръ предугадывалъ ту честь, которая ему будетъ оказана церковью, т.-е. предвидя, что онъ, за свои великія услуги, будетъ признанъ равноапостольнымъ (*ισαπόστολος*), приказалъ порфирую гробницу, предназначавшуюся для его собственнаго праха, поставить такъ, чтобы она стояла посреди двухъ рядовъ гробницъ съ именами 12 Апостоловъ ²⁾). Хотя въ этихъ гробницахъ мощей св. Апостоловъ не было, но уже самое положеніе среди нихъ Константина должно было указывать на великое значеніе перваго христіанскаго императора для Христовой церкви. Какъ христіанинъ, Константинъ Великій не могъ быть причисленъ, подобно своимъ предшественникамъ, къ богамъ, но зато онъ поставленъ и приравненъ былъ къ такимъ святымъ христіанской церкви, которые наиболѣе близки были къ Богочеловѣку и, по близости къ Божеству, занимаютъ первое мѣсто, послѣ Богоматери.

Въ какой части храма поставлена была гробница св. Константина, мы не можемъ сказать. Извѣстно только, что она стояла не въ самомъ храмѣ, а въ пристройкѣ къ нему (*ἐν τοῖς προθύροις*) ³⁾. Относительно

¹⁾ Хотя храмъ еще при постройкѣ посвященъ былъ св. Апостоламъ и строился въ честь ихъ, тѣмъ не менѣе торжественное освященіе (*ἐγκαινία*) его произошло, по видимому, только при наслѣдникѣ Константина, Констанціи, послѣ перенесенія туда мощей св. Апостоловъ сперва Тимофея, а потомъ Андрея и Луки, которыя, несомнѣнно, перенесены были при дѣтяхъ Константина Великаго, какъ можно заключить вмѣстѣ съ Дюканижемъ изъ словъ Филосторгія (*Const. Christ. lib. IV, p. 72 ed. Venet.*), который прямо говорить, что храмъ св. Апостоловъ освященъ Констанціемъ. Можетъ быть также, что храмъ былъ и освященъ при Константинѣ Великомъ, но Констанціемъ снова освященъ послѣ передѣлокъ и какихъ-нибудь новыхъ пристроекъ, вызвавшихъ новое и окончательное освященіе храма во имя св. Апостоловъ.

²⁾ Euseb. *Vita Const.* VI, 59: τῆς τῶν ἀποστόλων κοινωνὸν τὸ αὐτοῦ σκήνος μετὰ θάνατον προνοῶν ὑπερβαλλούσῃ πίστει καὶ προθυμίᾳ γεγενῆσθαι, ὡς ἂν καὶ μετὰ τελευταίην ἀξίωτον τῶν ἐνταυθοῖ μελλουσῶν τῶν ἐπὶ τιμῇ τῶν Ἀποστόλων συντελεῖσθαι εὐχῶν. Δώδεκα δ' οὖν αὐτόθι θήσας, ὡσανεὶ στήλας ἱεράς, ἐπὶ τιμῇ καὶ μνήμῃ τοῦ τῶν ἀποστόλων ἐχειρας χοροῦ, μέσῃν ἐτίθει τὴν αὐτοῦ αὐτὸς λίθονακα, ἧς ἑκατέρωθεν ἀνὰ ἕξ διέκειντο πρόθυροι. Я парочно выписалъ это интересное свидѣтельство современника св. Константина, потому что оно очень ясно характеризуетъ взглядъ самого Константина на его заслуги и значеніе для христіанской церкви. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что въ гробницы предполагалось постепенно перенести и мощи св. Апостоловъ, такъ что св. Константинъ оказался бы дѣйствительно среди Апостоловъ. Гдѣ положены были мощи вышеназванныхъ 3 Апостоловъ, по перенесеніи ихъ въ храмъ, неизвѣстно; быть можетъ, именно въ трехъ изъ 12 гробницъ. Впослѣдствіи, однако же, мощи трехъ Апостоловъ положены были подъ алтаремъ, гдѣ и найдены были при Юстиніанѣ, когда, для постройки новаго болѣе великолѣпнаго храма, полъ храма, построеннаго Константиномъ былъ снятъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Прокопій Кесарійскій (см. ниже повѣстіе Прокопія о постройкѣ Юстиніаномъ новаго храма на мѣстѣ Константинова).

³⁾ Что прахъ Константина поконлся не въ самомъ храмѣ, а близъ него, въ примыкающей къ нему какой-нибудь специально для того назначенной пристройкѣ,

устройства первоначальнаго храма св. Апостоловъ мы знаемъ сравнительно очень немного. Извѣстно, между прочимъ, что онъ по своему плану представлялъ форму креста и отдѣланъ былъ съ роскошью и великолѣпнѣмъ, достойными строителя и соответствующими назначенію храма быть усыпальницею для императорскихъ фамилій ¹⁾).

Храмъ стоялъ среди обширнаго двора, окруженнаго великолѣпными портиками со всѣхъ сторонъ. Близъ него былъ устроенъ дворецъ съ царскими покоями, бани, мѣста для отдохновенія и помѣщенія для стражи, которая должна была постоянно жить здѣсь и охранять мѣсто вѣчнаго упокоенія римскихъ самодержцевъ отъ покушеній святотатственной руки ²⁾).

Устроенный такимъ образомъ храмъ со всѣми окружающими его постройками существовалъ около двухъ вѣковъ, принимая въ свои нѣдра бранные остатки смѣнвшихъ за это время римскихъ владыкъ, ихъ супруговъ и ближайшихъ родственниковъ. Несмотря на заботливость, съ которою большинство императоровъ относились къ мѣсту погребенія своихъ предшественниковъ и родственниковъ, храмъ св. Апостоловъ ко времени царствованія Юстиніана, какъ и большинство другихъ построекъ Константина, пришелъ въ ветхость и требовалъ коренной передѣлки.

Великій царь-строитель. передѣлавшій значительную часть римскихъ построекъ Константина на византійскій ладъ, создавшій вмѣсто

это видно изъ словъ Іоанна Златоустаго, который говоритъ, что прахъ Константина находился *ἐν τοῖς προθύροις*. Дюкапжъ (Const. Christ. 70), который приводитъ это мѣсто, переводитъ это слово посредствомъ *vestibulum*. Такой переводъ можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію и заставить думать, что Константинова гробница находилась въ одномъ изъ нарѣнковъ, окружавшихъ храмъ. Іоаннъ Златоустъ подъ тѣ *προθύροις* разумѣетъ, по всей вѣроятности, особый, нарочно устроенный Констанціемъ портикъ для помѣщенія гробницы Константина, какъ объ этомъ ясно говоритъ Зонара (*ἐν τῇ ἰδιαζούσῃ στοᾷ, ἣν ἐπὶ τῇ τάφῃ τοῦ πατρὸς αὐτοῦ (ὁ Κωνσταντῖνος) φερόμενον* XIII, 13). Этотъ портикъ, конечно закрытый, безъ сомнѣнія, примыкалъ къ какой-нибудь части храма, какъ впоследствии въ храмъ Юстиніана, какъ мы увидимъ. Евктирій или *ἑρφεὼν* Константина примыкалъ къ восточной части храма. Очень можетъ быть, что первоначально прахъ Константина былъ поставленъ въ самомъ храмѣ, а затѣмъ, послѣ постройки specialнаго помѣщенія, перенесенъ былъ въ него.

¹⁾ О крестообразной формѣ плана первоначальнаго храма говоритъ Григорій Назіанзинъ, который называетъ его *πλευραῖς σταυροτύποις τέτραχα τετράγωνον* (D u C a n g e, Const. Christ. 71), но какимъ образомъ образованъ былъ крестъ, неизвѣстно.

²⁾ Eusebii Vita Constantini, IV, 59: *οἰκοὶ τε βασιλείων ταῖς στοαῖς λουτρά τε καὶ ἀνακλιτήρια παρεστεινέτο κτλ* Упомянутое всѣхъ этихъ пристроекъ важно въ томъ отношеніи, что храмъ св. Апостоловъ и впоследствии, какъ при Константинѣ и Евсевіи, представлялъ не единичное зданіе, а цѣлый комплексъ зданій, большихъ и малыхъ храмовъ и жилищъ, цѣлый городокъ, занимавшій довольно значительный кварталъ.

болѣе или менѣе скромной базилики въ честь Премудрости Божіей, одинъ изъ величайшихъ храмовъ, и на мѣстѣ Константиновскаго храма св. Апостоловъ построилъ совершенно новый храмъ, имѣвшій, подобно св. Софіи, огромное значеніе въ исторіи архитектуры христіанскихъ церквей. Великій Юстиніанъ, затмившій Константина Великаго богатствомъ и роскошью своихъ построекъ, новизною и оригинальностью стилия, и храму св. Апостоловъ далъ совершенно новый видъ и создалъ образецъ, который воспроизводился и воспроизводится безчисленное множество разъ съ разнымъ успѣхомъ.

Храмъ Константина Юстиніанъ приказалъ срыть до основанія и построилъ храмъ по новому плану и въ другомъ масштабѣ, но удержалъ въ новомъ планѣ крестообразную форму прежняго храма ¹⁾. Какъ было уже замѣчено, мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о планѣ Константиновскаго храма и не знаемъ, какими линіями и какой крестъ изображалъ планъ этого зданія. Къ счастью, относительно храма св. Апостоловъ, построеннаго Юстиніаномъ, мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Кромѣ довольно обстоятельнаго описанія Прокопія, до насъ дошло нѣсколько, хотя очень несовершенныхъ, изображеній этого знаменитаго храма въ Минологіи Василя Болгаробойцы.

По словамъ Прокопія, храмъ св. Апостоловъ, построенный Юстиніаномъ, состоялъ изъ двухъ ограниченныхъ внѣшними стѣнами перекрещивающихся параллелограммовъ, изъ которыхъ одинъ распростирался съ запада на востокъ, а другой съ юга на сѣверъ. Первый параллелограммъ былъ длиннѣе второго, который пересѣкалъ первый не въ срединѣ его, а ближе къ восточному концу, такъ что планъ храма представлялъ собою форму креста не равноконечнаго (греческаго), а съ длиннымъ западнымъ концомъ (латинскій крестъ). Внутри концы имѣли по два ряда колоннъ въ два этажа и представляли родъ базиликъ въ три

---

¹⁾ Е. Е. Голубинскій, Исторія Русской Церкви, I, 2, стр. 66 сл. [2 изд. (Москва, 1904), 76 сл.] говоритъ, что Юстиніанъ приложилъ куполь уже къ готовой формѣ не купольнаго низа. Ср. стр. 67. [2 изд. 77] На этотъ готовый низъ, заимствованный отъ базилики, Юстиніанъ поставилъ купола и пр. Это мнѣніе не согласно съ прямымъ свидѣтельствомъ Прокопія de aedific. I, 4, которое цитруется Е. Е. Голубинскимъ; изъ свидѣтельства Прокопія видно, что прежній храмъ былъ для постройки новаго срытъ до основанія (τοῦτον (τὸν νεῶν) Ἰουστινιανὸς βασιλεὺς ἔλεν οἶκ ὅσον ἀναπέσασθαι διὰ σκοπέης ἔσχευ, ἀλλὰ καὶ μεγέθους καὶ κάλλους πέρι ἀξιώτερον καταστήσασθαι). Да едва ли и возможно было съ архитектурной точки зрѣнія на стѣнахъ и фундаментѣ, поставленныхъ для базилики, каковою въ сущности былъ храмъ, построенный Константиномъ, поставить пять куполовъ, изъ которыхъ средній довольно великъ и, насколько можно вѣрить рисункамъ въ Минологіи Василя, утверждать притомъ на довольно высокомъ барабанѣ, который вдвое, если не больше, увеличивалъ тяжесть купола.

корабля, изъ которыхъ каждая вела къ центру зданія, т.-е. къ перекрестью параллелограммовъ, въ которомъ была устроена на возвышенномъ полу солея алтаря. Надъ алтаремъ, покрывая перекрестье, какъ на воздухѣ, висѣлъ полусферическій куполь, устроенный, по словамъ Прокопія, совершенно такъ же, какъ въ св. Софіи, только въ меньшихъ размѣрахъ, т.-е. куполь посредствомъ барабана, прорѣзаннаго окнами, опиравшійся на четыре арки и столько же столбовъ. Такіе же купола были поставлены надъ каждымъ изъ четырехъ концовъ креста. По словамъ историка, по величинѣ эти боковые купола были равны центральному и отличались отъ этого послѣдняго только тѣмъ, что нижняя часть купола не была прорѣзана окнами.

Обращаясь къ изображеніямъ храма св. Апостоловъ въ Минологіи Василія ¹⁾, мы, дѣйствительно, видимъ (рис. 21) пятикупольную церковь, въ которой центральный куполь значительно выше остальныхъ, хотя по величинѣ своего діаметра, повидимому, равенъ имъ. Высокій барабанъ центрального купола прорѣзанъ частыми окнами, между тѣмъ сравнительно низкіе барабаны другихъ куполовъ вмѣсто оконъ имѣютъ только узкія продольныя отверстія, за исключеніемъ одного праваго купола, въ которомъ, кромѣ такихъ отверстій, имѣется широкое окно.

Рисунки Минологія, такимъ образомъ, подтверждаютъ и дополняютъ свѣдѣнія, сообщенныя Прокопіемъ, въ томъ отношеніи, что представляютъ купола не равной высоты, какъ и слѣдовало ожидать съ архитектурной точки зрѣнія. Но едва ли не еще важнѣе то обстоятельство, что, судя по рисункамъ Минологія, купола храма св. Апостоловъ поставлены на высокихъ барабанахъ (*τὸ κοιλότερὸς* Прокопія), особенно центральный, между тѣмъ какъ куполь св. Софіи барабана почти не имѣетъ, а представляетъ собою полусферу, положенную почти прямо на аркахъ, съ окнами въ этой полусферѣ. Такимъ образомъ, если рисунки Минологія точны, въ храмѣ св. Апостоловъ, построенномъ при Юстиніанѣ, мы имѣемъ образецъ: 1) куполовъ на высокихъ барабанахъ, 2) соединенія въ одномъ храмѣ 5 куполовъ, т.-е. пятикупольной церкви. И то и другое, какъ извѣстно, сдѣлалось до того распространеннымъ, что стало типичнымъ отличіемъ большихъ соборныхъ храмовъ, построенныхъ въ византійскомъ стилѣ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ, особенно у насъ.

---

¹⁾ Храмъ св. Апостоловъ изображенъ подъ 27 января, ed. Albani, t. II, p. 140 (перенесеніе мощей св. Іоанна Златоуста въ храмъ св. Апостоловъ) и 18 октября, ed. Albani, t. I, p. 125 (память св. Евангелиста Луки, изображено положеніе его мощей въ храмѣ св. Апостоловъ).

Наиболѣе извѣстнымъ образцомъ пятикуольнаго храма па западѣ является соборъ св. Марка въ Венеціи, а у насъ такихъ церквей съ давнихъ временъ было великое множество, и до того [типъ этотъ] считается излюбленнымъ, что за невозможностію устроить пять куполовъ, ихъ замѣняютъ, по крайней мѣрѣ, пятью главами, поставленными на столбикахъ, замѣняющихъ барабаны, какъ главы замѣняютъ куполь ¹⁾. Въ виду этого храмъ св. Апостоловъ является однимъ изъ самыхъ важныхъ и замѣчательныхъ храмовъ Константинополя не только по своему религіозному

Рис. 21. Миниатюра Ватиканскаго минологія (18 окт.).

значенію, по которому онъ занималъ первое мѣсто послѣ св. Софіи, но и по своему громадному вліянію на архитектуру храмовъ, которое продолжается и до сихъ поръ, несмотря на то, что этотъ прототипъ пятикуольныхъ и пятиглавыхъ церквей и соборовъ давно исчезъ и замѣненъ построенною на его мѣстѣ мечетью.

Какъ въ храмѣ, построенномъ Константиномъ для погребенія царей и царицъ, гробницы ихъ, не исключая и самого равноапостольнаго строителя, не стояли [въ самомъ храмѣ], а помѣщались въ пристройкахъ,

¹⁾ О распространеніи крестообразной формы церквей у насъ, особенно въ позднѣйшее время, см. Е. Е. Голубинскій, Исторія Русской Церкви, I, 2, стр. 69 сл. [2 изд. 80 сл.].

такъ и въ храмѣ, воздвигнутомъ Юстиніаномъ, гробницы съ тѣлами усопшихъ царей и членовъ ихъ семействъ не помѣщали. Для этой цѣли были при самой постройкѣ сдѣланы особыя помѣщенія, портики и маленькіе храмы, примыкавшіе къ большому храму и составлявшіе съ нимъ одно цѣлое. Такъ, по крайней мѣрѣ, нужно заключать какъ изъ обрядовъ Придворнаго устава, такъ и изъ перечня похороненныхъ при храмѣ св. Апостоловъ царей и царицъ съ ихъ ближайшими родственниками и родственницами.

Дѣло въ томъ, что въ этихъ спискахъ гробницы царей и царицъ распределяются на четыре отдѣльныхъ помѣщенія: два ἱρῶα и два портика (στοαί), сѣверный и южный. Но при этомъ, къ сожалѣнію, не указывается, гдѣ собственно эти помѣщенія находились и въ какомъ отношеніи они находились къ храму св. Апостоловъ, т.-е. находились ли они внѣ или внутри его, такъ что вопросъ этотъ приходится рѣшать на основаніи другихъ данныхъ и косвенныхъ указаній, которыхъ также очень мало, да и тѣ не настолько ясны, чтобы дать точный и обстоятельный отвѣтъ ¹⁾.

Въ названныхъ перечняхъ одинъ ἱρῶον называется Константиновымъ, а другой—Юстиніановымъ, потому что въ первомъ изъ нихъ во главѣ погребенныхъ тамъ находится Константинъ и Елена, а въ другомъ—Юстиніанъ Великій, строитель новаго храма св. Апостоловъ, существовавшаго до взятія Константинополя турками.

Въ языческомъ мірѣ τὰ ἱρῶα назывались храмы и капеллы въ честь героевъ, гдѣ совершался культъ ихъ. Въ христіанскомъ мірѣ, сколько мнѣ извѣстно, храмы и капеллы (εὐχτήρια) въ честь святыхъ не назывались ἱρῶα и въ Gl. Gr. Дюканжа s. v. τὸ ἱρῶον указывается только на вышеназванныя ἱρῶα Константина и Юстиніана, которыя Дюканжъ почему-то называетъ портиками ²⁾. Если Дюканжъ въ этомъ случаѣ руководствовался тѣмъ обстоятельствомъ, что два другихъ помѣщенія для погребенія царей называются въ перечняхъ портиками (στοαί), то въ этомъ случаѣ съ Дюканжемъ едва ли можно согласиться.

Какъ видно изъ нижеизложенныхъ обрядовъ богомольныхъ выхо-

---

¹⁾ Н. П. Кондаковъ въ своемъ прекрасномъ очеркѣ исторіи константинопольскихъ церквей ставитъ этотъ вопросъ, но не рѣшаетъ его (Византійскіе церкви и памятники Константинополя, Одесса, 1886, 42). [О храмѣ св. Апостоловъ ср. статью О. Θ. Вульффа „Семь чудесъ Византіи и храмъ св. Апостоловъ“. Изв. Русск. Археол. Инст. въ Константинополѣ, I (1896), 35 сл.]

²⁾ Въ словарѣ Дюканжъ за доказательствами отсылаетъ въ Constantin. Christiana, 108 — 9 Парижскаго = 74 Венеціанск. изданія, но и тутъ доказательствъ того, что занимающія насъ ἱρῶα были именно портики, не приводятся.

довъ въ храмъ св. Апостоловъ, въ ἡρώων'ѣ Константина былъ алтарь (τὸ βῆμα) и притомъ въ честь св. Константина, такъ какъ этотъ ἡρώωνъ называется иногда просто «св. Константиномъ», т.-е. храмомъ св. Константина, какъ обыкновенно храмы въ честь святыхъ называются именами этихъ святыхъ безъ прибавленія слова «храмъ»¹⁾. А если ἡρώωνъ Константина былъ храмъ или, точнѣе, евктирій, то его едва ли можно назвать портикомъ, какъ дѣлаетъ Дюканжъ, который не могъ имѣть въ виду указаній Придворнаго устава. Подобнымъ же евктиріемъ былъ, по всей вѣроятности, и ἡρώωνъ Юстиніана, но былъ ли тамъ алтарь въ честь Юстиніана или какого другого святого, неизвѣстно, по крайней мѣрѣ, мнѣ. Оба эти ἡρώα построены, по всей вѣроятности, Юстиніаномъ при постройкѣ храма св. Апостоловъ, и Юстиніанъ, поставивши въ одномъ во главѣ гробницъ гробницу свв. Константина и Елены, другой такой же построилъ для себя и своихъ наслѣдниковъ и завѣщалъ на первомъ мѣстѣ положить свой прахъ, почему этотъ ἡρώωνъ и названъ его именемъ²⁾.

Если эти два ἡρώα были такимъ образомъ евктиріями или небольшими храмами, вродѣ Равеннскаго евктирія, въ которомъ погребена Галла Плакидія съ семьєю, то уже изъ этого можно заключать, что ἡρώα св. Константина и Юстиніана находились не въ самомъ храмѣ, а были отдѣльными помѣщеніями, придѣльными храмами, находившимися не въ предѣлахъ храма св. Апостоловъ въ строгомъ смыслѣ, а внѣ его. Въ пользу этого говорятъ и нѣкоторыя мѣста нижеизложенныхъ обрядовъ.

Такъ въ обрядѣ празднованія памяти св. Константина сказано, что цари, помолившись въ алтарѣ храма св. Апостоловъ, «поворачиваютъ налѣво къ востоку этого алтаря и уходятъ къ гробницамъ, т.-е. въ храмъ св. Константина, а тамъ въ ведущей туда двери встрѣчаютъ ихъ патріархъ». Изъ этого мѣста видно, что храмъ св. Константина или ἡρώωνъ его отдѣлялся отъ алтаря, къ сѣверо-восточной сторонѣ котораго онъ примыкалъ, стѣною и дверью. Но изъ этого мѣста еще нельзя

¹⁾ *Constit.* II, 6, 533: послѣ молитвы въ алтарѣ храма св. Апостоловъ, цари ἐκνεύουσιν ἀριστερᾶ πρὸς ἀνατολὴν τοῦ αὐτοῦ βήματος (т.-е. храма св. Апостоловъ) καὶ ἀπέρχοντα, πρὸς τοὺς τάφους, ἤγουν εἰς τὸν ἅγιον Κωνσταντῖνον καὶ ἐκεῖθεν ἔνδον τῆς εἰσαγωγῆς πόλης δέχεται τούτους ὁ πατριάρχης καὶ πάλιν ἐν τῷ ἐκείσε βήματι ἀπευχαριστοῦσι τῷ Θεῷ... καὶ θυμῆ (ὁ πρῶτος βασιλεὺς) εἰς τὸ ἅγιον βῆμα καὶ τὸν τάφον τοῦ Λέοντος κтл. Изложеніе этого мѣста см. ниже въ концѣ этой главы, гдѣ излагается вся эта глава [устава].

²⁾ Юстиніанъ не только построилъ для себя ἡρώωνъ, но и приготовилъ великолѣпную гробницу, которая, по словамъ Кориппа, была сдѣлана изъ чистаго золота (*primo auro, Coripp. de Iustini Laudib.* 111). Кодицъ прямо приписываетъ постройку того помѣщенія, въ которомъ былъ погребенъ Юстинъ и Θεодора, Юстиніану, причеиъ называетъ его τὸ ἔξω μνημοθεσίον. Оба мѣста ср. также у Дюканжа, *Const. Christ. lib.* IV, p. 74.

заключать, что храмъ св. Константина составлялъ отдѣльную пристройку, а не входилъ въ составъ храма, т.-е. не находился въ его стѣнахъ. Обрядъ выхода въ недѣлю всѣхъ Святыхъ позволяетъ, кажется, сдѣлать и это заключеніе. Въ концѣ его сказано, что «царь, выслушавъ евангеліе, уходитъ изъ евктерія св. Теофаніи и проходитъ черезъ дверь и деревянную лѣстницу, которая, выводя наружу изъ храма св. Константина, ведетъ въ то же время въ катихуменіи св. Апостоловъ». Такую лѣстницу можно представлять себѣ разнo. Во всякомъ случаѣ, она въ нижней своей части выводила на дворъ (ἐξάερον) изъ храма св. Константина, а продолженіе ея вверхъ, примыкавшее къ стѣнѣ этого храма, вело въ катихуменіи св. Апостоловъ, т.-е. во второй этажъ этого храма. Если бы храмъ св. Константина былъ въ стѣнахъ храма св. Апостоловъ, а не составлялъ отдѣльной пристройки, то едва ли было бы сказано, что лѣстница вела изъ храма св. Константина, скорѣе можно было бы ожидать названіе простой деревянной лѣстницы, ведущей въ катихуменіи св. Апостоловъ безъ упоминанія храма св. Константина, если бы онъ не составлялъ отдѣльной пристройки, быть можетъ, подобной той, которая изображена въ Минологіи Василія (ed. Albaini, II, p. 182, рис. 22) возлѣ храма св. Апостоловъ, если только здѣсь мы имѣемъ изображеніе этого именно храма, какъ полагаетъ проф. Е. Е. Голубинскій. Подобную же пристройку, но съ другой стороны представлялъ собою, вѣроятно, ἡρῶν Юстиніана.

Въ храмѣ св. Константина изъ древнихъ царей, кромѣ самого Константина, который покоился въ порфировомъ саркофагѣ вмѣстѣ съ матерью своею св. Еленою въ восточной сторонѣ, покоились тѣла сына его Констанція, Θεοδοσία Великаго, его дочь Пульхерія съ мужемъ Маркіаномъ, Левъ Великій, Зинонь и Анастасій Дикоръ съ Ариадною. Кромѣ этихъ древнихъ царей, здѣсь покоились цари Македонской династіи Василій, Левъ VI, Константинъ VII и Василій II, ихъ жены и отчасти дѣти, вѣроятно, по распоряженію Василія, который сдѣлалъ въ храмѣ св. Апостоловъ и пристройкахъ къ нему значительныя поправки. Последнимъ изъ погребенныхъ здѣсь царей значится Василій II Болгаробойца. Цари-узурпаторы, возлагавшіе на себя царскую корону во время малолѣтства Константина Багрянороднаго и его внуковъ въ списокѣ не значатся и, кромѣ Никифора Фоки, похоронены здѣсь не были. Зато сюда былъ поставленъ во главѣ Македонской династіи Михаилъ III, по распоряженію Льва Мудраго, который считалъ себя, повидимому, сыномъ Михаила, а не Василія Македонянина.

Въ виду того, что позднѣйшіе обряды богомольныхъ выходовъ въ

храмъ св. Апостоловъ составлялись и редактировались при царяхъ Македонской династїи, въ нихъ упоминаются гробницы Василя Македонянина и Льва Мудраго и его первой жены св. Теофанò наряду съ гробницею св. Константина, потому что цари (по всей вѣроятности, Константинъ Багрянородный и Романъ II) имъ поклонялись и кадили.

Какъ при храмѣ, построенномъ Константиномъ Великимъ, были разныя зданія и небольшой дворецъ, такъ и при храмѣ, вновь выстроенномъ Юстиніаномъ, былъ дворецъ, который непосредственно при-

Рис. 22. Миниатюра Ватиканскаго минологіа (12 февр.).

мыкалъ къ храму и въ который можно было пройти посредствомъ внутреннихъ переходовъ изъ катихуменій западной стороны. Объ устройствѣ и величинѣ этого дворца мы ничего не знаемъ. Изъ обрядовъ Константина Багрянороднаго видно только, что во дворецѣ была «большая палата» для парадныхъ царскихъ обѣдовъ во дни выходовъ въ храмъ св. Апостоловъ и Всѣхъ Святыхъ. Къ этой большой палатѣ, вмѣщавшей въ себѣ большое количество столовъ для духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ, примыкалъ китонъ или покой для отдохновенія, переоблаченія и пребывания царя въ ожиданіи патріарха ¹⁾).

¹⁾ Относительно этой палаты см. *Serim.* I, 10, 79—80. Ср. перечень парадныхъ праздничныхъ обѣдовъ атриклина Филовея, II, 52, 769 (*ἐν τῷ μεγάλῳ τρικλίῳ τῶν παλατίων*), 773. Ср. II, 7, 538.

*

Кромѣ этого дворца, къ храму св. Апостоловъ если не прилегалъ, то стоялъ очень близко храмъ Всѣхъ Святыхъ съ своими придѣльными храмами или евкиріями. По единогласному свидѣтельству византійскихъ, хотя и сравнительно позднѣйшихъ писателей, храмъ этотъ былъ построенъ Львомъ VI Мудрымъ, который для его постройки воспользовался матеріаломъ отъ старой развалившейся церкви св. Стефана. Храмъ этотъ существовалъ сравнительно недолго и, разрушенный временемъ и землетрясеніями, въ свою очередь, послужилъ матеріаломъ для укрѣпленія Кикловія и Золотыхъ воротъ при Іоаннѣ Палеологѣ ¹⁾.

Съ какой стороны храма св. Апостоловъ былъ расположенъ храмъ Всѣхъ Святыхъ, въ точности неизвѣстно. Объ этомъ можно только догадываться почти исключительно на основаніи обрядовъ Придворнаго устава. Мордтманнъ въ своемъ новомъ «Очеркѣ средневѣковаго Константинополя» высказываетъ предположеніе, что храмъ Всѣхъ Святыхъ примыкалъ къ храму св. Апостоловъ съ сѣверной стороны, но, къ сожалѣнію, не указываетъ основаній своего предположенія. Мнѣ также кажется, что храмъ Всѣхъ Святыхъ былъ съ сѣверной стороны. Основаніемъ для этого предположенія служить то обстоятельство, что царь, по выходѣ изъ наѣрка придѣльнаго храма св. Ипатія, который примыкалъ къ алтарю храма Всѣхъ Святыхъ, поднимается въ катихуменіи св. Апостоловъ по деревянной лѣстницѣ, прилежавшей къ ἵρῳ св. Константина, который примыкалъ къ храму св. Апостоловъ съ лѣвой (сѣ-

¹⁾ Свидѣтельства средневѣковыхъ писателей объ этомъ храмѣ приведены Дюканжемъ, Const. Christ. lib. IV, p. 90—91 ed. Venet. [J. P. Richter, Quellen d. byz. Kunstgesch. 228]. Придворный уставъ Константина Багрянороднаго, не говоря ничего противъ этихъ свидѣтельствъ, до нѣкоторой степени, хотя и косвенно, подтверждаетъ эти свидѣтельства. Въ I кн., которая начинается сборникомъ богомольныхъ выходовъ, обряда выходовъ въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ не имѣется, но онъ вошелъ въ составъ начала II книги, гдѣ помѣщены не вошедшіе въ составъ I книги, частью болѣе поздніе обряды, а въ томъ числѣ и обрядъ выхода въ храмъ Всѣхъ Святыхъ, въ которомъ уже упоминается евкирій св. Теофанъ, жены Льва VI, построенный тѣмъ же Львомъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ храмомъ Всѣхъ Святыхъ или вскорѣ послѣ него (Serim. II, 7, 537). Кромѣ этого, умолчаніе о выѣздѣ въ храмъ Всѣхъ Святыхъ въ перечнѣ обѣдовъ Филоея, составленномъ въ 900 году, можетъ быть принято за косвенное свидѣтельство того, что храмъ этотъ построенъ послѣ 900 года, во вторую половину царствованія Льва.

Въ виду всего этого для меня не совсемъ понятно заявленіе Дюканжа (l. c.), что храмъ Всѣхъ Святыхъ longe ante Leonem stetit, тѣмъ болѣе, что въ доказательство этого мнѣнія, противорѣчающаго прямымъ свидѣтельствамъ писателей, приводится только разсказъ о перенесеніи въ 962 г. Никифоромъ Фокою крови Христовой и другихъ реликвій, привезенныхъ Никифоромъ изъ Сиріи, въ храмъ Всѣхъ Святыхъ. Хотя чудесное истеченіе крови и воды изъ распятія случилось гораздо раньше Льва VI, при Константинѣ Копронимѣ, но перенесеніе этой крови въ храмъ Всѣхъ святыхъ произошло уже при внукахъ Льва VI, потому не можетъ говорить въ пользу болѣе ранняго построенія этого храма.

верной) стороны, причѣмъ царь проходилъ чрезъ дворикъ (ἐξέδρον), лежавшій между восточными концами двухъ храмовъ ¹⁾). Царь такимъ образомъ шель отъ правой (южной) стороны храма Всѣхъ Святыхъ къ лѣвой (сѣверной) сторонѣ храма св. Апостоловъ, безъ сомнѣнiя, ближайшимъ и прямѣйшимъ путемъ, не огибая одного изъ этихъ храмовъ. А если такъ, то, значитъ, правая сторона храма Всѣхъ Святыхъ была обращена къ лѣвой храма св. Апостоловъ.

Какъ къ храму св. Апостоловъ примыкали помѣщенiя для погребенiя царей, такъ къ храму Всѣхъ Святыхъ прилегали евктирии въ память разныхъ святыхъ. Къ алтарной конхѣ его, между прочимъ, примыкалъ евктирiй въ честь св. Теофанѣ или Теофанiи, первой супруги Льва VI, которая за свои христіанскiя добродѣтели вскорѣ послѣ смерти была причислена къ лику святыхъ. Въ память ея Левъ и построилъ евктирiй, быть можетъ, въ одно время съ храмомъ Всѣхъ Святыхъ ²⁾).

¹⁾ Сегіи. II, 7, 538. Ср. ниже изложеніе обряда выхода въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ.

²⁾ У продолжателя Теофана просто сказано, что Левъ возлѣ храма св. Апостоловъ построилъ храмъ въ честь Теофанѣ (de Leone, с. 18, р. 364 Вонп.). У Симеона Магистра о постройкѣ храма въ честь Теофанѣ говорится послѣ разсказа о смерти Зои Зауца и погребенiи ея въ храмѣ св. Зои, построенномъ Львомъ нарочито для погребенiя своей второй супруги, и замѣчено, что, построивъ храмъ во имя Теофанѣ, и ее похоронилъ или положилъ ея гробъ въ этомъ храмѣ, какъ Зою похоронилъ въ храмѣ св. Зои (р. 703). Въ хроникѣ Георгiя Монаха такъ же, какъ и у продолжателя Теофана, ничего не сказано о погребенiи Теофанѣ въ храмѣ ея имени, а говорится только о постройкѣ храма возлѣ св. Апостоловъ (р. 860 Вонп; ср. ed. Muralt, р. 780). Почти буквально тожественно съ тѣмъ, что сказано объ этомъ у Кедрина-Скилицы (р. 260). Наконецъ, Зонара, какъ и продолжатель Теофана, говоритъ, что въ евктирiи св. Теофанѣ было положено тѣло ея; слѣдуя въ этомъ случаѣ продолжателю Теофана, Зонара, какъ писатель позднѣйшiй, особеннаго значенiя не имѣетъ. Изъ ближайшихъ же ко времени Льва хронистовъ только продолжатель Теофана говоритъ то, что Дюканжъ приписываетъ всѣмъ имъ (Const. Christ. I. IV, р. 113 ed. Venet.), не отдѣляя свидѣтельства о погребенiи Теофанѣ отъ свидѣтельства о постройкѣ храма. Замѣчательно, что всѣ эти хронисты, какъ и Кодицъ (см. у Дюканжа I. с.) говорятъ, что евктирiй во имя св. Теофанѣ былъ построенъ возлѣ (πλησίον) св. Апостоловъ, а не Всѣхъ Святыхъ. Такое обозначенiе указываетъ на несравненно болѣшую извѣстность храма св. Апостоловъ, какъ самаго важнаго, послѣ св. Софiи, городского храма, а быть можетъ, и на то обстоятельство, что во время постройки евктирiя во имя св. Теофанѣ храма Всѣхъ Святыхъ еще не было. По свидѣтельству хроникi, евктирiй св. Теофанѣ былъ построенъ до 900 года. И дѣйствительно, въ перечнѣ праздничныхъ обѣдовъ Филоея, составленномъ въ 900 году, выѣзда въ храмъ Всѣхъ Святыхъ, когда также бывалъ обѣдъ во дворцѣ при храмѣ св. Апостоловъ, не упоминается, между тѣмъ какъ въ перечнѣ царскихъ облаченiй (I, 37) этотъ выѣздъ упоминается. Изъ этихъ обстоятельствъ съ нѣкоторымъ основанiемъ можно заключить: 1) что храмъ св. Апостоловъ былъ построенъ послѣ 900 года, 2) что перечень царскихъ облаченiй написанъ послѣ постройки храма Всѣхъ Святыхъ, слѣдовательно также послѣ 900 года. [О храмѣ св. Теофанѣ см. J. P. Richter, Quellen d. byz. Kunstgesch. 229 сл.].

Память блаженной царицы Теофанiи православною церковью празднуется 16 декабря. Изображенiе Теофанiи находится въ Минологiи Василiя подъ этимъ числомъ, ed. Albani, t. II, р. 34, рис. 23.

Нѣкоторые византійскіе хронисты говорятъ, а за ними повторяють и нѣкоторые новѣйшіе ученые, что Левъ VI Мудрый построилъ этотъ евктирій для погребенія въ немъ своей супруги Теофанѣ, которая и была, по ихъ словамъ, тамъ погребена. Между тѣмъ, какъ мы увидимъ изъ нижеизложенныхъ обрядовъ, св. Теофанѣ была погребена въ евктирії св. Константина и тамъ цари поклоняются ея гробу послѣ Льва VI, который, очевидно, былъ погребенъ рядомъ съ нею. По перенесеніи царскихъ гробницъ Теофанѣ была погребена въ евктирії св. Константина даже не одна, а съ своею дочерью Евдокією. Отсутствіе мощей св. Теофаніи въ евктирії ея имени подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что цари во время выходовъ въ храмъ Всѣхъ Святыхъ входятъ въ этотъ евктирій чрезъ синтронъ евктирія св. Льва (*διὰ τοῦ ἔνδον τοῦ βήματος κοιλίου*) не для поклоненія мощамъ св. царицы, а для того, чтобы тамъ переоблачиться и сидѣть въ ожиданіи чтенія евангелія, которое потомъ цари слушали, стоя у закрытой завѣсоу двери, ведшей изъ алтаря Всѣхъ Святыхъ въ евктирій ¹⁾.

Кромѣ евктирія св. Теофаніи къ алтарю храма Всѣхъ Святыхъ примыкалъ такой же евктирій въ честь мученика Льва, изъ алтаря котораго (точнѣе, изъ синтрона) былъ ходъ въ евктирій св. Теофаніи. Въ него царь входитъ послѣ поклоненія св. престолу въ храмѣ Всѣхъ Святыхъ, поклоняется въ этомъ евктирії св. престолу и, простившись съ патріархомъ, уходитъ чрезъ синтронъ въ евктирій св. Теофаніи. Положеніе его относительно храма Всѣхъ Святыхъ опредѣляется тѣмъ, что цари входятъ въ него чрезъ восточную сторону алтаря Всѣхъ Святыхъ, изъ чего можно заключать, что онъ, какъ и евктирій Теофаніи, примыкалъ къ алтарю съ восточной стороны ²⁾.

Въ тѣсной связи съ этими двумя евктиріями, построенными Львомъ, находился третій въ честь св. Ипатія, чрезъ нарѣикъ котораго

---

¹⁾ Наши паломники видѣли и поклонялись мощамъ св. царицы Теофаніи. Стефанъ Новгородскій (1342 г.) въ женскомъ монастырѣ св. Константина, а іеродіаконъ Зосима (1420 г.) въ монастырѣ Филострата. По словамъ Никодима мощи св. Теофаніи покоятся до настоящаго времени въ Константинопольской патріархіи (Сергіѣй, Полный Мѣсяцесловъ Востока, II, 390 [= 2 изд. (Владиміръ, 1901), 508]).

²⁾ Въ память какого мученика Льва былъ построенъ этотъ евктирій, сказать не берусь. Въ Православномъ календарѣ значатся два Льва: Левъ Великій, римскій папа, и Левъ, епископъ Катанскій (въ Сициліи), но ни тотъ, ни другой мучениками не были, а скончались въ мирѣ (см. Сергіѣй, Полный Мѣсяцесловъ Востока подъ 18 и 20 февраля [2 изд. II, 76.77]). Ср. Минологію Василія подъ тѣми же числами). Въ перечнѣ константинопольскихъ храмовъ въ Const. Christ. Дюканжа евктирій во имя Льва, мученика или епископа, не значитса, такъ какъ онъ извѣстенъ только изъ Придворнаго устава, который Дюканжу не былъ извѣстенъ.

цари проходили на пути изъ евктерія св. Теофанія въ храмъ св. Апостоловъ ¹⁾).

Въ ἱρῶν'ѣ Юстиніана на первомъ мѣстѣ, къ востоку, у самой алтарной конхи, стояла гробница съ прахомъ Юстиніана, затѣмъ слѣдовали гробницы Теодоры и ближайшихъ наслѣдниковъ Юстиніана. Кромѣ семейства Юстиніана въ его ἱρῶн'ѣ покоились Ираклиды, начиная съ самаго Ираклія, и цари-иконоборцы, начиная со Льва Исавра и кончая послѣднимъ иконоборцемъ Теофиломъ. Здѣсь же

Рис. 23. Миниатюра Ватиканскаго минологія (16 дек.).

погребено было тѣло самаго упорнаго и рѣзкаго иконоборца Константина Каваллина или Копронима. Михаилъ III счелъ нужнымъ не только лишить Константина Каваллина чести быть погребеннымъ вмѣстѣ съ другими царями, но и сжегъ его «несчастное тѣло», а гробницу его приказалъ разбить и употребить на подѣлки при перестройкѣ Фара ¹⁾).

¹⁾ Св. Ипатіевъ православная церковь чтитъ нѣсколько; во имя какого изъ нихъ построенъ былъ и къмъ евктерій возлѣ храма Всѣхъ Святыхъ и св. Апостоловъ, мнѣ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно. Въ перечнѣ Дюканжа онъ также не упоминается.

²⁾ Въ латинскомъ переводѣ слово *ὁ φῆρος* почему-то два раза переведено посредствомъ *forum*, хотя *forum* *ὁ φῆρος* и *ὁ φῆρος* не имѣютъ между собою ничего общаго, кромѣ сходства въ написаніи. Переводчикъ, быть можетъ, держался написанія рукописи Кодина, гдѣ вмѣсто *φῆρος* стоитъ *φόρος*, хотя и тамъ слѣдуетъ скорѣе читать *φῆρος*, чѣмъ *φόρος* въ виду упоминаемаго выше *καλατίου*.

Въ портикахъ, изъ которыхъ одинъ былъ на сѣверной, другой — на южной сторонѣ храма, помѣщались гробницы немногихъ царей: въ южномъ находились гробницы Аркадія, его жены Евдокіи и сына ихъ Θεодосія Младшаго, а въ сѣверномъ — «несчастное и преподанное (παμ(α)ρον) тѣло отступника Юліана» и царствовавшего непосредственно послѣ него очень короткое время Ювіана.

Въ рукописи Кодина относительно южнаго портика замѣчено, что онъ развалился и стоитъ безъ крыши (*κατελύθη καὶ ἔστιν ἀσχετῆς*). Изъ этого замѣчанія, относящагося ко времени написанія перечней, можно заключить, что портики эти находились не въ храмѣ, а внѣ его, и составляли болѣе или менѣе самостоятельныя постройки или пристройки. Кромѣ того, «несчастное тѣло» Юліана едва ли долго оставалось въ храмѣ, если бы и было когда-нибудь положено. Все это, вмѣстѣ взятое, ясно говоритъ въ пользу того, что цари и царицы погребались не въ храмѣ собственно, а внѣ его, въ прилегающихъ къ нему пристройкахъ.

Хотя, по свидѣтельству Евсевія, храмъ св. Апостоловъ назначался для погребенія при немъ царей и царицъ, однако же съ давнихъ временъ тамъ же погребались и Константинопольскіе епископы-патріархи, такъ что уже въ 360 году храмъ св. Апостоловъ называется обычнымъ мѣстомъ погребенія ихъ. Къ сожалѣнію, о томъ, гдѣ именно погребались епископы, мы можемъ, сколько мнѣ извѣстно, сказать еще менѣе, нежели относительно царей. Возможно, что нѣкоторые изъ патріарховъ, признанные святыми, погребались въ самомъ храмѣ, а мощи Іоанна Златоуста и Григорія Богослова были, несомнѣнно, положены даже въ алтарь храма св. Апостоловъ, и цари, когда входили въ этотъ алтарь для поклоненія св. престолу, поклонялись въ то же время и мощамъ этихъ великихъ святителей и учителей церкви.

Другіе два святителя, патріархи Никифоръ и Меѳодій, чтимые церковью за борьбу противъ иконокластовъ, погребены были въ какомъ-то помѣщеніи возлѣ храма св. Константина, повидимому, также въ отдѣльномъ помѣщеніи, а не въ самомъ храмѣ, во всякомъ случаѣ, не въ алтарь. Судя по тому, что царь въ мѣсто погребенія послѣднихъ патріарховъ проходитъ чрезъ храмъ св. Константина и чрезъ него же возвращается назадъ въ храмъ, можно думать, что относительно храма мѣсто погребенія патріарховъ (*οἱ τάφοι τῶν πατριάρχων*) находилось дальше храма св. Константина (I, 10, 77).

Обычай хоронить патріарховъ и царей возлѣ храма св. Апосто-

ловъ не исключалъ, конечно, возможности погребенія и тѣхъ и другихъ въ иныхъ храмахъ и монастыряхъ, но это не мѣшало быть храму св. Апостоловъ обычною и постоянною усыпальницею царей и патріарховъ.

Изъ всего вышеизложеннаго относительно храма св. Апостоловъ и примыкающихъ къ нему построекъ видно, что храмъ этотъ окруженъ былъ множествомъ большихъ и малыхъ зданій и представлялъ собою, подъ однимъ названіемъ, цѣлый комплексъ большихъ и малыхъ храмовъ и дворцовыхъ построекъ. Не менѣе ясно также, что въ постройкахъ и храмахъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ храма св. Апостоловъ, хранилось множество драгоценныхъ реликвій, религіозныхъ и политическихъ. Кромѣ мощей св. Апостоловъ, св. царей, царицъ и патріарховъ, въ гробницахъ царей, вмѣстѣ съ ихъ земными останками, находились огромныя богатства земныя въ видѣ царскихъ облаченій, вѣнцовъ, золотыхъ украшеній, драгоценныхъ камней, жемчуга и т. п.

Эти богатства и сокровища привлекали вниманіе разныхъ лицъ отъ самыхъ низкихъ слоевъ населенія до императоровъ: первые видѣли въ этихъ сокровищахъ очень выгодный предметъ добычи, а вторые въ крайнихъ случаяхъ, когда не было никакихъ другихъ средствъ для удовлетворенія существенныхъ и неотложныхъ нуждъ государства, позволяли себѣ пользоваться этими сокровищами для государственныхъ цѣлей, какъ пользовались иногда церковными сокровищами и богатствами.

Но болѣе всего, повидимому, пострадали религіозныя сокровища храма св. Апостоловъ и земныя богатства его во время латинскаго плѣна, когда производилось систематическое и продолжительное ограбленіе храма св. Апостоловъ, какъ и другихъ храмовъ и дворцовъ, независимо и послѣ единовременнаго и сплошнаго разграбленія Константинополя, послѣдовавшаго непосредственно за взятіемъ второго Рима благочестивыми крестоносцами въ 1204 г.

Послѣ латинскаго плѣна Михаилъ Палеологъ, много заботившійся о возстановленіи разграбленнаго и опустѣвшаго царствующаго града, обратилъ свое вниманіе и на храмъ св. Апостоловъ, который, какъ усыпальница царей, сохранялъ свое прежнее значеніе въ ряду константинопольскихъ храмовъ. Для поддержанія въ немъ постоянного служенія, Михаилъ установилъ штатъ священно- и церковно-служителей, а возлѣ него поставилъ колонну со статуею своего патрона архангела Михаила и колѣнопреклоненною предъ архангеломъ своею собственною статуею, которая и обозначается на дошедшихъ до насъ позднѣйшихъ планахъ Константинополя.

Все возрастающая бѣдность и разстройство византійскаго царства не позволяли, однако же, царямъ поддерживать всѣ многочисленные храмы и монастыри, приходившіе въ ветхость. Мы видѣли, что и храмъ Всѣхъ Святыхъ, прилегавшій къ храму св. Апостоловъ, не избѣжалъ участи многихъ другихъ храмовъ и дворцовъ и, какъ развалившійся, былъ употребленъ на постройку укрѣпленій около Золотыхъ воротъ.

Весьма вѣроятно, что такой же участи подверглись и евктиріи, примыкавшіе къ храму св. Апостоловъ, и нѣкоторыя другія пристройки, окружавшія храмъ св. Апостоловъ.

Тѣмъ не менѣе до самаго взятія Константинополя турками, храмъ св. Апостоловъ сохранилъ свое значеніе первой послѣ св. Софіи церкви Константинополя, а около него сохранилось еще довольно много построекъ и пристроекъ, вслѣдствіе чего, съ обращеніемъ св. Софіи въ мечеть, патріархъ съ своимъ клиромъ и синклитомъ, какъ извѣстно, переселился въ храмъ св. Апостоловъ, который сталъ, такимъ образомъ, резиденціею патріарха, самымъ важнымъ, первенствующимъ соборомъ христіанскаго Константинополя.

Но недолго былъ храмъ св. Апостоловъ резиденціею патріарха. Убийство какого-то турка въ оградѣ храма было причиною того, что тогдашній патріархъ, переселившійся въ храмъ св. Апостоловъ съ позволенія грознаго завоевателя Константинополя, самъ нашель за лучшее оставить храмъ св. Апостоловъ и со всѣмъ своимъ управленіемъ переселился въ монастырь Всеблаженнаго (*Παμμκαριστου*), въ Фанарѣ, гдѣ и до сихъ поръ находится резиденція патріарха вселенскаго.

Такъ какъ переселеніе патріарха было добровольное, и, по всей вѣроятности, не спѣшное, то можно предположить, что патріархъ вывезъ изъ храма св. Апостоловъ не мало святынь и мощей, уцѣлѣвшихъ отъ латинскаго разграбленія. Къ сожалѣнію, объ этихъ святыняхъ мы знаемъ очень мало, какъ и о другихъ драгоценностяхъ и святыняхъ, которыя греки успѣли спасти отъ грабежа, послѣдовавшаго за взятіемъ Константинополя турками. Трудно допустить, чтобы греки не позаботились о спасеніи того, что можно еще было спасти и, сложа руки, ожидали взятія и разграбленія города, которое съ каждымъ днемъ, къ концу осады, становилось все болѣе и болѣе вѣроятнымъ и неизбѣжнымъ.

Покинутый патріархомъ, храмъ св. Апостоловъ нѣсколько лѣтъ стоялъ заброшеннымъ и пустымъ, пока Магометъ II не приказалъ его совсѣмъ разрушить и на его мѣстѣ, изъ матеріала этого храма и другихъ запустѣвшихъ и необращенныхъ въ мечети храмовъ, построить мечеть, которая должна была принять и хранить прахъ завоевателя ви-

зантійской столицы, превратившаго ее изъ христіанской въ мусульманскую. На мѣстѣ упокоенія перваго христіанскаго римскаго императора, преобразовавшаго небольшой греческій городокъ въ столицу христіанской имперіи, водворенъ былъ, такимъ образомъ, прахъ завоевателя этой столицы, болѣе 1000 лѣтъ бывшей хранительницею языческихъ сокровищъ и христіанскихъ святынъ и павшей окончательно, при громѣ пушекъ, на зарѣ новой исторіи.

Недалеко отъ храма св. Апостоловъ и окружавшихъ его построекъ находился царскій дворецъ Вона (тоѿ Βόνου, palatium Boni), называвшійся такъ по имени очень важнаго сановника Вона (Bonus), жившаго при Иракліи и въ томъ кварталѣ, въ которомъ потомъ построенъ былъ дворецъ, имѣвшаго свой домъ. Такъ какъ этотъ Вонъ или Бонъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ чиновъ византійскаго царства, былъ даже намѣстникомъ или регентомъ имперіи во время походовъ Ираклія, то неудивительно, что кварталъ, въ которомъ такой замѣчательный сановникъ жилъ, сталъ называться его именемъ, тѣмъ болѣе, что этотъ Бонъ построилъ большую и роскошную цистерну, которая также называлась его именемъ ¹⁾).

Къ сожалѣнію, мѣсто какъ дворца Вона, такъ и его цистерны опредѣлить трудно съ желательною точностью и опредѣленностью. Изъ обрядовъ Константинова Придворнаго устава видно только, что путь къ дворцу Вона отъ храма св. Апостоловъ шель чрезъ Ксиропиій, но и мѣсто Ксиропиія неизвѣстно.

Постройку дворца Вона приписываютъ разнымъ царямъ: Роману I Лакапину, Константину Багрянородному и Роману II. Обрядъ Придворнаго устава, который заставляетъ насъ говорить объ этомъ дворцѣ и который изложенъ ниже, позволяетъ предполагать, что дворецъ Вона построенъ Константиномъ. Этотъ царь установилъ и выходъ или крестный ходъ изъ храма св. Апостоловъ во дворецъ Вона 21 мая, т.-е. въ день памяти своего патрона Константина Великаго и матери его св. Елены, въ честь которыхъ во дворцѣ Вона были построены евктірія и водружены были большіе и великолѣпные кресты. Къ сожалѣнію, никакихъ подробностей объ устройствѣ этого дворца и мѣстѣ евктіріевъ во дворцѣ мы не знаемъ. Извѣстно только изъ обряда 21 мая, что въ евктірій св. Константина былъ серебряный киворій надъ алтаремъ, что въ храмы свв. Константина и Елены входъ былъ со двора дворца и что евктірій

---

¹⁾ Codin. de signis, p. 52 и de aedific. p. 99 Bonn.; ср. Anonymi antiquit. y Banduri p. 44.

св. Константина примыкалъ къ какимъ-то ступенямъ, на которыхъ водружены были кресты.

Что обрядъ крестнаго хода въ день освященія евктиріевъ и, быть можетъ, дворца 21 мая былъ установленъ Константиномъ Багрянороднымъ, можно заключать изъ того обстоятельства, что въ этотъ день царь приѣзжалъ въ храмъ св. Апостоловъ для поклоненія мощамъ св. Константина и вмѣстѣ съ тѣмъ поклонялся праху своихъ ближайшихъ предковъ Льва VI и Василя Македонянина. Безъ всякаго сомнѣнія, если бы храмы были построены и обрядъ крестнаго хода въ память освященія ихъ (*ἐγκαινία*) былъ установленъ Романомъ II, сыномъ Константина, то царь совершалъ бы поклоненіе и праху своего отца, т.-е. Константина Багрянороднаго. Приписывать установленіе обряда съ поклоненіемъ первыхъ царей Македонской династіи Роману Лакапину также едва ли возможно, такъ какъ царь этотъ, желавшій, очевидно, на мѣсто Македонской поставить свою собственную династію, едва ли сталъ бы устанавливать обрядъ, въ которомъ первые цари Македонской династіи воспоминаются наравнѣ съ св. Константиномъ.

Выходы въ храмъ св. Апостоловъ, до замѣны ихъ при Львѣ VI Мудромъ выѣздами, начинались совершенно такъ же, какъ и выходы въ Халкопратійскій храмъ, т.-е. цари шли сначала по типу среднихъ выходовъ въ храмъ св. Софіи, откуда, послѣ поклоненія св. престолу въ алтарѣ, выходили чрезъ царскія двери и красныя врата и совершали крестный ходъ съ чинами своего синклита чрезъ Милій по Средней или Большой улицѣ до колонны и храма св. Константина на его форѣ. Съ прибытіемъ патріарха здѣсь совершалось краткое молебствіе, какъ и въ Богородичные праздники. Разница состояла только въ томъ, что тропари пѣлись другіе, соотвѣтствующіе празднику, въ который совершался выходъ. Такъ, въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли, при выходѣ царя изъ алтаря храма св. Софіи и далѣе во время шествія его по улицамъ и площадямъ пѣлся тропарь: «Христосъ воскресе» и пр. (I, 10, 74).

Точно также и въ другіе праздники, понятно, во время крестнаго хода чинами царскаго синклита и пѣвчими патріарха пѣлся тропарь, а равно и другія пѣснопѣнія, соотвѣтствующія празднику.

Кромѣ того, выходы въ храмъ св. Апостоловъ уже въ первой своей стадіи отличались отъ выходовъ въ вышеописанные Богородичные праздники цвѣтомъ облаченій царя и чиновъ, а равно и духовенства. Между тѣмъ какъ въ Богородичные праздники царь облачался въ пурпурный дивитисій и такую же хламиду, въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли

для выхода въ храмъ св. Апостоловъ онъ облачался въ бѣлые златотканые дивитисій и хламиду, соотвѣтствующіе свѣтлому празднику ¹⁾).

Подобно царю и чины синклита собирались для выхода въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли въ бѣлыхъ облаченіяхъ, причемъ высшіе чины какъ синклита, такъ и кувуклія облачались въ хламиды съ златоткаными нашивками (*χλαμῖδια χρυσόταβλα* I, 10, 71).

Въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ, а равно и въ праздникъ св. Апостоловъ царь ѣздилъ въ храмъ св. Апостоловъ въ золотистомъ скарамангіи, когда выходы были уже замѣнены выѣздами, но какого цвѣта были дивитисій и хламида, въ которые онъ облачался въ храмѣ, объ этомъ въ обрядахъ не сказано. Можно думать только, что эти одежды были не бѣлаго цвѣта, какъ въ нѣкоторые большіе Господніе праздники, а какого-нибудь оттѣнка пурпурнаго, какъ въ другіе второстепенные праздники (I, 37, 189).

Въ пурпурныхъ же дивитисіяхъ и хламидахъ цари, по всей вѣроятности, совершали и крестные ходы чрезъ св. Софію и площадь св. Константина до замѣны выходовъ выѣздами. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что цвѣтъ или оттѣнокъ пурпура дивитисія и хламиды были болѣе или менѣе различны, такъ что они ясно отличаются другъ отъ друга, какъ можно судить по цвѣтнымъ изображеніямъ царскихъ одеждъ на миниатюрахъ и иконахъ.

Не отличаясь, такимъ образомъ, отъ выходовъ въ Халкопратійскій храмъ ничѣмъ, кромѣ пѣснопѣній и цвѣта облаченій, до колонны и храма св. Константина, крестный ходъ отъ колонны и фора Константина получалъ совершенно другое направленіе. Между тѣмъ какъ въ Благовѣщеніе и Рождество Богородицы, царь съ своимъ синклитомъ, а

¹⁾ Относительно цвѣта облаченій въ разные праздники ср. мои *Byzantina*, II, 43 прим. Облаченія въ Богородичные праздники см. *Scrim.* I, 37, 189 и 191. Облаченіе для выхода въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли I, 10, 72, гдѣ сказано, что во дворцѣ Дафны, т.-е. въ Октагонѣ, близъ Августея, царь облачается вѣститорами въ *χλαμῖδια χρυσοφούρη λευκῆν*. Въ обрядѣ этомъ не только о цвѣтѣ дивитисія ничего не говорится, но и самый дивитисій вовсе не упоминается; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что царь совершалъ выходъ безъ дивитисія, въ одной хламидѣ. Какъ всѣ подобные выходы совершались царемъ въ парадномъ облаченіи, т.-е. въ дивитисіи и хламидѣ, такъ и выходъ въ храмъ св. Апостоловъ чрезъ св. Софію царь, безъ сомнѣнія, дѣлалъ въ этихъ парадныхъ облаченіяхъ, которыя онъ обыкновенно надѣвалъ во дворцѣ Дафны, дивитисій (вмѣсто скарамангія) въ китонѣ, а хламиду (вмѣсто плаща), въ Октагонѣ, см. мои *Byzantina*, II, 51 и 61. Дивитисій и хламида бывали обыкновенно парные, т.-е. бѣлые или цвѣтные, пурпурные, хотя и разныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, но въ извѣстной опредѣленной комбинаціи, соотвѣтствующей празднику. Относительно парности этихъ одеждъ см. особенно *Scrim.* I, 37, 189 слѣд., гдѣ постоянно упоминаются того или другого цвѣта *διβητήσια καὶ αἱ τοῦτων χλαμῖδες*, т.-е. соотвѣтствующія, парныя хламиды.

затѣмъ и патріархъ шли назадъ до дворца Лавза, во время выходовъ въ храмъ св. Апостоловъ они шли отъ фора Константина далѣе по Средней или Большой улицѣ, т.-е. продолжали идти на западъ по направленію къ Золотымъ воротамъ, но далеко не доходили до нихъ, такъ какъ на полпути поворачивали вправо, направляясь къ храму св. Апостоловъ, лежавшему вправо отъ Большой улицы, если идти по ней съ востока на западъ, отъ храма св. Софіи къ Золотымъ воротамъ.

Разставивши чиновъ синклита на форѣ Константина въ томъ порядкѣ, въ какомъ они должны были идти, церемоніарій съ зажженною свѣчею въ рукѣ, какъ и всѣ чины синклита, становился впереди и запѣвалъ тропарь праздника, который затѣмъ подхватывалъ и пѣлъ весь синклитъ. Царь, окруженный чинами кувуклія и своей военной свиты, шелъ съ молебственною свѣчею (τὸ λιτανίχιον) въ рукѣ за синклитомъ. Вся эта масса чиновъ, военныхъ и гражданскихъ, въ своихъ парадныхъ облаченіяхъ, медленно двигалась по Большой улицѣ, устланной благовонною зеленью и цвѣтами, мимо зданій, украшенныхъ дорогами матеріями и коврами, проходила черезъ Хлѣбный рынокъ и площадь Тавра и достигала безъ остановки до храма пресв. Богородицы Діакониссы, находившагося, какъ мы видѣли, между площадью Тавра и Филадельфіемъ.

Дойдя до этого храма, царь отдавалъ свою процессіональную свѣчу препозиту, бралъ у него, вѣроятно, малотаенную свѣчу и, быть можетъ, помолившись предъ храмомъ, бралъ опять процессіональную свѣчу ¹⁾, и вся

¹⁾ Текстъ I, 10, 75, стрк. 20—23, очевидно, испорченъ пропусками и требуетъ исправленія. § 4 гл. 10, въ которомъ идетъ рѣчь о шествіи царя отъ колонны Константина до храма св. Апостоловъ, начинается такъ: Κάκειθεν περιγεγόμενος ὑπὸ τῶν προερχομένων, διέρχεται (ὁ βασιλεὺς) τὴν μέσσην λιτανύων, τὸ δὲ τροπάριον ἐν τῇ τῆς λιτῆς περιόδῳ ἄρχεται ὁ τῆς καταστάσεως. Καὶ ἀνθῶν (ἀνθ' ὧν Reiske) τὴν μέσσην διέρχεται διὰ τε τῶν Ἀρτοπωλείων καὶ τοῦ Ταύρου, καταλαβὼν τὸν ναὸν τῆς παναγίας Θεοτόκου τῆς Διακονίσσης, ἐπιδίδωσι ὁ βασιλεὺς τὸ λιτανίχιον καὶ μέχρι τοῦ Φιλαδελφίου διελθὼν, ἐκκλίνας τὸ δεξιὸν μέρος καὶ διέρχεται διὰ τοῦ Ὀλιβρίου καὶ τῶν Κωνσταντινῶν μέχρι τοῦ ἁγίου Πολυεύχτου, ὁ παλλάξας δὲ κάκεισε κηρίον καὶ λαβὼν ἕτερον κηρίον... διέρχεται τὴν μέσσην τῶν ἁγίων Ἀποστόλων κτλ. Какъ Лейха, такъ и Reiske затрудняло слово ἀνθῶν и слѣдующія, потому какъ тотъ, такъ и другой старались исправить это мѣсто частью измѣненіемъ интерпункціи, частью замѣною чтенія ἀνθῶν посредствомъ ἀνθ' ὧν въ смыслѣ propterea, quando. Но эти поправки, на мой взглядъ, не только не выяснили мѣста, а напротивъ еще болѣе затемнили его, особенно интерпункція, которая принята въ изданіяхъ. Кромѣ этого мѣста, дальше слова: ἐπιδίδωσι ὁ βασιλεὺς τὸ λιτανίχιον указываютъ на пропускъ нѣсколькихъ словъ, такъ какъ, если царь отдаетъ свѣчу процессіонную, то очевидно, дѣлаетъ это для чего-нибудь. Далѣе слѣдующее указаніе, что царь и у храма св. Поліевкта перемѣняетъ свѣчу (ὁ παλλάξας κάκεισε) позволяетъ заключать, что и раньше онъ перемѣнялъ свѣчу, а гдѣ это было, на это указываетъ недоконченный періодъ ἐπιδίδωσι ὁ βασιλεὺς τὸ λιτανίχιον. Такъ какъ перемѣна свѣчъ и отдаваніе свѣчи, конечно препозиту, происходило предъ храмами, то можно думать, что царь дѣлалъ эту перемѣну свѣчъ не потому,

процессія двигалась дальше до Филадельфія, откуда она сворачивала направо и мимо Оливрія и Константиніанъ доходила до храма св. Поліевкта. Помолившись здѣсь и перемѣнивши опять свѣчу, царь шествовалъ по срединѣ улицы до храма св. Апостоловъ, входилъ чрезъ лутиръ въ нарѣикъ и садился тамъ на принесенное сюда царское кресло, дожидаясь прибытія патріарха съ духовенствомъ и народомъ, участвовавшимъ въ крестномъ ходѣ съ патріархомъ, который шелъ тѣмъ же, очевидно, путемъ, немного спустя послѣ царя и его синклита, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ.

Чрезъ нѣсколько времени подходилъ къ храму св. Апостоловъ и патріархъ съ крестнымъ ходомъ. Впереди патріарха шли пѣвчіе, низшій клиръ, горожане, участвовавшіе въ крестномъ ходѣ, затѣмъ высшіе духовные сановники и, наконецъ, самъ патріархъ съ ближайшими къ нему чинами клира. Публика и низшій клиръ проходили дверьми боковыми, направо отъ среднихъ, большихъ или царскихъ, въ храмъ, а пѣвчіе и высшіе духовные сановники: митрополиты, архіепископы и епископы входили въ храмъ средними или царскими дверьми. Проходя мимо царя, высшіе духовные сановники кланялись царю въ Пасхальную недѣлю и въ воскресные дни до колѣнъ, не падая ницъ, а въ другіе дни кланялись въ землю, причѣмъ царь сидѣлъ въ своемъ креслѣ и не вставалъ до приближенія самого патріарха съ евангеліемъ и несомымъ предъ нимъ крестомъ.

Съ приближеніемъ патріарха царь вставалъ, здоровался съ нимъ

что одна свѣча у него на пути сгорала и онъ бралъ другую, а потому, что ему нужно было вмѣсто процессіональной свѣчи (τὸ λειτουργικόν) взять свѣчу молитвенную, т.-е. такую, съ которой цари молились. Такой обмѣнъ свѣчъ встрѣчался у насъ уже не разъ и потому не долженъ удивлять насъ. Мы видѣли, что царь, дойдя со свѣчею до колонны Константина съ процессіональною свѣчею, для молебствія бралъ молитвенную свѣчу, которую онъ, послѣ молебствія опять отдавалъ, чтобы снова взять процессіональную свѣчу и продолжать съ нею крестный ходъ. То же было и во время выхода въ св. Софію въ Крестовоздвиженіе, когда царь сопровождалъ Честное Древо изъ патріаршихъ палатъ въ храмъ съ процессіональною свѣчею, а потомъ бралъ молитвенную свѣчу (ср. Byzantina, II, 241, гдѣ показана разница въ употребленіи этихъ сортовъ свѣчъ и приведенныхъ названій). Принимая во вниманіе, что цари во время богомольныхъ выходовъ, проходя мимо храмовъ, обыкновенно молились въ нихъ или передъ ними, примѣровъ чего можно найти довольно въ выходахъ царей въ св. Софію, изложенныхъ во II кн. Byzantina, можно предполагать, что и во время выхода въ храмъ св. Апостоловъ цари молились въ попутныхъ храмахъ или предъ ними, какъ царь молился въ Школахъ предъ храмомъ св. Апостоловъ, тамъ находившимся. Если это соображеніе вѣрно, то, значитъ, послѣ словъ ἐκείθεν ὁ β. τὸ λ. выпало довольно много словъ, въ которыхъ говорилось, что царь, отдавъ свѣчу препозиту, бралъ у него другую, молился, а потомъ, отдавъ молитвенную свѣчу, бралъ у него вновь процессіональную свѣчу, съ которой и шелъ далѣе.

и, послѣ обычнаго цѣлованія, шелъ съ правой стороны къ царскимъ дверямъ и затѣмъ совершался обычнымъ порядкомъ малый входъ, причемъ царь и патріархъ молились и проходили въ алтарь совершенно такъ, какъ въ св. Софіи и другихъ храмахъ. Такъ какъ мы имѣли уже случай познакомиться съ подробностями этого акта литургіи, то мы и не станемъ повторять ихъ еще разъ, а перейдемъ прямо къ тому, что слѣдовало за обычными дѣйствіями малаго входа ¹⁾).

Какъ мы видѣли, послѣ возложенія на св. престоль апокомвіа, который, понятно, приносился и въ храмъ св. Апостоловъ, царь кадилъ вокругъ св. престола и уходилъ изъ алтаря. Въ храмѣ св. Апостоловъ, до выхода изъ алтаря, царь сперва молился у гроба св. константинопольскихъ патріарховъ Іоанна Златоустаго и Григорія Богослова, мощи которыхъ находились въ алтарѣ храма св. Апостоловъ. Затѣмъ царь и патріархъ чрезъ лѣвую сторону алтаря выходили изъ него и шли въ восточный конецъ храма къ гробницѣ св. Константина и Елены. Помолившись здѣсь съ зажженными свѣчами въ рукахъ, они подходили къ мощамъ св. константинопольскихъ патріарховъ, боровшихся за иконопочитаніе, т.-е. Никифора и Меѳодія, гдѣ также зажигали свѣчи и молились. Наконецъ, царь и патріархъ подходили къ гробницамъ царей и царицъ, погребенныхъ здѣсь, и, зажегши свѣчи, молились у гробницъ царей, ближайшихъ предшественниковъ, предковъ или родственниковъ царствующаго императора, какъ это мы увидимъ ниже изъ обряда 21 мая.

Помолившись такимъ образомъ у гробницъ знаменитыхъ царей и патріарховъ, царь съ патріархомъ выходилъ изъ восточнаго конца храма, въ которомъ покоились всѣ эти мощи и который назывался именемъ св. Константина, и по лѣвой сторонѣ храма, т.-е. по гинэкониту, проходили назадъ по направленію къ западной сторонѣ храма. Дойдя до середины, царь и патріархъ останавливались противъ алтаря, раскланивались и расходились въ разныя стороны: патріархъ уходилъ въ алтарь совершать литургію, а царь проходилъ далѣе по гинэкониту къ нарѣнку и, выйдя чрезъ него въ лутирь, поворачивалъ налѣво, чтобы по лѣвой витой лѣстницѣ подняться въ катихуменіи. У дверей, ведущихъ къ этой лѣстницѣ изъ лутира, стояли высшіе чины синклита, церемоніарій съ силенціаріями и привѣтствовали царя обычнымъ многолѣтіемъ. Царь, предшествуемый и сопровождаемый высшими чинами кувуклія, спаарокандидатами, маглавитами и другими чинами своей свиты поднимался

---

¹⁾ Ср. Byzantina, II, 153 сл.

въ катихуменіи, причемъ завѣсы, висѣвшія въ катихуменіяхъ, поднимали силенціаріи. Царь проходилъ черезъ западныя, находившіяся надъ нарейкомъ, катихуменіи съ лѣваго, т.-е. сѣвернаго ихъ конца на правый и становился въ правой, т.-е. южной галлерей катихуменій, въ закрытомъ помѣщеніи, въ которомъ онъ всегда стоялъ, когда слушалъ литургію въ храмѣ св. Апостоловъ и которое представляло собою родъ мутаторія или параклитика.

Послѣ царя поднимались по той же витой лѣстницѣ въ катихуменіи высшіе чины синклита, привѣтствовавшіе царя у входа на лѣстницу, и становились въ западной галлерей катихуменій, гдѣ, противъ алтаря, т.-е. на срединѣ этой галлерей стоялъ царскій антиминосъ, на который ставились св. Дары, для причащенія царя и высшихъ чиновъ.

Когда по ходу литургіи приближалось время приобщенія св. таинъ, за патріархомъ посылались два силенціарія и патріархъ поднимался въ катихуменіи со св. Дарами, а затѣмъ приобщалъ царя и высшихъ сановниковъ и уходилъ съ катихуменій доканчивать литургію совершенно тѣмъ же порядкомъ, какъ было описано выше, при изложеніи выхода въ Халкопратійскій храмъ. Такъ какъ процедура приглашенія патріарха и приобщенія была вездѣ одинакова, то мы повторять ее не будемъ ни здѣсь, ни въ слѣдующихъ обрядахъ, хотя въ Придворномъ уставѣ она описана во всѣхъ обрядахъ съ бѣльшимъ или меньшимъ количествомъ подробностей ¹⁾).

Царь, простившись съ патріархомъ, послѣ приобщенія чиновъ, уходилъ въ свое мѣсто и достаивалъ литургію. Въ это же время, вѣроятно, устанавливался и утверждался царемъ списокъ чиновниковъ и сановниковъ, которые въ этотъ день приглашались обѣдать съ царемъ и патріархомъ ²⁾. По окончаніи литургіи царь выходилъ, въ

¹⁾ Ср. выше, 124.

²⁾ Когда царь слушалъ только евангеліе и слѣдующую затѣмъ ектенію въ храмѣ, въ который дѣлался богомольный выходъ или выѣздъ, списокъ приглашаемыхъ для завтрака или для обѣда съ царемъ представлялся для утвержденія царю главнымъ стольникомъ (*ὁ ἐπὶ τῆς τραπέζης*) и дежурнымъ атриклиномъ въ то время, когда царь, прослушавъ ектенію, сидѣлъ въ мутаторіи и дожидался окончанія литургіи. Такъ было, какъ мы видѣли, въ недѣлю Православія (*Byzantina*, II, 247). То же самое отмѣчено въ обрядахъ I, 19, 118 и I, 20, 121 (*μετὰ δὲ τὴν ἀπόλουσιν τῆς ἐκτενοῦς καθίζονται οἱ δεσπότες*) καὶ εἰσάγει ὁ τῆς τραπέζης μετὰ καὶ τῶν ἀτρικλινῶν τὸ κλητώριον καὶ σταθεῖ αὐτὸ ὁ μέγας βασιλεὺς, т.-е. послѣ окончанія ектеніи, цари садятся и стольникъ съ атриклинами приносятъ пригласительный списокъ, а царь утверждаетъ его). Составлялись списки съ соблюденіемъ ранга и очереди чиновъ атриклинами, что составляло, вмѣстѣ съ введеніемъ, съ разсаживаніемъ и выводомъ чиновъ, одну изъ главныхъ обязанностей ихъ, какъ говоритъ объ этомъ самъ атриклинь Филоеей въ своемъ клиторологіи (II, 52, 703, 740 слѣд. Ср. мои *Byzantina*, II, 181).

• Когда царь въ томъ или другомъ храмѣ слушалъ всю литургію и приобщался, записки клас. отд. Имп. Р. Арх. Овщ., т. IV.

сопровожденіи чиновъ кувуклія и своей военной свиты, чрезъ западную галлерю изъ катихуменій храма св. Апостоловъ внутренними переходами во дворець, находившійся близъ этого храма, и здѣсь въ китонѣ (покоѣ), соотвѣтствующемъ китонамъ Большого Дворца, дожидаясь прибытія патріарха, за которымъ посылались опять силенціаріи. Предъ входомъ во дворцовыя комнаты его встрѣчали высшіе чины кувуклія и доводили до того помѣщенія, въ которомъ онъ долженъ былъ дожидаться выхода царя. Когда патріархъ, приходившій сюда въ полномъ архіерейскомъ облаченіи съ нѣкоторыми чинами клира, посидитъ немного и отдохнетъ, препозитъ отправлялся къ царю и докладывалъ ему о прибытіи патріарха. Царь, приказавъ пригласить патріарха въ большую залу, гдѣ приготовленъ былъ столъ для царя съ патріархомъ и приглашенныхъ чиновъ и, накинувъ, при помощи бывшихъ при немъ чиновъ кувуклія, плащъ, выходилъ въ столовую, привѣтствовалъ его и цѣловался съ нимъ. Затѣмъ приглашались прибывшіе съ патріархомъ іереи, которые совершали предобѣденныя молитвы и пѣли соотвѣтствующія пѣснопѣнія, послѣ чего патріархъ благословлялъ трапезу и снималъ свой омофоръ, который и уносили іереи въ одну изъ ближайшихъ комнатъ. Царь, въ свою очередь, снималъ съ себя плащъ и садился съ патріархомъ за столъ, а чины кувуклія становились вокругъ стола. Царь и патріархъ выпивали по одной чашкѣ, сидя за столомъ одни въ присутствіи только чиновъ кувуклія, до входа не только «друзей», т.-е. приглашенныхъ къ обѣду сановниковъ, но и стольниковъ, т.-е. чиновъ, завѣдующихъ царскими обѣдами и прислуживавшихъ за столомъ.

Послѣ этого, по знаку царя и распоряженію препозита, сначала вводились чины, завѣдывавшіе царскимъ столомъ и прислуживавшіе за царскими обѣдами и завтраками ¹⁾. Когда они занимали свои мѣста и

то утвержденіе и установленіе списка едва ли могло происходить послѣ евангелія, такъ какъ царь долженъ былъ слушать предъ причащеніемъ всю литургію, а всего удобнѣе могло быть послѣ приобщенія св. таинъ, когда царь дожидаясь, пока патріархъ приобщалъ чиновъ синклита, или, по уходѣ патріарха съ св. дарами, до окончанія литургіи, если приглашеніе не произволилось до обѣдни, когда дары, прибывъ въ извѣстный храмъ, сидѣли въ храмѣ въ ожиданіи прибытія патріарха.

¹⁾ Не входя въ подробности ввода чиновъ и порядковъ, соблюдавшихся при царскихъ обѣдахъ и завтракахъ, что потребовало бы много времени и мѣста, я считаю необходимымъ изложить здѣсь эти порядки въ томъ только объемѣ, въ которомъ они обыкновенно описываются въ обрядахъ богомольныхъ выходовъ. Кромѣ занимающаго насъ обряда выхода въ храмъ св. Апостоловъ (I, 10, 79), изложенный въ текстѣ порядковъ съ опущеніемъ или упоминаніемъ тѣхъ или другихъ подробностей описывается въ Вознесенскомъ обрядѣ I, 18, 113 (кратко), въ обрядѣ Преполовенія

разставивались въ соотвѣтствующемъ порядкѣ, по новому знаку царя, установленнымъ порядкомъ вводились «друзья», т.-е. сановники и чиновники, заранѣе приглашенные къ столу по утвержденному царемъ списку.

Вводъ чиновъ производился подобно тому, какъ вводились сановники и чиновники всего синклита для торжественныхъ засѣданій и приемовъ, но при вводѣ въ столовую для завтраковъ и обѣдовъ фигурировали столъники. Въмѣсто остіарія, ходившаго за разными отдѣлами чиновъ для ввода въ Золотую руку во время большихъ выходовъ въ храмъ св. Софіи, здѣсь фигурируетъ столъникъ (*ὁ τῆς τραπέζης*), который, подобно остіарію, когда чины дойдутъ до завѣсы входной двери, становится предъ завѣсою и, по знаку царя и препозита, толкаетъ ее рукою, давая этимъ знать енгистіаріямъ (или силенціаріямъ); стоявшимъ за завѣсою, что пора поднять или раздвинуть завѣсу и впустить «друзей» или тотъ или другой отдѣлъ чиновъ въ залу, гдѣ были приготовлены столы и гдѣ сидѣлъ царь съ патріархомъ ¹⁾.

Когда друзья входили и занимали свои мѣста за столами, по указанію атриклиновъ, руководствовавшихся рангомъ должностей и чиновъ, начинался обѣдъ съ соблюденіемъ принятаго чина и порядка. По окончаніи обѣда, «друзья» выводились такимъ же порядкомъ, какъ и входили, причѣмъ шли къ выходнымъ дверямъ задомъ, лицомъ къ

(I, 17, 104), въ Срѣтенскомъ (I, 27, 153), въ обрядѣ недѣли Православія (I, 28, 160). А такъ какъ въ этихъ случаяхъ соблюдались такіе же порядки, какъ и вообще при завтракахъ и обѣдахъ съ участіемъ патріарха, то для уясненія нѣкоторыхъ подробностей сюда могутъ быть привлечены обряды царскихъ обѣдовъ съ патріархомъ въ Хрисотриклинѣ и палатѣ XIX аккувитовъ, дававшихся патріарху и духовенству въ Крещеніе и четвергъ Пасхальной недѣли (I, 14, 95 и I, 26, 146—147). По всѣмъ этимъ обрядамъ, до ввода чиновъ, завѣдывавшихъ царскимъ столомъ (*οἱ τῆς ὑποουρίας*), когда въ столовой находились только цари съ патріархомъ, окруженные чинами кувуклія, стоявшими вокругъ стола, кувуклярія вносили двѣ чаши или бокала, изъ которыхъ цари пили по разу (*εἰσενεγκάντων δὲ τῶν κουβικουλαρίων τὰ κουκουμάρια, πίνουσι πρὸς ἀπαξ, τῇ γὰρ τίσει ταύτῃ εἰσέρχονται τὰ κουκουμάρια διὰ τῶν κουβικουλαρίων, ἡνίκα ὁ βασιλεὺς μετὰ τοῦ πατριάρχου ἀριστᾷ*, I, 14, 95). Бокалы или чаши называются *κουκουμάρια* отъ *сисума*, котель, каковое названіе указываетъ на форму ихъ, т.-е. что они походили на маленькіе котелки или низкіе стаканчики съ закругленнымъ дномъ. Ср. Reiske, Comment. ad Cerim. p. 201.

¹⁾ Относительно ввода чиновъ по βῆλα см. мои *Byzantina*, II, 202 сл. Вводъ въ столовую подробнѣе всего описанъ I, 14, 95 и I, 10, 70. Для завтраковъ въ храмахъ за завѣсами стоятъ чины, состояшіе при царскомъ столѣ, такъ называемые енгистіаріи (*οἱ ἐγγιστάριοι*), а въ Хрисотриклинѣ въ теченіе всей Пасхальной недѣли поднимали завѣсу силенціаріи. Порядокъ ввода чиновъ, обѣда и вывода чиновъ указанъ также атриклиномъ Филоеемъ въ его клиторологіи (Cerim. II, 52, 742 слѣд., 766 слѣд.). Относительно обѣда въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли въ большой залѣ дворца у храма св. Апостоловъ см. II, 52, 769, гдѣ перечислены чины, приглашавшіеся въ этотъ день къ обѣду. Ср. 773.

царю. Царь и патриархъ оставались съ кувукліемъ и чинами стола; по знаку препозита, бравшаго знакъ отъ царя, чины стола выходили, и въ столовой оставались только чины кувуклія съ царемъ, какъ предъ обѣдомъ. Царь и патриархъ снова пили по разу изъ чашъ и вставали изъ-за стола. Царю подавали и накидывали плащъ, а патриарху іерен приносили омофоръ и, надѣвши его на патриарха, совершали молитву. Патриархъ, по обыкновению, давалъ царю просфоры и флакончики съ освященнымъ благовоннымъ масломъ. Іерои, приглашенные для надѣванія омофора и совершенія послѣобѣденной молитвы, выходили, и патриархъ, раскланявшись съ царемъ и поцѣловавшись, уходилъ тѣмъ же путемъ, какимъ пришелъ въ обѣденную залу, въ катихуменіи, а оттуда спускался въ храмъ. При этомъ возвращеніи его до катихуменіи сопровождаютъ его и поддерживаютъ высшіе чины кувуклія, а дальше до самаго храма силенціаріи, которые ходили его приглашать и сопровождали его па пути къ царю.

Царь, простившись съ патриархомъ, уходилъ въ китонъ, отдыхалъ немного, потомъ переоблачался для возвратнаго пути въ Большой дворецъ. Такъ какъ возвращался царь уже не пѣшкомъ съ крестнымъ ходомъ, а верхомъ на парадно убранной лошади въ сопровожденіи чиновъ и партій Ипподрома, словомъ, съ полнымъ парадомъ (ἐμπραττος), то онъ переоблачался также въ парадныя одежды, но такія, въ которыхъ онъ обыкновенно совершалъ торжественныя выѣзды и въѣзды. Все торжественное шествіе отъ дворца Дафны, гдѣ, предъ выходомъ въ св. Софію, царь облачался въ дивитисій и хламиду, онъ совершалъ въ этихъ длинныхъ и неудобныхъ для верховой ѣзды одеждахъ. Послѣ обѣдни въ китонѣ или, быть можетъ, въ параклитикѣ, онъ снималъ хламиду и для переходовъ изъ параклитика въ китонъ, а изъ него въ столовую накидывалъ только плащъ, оставаясь, однако же, все время въ дивитисіи ¹⁾. Такъ какъ дивитисій, длинный и довольно

---

¹⁾ Шелъ ли царь изъ того помѣщенія, въ которомъ онъ слушалъ литургію, въ столовую въ хламидѣ или плащѣ, въ обрядѣ Пасхальнаго поведѣльника не указано. На основаніи другихъ обрядовъ сказать точно и опредѣленно также нельзя, такъ какъ это зависѣло отъ того, проходилъ ли царь какими-нибудь переходами, невидимо для чиновъ синклита, стоявшихъ въ катихуменіяхъ, или шелъ мимо ихъ. Если онъ проходилъ скрытыми переходами, какъ это часто бывало въ Большомъ Дворцѣ, предъ и послѣ выходовъ и пріемовъ, то онъ обыкновенно довольствовался плащемъ; если же ему нужно было проходить открытыми путями, мимо чиновъ синклита и среди ихъ, то онъ шелъ въ полной парадной формѣ (ἡλλυμένος), т. е. въ хламидѣ и дивитисіи до китона предъ столовой залой или до этой залы, гдѣ уже и снималъ хламиду, оставаясь въ одномъ дивитисіи до прибытія патриарха, для встрѣчи котораго на царя обыкновенно накидывали плащъ, снимавшійся обыкновенно предъ

узкій въ подолѣ безполый хитонъ, сдѣланный изъ разшитой роскошной и тяжелой матеріи, для ѣзды верхомъ былъ совсѣмъ неудобенъ, то царь замѣнялъ его болѣе удобнымъ, какъ по своему покрою, такъ и по матеріи, хотя также роскошно отдѣланнымъ и украшеннымъ скарамангіемъ, въ которомъ обыкновенно совершались выѣзды царя въ городъ и который, смотря по торжественности случая, былъ различно отдѣланъ и украшенъ. вмѣсто скарамангія царь надѣвалъ иногда для выѣздовъ и въѣздовъ верхомъ и другіе хитоны. Въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли, какъ отмѣчено въ обрядѣ, для возвращенія верхомъ, вмѣсто дивитисія, онъ надѣвалъ пурпурный коловіи, т.-е. хитонъ съ короткими рукавами, разшитый золотыми трубочками или валиками, а по краямъ обшитый жемчугомъ и драгоценными камнями. Коловіи этотъ назывался «гроздомъ» (βότρυς ¹).

Сверхъ коловія на царя надѣвали поясной мечъ, обдѣланный въ золото и украшенный драгоценными камнями и жемчугомъ въ такихъ же ножнахъ. Такого рода мечи (σπαθία) довольно часто встрѣчаются на памятникахъ искусства, на которыхъ изображаются или императоры въ военныхъ костюмахъ и съ мечами, или царскіе тѣлохранители, оруженосцы, несущіе парадные царскіе мечи за царемъ. Царское облаченіе для параднаго отъѣзда довершалъ препозитъ, возлагавшій на честную главу царя тіару, которая называется также туфою или даже тогою и отличается какъ отъ діадимы собственно, такъ и отъ парадной царской короны въ тѣсномъ смыслѣ, хотя и представляетъ собою также парадный головной покровъ ²). Насколько можно су-

---

объдомъ, какъ изложено у меня въ текстѣ. Объ этихъ переоблаченіяхъ я имѣлъ случай говорить въ статьѣ „Облаченіе императора на Керченскомъ щитѣ“, помѣщенной въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1893, октябрь и отдѣльно изданной (Спб. 1893, 30 слѣд.), гдѣ указаны и относящіяся сюда мѣста изъ Придворнаго устава. Въ дальнѣйшемъ изложеніи выходовъ мы встрѣтимъ еще и отмѣтимъ подобные случаи.

¹) Относительно надѣванія скарамангія, вмѣсто дивитисія, для ѣзды верхомъ сказано въ сей часъ названной статьѣ моей „Облаченіе императора на Керченскомъ щитѣ“, 26 слѣд. Такъ какъ при изложеніи обрядовъ выходовъ и выѣздовъ въ храмы мы встрѣтимся не разъ съ подобными фактами переоблаченія въ скарамангіи для ѣзды верхомъ, то приводитъ эти факты нѣтъ необходимости. Ср. мои *Byzantina*, II, 7—8 примѣч. Употребленіе въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли для отъѣзда во дворецъ именно коловія отмѣчено, какъ въ обрядѣ этого праздника (I, 10, 80: *κολώβιον τριβλάτιον χρυσοσωληνοκένητον, διά λίθων καὶ μαργάρων ἡμφιεσμένον, ὃ καὶ βότρυς καλεῖται*), такъ и въ перечнѣ парадныхъ царскихъ облаченій, употреблявшихся во время праздниковъ (I, 37, 188: *τὰ κολώβια ἤγουν τοὺς κρούς*).

²) Тіара, какъ извѣстно, означаетъ головную повязку, которая дѣлалась, какъ изъ мягкой, такъ и твердой матеріи; въ послѣднемъ случаѣ она могла быть довольно высокая и походила на высокую шапку, расширяющуюся къ верху или прямую. По-

дять по обрядамъ Придворнаго устава, памятникамъ и свидѣтельствамъ средневѣковыхъ писателей, тіара или туфа надѣвалась царями для торжественныхъ вѣздовъ послѣ одержанныхъ надъ непріателемъ побѣдъ, а потомъ и вообще для парадныхъ вѣздовъ верхомъ по городу, которые по облаченію царя и обстановкѣ всего поѣзда походили на торжественные вѣзды.

Въ такомъ нарядѣ царь изъ покоевъ дворца, прилегавшаго къ храму св. Апостоловъ, выходилъ въ сопровожденіи чиновъ кувуклія въ катихуменіи надъ нарѣикомъ, причемъ находившіяся тутъ завѣсы поднимали кувукуляріи, и направлялся къ лѣвой витой лѣстницѣ, той самой, по которой онъ предъ литургією поднялся въ катихуменіи. Когда царь спускался по этой лѣстницѣ и выходилъ въ лутирь или дворъ храма св. Апостоловъ, его привѣтствовали собравшіеся у входа на лѣстницу (*ὁ κοχλίας*) чины синклита обычнымъ многолѣтіемъ: «на многіе и добрые годы да продлитъ Богъ святое (или твое) царство-

томъ тіарами стали называться именно такія шапки, по своей формѣ походившія на персидскія и затѣмъ турецкія. Украшенныя плюмажемъ или султаномъ (*τοῦζ* или *τοῦζα* отъ перс. *tog* или *tug*), такія шапки назывались тогами или туфами. Образцомъ такой шапки можетъ служить шапка конной статуи Юстиніана I, поставленной имъ на площади Августеонѣ, въ память побѣдъ надъ персами и описанная много разъ, въ томъ числѣ и у Прокопія Кесарійскаго. По случаю паденія этой шапки при Теофилѣ, говоря о ней, хронисты называютъ ее именно туфою (*Sim. Mag. в Theorh. contin. p. 645 ed. Bonn. и Geogr. Mon. p. 808*) и такимъ образомъ даютъ понятіе, какія шапки назывались туфами или тогами. Съ этимъ совершенно согласны описанія туфы или тіары, которыя мы находимъ у Зонары и Цецы. По свидѣтельству перваго (*lib. XVII, с. IX, ed. Dindorf vol. IV, p. 123*), Василиій II Болгаробойца, послѣ покоренія Болгаріи, совершилъ триумфальный вѣздъ въ Константинополь, увѣнчанный высокой тіарой которую простой народъ называетъ туфою (*τιάρα ταινωθεία, ὀρθία, ἦν τοῦζα καλεῖ ὁ δημόδης καὶ πολλοὶ ἀνθρώποι*). Цеца (*Chil. 8, 184*) говоритъ, что тіара, персидскій головной уборъ, возлагалась на голову византійскими царями послѣ побѣдъ (т.-е. во время триумфальныхъ вѣздовъ) и называлась также туфою, причемъ, какъ на образецъ ея, указываетъ на головной уборъ Юстиніановой статуи. Подтвержденіемъ этого свидѣтельства Цецы, кромѣ сейчасть указаннаго примѣра, т.-е. вѣзда Василија II, можетъ служить обрядъ триумфальнаго вѣзда царя Теофила послѣ побѣдоноснаго похода на сарацинъ (*Serim. append. ad lib. I, 505*). Теофилъ совершилъ вѣздъ, также *βαλὼν τὴν τιάρην ἐπὶ τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ*. Хотя статуя Юстиніана и колонна, на которой она стояла, давно уничтожены, но по счастливой случайности сохранился рисунокъ этой статуи, сдѣланный въ 1340 году, найденный Детьеромъ (*Déthier*) въ библиотекѣ Серала въ 1864 г. и сообщенный Эллианскому филологическому обществу въ Константинополь (см. труды этого общества, II, 103). Послѣ этого рисунокъ былъ воспроизведенъ нѣсколько разъ и между прочимъ въ № 8 „Матеріаловъ по археологіи Россіи, издаваемыхъ Императорскою Археологическою Коммиссією въ изслѣдованіи проф. Покровскаго о Керченскомъ щитѣ. Еще лучше рисунокъ воспроизведенъ въ *Esquisse topographique de Constantinople Mordtmann's, Lille, 1892, 65* (см. у насъ рис. 24). Относительно *τοῦζα* или *τιάρα* см. *Ducange, Gloss. Gr. et. lat. s. v. Reiske, Comment. ad Serim. p. 591*.

ваніе!», какъ привѣтствовали они его здѣсь, когда царь поднимался въ катихуменіи предъ литургією. Но теперь высшіе чины синклита были

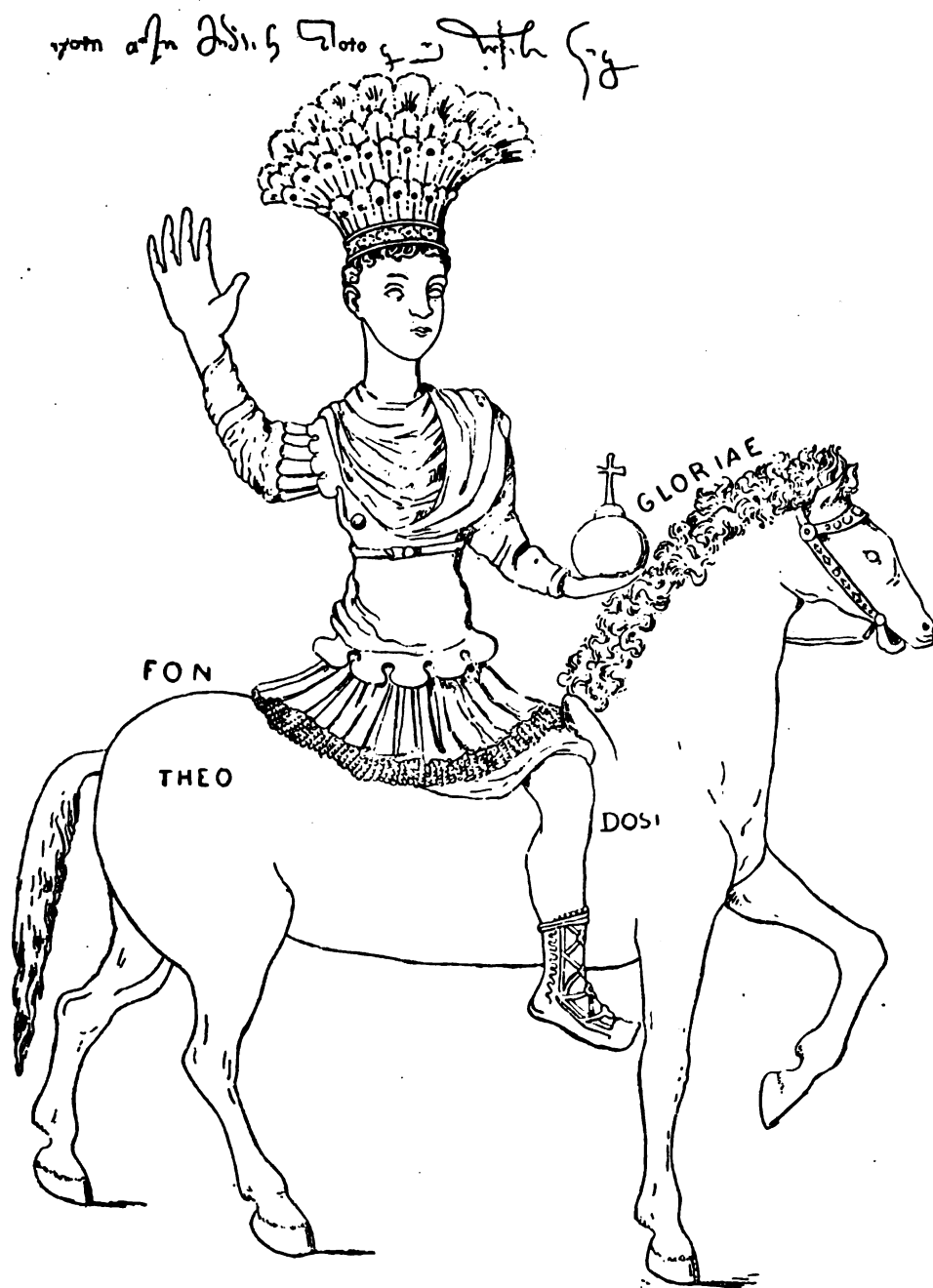

Рис. 24. Конная статуя Юстиніана по рисунку XIV в.

уже не въ хламидахъ, въ которыхъ они совершали крестный ходъ и слушали литургію, а въ пурпурныхъ плащахъ, какъ высшіе чины ку-

вуклія и нѣкоторые другіе чиновники, которымъ предстояло сопровождать царя верхомъ и пѣшкомъ. Въ то время, когда переоблачался царь, переодѣвались и чины въ свои пурпурные плащи ¹⁾).

Окруженный чинами кувуклія, синклитомъ и тѣлохранителями царь, сойдя съ лѣстницы, проходилъ черезъ дворъ или лутирь къ двери со двора храма на улицу, гдѣ стояли верховыя лошади въ парадной сбруѣ для царя и сопровождавшихъ его верхами чиновъ. Верховой конь царя, какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, былъ, по всей вѣроятности, бѣлой масти. Вся сбруя коня, т.-е. узда, сѣдло, и служащія частью для укрѣпленія сѣдла, частью для украшенія коня, ремни, между прочимъ, шейные, унизаны были жемчугомъ, драгоценными камнями и золотыми и эмалевыми бляхами ²⁾). На хвостъ и на ноги коня, кромѣ того, надѣвались перевязи изъ широкой ленты или ремни съ висащими концами. Словомъ, царскій конь для торжественнаго отъѣзда убирался такъ, какъ убраны кони на дошедшихъ до насъ, хоть и немногочисленныхъ памятникахъ, византійскаго искусства, на которыхъ изображаются торжественные, парадные выѣзды и триумфальные въѣзды

¹⁾ Плащи эти называются *σαῖτα ἀληθινά* (I, 10, 88—89), т.-е. пурпурные (см. Du Cange Gloss. gr. s. v. и Gloss. latin. s. v. Alithinus). 'Αληθινός собственно значить истинный, настоящій=лат. *verus*, каковое слово также употребляется въ значеніи „настоящаго пурпурнаго“. Такъ какъ *πορφύρα ἀληθινή* противопоставляется *τῇ ἐξήτητῃ, pallidae*, то, по словамъ Reiske (Comment ad Cerim. p. 189), *apparet hinc ἀληθινόν, et verum proprie splendidum, splendore ardens et oculos feriens notare*. Если это соображеніе вѣрно, то чины надѣвали въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли свѣтло-красные плащи, чтò подходитъ къ свѣтлому празднику, когда облачались вообще въ свѣтлыя одежды.

²⁾ Относительно убранства коня царскаго, см. I, 10, 80—81: *ὁ δὲ ἵππος ἐστρωται σελλογαλίνου χρυσοῦν διαλίθου, ἡμφιεσμένον ἀπὸ μαργάρων, ἐν δὲ τῇ οὐρᾷ τοῦ αὐτοῦ ἵππου καὶ τοῖς τέσσαρσι ποσὶν ἀποκρέμανται πέτασοι πράνδιοι*. Ср. I, 17, 99 и 105: *ἵππῳ δὲ βασιλεὺς ἐφ' ἵππῳ ἐστρωμένῳ ἀπὸ σελλογαλίνου χρυσοῦ διαλίθου χειμευτοῦ, ἡμφιεσμένου ἀπὸ μαργάρων*. 'Εν δὲ τοῖς τέσσαρσι ποσὶ τοῦ αὐτοῦ ἵππου καὶ τῇ οὐρᾷ πράνδιοι πέτασοι ἀποκρέμανται. Такая парадная сбруя называется *τὸ χιῶμα*, мн. ч. *τὰ χιῶματα* и потому въ обрядахъ Придворнаго устава для краткости иногда говорится, что цари ѣдутъ *ἐν ἵπποις ἐστρωμένοις χιῶμασι διαλίθοις* или *σὺν χιῶματι διαλίθῳ* (append. ad Cerim. libr. I, p. 500 и 505. Ср. I, 37, 188 190 и 191; I, 43, 268). По словамъ Кодина, de offic. c. XVII, p. 97 *χιῶματα* назывались ремни или ленты, унизанные жемчугомъ и драгоценными камнями и надѣвавшіяся коню на шею и на спину сзади сѣдла. Дальнѣйшія подробности о *χιῶμα*, см. въ моей статьѣ: „Облаченіе императора на Керченскомъ шитѣ“, 20—24, гдѣ приведены мнѣнія Рейске и Дюканжа объ этомъ предметѣ.

Πράνδιον (у Константина Багрянороднаго въ Придворномъ уставѣ *πράνδιος*)=*brandeum, fascia, vitta*=лента, а *πέτασος*, означаетъ въ классич. языкѣ съ широкими полями шляпу, а затѣмъ широкую крышку вообще, но въ нашемъ мѣстѣ *πέτασος*, очевидно, употребляется уже въ качествѣ прилагательнаго и означаетъ „широкій“. Дѣйствительно эти ленты довольно широки, такъ что до нѣкоторой степени походили на короткіе чулки или гамашы и потому во время Кодина назывались *τοῦβια*=*tibialia*, собств. *tubae*.

царей. Сюда, между прочимъ, принадлежит золотая булла Балдина II, на которую Дюканжъ указываетъ, какъ на образецъ изображенія парадно убраннаго царскаго коня (рис. 25). Еще лучшимъ образцомъ и, притомъ, болѣе близкимъ ко времени составленія Придворнаго устава можетъ служить бамбергская ткань (рис. 26), на которой изображенъ побѣдоносный царь на конѣ, убранномъ согласно съ вышеприведеннымъ описаніемъ парадной сбруи, въ моментъ вѣзда въ городъ послѣ удачнаго похода противъ непріятеля ¹⁾.

Верховыя лошади, назначенныя для высшихъ чиновъ кувуклія и синклита, были также не въ простой обычной сбруѣ, а накрыты парадными попонами ²⁾.

Сѣвши за воротами двора св. Апостоловъ на убранныхъ такимъ образомъ коней, чины синклита въ обычномъ порядкѣ, т. - е. младшіе впереди, выстраивались, по всей вѣроятности, въ два ряда и ѣхали впереди царя; за ними слѣдовали высшіе чины кувуклія также верхами, а за ними уже самъ царь. По сторонамъ и спереди эту процессію окружала конная и пѣшая гвардія: съ той и другой стороны чиновъ синклита ѣхали также на парадно убранныхъ въ попоны коняхъ спаэаріи и спаэарокандидаты, препоясанные мечами, съ сѣкирами и щитами въ рукахъ, причемъ спаэарокандидаты, какъ одѣтые въ полную

---

¹⁾ Золотая булла Балдуина II воспроизведена Дюканжемъ въ началѣ It. ego Gloss. Gr. и въ Familiae Byzantinae, p. 176 ed. Venet. [Нашъ рисунокъ взятъ у Sabatier, Iconographie de cinq mille médailles, St. Pétersbourg, 1847, pl. XXIV, 15 supplémentaire]. Рисунокъ бамбергской ткани данъ Шлумбергеромъ въ его богато иллюстрированной книгѣ о Никифорѣ Фокѣ (Un empereur Byzantin, Paris, 1890, 365). [Нашъ рисунокъ, какъ и рисунокъ въ книгѣ Шлумбергера, взятъ у Cahier et Martin, Mélanges d'archéologie, II (Paris, 1851), табл XXXIV]. Сюда же можно отнести и Керченскій щитъ, найденный въ 1891 г., роскошный хромолитографированный рисунокъ котораго приложенъ къ изслѣдованіямъ о немъ Стржиговскаго и Н. В. Покровскаго въ № 8 Матеріаловъ по археологіи Россіи. Съ него сдѣланъ литографированный снимокъ, приложенный къ отдѣльнымъ оттикамъ моей вышеназванной статьи [нашъ рис. 27 исполненъ по специально исполненному для настоящаго изданія фотографическому снимку съ оригинала, хранящагося въ средневѣковомъ отдѣленіи Императорскаго Эрмитажа].

²⁾ Коня чиновъ кувуклія и синклита называются ἐστολισμένοι ὑπὸ κατάρρακτων. Κατάρρακτος; уже у древнихъ писателей означаетъ покрытый панциремъ (ἢ κατάρρακτος ἵππος конница въ панцряхъ); у средневѣковыхъ писателей τὸ κατάρρακτος означаетъ панцирь для людей и лошадей (Du Cange, Gl. Gr. s. v.). Какого рода панцирные покрывки или попоны надѣвались на коней для праздничныхъ выѣздовъ чиновъ, сказать опредѣленно, за неимѣніемъ болѣе обстоятельныхъ описаній, трудно; но можно думать, что эти панцирные покрывки были болѣе или менѣе похожи на тѣ, которыя мы видимъ на коняхъ, на которыхъ ѣдутъ всадники при триумфальномъ вѣздѣ Θεοδοσία въ Константинополь послѣ побѣдоносныхъ походовъ на скиевъ (у Vanduri, tab. VI и X).

парадную форму, имѣли на себѣ цѣпи или гривны. Чиновъ кувукля окружали съ обѣихъ сторонъ также конные спаэарокувикуляріи въ присвоенныхъ имъ хитонахъ съ мечами и сѣкирами въ рукахъ. Кромѣ того, съ той и другой стороны шли пѣшкомъ въ соответствующемъ порядкѣ разные чины гвардіи въ парадной формѣ: кандидаты, скривоны, царскіе мандиторы, курсоры, деканы и другіе.

Рядомъ съ царемъ шли пѣшкомъ съ одной стороны протостраторъ, а съ другой—конюшенный комитъ (*κόμης τοῦ σταύλου*), а рядомъ съ ними, съ той и другой стороны, шли страторы, со щитами, держа въ рукахъ пальмовыя вѣтви.

Рис. 25. Золотая булла Балдуина II.

Сзади царя ѣхали на парадно убранныхъ коняхъ въ парадной формѣ, препоясанные мечами и съ сѣкирами на плечахъ (*σπαδοβάχλια*) протоспаэаріи евнухи, которые обыкновенно въ торжественныхъ выходахъ стоятъ позади царя. За ними ѣхалъ въ пурпурномъ плащѣ на парадномъ конѣ логоееть дрома, за которымъ слѣдовали протоспаэаріи бородатые, одѣтые и вооруженные такъ же, какъ и протоспаэаріи евнухи, и конные кувукляріи.

Поѣздъ замыкали друнгарій виглы или числа и подчиненные ему офицеры числа и гвардейскихъ отрядовъ, а равно и не шедшіе впереди царя маглавиты и другіе чины царской военной свиты. Всѣ эти чины ѣхали на нѣкоторомъ разстояніи отъ кувукляріевъ и протоспаэаріевъ, ѣхавшихъ за царемъ. Сзади всѣхъ ѣхалъ намѣстникъ числа и сдерживалъ толпу, шедшую за царскимъ поѣздомъ, чтобы она шла на нѣкоторомъ разстояніи отъ поѣзда и не смѣшивалась съ нимъ ¹⁾.

¹⁾ Описание царскаго поѣзда, данное въ текстѣ, основано, главнымъ образомъ, на орядѣ Пасхальнаго понедѣльника (I, 10, 81—82); но такъ какъ всѣ подобныя выѣзды дѣлались по одному установленному порядку, то нѣкоторыя подробности

Всю эту массу чиновъ, военныхъ и гражданскихъ, разстанивали и затѣмъ руководилъ всѣмъ поѣздомъ церемоніарій, который становился и шелъ во главѣ процессіи въ пурпурномъ плащѣ, предшествуемый четырьмя силеціаріями, державшими въ рукахъ золотые жезлы.

Направляемый церемоніаріемъ торжественный царскій поѣздъ медленно двигался, сопровождаемый народомъ, по тѣмъ самымъ улицамъ и площадямъ, по которымъ царь шелъ съ крестнымъ ходомъ предъ литургіею и которыя были убраны и усѣяны душистою зеленью и цвѣтами, по распоряженію ипарха.

Рис. 26. Бамбергская ткань.

Торжественность и великолѣпіе царскаго поѣзда въ значительной степени увеличивались еще тѣмъ, что чрезъ извѣстные промежутки на всемъ пути его встрѣчали димы Ипподрома, привѣтствовали и сопро-

---

взяты изъ другихъ обрядовъ, особенно I, 17, 99, гдѣ, хотя перечень короче, указаны нѣкоторыя подробности, опущенныя въ I, 10, 81. Ср. также I, 30, 167.

Въ качествѣ участниковъ поѣзда мною названы только тѣ военные и гражданскіе чины, которые упомянуты въ обрядѣ I, 10, но, конечно, этотъ перечень далеко не полонъ. Въ поѣздѣ, безъ сомнѣнія, участвовали всѣ наличные чины синклита, царской военной свиты, кувуклія и гвардейскихъ отрядовъ, такъ что полный перечень ихъ, насколько названія ихъ намъ извѣстны изъ одного клиторологія Филоея, занялъ бы цѣлыя страницы.

вождали своими пѣснопѣніями и славословіями, такъ что и на возвратномъ пути улицы и площади, по которымъ двигался поѣздъ, оглашались праздничными пѣснопѣніями, многолѣтіями и возгласами, подобно тому, какъ крестный ходъ предъ литургіей сопровождался пѣніемъ соотвѣтствующихъ церковныхъ пѣснопѣній и тропарей.

Первая встрѣча происходила у мраморныхъ львовъ. Здѣсь стоялъ зарѣчный димъ венетовъ съ своими пѣвчими и начальниками, во главѣ которыхъ находился димократъ венетовъ, т.-е. domestikъ школь. Когда царскій поѣздъ приближался къ мѣсту первой встрѣчи, церемоніарій бралъ domestика школь за руку и подводилъ къ подъѣзжавшему царю, который, доѣхавъ до мѣста пріема, останавливался. Domestikъ, поклонившись и поцѣловавъ ногу царя, подавалъ ему, обернувъ, конечно, руку хламидою, книжечку или свитокъ съ поздравительными и хвалебными стихами, по своему содержанію соотвѣтствующими тому празднику, въ который совершался выѣздъ.

Царь принималъ ливелларій и передавалъ его комиту ставла, а димократъ венетовъ, т.-е. domestikъ школь, отойдя на свое прежнее мѣсто къ своему диму, осѣнялъ царя крестнымъ знаменіемъ въ то время, какъ димъ пѣлъ славословія царю и возглашалъ привѣтствія, которыя, какъ и весь пріемъ, были почти тождественны съ таковыми же дѣйствіями димократа и дима при встрѣчахъ царя на пути въ храмъ св. Софіи и обратно.

Какъ при первой встрѣчѣ на пути въ храмъ св. Софіи, димократъ венетовъ подавалъ, послѣ поклоненія, царю ливелларій, такъ и здѣсь, при первой же встрѣчѣ, онъ тѣмъ же порядкомъ дѣлалъ это. Только тамъ царь отдавалъ ливелларій препозиту, а здѣсь, во время верховой ѣзды, онъ отдавалъ его шедшему рядомъ комиту ставла ¹⁾).

Привѣтствія димовъ при возвращеніи верхомъ изъ храма св. Апостоловъ, какъ и изъ другихъ храмовъ, бывали почти такіе же, какъ при возвращеніи изъ храма св. Софіи. Какъ тамъ венеты привѣтствовали царей словами: «добро пожаловали», такъ и здѣсь у мраморныхъ львовъ запѣвалы загородняго дима венетовъ возглашали: «добро пожаловало божественное царство», а народъ восклицалъ трижды: «добро пожаловать» (или пожаловали, смотря по тому, сколько было царей, одинъ или нѣсколько) ²⁾. Затѣмъ слѣдовали обычныя славословія и многолѣтія, по-

¹⁾ О дѣйствіяхъ димократа венетовъ при первой встрѣчѣ, см. Byzantina, II, 79 сл., гдѣ въ прим. 2 къ стр. 79 указана ошибочность рукописнаго чтенія мѣста I, 10, 82 относительно первой встрѣчи и сдѣлана его поправка.

²⁾ Ср. Byzantina, II, 185 и 80.

вторявшіяся при каждой встрѣчѣ димовъ и состоявшія въ томъ, что запѣвалы или пѣвчіе дима возглашали многолѣтіе (многая лѣта или времена) съ прибавленіемъ извѣстныхъ хвалобныхъ эпитетовъ царямъ (божественное царство, самодержцы римлянъ), а народъ трижды повторялъ многолѣтіе и заканчивалъ другою формою многолѣтія: «долголѣтнимъ содѣетъ Богъ святое царство твое (или ваше)!»

Рис. 27. Керченскій щитъ.

Выслушавъ эти славословія у мраморныхъ львовъ, для чего вся процессія останавливалась, царь двигался со всѣмъ поѣздомъ далѣе. Димъ венетовъ, дѣлавшій первую встрѣчу, съ domestikомъ школь во главѣ, также шель вмѣстѣ съ другими впереди царя и на ходу говорилъ дромки (τὰ δρομικά); а если царь прикажетъ, то пѣлись апелатники

(ἀπελατιχά¹). Къ сожалѣнiю, пѣснопѣнiя и стихотворенiя, пѣвшiяся во время выѣздовъ, изложены гораздо короче, чѣмъ пѣснопѣнiя димовъ во время большихъ выходовъ, описанныхъ во II кн. Byzantina. Такъ, при описанiи перваго же приѣма венетовъ приведены только дромики, а апелатиковъ не приведено ни одного, между тѣмъ какъ при изложенiи славословiй и пѣснопѣнiй въ другiе подобныя праздники приводятся нѣкоторые апелатики, но не указаны дромики. Такъ какъ относительно дромиковъ, приведенныхъ въ «актахъ» понедѣльника Пасхальной недѣли, сказано, что они поются и въ другихъ случаяхъ, то можно думать, что они приведены здѣсь всѣ, чтобы не приводить ихъ при изложенiи «актовъ» въ другiе праздники. Весьма возможно, что приведенныя тамъ апелатики, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ пѣлись и въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли, какъ дромики пѣлись въ другiе праздники и при всякомъ приѣмѣ повторялись одни и тѣ же славословiя. Съ этими апелатиками мы познакомимся въ тѣхъ обрядахъ, въ которыхъ они приводятся въ Придворномъ уставѣ, а теперь мы должны довольствоваться дромиками, приведенными въ «актахъ» понедѣльника Пасхальной недѣли при описанiи первой встрѣчи венетовъ. Вотъ эти дромики:

1) «Радуйся, державнѣйшiй самодержецъ, радость вселенной, служитель Бога, счастье римлянъ, гордость венетовъ, веселiе и украшенiе, да соизволитъ божество, чтобы ты управлялъ своимъ государствомъ сто годовъ».

2) «Вотъ радость днесъ, тишина и милость великая! Ибо владыки (цари), облекшись радостью, какъ зарницы, блещутъ державою, и миру посылается счастье, ибо наша радость та же, что и восхищенiе мира (т.-е. цари)».

3) «Силу создала десница Бога нашего, владыки! Миръ сталъ господствовать въ собственномъ царствѣ и въ вѣрѣ возвысилъ его къ благоволенiю²). Радуйтесь небесныя воинства! Сорадуйся, войско римлянъ! Возрадуйтесь, всѣ христiане, и празднуйте Господу!».

¹) Славословiя и привѣтствiя димовъ изложены въ I, 5, 49 и слѣд., переченъ приѣмовъ и описанiе дѣйстви димократовъ и димарховъ даны въ I, 10, 82—3. А такъ какъ въ «актахъ», т.-е. изложенiи встрѣчъ и славословiй другихъ праздниковъ, въ которые царь возвращался по той же дорогѣ, неоднократно замѣчено, что встрѣчи димовъ во время ихъ совершаются такъ же, какъ въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли, то и эти обряды съ ихъ «актами» необходимо имѣть въ виду для сравненiя и повѣрки. О нихъ судеть рѣчь ниже. «Апелатикъ» въ Byzantina II, 83, я передалъ посредствомъ «отходный», а «дромикъ» можно перевести словомъ «походный или маршевой».

²) Въ греческомъ текстѣ, очевидно, имѣются недочеты и поврежденiя, которыя дѣлаютъ его мало понятнымъ. Чтобы получить хотя какой-нибудь смыслъ при переводѣ, я читалъ, вмѣсто ἐν αὐτῷ αὐτῷ, т.-е. πολιτεία.

Сопровождаемый этими славословіями, царь и весь поѣзд достигли храма св. Поліевкта, предъ прибытіемъ къ которому венеты останавливались и, прекративъ свое пѣніе, отставали отъ поѣзда, потому что у храма св. Поліевкта происходилъ второй приѣмъ. Здѣсь поджидалъ царя бѣлый димъ венетовъ съ димархомъ во главѣ. Его точно такъ же, какъ и димократа, подводилъ къ царю церемоніарій, димархъ кланялся, цѣловалъ ногу и подносилъ ливелларій остановившемуся царю, послѣ чего отходилъ къ своему диму и, ставши впереди его, предъ царемъ, осѣнялъ его крестнымъ знаменіемъ, когда народъ пѣлъ многолѣтія и славословія и держалъ руки подъ хламидою, когда пѣли запѣвалы или пѣвчіе.

А пѣвчіе и димоты возглашали совершенно тѣ же самыя привѣтствія и многолѣтія, какъ и при первой встрѣчѣ, а затѣмъ, когда царь и весь поѣзд двигался далѣе, пѣли дромикъ или апелатикъ, сопровождая царя пѣніемъ до церкви св. Евфиміи Оливріа.

У этой церкви царь опять останавливался для третьяго приѣма, который дѣлался загороднымъ димомъ прасиновъ съ своимъ димократомъ, т.-е. начальникомъ экскувиторовъ во главѣ. Послѣ обычныхъ дѣйствій, поднесенія ливелларія, славословія и многолѣтій, когда царь и вся процессія двигалась далѣе, загородный димъ прасиновъ пѣлъ въ качествѣ дромика на гласъ первый пѣснь, которая пѣлась обыкновенно прасинами же при пятомъ приѣмѣ на пути царя въ св. Софію въ первый день Пасхи, т.-е. «Безвременно (до начала временъ) Отцу соцарствующій въ послѣднія времена временно съ людьми жилъ и, на крестѣ ахъ и смерть плѣнивши и тридневнымъ воскресеніемъ своимъ мертвымъ воскресеніе обновивши, Самъ возвыситъ рогъ Вашъ, владыки, побѣдами надъ варварами»¹⁾).

Съ пѣніемъ этого стиха прасины шли впереди царя до Филадельфія, гдѣ царя встрѣчалъ опять димократъ венетовъ съ загороднымъ димомъ и гдѣ совершалось то же, что и при первой встрѣчѣ, за исключеніемъ поднесенія ливелларія. Этого поднесенія уже не бывало ни на этотъ разъ, ни въ слѣдующіе разы, когда опять приходилось дѣлать приѣмъ димократу венетовъ, такъ какъ поднесеніе ливелларія совершалось только одинъ разъ во время выѣзда или выхода каждымъ изъ четырехъ представителей четырехъ партій или димовъ ипподрома, а при второмъ и слѣдующихъ приѣмахъ, если таковые были, ливелларіи тѣмъ же лицомъ не подносились²⁾).

¹⁾ Относительно приѣма, когда пѣли этотъ стихъ въ первый день Пасхи, см. *Vizantina*, II, 85.

²⁾ Порядокъ поднесенія ливелларіевъ точно указанъ I, 10, 83, гдѣ сказано, что димократы и димархи венетовъ и прасиновъ только „при первомъ приѣмѣ подаютъ ливелларій, а при прочихъ не подаютъ, потому что это дѣлается только одинъ разъ“.

Димократъ съ загороднымъ димомъ венетовъ, встрѣтивъ царя у Филадельфія, провожалъ его до Тавра, гдѣ его встрѣчалъ и привѣтствовалъ красный димъ прасиновъ съ димархомъ во главѣ. Димархъ прасиновъ, какъ представлявшійся царю съ своимъ димомъ въ первый разъ во время возвратнаго поѣзда, подносилъ царю ливелларій, а затѣмъ осѣнялъ царя крестнымъ знаменіемъ, пока народъ пѣлъ обычныя многолѣтія и славословія. Послѣ этой встрѣчи, которая, по общему счету пріемовъ, была пятою, красный или городской димъ прасиновъ шель впереди царя съ пѣснопѣіями до арки Хлѣбнаго базара, гдѣ димархъ оборачивался назадъ, чтобы сдѣлать здѣсь шестой пріемъ, во время котораго дѣлалось и пѣлось то же, что и въ другихъ; только димархъ прасиновъ не подносилъ ливелларія во второй разъ. Отъ Хлѣбнаго базара красный димъ прасиновъ шель впереди царя до фора Константина, на которомъ происходилъ седьмой пріемъ. Поѣздъ снова остапавливался и царь принималъ и затѣмъ слушалъ многолѣтія и славословія городского дима прасиновъ съ димократомъ ихъ, т.-е. начальникомъ экскувировъ, во главѣ. Прасины, послѣ встрѣчи, шли впереди царя по Средней улицѣ до Преторія, у котораго привѣтствовалъ царя бѣлый или городской димъ венетовъ съ своимъ димархомъ во главѣ. При этомъ, по счету восьмомъ, пріемъ, въ концѣ обычныхъ многолѣтій и славословій запѣвали венетовъ восклицали: «добро пожаловало истребленіе сыновъ Агари (т.-е. добро пожаловало истребитель или сокрушитель, побѣдитель сыновъ Агари, арабовъ, мусульманъ) ¹⁾. А народъ заканчивалъ славословія обычнымъ многолѣтіемъ: «долголѣтнимъ содѣетъ Богъ святое царство твое па многія лѣта».

Послѣ славословій загородный димъ венетовъ шель впереди царя до Милія; дойдя до Милія, димархъ съ димомъ возвращался назадъ и подъ аркою Милія совершалъ девятый пріемъ. Отсюда поѣздъ въ сопровожденіи городского дима венетовъ двигался къ банямъ Зевксипа, гдѣ происходилъ десятый пріемъ, который дѣлался городскимъ димомъ прасиновъ съ ихъ димократомъ во главѣ, сопровождавшимъ царя до рѣшетки Халки, у которой происходилъ послѣдній пріемъ. Этотъ пріемъ,

¹⁾ Въ изложеніи пріемовъ (I, 5, 51) такой конецъ славословій при восьмомъ пріемѣ отмѣченъ особо, какъ нѣчто отличное отъ другихъ пріемовъ; но вся особенность этого пріема заключается собственно только въ словахъ ἡ ἀναίρεσις τῶν τῆ: Ἄγαρ, такъ какъ привѣтствіе: καλῶ; ἤλθεν съ какимъ-нибудь величаніемъ говорилось въ концѣ славословій и при другихъ пріемахъ на возвратномъ пути, какъ мы видели выше.

одиннадцатый по счету, дѣлалъ, по обыкновению, димократъ венетовъ съ загороднымъ ихъ димомъ ¹⁾).

¹⁾ При изложеніи числа и мѣста приемовъ мы держались „актовъ“ понедѣльника Пасхальной недѣли, такъ какъ въ нихъ приемы изложены полнѣе и точнѣе. Этотъ перечень нѣсколько разнится отъ того, который имѣется въ обрядѣ понедѣльника (I, 10, 83). Эта разность состоитъ частью въ мѣстахъ встрѣчъ, частью въ чередованіи димовъ. Такъ, второй приемъ по актамъ происходилъ у св. Поліевкта, а по обряду I, 10, 83 у св. Христофора; по актамъ у Модія приема не было, а по обряду между Филадельфіемъ и Тавромъ былъ приемъ у Модія, гдѣ принималъ красный или городской димъ прасиновъ. Зато по обряду не производилось приема у Преторія, гдѣ по актамъ происходилъ восьмой приемъ. Мѣсто десятаго приема въ актахъ не указано, а сказано только, что овъ происходитъ немного спустя послѣ приема въ аркѣ Милія. Но въ обрядѣ понедѣльника мѣстомъ предпоследняго приема названы бани Зевксиппа; на основаніи этого замѣчанія я и приурочилъ десятый приемъ къ этому мѣсту, но могло быть также, что предпоследній приемъ происходилъ у воротъ Мелеты, противъ такъ называемаго Ахилла, т.-е. статуи Юстиніана, какъ въ Вознесеніе (I, 8, 56). Въ общемъ по актамъ и обряду при возвращеніи изъ храма св. Апостоловъ дѣлалось по 11 приемовъ. Кромѣ разницы въ мѣстѣ нѣкоторыхъ приемовъ (δοχαί), акты отличаются отъ обряда и чередованіемъ димовъ или партій (δῆμοι или μέρη) ишподрома. Пять первыхъ приемовъ совершаются въ одинаковомъ порядкѣ; разница начинается съ шестого: по актамъ шестого, приемъ дѣлаетъ красный или городской димъ прасиновъ, по обряду бѣлый или городской димъ венетовъ седьмой приемъ по обряду дѣлаетъ у Хлѣбнаго базара красный димъ прасиновъ, по актамъ красный или городской димъ прасиновъ на форѣ; восьмой приемъ по обряду дѣлается на форѣ, по всей вѣроятности, бѣлымъ или городскимъ димомъ венетовъ, а по актамъ имъ же у Преторія; девятый приемъ по обряду загороднымъ димомъ прасиновъ у Милія, а по актамъ здѣсь же бѣлымъ димомъ венетовъ; десятый по обряду городскимъ или краснымъ димомъ прасиновъ у банъ Зевксиппа, по актамъ загороднымъ димомъ прасиновъ, вѣроятно, тамъ же; одиннадцатый по актамъ и обряду у рѣшетки Халки. Эта разница происходитъ отъ того, что обрядъ написанъ въ другое время, по всей вѣроятности, раньше актовъ и констатируетъ порядокъ существовавшей во время написанія обряда, по всей вѣроятности до Льва VI, а въ актахъ показанъ порядокъ, установившійся при Львѣ и, быть можетъ, существовавший во время составленія Придворнаго устава или, по крайней мѣрѣ, сборника актовъ. Къ сожалѣнію въ обрядѣ перечень приемовъ къ концу (р. 84, стр. 3—8) изложенъ слишкомъ кратко и неясно, а потому, быть можетъ, испорченъ переписчикомъ, сдѣлавшимъ пропуски и поставившимъ невѣрную интерпункцію. Благодаря пропуску въ строкѣ 45, выпало названіе дыма, дѣлавшаго приемъ на форѣ. На основаніи счета приемовъ и очередей, можно думать, что на форѣ принималъ бѣлый или городской димъ венетовъ. Принимая во вниманіе это предположеніе, а равно и способъ обозначенія приемовъ при краткомъ ихъ изложеніи въ обрядѣ Преполовенія (I, 17, 106), способъ, очень близкій къ тому, который употребленъ въ занимающемъ насъ мѣстѣ, вышеуказанныя строки, по моему мнѣнію нужно дополнить и читать слѣдующимъ образомъ:... καὶ διασώζουσιν (οἱ τῆς πολιτικῆς τ. μέρους τ. Βενέτων) ἕως τῶν Ἀρτοπωλείων τῆς πολιτικῆς τοῦ μέρους τῶν Πρασίνων καὶ δέχονται τὸν βασιλέα ἐν τῷ φουρνικῷ τῶν ἀρτοποιῶν. Τῆς πολιτικῆς τοῦ μέρους τ. Βενέτων δέχονται τ. βασιλέα ἐν τῷ φόρῳ. Τῶν περατικῶν Πρασίνων δέχονται ἐν τῷ πλκωτῷ τοῦ Μιλίου. Τῆς πολιτικῆς μέρους τ. Πρασίνων δέχονται τὸν βασιλέα ἐν τῷ Ζευξίππῳ. Τῶν περατικῶν μερῶν Βενέτων δέχονται τὸν βασιλέα ἐν τῇ Χαλκῇ. Легко можно возстановить этотъ конецъ перечня и въ болѣе подробномъ видѣ и даже въ самой подробной формѣ, но краткость обозначенія трехъ послѣднихъ приемовъ заставляютъ довольствоваться вставкою тѣхъ словъ, которые напечатаны у насъ разрядкою и которыя необходимы для возстановленія смысла и

Здѣсь у желѣзной рѣшетки Халки всѣ сановники и чиновники, ѣхавшіе верхомъ, сходили съ лошадей и по переднимъ портикамъ дворца, предназначеннымъ для гвардейскихъ карауловъ, сопровождаютъ царя пѣшкомъ, между тѣмъ, какъ онъ одинъ ѣхалъ верхомъ черезъ Халку и Школы до большихъ воротъ, ведшихъ изъ Школъ въ палату экскувировъ. Эти ворота, или двери, стояли на высокомъ порогѣ (пультитѣ) въ нѣсколько ступеней, и ѣхать верхомъ далѣе было невозможно. Царь, поэтому, обыкновенно сходилъ съ лошади, когда вѣзжалъ во дворецъ черезъ Халку и Школы. Здѣсь же онъ и садился на лошадь, когда вѣзжалъ изъ дворца черезъ Халку. Такъ какъ во время выходовъ въ большіе Господніе праздники, стоя на порогѣ этой двери, царь производилъ иногда скривоновъ, то въ обрядѣ эта дверь иногда называется «большою дверью экскувитовъ, гдѣ бываетъ производство скривоновъ»¹⁾.

полноты перечня. Для того, чтобы все вышесказанное было ясно и наглядно, я позволю себѣ представить перечни приемовъ по актамъ и обрядамъ въ видѣ таблички, тѣмъ болѣе что въ этихъ перечняхъ мы имѣемъ весьма важныя и несомнѣныя указанія топографическихъ пунктовъ отъ храма св. Апостоловъ до дворца.

По обряду (I, 10, 83—84).	По „актамъ“ (I, 5, 50—51).
1. У Мраморныхъ львовъ Загородные венеты	Тамъ же. Тѣ же.
2. У св. Христофора Городскіе (бѣлые) венеты	У св. Полиевкта. Тѣ же.
3. У св. Евфиміи Оливріа Загородные прасины	Тамъ же. Тѣ же.
4. У Филадельфія Загородные венеты	Тамъ же. Тѣ же.
5. У Модія Городскіе (красные) прасины	У Тавра. Тѣ же.
6. У Тавра Городскіе (бѣлые) венеты	На Хлѣбномъ базарѣ. Городскіе (красные) прасины.
7. На Хлѣбномъ базарѣ Городскіе (красные) прасины	На форѣ Константина. Загородные прасины.
8. На форѣ Константина Городскіе (бѣлые) венеты	У Преторія. Они же.
9. У Милія Загородные прасины	Тамъ же. Городскіе (бѣлые) венеты.
10. У банъ Зевксиппа Городскіе (красные) прасины	Тамъ же (?). Загородные прасины.
11. У рѣшетки Халки Загородные венеты	Тамъ же. Они же.

Подведя итоги приемамъ, мы найдемъ, что изъ 11 разъ царя встрѣчали венеты шесть, а прасины пять, что начинается и заканчивается приемы самый главный динъ загородныхъ венетовъ съ однимъ изъ важнѣйшихъ военныхъ сановниковъ, domesti-комъ школъ, во главѣ.

¹⁾ Объ этой двери и производствѣ въ ней скривоновъ, см. мои Byzantina, I, 124 --- 129, гдѣ показано, почему у этой именно двери царь сходилъ съ лошади и садился на нее.

Сойдя съ лошади у двери палаты экскувитовъ царь, предшествуемый чинами синклита и сопровождаемый кувуклиемъ, проходилъ чрезъ эту палату, а затѣмъ чрезъ палату кандидатовъ мимо дверей, ведущихъ отсюда въ Консисторію. Здѣсь предъ дверьми Консисторіи чины синклита собственно, которые, при возвращеніи царя изъ храма св. Софіи въ большіе Господніе праздники, привѣтствуютъ царя въ послѣдній разъ многолѣтіемъ и откланиваются ему въ Консисторіи, выстраивались въ должномъ порядкѣ, говорили ему обычное многолѣтіе и оставались здѣсь, а затѣмъ расходились по домамъ ¹⁾).

Впереди царя шли далѣе только высшіе чины синклита и вмѣстѣ съ чинами кувуклія сопровождали царя до дверей храма Господа. Въ среднихъ или красныхъ вратахъ этого храма они также привѣтствовали царя многолѣтіемъ и откланивались ему, не входя въ храмъ, а царь въ сопровожденіи чиновъ кувуклія входилъ чрезъ среднюю бронзовую дверь въ храмъ Господа, послѣ того, какъ препозитъ снималъ съ него при входѣ въ храмъ туфу или тогу. Въ храмѣ Господа привѣтствовали царя многолѣтіемъ вошедшіе сюда раньше царя и ставшіе здѣсь въ два ряда чины кувуклія, которые послѣ этого немедленно запирали двери храма Господа, между тѣмъ, какъ царь шелъ чрезъ храмъ на солею и молился предъ святыми вратами со свѣчею въ рукѣ, поданною ему препозитомъ.

Помолившись здѣсь, царь съ чинами кувуклія выходилъ изъ храма и по переходамъ (*διαζατικά*), связывавшимъ храмъ Господа съ дворцомъ Триконха и называвшимся потому «переходами Господа», шелъ сначала въ полукругъ Триконха, а изъ этого дворца переходами сорока мучениковъ въ Хрисотриклинь. Здѣсь чины кувуклія становились ранѣ прибытія царя и послѣдніе еще разъ привѣтствовали его многолѣтіемъ: «на многіе и добрые годы да продлитъ Богъ святое царство твое».

Царь проходилъ въ китонъ Хрисотриклина, т.-е. въ собственные жилые покои, а чины кувуклія, не обязанные дежурить во дворцѣ, уходили и расходились по домамъ. Словомъ, царь шелъ по палатамъ дворца совершенно такъ же, какъ въ Богородичные праздники, по возвращеніи изъ Халкопратійскаго храма.

Читатель, знакомый съ выходами въ большіе Господніе праздники, не можетъ не замѣтить, что главные моменты возвращенія царя отъ палаты экскувитовъ до Хрисотриклина сходны съ обратнымъ шествіемъ царя по дворцовымъ зданіямъ послѣ большихъ выходовъ въ храмъ

---

¹⁾ О палатахъ экскувитовъ и кандидатовъ и входныхъ дверяхъ Консисторіи см. *Byzantina*, I, 121 слѣд. О чинахъ синклита, откланивающихся царю въ Консисторіи, см. *Byzantina*, II, 193.

св. Софіи. Какъ тамъ высшіе чины синклита откланиваются царю въ Оноподѣ и Золотой Рукѣ, такъ здѣсь въ дверяхъ храма Господа, который, въ занимающемъ насъ обрядѣ, по своему положенію на пути царя, соотвѣтствуетъ Августею и также запирается по входѣ туда царя.

Изъ Августея царь идетъ по переходамъ дворца Дафны къ Триконху, а здѣсь онъ идетъ туда же изъ храма Господа по переходамъ Господа, а, начиная съ полукруга или сигмы Триконха, путь былъ совершенно одинаковъ.

На возвратномъ пути послѣ поѣздки верхомъ только не происходило переоблаченія изъ хламиды въ плащъ, потому что царь ѣхалъ верхомъ въ колівіи или скарамангіи, въ которомъ онъ шелъ до своихъ покоевъ при Хрисотриклинѣ и тамъ же разоблачался и одѣвался въ свое домашнее платье. Но туда церемоніалы не проникаютъ, потому и мы должны остановиться на Хрисотриклинѣ и здѣсь покинуть царя ¹⁾.

Вышеизложеннымъ порядкомъ выходы въ храмъ св. Апостоловъ совершались до Льва VI Мудраго, который замѣнилъ выходъ выѣздомъ ²⁾. Нововведеніе Льва состояло въ томъ, что царь не дѣлалъ изъ дворца выхода въ св. Софію и не шелъ оттуда съ крестнымъ ходомъ пѣшкомъ въ полномъ парадномъ облаченіи до храма св. Апостоловъ, а, выйдя изъ дворца въ верховомъ костюмѣ черезъ диаватики и храмъ Господа, садился на лошадь у большой двери палаты экскувитовъ и ѣхалъ, окруженный чинами, частью верховыми, частью пѣшими, до храма св. Апостоловъ.

По прибытіи туда, царь переоблачался въ парадное облаченіе и дожидался прибытія патріарха съ крестнымъ ходомъ. Съ прибытіемъ патріарха, царь встрѣчалъ его и затѣмъ дѣлалъ съ нимъ малый входъ, послѣ чего царь и патріархъ исполняли все то, что полагалось по прежнему порядку и что нами выше изложено. Подробнѣе выѣздъ царя изъ дворца мы опишемъ при изложеніи выѣзда въ храмъ св. Мокія въ

---

¹⁾ Относительно возвращенія царя черезъ Оноподѣ, Золотую Руку и Августей, переходы Дафны и Триконхъ, см. мои *Byzantina*, II, 193 и слѣд. Относительно храма и переходовъ Господа, Триконха и переходовъ 40 мучениковъ, см. *Byzantina*, I, 123, 88 слѣд., 120.

²⁾ Какъ уже было указано, объ этомъ имѣется замѣтка въ концѣ обряда по недѣльнику Пасхальной недѣли (I, 10, 86): „Нужно знать, что при Левѣ блаженной памяти введенъ былъ такой порядокъ: царь въ златотканомъ скарамангіи и вѣнцѣ садится на лошадь и такимъ образомъ отправляется въ храмъ св. Апостоловъ, а возвращаясь назадъ верхомъ, надѣваетъ колівіи, называемый гроздомъ, а на голову бѣлый вѣнецъ и такимъ образомъ возвращается. Такъ совершается этотъ выѣздъ до сегодняшняго дня“. Ср. *Byzantina*, II 221 и 230.

Преполовене, такъ какъ въ храмъ св. Мокія цари издавна ѣздили верхомъ и потому въ старомъ обрядѣ этого праздника выѣздъ описанъ довольно подробно. По готовому типу этого выѣзда совершался выѣздъ и въ храмъ св. Апостоловъ, когда выходъ и крестный ходъ были замѣнены выѣздомъ.

Съ замѣною выходовъ выѣздами въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли, такіе же выѣзды стали совершаться и въ другіе праздники, когда цари отправлялись въ храмъ св. Апостоловъ, т.-е. въ Антипасху, праздникъ св. Апостоловъ, въ день смерти Василя Македонянина, въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ выѣзды совершались одинаково; измѣнялись только облаченія по цвѣту, да, быть можетъ, пѣлись различныя апелатики. Но въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ богомольный выѣздъ значительно отличался тѣмъ, что литургію царь не слушалъ въ храмѣ св. Апостоловъ, а доѣхавъ, какъ и въ другіе сейчасъ названные праздники до храма св. Апостоловъ верхомъ по новому порядку, царь сходилъ съ лошади у двери лутира, ведущей къ орологій храма св. Апостоловъ¹⁾. Войдя чрезъ эту дверь въ лутирь, предшествуемый чинами синклита и сопровождаемый чинами кувуклія и военной свиты, царь поворачивалъ направо, входилъ въ нарокъ храма Всѣхъ Святыхъ, изъ него поднимался въ катихуменіи этого храма и входилъ тамъ въ отдѣленіе катихуменій, закрытое завѣсами. Въ виду предстоящаго входа въ храмъ св. Апостоловъ и затѣмъ въ храмъ Всѣхъ Святыхъ вмѣстѣ съ патріархомъ, царь, какъ и всѣ чины, переоблачался: царь снималъ золотой скарамангій, въ которомъ онъ ѣхалъ, и надѣвалъ дивитисій, а высшіе чины синклита, вмѣсто красныхъ плащей, въ которыхъ они ѣхали верхомъ, накидывали хламиды.

Когда патріархъ съ крестнымъ ходомъ, прибывъ къ храму св. Апо-

---

¹⁾ Въ I кв. Придворнаго устава нѣтъ обрядовъ выѣздовъ въ Антипасху, въ праздникъ св. Апостоловъ и въ день смерти Василя, такъ какъ эти выѣзды тоже-ственны съ выѣздомъ въ понедѣльникъ Пасхальной недѣли. По этой причинѣ и при составленіи II кв., въ которую вошли, въ качествѣ дополненія къ I кв., многіе обряды, не бывшіе въ сборникахъ, вошедшихъ въ I кв., не записаны обряды выѣздовъ въ эти дни, но обрядъ выѣзда въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ записанъ и составляетъ гл. 7 II кв., р. 535—538. А такъ какъ поѣздка изъ дворца до храма св. Апостоловъ и обратно совершалась по чину понедѣльника Пасхальной недѣли и Антипасхи, то въ обрядѣ излагаются только такія дѣяствія царя и патріарха, которыя составляютъ отличіе этого выхода, а относительно остальныхъ въ обрядѣ замѣчается, что они совершаются по чину другихъ выѣздовъ въ храмъ св. Апостоловъ и въ другіе храмы. Возстановить эти подробности можно легко по другимъ обрядамъ, безъ всякаго риска сдѣлать ошибку. Но для избѣжанія повторенія, я прибавляю изъ другихъ обрядовъ только то, что необходимо для связи и пониманія дальнѣйшаго изложенія.

столовъ, входилъ въ него, препозить, получивъ объ этомъ извѣстіе отъ перемоніарія, докладывалъ царю и приглашалъ веститоровъ для обла- ченія царя въ хламиду. Веститоры входили и накидывали на царя со- отвѣтствующую празднику хламиду ¹⁾). Въ дивитисіи и хламидѣ царь, сопровождаемый чинами кувуклія, выходилъ въ открытое отдѣленіе кати- хуменій, гдѣ стояли въ іерархическомъ порядкѣ чины синклита. При выходѣ царя изъ - за завѣсы, они падали ницъ, затѣмъ вставали и, послѣ возгласа: «повелите!», слѣдующаго перемоніаріемъ по знаку препо- зита, восклицали хоромъ обычное многолѣтіе и въ томъ же порядкѣ шли къ витой лѣстницѣ, по которой поднялись и которая вела изъ ка- тихуменій въ нарѣикъ храма Всѣхъ Святыхъ. За ними слѣдовалъ царь съ чинами кувуклія и своей военной свиты. Спустившись въ нарѣикъ храма Всѣхъ Святыхъ, вся процессія проходила черезъ него въ смежный нарѣикъ храма св. Апостоловъ, а изъ него въ лутирь храма св. Апо- столовъ.

Здѣсь ожидали царя димы ипподрома и, какъ только царь выхо- дилъ изъ нарѣика на дворъ, царя встрѣчалъ загородный димъ венетовъ съ своимъ димократомъ, т.-е. domestикомъ школь, который и подносилъ царю букетъ изъ розъ. Немного спустя, предъ входомъ въ орологій, еще во дворѣ то же самое дѣлалъ димархъ венетовъ съ бѣлымъ димомъ венетовъ. Когда цари уже входили въ дверь орологія, царя встрѣчалъ и подносилъ ему букетъ изъ розъ димократъ прасиновъ, т.-е. domestикъ экскувиторовъ, съ загороднымъ димомъ прасиновъ. При входѣ въ гинэ- конить храма св. Апостоловъ то же самое дѣлалъ, наконецъ, красный или городской димъ прасиновъ съ своимъ димархомъ.

Когда, послѣ этихъ пріемовъ, царь черезъ гинэконить или сѣверную сторону храма входилъ въ храмъ, направляясь къ алтарю, его встрѣ- чалъ внѣ алтаря патріархъ, который, въ ожиданіи царя, по прибытіи съ крестнымъ ходомъ, стоялъ предъ св. вратами алтаря, а затѣмъ вмѣстѣ съ царемъ входилъ въ алтарь, гдѣ царь прикладывался къ св. покрову и евангелію, подносимымъ патріархомъ. Послѣ обычнаго кажденія во- кругъ престола, царь и патріархъ открывали крестный ходъ, выходя

---

¹⁾ Въ обрядѣ (II, 7, 535) о переоблаченіи не говорится, а сказано только, что царь въ катихуменіяхъ, по прибытіи въ храмъ предъ литургією, совершаетъ и слѣ- дующія дѣйствія, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ. А эти дѣйствія и состоятъ въ томъ, что царь и чины переоблачаются въ парадную форму для участія во входѣ въ храмъ съ патріархомъ, такъ какъ въ верховомъ костюмѣ, въ которомъ они при- были въ храмъ, этого дѣлать не полагалось. Такіе именно случаи переоблаченія до прибытія патріарха имѣли мѣсто въ храмѣ св. Мокія (I, 17) и храмѣ пресв. Богоро- дицы Источника (I, 18), какъ мы увидимъ ниже.

изъ алтаря храма св. Апостоловъ, при пѣніи пѣвчими: «Слава Тебѣ, Христе Боже...»

Когда царь выходилъ изъ алтаря съ патріархомъ, препозитъ подавалъ царю процессиональную свѣчу, съ которой царь и шель, рядомъ съ патріархомъ, изъ храма св. Апостоловъ въ храмъ Всѣхъ Святыхъ. Подойдя къ этому храму съ крестнымъ ходомъ, патріархъ совершалъ обрядъ открытія храма и, когда двери храма при пѣніи стиховъ псалма «Возьмите врата, князи, ваша», открывались, патріархъ совершалъ съ царемъ малый входъ въ храмъ Всѣхъ Святыхъ и, по обыкновенію, чрезъ солею и среднія св. врата входилъ съ царемъ въ алтарь, гдѣ царь прикладывался къ покрову св. престола, кадиль его вокругъ и затѣмъ вмѣстѣ съ патріархомъ шель чрезъ правую сторону алтаря въ прилегавшій къ нему съ этой стороны евктирій съ алтаремъ въ честь св. мученика Льва. Здѣсь царь, по обыкновенію, молился предъ алтаремъ со свѣчею въ рукѣ, а затѣмъ прощался съ патріархомъ. Патріархъ уходилъ въ храмъ Всѣхъ Святыхъ совершать литургію, а царь чрезъ синтронъ алтаря уходилъ въ смежный съ нимъ евктирій въ честь святой царицы Теофанѣ, жены Льва Мудраго.

Здѣсь царь снималъ хламиду и садился въ ожиданіи чтенія евангелія. Когда приближалось время чтенія евангелія, царь изъ евктирія св. Теофаніи и (быть можетъ, въ евктиріи св. Льва, который примыкалъ къ алтарю храма Всѣхъ Святыхъ) становился у входа въ алтарь, закрытый завѣсою, и слушалъ евангеліе и ектенію, за нимъ слѣдующую. Выслушавъ евангеліе, царь возвращался опять въ евктирій св. Теофаніи, садился тамъ, утверждалъ списки приглашенныхъ на этотъ день къ обѣду чиновниковъ и сановниковъ, потомъ облакался въ обшитый золотою каймою плащъ и чрезъ нарѣзъ евктирія св. Ипатія выходилъ на прилегавшій къ восточной сторонѣ храма Всѣхъ Святыхъ и вышеозначеннымъ евктиріямъ дворикъ (*ἐξάερον*), а оттуда поднимался по деревянной лѣстницѣ, ведшей изъ евктирія св. Константина, что въ храмѣ св. Апостоловъ, въ катихуменіи этого храма. Черезъ нихъ царь съ чинами кувуклія проходилъ во дворецъ, прилегавшій къ храму св. Апостоловъ. Въ большой палатѣ этого дворца, по окончаніи литургіи, давался обѣдъ духовнымъ, военнымъ и гражданскимъ сановникамъ по чину понедѣльника Пасхальной недѣли, описанному выше.

Изъ того обстоятельства, что царь съ патріархомъ входятъ въ храмъ Всѣхъ Святыхъ послѣ «открытія» церковныхъ вратъ при пѣніи: «Возьмите, врата князи, ваша и пр.» видно, что выѣздъ въ этотъ

храмъ соединился съ праздникомъ обновленія или освященія храма Всѣхъ Святыхъ. Такія празднованія для освященія храмовъ были очень распространены въ Константинополь и въ недавно открытомъ древнѣйшемъ уставѣ Великой церкви ¹⁾ имѣется довольно много указаній на эти ежегодные праздники освященія, которыя состояли въ важнѣйшихъ храмахъ въ томъ, что изъ св. Софіи или другой церкви дѣлался крестный ходъ, иногда съ патриархомъ во главѣ, а по приходѣ въ празднующей годовщину своего освященія храмъ совершалось послѣдованіе «открытія», причемъ, при пѣніи вышеупомянутыхъ стиховъ псалма, открывались церковныя врата и совершался малый входъ.

Въ данномъ случаѣ, въ день празднованія освященія храма Всѣхъ Святыхъ, которое, очевидно, совершалось въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ, крестный ходъ совершался патриархомъ изъ храма св. Софіи съ духовенствомъ и народомъ безъ участія царя, который пріѣзжалъ верхомъ съ своимъ синклитомъ раньше патриарха и съ нимъ совершала крестный ходъ только изъ храма св. Апостоловъ, стоявшаго рядомъ.

Подобнаго же рода праздникъ, соединенный съ выѣздомъ царя въ храмъ св. Апостоловъ, совершался 21 мая, день празднованія памяти св. Константина и Елены и освященія небольшихъ храмовъ или евктіріевъ въ честь ихъ, построенныхъ при дворцѣ Вона или Новомъ дворцѣ близъ храма св. Апостоловъ. Для празднованія этого дня за нѣсколько дней царь вышеописаннымъ порядкомъ торжественно переѣзжалъ изъ Большого дворца въ Новый, гдѣ передъ святыми и честными крестами служилась всенощная частнымъ образомъ, т.-е. безъ параднаго выхода и присутствія чиновъ синклита (*οἰκειαχῶς*).

Въ день праздника, 21 мая, царь около 2 часовъ дня, т.-е. около 8 часовъ утра по нашему времячисленію, облачался въ пурпурный скарамангій, препоясывался мечемъ и отправлялся верхомъ въ сопровожденіи чиновъ синклита и кувуклія изъ дворца Вона въ храмъ св. Апостоловъ по дорогѣ, ведшей къ храму св. Іоанна въ Ксироппині. Доѣхавъ

¹⁾ О празднованіи дня освященія церковей въ Константинополь, см. статью Н. Θ. Красносельцева „Типикъ церкви св. Софіи въ Константинополь IX в.“, помещенную во II выпускѣ Лѣтописи историко-филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ, стр. 207 и слѣд. (Статья эта вышла также отдѣльнымъ оттискомъ). Здѣсь проф. Красносельцевъ разбираетъ и чинъ или послѣдованіе „обновленія“, какъ оно совершалось въ IX в. Въ главныхъ моментахъ, которые отмѣчены въ Придворномъ уставѣ, чинъ „открытія“ или „отверженія“ (*ἀνοίξεως*), согласенъ съ церковнымъ чиномъ, какъ онъ указанъ для праздника освященія или обновленія (*ἐγχαίτια*) Халкопратійскаго храма, и состоялъ изъ всенощной наканунѣ, потомъ въ день праздника крестнаго хода въ Халкопратійскій храмъ, гдѣ, по „отверженіи“ дверей, совершалась литургія.

до храма св. Апостоловъ, царь входилъ чрезъ большую дверь лутира во дворъ, а оттуда въ нароекъ, гдѣ налѣво отъ входныхъ дверей въ восточной сторонѣ были поставлены въ особомъ помѣщеніи, отдѣленномъ отъ остальнаго нароекка завѣсою, для царя кресла царскія и куда заранѣе принесены были предметы царскаго параднаго облаченія: дивитисій и хламида.

Царь, войдя въ это помѣщеніе, снималъ свой военный верховой костюмъ и облачался въ дивитисій и хламиду. Въ парадномъ облаченіи царь входилъ чрезъ царскія двери изъ нароекка въ храмъ собственно и шель къ св. вратамъ алтаря, предъ которыми и совершалъ обычную молитву со свѣчею въ рукѣ. Послѣ молитвы царь входилъ въ алтарь и, повернувъ налѣво, направлялся къ сѣверной сторонѣ алтаря, гдѣ былъ входъ въ придѣльный храмъ св. Константина. Въ дверяхъ, ведущихъ въ этотъ храмъ изъ алтаря храма св. Апостоловъ, стоялъ въ ожиданіи царя патріархъ и встрѣчалъ его. Раскланявшись и поцѣловавшись обычнымъ порядкомъ, царь и патріархъ шли къ святымъ вратамъ устроеннаго тамъ алтаря въ честь св. Константина, помолившись предъ ними, входили въ алтарь, гдѣ царь, безъ сомнѣнія, прикладывался, по обыкновенію, къ св. престолу и затѣмъ, взявъ у патріарха кадило, кадилъ вокругъ св. престола, потомъ подходилъ съ кадиломъ къ гробамъ Льва VI, Василія Македонянина, царицы Теофаніи, жены Льва, и, наконецъ, къ гробницѣ св. Константина и Елены и кадилъ предъ ними. Совершивъ, такимъ образомъ, поклоненіе праху своихъ предковъ и мощамъ святыхъ, память которыхъ въ этотъ день праздновалась, царь при пѣніи пѣвчими тропаря: «Креста Твоего образъ на небеси видѣвши», выходилъ, сопровождаемый своимъ синклитомъ, изъ храма св. Константина и чрезъ дворикъ (*ἐξἄερον*), прилегавшій къ алтарной конхѣ храма Всѣхъ Святыхъ, выходилъ на улицу, ведущую ко дворцу Вона, причемъ во время шествія, до самаго дворца, чины синклита, по обыкновенію, пѣли вышеприведенный тропарь, а когда входили во дворъ дворца, начинали пѣть: «Слава Тебѣ, Христе Боже, апостоловъ похвала», пѣснопѣніе, приличествующее празднику освященія храма. Во дворѣ дворца Вона царь садился на принесенное сюда пажами (*ἀρχοντογενήματα*)¹⁾ кресло и дожидался прибытія патріарха съ литією. Когда приходилъ патріархъ съ крестнымъ ходомъ и приближался къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ царь, послѣдній вставалъ, расклаивался и цѣловался съ патріар-

¹⁾ *Ἀρχοντογενήματα* встрѣчаются, сколько мнѣ помнится, единственный разъ въ Придворномъ уставѣ только въ этомъ позднѣйшемъ сравнительно обрядѣ и соотвѣтствуютъ, очевидно, позднѣйшимъ архонтоцуламъ (Ср. Reiske, Comment. p. 616).

хомъ, приложившись сначала къ кресту и евангелію, а затѣмъ оба они шли впереди всѣхъ и подходили къ дверямъ евктиріа св. Константина, гдѣ совершался чинъ «отверженія». По открытіи дверей при пѣніи: «возьмите врата, князи, ваша» и пр., царь и патріархъ входили въ алтарь св. Константина, молились тамъ предъ престоломъ и кадили вокругъ него, а потомъ царь выходилъ изъ алтаря налѣво и, поднявшись на ступени, становился противъ большого креста св. Константина, въ ожиданіи евангелія, а патріархъ продолжалъ литургію.

Царь слушалъ литургію только до евангелія и слѣдующей за нимъ ектеніи, какъ обыкновенно онъ дѣлалъ, когда въ храмѣ не приобщался. По окончаніи ектеніи, царь уходилъ или, точнѣе, поднимался во дворецъ Вона, утверждалъ тамъ списокъ приглашенныхъ чиновъ, затѣмъ ожидалъ прибытія патріарха съ высшимъ духовенствомъ, по окончаніи литургіи. Съ прибытіемъ ихъ, царь съ патріархомъ, высшимъ духовенствомъ и чинами синклита, приглашенными въ этотъ день, обѣдалъ по чину подобныхъ праздничныхъ обѣдовъ, главные моменты котораго были указаны въ изложеніи обряда понедѣльника Пасхальной недѣли.

Д. Бѣляевъ.

УКАЗАТЕЛЬ.

- Августеонъ см. Форъ.
Аврамитовъ монастырь 66.
Алусія, предмѣстье Евдома 92.
Апелатикъ 174 сл., 181.
Апокомвій 123 сл., 129 сл., 130 сл.
Арка Θεодосія I 21 сл.
Артополій (хлѣбный базаръ) 158, 176.
Ἀρχοντοῦγεννηματα 185.
Атрикливиъ 163.
Аѳиръ 118.
Василія I Македонянина въѣздъ 54, 66 сл.
Веститоры 182.
Влахерны, кварталъ 14, 68 сл. 73, 75, 80, 86.
Ворота Адрианопольскія (Харисія) 31, 70;
Золотыя 16 сл., 66, 68 сл., 73, 158; Исто-
точника 50; Θεодосіевыхъ стѣнъ 16, 25.
Дворецъ Влахернскій 69; Вона 155, 184 сл.;
Дафны 164; Лавза 104 сл., 107 сл.,
138, 158.
Дивитисіи 113, 118, 125, 129, 135, 156 сл.,
164, 185.
Дидаскаліи 125.
Димы Ипподрома 121, 126 сл., 171 сл.
Дромики 174 сл.
Друнгарій виглы 170.
Діаватяки 128; дворца Дафны 180; св. Ни-
колая 132; Сорока мучениковъ 128;
Храма Господа 179.
Доместикъ гвардейскихъ школъ 127.
Евдомъ 54, 57; сл.; дворець 84, 88 сл.
Консисторія 73 сл., 89; трибуналь 89 сл.
Евктирій Ипатія 148, 150, 183; Констан-
тина 115, 118 сл., 121, 137, 140, 144 сл.
160, 183, 186; Льва 150, 183; Юстиніана
144 сл., 151; Θεοφανίи 146, 149 сл., 183.
Egnatia via 67. 70, 85.
Екдикы 120.
Ексакіонія 33 сл.
Енгистіаріи 163 сл.
Зевксиппа бани 176.
Золотая рука 180.
Идикъ 128.
Іерія 17, 66, 69.
Капитолій 41 сл.
Катихуменіи св. Софіи 124 сл., 129, 133,
146 сл., 161 сл., 182 сл.
Кикловій 78 сл.
Кладезъ св. 112, 132.
Клидійскій монастырь 81 сл.
Коловій 165.
Колонна Аркадія 35 сл.; Константина 7,
45 сл.; Θεодосія 42 сл.; цикаларіевъ 7
Кони чиновъ кувуклія 169.
Консисторія 127 сл., 132, 179.
Константиніаны 159.
Конюшенный комитъ 170.
Короны 118, 125, 128, 130.
Крестоносець 116, 120.
Кресты процессуальныя 116.
Ксиролофъ 34 сл.
Кувикюларіи конныя 170.
Кукумаріи 163.
Лавзіакъ 128, 131.
Ливелларій 172 сл.
Логоѳетъ дрома 170.
Льва I въѣздъ 55; провозглашеніе 65 сл.
Магнавра 74, 78 сл., 84.
Макри-кѳей 67 сл., 75, 87.
Маманта св. монастырь 69.
Марсово поле 65 сл., 73 сл., 86.
Масалма 83.
Мечи 165 сл.
Милія 85 сл., 104 сл., 118, 126 сл., 156, 176.
Мутаторій 115, 118, 124 сл., 132.
Никифора Фоки въѣздъ 17 сл.
Октагонъ 112, 135.
Оливрій 159.
Омовенія обрядъ 134.

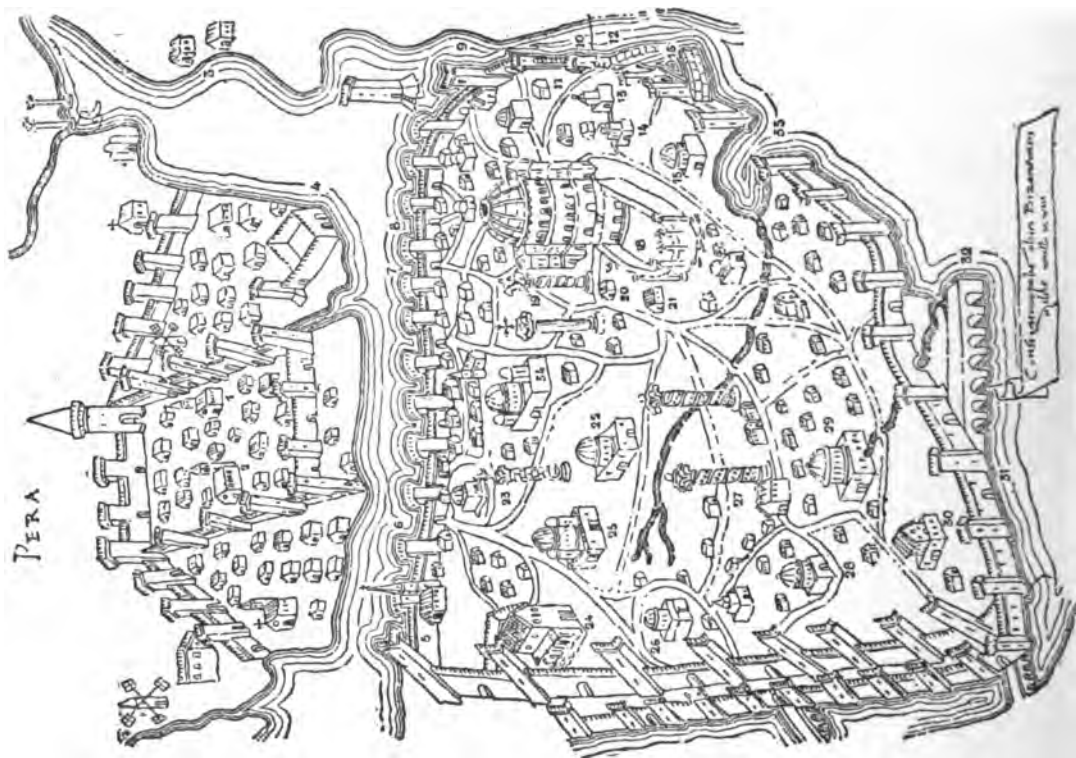
- Опоноды 180.
 Орологій 182 сл.
 Остіаріи 125 сл., 163.
 Подсвѣчники ручные 121.
 Ирѣстанъ Влахернская 70; источниковъ 18.
 Протоспааріи евнухи 170.
 Референдарій 120 сл.
 Ригій 70.
 Свѣча процессіональная 118, 122, 158, сл., 183,
 Сягма (портикъ) 32 сл., 54, 180.
 Силенціаріи 124, 163 сл.
 Синклитики 127.
 Скарамангій 125, 128 сл., 131, 157, 165, 184,
 Спааріи 169.
 Спаарокаандидаты 169.
 Спаарокувикуляріи 170.
 Средняя улица 30 сл., 48 сл., 66, 73, 104, 118,
 136, 156, 176.
 Статуя Вигилія 28; Θεодосія Вел. и Млад-
 шаго 28.
 Стольникъ 163.
 Стѣпы Византіи 6 сл.; Иракліевы 10, 15,
 68; Львовская 16; Θεодосіевы 9 сл.,
 14, 68.
 Сулейманъ 80 сл.
 Текфуръ-Сарай 62, 68 сл., 71, 74 сл., 84, 89.
 Тропика 96 сл.
 Туфа (тіара, тога) 165 сл., 179.
 Форъ (площадь) Августеонъ 48 сл., 102, 126;
 Амастрійскій 40 сл.; Аркадія 35 сл.; Кон-
 ставтина 44 сл., 48, 73, 104, 132 сл., 157
 сл. Тавра (Θεодосія) 35, 42 сл., 158.
 Филадельфій 41 сл.
 Халка 105, 112 сл., 126 сл., 176.
 Халкопратіи (Мѣдные Ряды) 93 сл.
 Хламиды 113 сл., 118, 124 сл., 129, 135,
 156 сл., 164, 182 сл.
 Храмъ св. Апостоловъ 70, 136, 138 сл., 162;
 Богоматери Аврамитовъ 66; Богоматери
 Агіосоритиссы=Халкопратійскій; Бого-
 матери Діакониссы 131, 158; Богома-
 тери въ небесахъ 99 сл.; Богоматери
 Фара 136, 135; Богоматери на форъ
 Константина 48; Всѣхъ святыхъ 148 сл.,
 181 сл.; Господа 127 сл.; св. Евфиміи
 Оливрія 175; св. Зои 149; ап. Іакова
 брата Господня 96 сл., 123, 129; еванг.
 Іоанна Богослова 73, 91 сл.; Іоанна Пред-
 течи 61, 65, 70, 74, 84, 91 сл.; св. Мокія
 54, 130, 181; Отроковъ 70 сл.; св. Полі-
 евкта 158; св. Раки 96, 123, 129, 132;
 св. Стефана въ Дафнѣ 135; Халкопра-
 тійскій 92 сл.
 Хрисотриклинь 115, 128, 131 сл. 163, 179.
 Церемоніарій 118 сл.
 Чины числа 119 сл.
 Школы 178.
 Юстиніана въѣздъ 69.
 *Экскувитовъ палата 126 сл.
 Теофила въѣздъ 55 сл., 69 сл.

Таблица I.

1. Stus Franciscus.
2. Stus Dominicus.
3. Scutari.
4. Arzana.
5. Vlacherna.
6. Porta Vlacherna.
7. Porta Piscarie.
8. Porta Judaea.
9. Stus Demetrius.
10. Stus Georgius.
11. Lazar.
12. Oriens.
13. E nea eccles.
14. Palatium Imperatoris Justiniani.
15. Receptaculum.
16. Portus Paatii.
17. Sta Sophia.

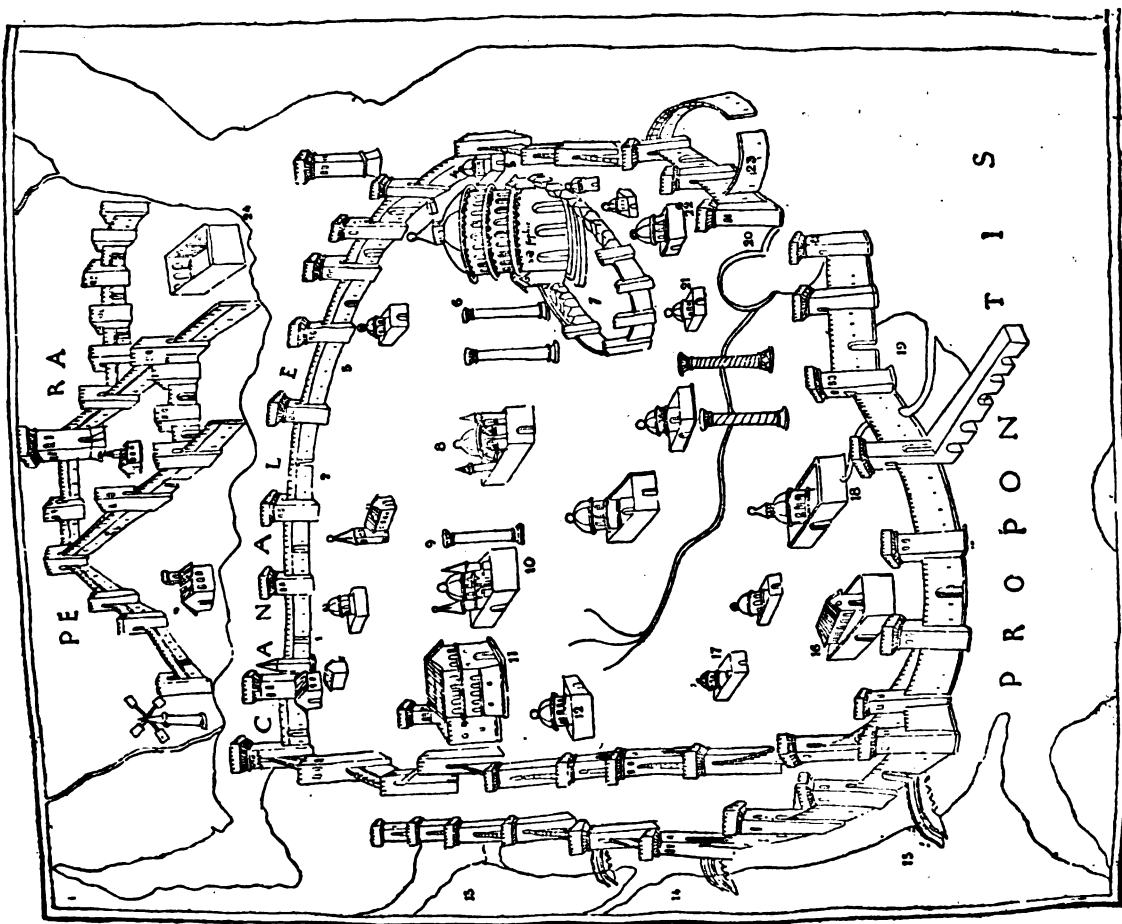

Планъ Константинополя Бундоль-
монте (по венеціанской рукописи).

18. Podromus.
19. Theodosius in aequo eneo.
20. Domus Constantini.
21. Scro qu aranon.
22. Apostoli.
23. Constantinus genuitexus.
24. Palatium imperat.
25. Stus Johannis de Petra.
26. St. Mam (?).
27. Porta antiqua.
28. Stus Andreas.
29. Perilefortas.
30. Stus Johannes in Studio.
31. Porta Crisea.
32. Portus Volanga.
33. Arsana et Condescale.
34. Pantocratoros.

Таблица II.

1. P. dellecorne.
2. P. pr. messe
3. Per piscariam.
4. St. Georgius.
5. St. Demetrius.
6. In hoc visus imp(erator) Feo-
d(ostus) equo sedens.
7. Hippodromo.
8. Pandecratoros.
9. Hic est Constantinus genu-
tlexus.
10. St. Johannis de Petra.
11. Palatium imperatoris.
12. St. Marcus (?).

13. Porta Sti Johannis.
14. Porta comidi (?).
15. Porta cresea cesarea.
16. St. Johannes Studio.
17. St. Andreas.
18. Perleptos.
19. Portus magnus.
20. Consile.
21. Domus Justiniani.
22. Domus Papae.
23. Portos divi Palatii imperialis.
24. Arsena.

Планъ Константинополя Бу-
ондельмонта (по ватиканской
рукописи).

Портреты Александра Великаго.

Портреты Александра Македонскаго всегда возбуждали глубокий интерес въ археологической наукѣ и вызывали многочисленныя распри среди ея представителей. Вопросъ важенъ не только съ иконографической точки зрѣнія: въ античной литературѣ сохранились намеки на знаменитые портреты Александра, исполненные извѣстными художниками, а потому копін съ этихъ портретовъ могутъ служить также источникомъ къ познанію стіля этихъ скульпторовъ, художественная индивидуальность которыхъ намъ въ большинствѣ случаевъ мало извѣстна.

Споры о портретахъ Александра начались въ новѣйшее время съ появленія сочиненія Коерр'а «Über das Bildnis Alexanders des Grossen» ¹⁾, въ которомъ впервые была сдѣлана попытка приступить къ рѣшенію старой задачи на основѣ разившейся археологической науки; но матеріаль, на основаніи котораго было произведено изслѣдованіе Коерр'а, незначителенъ. Съ тѣхъ поръ появились два сочиненія, которыя особенно важны по собранному въ нихъ значительному монументальному матеріалу, дающему довольно прочную основу для дальнѣйшихъ изслѣдованій по этому вопросу: книга Schreiber'а «Studien über das Bildnis Alexanders des Grossen. Ein Beitrag zur alexandrinischen Kunstgeschichte» ²⁾ и Bernoulli «Die erhaltenen Darstellungen Alexanders des Grossen. Ein Nachtrag zur griechischen Iconographie» ³⁾. Стоитъ упомянуть о сочиненіи de Ujfalvy «Le type physique d'Alexandre le Grand» ⁴⁾, который не далъ новаго матеріала, но наглядно сопоставилъ извѣстные памятники. Ujfalvy, ставъ на чисто иконографическую точку зрѣнія, при-

¹⁾ 52-tes Berliner Winkelmannsprogramm, 1892.

²⁾ Abhandlungen der philol.-hist. Klasse der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, XXI (1903).

³⁾ München, 1905.

⁴⁾ Paris, 1902, см. Waldhauer, Über einige Porträts Al. d. Gr. 67.

Записки Класс. отд. Имп. Р. Арх. Общ., Т. IV.

соединилъ къ несомнѣннымъ изображеніямъ Александра и другія, которыя, хотя въ общемъ нѣсколько и похожи на него, все-таки, навѣрное, его не изображаютъ. Впрочемъ нѣкоторые ученые, извиняя промахи Ujfalvy, какъ не специалиста, впали въ подобную же ошибку: такъ, напримѣръ, Jan Six ¹⁾ старался доказать, что голова въ Капитолійскомъ музеѣ ²⁾ изображаетъ не Александра, а Митридата VI Евпатора Понтійскаго, несмотря на то, что эта голова по всѣмъ даннымъ—копія съ оригинала IV вѣка. Мы возвратимся потомъ къ этому.

До появленія трудовъ Schreiber'a и Bernoulli я издалъ небольшое сочиненіе, въ которомъ старался подробнѣе изслѣдовать вопросъ о портретахъ Александра Великаго съ точки зрѣнія исторіи греческаго искусства, ограничиваясь при этомъ самыми выдающимися памятниками ³⁾. Новый матеріалъ, собранный Шрейберомъ и Бернулли, однако, ставить вопросъ на нѣсколько иную почву. Высказанныя въ этихъ сочиненіяхъ мнѣнія, съ которыми я согласиться не могу, и нападки Бернулли, который старается опровергнуть результаты, которыми я болѣе всего дорожу, побуждаютъ меня еще разъ возвратиться къ этой темѣ.

Особенно важны для насъ, конечно, портреты, исполненные въ эпоху Александра, главнымъ образомъ потому, что, какъ намъ извѣстно, знаменитые художники, Лисиппъ и Леохаръ, занимались изображеніемъ Александра въ пластикѣ. Болѣе позднія времена продолжали тѣ пачала, которыя замѣчаются уже при жизни Александра,—обращеніе его иколическаго портрета въ идеальное изображеніе, въ которомъ уничтожаются наиболѣе характерныя черты его фізіономіи. Эти позднѣйшіе портреты не входятъ въ исторію портрета, а относятся къ исторіи развитія идеальныхъ типовъ.

I. Голова въ коллекціи графа Эрбаха (табл. I. II).

Начнемъ съ самаго древняго изъ сохранившихся типовъ—голова въ собраніи графа Эрбаха. Впервые издавая Штаркомъ ⁴⁾, эта голова тотчасъ же возбудила глубокій интересъ ученаго міра. Она была найдена близъ Тиволи, въ предѣлахъ виллы Адріана ⁵⁾. Съ теченіемъ времени были открыты еще два экземпляра того же типа, —изъ нихъ одинъ эк-

¹⁾ Röm. Mitt. X (1895), 177 сл.

²⁾ Ujfalvy, ук. соч. 98. Helbig, Führer, I², 546. Schreiber, ук. соч. табл. V. Bernoulli, ук. соч. табл. VII.

³⁾ Über einige Porträts Alexanders des Grossen, München, 1903.

⁴⁾ Zwei Alexanderköpfe der Sammlung Erbach und des British Museum, табл. I. II.

⁵⁾ Stark, ук. соч. 14.

земляръ находится въ Аѳинахъ (рис. 1)¹⁾, другой, происходящій изъ Мадита, въ Берлинѣ²⁾. — которые указываютъ на знаменитость оригинала³⁾; я въ своемъ изслѣдованіи⁴⁾ указалъ еще на бронзовую статуэтку въ Мюнхенскомъ антикваріумѣ⁵⁾, которая очень близка къ типу коллекціи графа Эрбаха. Голова этой статуэтки, правда, довольно грубо исполнена, но мнѣ кажется, что ея наиболѣе характерныя черты позволяютъ считать ее если не копіей, то все-таки вариантомъ эрбахскаго типа. Бернулли⁶⁾ разсматриваетъ мюнхенскую статуэтку отдѣльно, самое по себѣ, между тѣмъ Шрейберъ⁷⁾, основываясь на совершенно поверхностномъ сходствѣ, сопоставляетъ ее со статуэткой въ коллекціи Димитрію въ Аѳинахъ⁸⁾, хотя голова аѳинской статуэтки не допускаетъ никакого сравненія съ головой мюнхенской статуэтки. Съ эрбахскимъ типомъ по-

Рис. 1. Голова въ Аѳинахъ.

¹⁾ Bernoulli, ук. соч. табл. I. II. Arndt-Bruckmann, Griech. u. röm. Porträts, табл. 475. 647. Klein, Эφρημ. ἀρχ. 1900, табл. I.

²⁾ Beschreibung der antiken Sculpturen, Berlin, 1891, 329. Klein, Praxitel. Studien, Leipzig, 1899, 51, рис. 14. Bernoulli, ук. соч. 41, рис. 9.

³⁾ Голова въ коллекціи Эрбаха издана у Bernoulli, ук. соч. табл. II. Arndt-Bruckmann, Griech. u. röm. Porträts, табл. 473. 474.

⁴⁾ Über einige Porträts, 25.

⁵⁾ Brunn-Bruckmann, Denkmäler, табл. 281. Bernoulli, ук. соч. 112, рис. 37, ср. Friedrichs-Wolters, Bausteine, 1320.

⁶⁾ Ук. соч. 111 сл.

⁷⁾ Studien, 123.

⁸⁾ Schreiber, ук. соч. табл. IX.

*

слѣдняя вполнѣ сходна по строю лица и расположенію волосъ надъ лбомъ и отличается отъ указаннаго типа только повязкой.

Голова въ коллекціи графа Эрбаха изображаетъ мальчика съ короткими локонами, которые распадаются не надъ серединой лба, а надъ правой глазной впадиной. Черты лица не отличаются характерностью; онѣ совершенно идеальны. Не находя въ лицѣ индивидуальных чертъ, Клейпъ ¹⁾ и Шрейберъ ²⁾ отказались признать въ этомъ типѣ изображеніе Александра. Бенндорфъ ³⁾ справедливо возражалъ Клейпу; но мнѣ кажется нелишнимъ еще разъ указать на ту черту, на основаніи которой мы съ большой вѣроятностью можемъ считать эрбахскій типъ портретомъ молодого Александра: это—расположеніе волосъ. Нельзя отрицать, что наша голова въ этомъ отношеніи не совсѣмъ сходна съ достовѣрными портретами Александра; на гермѣ въ Луврѣ (рис. 8) ⁴⁾ и на монетахъ Лисимаха (табл. VI) ⁵⁾ бросается въ глаза густая масса волосъ, которая на подобіе вѣнка окружаетъ лобъ, между тѣмъ какъ на эрбахской головѣ локоны распределены равномерно и не выступаютъ высоко надъ лбомъ. Но это различіе несущественно въ сравненіи съ рѣдкостью подобнаго рода прически вообще. Если бы наша голова относилась къ эллинистической эпохѣ, когда эта оригинальная прическа примѣнялась къ различнымъ изображеніямъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ Александромъ, мы не отстаивали бы установленнаго наименованія. Но такъ какъ оригиналъ эрбахскаго типа безъ сомнѣнія, созданъ въ IV вѣкѣ и, по всей вѣроятности, еще въ царствованіе Филиппа ⁶⁾, то и прическа получаетъ гораздо большее значеніе; она намъ извѣстна только на бородатыхъ головахъ, напримѣръ, Асклепій ⁷⁾ и на портретѣ въ Британскомъ музеѣ изъ Мавзолея въ Галикарнассѣ ⁸⁾. Во всякомъ случаѣ, типы бородатыхъ боговъ — единственныя идеальныя произведенія, на которыхъ встрѣчается эта прическа; поэтому эрбахская голова, изображающая мальчика, безъ сомнѣнія, должна

¹⁾ 'Εφ ημ. ἀρχ. 1900, 1 сл. Praxitel. Studien, 51 сл.

²⁾ Studien, 88.

³⁾ Österr. Jahreshefte, III, 219 сл. (Beiblatt).

⁴⁾ Arndt-Bruckmann, Griech. u. röm. Porträts, табл. 182. 183. Bernoulli, ук. соч. табл. I. Schreiber, ук. соч. табл. I A 1.

⁵⁾ Imhoof-Blumer, Porträtköpfe auf antiken Münzen hellenischer und hellenistischer Völker, Leipzig, 1885, табл. I. Bernoulli, ук. соч. табл. VIII, 4. Schreiber, ук. соч. табл. XIII, 2.

⁶⁾ Waldhauer, Porträts, 17 сл.

⁷⁾ Напр. съ о. Мелоса, Collignon-Baumgarten, Gesch. d. griech. Plastik, II, рис. 185.

⁸⁾ Collignon-Baumgarten, ук. соч. II, рис. 109.

считаться портретомъ; но разъ портретъ мальчика съ прической, въ принципѣ похожей на типы Александра, дошелъ до насъ въ трехъ экземплярахъ, пайденныхъ въ различныхъ странахъ, и, значить, пользовался чрезвычайной знаменитостью, мы не можемъ отказаться отъ именования эрбахской головы головою Александра. Шрейберъ ¹⁾ возражаетъ, что сдвинутый проборъ противорѣчитъ этому; но считая, эту деталь важною, онъ долженъ въ такомъ случаѣ отказаться и отъ головки изъ коллекціи Зиглина, какъ это справедливо отмѣчаетъ Бернульи ²⁾.

Остается сказать нѣсколько словъ о художественномъ направленіи, къ которому принадлежитъ эрбахскій типъ. Не буду останавливаться на подробномъ разборѣ головы; ограничусь указаніемъ на высказанныя Шрейберомъ ³⁾ и Бернульи ⁴⁾ мнѣнія. Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія изученіе художественныхъ направленій въ эпоху Александра сдѣлало большіе успѣхи; тѣмъ удивительнѣе разногласіе насчетъ головы изъ собранія графа Эрбаха. Вульфъ ⁵⁾ усматривалъ въ ней характеръ Лисиппа; но къ этому мнѣнію не присоединился никто, такъ что можно оставить его въ сторонѣ. Шрейберъ и Бернульи, вслѣдъ за Бенндорфомъ ⁶⁾, считаютъ этотъ типъ аттическимъ. Но возьмемъ для сравненія любую аттическую голову, хотя бы Гермеса Олимпійскаго; оказывается, что строй лица, который отличается сильно выступающей горизонтальной линіей, совершенно не сходенъ съ аттическимъ типомъ съ его длиннымъ подбородкомъ и высокимъ, въ формѣ треугольника, лбомъ, въ основѣ котораго лежитъ вертикальная линія ⁷⁾. Клейцъ ⁸⁾ и Штаркъ ⁹⁾ считали Леохара авторомъ эрбахскаго типа. Не будемъ останавливаться на повѣйшей гипотезѣ Амелунга ¹⁰⁾ насчетъ Евфранора и Леохара, а останемся на точкѣ зрѣнія Клейна, исходящаго въ характеристикѣ Леохара отъ Аполлона Бельведерскаго. Типъ Аполлона вполне отвѣчаетъ аттическому идеалу и, по приведеннымъ причинамъ, не можетъ быть сопоставленъ съ эрбахскимъ Александромъ. Итакъ, я долженъ остаться при своемъ мнѣніи ¹¹⁾,

¹⁾ Studien, 89.

²⁾ Ук. соч. 40.

³⁾ Studien, 90

⁴⁾ Ук. соч. 41 сл.

⁵⁾ Alexander mit der Lanze, Berlin, 1891, 47 сл.

⁶⁾ Österr. Jahreshfte, III, 219.

⁷⁾ Ср. Waldhauer, Über einige Porträts, 16 сл. Собираюсь еще разъ подробно запятыся разборомъ стиля Евфранора и поэтому могу здѣсь ограничиться только намеками.

⁸⁾ 'Εφ ημ. ἀρχ. 1900, 1 сл. Praxitel. Studien, 50.

⁹⁾ Zwei Alexanderköpfe, 21.

¹⁰⁾ Revue archéol. 1904.

¹¹⁾ Über einige Porträts Alex. d. Gr. 26.

высказанномъ независимо отъ Фуртвенглера ¹⁾, что этотъ типъ—близжайшая аналогія къ Ватиканскому Адонису, авторомъ котораго мы считаемъ Евфранора.

II. Статуя изъ Магнесіи въ Константинополь.

Второй важный памятникъ, который вызвалъ интересъ науки, — «Александръ изъ Магнесіи» (рис. 2. 3. 4) ²⁾. Эта статуя найдена около Магнесіи и находится теперь въ Константинополь. Она изображаетъ Александра спокойно стоящимъ съ слегка выставленной лѣвой ногой. Правая рука прижимаетъ къ бедру мечъ, отъ котораго сохранилась только верхняя часть. Идеальный типъ статуи побудилъ перваго издателя, С. Рейнака, считать ее Аполлономъ ³⁾, но Вигандъ ⁴⁾, подробно изслѣдуя фигуру, указалъ на большую вѣроятность того, что статуя изображаетъ Александра; это предположеніе подтверждается мечомъ и физиономіей, которая не лишена индивидуальныхъ чертъ; характерна прическа и профиль. Шрейберъ ⁵⁾ и Бернулли ⁶⁾ отказываются принять эту статую за изображение Александра. Для Шрейбера главною точкою опоры служить герма въ Луврѣ. Не будемъ отрицать чрезвычайной важности этого памятника, на которомъ сохранилась надпись, но все-таки было бы слишкомъ узко ограничиваться имъ. Шрейберъ рѣшительно не признаетъ головъ, которыя не повторяютъ точь въ точь луврскій портретъ; но вѣдь нельзя забывать, что, напримѣръ, Лисиппъ и Леохаръ, конечно, совершенно различно могли передать общія формы своей модели! Узость взгляда Шрейбера высказывается и въ томъ отношеніи, что онъ не принялъ въ соображеніе монету Лисимаха, которая, по моему мнѣнію, въ иконографіи Александра еще цѣлнѣе парижской гермы.

«...Vermisse ich das symmetrisch geordnete Stirnhaar, welches noch ein später Autor an einer in Alexandrien aufgestellten Reiterstatue 'Αλεξάνδρου τοῦ κτίστου mit Sonnenstrahlen vergleichen konnte und das Plutarch als Hauptkennzeichen so nachdrücklich hervorhebt».

Я привелъ дословно это мѣсто Шрейбера, такъ какъ оно характерно для его точки зрѣнія. Но что доказываетъ сравненіе парижской

¹⁾ Journal of hellenic studies, 1901, 214.

²⁾ Mon. Piot, III (1897), табл. 16—18. Jahrb. d. arch. Inst. XIV (1899), табл. I, стр. 1. Bernoulli, ук. соч. 53 сл. рис. 12. 13. 14.

³⁾ Mon. Piot, III, 155 сл.

⁴⁾ Jahrb. d. arch. Inst. 1899, 1 сл.

⁵⁾ Studien, 84.

⁶⁾ Ук. соч. 55 сл.

гермы съ монетой Лисимаха? Во-первыхъ, что художники очень свободно передавали наружность Александра, и что нельзя становиться на пьедесталъ «строгой научности», обсуждая портреты исходя изъ сходства ихъ съ гермой въ Луврѣ. Не будемъ забывать, что мы имѣемъ дѣло не съ грамматическими формами или математическими выводами, а съ художественными произведеніями! На монетѣ Лисимаха проявляется вся гениальность личности Александра, на парижской гермѣ онъ изображенъ болѣе первичнымъ человекомъ. Во-вторыхъ, сравненіе этихъ типовъ доказываетъ, что «научныя примѣты» Шрейбера не приложимы, если онъ не желаетъ отказаться отъ монеты; съ точки зрѣнія Шрейбера это было бы весьма послѣдовательно и «научно»; но Шрейберъ или не видѣлъ или не желалъ видѣть этихъ различій. Нѣтъ того «symmetrisch geordnete Stirnhaar», которымъ любитъ Шрейберъ; нѣтъ и той широкой, столь высоко возвышающейся надъ лбомъ, полоски волосъ, которая

Рис. 2. Статуя изъ Магнесіи въ Константинополь.

бросается въ глаза на парижской гермѣ ¹⁾. Голова Александра изображена на монетахъ въ профиль, но первый локонъ пересѣкаетъ дугою линію лба; значить, дуга была задумана не возвышающеюся какъ разъ надъ серединой лба, а болѣеhalb, чѣмъ нарушается вся симметрия. Передніе волосы здѣсь и не выступаютъ такъ высоко какъ на парижской

Рис. 3. Голова статуи изъ Магнесіи.

гермѣ, а образуютъ одну линію съ остальной массой волосъ. Отмѣтимъ еще, что линія профиля на монетахъ — косая, на гермѣ — крутая. Итакъ доводы Шрейбера едва ли имѣютъ значеніе.

Бернулли ²⁾ со свойственной ему осторожностью не выражаетъ собственнаго мнѣнія и не рѣшается въ пользу чьего-либо взгляда. Наименованіе статуи Александромъ ему кажется возможнымъ, но онъ допускаетъ и возможность, что изображенъ какой-то малоазійскій князь или Демось Магнесіи ³⁾.

Но, конечно, такіа разсужденія не ведутъ ни къ какому результату; нѣкоторое сходство съ головой эрбахскаго собранія то же мало что-либо доказываетъ ⁴⁾. Попытаемся доказать невѣроятность приведенныхъ Бернулли предположеній.

Во-первыхъ сохранились четыре повторенія, этого типа, которыя, безъ сомнѣнія, восходятъ къ одному оригиналу ⁵⁾:

- 1) Статуя изъ Магнесіи.
- 2) Голова въ Британскомъ Музеѣ. Коерр, Ueber Bildnis Alexanders des Grossen, 24 ⁶⁾.
- 3) Голова въ Museo Nazionale въ Неаполѣ (на такъ называемомъ

¹⁾ См. мои замѣтки въ *Porträts*, 14 сл.

²⁾ Ук. соч. 56.

³⁾ Гипотеза Кёрте.

⁴⁾ Замѣтка *Benndorfa* въ *Oesterr. Jahreshfte*, III, Beiblatt, 219.

⁵⁾ Бернулли перечисляетъ собранныя мною головы (*Porträts*, 45), не смотря на то, что, по его мнѣнію, онѣ только „mehr oder weniger verwandt“. Съ моимъ сопоставленіемъ согласились *Фуртвенглеръ* и *Л. Курціусъ*.

⁶⁾ См. *Furtwängler*, *Meisterwerke*, 669, гдѣ *Фуртвенглеръ* невѣрно отвесъ голову къ V вѣку.

Протесилаѣ). Röm. Mitt. XII (1897), 36. Arndt-Amelung, Einzelaufnahmen, 516. 517. Brunn-Bruckmann, Denkmäler, табл. 334.

4) Голова на такъ называемомъ «Аполлонѣ съ гусемъ» въ Museo Nazionale въ Неаполѣ. Overbeck, Atlas zur Kunstmythologie, табл. XIII, 26 ¹⁾.

5) Голова въ Дармштадтѣ (собрание фонъ-Гейль). Arndt-Amelung, Einzelaufnahmen, 1448. 1449. 1450.

Бернульи признаетъ репликами головы 2, 3 и 4 (?), но, по его мнѣнію, эти головы не могутъ изображать Александра, такъ какъ повязка не можетъ быть признана діадемою ²⁾. Дѣйствительно, діадемы нѣтъ; но развѣ на монетахъ Лисимаха Александръ не носитъ тоже только повязку? Далѣе Бернульи отмѣчаетъ сильное движеніе этихъ головъ въ сторону, которое будто бы не подходитъ къ спокойной постановкѣ статуи изъ Магнесіи. Не буду отрицать, что, судя по мус-

Рис. 4. Голова статуи изъ Магнесіи.

куламъ на шеѣ, дѣйствительно эти головы были повернуты сильно вправо; но Бернульи не потрудился сравнить изгибъ ихъ съ головой статуи изъ Магнесіи ³⁾; эта голова повернута не менѣе въ сторону, и въ этомъ совершенно сходна съ остальными головами. Дальнѣйшія замѣчанія Бернульи, что выраженіе статуи изъ Магнесіи спокойнѣе, что лобъ не такъ развитъ и волосы трактованы иначе, не могутъ служить доказательствами противъ моего сопоставленія; во-первыхъ, никто не будетъ отрицать, что выраженіе лица — едва ли доводъ, такъ какъ оно измѣняется, смотря по большей или меньшей ловкости копінста: нѣкоторыя повторенія отдыхающаго сатира, напримѣръ, отличаются сдержанностью отъ другихъ репликъ, и такихъ примѣровъ можно набрать массу; во-вторыхъ, важна не трактовка волосъ въ деталяхъ и отдѣлка отдѣльныхъ

¹⁾ На эту голову обратилъ мое вниманіе Л. Курціусъ.

²⁾ Ук. соч. 58.

³⁾ См. изображенія головы у Bernoulli, ук. соч. 54 сл., рис. 13. 14.

локоновъ, по расположеніе ихъ; въ этомъ реплики сходны ¹⁾). Работа экземпляра изъ Магнесіи вообще неудовлетворительна и безжизненна, и неудивительно, что локоны только намѣчены, а не тонко вырѣзаны въ отдѣльности; но всѣ главныя черты лица до того сходны у всѣхъ экземпляровъ, что едва ли можно сомнѣваться въ общности оригинала.

Разъ сохранилось пять повтореній одного портрета, едва ли онъ изображалъ какого-нибудь малоазійскаго князя или Демось Магнесіи; такъ какъ статуя относится къ IV вѣку, то остается только видѣть въ ней изображеніе Александра. Этотъ выводъ подтверждается монетами Лисимаха. Конечно, профиль идеализованъ, но стоитъ сравнить только очертанія лба и подбородка, чтобы убѣдиться въ тожествѣ изображаемой личности.

Что касается художника, который создалъ оригиналъ, то въ этомъ мнѣнія ученыхъ расходятся. Вигандъ ²⁾ указалъ на Леохара; того же мнѣнія держались Фуртвенглеръ ³⁾, Бенндорфъ ⁴⁾ и Булле ⁵⁾. Бернульи ограничивается перечисленіемъ этихъ мнѣній ученыхъ и самъ ничего не прибавляетъ. вмѣстѣ со статуей найдена надпись II-го вѣка до Р. Х. ⁶⁾: Μηνᾶς Αἰάντος Πηργαμηνῶς ἐποί(η)σεν. Если эта надпись принадлежитъ статуѣ, замѣчаетъ Бернульи, то мнѣнія Т. Рейнака и Грефа ⁷⁾, которые относятъ фигуру къ эллинистической эпохѣ, подтвердились бы. Но этимъ было бы доказано только то, что пергамскій художникъ былъ скульпторомъ статуи, но ничуть не то, что онъ былъ создателемъ оригинала. Аналогія статуи съ Аполлономъ Бельведерскимъ бросалась въ глаза большинству ученыхъ, и я самъ указалъ на черты, которыя позволяютъ намъ считать создателемъ оригинала Леохара ⁸⁾. Но мы объ этомъ еще поговоримъ въ связи съ мюнхенской статуей. Будемъ признавать пока это предположеніе вѣроятнымъ и обратимся къ дальнѣйшей гипотезѣ ⁹⁾, оспариваемой Бернульи ¹⁰⁾.

Павсаній ¹¹⁾, описывая въ Олимпіи небольшое зданіе, построенное Филиппомъ послѣ битвы при Хероней ¹²⁾, упоминаетъ стояція въ немъ

¹⁾ См. мои указанія въ *Porträts*, 46.

²⁾ *Jahrb. d. arch. Inst.* 1899, 2 сл.

³⁾ *Arndt-Amelung, Einzelaufnahmen*, 1449. 1450 (текстъ).

⁴⁾ *Oesterr. Jahreshfte*, ук. м.

⁵⁾ *Arndt-Amelung, Einzelaufnahmen*, текстъ къ 1449. 1450.

⁶⁾ *Bernoulli*, ук. м.

⁷⁾ *Bursians Jahresbericht*, 1901, 143.

⁸⁾ *Porträts*, 47.

⁹⁾ *Waldhauer, Porträts*, 48 сл.

¹⁰⁾ Ук. соч. 139.

¹¹⁾ V, 20, 9.

¹²⁾ Φιλίππῳ δὲ ἐποίηθη μετὰ τὸ ἐν Χαίρωνει τὴν Ἑλλάδα ὀλισθεῖν, см. *Olympia, Textband*, II, 133 (A d l e r).

статуи изъ золота и слоновой кости, изображавшія Филиппа, Александра, отца Филиппа Аминту, Евридику и Олимпіаду. Обломки базы найдены ¹⁾. Трей ²⁾ указалъ на то, что, по всей вѣроятности, Александръ стоялъ налѣво отъ Филиппа. Выходитъ такая композиція: въ серединѣ стоялъ Филиппъ, возлѣ него Александръ съ одной, Аминта съ другой стороны, на концахъ Олимпіада и Евридика; такое сопоставленіе фигуръ, не связанныхъ въ группу, мы нерѣдко встрѣчаемъ въ греческомъ искусствѣ. Сохранилась, къ сожалѣнію, только одна композиція, которая представляетъ аналогію,—восточный фронтоиъ храма Зевса въ Олимпіи; по этой аналогіи мы можемъ заключить, что у Александра и Аминты головы повернуты были по направленію къ Филиппу ³⁾; голова Александра поэтому была повернута вправо. Далѣе по величинѣ базы мы можемъ заключать, что Александръ былъ изображенъ спокойно стоящимъ; матеріаль—золото и слоновая кость—совершенно исключаетъ нагую фигуру, потому что въ этомъ случаѣ золото не играло бы никакой роли; она, значитъ, была одѣта въ плащъ или въ панцырь ⁴⁾.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ данныхъ мы можемъ составить слѣдующее представленіе объ этомъ изображеніи Александра: герой въ стилѣ второй половины IV-го вѣка, спокойно стоящій и обращающій голову вправо; онъ окутанъ въ плащъ или носитъ панцырь; послѣднее предположеніе не вѣроятнѣе перваго потому, что въ этомъ случаѣ художникъ лишень былъ бы возможности изобразить обнаженное тѣло.

Копіей съ этой статуи долгое время считали статую Александра Ронданини въ Мюнхенѣ ⁵⁾; но матеріаль—золото и слоновая кость—опровергаетъ такое предположеніе ⁶⁾. О другихъ предположеніяхъ не стоить упоминать, такъ какъ онѣ касаются головъ, которыя съ Леохаромъ не имѣютъ ничего общаго. Я высказался за то, что копіей съ олимпійской статуи служила статуя изъ Магнесіи и старался подробно обосновать эту гипотезу ⁷⁾, но не нашелъ симпатій Бернулли ⁸⁾, который, впрочемъ, и въ этомъ случаѣ ограничивается перечисленіемъ предположеній

¹⁾ Olympia, Tafelband, II, табл. LXXIX. Arch. Zeit. 1882, 67. 68.

²⁾ Arch. Zeit. 1882, 69.

³⁾ Waldhauer, Porträts, 49.

⁴⁾ Hauser y Arndt-Bruckmann, Griech. u. röm. Porträts, текстъ къ табл. 186. Monum. ant. dei Lincei, VI, 80. 2 (Helbig).

⁵⁾ Furtwängler, Beschreibung der Glyptothek, 298. de Ujfalvy, Le type phys. d'Alex. le Gr. 84 сл. Bernoulli, ук. соч. табл. V и т. д. Предположеніе впервые высказано Коерп'омъ, ук. соч. 18.

⁶⁾ Hauser, ук. м.

⁷⁾ Porträts, 48 сл.

⁸⁾ Ук. соч. 139 сл.

разныхъ ученыхъ, не высказывая собственнаго. Это, конечно, очень осторожно, но не ведетъ ни къ какому результату; поэтому замѣчаніе Бернульи, что сопоставленія, сдѣланныя мною, излишни, ничего не доказываетъ.

Привожу вкратцѣ свои доказательства:

1) Александръ изъ Магнесіи воспроизводитъ аттический оригиналъ второй половины IV-го вѣка; это даже осторожный Бернульи считаетъ возможнымъ.

2) Этотъ типъ, не только по моему мнѣнію, по стилю подходитъ къ Леохару; объ этомъ еще нѣсколько словъ въ связи съ Александромъ Ронданини. Бернульи объ этомъ умалчиваетъ.

3) Плащъ, окружающій тѣло, на молодомъ Александрѣ въ идеальномъ изображеніи необыченъ и требуетъ объясненія. Техника работы въ слоновой кости и золотѣ предпочитаетъ такое расположеніе плаща, что доказываетъ Зевсъ Олимпійскій Фидія. Бернульи несогласенъ съ этимъ. Я долженъ привести его возраженія. Будучи согласенъ съ высказаннымъ мною мнѣніемъ, что плащъ не подходитъ къ такому изображенію Александра, Бернульи продолжаетъ: «Aber das ist nicht dadurch zu erklären, dass der Goldelfenbein-Künstler auf diese Weise um die nackten Beine herumkommen wollte (!!!), sondern einfach dadurch, dass hier gar nicht die Statue des Leochares gemeint ist: der jugendliche Sieger von Chaeronea wird vielmehr im Panzer dargestellt gewesen sein».

Отъ такого ученаго, какъ Бернульи, можно было ожидать болѣе вѣскихъ доводовъ. Доказательствъ въ приводимыхъ имъ доводахъ найти трудно; мнѣ, по крайней мѣрѣ, это не удалось. Моей гипотезѣ онъ противопоставляетъ другую, что Александръ былъ изображенъ въ панцирѣ; это голословное утвержденіе ничего не доказываетъ. Расположеніе плаща объясняется тѣмъ, что—статуя не копія съ оригинала Леохара!! Признаюсь, что это, какъ говоритъ Бернульи, «простое» объясненіе для меня непостижимо.

На вопросъ Бернульи: «Inwiefern soll da (sc. для работы въ слоновой кости и золотѣ) die Magnesiastatue mit ihrem nackten Oberleib besonders passen?» я возражаю указаніемъ на Зевса Олимпійскаго Фидія.

Итакъ, возраженія Бернульи ничего не доказываютъ, если въ его словахъ не хранится тайна, недоступная для меня ¹⁾.

---

¹⁾ Бернульи отмѣчаетъ, что плащъ придаетъ Александру болѣе серьезный мужской видъ. Можетъ быть, онъ предполагаетъ, что Александръ тутъ задумавъ постарше и статуя изъ Магнесіи поэтому не можетъ быть копіей со статуи Леохара, которая изображала Александра юношей. Но если бы художникъ имѣлъ въ виду Александра въ зрѣломъ возрастѣ, онъ обозначилъ бы бородку на щекѣ, какъ на капитолійскомъ типѣ.

4) По мотиву и положенію головы статуя изъ Магнесіи согласуется вполнѣ съ данными паходокъ.

5) Многочисленныя повторенія доказываютъ знаменитость оригинала.

6) Небольшое колебаніе въ обозначеніи локоновъ около повязки указываетъ на то, что оригиналь для копійстовъ былъ недостатокъ.

Мнѣ кажется, что расположеніе плаща въ связи съ другими данными дѣлаетъ мою гипотезу довольно вѣроятною. Но объ этомъ, конечно, судить не мнѣ.

III. Александръ Ронданини въ Мюнхенѣ.

Извѣстная статуя въ в Мюнхенской глиптотекѣ¹⁾ (табл. III, рис. 5. 6) получила наименованіе Александра еще до эпохи преобладающаго вліянія парижской гермы²⁾. Но чѣмъ интереснѣе статуя, тѣмъ увеличиваются разногласія насчетъ ея. Большая часть археологовъ, правда, держалась традиціоннаго наименованія, но еще недавно Шрейберомъ³⁾ вопросъ объ этой фигурѣ былъ разработанъ въ совершенно другомъ смыслѣ. Но и тутъ лейпцигскій ученый слишкомъ увлекся парижской гермой, подпись которой, конечно, придала особенный ореоль ей; Шрейберъ оставляетъ безъ вниманія все другія свидѣтельства о наружности Александра, лишь бы сохранилъ авторитетъ чрезвычайно посредственнаго луврскаго портрета. Итакъ, мы должны повторить и здѣсь упрекъ, сдѣланный нами относительно способа изслѣдованія Шрейбера по поводу статуи изъ Магнесіи. Шрейберъ не соглашается на наименованіе статуи Александромъ на основаніи слѣдующихъ соображеній:

1. Нѣтъ на статуѣ *ἀναστολή τῆς κόμης*, характерной для луврской гермы.

2. Ему кажется невозможнымъ, что художникъ, изображая Александра, могъ опустить своеобразную черту, бросающуюся въ глаза на парижской гермѣ — *διάχρισς καὶ ὑγρότης τῶν ὀμμάτων*. Бернулли⁴⁾ уже обратилъ вниманіе на ничтожность такихъ доводовъ, указывая на монеты Лисимаха. Не будемъ на нихъ останавливаться; мы уже выше, изъ сравненія луврской гермы съ типами монетъ, вывели заключеніе. что

¹⁾ Furtwängler, *Beschr. d. Glyptothek*, 298. Кромъ указанныхъ выше изданій см. Brunn-Bruckmann, *Denkmäler*, табл. 105. Arndt-Bruckmann, *Griech. u. röm. Porträts*, табл. 183—185.

²⁾ Schreiber, *Studien*, табл. I A 1. Bernoulli, *ук. соч.* табл. I.

³⁾ *Studien*, 82 сл. 272 сл.

⁴⁾ *Ук. соч.* 47.

парижскій портретъ напрасно считается важнѣйшей точкой опоры для изслѣдованія иконографіи Александра Великаго. Это сравненіе опровергаетъ и доводы Шрейбера. Они имѣли бы значеніе, если бы оригиналь мюнхенской статуи былъ подлиннымъ произведеніемъ Лисиппа ¹⁾, такъ какъ

Рис. 5. Голова Александра Ронданини.

διάχυσις καὶ ὑγρότης τῶν ὀμμάτων въ связи съ ἀρρενωπὸν καὶ λεοντῶδες, по словамъ Плутарха ²⁾, были именно характерными чертами для портретовъ Лисиппа ³⁾, но объ этомъ теперь и рѣчи быть не можетъ ⁴⁾. Характерна, впрочемъ, для «строгой научности» «иконграфовъ» Александра дальнѣйшая гипотеза Шрейбера. Безъ сомнѣнія, пишетъ онъ на стр. 82, статуя относится къ эпохѣ Александра или его непосредственныхъ преемниковъ; на стр. 276, онъ, на основаніи подробныхъ разсужденій о типахъ Селевки-

довъ, старается доказать, что мюнхенская статуя изображаетъ Антиоха VIII Гrippa! Невзвѣстный гениальный художникъ конца IV вѣка, значить, сумѣлъ, будучи, вѣроятно, одаренъ огромнымъ пророческимъ даромъ, изобразить эпигопа, жившаго двумя столѣтіями позже!

¹⁾ Что, впрочемъ, и утверждаютъ Konrad Lange (Motiv des aufgestützten Fusses, 56 сл.) и Emerson, American Journal of Archeology, III (1887), 250.

²⁾ Περί τῆς Ἀλεξάνδρου τύχης ἢ ἀρετῆς, 2 (Moralia, II, p. 430 Bernardakis): οἱ δ' ἄλλοι τὴν ἀποστροφὴν τοῦ τραχήλου καὶ τῶν ὀμμάτων τὴν διάχυσιν καὶ ὑγρότητα μιμεῖσθαι θέλοντες οὐ διεφύλακτον αὐτοῦ τὸ ἀρρενωπὸν καὶ λεοντῶδες.

³⁾ См. и Bernoulli, ук. соч. 47.

⁴⁾ Bernoulli, ук. соч. 50 сл.

Что мюнхенская статуя—портретъ, а не идеальнѣйшій типъ, въ этомъ, насколько мнѣ извѣстно, не сомнѣвался никто. Вопросъ только въ томъ, кого изображаетъ героическій юноша; цѣль скульптора была дать не иконическій портретъ, но идеализованное изображеніе молодого героя: индивидуальныя черты не выступаютъ на первый планъ, а примѣшиваются къ идеальнымъ формамъ, придавая имъ большую жизненность.

Статуя довольно хорошо сохранилась въ томъ отношеніи, что главныя очертанія ея ясны: реставрированы бѣлая часть рукъ и почти вся правая нога ¹⁾. При этихъ данныхъ композиція развивается довольно свободно: правая нога была поставлена на возвышеніе, обѣ руки шли въ направленіи къ правому колѣну. На счетъ частности мнѣнія расходятся; но

Рис. 6. Голова Александра Ронданини.

предположеніе Ланге ²⁾, Овербека ³⁾ и другихъ, что фигура была занята прилаживаніемъ кнемидъ не выдерживаетъ критики потому, что взглядъ фигуры слишкомъ устремленъ впередъ и не обращаетъ вниманія на дѣйствіе рукъ, а спина слишкомъ мало изогнута ⁴⁾; болѣе вѣроятна гипотеза

---

¹⁾ См. Furtwängler, ук. соч. Подробный разборъ предложенныхъ реставрацій у Vernoulli, ук. соч. 48 сл.

²⁾ Motiv des aufgestützten Fusses, 55.

³⁾ Overbeck, Gesch. d. griech. Plastik, II⁴, 148.

⁴⁾ См. Vernoulli, ук. соч. 49.

теза Михаэлиса ¹⁾), что правая рука лежала на колѣнѣ, а лѣвая держалась за нее; но и такая реставрація производит нѣсколько безжизненное впечатлѣніе. Остается предположеніе Брунна, Кѣппа и Фуртвенгера ²⁾), что руки были сложены на колѣнѣ, держа одно или два копья: эти копья, собственно говоря, и не нужны для гармоничнаго художественнаго цѣлага.

Я уже раньше ³⁾ старался доказать, что статуя, съ ея головою въ рѣзкомъ профилѣ, только съ правой стороны производит удовлетворительное впечатлѣніе; изъ этого я вывелъ заключеніе, что статуя создана на основаніи рельефной или живописной композиціи ⁴⁾). Эта характерная черта — первая точка соприкосновенія между мюнхенской статуей, Ганимедомъ въ *Galleria dei Candelabri* ⁵⁾ и Аполлономъ Бельведерскимъ ⁶⁾). Но этимъ не ограничивается сходство между Александромъ Ронданини и группой произведеній, которыя мы приписываемъ Леохару. Конечно, для дальнѣйшихъ изслѣдованій мы принуждены держаться Аполлона Бельведерскаго, такъ какъ ватиканскій Ганимедъ — копія посредственной работы, да еще съ головой, которая не несомнѣнно принадлежитъ фигурѣ ⁷⁾). Приведемъ важнѣйшія параллели между знаменитой фигурой Бельведера, мюнхенской статуей и Александромъ изъ Магнесіи. Сравненіе облегчается тѣмъ, что оба портрета не стремятся къ натурализму, а представляютъ собою идеальныя изображенія съ индивидуальными чертами, которыя чуть замѣтно примѣшаны къ идеальнымъ формамъ. Бросается въ глаза совершенно сходное построеніе лица: волосы расположены такъ, что окружаютъ лобъ треугольникомъ; брови проведены почти совершенно прямолинейно и стоятъ подъ прямымъ угломъ къ линіи носа, который отличается широкимъ основаніемъ. Скулы выступаютъ довольно сильно, но не настолько, чтобы

¹⁾ Festgabe des kunstarchaeol. Inst. d. Universität Strassburg für die archäol. Section d. 46-ten Philol.-Versammlung 1901, 34, рис. 38. Schreiber, Studien, 276, рис. 33.

²⁾ См. Furtwängler, Beschreibung d. Glyptothek, 298.

³⁾ Porträts, 41, ср. изображеніе у Коерра, ук. соч. 17 и Bernoulli, ук. соч. 51.

⁴⁾ Ук. соч. 44.

⁵⁾ Helbig, Führer, I, 255, № 406. Brun-Brockmann, Denkmäler, табл. 158. Collignon, Hist. de la sculpt. gr. II, 315, рис. 160. Литературу см. у Helbig'a.

⁶⁾ Helbig, Führer, I, 96, № 164. Brun-Brockmann, Denkmäler, табл. 419. Collignon, Hist. de la sculpt. gr. II, рис. 161. Болѣе раннюю литературу см. у Overbeck'a, Kunstmythologie, IV, 248 сл. и Gesch. d. griech. Plastik, II, 369 сл. 467 сл. Остальное у Helbig'a, l. c.

⁷⁾ Голова, во всякомъ случаѣ, не реставрирована, какъ пишетъ Helbig, l. c., а антична.

горизонтальная линия могла превышать своимъ значеніемъ вертикальную ¹⁾, она представляютъ наибольшую широту овала лица. Эллипсисъ, образуемый очертаніемъ лица, однако, не удлиненъ, какъ напр. у головъ Праксителя, но болѣе закругленъ; подбородокъ короче праксителевыхъ типовъ и болѣе приближается къ полукруглой формѣ. Фасъ даетъ довольно важныя указанія и въ деталяхъ; такъ особенно мы должны обратить вниманіе на изогнутую форму рта и широко открытые глаза; профиль еще яснѣе обнаруживаетъ работу одного художника въ трактовкѣ подбородка, круглыя и мягкія очертанія котораго повторяются на всѣхъ приведенныхъ нами статуяхъ. Мы должны, наконецъ, указать и на отдѣлку волосъ: локоны мягкими линиями развиваются надъ лбомъ, пересѣкая другъ друга, но линіи проведены ясно и спокойно.

Итакъ, старая гипотеза, что Александръ Ронданини — копія съ произведенія Леохара, можетъ считаться весьма вѣроятной ²⁾.

Если мы примемъ эту гипотезу, то дальнѣйшіе выводы уже аргюги вѣроятны. Дѣйствительно, кого могъ изображать портретъ Леохара, представляющій юношу идеализованнымъ въ героической позѣ, кромѣ Александра Македонскаго? Этотъ выводъ вполне подтверждается монетами Лисимаха, и гипотезы, на шаткихъ основаніяхъ построенныя, какъ напр. предположеніе Гаузера ³⁾, что мюнхенская статуя изображаетъ то же лицо, что и геркуланская бронзовая голова въ Museo Nazionale въ Неаполь ⁴⁾, только въ болѣе молодомъ возрастѣ, — такія гипотезы, въ виду ясности положенія дѣла, являются излишними. Монета Лисимаха по стилю также сходна съ Аполлономъ Бельведерскимъ и подобными произведеніями. Сопоставленіе Аполлона съ мюнхенской статуей этимъ подтверждается. Дѣйствительно, тутъ точъ въ точъ повторяются тѣ же линіи: только менѣе идеализованный портретъ на монетахъ рисуетъ профиль индивидуальнѣе. Къ сожалѣнію, намъ изъ древней литературы не извѣстенъ портретъ Александра, который могъ бы стоять въ связи съ мюнхенской статуей.

---

¹⁾ См. разборъ значенія вертикали и горизонтали въ искусствѣ у Strzygowski, *Beilage zur Münchener Allgemeinen Zeitung*, 1903, № 55, стр. 434.

²⁾ Сужденіе Bernoulli, ук. соч. 51, что мотивъ статуи не достоинъ имени знаменитаго Леохара, конечно, опровергнуть нельзя, но я долженъ отмѣтить, что и Фидій не отказался отъ него, какъ доказываютъ фигуры на фризѣ Парѳенона. Michaelis, *Parthenon*, West. VI 12 и XV 29.

³⁾ У Arndt-Bruckmann, *Griech. u. röm. Porträts*, текстъ къ табл. 186. 187.

⁴⁾ *Comparetite de Petra, La Villa Ercolanese*, табл. 9, 3. Arndt-Bruckmann, *Griech. u. röm. Porträts*, табл. 91. 92.

IV. Голова въ Капитолійскомъ Музеѣ.

Голова въ Капитолійскомъ музеѣ (табл. VI)¹⁾ такъ же, какъ и Александръ Ронданини, принадлежитъ къ тѣмъ изображеніямъ Александра Великаго, которыя получили это наименованіе еще до находки гермы въ Луврѣ. Реставрированы только бюстъ и передняя часть носа²⁾, но позднѣйшій скульпторъ сумѣлъ дополнить отломанную часть носа съ художественнымъ чутьемъ: форма реставрированной части вполне согласуется съ сохранившимися остатками. Напрасно Бернулли³⁾ и Сиксъ⁴⁾ старались доказать рисунками возможность другихъ реставрацій; оба рисунга совершенно измѣняютъ характеръ головы и придаютъ ей нѣкоторую слабость и мягкость, которая совсѣмъ не подходитъ къ величію концепціи. Античныя части вполне опредѣляютъ форму носа и не допускаютъ другой реставраціи.

Голова Капитолійскаго музея изображаетъ Александра обоготвореннымъ: длинные волосы окружаютъ широкими линіями лицо, голова энергично повернута влево, широко открытые глаза устремлены въ даль. Идеальный характеръ произведенія побудилъ нѣкоторыхъ ученыхъ считать его идеальнымъ типомъ⁵⁾; такъ какъ въ повязкѣ сохранились дырочки, которыя указываютъ на то, что тутъ были прикрѣплены лучи, то головѣ не разъ давали имя Геліоса. Я старался доказать, что такой типъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ изображать Геліоса⁶⁾. На монетахъ Родоса сохранились изображенія Геліоса, и онѣ выясняютъ развитіе типа его⁷⁾, доказывая, что богъ солнца въ IV вѣкѣ изображался съ пробормомъ по срединѣ, а высокую прическу, на подобіе типа Александра, онъ получилъ только къ концу IV вѣка. Кромѣ того индивидуальная форма носа и рта не допускаетъ такого наименованія: для IV вѣка мы не въ правѣ предположить, что божество изображалось съ индивидуальными чертами лица, которыя встрѣчаются въ рѣдкихъ случаяхъ въ позднѣйшія эпохи античнаго искусства.

---

¹⁾ Schreiber, Studien, табл. V. Bernoulli, ук. соч. табл. VII. Arndt-Bruckmann, Griech. u. röm. Porträts, табл. 186. 187. Mon. ant. dei. Lincei, VI, табл. 2. Ujfalvy, ук. соч. табл. 3. Другія изданія см. у Шрейбера, ук. соч. 68 K 1.

²⁾ См. Helbig, Führer, I², 365, № 546.

³⁾ Ук. соч. 66.

⁴⁾ Röm. Mitt. X, 179.

⁵⁾ Напр. Коерр, ук. соч. 24. Bernoulli, ук. соч. 66 прим. 4.

⁶⁾ Porträts, 73 сл.

⁷⁾ British Museum, Catalogue of coins. Caria and Islands, табл. XXXVI сл.

Если мы имѣемъ дѣло съ портретомъ, то Александръ Великій — единственная личность, которую капитолійская голова можетъ изображать. Это наименованіе принято большинствомъ ученыхъ. Одинъ Сиксъ ¹⁾ высказался за Митридата Евпатора Понтійскаго; но, во-первыхъ, голова Капитолійскаго музея относится къ IV вѣку, значить, мы опять должны были бы изобрѣсти художника-пророка, какого нашель Шрейберъ для Александра Ронданини; во-вторыхъ, длинный и круглый подбородокъ Митридата не подходитъ къ типу капитолійской головы ²⁾.

Итакъ, этотъ типъ съ большой вѣроятностью можетъ считаться изображеніемъ Александра Македонскаго. Дырочка въ повязкѣ указываетъ на то, что Александръ тутъ задуманъ, такъ сказать, въ роли Геліоса. Это объясненіе оспаривается Вернульп ³⁾, который, однако, не въ состояніи замѣнить его другимъ. Если въ античной литературѣ не сохранилось намековъ на то, что Александръ изображался Геліосомъ, то это ничего не доказываетъ.

Недавно была найдена въ Египтѣ голова ⁴⁾, которая по своему сходству съ капитолійскимъ типомъ тотчасъ была названа повтореніемъ его; голова, конечно, вызвала глубокій интересъ научнаго міра и вмѣстѣ съ этимъ многочисленныя распри. Дѣйствительно, несмотря на полное сходство съ капитолійской головой, бостонскій памятникъ ставитъ новые вопросы. Во-первыхъ, въ какомъ отношеніи онъ стоитъ къ капитолійскому типу? Гельбигъ ⁵⁾ считаетъ бостонскую голову лучшимъ и болѣе древнимъ повтореніемъ капитолійскаго типа, Шрейберъ ⁶⁾ — наоборотъ. На римской репликѣ сохранились дырочки для прикрѣпленія лучей, на египетской нѣтъ. Наконецъ, несмотря на полное сходство, все впечатлѣніе египетской копіи другое: индивидуальныя черты не такъ рѣзко выступаютъ и движеніе головы измѣнено, что придаетъ головѣ болѣе сентиментальное выраженіе. Эти различія объяснялись различнымъ образомъ.

Для Гельбига вопросъ рѣшается довольно просто ⁷⁾. На капитолій-

¹⁾ Röm. Mitt. X, 179.

²⁾ Verroulli, ук. соч. 67.

³⁾ Ук. соч. 68 сл.

⁴⁾ Она находится теперь въ Бостонѣ (Museum of fine arts) и издана у Arndt-Bruckmann, Griech. u. röm. Porträts, табл. 481. 482. Ujfalvy, Le type phys. d'Alex. le Gr. табл. IV. Monument. ant. dei Lincei, VI, табл. I (съ подробнымъ разборомъ Helbig'a: Sopra un busto colossale d'Alessandro Magno trovato a Ptolemais). Verroulli, ук. соч. 70. 71, рис. 16. 17. Остальныя изданія перечислены у Шрейбера, ук. соч. 68 К 2. Голова найдена на мѣстѣ древней Птолемаиды-Герміи, въ теперешнемъ el-Menschege.

⁵⁾ Ук. соч. 73 сл.

⁶⁾ Studien, 73.

⁷⁾ Sopra un busto colossale, I. c.

ской головѣ сохранились дырочки для вѣпка съ лучами, значить—изображенъ Александръ-Геліосъ; она — повтореніе бостонской головы, на которой нѣтъ слѣдовъ лучей; значить—эта послѣдняя изображаетъ Александра небоготвореннымъ. Но слѣдовало бы ожидать, что въ такомъ случаѣ Александръ, какъ смертный, былъ изображенъ индивидуальнѣе Александра - бога; однако отношеніе между повтореніями противоположное.

Соображенія Шрейбера ¹⁾ по поводу этого вопроса очень сложны: по его мнѣнію, голова Капитолійскаго музея старше египетской копій, скульпторъ которой упростилъ ее и, такъ сказать, сократилъ оригиналь. Бернульи ²⁾, наоборотъ, приписываетъ голову въ Капитолійскомъ музеѣ римскому копійсту, который точно воспроизводитъ оригиналь. между тѣмъ какъ египетскій скульпторъ бостонской головы идеализовалъ портретныя черты своего праобраза. Это послѣднее объясненіе было бы самымъ простымъ и понятнымъ, если бы бостонская голова не соответствовала въ частностяхъ вполнѣ римской копій.

Сохранился цѣлый рядъ примѣровъ преобразованія знаменитыхъ типовъ въ позднѣйшія времена. Достаточно указать на безчисленныя варіаціи такъ называемой *Venus Genetrix*, Афродиты *ἐν κήποις*, Алкамена ³⁾. типа Геры изъ *Palazzo Borghese* въ Копенгагенѣ ⁴⁾; довольно поучительна и копія съ Делоса Диадумена Поликлета ⁵⁾, которая усваиваетъ строгому стилю черты эллинистическаго искусства. Эти преобразованія относятся къ эпохамъ, которыя еще не вполнѣ потеряли силу художественнаго творчества, которыя имѣли еще собственную манеру выражаться и не могли отдѣлаться отъ нея при воспроизведеніи болѣе древнихъ типовъ ⁶⁾. Духъ этихъ варіацій отличается отъ духа оригинала: измѣненіе мелочей, деталей въ состояніи создать совершенно новую картину. Отношеніе головы въ Бостонѣ къ капитолійской копій необъяснимо на основаніи даннаго матеріала и непонятно для общихъ соображеній.

Бостонская голова, какъ мы отмѣтили, гораздо болѣе пакопена, чѣмъ капитолійская; изъ этого мы можемъ вывести заключеніе, что предполагаемый египетскій художникъ хотѣлъ придать своему произве-

¹⁾ I. c. 73.

²⁾ Ук. соч. 73.

³⁾ Collignon - Baumgarten, *Gesch. d. gr. Plast.* II, рис. 57, стр. 129.

⁴⁾ Arndt, *La Glyptothèque Ny-Karlsberg*, табл. 23.

⁵⁾ Mahler, *Polyklet und seine Schule*.

⁶⁾ Furtwängler, *Über Statuencopieen im Altertum*, München, 1896, 18 (542).

С. А. Жебелевъ, Зап. Имп. Русск. Арх. Общ. IX (1897).

денію большій паюсъ; онъ. значить, свободно отнесся къ своему оригиналу. На фризѣ алтаря Зевса въ Пергамѣ мы встрѣчаемъ рядъ болѣе древнихъ типовъ, которые переобразованы согласно съ стилемъ эпохи. Но вездѣ и во всѣхъ другихъ случаяхъ преобразование мотива влечетъ за собою и измѣненія въ частности; иначе говоря, художникъ, который не рабски копируетъ статую, а берется представить ее, такъ сказать, въ новомъ свѣтѣ, всегда въ состояніи согласовать съ новой картиной и частности. Скульпторъ бостонской головы измѣнилъ мотивъ, но, несмотря на это, точнѣйшимъ образомъ воспроизводитъ частности, напр. волосы; индивидуальныя черты, которыя придаютъ особую жизнь капитолійской головѣ и чрезвычайно искусно примѣшаны къ идеальному образу, исчезаютъ на египетской головѣ; но въ новомъ, совершенно идеальномъ, произведеніи нѣтъ и слѣда тѣхъ атрибутовъ, которые обосновывали бы идеализацію.

Эти причины побудили меня считать египетскую голову поддѣлкой¹⁾; того же мнѣнія держались Фуртвенглеръ²⁾ и Гаузеръ³⁾; послѣдній имѣлъ случай изслѣдовать оригиналъ. Технические соображенія подтверждаютъ нашъ выводъ⁴⁾. Очень оригинально Шрейберъ⁵⁾ старается опровергнуть это предположеніе. На капитолійской головѣ, говоритъ онъ, борода на щекѣ обозначена совершенно ясно, на египетской же она совсѣмъ не понята и обозначена на подобіе нитки. «Современный фальсификаторъ», говоритъ онъ дальше, «не понялъ бы невѣрно бородку, столь ясную на праобразѣ—капитолійской головѣ, въ случаѣ неясности же онъ скорѣе совсѣмъ оставилъ бы ее въ сторонѣ, чѣмъ воспроизвелъ ее такъ, что она могла вызвать подозрѣніе». Иначе говоря: во-первыхъ безсмыслицы понятны только въ античномъ искусствѣ, хотя въ эпохѣ непосредственно послѣ смерти Александра, къ которой мы должны были бы отнести голову въ Бостонѣ, всякая мелочь въ наружности Александра была извѣстна; такъ какъ его преемники старались подражать ему во всемъ; во-вторыхъ, по мнѣнію Шрейбера, опасно на основаніи подозрительной черты на какомъ-нибудь произведеніи считать его поддѣлкой, такъ какъ вѣдь фальсификаторъ, конечно, стремится къ тому, чтобы вызвать какъ можно менѣе подозрѣнія; или же подозрительнѣе всего то художественное произведеніе, которое даетъ менѣе всего поводовъ къ подозрѣнію. Признаюсь, что я не совсѣмъ понимаю это.

¹⁾ Über einige Porträts, 80.

²⁾ Journal of hellenic studies, 1901, 213 прим. 2.

³⁾ По сообщенію Amelung'a, см. Bernoulli, ук. соч. 73.

⁴⁾ См. Über einige Porträts, l. c.

⁵⁾ Studien, 73 сл.

Шрейберъ¹⁾ приводитъ еще второе повтореніе капитолійскаго типа въ *Holkham Hall*; оно не упомянуто у Михаэлиса въ *Ancient marbles in Great Britain*. Бернульи²⁾ уже отмѣтилъ, что оно могло бы быть новѣйшей копіей съ капитолійской головы. По снимку, воспроизведенному у Шрейбера, работа напоминаетъ болѣе всего классицистовъ въ родѣ Кановы; особенно характерно мягкое исполненіе волосъ; на ту же эпоху указываютъ чертанія рта.

Итакъ, капитолійская голова остается единственнѣмъ воспроизведеніемъ прекраснаго типа второй половины IV вѣка; что предполагаемый оригиналъ имѣлъ авторомъ одного изъ самыхъ выдающихся художниковъ этой эпохи, въ этомъ никто не сомнѣвался. Вполнѣ естественно, что не разъ упоминали о Лисиппѣ, такъ какъ едва ли можно найти портретъ Александра Великаго, въ которомъ лучше соединены τὸ λευκῶδες и ὑρότης τῶν ὀμμάτων, — черта, которая была особеннѣмъ преимуществомъ портретовъ Лисиппа, между тѣмъ какъ его соперники не были въ состояніи соединить въ одной головѣ эти противоположности. Фуртвенглеръ³⁾ высказался за Лисиппа, и я⁴⁾ старался подробнѣе разобратъ доказательства, которыя побуждаютъ насъ считать оригиналъ капитолійской головы произведеніемъ самого Лисиппа. Шрейберъ⁵⁾ не отрицаетъ характера Лисиппа въ этомъ типѣ, но страстное выраженіе его и «зрѣлый стиль» ему кажутся неподходящими къ характеру этого художника. Шрейберъ далѣе предлагаетъ довольно интересную комбинацію. Слѣдуя Гельбигу⁶⁾, онъ высказывается за тожество художника *Chaereas*, который, по Плинію⁷⁾, слѣлалъ статую Александра и Филиппа, и скульптора *Chares*, автора извѣстнаго колосса на о. Родосѣ⁸⁾. Съ этимъ преданіемъ онъ связываетъ статую Геліоса (?)⁹⁾ въ Луврѣ, которая по стилю близка къ капитолійскому типу. Оба произведенія онъ приписываетъ одному художнику — *Chaereas = Chares*'у, который пере-

¹⁾ Studien, 68 прим. 3. 72 и 10 рис.

²⁾ Ук. соч.

³⁾ Berl. philol. Wochenschr. 1896, 1517. Journal of hell. studies, 1901, 213 прим. 1.

⁴⁾ Über einige Porträts, 73.

⁵⁾ Studien, 75. 78.

⁶⁾ Mon. ant. dei Lincei, l. c. 85.

⁷⁾ Plin. N. H. 34, 75: *Chaereas Alexandrum Magnum et Philippum patrem ejus fecit.*

⁸⁾ Plin. N. H. 34, 41.

⁹⁾ d'Escamps, Galerie des marbres antiques du Musée Campana à Rome, табл. 40. Bernoulli, l. c. 76, рис. 18. Bernoulli, 75, ошибается, говоря, что Шрейберъ впервые обратилъ вниманіе на эту статую, см. Arndt, текстъ къ Arndt-Bruckmann, Griech. u. röm. Porträts, табл. 481. 482 и Waldhauer, l. c. 81.

несь черты своего знаменитаго Гелиоса па Александра. Эта гипотеза очень привлекательна, но мы не можем признать ее вѣроятной. Не считаемъ себя въ достаточной степени компетентными въ филологическихъ вопросахъ, чтобы судить о комбинаціи Гельбига ¹⁾, принятой, кромѣ Шрейбера, и С Рейнакомъ ²⁾. Хотя аналогія $\Phi\alpha\iota\nu\lambda\alpha\varsigma = \Phi\acute{\alpha}\nu\eta\varsigma$ довольно близка, возраженія Вилламовица-Мёллендорфа ³⁾ имѣютъ слишкомъ большой вѣсъ, чтобы пользоваться этимъ предположеніемъ, какъ исходной точкой. Съ другой стороны, мы все-таки можем себѣ составить, хотя и довольно туманное, представленіе о Харесѣ, скульпторѣ колоссальной статуи на о. Родосѣ. На монетахъ, которыя принадлежатъ эпохѣ сооруженія этой статуи ⁴⁾, замѣчается появленіе новаго типа Гелиоса, и мы едва ли ошибемся, если припишемъ это измѣненіе вліянію знаменитаго произведенія Хареса. Судя по этимъ монетамъ, произведеніе Хареса имѣло гораздо болѣе страстный характеръ, чѣмъ статуя въ Луврѣ. Шрейберъ, правда, въ головѣ Капитолійскаго музея также ищетъ переходъ къ пергамской манерѣ; но хотя голова эта по стилю дѣйствительно «sehr reif», она еще стоитъ по сю сторону той линіи, которая раздѣляетъ эпоху IV вѣка отъ эллинистическаго искусства, той линіи, черезъ которую, впрочемъ, и перешелъ уже Лисиппъ, какъ доказываютъ Посидонъ Латеранскій ⁵⁾ и портретъ Александра въ Константинополѣ ⁶⁾, о которыхъ намъ еще придется говорить. Типы, которые являются въ эту эпоху на родосскихъ монетахъ, однако, вполне ясно выражаютъ уже ту черту глубокаго страданія, которая является основой пергамскихъ скульптуръ и столь величественно обнаруживается въ головѣ такъ называемаго «умирающаго Александра» въ Уффицияхъ во Флоренціи ⁷⁾. Этой черты нѣтъ ни въ статуѣ Лувра, ни въ капитолійской головѣ. Я на основаніи этихъ соображеній, особенно опираясь на замѣчательное сходство позднихъ родосскихъ типовъ съ головой въ Копенгагенѣ ⁸⁾, высказалъ предположеніе, что этотъ типъ, можетъ быть, въ состояніи дать намъ представленіе о портретѣ Харея-Хареса и, хотя комбинація Гельбига не кажется мнѣ настолько вѣроят-

---

¹⁾ Mon. ant. dei Lincei, I. c.

²⁾ Gazette des beaux-arts, 1902, 157.

³⁾ Liter. Central-Blatt, 1896, 1516.

⁴⁾ British Museum. Catalogue of coins. Caria, 38.

⁵⁾ Collignon-Baumgarten, Gesch. d. griech. Plastik, II, 451, рис. 219.

⁶⁾ Antike Denkmäler, II, табл. 48, см. нашу табл. V и рис. 7.

⁷⁾ Brunn-Bruckmann, Denkmäler, табл. 264. Collignon, ук. соч. 469, рис. 227.

⁸⁾ Arndt-Bruckmann, Griech. u. röm. Porträts, табл. 471. 472. Bernoulli, ук. соч. 80, 81, рис. 21. 22.

ной, все-таки считаю ее болѣе соотвѣтствующей съ данными исторіи искусства, чѣмъ гипотезу Гельбига и Шрейбера ¹⁾).

Къ сожалѣнію, не удалось еще съ вѣроятностью найти подходящую статую для капитолійскаго Александра; бронзовыя статуэтки, дошедшія до насъ, не даютъ точнаго и вѣрнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Среди нихъ есть произведенія, которыя во многомъ сходны съ нашимъ типомъ, но ни одна статуэтка не сходна вполне съ нимъ и не удовлетворяетъ нашихъ эстетическихъ требованій. Можно было бы указать на бронзу въ Пармѣ ²⁾, но она слишкомъ спокойна и не согласуется съ сильнымъ движеніемъ капитолійской головы; кромѣ того и расположеніе волосъ не совсѣмъ подходит. Я далѣе указалъ на бронзу, бывшую въ коллекціи Формана въ Лондонѣ ³⁾; хотя эта статуэтка болѣе соотвѣтствуетъ представленію о статуѣ, которое мы должны составить себѣ на основаніи капитолійской головы, но и она не даетъ полнаго соотвѣтствія во всѣхъ частяхъ. Шрейберъ ⁴⁾ привелъ статуэтку въ Британскомъ музеѣ ⁵⁾ и находитъ въ ней столь большое сходство съ капитолійскимъ типомъ, что склоненъ видѣть въ ней воспроизведеніе оригинала этого послѣдняго. Нельзя отрицать, что дѣйствительно эта статуэтка единственная, которая въ главныхъ чертахъ вполне соотвѣтствуетъ капитолійскому типу, и я склоненъ признать предположеніе Шрейбера очень вѣроятнымъ; но пока трудно рѣшить вопросъ окончательно, такъ какъ бронза, къ сожалѣнію, издана не такъ ясно, какъ это было бы нужно. Статуэтки въ родѣ бронзъ коллекціи А. И. Нелидова ⁶⁾, въ Луврѣ ⁷⁾ и др. воспроизводятъ совершенно другой типъ.

Лондонская фигурка и потому особенно подходит къ капитолій-

---

¹⁾ Ueber einige Porträts, 89. См. монету въ Catal. of coins, I. c. 38, 3. Bernoulli, ук. соч. 81, прим. 2 очень безцеремонно отвергаетъ мою гипотезу, не стараясь сравнить приведенныя мною аналогіи на монетахъ. Если я сказалъ, что въ головѣ собранія Якобсена замѣтно смѣшеніе элементовъ и искусства Лисиппа и Скопаса, то я, какъ выходитъ изъ предыдущаго, разумѣю тотъ характеръ, который рѣзче всего проявляется въ пергамскихъ скульптурахъ. Стоитъ только обратить вниманіе на чертанія рта и глазъ, чтобы убѣдиться въ этомъ.

²⁾ Arndt-Amelung, Einzelaufnahmen, 73. Ujfalvy, Le type phys. 121. Bernoulli, I. c. 108, рис. 35. См. Schreiber, I. c. 124 R 2 сл.

³⁾ C. Smith, The Forman Collection. Catalogue of the Egyptian, Greek and Roman Antiquities, June 1899, № 104.

⁴⁾ Studien, 127.

⁵⁾ Walters, Catal. of the bronzes, № 799, табл. 24. Schreiber, I. c. табл. XI R.

⁶⁾ Wulff, Alex. mit d. Lanze, табл. I. II. Ujfalvy, I. c. 111-112. Bernoulli, I. c. 106, 107, рис. 33, 34.

⁷⁾ Longperier, Notice des bronzes ant. 633. Ujfalvy, I. c. 165. Schreiber, I. c. табл. VI L. Bernoulli, I. c. 102, рис. 31.

скому типу, что въ ней проявляется тотъ развитой стиль Лисиппа, который сказывается въ знаменитой головѣ Капитолійскаго музея. Я подробно разбиралъ лисипповы черты этой головы и поэтому не буду останавливаться на мелочахъ. Главное то, что она даетъ основные принципы Лисиппа, которые проявляются въ головѣ Апоксиомена, только въ болѣе пышной отдѣлкѣ: построение лица, отношеніе частей лица другъ къ другу, соотвѣтствіе между трактовкой рта, глазъ и лба, въ частности отдѣлка рта и бороды — все это черты, которыя характеризуютъ оба типа; то же самое мы могли бы сказать о статуэткѣ въ Лондонѣ. Мотивъ въ сущности тотъ же, что у Апоксиомена; онъ только отличается болѣе величіемъ, и постановка теряетъ свою легкость: особенно характерно движеніе корпуса, которымъ отличается фигура Апоксиомена отъ всѣхъ современныхъ произведеній другихъ художественныхъ направленій. Тотъ же мотивъ повторяетъ лондонская статуэтка.

V. Голова въ Константинополѣ.

Голова, найденная въ Пергамѣ и хранящаяся теперь въ Оттоманскомъ музеѣ въ Константинополѣ (табл. V, рис. 7), впервые была издана Коппе¹⁾, который, однако, выражается насчетъ ея чрезвычайно неопредѣленно; сходство съ портретами Александра бросилось ему въ глаза, но онъ не рѣшается признать голову именно за портретъ Александра. Во всякомъ случаѣ она, по его мнѣнію, не точный портретъ, но идеализованное оригинальное произведение пергамскаго искусства. Ujfalvy²⁾ и С. Рейнакъ³⁾ счи-

Рис. 7. Голова изъ Пергама въ Оттоманскомъ музеѣ въ Константинополѣ.

¹⁾ Ant. Denkm. II, табл. 48 и стр. 10. Ujfalvy, Le type phys. табл. 22, стр. 73. 76. 78. Bernoulli, ук. соч. 80 сл. рис. 21. 22.

²⁾ Le type phys. 73 сл.

³⁾ Gazette des beaux-arts, 1902, 155.

тали голову за портретъ Александра, между тѣмъ какъ Шрейберъ ¹⁾ и Бернульи ²⁾ относятся къ ней очень скептически. Замѣтки Шрейбера въ сущности, конечно, сводятся къ тому, что пергамская голова не соотвѣтствуетъ въ достаточной степени гермѣ въ Луврѣ; локоны надъ лбомъ не расположены симметрично и на затылкѣ слишкомъ коротки; кромѣ того и въ отдѣлкѣ лба и глазъ Шрейберъ «чувствуетъ различія отъ реальнаго вѣрнаго портрета» въ Луврѣ. Шрейберъ совершенно правъ; на основаніи луврскаго портрета можно отстаивать за головою наименованіе Александра. Но мы не разъ указывали на то, что для обсужденія портретовъ Александра совершенно невозможно останавливаться на одномъ портретѣ, тѣмъ болѣе что сохранились другія вѣрныя изображенія ³⁾. Въ данномъ случаѣ особенно важенъ кромѣ монетъ Лисимаха медальонъ изъ Тарса въ Луврѣ (табл. VI) ⁴⁾.

Шрейберу, конечно, этотъ важный памятникъ не по вкусу: по его мнѣнію, портретъ утрированъ и вообще не соотвѣтствуетъ оригиналу, такъ что мы безъ надписи едва ли имѣли бы право считать его Александромъ, хотя въ общихъ чертахъ есть сходство съ монетами Лисимаха. Но дѣло въ томъ, что линія профиля совершенно сходна съ изображеніемъ на этихъ монетахъ, и это совпаденіе въ виду различныхъ художественныхъ направленій, къ которымъ принадлежать эти произведения, по моему мнѣнію, имѣетъ очень большое значеніе и значительно должно ослабить авторитетъ луврской гермы и дать намъ возможность судить и на основаніи другихъ данныхъ, кромѣ типичнаго, по мнѣнію Шрейбера, расположенія волосъ. Профиль является на этихъ монетахъ столь характернымъ, что трудно смѣшать его съ изображеніями діадимовъ или эпигоновъ. Эту форму профиля голова въ Константинополѣ передаетъ точнѣе всего; ни одинъ изъ разобранныхъ портретовъ Александра не сходенъ такъ съ этимъ памятникомъ. На пергамской головѣ отбитъ только кончикъ посоа, такъ что мы вполне можемъ судить о линіи его. На тарсскомъ медальонѣ мы встрѣчаемъ даже особенности пергамской головы: двѣ глубокія складки на лбу, трагическое выраженіе рта и глазъ. Въ виду такихъ вѣскихъ данныхъ скептицизмъ Шрейбера и Бернульи едва ли умѣстенъ. Пергамская голова,

¹⁾ Studien, 85 сл.

²⁾ Ук. соч. 81 сл.

³⁾ Ueber einige Porträts, 67 сл.

⁴⁾ Впервые изданъ у Longperier, *Revue numismat.* 1868, табл. XII = Коерр, *Bildn. Alex. 3.* Ujfalvy, *Le type phys.* 147, рис. 55. Schreiber, *Studien.* табл. XIII, 16 (по фотографіи Giraudon'a). Bernoulli, ук. соч. 29, рис. 3.

⁵⁾ Studien, 192 сл.

правда, не соответствует нашему представлению о личности Александра, она не изображает его идеальным героем, сыном Зевса Аммона и властителем мира, как портрет Капитолійскаго музея; въ ней нѣтъ той ясной классической красоты, которую передаетъ Александръ Ронданини; пергамская голова болѣе другихъ—портретъ въ томъ смыслѣ слова, какъ мы понимаемъ его теперь, и въ этомъ состоитъ ея значеніе. Поэтому мнѣніе Бернульи¹⁾, будто она изображаетъ какого-нибудь грека изъ группы борьбы съ галлами, совершенно непонятно. Вообще Бернульи, слѣдуя Конце, настаиваетъ на пергамскомъ происхожденіи головы. Я старался доказать²⁾, что она—хорошая копія съ оригинала самого Лисиппа, но и въ этомъ случаѣ не встрѣтилъ симпатій Бернульи, который признается, что не могъ слѣдовать «der sprunghaften und subjectiven Formenanalyse, auf der Waldhauer seine Rückführung gründet»³⁾. Постараемся быть логичнѣе: сначала отмѣтимъ, что я и не думалъ отрицать, будто голова въ Константинополь—пергамской работы; но я утверждаю, что мы имѣемъ дѣло не съ оригинальнымъ произведеніемъ, а съ копіей; главнымъ образомъ въ исполненіи волосъ проявляются черты, указывающія на традиціи художниковъ Евмена II. Копія, однако, точно передаетъ оригиналъ болѣе ранней эпохи.

Во-первыхъ, пергамское искусство стремится къ болѣе сильнымъ эффектамъ въ трактовкѣ лба; ихъ нѣтъ на портретѣ Александра, лобъ котораго, напротивъ, чрезвычайно близокъ къ Апоксіомену.

Во-вторыхъ, въ эпоху пергамскаго искусства глазъ исполнялся другимъ образомъ: внутренніе углы болѣе углублялись, такъ что взглядъ производитъ болѣе сосредоточенное впечатлѣніе; верхнее вѣко поднимается и довольно круто отворачивается внизъ. На портретѣ Александра глаза, напротивъ, имѣютъ овальную форму Апоксіомена.

Въ-третьихъ пергамское искусство раздѣляетъ волосы на толстые клочки; портретъ Александра же въ этомъ отношеніи соответствуетъ статуѣ Посидона въ Латеранѣ⁴⁾.

Въ-четвертыхъ, очертанія рта характерны для стиля Лисиппа.

Я привелъ детали; манера, какъ эти детали связаны въ одно цѣлое, также указываетъ на Лисиппа. Глаза, ротъ и лобъ составляютъ основные факторы выраженія; сравнивая съ этой точки зрѣнія голову изъ Пергама съ Апоксіоменомъ, оказывается, что отношеніе этихъ трехъ

¹⁾ Ук. соч. 82.

²⁾ Ueber einige Porträts, 70 сл.

³⁾ Ук. соч. 82, прим. 2.

⁴⁾ Collignon - Baumgarten, Gesch. d. griech. Plast. 219 и пр.

факторовъ между собой одно и то же: точно также равны отношенія верхней части черепа къ задней. Если, значитъ, принципъ расположенія главнѣйшихъ чертъ лица Лисиппа и кромѣ того очертанія деталей также соотвѣтствуютъ Апоксіомену, то мы вправѣ причислить голову въ Константинополь къ копіямъ съ произведеній Лисиппа.

VI. Герма въ Луврѣ.

Я помѣстилъ герму въ Луврѣ (рис. 8) ¹⁾ въ конецъ своего изслѣдованія, такъ какъ она, какъ я уже не разъ говорилъ, по моему мнѣнію, не заслуживаетъ похвалъ Шрейбера и другихъ. Я поэтому и ограничиваюсь главнѣйшими данными и краткимъ анализомъ формъ; насколько этотъ портретъ заслуживаетъ наименованія «Normalporträt», даннаго ему Шрейберомъ ²⁾, я старался уже выяснитъ на основаніи сравненія его съ монетами Лисимаха и медальономъ изъ Тарса. Герма была найдена около Тиволи къ 1779-мъ году и поступила въ собранія Лувра. На ней находится надпись:

ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣ
ΦΙΛΙΠΠΟΥ
ΜΑΚΕ

Эта надпись вызвала распри. Фрэнёръ считалъ ее поддѣльной. Бернулли отрицалъ, что стволъ гермы принадлежитъ головѣ; въ этомъ случаѣ она, конечно, совсѣмъ потеряла бы свое значеніе. Но всѣ эти сомнѣнія устранены окончательнымъ изслѣдованіемъ гермы Негон де Виллефоссе ³⁾; Бернулли ⁴⁾ самъ признаетъ свои сомнѣнія неосновательными.

Шрейберъ ⁵⁾ и другіе ученые ⁶⁾ стараются доказать, что герма — копія съ оригинала Лисиппа. Для доказательства, конечно, важенъ вопросъ, существуютъ ли другія повторенія того же типа, которыя указывали бы на знаменитость оригинала въ древности. Шрейберъ дѣйствительно сопоставилъ нѣсколько произведеній, которыя, по его мнѣнію, воспроизводятъ тотъ же типъ ⁷⁾.

¹⁾ Arndt-Bruckmann, Griech. u. röm. Porträts, табл. 181. 182. Schreiber, Studien, табл. I. Bernoulli, ук. соч. табл. I и рис. J, стр. 21. Остальную литературу см. у Schreiber'a, l. c. 19.

²⁾ Strena Helbigiana. 279. Studien, 17; незначительныя ограниченія: Studien, 134-222, см. и 17 прим. 2.

³⁾ У Schreiber'a, Studien, 32 сл., см. и эскизь, рис. 3, стр. 31.

⁴⁾ l. c. 22.

⁵⁾ l. c. 17 сл.

⁶⁾ Между ними Коерп (Alex. 10), Furtwängler (Journal of hellenic studies, 1901, 214); остальное у Bernoulli, l. c. 24.

⁷⁾ Studien, 19 сл.

1. Голова въ Луврѣ. Catalogue sommaire des marbres antiques du Louvre 234. Ujfalvy, Le type phys. рис. 16. Bernoulli, l. с. 26, рис. 2.

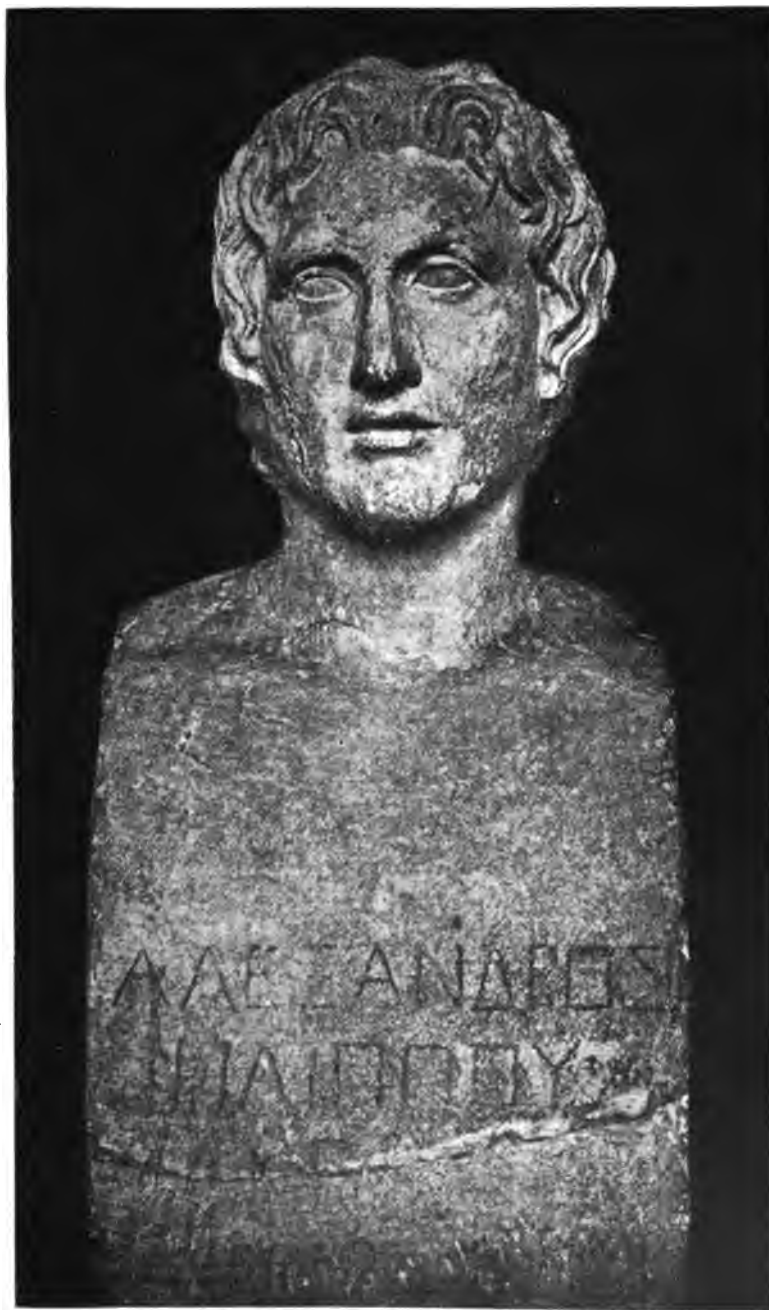

Рис. 8. Герма въ Луврѣ.

2. Голова въ Берлинѣ. Beschreibung 305. Arndt - Bruckmann. Griech. u. röm. Porträts, табл. 190.

3. Статуэтка въ Берлинѣ. Beschreibung 304. S. Reinach, Répertoire, II, 579, 9. Schreiber, l. c. 22, рис. 2.

4. Голова въ Ince Blundell Hall. Michaelis, Ancient marbles, 370, № 178. Arch. Zeit. 1874, рис. 4.

Статуэтку въ Берлинѣ Шрейберъ впоследствии называетъ не повтореніемъ, а «eine wenn auch stark verdorbene, so doch noch erkennbare Verwertung des Bildnisses». По изданной у Шрейбера фотографіи стиль статуэтки—по крайней мѣрѣ головы—совершенно иной и приближается къ головѣ въ Chatsworth House ¹⁾; мы тутъ едва ли можемъ признать какую-нибудь «Verwertung» типа гермы, такъ какъ головы обоихъ памятниковъ, и во всѣхъ деталяхъ и въ общей концепціи, далеко несходны.

Въ головѣ Ince Blundell Шрейберъ далѣе видитъ «eine freilich nicht sehr weit geführte Aehnlichkeit» съ луврскимъ портретомъ. Такая «Aehnlichkeit» не позволяетъ намъ пользоваться этой головой, какъ повтореніемъ, и исключаетъ ее изъ группы «Repliken und nächstverwandten Nachbildungen».

У головъ въ Луврѣ и въ Берлинѣ только волосы античны; но они только по общему расположенію сходны съ гермой, въ деталяхъ же проявляется другой стиль.

Остается упомянуть еще о статуэткѣ въ Луврѣ ²⁾, которую Шрейберъ ³⁾, слѣдуя Виштеру ⁴⁾, считаетъ воспроизведеніемъ оригинала парижской гермы. Но въ виду малыхъ размѣровъ и плохой сохранности статуэтки этотъ вопросъ рѣшить нельзя; на такомъ же основаніи мы могли бы привести тутъ и статуэтки собранія А. И. Нелидова ⁵⁾.

Итакъ, мы на основаніи повтореній не можемъ доказать знаменитость оригинала гермы въ древности ⁶⁾. Насколько основательна знаменитость ея въ наше время, которой она обязана въ сущности исключительно своей надписи, объ этомъ мы должны сказать еще нѣсколько словъ. Подробнѣе я объ томъ говорилъ въ своемъ трудѣ о портретахъ Александра, гдѣ въ изслѣдованіи старался доказать, что въ головѣ есть противорѣчія: глаза похожи на первный взглядъ Апоксиомена и производятъ безпокойное впечатлѣніе; съ ними сходно выраженіе рта; лобъ, напротивъ, и волосы отличаются очень спокойными и

¹⁾ Journal of hell. st. 1901, табл. 9. 10. Schreiber, l. c. табл. IV G.

²⁾ Arch. Anz. X, 163. Schreiber, l. c. табл. VI L. Ujfalvy, l. c. 65, рис. 22. Bernoulli, l. c. 102, рис. 31; остальное у Schreiber'a, 10.

³⁾ l. c. 103 сл.

⁴⁾ Arch. Anz. X, 163.

⁵⁾ Wulff, Alex. mit der Lanze, табл. I сл. Bernoulli, l. c. 106 сл. рис. 33, 34.

⁶⁾ См. Bernoulli, l. c. 25 и 26.

ясными линиями, которыя рѣзко противорѣчатъ приведеннымъ чертамъ лица ¹⁾). Съ другой стороны, я не могъ согласиться съ Арндтомъ, который совершенно отрицаетъ присутствіе въ гермѣ лисипповыхъ чертъ ²⁾), хотя я самъ не могу признать Лисиппа создателемъ этого типа, а примыкаю къ мнѣнію Emerson'a ³⁾), который справедливо считаетъ скульптора лувр-скаго портрета «one of the unsuccessful rival of Lysippos». Бернульи ⁴⁾ также не примыкаетъ къ прославителямъ парижской гермы и справедливо называетъ выраженіе лица ея «nüchtern», а волосы «schematisch».

Я ограничивался самыми важными портретами Александра Великаго, которые теперь гораздо яснѣе выдѣляются на фонѣ многочисленныхъ памятниковъ второстепенной важности, изданныхъ Шрейберомъ и Бернульи. Смѣю надѣяться, что хоть немного приблизилъ къ рѣшенію одну изъ наиболѣе сложныхъ задачъ классической археологіи.

P. S. Уже по окончаніи своей работы я получилъ томъ Berliner Philologische Wochenschrift за 1905 годъ со статьей Гаузера о книгѣ Бернульи; на эту статью обратилъ мое вниманіе Фуртвенглеръ. Отзывъ Гаузера согласенъ въ общемъ съ моимъ мнѣніемъ, высказаннымъ выше; только Гаузеръ уже слишкомъ безцеремонно обходится съ Бернульи, книга котораго все-таки заслуживаетъ вниманія, какъ удобное сопоставленіе памятниковъ. Важное для насъ заключается въ слѣдующемъ: Гаузеръ указываетъ на несомнѣнное объясненіе Виганда насчетъ статуи Александра изъ Магнесіи; сохранившаяся рукоятка меча, и по мнѣнію Гаузера, совершенно ясна, такъ что мы можемъ считать себя въ правѣ оставить въ сторонѣ лишнія замѣчанія Бернульи. Я особенно радъ, что нашелъ въ Гаузерѣ сторонника своего мнѣнія о головѣ изъ Пергама въ Константинополѣ. Гаузеръ указываетъ и на сходство профиля съ изображеніями на геммахъ у Furtwängler'a, Antike Gemmen, табл. 32, 2. 3. 5. Кромѣ того Гаузеръ также приходитъ къ заключенію, что несмотря на признаки пергамской работы оригиналъ можно считать однимъ изъ лучшихъ портретовъ Лисиппа:... «dass in dem pergamenischen Kopf ein ungeschminktes Bild des Königs vorliegt, das glaubwürdigste, schlichteste Porträt, das wir von ihm besitzen, ein wohlthuender Kontrast zur Mehrzahl der Alexander mit ihren Theaterperücken und ihrem far-

---

¹⁾ Über einige Porträts, 84 сл.

²⁾ Въ текстѣ къ Brunn-Arndt, Griech. u. röm. Porträts, табл. 186. 187.

³⁾ American Journal of archeol. 1887, 219.

⁴⁾ l. c. 24.

cierten Idealismus»... «dass uns der pergamenische Kopf den Alexander des Lysipp am reinsten wiedergibt» (стр. 477 сл.).

Гаузеръ подтверждаетъ свое утверженіе тонкими наблюденіями надъ головами Апоксіомена и пергамскаго Александра. Мнѣ кажется, что этимъ моя гипотеза стала на еще болѣе твердую почву.

И насчетъ гермы въ Луврѣ Гаузеръ не стѣсняется высказать свое мнѣніе, совершенно противоположное традиціоннымъ сужденіямъ, и въ этомъ отношеніи вполне соглашается съ моими наблюденіями, которыя я высказалъ три года тому назадъ.

Однимъ словомъ—мы можемъ надѣяться, что, наконецъ, голова изъ Пергама и герма въ Луврѣ получатъ заслуженныя мѣста въ исторіи греческаго искусства и въ иконографіи Александра Великаго, и что герму лишатъ незаслуженнаго нимба и будутъ держаться болѣе достойныхъ памятниковъ при сужденіяхъ о портретахъ Александра Великаго.

О. Вальдгауеръ.

Голова въ коллекци графа Эрбаха.

Голова въ коллекци графа Эрбаха.

«Александр Ронданини» въ Мюнхенской глипготекѣ.

Табл. IV.

Голова въ Капитолійскомъ музеѣ.

Голова изъ Пергама въ Оттоманскомъ музеѣ въ Константинополѣ.

Табл. VI.

Монета Лисимаха.

Медальонъ изъ Тарса.

1

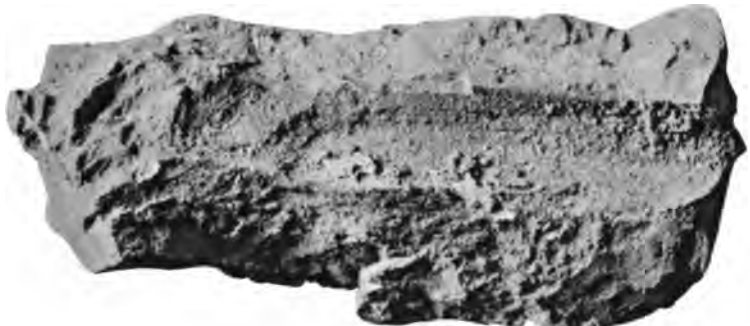
1 об.

2

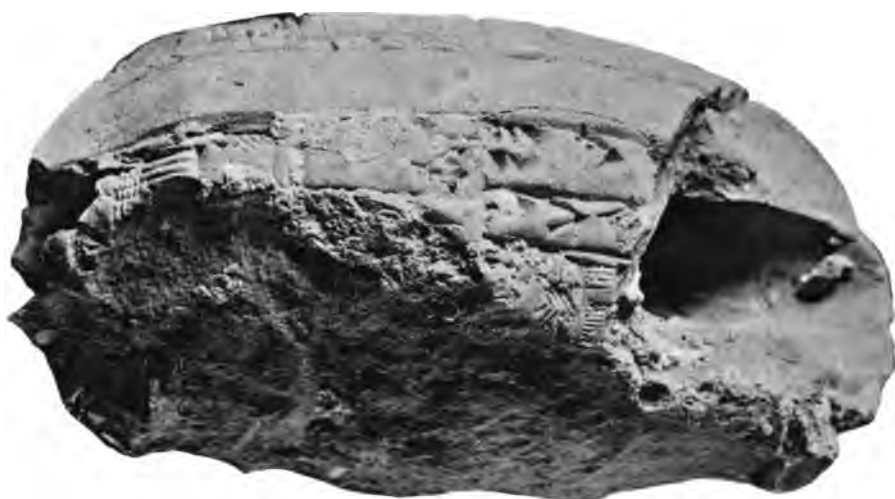

2 об.

1 а

2 а

2 б

1 б

1 c

1 b

1 a

Древнѣйшія буллы и печати Ширпурлы.

Во время своихъ столь счастливыхъ раскопокъ Телло Эрнестъ де-Сарзекъ впервые въ 1894 году наткнулся на мѣстонахождение архива древней Ширпурлы (или Лагаша). Въ двухстахъ метрахъ отъ развалинъ дворца, подъ небольшимъ холмикомъ (такъ и названнымъ *Tel des tablettes*) были обнаружены развалины узкихъ галлерей, заполненныхъ уложенными рядами глиняными таблетками, исписанными клинописью. Въ одинъ сезонъ раскопокъ было извлечено не менѣе 5.000 совершенно цѣлыхъ, 5.000 слегка попорченныхъ и еще большее число таблетокъ въ фрагментарномъ состояніи. Документы обнимали эпоху, такъ называемой, второй династіи Ура—время царей Дунги, Бурсина, Гимил-сина и Иби-сина. Повидимому, эта часть архива была новѣйшей по времени и хранила акты, относящіеся къ эпохѣ до самого паденія Ширпурлы, лежащей въ забытыхъ всѣми развалинахъ едва ли не съ XXIII столѣтія до Р. Х. ¹⁾ (такъ какъ кратковременное позднѣйшее поселеніе III столѣтія до Р. Х. оставило лишь незначительные слѣды построекъ изъ стараго кирпича). Какъ и слѣдовало ожидать, этотъ «новый» архивъ былъ по количеству матеріала и наиболѣе обширнымъ. Находка де-Сарзека при всей ея грандіозности не исчерпала галлерей; тотчасъ послѣ отъѣзда французскаго изслѣдователя—арабы извлекли отъ 30 до 40 тысячъ таблетокъ, которыя и распространились по музеямъ Европы и Америки. Въ 1895 году, въ новый сезонъ раскопокъ, де-Сарзекъ обнаружилъ другую группу галлерей подъ тѣмъ же холмомъ и вынулъ весьма значительную серію документовъ болѣе ранняго періода, а именно эпохи владычества царей Агадэ—Саргона и Нарам-сина. Вслѣдъ за частичной находкою 1898 года—открытіе еще одной большой части архива въ 1900 году—увѣнчало раскопки неутомимаго

¹⁾ См., напримѣръ, H. V. Hilprecht, *Explorations in Bible Lands during the 19-th Century* (Edinburgh, 1903. 8°), 250: „The latest inscribed cuneiform document so far obtained from Tellô is an inscribed cone of Rim-Sin of Larsam, according to a statement of Heuzey in *Comptes Rendus*, 1894, p. 42“.

француза, вскорѣ послѣ этого павшаго жертвою переутомленія и тяжелой болѣзни, прибрѣтенной въ нездоровой мѣстности изысканій. Найденныя въ 1900 году таблетки оказались соединительнымъ хронологическимъ звеномъ между второй (1895 года) и первой (1894 года) серіями. Архивы Ширпурлы, какъ можно заключить по разборѣ памятниковъ, хранились въ систематическомъ порядкѣ и съ такимъ почтеніемъ къ оберегаемому матеріалу, что нерѣдки случаи сохраненія документовъ временнаго значенія, едва ли пригодныхъ для справокъ.

Громадное количество найденныхъ таблетокъ представляетъ значительное разнообразіе по своему содержанію. Преобладаютъ всевозможные счета, инвентари разнаго имущества, перечни жертвъ, списки рабочихъ и т. д. По величинѣ глиняныя таблетки отъ крохотныхъ кусочковъ въ 2 сантиметра доходятъ до массивныхъ плитъ 30 × 40 сантиметровъ.

Значительное само по себѣ, но весьма ограниченное въ общей массѣ, нѣкоторое число таблетокъ—документовъ (отчасти юридическихъ слѣдокъ), отличается замѣчательною особенностью заключенія акта въ глиняную обложку—обычай, (намекъ на который мы найдемъ и въ Библии), хорошо извѣстный по другимъ раскопкамъ и для актовъ болѣе поздняго времени ¹⁾.

Документы, заключенные въ подобный футляръ, получили специальное наименованіе «Case-tablets» и вызываютъ особое вниманіе археологовъ, потому что по обложкѣ кромѣ повторенія текста (съ сокращеніями) идутъ оттиски печатей—цилиндровъ, которые даютъ иногда драгоценныя историческія данныя, такъ какъ значительная часть такихъ печатей-оттисковъ принадлежитъ правительственнымъ чиновникамъ ²⁾.

¹⁾ Большое собраніе такихъ документовъ времени Вавилонской династіи Гаммураби было найдено въ 1854 году въ Телл-Шифрѣ (Loftus) и выставлено въ особыхъ витринахъ въ Британскомъ музеѣ. См. A Guide to the Babylonian and Assyrian Antiquities (London, 1900), 104 и слѣд. (подробное описаніе).

²⁾ „Case-tablets“ времени второй династіи Ура зарисованы въ небольшомъ числѣ въ „Recueil de tablettes Chaldéennes“ par François Thureau-Dangin (Paris, 1903. 4°); George Reisner въ „Tempelurkunden aus Telloh“ (Berlin, 1901, folio)—см. №№ 45—48, 290, 291, 301—306, 309; Hugo Radau въ „Early Babylonian History“ (New-York, 1900, 8°), см., напримѣръ, стр. 418—419 (№ 96) и др.; G. A. Barton, Haverford Library collection of cuneiform tablets or documents from the Temple-Archives of Telloh (Part I, 1906, Philadelphia, folio); R. J. Lau, Old Babylonian Temple Records (New-York, 1906. 8°), см. №№ 199—223 (изъ которыхъ лишь немногія, впрочемъ, настоящія „case-tablets“).

Только при раскопкахъ Ниппура говорятъ о „the thousands of case-tablets of the third prechristian millenium“ (см. Hilprecht, l. c., 414), каковыя, конечно, не должны быть смѣшиваемы съ тѣми, что происходятъ изъ архивовъ Ширпурлы, хотя онѣ и вполне однородны по типу.

Отъ „Case-tablets“ надо отдѣлять такіе памятники, на которыхъ оттиски печатей находятся непосредственно на самой таблеткѣ, а не на оболочкѣ

Кромѣ того нельзя не прибавить, что каждый цилиндръ-печатъ представляетъ памятникъ искусства, нерѣдко весьма любопытный по работѣ и изображеніямъ.

Среди «case tablets» изъ архива Ширпурлы громадное большинство не имѣетъ характера юридической сдѣлки, и въ очень значительномъ количествѣ случаевъ заключенныя въ футляръ таблетки содержатъ записи о приѣмѣ различныхъ предметовъ, какъ бы квитанціи, по формѣ и содержанію совершенно тождественныя со многими таблетками, дошедшими до насъ безъ футляра. Почти несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ простыхъ таблетокъ, хранившихся въ архивѣ Телло, когда-то имѣли оболочки. Вопросъ, заслуживающій особаго вниманія.

Глиняные футляры съ оттисками цилиндровъ печатей весьма напоминаютъ по смыслу наши конверты, запечатанные именными печатями. Надо только отбросить мысль о сохраненіи тайны: глиняныя оболочки не предназначались для сокрытія содержанія.

Вопросъ о назначеніи глиняныхъ футляровъ, рѣшавшійся просто въ смыслѣ лучшаго сохраненія подлинника, въ послѣднее время вызвалъ новыя соображенія и полемику.

Извѣстный англійскій ученый T. G. Pinches въ статьѣ «Some case-tablets from Tel-loh»¹⁾ подчеркнул разницу въ выраженіяхъ основного текста и сокращеннаго изложенія на оболочкѣ. Въ текстѣ чиновникъ принимаетъ («*šū-ba-ti*» = «has received»), на оболочкѣ документъ указанъ по имени чиновника приѣмщика — таблетка (*duba*) такого-то. Выходитъ, какъ будто бы простая квитанція, которая, однако, остается въ архивѣ, а не передается лицу, принесшему принятые чиновникомъ предметы.

T. G. Pinches сдѣлалъ по этому поводу выводъ: «...they were a kind of *ex-voto* — something offered to a deity by means of a tablet, and sealed by the person who received the offering, thus attesting that it had really been made» (p. 817).

Американскій ученый Albert T. Clay въ предисловіи къ «Documents from the Temple Archives of Nippur»²⁾ подвергаетъ критикѣ мысль проф. Pinches на основаніи документовъ болѣе поздняго времени и, надо прибавить, иной природы по существу. Драгоцѣнное указаніе на долговыхъ документахъ не можетъ быть приложено къ актамъ приѣмки, отмѣченнымъ англійскимъ ученымъ.

Во всякомъ случаѣ, однако, теорія *ex-voto* едва ли удержится въ

¹⁾ The Journal of the Royal Asiatic Society, 1905, 815—829.

²⁾ The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania, Series A: cuneiform texts, Volume XIV (Philadelphia, 1906, 4°).

наукѣ. Росписка чиновника-пріемщика¹⁾ нужна была для хозяйственной отчетности, пока актъ не переходитъ въ архивный историческій документъ.

Въ области древнѣйшей сфрагистики case-tablets съ ихъ оттисками цилиндровъ-печатей играютъ важную роль тѣмъ болѣе, что большинство печатей принадлежало весьма значительнымъ чиновникамъ, какъ «*ni-banda*» и «*dubsar*», нерѣдко съ показаніемъ именъ царей или патеси.

1.

2.

Чтобы дать наглядное понятіе о case-tablets, я позволю себѣ предложить снимки съ четырехъ экземпляровъ времени 2-й династїи Ура (находятся въ моемъ собранїи), не распечатанныхъ и съ оттисками цилиндровъ (см. клише №№ 1—4).

3.

4.

Всѣ четыре таблетки относятся къ эпохѣ знаменитаго царя Дупги и на цилиндрахъ, повидимому, имѣются имена дуссаровъ-писцовъ, секретарей.

¹⁾ Печать замѣняла автографическую подпись. На актахъ, сохранившихся отъ болѣе поздняго времени, мы найдемъ замѣну подписи (или печати) оттискомъ ногтя, или по повѣйшему наблюденію (правда, случаи крайне рѣдки) оттискомъ шкурка (на которомъ висѣла печать?) или частицы одежды (терминъ „*zi-zi-ik-tum*“). См. А. Ungnad, Eine neue Form der Beglaubigung in altbabylonischen Urkunden. *Orientalistische Litteratur-Zeitung*, 1906, № 3.

Частичные оттиски цилиндровъ, сопоставленные вмѣстѣ, даютъ очень обычную и хорошо знакомую по подлиннымъ цилиндрамъ этого времени сцену поклоненія божеству. На клише № 5 видна оболочка, изъ которой таблетка вынута, а на клише № 6 мы видимъ таблетку еще въ оболочкѣ, но съ отломанной верхней частью глинянаго футляра, на которой отпечатались слѣды надписи документа.

Научное значеніе печатей-цилиндровъ вполне выяснено Іоахимомъ Менанъ въ его многочисленныхъ трудахъ по сфрагистикѣ, особенно въ его «Recherches sur la glyptique orientale» (Paris, 1883. 2 vls. 8°). Огромное количество этихъ маленькихъ памятниковъ, однообразныхъ по внешнему виду и менѣе разнообразныхъ, чѣмъ это можно было бы ожидать, по изображеніямъ, является непрерывной лѣтописью исторіи искусства въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій.

5.

6.

Оттиски цилиндровъ, находясь на глиняныхъ документахъ, и помимо надписей своихъ въ высшей степени важны для хронологической и географической классификаціи многочисленныхъ подлинниковъ, разсѣянныхъ по древлехранилищамъ всего культурнаго міра. Вотъ почему западная наука съ видимой любовью останавливается на жалкихъ обломкахъ комковъ глины, сохранившихъ оттиски сфрагистическихъ памятниковъ древней Месопотаміи.

Въ архивахъ Ширнурлы такіе отпечатки сохранились не только на документахъ, но и на предметахъ, которые мы съ полнымъ правомъ можемъ называть глиняными буллами, вислыми и прикладными печатами.

Въ галереяхъ, разрытыхъ Сарзекомъ, по словамъ Léon Heuzey, «de nombreux documents de forme diverse, cônes tronqués, sceaux circulaires étaient mêlés aux tablettes proprement dites. Enfin des statuettes, des cylindres ou barillets, des galets sacrés se trouvaient conservés dans les mêmes galeries souterraines» ¹⁾.

Присматриваясь къ различнымъ типамъ таблетокъ Ширпурлы, мы замѣтимъ между ними въ видѣ рѣдкихъ исключеній—1) небольшія таблетки, округлой формы, исписанныя съ обѣихъ сторонъ; сквозь толщу таблетки проходятъ одинъ или два капальца, въ которыхъ были зажаты нити, дѣлавшія таблетку настоящей глиняной буллою; 2) подобныя же орѣховидной формы; 3) полусферической формы, исписанныя съ одной стороны, также съ каналомъ для веревки; на другой сторонѣ отпечатокъ волоконъ въ клѣтку—какъ бы корзины изъ тростника; 4) фрагменты округлыхъ кусковъ обожженной глины, съ надписями кругомъ (безъ оттисковъ печатей); такіе фрагменты разнообразной формы носятъ признаки, что они были надѣты на пруть или палку.

Рядомъ съ подобными писанными таблетками находятся въ видѣ случайныхъ весьма рѣдкихъ экземпляровъ ²⁾ почти той же полусферической формы и вислыя, и прикладныя буллы, покрытыя не письменами, а оттисками цилиндровъ.

Исписанныя буллы являются болѣе документами, чѣмъ печатами, буллы же съ оттисками цилиндровъ несомнѣныя и драгоценныя сфрагматическіе памятники.

Léon Heuzey, обративъ вниманіе на обломки глины въ собраніи таблетокъ въ Луврѣ, небольшою статьею «Sceaux inédits des rois d'Agadé» ³⁾ выяснилъ поразительную важность изученныхъ имъ «ces humbles restes». Разсмотрѣнные имъ памятники оказались превосходной художественной работы, точно устанавливалась принадлежность ихъ къ эпохѣ Саргона Старого и сына его Нарам-Сина, и, что особенно важно, отмѣчались патеси Ширпурлы, современники Саргона и его преемника.

---

¹⁾ Léon Heuzey, Mission de M. de Sarzec en Chaldée—huitième campagne de fouilles (1894). Revue d'Assyriologie, III (1894), № 3, стр. 67.

²⁾ Относительно ихъ рѣдкости можно судить по слѣдующимъ словамъ L. Heuzey: „Un autre fait à signaler, c'est que, sur les milliers de tablettes du même temps examinées par nous au Musée de Constantinople, pas une seule ne porte directement des empreintes de cylindres. Le cachet, véritable sceau, paraît n'avoir été imprimé alors que sur des bulles, comme celles que nous venons d'étudier. D'autre part, c'est tout au plus si, parmi les mêmes tablettes, nous avons rencontré quatre ou cinq fragments de pareilles bulles, dont deux au nom de Naram-Sin“.

³⁾ Въ Revue d'Assyriologie, IV (1897), № 1; переведана съ дополненіями въ „Découvertes en Chaldée“ (in folio) въ выпускахъ IV (1900) и V (1906).

Синхронизмъ, который въ историческомъ отношеніи проливаетъ яркій свѣтъ и позволяетъ болѣе или менѣе разобраться въ хронологіи Ширпурлы.

Патеси Л у г а л - у ш у м - г а л ь устанавливается на опредѣленное мѣсто между періодомъ древнѣйшихъ патеси и царей съ одной стороны и эпохой владычества царей Ура съ другой.

Весьма важно замѣтить, что на одной изъ печатей Л у г а л - у ш у м - г а л ь, упоминая и свой титулъ патеси, скромно именуется себя царскимъ *дупсаромъ*, то есть въ буквальномъ смыслѣ писцомъ. Это явное указаніе на важность званія дупсара въ смыслѣ статсъ-секретаря, должно быть использовано при разсмотрѣніи цилиндровъ печатей съ именами старѣйшихъ «писцовъ».

Первостепенную важность представляютъ и немногія начертанія скорописью, которыя Heuzey подмѣтилъ на изданныхъ имъ прикладныхъ печатяхъ. Знаки эти въ переводѣ даютъ настоящіе адреса: 1) «Въ Шир» (*турлу*); 2) «Лугал-ушнум-галю»; 3) «Алла» (имя чиновника).

Становится очевиднымъ, что были запечатаны какія-то посылки. Охранявшая ихъ печать оказывалась ненужной по полученіи вещей адресатомъ и обычно не хранилась, чѣмъ и объясняется большая рѣдкость подобныхъ памятниковъ.

По нѣсколькимъ обрывочнымъ оттискамъ цилиндра, заштемпелевавшего небольшую вислюю глиняную буллу, L. Heuzey ¹⁾ возстановилъ рисунокъ печати знаменитаго патеси Гудеа, отличающейся тонкостью работы. L. Heuzey прибавляетъ замѣчаніе: «le nom de Goudéa avait déjà été relevé sur un autre cylindre ²⁾; mais le *style banal* de ce petit objet ne donnait aucune idée de la recherche élégante et de la liberté d'invention que l'on peut constater ici dans le développement des types mythologiques» ³⁾:

Мы, наоборотъ, не можемъ не обратить вниманія на разительное сходство изображеній и одинаковую величину печатей патеси и его дупсара. Попорченный цилиндръ дупсара, правда, гораздо болѣе простой

---

¹⁾ „Le sceau de Goudéa“ въ *Revue d'Assyriologie*, V (1902), № 4 и въ „Découvertes en Chaldée“, 5-ый выпускъ (Paris, 1906), 293—295: „Les deux fragments qui portent l'empreinte proviennent de l'une de ces bulles d'argile que l'on suspendait en manière de sceaux officiels pour timbrer certains envois“.

²⁾ De Clercq, *Catalogue*, pl. IX, fig. 65 et p. 84; Mé n a n t, *Cylindres*, I, 213: „Ce cylindre, portant le nom d'un scribe après le nom de Goudéa, n'est pas, comme le cylindre qui nous occupe, le cachet direct du patési“.

³⁾ *Découvertes en Chaldée*, V, 295.

работы, но даетъ ту же сцену поклоненія, только не богу водъ, а богу солнца. Сходство между печатями самого Гудеа, его дупсара, и дупсара патеси Ур-Лама, описанной въ той же статьѣ Heuzeu, позволяетъ думать, что по официальной печати чиновника мы можемъ предполагать типъ официальной печати государя. Сцена поклоненія божествамъ—основной мотивъ изображеній на цилиндрахъ эпохи Гудеа и царей второй династїи Ура.

Въ своихъ статьяхъ L. Heuzeu использовалъ матеріалъ времени владычества царей Агадэ и царей Ура. Въ настоящее время можно указать на нѣкоторые памятники времени древнихъ патеси Ширпурлы.

31 Мая 1901 года умеръ неутомимый de Sarzec, и въ томъ же, повидимому, году арабы напали на часть архива Ширпурлы, оставшуюся не откопанною. Было найдено сразу около 1500 таблетокъ особой почти квадратной съ сильнымъ закругленіемъ угловъ формы, таблетокъ древнѣйшаго времени—патеси Энтемены, Энлитарзи, Лугаланды и патеси и царя Урукагина, при которомъ, какъ мы знаемъ теперь, Ширпурла, была разрушена Лугалзаггиси, патеси сосѣдняго и всегда Ширпурль враждебнаго государства Гишку¹⁾.

Почти вся находка, около 1200 таблетокъ, была куплена однимъ Парижскимъ антикваромъ, но въ Парижъ прибыла лишь большая половина ея, около 700 экз., другую половину задержали турецкія власти, какой-то таможенный, у котораго удалось товаръ выкупить и перевезти въ Марсель, гдѣ вся партія и была продана въ Англїю лорду Amherst of Neskney. Въ Парижѣ прежде всего приобрѣлъ одинъ частный любитель около 300 таблетокъ на выборъ, затѣмъ Лувръ купилъ 51 штуку, часть Берлинскій музей (въ которомъ теперь не менѣе 310 штукъ)²⁾, часть попала въ Россію къ Владиміру Семеновичу Голенищеву,

¹⁾ См. статью F. Thureau-Dangin, La ruine de Shirpourla (Lagash) sous le règne d'Ourou-Kagina въ Revue d'Assyriologie VI (1904), № 1. F. Thureau-Dangin любезно показалъ мнѣ другую подобную же таблетку, содержащую письмо—довереніе къ патеси Энлитарзи объ отбитомъ нападеніи на Ширпурлу. Любопытный документъ готовится знаменитымъ ориенталистомъ къ изданію. Перечисленіе патеси Ширпурлы мною сдѣлано согласно выводамъ F. Thureau-Dangin въ „Recueil de tablettes chaldéennes“ (Paris, 1903). Тотъ же авторъ въ послѣднемъ трудѣ своемъ „Les inscriptions de Sumer et d'Akkad“ (P. 1905) нѣсколько видоизмѣняетъ порядокъ—Энтемена, Энннатумъ, Лугаланда, Энлитарзи, Урукагина. М. В. Никольскій предполагаетъ иную послѣдовательность—Урукагина, Лугаланда, Энлитарзи. Полковникъ Allotte de la Fuye нашелъ на одной изъ принадлежащихъ ему таблетокъ имя патеси Эн-э-тар-зи.

²⁾ Въ Берлинскомъ Музеѣ, какъ мнѣ удалось видѣть мелькомъ, имѣется цѣлая серія таблетокъ и еще болѣе древняго письма, но мнѣ неизвѣстно ея происхожденіе. Промелькнуло извѣстіе, что въ мѣстечкѣ Fâra (см. Fossey, Manuel d'Assyriologie, 55 и 59) были найдены таблетки чрезвычайной древности.

Борису Александровичу Тураеву (одна) и ко мнѣ (принадлежація мнѣ таблетки имѣютъ быть изданы Московскимъ Археологическимъ Обществомъ въ разработкѣ извѣстнаго нашего ассиріолога М. В. Никольскаго). Нѣсколько сотъ таблетокъ изъ другой тайной раскопки арабовъ были скуплены какимъ-то торговцемъ, родомъ изъ Алеппо, и появились на рынкахъ Европы въ 1903 году. Значительное количество ихъ изъ послѣдней находки ушло въ Англiю (между прочимъ въ Британскій музей).

Нельзя не отмѣтить однако, что бѣльшая и отборная часть этого древнѣйшаго документальнаго архива попала, повиднмому, въ руки частныхъ лицъ, а именпо—лорда Amherst of Hackney (описывается T. G. Pinches) и выдающагося ориенталиста (большого коллекціонера восточныхъ древностей) полковника Allotte de la Fuyе (разрабатывается самимъ владѣльцемъ)¹⁾.

Сравнительно съ количествомъ таблетокъ, сохранившихся отъ времени «второй» династіи Ура, число документовъ эпохи Урукагинны, въ просторѣчii получившихъ наименованіе «архаическихъ» таблетокъ, относительно не велико, но уже а priori можно было подозрѣвать, что и среди нихъ встрѣтятся таблетки, имѣющія отношеніе къ сфрагистикѣ.

---

¹⁾ Въ статьѣ „Un document de comptabilité de l'époque d'Ouroukagina roi de Lagach“ (оттискъ изъ послѣдняго номера Journal Asiatique, за 1905 годъ вышедшій въ 1906 году), Allotte de la Fuyе указываетъ относительно таблетокъ эпохи Урукагинны—„dispersées dans les principaux musées de l'Europe et dans les collections particulières“, что онъ для своей коллекціи собралъ ихъ весьма значительное количество: „j'ai pu, pour ma part, en reunir plusieurs centaines“. Въ этой же небольшой, но очень цѣнной замѣткѣ Allotte de la Fuyе доказалъ, что Gursak-gal равняется 240 Qa (въ отличіе отъ позднѣйшаго гура=300 Qa). Ранѣе этого еще въ 1904 году тотъ же изслѣдователь въ замѣткѣ „Quelques particularités de l'écriture des tablettes de l'époque d'Urukagina, roi de Sirburla“ (оттискъ изъ „Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes“, XXVI) изложилъ цѣнные палеографическія наблюденія. Тому же Allotte de la Fuyе принадлежитъ честь объясненія, что текстъ на таблѣткахъ этой эпохи кончается не простымъ виньетомъ, а указаніемъ года правленія. F. Thureau-Dangin въ „Les inscriptions de Sumer et d'Akkad“ (Paris, 1905. 8°.) говоритъ относительно таблетокъ времени Лугальанды, Энлитарзи и Урукагинны: „...elles mentionnent souvent le nom du patési ou celui de sa femme et se terminent par une notation singulière, dans laquelle le colonel Allotte de la Fuyе, possesseur d'un grand nombre de documents de ce genre, voit, avec raison, semble-t-il, l'indication de l'année du règne“. (р. 320). На принадлежащихъ мнѣ таблѣткахъ имѣется девятый годъ, не отмѣченный Thureau-Dangin.

Подписывая настоящую статью уже къ печати, я получилъ слѣдующій проспектъ имѣющаго выйти въ свѣтъ труда: „Documents Présargoniques, tablettes, bulles et cachets, antérieurs de plus de 4000 ans à notre ère. Publiés, traduits et commentés par le colonel Allotte de la Fuyе“. Относительно содержанія изданія указано: „Ces documents, au nombre de plus de quatre cents, comprennent des tablettes des patésis de Lagach antérieurs à Sargon I, des bulles avec inscriptions et empreintes de cachets de la même époque, enfin quelques monuments antérieurs au roi Our-Nina“.

Надѣясь и въ древнѣйшей части архива Ширпурлы встрѣтить сфрагистическіе типы, обнаруженные среди памятниковъ позднѣйшихъ эпохъ, я—въ перепискѣ съ антикварами—обратилъ особенное вниманіе на розыски подобныхъ глиняныхъ обломковъ, хотя бы и въ фрагментарномъ состояніи. Отмѣчу, что мнѣ удалось достать.

1) Одинъ экземпляръ таблетки въ обложкѣ (изображеніе его на таблицѣ I подъ №№ 1 и 1 об.)—памятникъ типа «case-tablets», но безъ оттисковъ цилиндра-печати и, вмѣсто изложенія акта, съ краткой лишь надписью на обложкѣ, читаемой М. В. Никольскимъ, какъ: «gan-še-gub-ba-bi Nu-ta-ud-du-a-an» = поле сѣмени gubbabi (обработано или доставлено?) Нутаудда.

Мнѣ кажется, что возможно предположить въ «Нутаудда» и имя чиновника-пріемщика.

Можно думать, что «case-tablets» этой эпохи чрезвычайно рѣдки.

T. G. Pinches въ вышеприведенной статьѣ «Some case-tablets from Tel-loh» говоритъ: «the earliest known document with an envelope, which is in the possession of Lord Amherst of Hackney, is a tablet with offerings of fish. There is no inscription on the envelope, except a few words stating that the fish were the offerings of the fishermen, and it was sealed, in the form of a cross, with the cylinder of the superintendent of the women's palace, in the district belonging to which, apparently, the fish were caught».

Въ этомъ супер-интендантѣ дома женщинъ я имѣю основаніе предполагать Эниггала, очень извѣстнаго по таблеткамъ эпохи и о печати котораго ниже будетъ рѣчь.

Едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ T. G. Pinches, что печать приложена потому, что рыба была поймана въ области завѣдыванія супер-интенданта. Скорѣе можно думать, что рыбу принесли къ Эниггалю, какъ дворцовому чиновнику, и онъ приложеніемъ печати отмѣтилъ фактъ пріема приношенія. F. Thureau-Dangin справедливо характеризуетъ происхожденіе «архаическихъ» таблетокъ, что—«la plupart proviennent des archives particulières des patésis et ont trait à la comptabilité du palais». Институтъ патесиата, какъ соединенія свѣтской власти съ первосвященничествомъ, въ столь отдаленную эпоху выражался тѣснымъ соприкосновеніемъ личныхъ дѣлъ патеси и всего, что касалось храмовъ Ширпурлы. Мы увидимъ ниже, что дупсаръ «дома женщинъ»—онъ же и дупсаръ богини Бау.

Таблетка, описанная T. G. Pinches, покрыта отпечатками цилиндра—это уже памятникъ древнѣйшей сфрагистики. Описанный нами документъ принадлежитъ, можетъ быть, къ болѣе древнему типу—безъ

печатей—и, повидимому, своей архаической простотой иллюстрирует мнѣніе многихъ ассиріологовъ, что употребленіе глиняныхъ футляровъ возникло изъ простой мысли о наилучшемъ сохраненіи подлиннаго текста.

2) На таблицѣ I подь №№ 2 и 2 об. и на таблицѣ II подь №№ 1-а и 1-б изображены два фрагмента необычной для таблестокъ формы. Это куски двухъ боченко-образныхъ предметовъ, по формѣ напоминающихъ позднѣйшіе памятные цилиндры. Особенность въ томъ, что они были надѣты на палки разной толщины, причемъ въ одномъ случаѣ палка проходила пазомъ, а въ другомъ глиняный боченокъ являлся шишкой на концѣ палки.

Оба фрагмента покрыты клинописью и не имѣютъ оттисковъ цилиндровъ-печатей. Ни по формѣ, ни по содержанію текста описываемые памятники не позволяютъ признать въ нихъ прикладныя глиняныя печати. Это самостоятельные документы, а не ярлыки, которые запечатывали и охраняли какое-либо хранилище.

Фрагментарное состояніе не позволяетъ возстановить текстъ вполнѣ, но даетъ цѣнныя указанія. Исслѣдованіе текста будетъ произведено вмѣстѣ со всѣмъ матеріаломъ другихъ таблестокъ М. В. Никольскимъ, для нашей же цѣли достаточно упомянуть основные факты—1) перечисляются разнообразныя предметы, 2) документъ имѣетъ видъ сдѣлки двухъ сторонъ, изъ которыхъ одна—важный чиновникъ дупсаръ.

Повидимому, по смыслу акта разнообразныя предметы получаютъ какіе-то люди, а выдача производится той стороною, представителемъ которой является дупсаръ. Это обстоятельство позволяетъ мнѣ высказать нѣкоторыя личныя соображенія въ объясненіе необычной формы таблестокъ. По моему мнѣнію, подобно тому какъ кудурру являлись межевыми знаками для всеобщаго свѣдѣнія, такъ и наши глиняныя боченки были надѣты на палки для обозрѣнія заключенныхъ условій подряда или для милостиваго объявленія рабочимъ, что имъ будетъ выплачено и роздано.

Во всякомъ случаѣ оба фрагмента, хотя и являются приложенными къ какому-то предметамъ, не являются печатями и въ этомъ отношеніи отличаются отъ другихъ описываемыхъ памятниковъ.

3) Нѣсколько таблестокъ совсѣмъ округлой формы, исписанныя съ обѣихъ сторонъ, являются настоящими глиняными буллами, такъ какъ черезъ всю таблестку проникаетъ узкій каналъ, черезъ который проходилъ болѣе или менѣе толстый шнуръ.

По содержанію, представляя перечисленіе разнообразныхъ предметовъ, памятники ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ таблестокъ. Никакого особаго термина, который бы ихъ характеризовалъ, на нихъ нѣтъ.

Въ виду того, что эти буллы — таблетки, все-таки, повидимому, запечатывали какія-то хранилища или цѣлыя помѣщенія, я прилагаю здѣсь снимки съ нихъ, вмѣстѣ съ транскрипціей М. В. Никольскаго¹⁾.

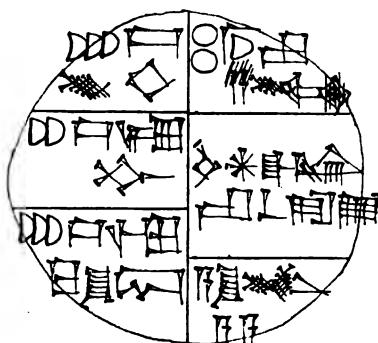
а) Клише №№ 7—10. Перечисляются предметы, доставленные нубандою Эниггалемъ. Если принять указаніе Allotte de la Fuye на значеніе заключительнаго виньета, то описываемая печать относится къ третьему году правленія или Урукагины, или Лугальянды.

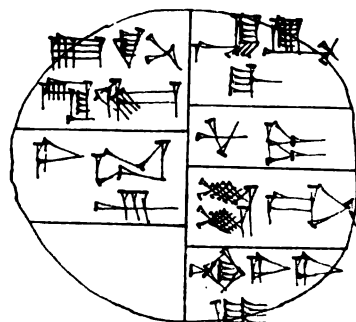
7.

8.

9.

10.

b) Клише №№ 11—14. Какъ будто бы простая квитанція въ полученіи зерна. Стоитъ только имя чиновника. Царскаго имени нѣтъ, но конечный виньетъ указываетъ на второй годъ.

с) Клише №№ 15—18. Перечисляются какіе-то сосуды и дано точное указаніе на Урукагину, патеси Ширпурлы, и на его чиновника—нубанду Эн-иг-галя.

Заключительный виньетъ показываетъ первый годъ, и это указаніе одно изъ подтвержденій хронологической теоріи Allotte de la

¹⁾ Исключена лишь одна таблетка, которая составитъ предметъ особаго изслѣдованія М. В. Никольскаго. На этомъ интересномъ памятникѣ идетъ рѣчь о продажѣ рабовъ. По формѣ же она также совершенно круглая и съ каналомъ для шнура.

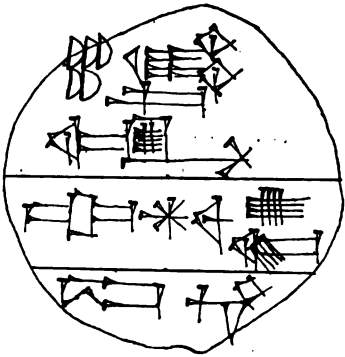
Figure. Какое бы просторное мѣсто не оставалось въ концѣ текста при упоминаніи Урукagina, какъ патеси, всегда стоитъ единица. «Ugu-

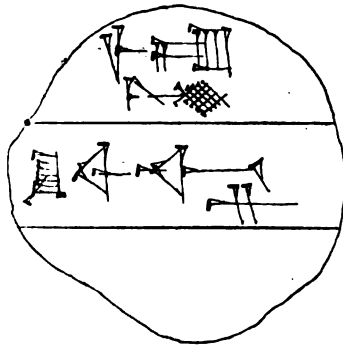
11.

12.

13.

14.

15.

16.

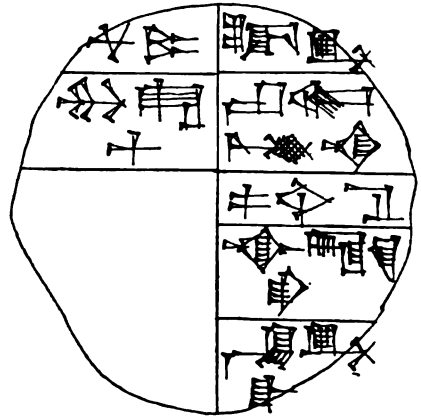
ka-gi-na», говоритъ Thureau Dangin, «aurait donc échangé le titre de patési contre celui de roi, dès la première année de son règne» ¹⁾.

¹⁾ Les inscriptions de Sumer et d'Akkad, 320.

d) Къ этой же серіи ¹⁾ можно отнести небольшую орѣховидную

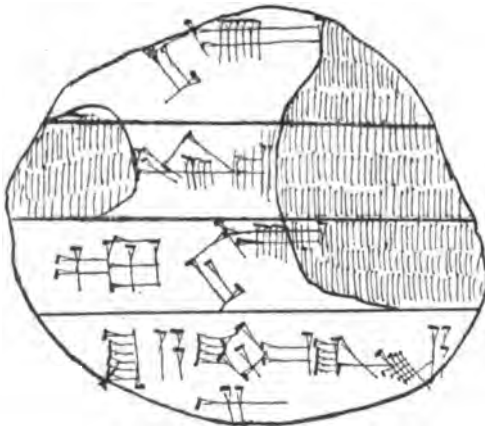
17.

18.

a.

b.

1. .... *dua* - [gi? ....]
2. .... *gala* .....
3. *sib dua* - [gi? ....]
4. *Su-a-ne-gi-a*

Милос.

1. .... *dua* [gi? ...]
2. .... *galy* .....
3. *наступе dua'овъ.*
4. *вострава...*

- 1) *подъ осло.*
- 2, *символъ сол. и мена.*

c.

Текстъ этого документа, помѣченного вторымъ годомъ, нѣсколько отличается отъ другихъ подобныхъ памятниковъ. Что такое вернулъ па-стухъ ословъ и къ чему могла быть привѣшена эта глиняная булла, вѣсѣвшая, судя по сохранившемуся каналу, на довольно тонкой веревкѣ?

¹⁾ Къ этой же серіи принадлежитъ еще фрагментъ подобной же буллы, съ надписью лишь на одной сторонѣ. Приводимъ здѣсь снимокъ (клише a), транскрипцію и переводъ М. В. Никольскаго (клише b и c):

буллу (снимокъ—клише № 19, транскрипція М. В. Никольскаго—клише № 20), сплошь покрытую надписью. Булла представляет какъ бы ярлыкъ, повидимому, охранявшій 6¹/₂ минъ чистаго серебра, доставленныхъ какимъ-то торговцемъ Барнаитаррѣ, супругѣ патеси Лугальанды. Упоминается, что серебро доставлено изъ страны Эламъ.

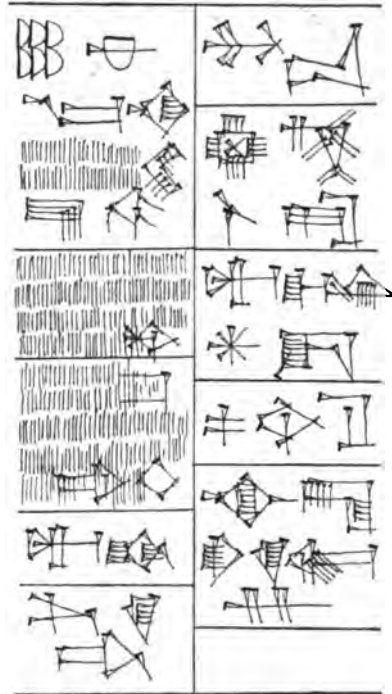

19.

Заключительный виньетъ показываетъ четвертый годъ правленія Лугальанды (хотя имя его и не обозначено).

4) Булла, помѣченная нами буквой d) должна быть сопоставлена съ цѣлою серіею совершенно подобныхъ же орѣховидныхъ буллъ-таблетокъ, имѣющихъ въ текстѣ особый терминъ, который ихъ характеризуетъ. Терминъ этотъ «en-ni-bad», изслѣдованіе коего имѣетъ быть предложено М. В. Никольскимъ въ его большомъ трудѣ:

а) См. клише №№ 21 и 22: Булла, съ довольно широкимъ отверстіемъ (была на толстой веревкѣ?):

20.

21.

1. En-ni-bad	1. . . . .
2. Siba lid-ku	2. митурра влово (?).
3. Ми-ка-зи-ни	3. Фрукелани,
4. lugal	4. Уш
5. Su-la-ki-pur	5. Шабуушери.

22. Автографъ М. В. Никольскаго.

Заключительнаго хронологическаго виньета нѣтъ.

б) См. клише №№ 23 и 24. Совершенно подобная булла, чуть-чуть только удлиненнѣе:

23.

1. En-ni-bad	1. . . . .
2. Sin-šiš	2. Sin-šiš,
3. gal-kalama-ka	3. gal-kalama,
4. Uru-ka-gi-na	4. Urukagina,
5. legal	5. legal.
6. Šiv-la-pur-ki	6. Šiv-la-pur-ki

24.

Заключительнаго виньета нѣтъ, несмотря на то, что одно дѣленіе осталось совсѣмъ неиспользованнымъ.

с) Клише №№ 25 и 26. Совершенно подобная булла нѣсколько меньшихъ размѣровъ:

25.

1. En-ni-bad	1. . . . .
2. A-ka-nag	2. A-ka-nag,
3. ra šinir Ba-u	3. gal-šinir Ba-u
4. Urukagina	4. Urukagina,
5. legal	5. legal
6. Šiv-la-pur-ki	6. Šiv-la-pur-ki.

26.

Виньетка въ концѣ текста отсутствуетъ.

д) Клише №№ 27 и 28. Булла чуть-чуть большей величины, съ очень широкимъ каналомъ, но по формѣ до малѣйшихъ подробностей одинаковая съ предыдущими:

27.

1. En-(ni-bad)	
2. šinir Ba-u ma-	
al-ga šud-gi	
3. Uru-ka-	
gi-na-za	
4. ki-gub tu-	
na-rad	
5. tu-bi	

28.

Надпись, изъясненіе которой предложить М. В. Никольскій въ его изслѣдованіи о памятникахъ эпохи Урукagina, отличается нѣкото-

рыми особенностями от текста других буллъ съ терминомъ ep-nu-bad. Обращаетъ вниманіе отсутствіе титула при имени Урукагины, довольно трудно объяснимое, если принять, что памятникъ совершенъ при жизни Урукагины.

Описанныя четыре буллы, помѣченные нами серіей 4-й, по внѣшнему виду наиболѣе соотвѣтствуютъ тому, что мы называемъ вислыми печатами, но по внутреннему содержанію, можетъ быть, именно эту серію придется выдѣлить изъ среды сфрагистическихъ памятниковъ.

5) Къ орѣховиднымъ булламъ можетъ быть причисленъ и небольшой комочекъ глины, изображенный на клише № 29 (и на кл. 30).

29.

1. Ш ки дин 1. 2 сикля серебра
2. Мр-саг 2. Ур-сам,
3. lul 3. мурамахъ (2)

30.

Небрежно слѣпленный пальцами на концѣ довольно толстаго шнура, онъ рѣзко отличается отъ другихъ буллъ-ярлыковъ своей неправильной формой.

Глиняная привѣска, охранявшая 2 сикля серебра, съ моей точки зрѣнія, является несомнѣнной вислой печатью ¹⁾.

6) Кромѣ глиняныхъ таблестокъ разнообразной формы, привѣшенныхъ когда-то на веревкахъ разной толщины, въ архивѣ Ширпурлы найдены и такія таблестки, которыя были прильплены одной стороною то къ плетеной корзинѣ, то къ какому-то предмету, обвязанному веревкою.

Прилагаемая клише (нѣкоторыя съ фотографіей, нѣкоторыя съ транскрипціей М. В. Никольскаго) даютъ ясное представленіе о такого рода памятникахъ:

а) Клише №№ 31 и 32 изображаютъ довольно большую полусферическую (правильнѣе въ формѣ сегмента) таблестку-печать, которая была

¹⁾ Маленькій привѣсокъ, изображеніе котораго и транскрипцію надписи мы даемъ на клише d) и e), представляетъ загадку.

d.

e.

Что значать эти два знака „e—nam“? Можетъ быть, имя лица, которое доставило запечатанные предметы, или это имя адресата?

приложена на веревку, обвязывавшую какой-то предмет, повидимому, изъ тростниковыхъ плетеній. Глина облѣпляла веревку со всѣхъ сторонъ, такъ что и теперь еще сохранилась часть канала.

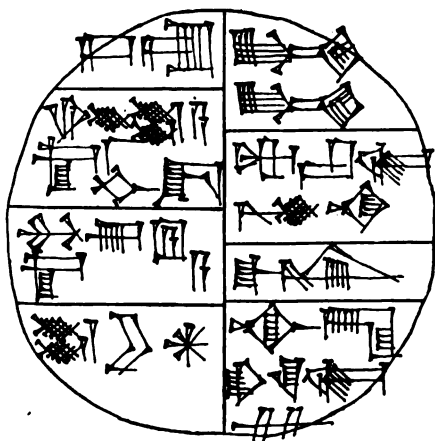
31.

32.

Смысль запечатанія даетъ подробная надпись, которая будетъ со временемъ комментирована М. В. Никольскимъ. Изъ текста видно, что таблетка охраняла нѣкоторое количество зерна. Упоминаніе Шахъ-

Шахъ, супруги Урукагины, царя Ширпурлы, заставляетъ думать, что зерно принадлежало именно ей. Заключительная виньетка указываетъ на четвертый годъ правленія Урукагины.

33.

Какъ эта, такъ и послѣдующія таблетки характеризуются однимъ терминомъ — «ga-dub». Въ данномъ случаѣ га-дубъ относится къ чиновнику, имя котораго значится въ текстѣ. Что сдѣлалъ этотъ чиновникъ? Прислалъ онъ упоминаемое зерно, принялъ его или только запечаталъ?

«Dub» = собственно таблетка, и въ этомъ значеніи оно встрѣчается въ текстахъ обыкновенныхъ таблетокъ (напримѣръ, хотя бы у Radau въ описаніи коллекціи Гофмана, № 96), но у Reisner'a въ его «Tempelurkunden aus Telloh» въ словарѣ показано — Dub = šid = «Siegel, Empfangsschein», то-есть и печать, и квитанція, причемъ однако — «šid-nu-tug» = «ohne Siegel».

Весьма важно было бы выяснить, не есть ли «ga-dub» терминъ для прикладной глиняной буллы-печати, все равно исписанной, или покрытой оттисками цилиндровъ.

Съ моей точки зрѣнія я придаю въ этомъ случаѣ значеніе и цѣнному указанію Т. G. Pinches ¹⁾ на присутствіе термина «duba» на оболочкахъ «case-tablets», хотя авторъ и переводитъ его просто таблеткой (tablet).

Ф. Thureau-Dangin въ доступной и для неспеціалистовъ книгѣ «Les inscriptions de Sumer et d'Akkad» собралъ надписи на печатяхъ Ширпурлы. Наиболѣе часто встрѣчаются печати дупсаровъ = «писцовъ» въ буквальномъ смыслѣ слова и очень крупныхъ чиновниковъ по своему положенію въ дѣйствительности.

Рѣдки печати чиновниковъ-судей, чиновниковъ, именовавшихся «sukkal», и единичны печати «намѣстниковъ» или «генераль-губернаторовъ» — «sukkal-mah».

Единична, какъ кажется, и печать одного изъ чиновниковъ Ур-аб-ба, патеси Ширпурлы, весьма для насъ интересная.

Надпись на печати читается Ф. Thureau-Dangin такимъ образомъ:

[u]r-ab-ba	Ur-ab-ba
[pa]-te-si	patési
[šir]-bur-la ^{ki}	de Lagaš
ba-ša(g)-ga	Ba-ša(g)-ga
MAL-dub-ba	le . . . . .
arad-zu	ton serviteur.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ наименованіе чиновника въ объясненіе термина «ga-dub». «MAL-dub-ba» печати не есть ли то званіе, которое такъ выдѣлялось и высоко ставилось въ старой Руси = «печатникъ»? Reiser даетъ неопредѣленное толкованіе, и то съ знакомъ вопроса — «Berufsname (?)».

Предположеніе о спеціальной должности печатника разбивается, однако, повидимому, текстами на нѣкоторыхъ таблечкахъ. Такъ у Barton въ его «Haverford Library collection of cuneiform tablets» имѣются:

1) MA-DUB-BA	Office	2) MA-DUB-BA	An office
DUP-PU-DA	of accounts.	GAR-RA-AG	of food-making ²⁾ .

¹⁾ The Journal of the Royal Asiatic Society, 1905, 817.

²⁾ См. также R. Lau, Old Babylonian Temple Records (New-York, 1906. 8°), p. 34, № 162:

MAL-DUB-BA	House (property) tablet (list)
SHI + SAR-AG-DE	of skillful persons.

б) Клише №№ 34—36—изображают таблетку значительной величины, которая была прилѣплена къ какому-то предмету. По малому углубленію канала въ глину сомнительно, чтобы таблетка была прило-

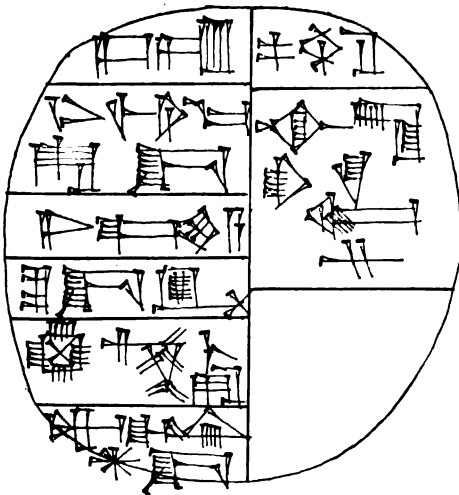

34.

35.

жена къ веревкѣ; оборотная сторона такъ прикрыта налётомъ, что не позволяетъ сказать съ точностью, отпечатлѣлись ли плетения тростника или что иное.

36.

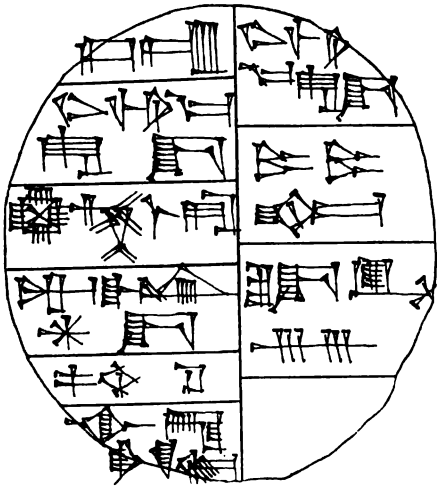

37.

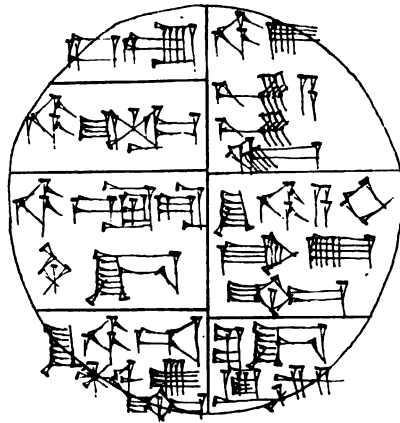
Въ текстѣ упоминается Барнамтарра, супруга патеси Лугальанды и, какъ всегда, имя лица, къ которому относится g-a-d u b. Виньетка въ концѣ даетъ второй годъ правленія.

с) На клише № 37 (транскрипция на клише № 38) изображена подобная же, довольно попорченная палетомъ и выбоинками, таблетка-печать:

Памятникъ относится къ тому же времени. Упоминается Барнамтарра, супруга патеси Лугальанды; виньетка даетъ шестой годъ правленія.

38.

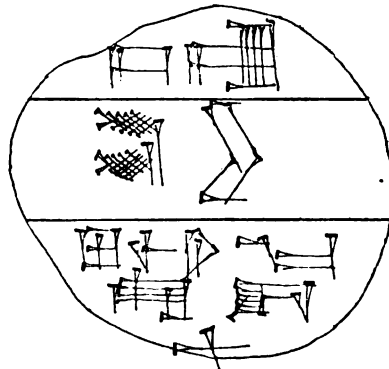

39.

d) Таблетка, транскрипция которой дается на клише № 39, изображена фототипией, как образец подобного рода памятниковъ, на таблицѣ II, подъ №№ 2^a и 2^b. Въ ней ga-dub относится къ рыбѣ высокаго сорта, которую, повидимому, доставили рыболовы богини Бау.

40.

41.

Царскаго имени нѣтъ, но заключительный виньетъ имѣется и указываетъ четвертый годъ. Отмѣтимъ, что виньетъ втиснутъ въ сжато написанный текстъ, каковое обстоятельство, по моему мнѣнію, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что это не простое украшеніе.

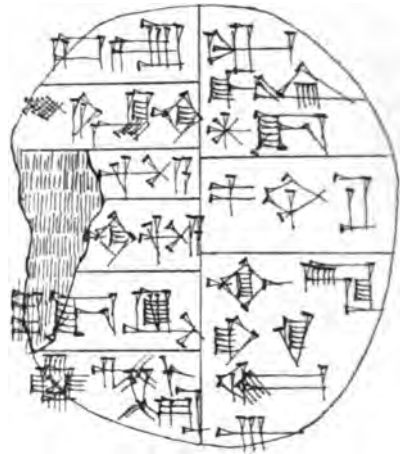
e) Безъ царскаго имени и таблетка, изображенная на клише № 40

(транскрипція клише № 41). Она болѣе выпуклой и удлиненной формы, вся какъ-то небрежнѣе и грубѣе по работѣ.

Дѣло идетъ о какомъ-то мелкомъ скотѣ (овца?) и въ концѣ представлень годъ первый.

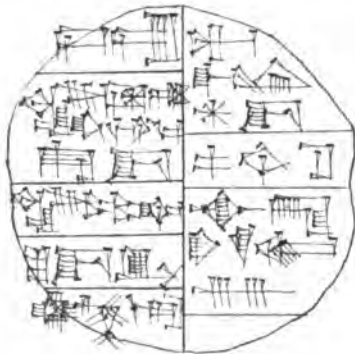

42.

43.

Г) Немного попорченная таблетка, изображенная на клише № 42 (транскрипція клише № 43), какъ и выше описанная подъ буквою а) охраняла нѣкоторое количество зерна. Порча таблетки произошла отъ того, что шнуръ, который она облѣпляла, пришелся очень высоко въ толщѣ буллы, почему одинъ изъ краевъ таблетки и обвалился. На оборотной сторонѣ ясно различается отпечатокъ тростниковаго плетения.

44.

Царское имя, упоминаемое въ текстѣ—Барнаитарра, супруга Лугальанды. Виньетъ даетъ третій годъ правленія.

г) Клише № 44 даетъ транскрипцію небольшой, полусферической, прекрасно сохранившейся буллы типа предыдущаго № (шнуръ въ толщѣ таблетки). На оборотной сторонѣ отпечатокъ довольно неясный. Письмо отличается тщательностью и нѣсколько мельче, чѣмъ на буллѣ подъ буквою і.

Га-дубъ относится къ имуществу (осель?), за указаніемъ котораго идетъ имя чиновника и затѣмъ царское имя — «Барнаитарра, супруга Лугальанды, патеси Ширпурлы». Виньетъ помѣчаетъ шестой годъ правленія.

Таковы типы вислыхъ и прикладныхъ таблеть, исписанныхъ обычной немонументальной клинописью эпохи. Архивы Ширпурлы дали и иные памятники, подобные по внѣшнему виду, но съ письмомъ иного типа, что даетъ весьма цѣнныя палеографическія показанія.

Среди архаическихъ таблеть древнихъ патеси (изъ тайныхъ раскопокъ арабовъ, сдѣланныхъ въ 1902 году) оказались въ весьма небольшомъ количествѣ куски глины съ оттисками цилиндровъ, то есть настоящія глиняныя печати. По странному стеченію обстоятельствъ онѣ, повидимому, не попали ни въ Берлинскій музей, ни въ Лувръ. Можно подозрѣвать, что часть находится въ Англіи среди таблеть, купленныхъ лордомъ Amherst.

Выше мы привели уже описаніе T. G. Pinches одной «case-tablet» въ собраніи лорда Amherst of Hackney, на которой въ видѣ креста оттиспугы отпечатки цилиндра-печати супер-интенданта «дома женщинъ»¹⁾. Печать управителя дома женщинъ мы найдемъ и на буллахъ. Въ этомъ отношеніи указанная «case-tablet» вполне съ ними сближается.

Буллы изъ глины, находившіяся на парижскомъ рынкѣ, въ лучшихъ экземплярахъ попали въ коллекцію извѣстнаго французскаго любителя, живущаго въ Версалѣ, уже неоднократно упомянутаго полковника Allotte de la Fuye, который у одного лишь антиквара приобрѣлъ восемь буллъ превосходной сохранности. Справедливость показаній торговцевъ я имѣлъ возможность провѣрить у самого хранителя Лувра F. Tureau-Dangin, который подтвердилъ, что у Allotte de la Fuye среди его буллъ имѣются двѣ съ оттисками цилиндровъ удивительной, тончайшей работы и съ надписями большого историческаго значенія—одна печать самого патеси Лугаль-ан-да, другая его супруги Бар-нам-тарры. Булла этой послѣдней огромной величины и на ней оттиски трехъ цилиндровъ одинъ надъ другимъ.

Самъ Allotte de la Fuye въ статьѣ «Un document de comptabilité de l'époque d'Ouroukagina, roi de Lagach»²⁾, говоря о роли женъ патеси, упоминаетъ: «au point de vue de la comptabilité publique, ses attributions ne se distinguent pas de celles de son mari; comme lui elle a un sceau, et, si l'on en juge par les rares empreintes qui nous sont parvenues, le cylindre de Bar-nam-tar-ra, femme du patési Lugal-an-da, ne le cède en rien, pour la dimension et pour la beauté du

---

¹⁾ The Journal of the Royal Asiatic Society, 1905, l. c.

²⁾ Journal Asiatique, 1905, Numéro de Novembre-Décembre.

travail, à celui de ce dernier». Сколько я знаю, оба драгоценных памятника пока еще не опубликованы, а надо заметить, значение этих и имъ подобныхъ неизданныхъ печатей эпохи У р у к а г и н ы весьма велико— онѣ не только опредѣляютъ типъ печатей древнихъ патеси Ш и р п у р л ы, но и окончательно устанавливають хронологическое мѣсто всей серии таблеть находки 1901—1902 годовъ въ до-Саргоническомъ периодѣ. Въ смыслѣ сфрагистическихъ памятниковъ опредѣленнаго *историческаго* периода онѣ являются наидревнѣйшими.

Это-то научное значеніе такихъ сфрагистическихъ документовъ и побудило меня осмѣлиться выступить съ настоящей статью. Дѣло въ томъ, что счастливый случай далъ въ мои руки нѣсколько памятниковъ, которые способны дополнить показанія буллъ, находящихся въ Парижѣ.

Исслѣдователи цилиндровъ-печатей согласно относятъ къ древнѣйшему периоду цилиндры съ изображеніемъ борьбы фантастическихъ (частью и реальныхъ) животныхъ, расположенныхъ болѣе или менѣе симметрично.

Во главѣ описываемыхъ мною печатей надо поставить фрагментъ очень большой глиняной буллы, въ цѣломъ видѣ имѣвшей форму боченка (14 высоты и $7\frac{3}{4}$ сант. въ діаметрѣ). Точный снимокъ прилагается на таблѣцѣ III (лицевая сторона освѣщена съ двухъ краевъ). Боченкообразный комъ глины былъ надѣтъ на толстую гладкую палку, лишешнюю коры; по серединѣ бичевка обвивала палку въ три ряда и завязана была маленькимъ узломъ. Веревоchnый узелъ мѣшалъ свѣжей глинѣ ползти по гладкому стволу. По наружной поверхности боченка кругомъ одинъ надъ другимъ были прокатаны три анепиграфическихъ цилиндра-печати. Размеры цилиндровъ не отличаются величиною,—первый 3,5 сант., второй 3,5, третій 2,5 сант., но, повидимому, были значительной толщины, что опять таки одинъ изъ признаковъ глубокой древности.

Первый цилиндръ изображаетъ довольно обычный мотивъ—львы накидываются на газелей и кусаютъ ихъ. Работа тонкая, и полной аналогіи съ изданными цилиндрами мнѣ найти не удалось.

Въ виду того, что фотографія выпуклыхъ предметовъ передаетъ разныя стороны изображенія не съ одинаковою отчетливостью, я прилагаю клише (№ 45) съ рисунка карандашомъ ¹⁾).

Широкія головы львовъ были попорчены, повидимому, еще по свѣжей необожженной глинѣ.

Второй цилиндръ (см. клише № 46) имѣетъ очень странный видъ—

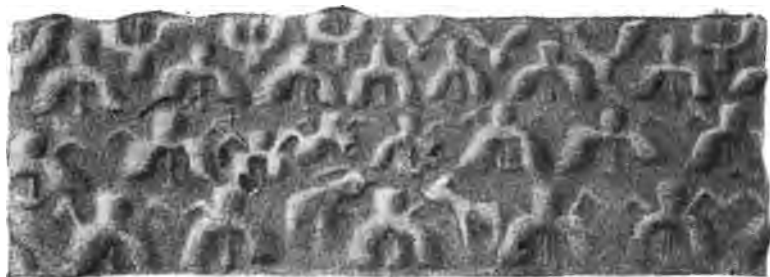
¹⁾ Какъ этотъ, такъ и нижеслѣдующіе очень точные и тщательные рисунки карандашомъ исполнены художникомъ Н. Е. Макаренко.

это едва ли не изображение хаоса, наполненного фантастическими животными. Съ другой стороны надо обратить вниманіе, что верхній рядъ состоитъ изъ фантастическихъ птицъ особаго значенія - тѣхъ львоголовыхъ орловъ, о которыхъ намъ придется говорить ниже.

45.

Третій цилиндръ, самый маленькій (см. клише № 47), представляетъ Гильгамеша между двухъ газелей (ланей), на которыхъ кидаются львы. Мужская фигура поражаетъ одного изъ львовъ, за другимъ стоитъ какое-то, фантастическое существо.

46.

Боченкообразная печать (если можно такъ выразиться) дошла до насъ одной лишь половиной, въ разломѣ вдоль. Ясно видно, какъ глина обтѣпляла палку, и ничто не заставляетъ предполагать, что на другой, утраченной, половинѣ были надписи.

47.

Какое же значеніе могла имѣть подобная прикладная глиняная печать? Пока другіе экземпляры не рѣшатъ загадки, можно высказывать лишь тѣ или иныя предположенія. Не служила ли она, какъ пайдзе, знакомъ для уполномоченнаго? Во всякомъ случаѣ сомнительно, чтобы она охраняла какую-нибудь корзину или цѣлое помѣщеніе. Боченкообразная форма ея и расположеніе цилиндровъ заставляютъ думать, что она предназначалась держаться вертикально на палкѣ и быть видимой со всѣхъ сторонъ.

Совершенно другимъ типомъ являются нѣсколько прикладныхъ буллъ, имѣющихъ по внѣшней формѣ и содержанию полнѣйшую аналогію съ памятниками эпохи Саргона и Нарамсина, описанными L. Heuzey («Sceaux inédits des rois d'Agadé»).

Заранѣе извиняясь въ неточности объясненія изображеній и въ возможной неточности самыхъ рисунковъ, снятыхъ съ неясныхъ, фрагментарныхъ экземпляровъ, я по возможности кратко опишу имѣющійся въ моемъ распоряженія сфрагистическій матеріалъ:

а) Небольшая булла (см. клише № 48), небрежно выдѣланная; цилиндръ вышелъ далеко не цѣликомъ и смутно, по краямъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ясно видны слѣды человѣческихъ пальцевъ, державшихъ глину.

48.

Цилиндръ безъ надписи. Въ центрѣ два льва на заднихъ лапахъ въ симметричномъ положеніи, какъ бы крестъ на крестъ. Съ однимъ львомъ борется человѣческая фигура нагая, не то съ птицей, не то съ головою животнаго; тонкая талія, сильно развитые ножные мускулы. Одной рукою фигура хватаетъ льва за голову, другою за хвостъ. За фигурою антилопа или дикая коза съ длинными рогами, стоя на заднихъ ногахъ и откинувъ голову назадъ, какъ бы стремится убѣжать отъ какого-то неясно сохранившагося лишь въ очертаніяхъ существа, вѣроятно тоже льва. И антилопа, и звѣрь, на нее нападающій, меньшей величины сравнительно съ фигурою, поражающей льва; надъ ними черта, надъ которой, повидимому, было какое-то изображеніе, совершенно невышедшее (едва ли не то же, что на слѣд. № b, см. ниже). Левъ, который находится справа отъ центральной сцены, кидается на антилопу, подвергающуюся съ другой стороны нападенію еще одного льва, захватившаго въ пасть ее шею. Между человѣческой фигурой и антилопой, стремящейся вырваться, изображена маленькая птичка, какъ будто бы утка; изображеніе это мы встрѣтимъ и на другихъ цилиндрахъ.

Описываемый цилиндръ, которымъ былъ сдѣланъ отпечатокъ на буллѣ, былъ весьма значительной величины (4,2 сант.), отличаясь въ то же время и большимъ діаметромъ (около $2\frac{3}{4}$ сант.).

б) Булла такой же величины, какъ и предыдущая, но болѣе тщательно вылѣпленная (см. клише № 49). Изображенія сохранились довольно хорошо, но нѣсколько прикрыты налѣтомъ. На обратной сторонѣ очень ясно вышелъ отпечатокъ тростниковаго плетенія. Судя по формѣ канала, печать была приложена къ цѣлому пучку бичевокъ, и каналъ вышелъ не круглой, а неправильной формы.

Въ оттискѣ на буллѣ верхъ цилиндра запечатлѣлся превосходно, а низъ скользнулъ, отчего утратилась и часть изображенія. Размѣръ цилиндра можетъ быть вычисленъ лишь приблизительно, около 4 сант. высоты и $2\frac{3}{4}$ сант. въ діаметрѣ.

49.

Въ центрѣ надъ чертою львоголовый орелъ, подъ лапами у него двѣ, лежація въ разныя стороны, антилопы (?); рядомъ съ тою антилопою, что съ лѣвой стороны, звѣзда.

Подъ чертою человѣческая фигура въ профиль, съ звѣриной головою, удерживаетъ антилопу, а другою едва ли не отталкиваетъ льва, напавшаго на эту антилопу.

Слѣва отъ центральной группы страшный левъ съ огромною гривой и съ громадной превосходно выдѣланной головою закусилъ шею антилопы. Справа нагая фигура человѣка съ звѣриной головою поражаетъ льва, схвативъ его за голову и за спину.

Такимъ образомъ содержаніе изображеній на цилиндрахъ а) и б) собственно одно и то же, но въ иномъ расположеніи. Оба цилиндра должны быть причислены къ числу анепиграфическихъ.

Львоголовый орелъ, изображенный съ полною отчетливостью на буллѣ б, хорошо извѣстенъ по разнообразнымъ памятникамъ Ширпурлы. Еще въ 1894 году Léon Heuzey посвятилъ ему специальную статью «Les armoiries chaldéennes de Sirpourla» ¹⁾. Изображеніе птицы съ распушенными крыльями (типъ обычнаго геральдическаго орла) и съ

¹⁾ Въ „Fondation Eugène Piot: Monuments et mémoires publiés par l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres“, томъ I, вып. 1.

львиной головою встрѣчается на барельефахъ царя Ур-Нина, стелѣ Эаннаду, на знаменитой серебряной вазѣ патеси Энтемены, на довольно многочисленныхъ разнообразныхъ предметахъ и цилиндрахъ. Орель этотъ представляетъ настоящій гербъ Ширпурлы, рисунокъ его вездѣ выдержанъ, и только въ аксессуарахъ мы замѣтимъ любопытное разнообразіе. Дѣло въ томъ, что орель рѣдко изображается одинъ безъ

50.

двухъ животныхъ, въ спины которыхъ онъ вѣнчался. Обычно это два льва, лежащихъ головами въ разныя стороны, иногда львы въ попыткѣ сопротивленія стоятъ на заднихъ лапахъ, какъ бы вырываясь отъ держащей ихъ могучей птицы.

На барельефѣ Ур-Нина львы, закидывая назадъ головы, стараются укусить льва за крылья (см. клише № 50).

На вазѣ Энтемены орель изображенъ въ нѣсколькихъ видахъ: онъ держитъ не только львовъ, но въ другомъ изображеніи не то оленей, не то козероговъ.

На цилиндрахъ-печатахъ львоголовый орель, случается, держитъ двухъ антилопъ, а на одномъ, найденномъ при раскопкахъ въ Телло, онъ вцѣпился въ спины двухъ быковъ съ человѣческими головами, фантастическихъ существъ, извѣстныхъ намъ по многу о Гильгамешѣ (см. кл. 51).

51.

52.

Въ Ширпурлѣ львоголовый орель получилъ и дальнѣйшее геральдическое развитіе. Въ «Decouvertes en Chaldée» (V, 300—301)¹⁾ изданъ по найденнымъ при раскопкахъ де-Сарзeka двумъ фрагментамъ глиняной буллы позднѣйшей сравнительно эпохи (время владычества царей Ура) рисунокъ превосходнаго цилиндра, на которомъ львоголовый орель является уже двуглавымъ (см. клише № 52).

Кто бы могъ подумать, что происхожденіе русскаго государственнаго герба кроется въ забытыхъ памятникахъ крохотнаго государства, самое имя котораго въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій было неизвѣстно, да и теперь читается разное, то такъ, то иначе—то Ширпурла, то Лагашъ!

с) Булла значительной величины ($6\frac{1}{4} \times 7\frac{1}{2}$ сант.), довольно плохо оттиснутая и, несмотря на чистку, не поддающаяся толкованію въ нѣкоторыхъ частяхъ (см. снимокъ на таблицѣ IV, №№ 3а и 3б).

Въ центрѣ три, какъ кажется, человѣческихъ фигуры въ ростъ, надъ ними двѣ птицы, сидящихъ въ разныя стороны (напоминаютъ утокъ), надъ птицами изгладившееся изображение, можно съ увѣренностью сказать, вышеупомянутаго львоголового орла, около котораго

¹⁾ И ранѣе въ вышеуказанной статьѣ L. Heuzey.

слѣва вырѣзанъ знакъ «g a l» = великій (кл. 53), относящійся, повидимому, именно къ этой геральдической эмблемѣ.

III
gal
Великій

53.

Съ лѣвой стороны Гильгамешъ нагой съ типичной большой головой обычнаго типа хватаетъ быка съ человѣческимъ лицомъ и съ громадной бородою, одной рукою за рога, другую за хвостъ. Съ другой стороны на быка кидается левъ.

Съ правой стороны фантастическій герой съ головой птицы или животнаго (котораго мы уже видѣли на первыхъ буллахъ) борется въ той же позѣ, что и Гильгамешъ, съ такимъ же быкомъ съ человѣческимъ лицомъ и съ такою же громадною бородою.

Въ дополненіе къ фототипическому снимку (Т. IV, 3а и 3б) прилагаемъ клише (№ 54) съ рисунка художника Н. Е. Макаренко:

54.

Оборотная сторона буллы занесена налетомъ, но все-таки позволяетъ видѣть отпечатокъ плетенія изъ тростниковыхъ волоконъ.

Размѣръ печатнаго цилиндра очень большой, около $4\frac{1}{2}$ сант. высоты и 3 сант. въ діаметрѣ.

Подъ буквою d) мы опишемъ три экземпляра одинаковой буллы, которые взаимно дополняютъ другъ друга. Два изъ нихъ изображены съ разныхъ сторонъ на таблицѣ IV подъ №№ 1а, 1б, 2а, 2б, третій экземпляръ покрытъ налетомъ и въ то же время имѣетъ трещины, не позволяющія подвергнуть его чисткѣ. № 1а/1б отличается небольшою величиною и небрежностью оттиска. Прикладывавшій не заботился о томъ, чтобы цилиндръ вышелъ цѣликомъ, наоборотъ другая, покрытая патиною, булла большой величины и передаетъ размѣры цилиндра-печати почти полностью (размѣръ приблизительно 4,2 и 2,7 сант.).

Прилагаемое клише (№ 55) съ карандашного рисунка дополняетъ фототипическій снимокъ. Фотографія скользнула по выпуклости буллы и сдѣлала неясной надпись весьма отчетливую въ оригиналѣ, при нѣсколько иномъ наклонѣ подлинника.

55.

Обратная сторона всѣхъ трехъ буллъ очень типична. Необыкновенно ясно оттиснулись грубыя сплетенія толстыхъ и широкихъ волоконъ въ клѣтку.

Обращаясь къ изображеніямъ мы видимъ въ центрѣ два быка съ человѣческими лицами, въ симметричной позѣ, какъ бы крестъ на крестъ. Около быковъ звѣзда, вѣроятный намекъ на то, что эти существа божественнаго происхожденія (какъ быкъ, съ которымъ боролся Гильгамешъ).

Надъ быками надъ чертою надпись ¹⁾:

En-ig-gal dub-šar e-sal = Эниггаль, писецъ дома женщинъ. Этотъ Эниггаль, «чубанда» Лугальанды хорошо извѣстенъ по таблеткамъ, и едва ли не его печать оттиснута на «case-tablet», описанной T. G. Pinches по экземпляру собранія лорда Amherst.

		En-ig-
		gal
		dub-šar
		e-sal

Эниггаль, писецъ Дома Женщинъ (гарема).

56.

Справа отъ центральной сцены нагой герой съ головою не то звѣря, не то птицы отбиваетъ антилопу отъ захватившаго ее лапами и кусающаго шею льва. Герой поражаетъ льва толстымъ копьемъ, или палицею, а другою рукою оттаскиваетъ антилопу за хвостъ. Между героемъ и

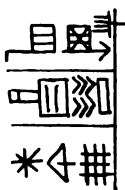
¹⁾ См. клише № 56

антилопою, какое то животное съ довольно большими ушами, изображено въ лежащей позѣ съ подогнутыми ногами. Слева отъ центральной сцены Гильгамешъ въ обычномъ изображеніи спасаетъ лань (антилопу, газель) отъ нападающаго на нее льва. Между Гильгамешемъ и ланью прекрасно моделированный львоголовый орелъ Ширпурлы.

57.

е) Булла большой величины (7 X 6 сантиметровъ) превосходной сохранности (отличается чернымъ цвѣтомъ, происходящимъ, думаю, отъ чистки). Изображеніе (см. таблица V, №№ 2 а и 2 в и клише № 57) то же, что и на буллахъ, описанныхъ подь буквою d), только наоборотъ. Между нагимъ героемъ справа и ланью львоголовый орелъ, а между Гильгамешемъ и ланью, лежащее животное въ родѣ козы или теленка, интересное уже потому, что, какъ кажется, совершенно подобное животное сопровождаетъ гербъ Ширпурлы и на барельефѣ Ур-Нина.

 En-ig-gal

 dub-šar

 dingir Ba-u

Надпись надъ чертою (клише № 58) гласитъ: En-ig-gal dub-šar dingir Ba-u == Эниггаль, писецъ богини Бау.

Эниггаль, писецъ богини Бау.

Само собою напрашивается сопоставленіе съ надписью предыдущей буллы. Эниггаль, «писецъ дома женщинъ», оказывается «писцомъ богини Бау», изъ таблестокъ же мы знаемъ, что онъ былъ «нубанда» (супер-интендантъ) патеси и его су-

58.

пруги. Размѣръ превосходнаго цилиндра этой печати 4,3 сант. при діаметрѣ около 3 сантиметровъ (?).

Еще болѣе интересна булла, которую мы обозначимъ буквою f) и

изображеніе которой дано на таблицѣ V подъ №№ 1a, 1b, 1c и на клише № 59¹⁾.

Эта очень большая ($6\frac{1}{2} \times 7$ сант.) булла дошла до насъ въ экземплярѣ превосходной сохранности и ясно видно, какой необыкновенно тонкой работы былъ цилиндръ-печать, оттискъ котораго запечатлѣлся на глинѣ.

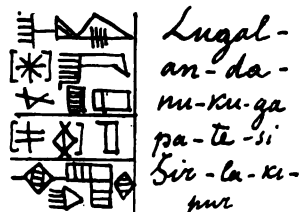
59.

Въ центрѣ сцены изображенъ Гильгамешъ (?) между двухъ быковъ, въ профилѣ, стоящихъ на заднихъ лапахъ. Надъ чертою надпись (клише № 60):

Lugal-an-da-nu-ku-ga pa-te-si Šir-la-ki-ri-g = Лугаль-анда-нукуга, патеси (города) Ширпурлы.

Надпись эта первостепенной исторической важности. Передъ нами уже не печать «писца», а печать самого «патеси», при чемъ мы констатируемъ сходство и въ размѣрѣ, и въ изображеніяхъ.

Полное имя патеси Лугальанды на таблечкахъ встрѣчается рѣдко, но все-таки даже въ небольшомъ количествѣ изданнаго F. Thureau-Dangin матеріала, мы находимъ его на таблечкѣ № 33, только Thureau-Dangin читаетъ его Lugal-an-da-

*Лугальанда-нукуга,
патеси (города) Шир-
пурлы.*

60.

¹⁾ Жуткое впечатлѣніе производитъ ясный и глубокий оттискъ пальца на обратной сторонѣ. Сколько поколѣній перемерло съ тѣхъ поръ, какъ этотъ палецъ истлѣлъ. Не забудемъ что со дней Лугальанды насчитываютъ протекшими около 6000 лѣтъ.

pu-šú-ga ¹⁾ вмѣсто «Lugal-an-da-nu-ku-ga», предлагаемаго М. В. Никольскимъ ²⁾).

По бокамъ центральной сцены, справа и слѣва одинаковыя изображенія. Герой съ головою животнаго (см. уши и рогъ) борется со львомъ, напавшимъ на лань. Казалось бы, что это тотъ же герой, что и на прежде описанныхъ цилиндрахъ — (суди по головѣ) — но нижняя часть фигуры, начиная отъ пояса, у него въ видѣ туловища быка и отъ головы идетъ длинная косма волосъ, вырисованы груди и ребра.

На этомъ цилиндрѣ мы имѣемъ, думается, изображеніе Эабани, друга Гильгамеша, — человѣка-быка = минотавра. Вопросъ о томъ Эабани ли изображенъ на печати Лугальанды можетъ быть рѣшенъ только по сравненіи съ другими цилиндрами. Возможно, что минотавръ могъ изображаться и въ видѣ человѣка съ бычачьей головой и въ видѣ быка съ человѣческой верхней половиною туловища и съ головою животнаго.

Надо отмѣтить, что цилиндры отдаленной эпохи древнихъ патеси, предшественниковъ династіи Саргона Стараго, почти исключительно изображаютъ сцены, касающіяся извѣстныхъ и неизвѣстныхъ намъ походовъ Гильгамеша, этого месопотамскаго прототипа Геракла.

Вотъ почему въ миѣ о Гильгамешѣ и надо искать объясненія изображеній на печатяхъ Ширпурлы.

Борьба Гильгамеша и Эабани съ быкомъ съ человѣкообразнымъ лицомъ съ одной стороны и со львами съ другой изобилуетъ изображеніями на старѣйшихъ цилиндрахъ въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ. Большинство этихъ цилиндровъ безымянны, но эпоха ихъ опредѣляется по стилю, работѣ и сходству съ имянными. Встрѣчаются великолѣпныя, очень схожіе по величинѣ и работѣ съ имянными, по преобладаютъ печати меньшей величины, вѣроятно въ соотношеніи съ положеніемъ ихъ владѣльцевъ.

61.

ше № 61 = pl. V, № 45 и клише № 62 = pl. XXXVII, № 45bis).

¹⁾ F. Thureau Dangin: „Les inscriptions de Sumer et d'Akkad“, p. 319.

²⁾ Что, впрочемъ, нисколько не мѣняетъ дѣла.

Оба цилиндра значительно меньшей величины сравнительно съ печатями патеси и ихъ дупсаровъ, печати которыхъ очевидно не личныя, а официальные по должности. Такія явленія можно подмѣтить и въ другія времена. Напримѣръ, въ Византін буллы коммерціаріевъ очень велики и съ портретами императоровъ. личная печать того же коммерціарія совсѣмъ иного размѣра и типа.

62.

Любопытный цилиндр нашель Морганъ въ Сузахъ (см. клише № 63)¹⁾. По величинѣ (4,9 сант. × 3,1 сант.) онъ равенъ самымъ большимъ именнымъ печатямъ; по работѣ онъ гораздо грубѣе и примитивнѣе.

63.

Возможно, что этотъ памятникъ еще древнѣе описанныхъ нами цилиндровъ-печатей, но возможно и то²⁾, что онъ представляетъ грубую, современную оригиналамъ, имитацию, произведенную въ Аншанскомъ государствѣ, бывшемъ въ сношеніяхъ съ Ширпурлой.

¹⁾ Délégation en Perse: Mémoires, publiés sous la direction de M. I. de Morgan, VII (Paris. 1905), 90, pl. XX, № 1. Цилиндръ найденъ при раскопкахъ храма съ весьма разнообразными цилиндрами, для нѣкоторыхъ изъ которыхъ мѣстное происхожденіе едва ли можетъ быть доказано. Специфическіе сфрагистическіе памятники древняго Элама превосходно описаны и освѣщены въ статьѣ G. Jéquier: *Cachets et cylindres archaïques* (ibidem, t. VIII). Эта въ полной мѣрѣ до-историческая сфрагистика открываетъ новые горизонты въ отношеніи аналогій съ первобытнымъ Египтомъ, но отдѣляетъ Эламъ отъ Месопотаміи, въ которой памятники подобной по культурѣ эпохи (если таковая была) еще не найдены.

²⁾ Я лично склоняюсь къ этому послѣднему предположенію.

Вопросъ о тонкости работы требуетъ большой осмотрительности. Всегда и вездѣ существовали и существуютъ искусныя и плохія издѣлія, дорогіе и дешевые предметы домашняго быта. Мастерство письма на таблѣткахъ древнихъ патеси Ширпурлы и искусство эпохи Саргона и Нарамсина такъ высоки, что они спутали бы всѣ хронологическія опредѣленія, если бы судить только съ точки зрѣнія изящества и искусства.

64.

Несомнѣнно, что въ ту же эпоху древнихъ патеси изображенія на печатяхъ-цилиндрахъ правительственныхъ лицъ достигали необыкновенной виртуозности. Напримѣръ, борьба Гильгамеша со львомъ. Какъ замѣчательна работа Нью-Йорк-скаго цилиндра (едва ли не Саргона въ бытность его еще царскимъ сыномъ), изданнаго Mépant (pl. I, № 1), какъ поразительна своей фантазіей и сильнымъ рисункомъ сцена на цилиндрѣ собранія герцога de Luynes, въ которой Гильгамешъ ногою переламываетъ льву спинной хребетъ (ibidem, fig. 37, p. 78)!

65.

Видоизмѣненіе этой сцены (слабѣе по замыслу) мы (см. клише № 64) находимъ въ каталогѣ de-Clercq (pl. V, 48) и если этотъ цилиндръ слѣдуетъ относить къ эпохѣ Саргона, то печать, изображенная на клише № 65, является несомнѣнной современницей патеси эпохи Урукagina.

Цилиндръ этотъ, который изображаетъ могучаго Гильгамеша, держащаго двухъ львовъ за заднія лапы на воздухѣ, находится въ коллекціи de-Clercq'a (pl. V, № 41).

Архаическая, немного страшная въ своихъ начертаніяхъ, надпись

цилиндра не возбудила сомнѣній въ подлинности печати ни въ J. Mé-
nant, ни въ J. Oppert, который прочелъ имя и отчество патеси го-
рода или страны «U-mal-pa-gu» ¹⁾.

Очень интересенъ для сопоставленія съ изданными оттисками пе-
чатей на буллахъ колоссальный подлинный цилиндръ, найденный при
раскопкахъ де-Сарзека (см. клише № 66). По величинѣ онъ едва ли
не самый большой цилиндръ эпохи, по крайней мѣрѣ съ надписью
(размѣръ—5,3 сант. на 3,7 сант.!) ²⁾. Львоголовый орелъ между двухъ
быковъ съ человѣческими лицами указываетъ на происхожденіе печати
изъ Ширпурлы.

66.

Особенно важно для насъ сопоставленіе изображеній на превосход-
номъ цилиндрѣ музея въ Гагѣ, изданномъ J. Ménant (см. клише
№ 67).

Присутствіе въ центрѣ изображенія львоголового орла, вцѣпивша-
гося когтями въ спины двухъ поднявшихся на заднія лапы львовъ, го-
воритъ за тѣсную связь памятника съ Ширпурлой. Цилиндръ со-
хранился превосходно во всѣхъ частяхъ, кромѣ надписи, избитой, по
моему мнѣнію, намѣренно. Фактъ, которому, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ
придавать большое значеніе.

Изображенія печати представляютъ разительную аналогію съ изда-

---

¹⁾ „Catalogue“ коллекціи de Clercq'a, I (Paris, 1888), 44. Отмѣтимъ, что
Thureau-Dangin въ „Les inscriptions de Sumer et d'Akkad“ воздержался отъ по-
мѣщенія этой надписи въ свой сборникъ.

²⁾ Découvertes en Chaldée, 278 и pl. XXX, № 5-b. Надпись состоитъ изъ трехъ
знаковъ. Имя божества?

³⁾ Recherches sur la glyptique orientale, I (1883), 67, pl. II.

ваемыми мною буллами, а слѣды надписи свидѣтельствуютъ, что печать принадлежала патеси, но не Ширпурлы. По моему мнѣнію, это государственная печать узурпатора, имя котораго было выглажено послѣ его паденія.

Намѣренное выглаживаніе и порча надписей замѣчается не только на кудурру. Въ архивахъ Ширпурлы встрѣчаются и таблетки, аннулированные частичной порчей.

67.

Изображенія на Гагскомъ цилиндрѣ, совершенно напоминая тѣ, что находятся на описанныхъ нами буллахъ, имѣютъ и интересныя отгѣны.

Мы видимъ три совершенно раздѣльныя группы:

1) Гильгамешъ (какъ бы два Гильгамеша) борется съ быкомъ съ лицомъ человѣка,

2) Эабани (или можетъ быть тотъ же быкъ, посланный богомъ Ану на Гильгамеша) захватываетъ лань.

3) Тотъ страшный герой съ звѣриною головою, котораго мы видѣли на печатяхъ и въ которомъ я заподозрилъ Эабани, сражается со львомъ. Мэнпартъ доказываетъ, что это, такъ сказать, *типъ* Эабани въ профиль, когда видны одно ухо и одинъ рогъ. Въ такомъ случаѣ и прядь волосъ (?) на печати Лугаль-анды можно было бы объяснить гривой.

О длинныхъ необыкновенныхъ волосахъ Эабани текстъ мною о Гильгамешѣ упоминаетъ съ явнымъ подчеркиваніемъ ¹⁾.

¹⁾ Въ точномъ переводѣ на французскій языкъ созданіе Эабани описывается слѣдующимъ образомъ: „Arougou lava ses mains; de la boue elle découpa, elle jeta dans la campagne, ...elle façonna Éa-bani, le héros, rejeton élevé, armée de Ninib.: de poils tout son corps; il est arrangé quant à la chevelure comme une femme; le... de sa chevelure croît comme la moisson...“ [Paul Dhorme: „Choix de textes religieux assyro-babyloniens“ (Paris. 1907. 8°), p. 189].

Цилиндры-печати Ширпурлы — памятники высокого искусства, большого научного интереса, древнѣйшіе, историческіе на равнѣ съ отпечатками царскихъ цилиндровъ Египта — сфрагистическіе документы, для насъ особенно знаменательны и тѣмъ, что на нихъ изображенъ первоисточникъ нашего Россійскаго герба ¹⁾.

Н. Лихачевъ.

---

¹⁾ E. Pottier въ „Catalogue des vases antiques. Les origines“, 254, говоритъ: „M. Heuzey a établi par des preuves qui me semblent irréfutables que l'aigle héraldique à deux têtes, qui orne le drapeau de certaines nations modernes, est un emblème transmis à l'Europe par l'Orient et venu jusqu'à nous de la très vieille Chaldée“.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

Отдѣленія археологіи древне-классической, византійской
и западно-европейской за 1904 годъ.

I. Засѣданіе 17-го января 1904 года.

Подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго, при секретарѣ С. А. Жебелевѣ, присутствовали: Д. В. Айналовъ, Н. П. Кондаковъ, Х. М. Лопаревъ, А. А. Мироновъ, о. К. Т. Никольскій, В. Е. Регель, П. К. Симопи, Я. И. Смирновъ, Н. В. Султановъ, графъ И. И. Толстой (младшій), Б. А. Тураевъ, И. В. Цвѣтаевъ, Г. Ф. Церетели.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 22-го декабря 1903 года.

2.

Д. чл. Д. В. Айналовъ сдѣлалъ докладъ: *Изъ комментарія къ Хожденію въ Царьградъ Антонія Новгородскаго* ¹⁾.

3.

Чл.-сотр. Г. Ф. Церетели прочелъ рефератъ: *Жизнь Эзона* (по папирусу изъ собранія В. С. Голенищева) ²⁾.

¹⁾ См Журн. Мин. Нар. Просв. 1906, іюнь.

²⁾ См. Сборникъ въ честь В. И. Ламанскаго, Спб. 1905.

II. Засѣданіе 28-го февраля 1904 года.

Подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго, при секретарѣ С. А. Жебелевѣ, присутствовали: Д. В. Айналовъ, графъ А. А. Бобринской, А. А. Неустроевъ, П. П. Покрышкинъ, г. Ревиліотти, Е. М. Придикъ, О. Ф. Ретовскій, М. И. Ростовцевъ, Я. И. Смирновъ, Н. В. Султановъ, графъ И. И. Толстой (младшій), Б. В. Фармаковскій, К. В. Хилинскій, С. О. Цыбульскій, К. Д. Чичаговъ, А. Л. Щусевъ.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 17-го января 1904 года.

2.

Д. чл. Е. М. Придикъ прочелъ некрологъ д. чл. Г. Е. Кизерицкаго.

28-го декабря 1903 года скоропостижно скончался дѣйствительный членъ Имп. Русск. Арх. Общ., старшій хранитель Имп. Эрмитажа Гангольфъ Егоровичъ Кизерицкій. Вѣсть о его кончинѣ вслѣдствіе неожиданности потрясающе подѣйствовала на всѣхъ его друзей и товарищей; всѣ считали покойнаго человѣкомъ вполне здоровымъ, никто и не подозрѣвалъ, что онъ уже нѣсколько лѣтъ страдалъ сердцемъ и даже въ такой сильной степени, что смерть, при неосторожности, могла постигнуть его ежеминутно.

Г. Е. родился 18-го сентября 1847 года въ небольшомъ лифляндскомъ городкѣ Феллинѣ, гдѣ отецъ его служилъ въ мѣстной управѣ. Онъ учился въ частномъ пансіонѣ Шмидта и, по окончаніи курса, поступилъ въ Дерптскій (нынѣ Юрьевскій) университетъ на историко-филологическій факультетъ. Г. Е. страстно желалъ сдѣлаться медикомъ, но въ виду бѣдности родителей, которые съ трудомъ могли воспитывать многочисленную семью, онъ отказался отъ завѣтной своей мечты, хотя и до конца жизни не переставалъ интересоваться медициной. Въ 1871 году Г. Е. удостоился золотой медали за работу, написанную имъ для соисканія наградъ на задачу факультета: „über Beziehungen Kaiser Hadrians zur griechischen Kunst“. Эта работа не появилась въ печати. Въ 1873 году Г. Е. окончилъ курсъ со степенью кандидата древне-классической филологіи, а въ 1876 году получилъ степень магистра, защитивъ диссертацию „Nike in der Vasenmalerei“. Нѣсколько мѣсяцевъ Г. Е. состоялъ преподавателемъ древнихъ языковъ въ Феллинской частной гимназіи, а осенью 1876 года Высочайшимъ приказомъ по Мин. Народн. Просв. былъ командированъ на 2 года за границу для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ классической филологіи. Въ 1878 году командировка была продолжена на одинъ годъ, а въ 1879 г. еще на 4 мѣсяца, такъ что Г. Е. былъ въ командировкѣ всего 3 года и 4 мѣсяца. Въ теченіе командировки Г. Е. былъ сперва въ Мюнхенѣ, гдѣ занимался подъ руководствомъ Брунна, о которомъ всегда отзывался съ величайшей любовью и котораго одного считалъ своимъ учителемъ, а потомъ изъ Мюнхена поѣхалъ въ Италію и Грецію. По возвращеніи изъ командировки Г. Е. 29-го марта 1880 года былъ определенъ въ Имп. Эрмитажъ на должность помощника хранителя древностей, и 8-го апрѣля того же года одновременно и на должность ученаго хранителя Музея клас-

сической археологіи Имп. Академіи Наукъ. Въ послѣдней должности онъ оставался до 1894 года, когда былъ упраздненъ музей и вещи всѣ переданы въ Имп. Эрмитажъ. Въ 1886 году Г. Е. былъ назначенъ старшимъ хранителемъ Имп. Эрмитажа. Въ теченіе службы при Эрмитажѣ Г. Е. нѣсколько разъ былъ командированъ за границу. Такъ въ 1882 году на 3 мѣсяца въ Аѳины; въ 1884 году въ Берлинъ для принятія приобрѣтенной Эрмитажемъ коллекціи посла Сабурова; въ концѣ того же года въ Парижъ для принятія коллекціи Базилевскаго. Въ 1889 году съ ученою цѣлью въ Крымъ и на Кавказъ, въ 1891 году въ Грецію и Италію, въ 1896 году въ Стокгольмъ, Копенгагенъ, Лондонъ, Оксфордъ, Парижъ, Мадридъ, Туринъ, Вѣну, Пештъ и Дрезденъ для изслѣдованія греческихъ золотыхъ надѣлій, статуи, бронзы и терракоттъ. Въ Эрмитажѣ его дѣятельность ознаменовалась устройствомъ Никопольскаго зала и отдѣленія среднихъ вѣковъ. Г. Е. состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, дѣйствительнымъ членомъ Германскаго Археологическаго Института и членомъ-сотрудникомъ Археологическаго Общества въ Брюсселѣ. Что касается научныхъ трудовъ покойнаго, то имъ напечатано было сравнительно немного. Вотъ списокъ его статей въ хронологическомъ порядкѣ:

Nike in der Vasenmalerei, Dorpat, 1876. 42 стр.

Busto di Pirro re d'Epiro. Bull. del ist. di corr. arch. 1879 (V), 72—75.

Tre figurine di terra cotta dal Pireo e di Megara. Bull. 1880, n° 5, p. 100—101.

Scavi di Civita Castellana. Bull. 1880, 108—113.

L'Ermafrodita Costanzi. Annali del ist. LIV (1882), 245—270.

Athena Parthenos der Eremitage. Mitt. d. athen. Inst. VIII (1883), 292—297.

Der Apollo Stroganoff. Arch. Zeit. XLI (1883), 27—37.

Гатчинская Афродита, статуя Имп. Эрмитажа. Вѣстн. изящн. искусствъ, 1887 (V), 86—95.

Apollo von Naukratis. Jahrb. d. arch. Inst. VII (1893), 179—184.

Хотанскія древности изъ собранія Петровскаго. Запис. Восточн. отд. Имп. Русск. Арх. Общ. 1895, 167—190.

Der Apollo Stroganoff. Mitt. d. athen. Inst. XXIV, 468—484.

Iasios въ Strena Helbigiana, 160—163.

Художеств. сокров. Россіи 1901 г.: n° 2: античныя маски изъ собранія М. П. Боткина. n° 3: греческія золотыя украшенія V и IV вв. до Ф. Хр. Афродита морская. n° 4: Эллинистическія бронзы: Артемида, Гераклъ и Керкопъ. Аттическія золотыя драгоценности IV в. до Р. Хр. n° 5: Діонисъ Эрмитажный.

Музей древней скульптуры. 4-ое изд. 1901 съ 436 автотипіями.

Funde aus Südrussland: Arch. Anzeig. 1901, 55—57. 1902, 44—46. 1903, 81—85.

Кромѣ того покойный много лѣтъ работалъ надъ двумя капитальными трудами: 1) каталогомъ Никопольскаго зала, почти доведеннымъ до конца, и 2) Сборникомъ южно-русскихъ надгробныхъ рельефовъ для Соргиса надгробныхъ рельефовъ, издаваемого Вѣнской Академіею Наукъ подъ редакціею проф. Конце. И этотъ трудъ почти оконченъ: всѣ сходы, фотографіи и рукопись отправлены въ Берлинъ профессору Конце.

Г. Е. скончался отъ ожиренія сердца и грудной жабы (angina pectoris), по мнѣнію доктора отъ переутомленія. Онъ самъ, повидному, предчувствовалъ свою смерть, такъ какъ лихорадочно до послѣднихъ часовъ жизни работалъ надъ неоконченными своими трудами. Въ его лицѣ археологическая наука потеряла выдающагося дѣятеля: sit tibi terra levis, molliter ossa cubent!

Память покойнаго была почтена вставаніемъ.

3.

Д. чл. Б. В. Фармаковскій сдѣлалъ сообщеніе *объ одной флорентійской вазѣ*.

Въ обсужденіи сообщенія приняли участіе: Д. В. Айналовъ, С. А. Жебелевъ, М. И. Ростовцевъ, Я. И. Смирновъ и графъ И. И. Толстой.

4.

Д. чл. М. И. Ростовцевъ прочелъ рефератъ: Римскія костяныя пашки съ юга Россіи ¹⁾.

III. Засѣданіе 17-го апрѣля 1904 года.

Подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго, при секретарѣ С. А. Жебелевъ, присутствовали: графъ А. А. Бобринской, Н. И. Веселовскій, В. В. Латышевъ, А. А. Малининъ, баронъ П. Ф. Мейендорфъ, А. А. Миropовъ, С. О. Ольденбургъ, П. П. Покрышкинъ, Е. М. Придикъ, баронъ В. Р. Розенъ, Я. И. Смирновъ, графъ И. И. Толстой (младшій), Б. В. Фармаковскій, К. В. Хилинскій, С. О. Цыбульскій, К. Д. Чичаговъ.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 28-го февраля 1904 года.

2.

Д. чл. Б. В. Фармаковскій сдѣлалъ докладъ: *Золотыя вещи, найденныя въ Кубанской области* ²⁾.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе: графъ А. А. Бобринской, С. А. Жебелевъ, Я. И. Смирновъ и К. Д. Чичаговъ.

3.

Чл.-сотр. А. А. Малининъ прочелъ рефератъ: *Топографія авинской агоры* ³⁾.

Въ обсужденіи реферата принялъ участіе Б. В. Фармаковскій.

---

¹⁾ См. Изв. Имп. Археол. Комм. вып. 9.

²⁾ Будеть напечатано въ Матер. по археол. Россіи.

³⁾ См. Зап. Класс. Отд. И. Р. Археол. Общ. т. III.

IV. Засѣданіе 8-го мая 1904 года.

Подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго, при секретарѣ С. А. Жебелевѣ, присутствовали: Д. В. Айналовъ, графъ А. А. Бобринской, Э. А. Вольтеръ, Х. Х. Гиль, С. Н. Кондаковъ, А. А. Мироноръ, В. А. Плотниковъ, г. Ревидіотти, Я. И. Смирновъ, графъ И. И. Толстой (старшій), графъ И. И. Толстой (младшій), Б. А. Тураевъ, Б. В. Фармаковскій, К. В. Хилинскій, Г. Ф. Церетели, С. О. Цыбульскій, К. Д. Чичаговъ, О. И. Шмитъ.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 17-го апрѣля 1904 года.

2.

Д. чл. Д. В. Айналовъ сдѣлалъ сообщеніе: *Новое изданіе на-мьятниковъ древне-христіанской живописи* (по поводу сочиненія Вильперта о росписяхъ римскихъ катакомбъ).

3.

Графъ И. И. Толстой (младшій) прочелъ рефератъ: *Врачъ и Дельфиній* ¹⁾.

Въ обсужденіи реферата приняли участіе: С. А. Жебелевъ и Б. В. Фармаковскій.

4.

Д. чл. Б. А. Тураевъ сообщилъ *нѣсколько замѣтокъ къ египетскимъ древностямъ* ²⁾.

5.

Д. чл. С. А. Жебелевъ сдѣлалъ сообщеніе: *Оксфордскій бюстъ* ³⁾. Въ обсужденіи сообщенія принялъ участіе Б. В. Фармаковскій.

---

¹⁾ См. Изв. Имп. Археол. Комм. вып. 14.

²⁾ См. Зап. Класс. Отд. И. Р. Арх. Общ. т. III.

³⁾ См. Зап. Класс. Отд. И. Р. Арх. Общ. т. III.

V. Засѣданіе 16-го октября 1904 года.

Подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго, при секретарѣ С. А. Жебелевѣ, присутствовали: К. А. Иностранцевъ, о. В. Я. Колачевъ, О. Э. Леммъ, Н. Я. Марръ, Е. М. Придикъ, г. Ревиліотти, М. И. Ростовцевъ, Я. И. Смирновъ, графъ И. И. Толстой (младшій), Б. А. Тураевъ, Б. В. Фармаковскій, К. В. Хиллинскій, Г. Ф. Церстелл, С. О. Цыбульскій.

1.

Читанъ и утверждень протоколъ засѣданія 8-го мая 1904 года.

2.

Д. чл. С. А. Жебелевъ прочель сообщеніе: *Христіанская инкубація*¹⁾.

3.

Д. чл. М. И. Ростовцевъ: а) сдѣлалъ докладъ о *косяныхъ тессерахъ съ надписью spectavit* и б) сообщилъ дополненія къ своему докладу о *косяныхъ шашкахъ съ юга Россіи*.

VI. Засѣданіе 20-го ноября 1904 года.

Подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго, при секретарѣ С. А. Жебелевѣ, присутствовали: Д. А. Клеменць, А. К. Марковъ, баронъ П. Ф. Мейендорфъ, Е. М. Придикъ, г. Ревиліотти, Я. И. Смирновъ, графъ И. И. Толстой (младшій), Б. К. Фармаковскій, С. О. Цыбульскій.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 16-го октября 1904 года.

2.

Секретарь отдѣленія представилъ I и III томы «Записокъ» Отдѣленія и заявилъ что приступлено къ печатанію IV тома, въ который

¹⁾ См. Сборникъ въ честь В. И. Ламанскаго. Спб. 1905.

войдетъ 3-ья книга «Byzantina» покойнаго члена Общества Д. Θ. Бѣляева.

3.

К. В. Хилинскій прочелъ рефератъ: *Надписи о побѣдахъ Аттала I.*

4.

Д. чл. С. А. Жебелевъ ознакомилъ съ трудомъ *Gräven's Antike Schnitzereien aus Elfenbein und Knochen. Serie I (1903).*

VII. Засѣданіе 18-го декабря 1904 года.

Подъ предсѣдательствомъ Н. П. Кондакова, при секретарѣ С. А. Жебелевѣ, присутствовали: М. Г. Деммени, М. И. Ростовцевъ, Я. И. Смирновъ, графъ И. И. Толстой (младшій), Б. А. Туряевъ, Н. Н. Харламовъ, К. В. Хилинскій, Г. Ф. Церетели, С. О. Цыбульскій.

1.

Секретарь Отдѣленія доложилъ письмо Управляющаго Отдѣленіемъ И. В. Помяловскаго, извѣщающаго о невозможности присутствовать въ засѣданіи.

2.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 20-го ноября 1904 года.

3.

На основаніи § 33 Устава предложено приступить къ избранію члена Совѣта отъ Отдѣленія на предстоящее двухлѣтіе. Не производя выборовъ, собраніе просило поч. чл. Н. П. Кондакова принять на себя обязанности члена Совѣта отъ Отдѣленія.

4.

Поч. чл. Н. П. Кондаковъ сдѣлалъ сообщеніе о *порфировыхъ рельефахъ на внешней сторонѣ баптистерія св. Марка въ Венеціи.*

5.

Чл.-сотр. Г. Ф. Церетели прочелъ рефератъ: *Гимнъ въ честь Дюниса.*

6.

Д. чл. М. И. Ростовцевъ сдѣлалъ докладъ о *нѣкоторыхъ новыхъ римскихъ свинцовыхъ тессерахъ.*

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

Отдѣленія археологіи древне-классической, византійской
и западно-европейской за 1905 годъ.

I. Засѣданіе 10-го января 1905 года

Подъ предсѣдательствомъ В. В. Латышева, при секретарѣ С. А. Жебелевѣ, присутствовали: графъ А. А. Бобринской, Н. И. Веселовскій, Н. Я. Марръ, Е. М. Придикъ, М. И. Ростовцевъ, Н. И. Рѣпниковъ, Я. И. Смирновъ, Б. В. Фармаковскій, Э. Р. фонъ Штернъ.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 18-го декабря 1904 года.

2.

Д. чл. Э. Р. фонъ Штернъ сдѣлалъ докладъ *о произведенныхъ имъ лѣтомъ 1904 года раскопкахъ на о. Березани.*

II. Засѣданіе 12-го февраля 1905 года.

Подъ предсѣдательствомъ М. И. Ростовцева, при секретарѣ С. А. Жебелевѣ, присутствовали: К. А. Иностранцевъ, А. А. Мироновъ, П. П. Покрышкинъ, О. Ф. Ретовскій, Я. И. Смирновъ, графъ И. И. Толстой (младшій), К. В. Хилинскій, Г. Ф. Церетели, С. О. Цыбульскій.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 10-го января 1905 года.

2.

Д. чл. Я. И. Смирновъ сдѣлалъ докладъ: ХМГ *христіанскихъ надписей*¹⁾.

3.

Д. чл. С. О. Цыбульскій прочелъ рефератъ: *Римскіе памятники Баваріи* (по поводу книги Franzisz'a: *Bayern zur Römerzeit*).

III. Засѣданіе 5-го марта 1905 года.

Подъ предсѣдательствомъ Вл. К. Мальмберга, при секретарѣ С. А. Жебелевѣ, присутствовали: О. Э. Леммъ, А. А. Миرونъ, Е. М. Придикъ, М. И. Ростовцевъ, Я. И. Смирновъ, Б. В. Фармаковскій, Г. Ф. Церетели, С. О. Цыбульскій, А. В. Щусевъ.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколь засѣданія 12-го февраля 1905 года.

2.

Д. чл. Я. И. Смирновъ сдѣлалъ дополненіе къ своему докладу о ХМГ *христіанскихъ надписей*.

3.

Д. чл. Б. В. Фармаковскій прочелъ рефератъ: *Ольвійская реплика Аѳины Дѣвы Фидія*²⁾.

IV. Засѣданіе 7-го мая 1905 года.

Подъ предсѣдательствомъ В. В. Латышева, при секретарѣ С. А. Жебелевѣ, присутствовали: Д. В. Айналовъ, В. В. Бартольдъ, Х. М. Лопаревъ, А. К. Марковъ, баронъ П. Ф. Мейендорфъ, А. А. Миرونъ, П. В. Никитинъ, А. С. Раевскій, В. Э. Регель, баронъ В. Р. Розень, графъ И. И. Толстой (младшій),

---

¹⁾ См. ниже.

²⁾ См. Изв. Имп. Арх. Комм. вып. 14.

Записки Клас. отд. Имп. Р. Арх. Общ., Т. IV.

Б. А. Тураевъ, К. В. Хилинскій, Г. Ф. Церетели, С. О. Цыбульскій, К. Д. Чичаговъ, А. В. Щусевъ.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 5-го марта 1905 года.

2.

Д. чл. С. А. Жебелевъ сдѣлалъ докладъ: *Международный Археологическій конгрессъ въ Афинахъ 25—31 марта 1905 года* ¹⁾.

V. Засѣданіе 8-го октября 1905 года.

Подъ предсѣдательствомъ П. В. Никитина, при секретарѣ С. А. Жебелевѣ, присутствовали: Д. В. Айналовъ, Н. И. Веселовскій, А. К. Марковъ, А. А. Мионовъ, А. С. Раевскій, М. И. Ростовцевъ, Я. И. Смирновъ, Н. В. Султановъ, графъ И. И. Толстой (младшій), Б. А. Тураевъ, Б. В. Фармаковскій, К. В. Хилинскій С. О. Цыбульскій.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 7-го мая 1905 года.

2.

Д. чл. С. А. Жебелевъ сдѣлалъ докладъ *о зеркаль, найденномъ въ Келермесской станицѣ Кубанской области* ²⁾.

Б. В. Фармаковскій отмѣтилъ памятники, по техникѣ исполненія сходные съ указаннымъ зеркаломъ.

3.

Д. чл. М. И. Ростовцевъ познакомилъ съ изданіями: а) *Sambon, Les fresques de Boscoreale, Paris-Naples, 1903* и б) *Wünsch, Antiker Zaubergerät aus Pargamon, Berlin, 1905.*

---

¹⁾ См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1905, июль.

²⁾ Будеть напечатано въ Матер. по Арх. Россіи.

VI. Засѣданіе 5-го ноября 1905 года.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Ольденбурга, при секретарѣ С. А. Жебелевѣ, присутствовали: Д. В. Айналовъ, В. В. Бартольдъ, Н. И. Веселовскій, Д. А. Клеменць, О. Э. Леммъ, Е. М. Придикъ, М. И. Ростовцевъ, Я. И. Смирновъ, Б. В. Фармаковскій, Г. Ф. Церетели, С. О. Цыбульскій.

1.

Читанъ и утверждень протоколъ засѣданія 8-го октября 1905 года.

2.

Секретарь Отдѣленія прочелъ некрологъ иностраннаго члена-корреспондента Общества, І. Л. Уссинга.

Johann Ludvig Ussing, профессоръ Копенгагенскаго университета, родился въ 1820 году. Въ теченіе своей продолжительной ученой дѣятельности Уссингъ плодотворно работалъ надъ изученіемъ различныхъ сторонъ античной, главнымъ образомъ греческой, культуры. Къ числу чисто-филологическихъ работъ Уссинга принадлежить прежде всего его комментированное изданіе Плавта и трактатъ о Витрувій. Изъ археологическихъ работъ Уссинга нужно упомянуть, помимо его докторской диссертациі „De nominibus vasorum graecorum disputatio“ (1820), вышедшее въ 1899 г. сначала на датскомъ, потомъ на нѣмецкомъ языкѣ сочиненіе о Пергамѣ, а также статью о центральной группѣ фриза Пареннона. Много потрудился также Уссингъ на поприщѣ греческой эпиграфики: еще въ 1846 г. онъ объѣзжалъ сѣверную Грецію, и результатомъ этой поѣздки явились: 1) *Inscriptiones graecae ineditae* (1847) и 2) *Griechische Reisen und Studien* (1857); въ 1854 г. Уссингъ издалъ греческія и латинскія надписи, хранящіяся въ Копенгагенѣ. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о книгѣ Уссинга, переведенной и на русскій языкъ, о воспитаніи у древнихъ грековъ и римлянъ.

3.

Д. чл. С. А. Жебелевъ сдѣлалъ сообщеніе *объ остаткахъ украшенной серебрянаго ритона, найденнаго въ Келермесской станицѣ Кубанской области* ¹⁾.

4.

Д. чл. Д. В. Айналовъ прочелъ рефератъ: *Міровая хроника—папирусъ В. С. Голенищева* (по поводу изданія Бауэра и Стржиговскаго «*Alexandrinische Welt-Chronik*») ²⁾.

Въ обсужденіи реферата приняли участіе М. И. Ростовцевъ и Я. И. Смирновъ.

---

¹⁾ Будетъ напечатано въ Матер. по арх. Россіи.

²⁾ См. Визв. Врем. т. XII.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

Отдѣленія археологіи древне-классической, византійской
и западно-европейской за 1906 годъ.

I. Засѣданіе 23-го января 1906 года.

Подъ предсѣдательствомъ В. В. Латышева, при секретарѣ С. А. Жебелевѣ, присутствовали: Д. В. Айналовъ, И. О. Анненскій, графъ А. А. Бобринской, И. И. Ваулинъ, Н. И. Веселовскій, В. М. Клембровскій, Х. М. Лопаревъ, Н. Н. Малько, о. К. Т. Никольскій, А. М. Позднѣевъ, Е. М. Придикъ, С. Л. Пташицкій, А. О. Савицкій, Я. И. Смирновъ, Б. В. Фармаковскій, С. О. Цыбульскій, К. Д. Чичаговъ.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 5-го ноября 1905 года.

2.

Д. чл. В. В. Латышевъ прочелъ рефератъ: *Житія св. епископовъ херсонскихъ* ¹⁾).

Въ обсужденіи доклада принялъ участіе Я. И. Смирновъ.

II. Засѣданіе 18-го февраля 1906 года.

Подъ предсѣдательствомъ Н. В. Султанова, при секретарѣ С. А. Жебелевѣ, присутствовали: В. В. Бартольдъ, И. И. Ваулинъ, Ф. Э. Видеманъ, А. О. Каль, О. Л. Лютеръ, А. А. Мионовъ,

¹⁾ См. Зап. Имп. Акад. Наукъ по Ист.-Фил. Отд. т. VIII, № 3.

Е. М. Придикъ, А. О. Савицкій, Я. И. Смирновъ, С. О. Цыбульскій, К. Д. Чичаговъ, Б. И. Эпимахъ-Шипилло.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 23-го января 1906 года.

2.

Д. чл. С. О. Цыбульскій прочелъ рефератъ: *Исторія искусствъ въ средней школѣ* ¹⁾.

Въ обсужденія реферата приняли участіе: И. И. Ваулинъ, А. Θ. Каль, Н. В. Султановъ и К. Д. Чичаговъ.

III. Засѣданіе 27-го марта 1906 года.

Подъ предѣдательствомъ П. В. Никитина, при секретарѣ С. А. Жебелевѣ, присутствовали: Д. В. Айналовъ, К. А. Иностранцевъ, В. В. Латышевъ, г. Печаткинъ, Н. И. Рѣпниковъ, М. И. Ростовцевъ, Я. И. Смирновъ, Б. В. Фармаковскій, г. Фохтъ, К. Д. Чичаговъ.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 18-го февраля 1906 года.

2.

Д. чл. Д. В. Айналовъ сдѣлалъ докладъ: *Мерѳри въ Херсонисѣ*.

3.

Д. чл. Б. В. Фармаковскій прочелъ рефератъ: *Греческій домъ въ Олвѣи* ²⁾.

4.

Д. чл. Я. И. Смирновъ сдѣлалъ сообщеніе: *ХМГ христіанскихъ надписей* ³⁾.

---

¹⁾ См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1907, мартъ.

²⁾ См. Изв. Имп. Арх. Комм. вып. 13.

³⁾ См. Berl. Philol. Wochenschrift, 1906, ст. 1082 сл.

IV. Засѣданіе 6-го мая 1906 года.

Подъ предсѣдательствомъ В. В. Латышева, при секретарѣ С. А. Жебелевѣ, присутствовали: Д. В. Айналовъ, Ф. Э. Видеманъ, баронъ П. Ф. Мейендорфъ, Л. А. Моисеевъ, П. В. Никитинъ, Н. И. Рѣпниковъ, Я. И. Смирновъ, Б. В. Фармаковскій, К. В. Хилинскій, С. О. Цыбульскій.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 27-го марта 1906 года.

2.

Н. И. Рѣпниковъ прочель рефератъ: *Раскопки въ Гурзуфѣ мѣтомъ 1905 года.*

Въ обсужденіи реферата приняли участіе Д. В. Айналовъ и Я. И. Смирновъ.

3.

Д. и С. А. Жебелевъ сдѣлалъ докладъ: *Объ одной бронзѣ императорскаго Эрмитажа* ¹⁾.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе: Д. В. Айналовъ, баронъ П. Ф. Мейендорфъ, П. В. Никитинъ, Я. И. Смирновъ и Б. В. Фармаковскій.

V. Засѣданіе 7-го октября 1906 года.

Подъ предсѣдательствомъ графа И. И. Толстого, при секретарѣ С. А. Жебелевѣ, присутствовали: Д. В. Айналовъ, В. Н. Бенешевичъ, Х. Х. Гиль, В. В. Латышевъ, Х. М. Лопаревъ, А. А. Мироновъ, Л. А. Моисеевъ, А. И. Пападопуло-Керамевъ, Е. М. Придикъ, князь П. А. Путятинъ, М. И. Ростовцевъ, Н. И. Рѣпниковъ, Я. И. Смирновъ, Н. В. Султановъ, графъ И. И. Толстой (младшій), Б. А. Тураевъ, Б. В. Фармаковскій, г. Фохтъ, К. В. Хилинскій, С. О. Цыбульскій.

Г. Предсѣдатель сообщил о понесенной Отдѣленіемъ утратѣ въ

---

¹⁾ Будетъ напечатано въ Матер. по Арх. Россіи.

лицѣ скончавшагося 28 сентября с. г. Управляющаго Отдѣленіемъ поч. чл. *И. В. Помяловскаго*.

Память покойнаго была почтена вставаніемъ.

Д. чл. С. А. Жебелевъ прочель некрологъ *И. В. Помяловскаго*¹⁾.

3.

Произведено избраніе Управляющаго Отдѣленіемъ. По произведенному подсчету поданныхъ почетными и дѣйствительными членами записокъ получили: поч. чл. Н. П. Кондаковъ—3 голоса, д. чл. В. В. Латышевъ—2 голоса, д. чл. П. В. Никитинъ—10 голосовъ.

Избранъ Управляющимъ Отдѣленіемъ д. чл. П. В. Никитинъ.

4.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 6-го мая 1906 года.

5.

Секретарь Отдѣленія представилъ припесенные въ даръ въ Библіотеку Общества труды: а) д. чл. Н. В. Султанова: «Послѣдовательныя измѣненія искусства древняго Востока» и б) покойнаго члена общества Д. Ѳ. Бѣляева: «Byzantina. Книга III».

6.

Д. чл. С. А. Жебелевъ прочель рефератъ: *Бронзовая статуэтка изъ Херсонской губерніи въ Императорскомъ Эрмитажѣ*²⁾.

7.

Д. чл. М. И. Ростовцевъ сдѣлалъ докладъ: *Римская декоративная живопись послѣ разрушенія Помпей*³⁾.

Въ обсужденіи доклада принялъ участіе: Д. В. Айналовъ.

VI. Засѣданіе 11-го ноября 1906 года.

Подъ предсѣдательствомъ П. В. Никитина, при секретарѣ С. А. Жебелевѣ, присутствовали: Д. В. Айналовъ, В. П. Бенешевичъ,

---

¹⁾ См. выше.

²⁾ Будеть напечатано въ Матер. по Арх. Россіи.

³⁾ Будеть напечатано въ ближайшемъ томѣ „Записокъ“.

Б. А. Иностранцевъ, П. К. Коковцевъ, Н. П. Лихачевъ, Х. М. Лопаревъ, Н. Я. Марръ, М. В. Никольскій, Н. В. Покровскій, Н. И. Рѣпниковъ, Я. И. Смирновъ, Н. В. Султановъ, графъ И. И. Толстой (младшій), Б. А. Тураевъ, Б. В. Фармаковскій, К. В. Хилинскій.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 7-го ноября 1906 года.

2.

Д. чл. Н. П. Лихачевъ, прочель рефератъ: *Древнѣйшія буллы и печати Ширтурлы*¹⁾.

Въ обсужденіи реферата принялъ участіе М. В. Никольскій.

3.

Д. чл. Д. В. Анайловъ сдѣлалъ докладъ: *Черниовскіе храмы*.
Въ обсужденіи доклада принялъ участіе Н. В. Султановъ.

VII. Засѣданіе 23-го декабря 1906 года.

Подъ предсѣдательствомъ П. В. Никитина, при секретарѣ С. А. Жебелевѣ, присутствовали: Д. В. Айналовъ, Н. И. Веселовскій, Х. Х. Гиль, Д. А. Клеменцъ, В. В. Латышевъ, Х. М. Лопаревъ, г. Макаренко, Н. Я. Марръ, М. А. Поліевктовъ, Е. М. Придикъ, М. И. Ростовцевъ, Я. И. Смирновъ, графъ И. И. Толстой (младшій), Б. В. Фармаковскій, К. В. Хилинскій, С. О. Цыбульскій, К. Д. Чичаговъ.

1.

Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 11-го ноября 1906 года.

2.

На основаніи § 33 устава произведено избраніе члена Совѣта отъ Отдѣленія, взазмѣнъ выбывающаго, на основаніи прим. къ § 33 устава, поч. чл. Н. П. Ковдакова. По произведенному подсчету, поданныхъ

---

¹⁾ См. выше.

дѣйствительными членами записокъ, оказалось, что д. чл. Д. В. Айналовъ, В. В. Латышевъ, и Я. И. Смирновъ получили по одному голосу, д. чл. М. И. Ростовцевъ—9 голосовъ.

Избранъ Членомъ Совѣта отъ Отдѣленія на предстоящее двухлѣтіе д. чл. М. И. Ростовцевъ.

3.

На основаніи § 56 устава произведено избраніе Секретаря Отдѣленія. Большинствомъ 11 голосовъ противъ одного избранъ на пятое трехлѣтіе д. чл. С. А. Жебелевъ.

4.

Д. чл. Д. В. Айналовъ прочелъ рефератъ: *Къ исторіи мозаикъ S. Maria Maggiore* ¹⁾.

5.

Д. чл. М. И. Ростовцевъ сдѣлалъ докладъ: *Римскіе гарнизоны въ Херсонисѣ въ III и IV вв. по Р. Хр.* ²⁾.

Въ обсужденіи доклада принялъ участіе; В. В. Латышевъ.

---

¹⁾ Будетъ напечатано въ ближайшемъ томѣ „Записокъ“.

²⁾ Будетъ напечатано въ Изв. Имп. Арх. Комм.

ΔΙΑΦΟΡΑ
ΕΛΛΗΝΙΚΑ ΓΡΑΜΜΑΤΑ

ΕΚ ΤΟΥ ΕΝ ΠΕΤΡΟΥΠΟΛΕΙ ΜΟΥΣΕΙΟΥ

ΤΗΣ Α. Ε. ΤΟΥ ΚΥΡΙΟΥ

NIKOLAS LIKHATCHEFF

ΕΚΔΙΔΟΜΕΝΑ

ΜΕΤΑ ΠΑΡΑΡΤΗΜΑΤΟΣ ΚΑΙ ΠΡΟΛΟΓΟΥ

ὁ π ὁ

Α. ΠΑΠΑΔΟΠΟΥΛΟΥ-ΚΕΡΑΜΕΩΣ

ΕΝ ΠΕΤΡΟΥΠΟΛΕΙ

Ἐκ τοῦ τυπογραφείου Β. Κιρὸβάουμ

1907

Напечатано по постановленію Императорскаго Русскаго
Археологическаго Общества.

Μάρτς 1907.

Секретарь *Б. Фармаковскій*

(Εκ τῶν Ἑκδοτῶν τῆς Αυτοκρατορικῆς Ῥωσικῆς Ἀρχαιολο-
γικῆς Ἐταιρείας, τόμ. Δ' Παράρτημα).

ΠΡΟΛΟΓΟΣ.

Τὸ ἀνά χεῖρας βιβλίον σκοπὸν ἔχει νὰ καταστήσῃ προσιτὰ τοῖς πᾶσι τριάκοντα καὶ τρία γράμματα ἑλληνικὰ καὶ ἕτερα δύο μὴ τοιαῦτα, νῦν τὸ πρῶτον εἰς φῶς ἐκδιδόμενα, πάντα δὲ πρωτότυπα καὶ γεγραμμένα μεταξὺ 16-ου καὶ 18-ου αἰῶνος. Τούτων τὰ πλείω σχέσιν ἔχουσι ἀμεσον πρὸς τὴν τότε τῆς Ὀρθοδόξου Καθολικῆς Ἐκκλησίας ἱστορίαν ἐν Τουρκίᾳ, ὀλίγα δὲ τινα παριστῶσι αὐτόγραφα λατίνων τινῶν κληρικῶν τοῦ 17-ου αἰῶνος, οἵτινες ἤρρεσκοντο νὰ σχεδιάζωσι ἐλληνιστὶ καὶ στίχους καὶ γράμματα ἐπιστολιμαῖα.

Τέσσαρα τῶν ἐν λόγῳ γραμμάτων (ἀριθ. 1—4 τοῦ παραρτήματος) εὐρίσκονται ἐν τῇ Δημοσίᾳ Αὐτοκρατορικῇ Βιβλιοθήκῃ Πετροπόλεως, ὅλων δὲ τῶν λοιπῶν τὰ πρωτότυπα (ἀριθ. 1—31) θησαυρίζει τὸ πλούσιον ἰδιωτικὸν μουσεῖον τοῦ ἐλλογιμωτάτου ὑποδιευθυντοῦ τῆς εἰρημένης βιβλιοθήκης, τοῦ ἐξοχωτάτου ἐν ἐνεργείᾳ συμβούλου τῆς Ἐπικρατείας κυρίου Νικολάου Likhatcheff, ἀνδρὸς εὐγενεστάτου καὶ συγγραφέως πολυτιμωτάτων πονημάτων ἀναγομένων εἰς τὴν βυζαντινὴν ἀρχαιολογίαν, ἑλληνικὴν καὶ λατινικὴν παλαιογραφίαν καὶ εἰς τὴν μεσαιωνικὴν ἱστορίαν¹.

Τῶν ἐν τῷ μουσεῖῳ Likhatcheff ἑλληνικῶν γραμμάτων δύο τινα (ἀριθ. 16 καὶ 30) ἔχουσι σχέσιν πρὸς ἰσάριθμα ξενόγλωσσα, εὐρισκόμενα καὶ ταῦτα ἐν τῷ αὐτῷ μουσεῖῳ· καὶ διὰ τὴν σχέσιν ταύτην ἐκδίδονται καὶ τὰ ξενόγλωσσα παραλλήλως (ἀριθ. 17 καὶ 31).

¹) Τοῦς Ἕλληνας ἀναγνώστας ἐνδιαφέρουσι ἐξαιρέτως τὰ ἐπόμενα πονήματα τοῦ κ. Likhatcheff. 1) Ἡ Παλαιογραφικὴ σπουδαιότης τῶν ἐν τοῖς χάρταις διαφανῶν σχημάτων (Палеογραφическое значеніе дымажныхъ водяныхъ знаковъ. Ἐν Πετροπόλει, 1899). Τρεῖς τόμοι μετὰ 635 πινάκων καὶ ἐνός παραρτήματος. — 2) Σφραγιῶδες πατριαρχῶν Κωνσταντινουπόλεως (Печати патріарховъ Константинопольскихъ. Ἐν Μόσχᾳ, 1899), ὧν ἀρχαιότερα ἢ τοῦ πατριάρχου ἀγίου Φωτίου. — 3) Εἰκὼν Ἰωαννικίου Λυχοῦδη (Портретъ Іоанникія Лихуди. Ἐν Πετροπόλει, 1902). — 4) Ὑλᾱ χρησιμεύουσαι εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς ῥωσικῆς εἰκονογραφίας (Материалы для исторіи русской иконописи. Ἐν Πετροπόλει, 1906). Τόμοι δύο εἰς μέγα φύλλον, περιελείοντες 864 φωτοτυπίας ἐντὸς 419 πινάκων ὧν οὐκ ὀλίγα παριστῶσι παλαιὰς ἱερὰς εἰκόνας ἑλληνικῆς τέχνης τῆς βυζαντινῆς καὶ τῆς κατόπιν ἐποχῆς.

Ἡ ἐκδοσις ὄλων ἀνεξαιρέτως τῶν 35 γραμμάτων ἐγένετο κατὰ τὸ δυνατὸν πιστῶς, ὅσον δηλαδὴ ἐπέτρεψε τοῦ τυπογράφου ἢ ἐπιμέλεια· ἄλλως εἰπεῖν, ἐπειδὴ τὰ κείμενα τῶν γραμμάτων εἶναι προϊόντα πατριαρχικῶν ἐπισκοπικῶν καὶ μοναστηριακῶν γραφείων, ἔτι δὲ αὐτόγραφα λογίων καὶ συγγραφέων ὀνομαστῶν, δίκαιον ἐκρίθη νὰ ἐκδοθῶσιν ὡς ἔχουσιν, ἄνευ οὔδε μιᾶς διορθώσεως ὀρθογραφικῆς, τονικῆς ἢ σικτικῆς, πρὸς παράστασιν οὔτω πιστὴν τοῦ γραφικοῦ ἔθους τῶν ἐν λόγῳ συγγραφέων καὶ γραφείων· τῆς ἀκριβείας ταύτης ἐξηρέθησαν μόνον τὰ ἐν τοῖς κειμένοις κύρια ὀνόματα, ὧν τὸ πρῶτον γράμμα, πρὸς εὐκόλον χρῆσιν τοῦ πρὸς τῷ τέλει τοῦ βιβλίου παρατεθέντος ἀλφαβητικοῦ πίνακος, ἐδέησεν εἰς πολλὰς περιστάσεις, ὅπου δὲν ἦτο κεφαλαιῶδες, νὰ μετασχηματισθῇ εἰς τοιοῦτον. Εἰς πίστῳσιν τέλος τῆς δυνατῆς τῶν κειμένων ἀκριβοῦς μεταγραφῆς ἐτέθησαν ὡδε τὰ πανομοιότυπα 35 γραμμάτων (ἀριθ. 1, 2, 10, 14, 15, 30), τῶν παλαιογραφικῶς ἀξιολογωτέρων, σχηματίσαντα οὔτω πίνακας φωτοτυπικοὺς ἰσαρίθμους.

Τῶν 35 τούτων γραμμάτων ἕκαστον ἔχει τὴν σχετικὴν του σπουδαιότητα. Τῶν ἐν τῷ μουσεῖῳ Likhatcheff τὸ πρῶτον (σ. 1—2) παριστᾷ αὐτόγραφον Ἰωακείμ τοῦ Ἀθηναίου, πατριάρχου Ἀλεξανδρείας μεταξὺ τῶν ἐτῶν 1486 καὶ 1567¹, πρὸς ἀνώνυμόν τινα «ἱερώτατον μητροπολίτην Κρήτης» ἐν ἔτει 1562-φ. Ὁ ἀναγνώστης τοῦ γράμματος τούτου θὰ παραξενευθῇ βεβαίως, ὁπόταν λάβῃ ὑπ' ὄψιν ὅτι ὁ Ἰωακείμ ὀρθόδοξος ὧν ἀπαντᾷ εἰς γράμμα μητροπολίτου Κρήτης ἀνυπάρκτου τοιοῦτου ὀρθοδόξου ἐν τῇ νήσῳ Κρήτη καθ' ἕλλην τὴν μεταξὺ τῶν ἐτῶν 1204—1669 ἐνετικὴν ἐπ' αὐτῆς κυριαρχίαν, καὶ τοῦτο κατ' ἀπαίτησιν τῆς ἀλλοδόξου παπικῆς ἐν Ῥώμῃ Ἐκκλησίας, ἧτις βοήθεια τῆς Ἐνετικῆς Δημοκρατίας δεσπόζουσα κατὰ τὸν μακρὸν ἐκεῖνον χρόνον τῆς θρησκευτικῆς τῶν Κρητῶν συνειδήσεως εἶχε καταστήσει τούτους διὰ παντὸς μέσου καὶ δογματικῶς καὶ διοικητικῶς δούλους αὐτῆς οὐνίας, τοὺς δὲ γενναίους τὸ φρόνημα καὶ φρικωδῶς ἐτιμῶρει διὰ τοῦ καθιδρυθέντος παρ' αὐτῆς ἐν τῇ νήσῳ ἱεροεξεταστικοῦ καλουμένου δικαστηρίου. Ὑπῆρχον λοιπὸν ἐν τῇ νήσῳ διὰ παντὸς ἐν τοῖς χρόνοις ἐκεῖνοις μόνον παπικοὶ λατῖνοι ἀρχιεπίσκοποι, καὶ οὗτοι ἐνετικῆς ὡς ἐπὶ τὸ πλεῖστον καταγωγῆς, ἔχοντες ἐνίοτε ἀπ' αὐτῶν ἐξαρτωμένους καὶ τινὰς ἑλληνας ἐπισκόπους διαφόρων τῆς νήσου ἐπαρχιῶν, πάντας ὁμῶς οὐνίας καὶ συνεπῶς οὐδὲν

¹) Περὶ τοῦ πατριάρχου τούτου ἴδε *Γ. Μαζαρίκη* ἐν τοῖς Μνημείοις τῆς ἱστορίας τῶν Ἀθηναίων ὑπὸ *Λ. Γρ. Καμπούρογλου* (ἐν Ἀθήναις 1889—1892), τ. 2, σ. 125—144. Πρὸς. *Хождение Трифона Коробеѣникова*, ἐκδ. *Χρ. Λοπαρέβου*, σ. 48—55 (Правосл. Палестинскій Сборникъ, τεύχος 27, ἐν Π/πόλει 1889). *Хождение купца Василия Пожнякова по Святымъ Мѣстамъ Востока*, ἐκδ. *Χρ. Λοπαρέβου*, σ. 1, 2, 5, 8, 65, 69—79, 83 (Правосл. Пал. Сборникъ, 1887, τεύχ. 18). *Πορφυρίου Οὐσπένσκι* *Александрійская Патриархія*, ἐκδ. *Χρ. Λοπαρέβου*, ἐν Π/πόλει, 1898, σ. L — LV, 15—30, 118—124.

κοινὸν ἔχοντας δογματικῶς πρὸς τὴν Ὀρθόδοξον Καθολικὴν Ἐκκλησίαν¹. Τούτων οὕτως ἐχόντων, εὐνόητον ὅτι τὸ γράμμα τοῦ πατριάρχου Ἰωακείμ, ἂν καὶ προξενῆ ἀρκοῦσαν ἐκπληξιν, δὲν δύναται ἢ νὰ ἔχη ὑπ' ὄψει λατίνον τῆς Κρήτης ἀρχιεπίσκοπον· νὰ λέγη δὲ τοῦτον «ἱερώτατον», οὐδὲν σημαίνει, ὅπου-
 ταν ἀναλογισθῆ τις, ὅτι οἱ ὀρθόδοξοι ἱεράρχαι ἐξ εὐαγγελικῆς πραότητος ἔθος ἔχουσι συνήθως πρὸς τοὺς ἐν Χριστῷ ἀλλοδόξους ἀδελφοὺς αὐτῶν νὰ συμπεριφέρωνται ὡς ἢ εὐπρέπεια θέλει, ἀποδιδόντες οὕτως αὐτοῖς τὰ προσαρμοζόμενα τοῖς ἀξιώμασιν αὐτῶν καὶ κοινωνικῶς εἰθισμένα κοσμητικὰ ἐπίθετα. Ὁ πατριάρχης Ἰωακείμ εἶχε καὶ λόγον σπουδαιότερον νὰ φανῆ πρὸς τὸν ὑποτιθέμενον λατίνον «ἱερώτατον μητροπολίτην» κατὰ τρόπον ἀβρόφρονα. Ὁ διεξερχόμενος τὸ πρὸς αὐτὸν γράμμα θὰ παρατηρήσῃ ἐκ τῆς ἐννοίας του, ὅτι ὁ ῥηθεις «ἱερώτατος μητροπολίτης» παρενέβη νὰ συνενώσῃ τὴν ἑλληνικὴν μετὰ τῆς λατινικῆς Ἐκκλησίας. Τὸ πρὸς τοῦτο πείραμα αὐτοῦ δὲν ἠδύνατο φυσικῶς ἢ εἰς πατριάρχην χριστιανικώτατον, ὁποῖος ἦτον ὁ τότε ἐπὶ ἀγιωσύνη διάσημος Ἰωακείμ, νὰ προξενήσῃ καὶ χαρὰν καὶ εὐφροσύνην· διότι καλῶς ἐγίνωσκεν, ὅτι ὁ Χριστὸς ἐν τῷ κόσμῳ τούτῳ ἐμφανισθεὶς εὐηγγελίσατο τοῖς ἀνθρώποις εἰρήνην. Ὁ Κρήτης, ὡς ἐκ τῆς ἀποκρίσεως φαίνεται, ἔγραφε τῷ Ἰωακείμ περὶ τῆς συγκλήσεως συνόδου τινός, ἥτις θὰ ἐπεθύμει νὰ εἶχε καὶ τῆς ἑλληνικῆς Ἐκκλησίας ἀντιπροσώπους εἰς ἐξέτασιν ἢ τῶν μεταξὺ ταύτης καὶ τῆς λατινικῆς ὑφισταμένων διαφορῶν, ἢ πρὸς ἀνάστασιν τοῦ ὄρου τῆς ἀκύρου καὶ ὅλως ἀπαραδέκτου ἐν Τουρκίᾳ καὶ Ῥωσίᾳ σκανδαλώδους Φλωρεντινῆς συνόδου τοῦ 1439-ου ἔτους². φαίνεται ἐπίσης νὰ ἔγραφε τῷ Ἰωακείμ, ὅτι θὰ ἦτον ἐπιθυμητὸν νὰ συμμετάσχη καὶ αὐτὸς τῆς εἰρημένης συ-

¹) Ἐγίνοντο συνεχῶς ἐν Κρήτῃ καὶ ἀπόπειραι πρὸς ἀντικατάστασιν τοῦ ἑλληνικοῦ ἐκκλησιαστικοῦ τυπικοῦ διὰ τοῦ λατινικοῦ· ἀλλ' αὐταὶ ἀπετύγχανον διὰ τῆς ἰσχυρογνωμοσύνης τῶν Κρητῶν. Ἐκ τούτου εἶχαν ἐπιτραπῆ αὐτοῖς νὰ διοικῶνται λειτουργικῶς ὑπὸ τινος πρωτοπαπᾶ, χειροτονουμένου ὁμοῦ ὑπὸ τοῦ παπικοῦ ἀρχιεπισκόπου. Ἀπὸ τοῦ 13-ου αἰῶνος ἄχρι τῆς ὑποταγῆς τῆς Κρήτης εἰς τοὺς Τούρκους οὐδεὶς μητροπολίτης ὀρθόδοξος ἠδυνήθη νὰ ἐγκατασταθῇ ἐν αὐτῇ. Ὁ ἐκ Κρήτης καταγόμενος Νικηφόρος Μοσχόπουλος καὶ Κρήτης μητροπολίτης χειροτονηθεὶς ἐν Κ/πόλει οὐδέποτε μετέβη εἰς αὐτήν, πόρρω ταύτης διάγων ἀδιὰ τὴν τῶν Ἰταλῶν ἐπικράτειαν» (*Παχυμέρη* τ. 2, σ. 24' Bonn. Πρβλ. τὸ ἡμέτερον περὶ Νικηφόρου ἄρθρον ἐν τῇ *Byzantinische Zeitschrift*, 1903, τ. 12, σ. 215—223). Περὶ τῆς ἀξιοδακρύτου θρησκευτικῆς τῶν Κρητῶν καταστάσεως ἐν τοῖς χρόνοις τῆς λατινικῆς ἐπ' αὐτῶν δεσποτείας ὄρα τὸ ἄρθρον τοῦ ῥώσου ἀρχιεπισκόπου καὶ κατόπιν ἐπισκόπου Ἀρσενίου (Ἡ Ἑλληνικὴ Ἐκκλησία ἐν Κρήτῃ ἐν τοῖς χρόνοις τῆς ἐνετικῆς κυριαρχίας. *Православное обозрение*, ἐν Μόσχᾳ 1876, τεύχος Αὐγούστου, σ. 669—722), ὅπερ δύναται νὰ συμπληρωθῇ καὶ διορθωθῇ κατὰ πολλὰ διὰ τῶν ἐκδοθέντων ἐκ τῶν ἐνετικῶν ἀρχείων λατινικῶν καὶ ἰταλικῶν διαταγμάτων, σκληρῶν ὁμολογουμένως δι' ὀρισμένους Κρητας ἐμμένοντας ἐν τῇ ὀρθοδοξίᾳ καὶ τῶν πλείστων ἐνεργουμένων παρὰ τῇ ἐνετικῇ διοικήσει διὰ τῶν πιέσεων τῶν ἐν Κρήτῃ παπικῶν ἐπισκόπων (ἰκανὰ τοιαῦτα χαρακτηριστικὰ ὄρα προχειρῶς παρὰ τῷ *VI. Lamansky, Secrets d'etat de Venise. S.-Petersbourg, 1884, σ. 043—074*). Ἔτερα τινὰ σχετικὰ παπικὰ διατάγματα ἴδε παρὰ τῷ *N. Jorga, Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. 2de série. Paris, 1899, σ. 366, 440, 461*.

²) Περὶ τῆς οἰκτρᾶς τῆς συνόδου ταύτης τύχης ἐν τῷ βυζαντινῷ καὶ τῷ τουρκικῷ κράτει ἴδε προχειρῶς *Π. Καλλιγῆ Μελέτας καὶ λόγους* (ἐν Ἀθήναις, 1882), σ. 154 κέ. *Π. Καλλιγῆ Μελέτας βυ-*

νόδου δι' αντιπροσώπου του, να μεσιτεύσῃ δὲ ὅπως καὶ οἱ λοιποὶ τρεῖς πατριάρχαι (Κ/πόλεως, Ἀντιοχείας, Ἱεροσολύμων) πέμψωσιν εἰς τὴν σύνοδον ἰδίους πληρεξουσίου. Ὁ Ἰωακείμ ἀποκρίνεται, ὅτι δὲν ἔχει μὲν ἐν τῇ ἐνορίᾳ τοῦ πατριαρχικοῦ τοῦ θρόνου τὸν πρὸς τὸν σκοπὸν τοῦτον ἀρμοδίον εἰς ἀντιπροσωπεΐαν, προθύμως ὁμῶς ἔγραψεν εἰς τοὺς λοιποὺς πατριάρχας, ὅπως ἢ ζητουμένη συμμετοχὴ γένηται διὰ τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου, τούτου καὶ μόνου δυναμένου νὰ πέμψῃ πρὸς τὴν σύνοδον τοὺς καταλλήλους ἄνδρας· ὁμολογεῖ προσέτι, ὅτι καὶ αὐτὸς καὶ οἱ γείτονες πατριάρχαι (Ἀντιοχείας καὶ Ἱεροσολύμων) μετεβίβασαν ἤδη τὴν αἴτησιν τοῦ Κρήτης διὰ κοινοῦ γράμματος εἰς τὸν ἐν Κωνσταντινουπόλει οἰκουμενικὸν πατριάρχη (ἦτο δὲ τότε τοιοῦτος Ἰωάσαφ ὁ δεύτερος), καταστήσαντες αὐτὸν καὶ διαθέτην τῆς ἰδίας τῶν γνώμης· ἄλλως εἰπεῖν θὰ δεχθῶσιν ἄνευ οὐδεμιᾶς ἀντιρρήσεως ὅτι ἀποφασίσῃ ἐκεῖνος περὶ συμμετοχῆς ἢ μὴ συμμετοχῆς εἰς τὴν ὑπονοουμένην σύνοδον· καθ' ὃν δὲ τρόπον γράφει τῷ Κρήτης ὁ Ἰωακείμ, δίδει καὶ εὐφυσὶ καὶ ἐπιτηδεΐως νὰ συναισθανθῇ ἐκεῖνος, ὅτι δι' ἐνὸς οὕτως ἀρχιερέως ἐν τῇ ἔδρᾳ τοῦ καθημένου καὶ διὰ γράμματος αὐτοῦ ἀπλοῦ πρὸς πατριάρχη δευτεροβάθμιον ἐν Ἀνατολῇ δὲν ἦτο καὶ δυνατὸν καὶ εὐπρεπὲς νὰ ζητῆται τῶν Ἑκκλησιῶν ἔνωσις. Ὁ Ἰωακείμ ἐν τῇ ὀλιγολεξίᾳ του δίδει, νομίζω, ἀφορμὴν νὰ νοήσῃ καὶ τοῦτο ἀρκούντως ὁ Κρήτης, ὅτι αὐτὸς ὁ Ῥώμης πατριάρχης ὄφειλε νὰ προσκαλέσῃ τὸν ἐν Κωνσταντινουπόλει ἀδελφὸν αὐτοῦ ἐν Χριστῷ, τὸν οἰκουμενικὸν πατριάρχη, ἐξ οὗ καὶ μόνον τῆς αἰτήσεως ἢ εὐδόωσις ἐξαρτᾶται. Εὐχεται τέλος τῷ Κρήτης ἐκ γνώμης φιλόφρονος καὶ χριστιανικῆς νὰ ἐπιτύχῃ τὸν σκοπὸν τῆς ἢ σύνοδος, ἀλλ' ἐπὶ τῇ βᾶσει τῆς παραδόσεως τῶν ἀποστόλων Πέτρου καὶ Παύλου καὶ τῶν γραπτῶν ἀποφάσεων τῶν ἐπὶ οἰκουμενικῶν συνόδων.

Ἐκ τῆς ἀναλύσεως τῆς πρώτης ἐν τῷ βιβλίῳ τούτῳ ἐπιστολῆς δῆλον ἀρκούντως ὅτι ὁ μητροπολίτης, πρὸς ὃν οὕτως εὐφυσὶ γράφει ὁ Ἀλεξανδρείας πατριάρχης Ἰωακείμ, εἶναι δυτικὸς κατόλικος οὐχὶ δὲ καθολικὸς ὀρθόδοξος ἀρχιερεὺς. Φαίνεται λοιπὸν εἰς ἐμὲ ἀναμφίβολον, ὅτι Κρήτης «ἱερώτατον μητροπολίτην» νοεῖ ὁ Ἰωακείμ τὸν τότε Βενετὸν αὐτῆς ἀρχιεπίσκοπον Πέτρον τὸν Δάνδον¹⁾ σύνοδος δὲ μνημονουμένη ἐν τῇ ἐπιστολῇ οὐδεμίᾳ ἄλλῃ δύναται νὰ εἶναι, ἢ ἡ μακροχρόνιος οἰκουμενικὴ τῶν κατολίκων σύνοδος ἐν Τριδέντῳ, ἧς

Ἡμετέρας ἱστορίας (ἐν Ἀθήναις 1894), σ. 662 κέ. Ἡμετέρας ἱστορίας (ἐν Λειψίᾳ, 1867), σ. 152 κέ. Τελευταία ἐπίσημος καταδίκη τῆς Φλωρεντινῆς συνόδου ἐκ μέρους τῆς Ὀρθοδόξου Ἑκκλησίας εἶναι ἡ γενομένη ἐν Κωνσταντινουπόλει ἐν τῇ ἐιδικῇ συνόδῳ τοῦ ἔτους 1484, καθ' ἣν ὁ μὲν Φλωρεντινὸς ὅρος ἀπεκρούσθη ὡς αἰρετικὸς, οἱ δὲ ἱεράρχαι Μάρκος Ἐφέσου ὁ Εὐγενικός καὶ Γεωργίου β' ὁ Κ/πόλεως ἀνακηρυχθέντες ἅγιοι ἐμακαρίσθησαν, προσθείσης τῆς συνόδου καὶ δι' αὐτοὺς τοὺς ἀρμοδίους μακαρισμοὺς ἐν τῷ Συνοδικῷ τῆς Ὀρθοδοξίας. Πρβλ. τὸ ἡμέτερον περὶ Μάρκου Εὐγενικοῦ ἄρθρον ἐν τῇ Byzant. Zeitschrift, 1902, τ. 11 σ. 60—63.

¹⁾ M. Le Quien, Oriens Cristianus, τ. 3, σ. 915.

συνελεύσεις ἐγίνοντο ἐκεῖ ἀκριβῶς ἐν ἔτει 1562-φ ἐπὶ Ῥώμης πάπα Πίου τοῦ 4-ου. Ἀναμφίβολον προσέτι, ὅτι τοῦ Πέτρου Λάνδου ἢ παρὰ τῷ Ἰωακείμ ἀπόπειρα, ὅπως συμμετάσχῃ τῆς συνόδου καὶ οἱ ἀνατολικοὶ πατριάρχαι, εἶχε τὴν ἀρχὴν τῆς οὐχὶ ἐξ ἰδίας αὐτοῦ πρωτοβουλίας, ἀλλ' ἐξ ὁδηγῶν τοῦ Ῥώμης¹. Ὅπως δὲ νῦν τὸ πρῶτον καθίσταται γνωστὸν ἐξ ἐλληνικοῦ γνησίου κειμένου, ὅτι ἡ ἐν Τριδέντῳ σύνοδος ἐπειράθη (διὰ τρόπον βεβαίως ἀναρμοδίου) ἐν ὠρισμένῳ τινὶ χρόνῳ νὰ προσελκύσῃ πρὸς ἑαυτὴν τοὺς τότε πτωχοὺς ἐλεεινοὺς ἐν τῇ Δύσει νομιζομένους, ἐπομένως δὲ εὐθηράτους, ὀρθοδόξους Ἑλληνας πατριάρχας καὶ ἀρχιερεῖς. Τὸ ἐπεισόδιον τοῦτο διασαφηνίζει ὀλίγον μερικόν τι παλαιότερον ἐπεισόδιον, τὸ περὶ τὸν Καισαρείας Μητροφάνην, οὗτινος ἡ ἐμφάνισις τώρα μόνον ἐξηγεῖται ἀποδοτέον δηλαδὴ καὶ ἐκεῖνο εἰς ἐπίδρασιν καὶ ἀπόπειραν τῆς ἐν Τριδέντῳ συνόδου παρὰ τῷ οἰκουμενικῷ πατριάρχῃ Διονυσίῳ τῷ 2-φ (1546—1555)², ὅστις προσχωρήσας αὐτῇ δολίως, ὡς ἐξαποστείλας δι' ἄλλην πρόφασιν εἰς Βενετίαν τὸν Καισαρείας Μητροφάνην (περὶ τὸ ἔτος 1546—7) καὶ ἐκεῖθεν μέχρι Ῥώμης, προὐκάλεσε μέγα ἐν Ἀνατολῇ σκάνδαλον³.

¹) Καὶ αὐτὸς ὁ Πέτρος Λάνδος ὡς archiepiscopus Cretensis ὑπέγραψεν ἔτει 1563-φ τὰ πρακτικὰ τῆς ἐν Τριδέντῳ συνόδου. Ἴδε *Harduini Acta conciliorum*, τ. 10, σ. 419. *A. Theiner, Acta genuina . . . concilii Tridentini (Zagrabiæ, 1874)*, τ. 2, σ. 509.

²) Ἡ χρονολογία τοῦ Διονυσίου παρὰ τῷ Γεδεῶν (Πατριαρχ. πίνακες, σ. 504 καὶ 507) εἶναι ἐσφαλμένη ἀνακριβῶς ἐπίσης ὁ Γεδεῶν ἀπονέμει δύο διαφόρους πατριαρχίας τῷ ἅπαξ πατριαρχήσαντι Διονυσίῳ τῷ ἀπὸ Νικομηδείας. Ἡ παρὰ τῷ Κρουσίῳ (Turcoogræcia, σ. 250—252) ἐπιστολὴ Νικολάου Μαλαξοῦ, μηνὸς Ἰουνίου 1540, πρὸς τινὰ πατριάρχην ἀπευθύνεται οὐχὶ τῷ Διονυσίῳ, ὡς ὁ Κρούσιος ἤλασεν (σ. 252), ἀλλ' Ἱερεμίᾳ τῷ 2-φ (ἂν τὸ ἔτος 1540 εἶναι ἀκριβῆς ἐν τῷ κειμένῳ τῆς ἐπιστολῆς), μετὰ τὴν οἰκτράν πτώσιν τοῦ ἐπιβάτου Ἰωαννικίου τοῦ 1-ου.

³) Ἡ πρόφασις ἦτο λόγῳ περιουσίας εἰς συλλογὴν ἐλεῶν. Ὁ Μητροφάνης τὸ γένος Βόσνιος, υἱὸς πατρὸς μουσουλμανισαντος καὶ μεγάλου γενομένου βεζίρου ὑπὸ τὸ ὄνομα Σόκολι-Μεχμέτ-πασᾶ, κατὰ δὲ Στέφανον τὸν Gerlach καὶ gelehrter Mann ἢ der gelehrteste unter aller Griechen τῆς ἐποχῆς του (Tage-Buch. Frankfurth am Mayn, 1674, σ. 30 καὶ 59), ἀποσταλεῖς χειροστονημένος ἤδη μητροπολίτης Καισαρείας εἰς Βενετίαν, τὸν ἐκεῖ ναὸν τῶν Ἑλλήνων ἀπέδωκεν εἰς ἱερεῶν καθηρημένον καὶ οὐνίτην, τὴν δ' ἐποπτεῖαν αὐτοῦ εἰς ἄλλον τινὰ λατίνον ἱερέα. Ἐκεῖθεν συνοδευόμενος ὑπὸ τινος οὐνίτου Χερρονήσου ἐπισκόπου Διονυσίου τοῦ Γραικου, μένοντος ἐν Βενετίᾳ μετὰ τὴν ἐκ Τριδέντου ἐπίδοσίν του (ἡ ὑπογραφή του ἀπαντᾷ ἐν πρακτικαῖς τῆς ἐκεῖ συνόδου ἔτους 1547. Ὅρα *Mansi Concil. ampl. collectio*, τ. 33, σ. 64 καὶ 201), μετέβη εἰς Ῥώμην ὡς ἔξαρχος τοῦ Διονυσίου, ὅπου καὶ αὐτὸς ἠρνήθη τὴν ὀρθοδοξίαν του γενόμενος τοῦτ' αὐτὸ κατόλικος οὐνίτης, καὶ τὸν Διονύσιον παρέστησεν ἀντορθόδοξον καὶ πατριάρχην Κ/πόλεως οὐνίτην (πρβλ. *Λωροθέου Βιβλίον χρονικόν*, Ἐνετίησιν, 1781, σ. 445—447. Gerlach, Tage-Buch, σ. 59—60. Ἰ. Βελοῦδου Ἑλλήνων ὀρθοδόξων ἀποικία ἐν Βενετίᾳ, ἐκδ. 2, ἐν Βενετίᾳ, 1893, σ. 65—66. Συνοδικὸν ἐγγραφοὺν κατὰ Διονυσίου ἔτους 1547-ου παρὰ *É. Legrand*, Notice biographique sur Jean et Théodose Zygomalás. Paris, 1889, σ. 10—12, 86—91. *B. Μυστακίδου* Σελίς πατριαρχικῆς ἱστορίας. Ἐν Κ/πόλει, 1890, σ. 9—20, 24—33). Γνωσθέντος δὲ τοῦ τολμήματος τούτου ἐν Κ/πόλει, ὁ Διονύσιος ἀρνούμενος τὴν συμμετοχὴν του ἐπέριπτε τὴν εὐθύνην εἰς μόνον τὸν Μητροφάνην καὶ τοῦτο ὅμως δολίως, διότι καὶ τὰς περὶ τὸν ἐν Βενετίᾳ ναὸν πράξεις τοῦ Μητροφάνου ἐπεκύρωσε διὰ σιγίλλίου τοῦ ἔτους 1550 καὶ τὴν ἐκεῖ τῶν Γραικῶν Ἀδελφότητα ἠὲ χαρίστησεν ὡς καλῶς καὶ φιλοφρόνως ὑποδεχθεῖσαν τὸν Μητροφάνην εἰς δὲ στήριξιν αὐτοῦ ἐν τῷ πατριαρχικῷ θρόνῳ ἀφειδῶς ἐδαπάνη, ὑπεραυξήσας καὶ τὸ πρὸς τὸν Σουλτᾶνον πεσκέσιον (πρβλ. τὸ καταδικαστικὸν τῶν πρά-

Μετὰ τὸ γράμμα τοῦ Ἰωακείμ ἔχομεν ἐν τῷ βιβλίῳ τούτῳ διαφόρων πατριαρχῶν Κ/πόλεως δυοκαίδεκα πιττάκια (ἀριθ. 2—13), ἀναγόμενα πάντα εἰς μίαν καὶ τὴν αὐτὴν ὑπόθεσιν, εἰς διαφορὰν μεταξὺ κατολίκων καὶ καθολικῶν ὀρθοδόξων τῆς νήσου Μήλου. Τῶν πιττακίων τούτων τὴν σύνταξιν προῦκάλει αἰτήσεις ἰδία τῶν ἐν Μήλῳ κατολίκων ἐπισκόπων πρὸς τοὺς οἰκουμενικοὺς πατριάρχας, εἰς πτόησιν δὲ τῶν τελευταίων καὶ πίσεις τοῦ τῆς Γαλλίας ἐν Κωνσταντινουπόλει πρεσβευτοῦ. Οἱ πατριάρχαι καὶ λόγῳ φιλαδελφίας πρὸς ἕτεροδόξους μὲν ἀλλ' ἀδελφοὺς ἐν Χριστῷ, καὶ λόγῳ πόθου ὅπως οἱ ἐν μέσῳ τῶν ὀρθοδόξων εὐρισκόμενοι ἀλλόδοξοι συμβιωσιν ἐν εἰρήνῃ, ἐδέχοντο τὰς αἰτήσεις, τὰς δὲ πίσεις καὶ ἀγογγύστως εἰς διαίκρισιν τοῦ δικαίου, διδόντες οὕτω τοῖς λατίνοις ἐπισκόποις πιττάκια διατακτικὰ συμβάλλοντα εἰς τὸν σκοπὸν τοῦ κατ' αὐτοὺς δικαίου· ὡς δὲ μαρτυρεῖ τὸ ὑπ' ἀριθμὸν 5 γράμμα, τὰ πιττάκια ταῦτα ἐγράφοντο ταυτοχρόνως εἰς διπλοῦν, ἵνα τὸ μὲν πρῶτον ἐγχειρίζηται παρὰ τοῦ ἐνδιαφερομένου τοῖς ἀντιδίκους, τὸ δ' ἕτερον μένη ἐν τοῖς ἀρχείοις τῆς ἐν Μήλῳ ἰδίας τοῦ ἐνδιαφερομένου ἐπισκοπῆς εἰς μαρτυρίαν τῆς νομίμου τοῦ πατριαρχείου πορείας. Τὰ πιττάκια 2—13, πάντα πρωτότυπα, εἶχεν ἐν τοῖς ἀρχείοις ἡ ῥηθεῖσα λατινικὴ ἐπισκοπή· τοῦτο δὲ μαρτυροῦσιν αἱ ὀπισθεν αὐτῶν ἰταλικαὶ σημειώσεις, αἵτινες δὲν δύνανται νὰ εἶναι ἢ δηλωτικαὶ τοῦ ἀρχείου, ἐν ᾧ τὰ πατριαρχικὰ ἐκεῖνα πιττάκια εὐρίσκοντο πρότερον. Ἐκ τοῦ πρώτου αὐτῶν (ἀριθ. 2), ὕπερ φέρει τὴν ὑπογραφὴν Μελετίου Πηγᾶ, πατριάρχου Ἀλεξανδρείας, ἐν ἔτει δὲ 1597-φ καὶ τοποτηρητοῦ τοῦ χηρεύοντος τότε Οἰκουμενικοῦ Θρόνου, πληροφοροῦμεθα ὅτι ἡ μεταξὺ λατίνων καὶ ὀρθοδόξων τῆς νήσου Μήλου διαφορὰ εἶχε τὴν ἀρχὴν τῆς ἀπὸ χρόνου παλαιότερου. Ἐπεὶ σίθη δηλαδὴ ὁ Μελέτιος ἐκ τῶν παραπόνων τοῦ ἐν αὐτῇ λατίνου ἐπισκόπου Φραγκίσκου, ὅτι οἱ ἐκεῖ ὀρθόδοξοι εἶχον ποτὲ διαρπάξει πράγματά τινά ἀνήκοντα τῷ ἐπισκοπικῷ αὐτοῦ ναῷ· διὸ καὶ γράφει τοῖς ὀρθοδόξοις Μηλίσις, ὅτι ὀφείλουσι νὰ ἐπιστρέψωσι ταῦτα

ἔξω τοῦ Διονυσίου ἐγκύκλιον γράμμα τοῦ Ἱεροσολύμων πατριάρχου Γερμανοῦ ἐν τοῖς ἐμοῖς Ἀναλέκτοις Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας, τ. 1, σ. 216—219). Ὁ Μητροφάνης, στηριζόμενος ἐπὶ τοῦ βεζιρευόντος πατρός του καὶ τῶν ὀργάνων του, οἷον τοῦ Μιχαὴλ Καντακουζηνοῦ, ἐγένετο δυναστικῶς καὶ πατριάρχῃ οἰκουμενικὸς δὲς, ἐνδομύχως κατόλιχος ὢν καὶ ὑπὲρ τοῦ παπισμοῦ ἐργαζόμενος ὑπόβλως, ὡς μαρτυρεῖ τὸ μετὰ τὴν ἀπὸ τῆς πρώτης πατριαρχίας του πτώσιν σταλὲν (ἔτει 1578-φ) γράμμα του πρὸς τὸν Ῥώμης πάπαν Γρηγόριον τὸν 13-ον (*Schelstrate, Acta Orientalis Ecclesiae contra Lutheri haeresim. Romae, 1739, σ. 243—236*) καὶ ὁ παρὰ τῷ Francesco Gondola χαρακτηρισμοῦ τοῦ Μητροφάνους· λέγει δὲ οὗτος ῥητῶς, ὅτι ὁ πατὴρ του «*ha donato al suo primo figliolo il Patriarcato di Costantinopoli, il quale non solamente ha venduti tutti i vescovati e le cure a chi gli ha dati più danari, non guardando se erano lupi o pastori, ma ancora ha concesso le chiese e i monasterii del rito romano ai medesimi cattolici, che li tenevano*». Ὅρα *Fr. Gondola, Relatione fatta a papa Gregorio XIII di alcune cose particolari del Turco l' anno 1574, παρὰ V. Makuscev, Monumenta historica Slavorum meridionalium. Varsaviae 1874, τ. 1, σ. 287.*

τῷ Φραγκίσκῳ, ἵνα μὴ τυχὸν τιμωρηθῶσι τῆς ἀρπαγῆς οἱ πρωταίτιοι διὰ γραμμάτων ἐκκλησιαστικοῦ ἀφορισμοῦ. Ἡ ἐν Μήλῳ διαφορά σαφηνίζεται διὰ τοῦ κατόπιν γράμματος τοῦ πατριάρχου Ματθαίου (ἀριθ. 3), ἐκδεδομένου ἔτει 1601-φ. Κατ' αὐτὸ πρόκειται περὶ ναοῦ τῶν ἁγίων Ἀναργύρων ἀνήκοντος μὲν πρότερον τοῖς κατολίκοις Μηλίοις, ὑπὸ δὲ τῶν ὀρθοδόξων ἀρπαγέντος μετ' ὄλων τῶν κτημάτων αὐτοῦ. Οὗτοι δὲν ἐφήφισαν τὴν πρὸς ἐπιστροφὴν αὐτοῦ διαταγὴν τοῦ Μελετίου, ὡς ἔχοντες βεβαίως καὶ αὐτοὶ θετικώτερα ἐπὶ τοῦ ῥηθέντος ναοῦ δίκαια· θὰ ἦτο πιθανῶς κτίσμα τῶν ἐπὶ Βυζαντινῶν ὀρθοδόξων προπατόρων αὐτῶν, ἔπερ, τῆς Μήλου ληστρικῶς ἀρπαγείσης ὑπὸ τῶν Φράγκων σταυροφόρων, θὰ περιῆλθεν εἰς τὴν ἀυθαίρετον κατοχὴν τῶν ἐν αὐτῇ κατοικησάντων λατίνων καὶ τῶν ὑπ' αὐτῶν ἐκβιασθέντων εἰς οὐνιτισμὸν Μηλίων, ἄχρις οὔ, τῆς νήσου γενομένης τουρκικῆς, θὰ εὔρον οἱ Μηλίοι περίστασιν εὐνοῦν νὰ ἔχῃσι καὶ πάλιν τὸ προπατορικὸν αὐτῶν κτίσμα. Οὕτω, νομίζω, ἐξηγεῖται ἡ συνεχὴς, ὡς θὰ ἴδωμεν, παρακοὴ τῶν Μηλίων εἰς τὰ πατριαρχικά διατάγματα, ἅτινα ἄλλως ἡσθάνοντο καὶ αὐτοὶ γινόμενα φιλοφροσύνης ἕνεκα πολιτικῆς καὶ διὰ πίεσεως ἐξωτερικῆς. Μεταξὺ λοιπὸν τῶν ἐτῶν 1597 καὶ 1601 τοῦ λατίνου ἐν Μήλῳ ἐπισκόπου ἡ ἐλπίς ἔμενεν ἀπραγματοποίητος. Ἄλλ' ἤδη ἐπεμβαίνει εἰς τὴν ὑπόθεσιν αὐτοῦ ὁ γάλλος ἐν Κωνσταντινουπόλει πρέσβυς ὡς προστάτης τῶν ἐν Τουρκίᾳ κατολίκων, καὶ μεσιτεύσας παρὰ τῷ πατριάρχῳ Ματθαίῳ ἀπαιτεῖ νὰ πραγματοποιηθῇ τοῖς λατίνοις ἡ παράδοσις τοῦ ναοῦ. Ἡ παρέμβασις ἡμῶς αὕτη ἀναγκάζει τὸν πατριάρχῳ, ὅπως ἡ ἀπαίτησις τοῦ πρεσβευτοῦ λάβῃ τὴν ἀρμόζουσαν αὐτῇ κατὰ νόμους θέσιν· παρατηρηθέντος δηλαδὴ ὅτι ὑπάρχουσι δύο ἀντίδικα μέρη διεκδικοῦντα τὴν κυριότητα τοῦ ἐν Μήλῳ ναοῦ, ἀποφασίζει τὸ πατριαρχεῖον ὅπως ἡ μεταξὺ αὐτῶν διαφορά ἐξετασθῇ ἐπιτοπίως· ἐκ τούτου διετάχθη ἡ ἐν Μήλῳ ὀρθόδοξος κοινότης νὰ καταστήσῃ δι' ἐκθέσεως γνωστὸν εἰς αὐτὸ ὅσα πρότερον αὕτη ὤριζεν ἐκεῖ καὶ ὅσα ἡ λατινική, ἵνα οὕτω διαφωτιζόμενον τὸ πατριαρχεῖον ἀποφανθῇ κατόπιν περὶ τοῦ δικαίου ἐν γνώσει, κανονίσῃ δὲ καὶ τὴν πρὸς τὸν γάλλον πρέσβυν ἀπάντησιν. Ὁμοίᾳ τις διαταγὴ θὰ ἐδόθη καὶ παρὰ τοῦ πρεσβευτοῦ εἰς τοὺς ἐν Μήλῳ κατολίκοις. Φαίνεται ὅτι θὰ ἐστάλλῃ ἐν τῷ μεταξὺ ἡ προζητηθεῖσα τῶν ὀρθοδόξων ἐξεταστικὴ ἔκθεσις εἰς τὸ πατριαρχεῖον, διότι τὸ κατόπιν γράμμα τοῦ πατριάρχου Νεοφύτου (ἀριθ. 4) παρουσιάζει συνεπῆ πρὸς τοιαύτην ἔκθεσιν ἀπόφασιν· ἤτοι, μὴ κριθείσης ὑπὸ τοῦ πρεσβευτοῦ ἐπαρκῶς τῆς ἐκθέσεως καὶ αὐτοῦ δὲ ἐπιμένοντος εἰς τὰς ἀξιώσεις τοῦ Φραγκίσκου, ἴσως δὲ καὶ πιέζοντος τὸ πατριαρχεῖον, ἀποφασίζεται νὰ ἐξετασθῇ τῶν λατίνων ἡ ὑπόθεσις ἐν Μήλῳ παρουσίᾳ πατριαρχικοῦ τινος ἐξάρχου. Πρὸς τοῦτο χρησιμοποιεῖται ἀρχιερεὺς τις, ὅστις μεταβαίνων ὡς ἐξάρχος εἰς τὰς νήσους τοῦ Αἰγαίου ἐντολήν ἔλαβε νὰ ἐπισκεφθῇ καὶ τὴν Μήλον πρὸς διάκρισιν τοῦ περὶ τὸν ναὸν τῶν ἁγίων Ἀναργύρων δικαίου. Ἡ ἔρευνα τοῦ

ἐξάρχου κατέληξεν εἰς ἀπόδειξιν, ὅτι ὁ ναὸς οὗτος ἦτον ἐξ ἀρχῆς κτήμα λατινικόν· μανθάνομεν δὲ τοῦτο ἐκ τοῦ ὑπ' ἀριθ. 5 γράμματος τοῦ πατριάρχου Ῥαφαήλ· ἀλλ' ἐπειδὴ οἱ Μήλιοι καὶ κατόπιν ἐπὶ ἔτη πολλά δὲν ἔδιδον τὸν ναὸν τοῖς ἀντιδίοις, εὐλογον νὰ ὑποτεθῆ ὅτι τὴν ἐξέτασιν τοῦ ἐξάρχου ἐλογίζοντο παντελῶς ἄδικον, βεβιασμένην ἐκ πίεσεως τοῦ γάλλου πρεσβευτοῦ· διότι οὕτω μόνον φαίνεται εἰς ἐμὲ τοῦλάχιστον καταληπτὴ ἢ ἐν ἑτέρῳ γράμματι τοῦ πατριάρχου Ῥαφαήλ (ἀριθ. 5) εἶδησις, ὅτι εὐθὺς μετὰ τὴν ἐν Μήλῳ τοῦ ἐξάρχου ἀνάκρισιν ἐξέδωκεν ἡ τουρκικὴ κυβέρνησις ὀρισμὸν κοινοποιηθέντα εἰς τὸ πατριαρχεῖον καὶ διατάσσοντα τὴν παράδοσιν τοῦ ναοῦ τοῖς ἐν Μήλῳ κατολίκοις. Ἄλλ' οἱ Μήλιοι οὐδ' εἰς τὸν ὀρισμὸν τοῦτον ὑπακούσαντες προτρέπονται τέλος ὑπὸ τοῦ πατριάρχου (ἀριθ. 6) νὰ παραδώσωσι τοῦλάχιστον εἰς τὴν φραγκοεπισκοπὴν τὰ κτήματα αὐτῆς, ὅσα φαίνεται ἐξηρητῶντο ἀπὸ τοῦ ναοῦ (ὁ ναὸς παρασιωπᾶται), οἶον οἰκίας, ἀμπέλους, ἀγρούς κτλ. Οἱ Μήλιοι μένουσιν ἄκαμπτοι· ὁ δὲ γάλλος πρεσβευτὴς ἠττηθεὶς οὕτως ὑπὸ τῆς ἀκαμψίας αὐτῶν ἀπέχει τοῦ λοιποῦ ἀπὸ τῆς ὑποθέσεως ταύτης, ἀφείδ τὴν εὐθύνην αὐτῆς τῷ λατίνῳ ἐπισκόπῳ Φραγκίσκῳ Τομάζῳ. Οὗτος τέλος ἀναγκάζεται μόνος νὰ ζητῆ τὴν ὑπὲρ τῆς λατινικῆς ἐπισκοπῆς συνδρομὴν τοῦ πατριαρχείου· διὰ τοῦτο τὰ κατόπιν γράμματα τοῦ πατριάρχου Ῥαφαήλ ἄχρι τοῦ ἔτους 1604 (ἀριθ. 7, 8) παρουσιάζουσιν αὐτὸν μόνον μεσιτεύοντα παρὰ τῷ πατριάρχῳ καὶ γράμματα παρ' αὐτοῦ ζητοῦντα κατὰ τῶν ὀρθοδόξων Μηλιῶν ἀφοριστικά. Καὶ ἐλάμβανε μὲν αὐτὸς τοιαῦτα, ἀλλ' ἠγνῶει ὅτι περιεῖχον αὐτὰ καὶ ἐν φανερόν ἐν τινὶ γωνίᾳ «ἄνευ», προτρεπτικὸν μὲν εἰς ἀντίστασιν, σημαῖνον δὲ καὶ τὸ ἄκυρον καὶ τὸ ἀνενέργητον τῶν ἀφορισμῶν. Ἡ πολιτεία αὕτη τοῦ πατριάρχου ἐξηγητέα, νομίζω, ἐξ ἐνδομύχου πεποιδήσεως αὐτοῦ ὅτι τὸ δίκαιον ἦτον ὑπὲρ τῶν ὀρθοδόξων Μηλιῶν· ν' ἀρνηθῆ δὲ καὶ τὴν εἰς τὸν Φραγκίσκον συνδρομὴν του, ἦτον ἀδύνατον, ἂν λάβῃ τις ὑπ' ὄψει ὅτι αὐτὸς βασιλεὺς ὢν ἠδύναται νὰ παλαιῇ φανερῶς μετὰ τοῦ πανισχύρου τότε γαλλοπροστατεύτου κατολισμοῦ παρὰ τῆ κυβερνήσει τῆ τουρκικῆ· ἀλλὰ καὶ αὕτη αὕτη οὐχὶ εἰλικρινῶς ὑπεστήριξε τὴν ἐν Μήλῳ ἐπέμβασιν τοῦ γάλλου πρέσβεως, ὡς ἀπέδειξεν ἡ ἀποτυχία τοῦ χάριν αὐτοῦ καὶ πρὸς ἐκφοβισμόν τοῦ πατριαρχείου γενομένου διατάγματός της. Τέλος ἐν τῷ μεταξύ συνεβιβάσθησαν ἀμφοτέρω τὰ ἀντίδικα μέρη· τοῦτο παρατηρεῖται ἐν τῷ γράμματι τοῦ πατριάρχου Ῥαφαήλ ἔτους 1606 (ἀριθ. 9), καθ' ὃ λατίνοι καὶ ὀρθόδοξοι διορίσαντες ἐπιτοπίως ἐξ ἑαυτῶν διαιτητὰς διεκρίναν, τίνα τῶν κτημάτων τοῦ ναοῦ ἠδύναντο νὰ εἶναι τῆς μιᾶς ἢ τῆς ἄλλης μερίδος. Οὕτως ἐπεδικάσθη τῷ ὀρθοδόξῳ ἀρχιεπισκόπῳ Παρθενίῳ ἡ ἐπικαρπία τοῦ ἐνὸς τρίτου, τῷ δὲ λατίνῳ ἐπισκόπῳ Φραγκίσκῳ ἡ τῶν λοιπῶν δύο τρίτων. Ἐκ τούτου δύναται τις νὰ εἰκάσῃ, ὅτι οἱ Μήλιοι κατόλικοι εἶχον περιορίσει τὰς ἀξιώσεις των εἰς μόνον τὰ κτήματα τοῦ ναοῦ, ὅσα αὐτοὶ καὶ ἐλογίζοντο

καὶ ἀπέδειξαν προστεθειμένα τούτῳ κατὰ τὴν προτέραν λατινικὴν ὑποκατοχήν. Τὴν ἀπαίτησιν ταύτην θὰ ἔκριναν δικαίαν οἱ ὀρθόδοξοι καὶ οὕτω θὰ συνεφώνησαν εἰς συμβιβασμόν. Φαίνεται ὅμως μεταξὺ τῶν ὀρθοδόξων Μηγλίων νὰ ὑπῆρχε καὶ μερὶς μὴ παραδεχομένη τὸν συμβιβασμόν, διότι τὰ κατόπιν γράμματα (ἀριθ. 10—13) παρουσιάζουσιν ἄλλην διεύθυνσιν εἰς τὴν ὑπόθεσιν ταύτην. Οὕτως ἀναφέρει τῷ πατριάρχῃ Νεοφύτῳ (1609) ὁ γάλλος πρέσβυς, ὅτι ἀποβίωσαντος τοῦ ἐν Μήλῳ κατολίκου ἐπισκόπου Φραγκίσκου, τινὲς τῶν ὀρθοδόξων ἤρπαξαν ἀπὸ τῶν ἐν τῇ καθέδρᾳ του πράγματων ἕνια, οἷον σκεύη, ἐνδύματα καὶ λοιπά. Ὁ πατριάρχης μεταβιβάζει τὴν εἶδησιν ταύτην τοῖς Μηγλίοις καὶ ἀπειλῶν ἀφορισμόν προτρέπει νὰ ἐνεργηθῇ τῶν ἀρπαγέντων ἢ ἐπιστροφή τῷ γάλλῳ προξένῳ. Μετὰ τινα ἔτη φαίνεται ἐνοχλούμενος παρ' αὐτῶν ὁ νέος λατῖνος ἐπίσκοπος, τῶν Μηγλίων διαμφισβητούντων, ὡς φαίνεται, τὴν ἐπιδικασθεῖσαν ἄλλοτε τῇ ἐπισκοπῇ αὐτοῦ κτηματικὴν ἐπικαρπῖαν· ὁ δὲ πατριάρχης Τιμόθεος (1614) συνιστᾷ αὐτοῖς τὸν σεβασμόν τῆς προγενομένης συμφωνίας· δι' ἑτέρου δὲ γράμματος ἀγγέλλει αὐτοῖς, ὅτι τὸν Μήλου ἀρχιεπίσκοπον Νεόφυτον, ὡς παραβάτην ἴσως τῆς συμφωνίας, ἐκάθηρε συνοδικῶς. Ὅπόσον οἱ ἐν Μήλῳ ἐπίσκοποι τῶν κατολίκων ἔκρινον ἀναγκαίαν τὴν ὑπὲρ αὐτῶν συνδρομὴν τῶν οἰκουμενικῶν πατριαρχῶν, ἀποδεικνύει (ἀριθ. 13) τὸ γεγονός, ὅτι ὁ νέος αὐτῶν ἐπίσκοπος Νικόλαος Λέσδος μεταβὰς δι' ὑποθέσεις του εἰς Ἰταλίαν ἠναγκάσθη διὰ τοῦ ἐν Κ/πόλει γάλλου πρεσβευτοῦ ἢ καὶ κατ' εὐθείαν νὰ προκαλέσῃ τὴν ἐκδοσιν γράμματος τοῦ πατριάρχου Τιμοθέου (1615), ὅπως οἱ ὀρθόδοξοι τῆς Μήλου μὴ ἐνοχλῶσι διὰ τὰ ἐπισκοπικὰ του πράγματα τὸν ἐν καιρῷ τῆς ἀπουσίας ἐπίτροπον αὐτοῦ γάλλον πρόξενον.

Ἐκ τῆς ἀναλύσεως τῶν εἰς τὴν νῆσον Μήλον ἀναφερομένων πατριαρχικῶν γραμμάτων προκύπτει, ὅτι τὸ περὶ τὸν ἐκεῖ ναὸν τῶν ἁγίων Ἀναργύρων δίκαιον ἦτον ὑπὲρ τῶν ὀρθοδόξων αὐτῆς κατοίκων· τοῦτ' αὐτὸ ἀπέδειξε καὶ μεταγενεστέρα τοῦ 1615-ου ἔτους ἐπὶ τοῦ αὐτοῦ ναοῦ λατινικὴ ἀπαίτησις· ὅτε, ἐξετάσεως γενομένης νομίμου, ἀπεδείχθη τὸν ναὸν ἀδικαίῳ τρόπῳ λέγεσθαι καὶ εἶναι ὑπὸ τὴν διοίκησιν καὶ δεσποτείαν τοῦ κατὰ καιρὸν εὐρισκομένου ἀρχιεπισκόπου, τῷ τῆς Κωνσταντινουπόλεως θρόνῳ ὑποκειμένου¹. Ἀξιοσημείωτον ὅμως, ὅτι καθ' ὅλην τὴν πολυετῆ περὶ τοῦ ναοῦ τούτου ὑπόθεσιν ἐπολιτεύθη τὸ Οἰκουμενικὸν Πατριαρχεῖον χριστιανικώτατα, οὔτε ἀπορρίψαν οὔτε καὶ ἀμελήσαν τὰς οὐσιωδῶς ἀδίκους ἐπ' αὐτοῦ λατινικὰς ἀπαιτήσεις, ζητήσαν δὲ τούναντίον ἐπιμόνως τὴν διάκρισιν τοῦ δικαίου αὐτῶν, ὅποῖον καὶ ἂν ἤθελεν εἶσθαι τοῦτο· ἐνῷ ἀπὸ μέρους ἐπισκόπου κα-

¹) Ὅρα συνοδικὸν γράμμα τοῦ ἔτους 1628 ἐκδομένον ὑπὸ Μ. Γεθεών. Ἐκκλ.ρ. Ἀλήθ.:τ. 1889, τ. 9, σ. 176.

τολίκου ἢ πάπα Ῥώμης οὐδὲ ἐν ἐγὼ γινώσκω τοιαύτης ἀφιλοκερδοῦς ἐπιεικέας παράδειγμα πρὸς ναοὺς ὀρθοδόξους ἐν ταῖς ἐνορίαις αὐτῶν ὑπάρχοντας κατ' ἐκείνους τοὺς χρόνους. Τὸ δὲ παραδοξότατον, ὅτι πατριάρχης οἰκουμενικός, ὁ πολὺς Λούκαρις, ὁ ἐπὶ δεκάδας ἐτῶν καταρραδιουργούμενος ὑπὸ παπιστικῶν ὀργάνων κληρικῶν τε καὶ διπλωματικῶν, αὐτὸς ἐν ἀκμῇ τῶν ἐξ αὐτῶν ῥαδιουργιῶν ἐδωρήσατο συνοδικῇ διαγνώσει τὸν ἐν Μήλῳ ναὸν τῶν ἁγίων Ἀναργύρων τοῖς ἐκεῖ κατολίκοις χριστιανοῖς (ἔτε: 1628-φ), ἀλλ' ὑπὸ τὸν ὄρον ὅπως τὴν αὐτοῦ προστατευτικὴν κυριότητα ἔχη οὐχὶ ἢ τότε θρασεία ἐν Τουρκίᾳ θεράπαινα τοῦ κατολισμοῦ, ἢ γαλλικὴ ἐν Κωνσταντινουπόλει πρεσβεία, ἀλλ' ὁ αὐτόθι κατὰ καιρὸν βάσιλος τῆς Ἐνετικῆς Δημοκρατίας, ὄντος τότε τοιοῦτου Σεβαστιανοῦ τοῦ Venieri. Καὶ ἡ δωρεὰ ἐγένετο οὐχὶ διὰ τινὰ τούτου πίεσιν. ἀλλὰ διότι ὑποβαλὼν ὁ βάσιλος παρακλητικὴν τῷ πατριάρχῃ Κυρίλλῳ Λουκάρει ἀναφορὰν ὑπὲρ ἀλλοδόξων ἀπόρων τῆς Μήλου κατοίκων, χριστιανῶν δὲ ἡμῶς καὶ αὐτῶν καὶ στερουμένων ναοῦ, συνεκίνησεν αὐτὸν οὕτως, ὥστε καὶ δίκαιον καὶ ἄξιον καὶ προσήκον νὰ κρίνη τοῦ νὰ ἔχωσι καὶ οἱ ἄποροι οὗτοι χριστιανοὶ ἴδιον τόπον προσευχῆς¹.

Οὐχὶ μικρᾶς σπουδαιότητος εἶναι τὸ ὑπ' ἀριθμὸν 15 γράμμα Ἀθανασίου τοῦ Πατελλάρου, ὅπερ συντάξας καὶ ὑπογράψας αὐτὸς ὡς πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως ἀπέστειλεν ἐξ Ἀγκῶνος ἔτε: 1635-φ τῷ τότε Ῥώμης ἐπισκόπῳ Οὐρβανῷ τῷ ὀγδόῳ. Ὁ Ἀθανάσιος οὗτος Κρής τὴν πατρίδα, λόγιος ἀνὴρ καὶ γόνος Πατελλάρων, εἶναι γνωστὸς ἐν τῇ νεωτέρᾳ ἱστορίᾳ τῆς Ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας ἀφ' οὗ χρόνου παρουσιάζεται ὡς νόμιμος μητροπολίτης Θεσσαλονίκης. Τὸ προηγούμενον αὐτοῦ εἶναι εἰς ἐμὲ τοῦλάχιστον ἄγνωστον· εἰκάζω μόνον ἐκ τῶν ὑστέρων καὶ νεανικῶν αὐτοῦ πράξεων, ὅτι τὰς σπουδὰς ὤφειλεν εἰς λατίνους κληρικούς, ἢ εἰς Ἰταλικὸν τι πανεπιστήμιον². ἄλλως δὲ τῶν Πατελλάρων ἢ οἰκογένεια, εἰ καὶ τῶν διασήμεων ἐν Κρήτῃ³, εἶχε κλίσεις οὐνιστι-

¹) Τὸ περὶ τῆς δωρεᾶς ταύτης χριστιανικώτατον συνοδικὸν γράμμα τοῦ πατριάρχου Κυρίλλου Λουκάρου ἴδε ἐν τῇ Ἐκκλησιᾳ. Ἀληθεία, τ. 9, σ. 176.

²) Περὶ τῆς παιδείας αὐτοῦ *Δημήτριος ὁ Προκοπίου* λέγει ταῦτα· «Ἀθανάσιος Κρής, πατριάρχης ΚΠ, ἀνὴρ εἰδήμων τῆς ἑλληνικῆς καὶ τῆς ἀραβικῆς γλώσσης, καὶ τῆς Ἱερᾶς Γραφῆς ἐμπειρος, ἱκανὸς κατανοεῖν τῶν τε λογογράφων καὶ φιλοσόφων τὰ συγγράμματα· ἐσχολάζετο περὶ τὴν ἀνάγνωσιν καὶ μελέτην τῆς Ἱερᾶς Γραφῆς καὶ ἐκήρυττε τὸν λόγον τοῦ θεοῦ μετὰ πολλοῦ ζήλου καὶ χριστιανικῆς ἀγάπης». Καὶ πάλιν· «Ἀθανάσιος Πατελλάριος, Κρής, πατριάρχης ΚΠ, ἀνὴρ σοφός, εἰδήμων τῆς τε Ἑλληνικῆς καὶ λατινικῆς γλώττης, κήρυξ καὶ διδάσκαλος τῶν θείων λογίων, φιλόσοφος, φιλόλογος, ποιητής· τῶν αὐτοῦ συγγραμμάτων οὐδὲν τύποις ἐκδόδοται». *Κ. Σάββα Μεσαιων. βιβλιοθήκη*, τ. 3, σ. 483 καὶ 485. *Fabricii-Harles*, *Bibl. graeca*, τ. 11, σ. 524 καὶ 527.

³) Ὁ Γζάνης Μπουναλιῆς ἀναφέρειν αὐτὴν ὡς ἐξέχουσαν ἐν Κρήτῃ καυχᾶται λέγων· «Τὸν Πατελάρο λέγω σου πῶς ἔστειλε στὴν Πόλιν καὶ ἤτονε οἰκουμενικός, καθὼς τὸ ξέρουν ὅλοι». Ὁρα *J. Legrand*, *Bibliogr. hell. du XVIIe siècle*, τ. 2, σ. 397.

κάς¹. Τὴν εἰς μητροπολίτην Θεσσαλονίκης προαγωγήν του ὀφείλει πιθανῶς εἰς τὸν πατριάρχην Τιμόθεον τὸν 2-ον². Τὴν πρώτην ὡς μητροπολίτου εἶδησιν περὶ αὐτοῦ ἔχομεν ἀπὸ μηνὸς Νοεμβρίου τοῦ ἔτους 1620, ὅτε ὡς μέλος ἐκλογικῆς «ὑπερτελοῦς συνόδου» ἐν Κωνσταντινουπόλει ὑπέγραψε πρᾶξιν αὐτῆς, δι' ἧς μετατεθεῖς ἀπὸ τοῦ πατριαρχικοῦ θρόνου Ἀλεξανδρείας εἰς τὸν θρόνον Κωνσταντινουπόλεως Κύριλλος ὁ Λούκαρις ἀνεγνωρίσθη νόμιμος οἰκουμενικὸς πατριάρχης³. Τῇ δὲ 1-ῃ Δεκεμβρίου τοῦ αὐτοῦ ἔτους παρῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει συνυπέγραψε μετ' ἄλλων ἀρχιερέων συνοδικὴν πρᾶξιν εἰς διακανόνισιν τῶν τότε χρεῶν τοῦ πατριαρχείου συμβάλλουσαν⁴. Γενομένου δὲ κατόπιν (1622) ἐπιβατικῶς πατριάρχου τοῦ οὐνιτίσαντος Γρηγορίου τοῦ ἀπὸ Ἀμασείας⁵ καὶ μετ' αὐτὸν Ἀνθίμου τοῦ ἀπὸ Ἀδριανουπόλεως καὶ πάλιν ἐπανελθόντος τὸ δεύτερον εἰς τὸν θρόνον τοῦ κανονικοῦ πατριάρχου Λουκά-

¹) Συγγενεῖς τοῦ Ἀθανασίου σπουδίασαντας ἐν Ῥώμῃ καὶ γενομένους ἀποστάτας τῆς ὀρθοδοξίας ἴδε παρὰ τῷ *Legrand* ἐνθ. ἀνωτ. τ. 3, σ. 185—193.

²) Ἡ παρὰ τῷ *Λημητρακοπούλῳ* (Ὁρθόδοξος Ἑλλάς, ἐν Λειψία 1872, σ. 152) εἶδησις, ὅτι εχειροτονήθη ὑπὸ τοῦ Λουκαρέως, δὲν φαίνεται πιθανή.

³) Ἴδε τὴν πρᾶξιν ταύτην παρὰ τῷ *Legrand* ἐνθ. ἀν. τ. 4, σ. 342. Σημειωτέον ἐνταῦθα, ὅτι ὁ *Μ. Γεθεὼν* (Πατριαρχ. πίνακες, σ. 547) ὄλωσ ἀνακριβῶς τὴν πρώτην Κυρίλλου τοῦ Λουκαρέως πατριαρχίαν ἀναγράφει ἔτει 1612-φ, ἐνῶ κατὰ τὸν χρόνον τοῦτον πατριάρχης ὦν Ἀλεξανδρείας ὁ Κύριλλος διώκει τὸν Οἰκουμενικὸν Θρόνον ἀπλῶς ὡς τοποτηρητῆς αὐτοῦ. Τὸ ἀνακριβές τοῦτο ἐπορίσθη ὁ Γεθεὼν ἐκ παρανοήσεως ἐγγράφου (παλαιοῦ σημειώματος) προεκδοθέντος ὑπ' ἐμοῦ (Ἑλλην. Φιλολογ. Συλλόγου ΚΠ παράρτ. τ. Κ'—ΚΒ', σ. 88—89. Πρβλ. *Legrand* ἐνθ. ἀν. τ. 4, σ. 269). Ἀνακριβῆς παρὰ τῷ *Γεθεὼν* (Πατρ. πιν. σ. 549—550) καὶ ὁ χρόνος λήξεως τῆς πατριαρχίας τοῦ Τιμοθέου καὶ τῆς δῆθεν ἔτει 1621-φ δευτέρας τοῦ Λουκαρέως πατριαρχίας. Ἐπειδὴ ὑπάρχουσι δύο γράμματα μηνὸς Ἀπριλίου ἔτους Ἱρκ' καὶ ἰνδικτιῶνος β' (=1619), φέροντα ἀμφότερα ἐπὶ κεφαλῆς τὸ ὄνομα Κυρίλλου τοῦ Λουκαρέως (*Μ. Χαμουδοπούλου*, Κυρίλλου τοῦ Λουκαρέως ἡ πρώτη ἐπὶ τὸν Οἰκουμενικὸν Θρόνον ἀνοδος. Ἐκκλησ. Ἀλήθεια, τ. 3, σ. 151—153), φαίνεται ὅτι οὗτος ἀνέβη τὸ πρῶτον τὸν θρόνον ὡς οἰκουμενικὸς ἐν μέσφ ταραχῶν καὶ διὰ μερικῆς ἴσως ἐκλογῆς πρὸ τοῦ ἔτους 1620 καὶ μετὰ τὸν εἰσέτι ἀπροσδιορίστου ἀκριβῶς χρόνον θάνατον τοῦ Τιμοθέου· καὶ ἐπειδὴ θὰ ὑπῆρχεν ἀντίδρασις κατὰ τῆς ἐκλογῆς αὐτοῦ, διὰ τοῦτο πιθανῶς ἐδέγησε νὰ συμπληρωθῇ καὶ νομιμοποιηθῇ αὕτη διὰ τῆς μηνὸς Νοεμβρίου τοῦ 1620-οῦ ἔτους συνελθούσης «ὑπερτελοῦς συνόδου». Ἡ διάδοσις ὅτι ὁ Κύριλλος ἐγένετο τὸ πρῶτον οἰκουμενικὸς πατριάρχης τῇ 5-ῃ Νοεμβρίου 1621, δὲν εἶναι ἀληθής. Τὸ αὐτὸ ἀνάληθες ἐπανελάβον καὶ οἱ Ῥώσοι τοῦ Κυρίλλου βιογράφοι. Ἴδε *Α. Μπριάντσεφ*, Ὁ πατριάρχης Κύριλλος Λούκαρις καὶ αἱ πρὸς τὴν Ὁρθόδοξον Ἐκκλησίαν ὑπηρεσίαι αὐτοῦ (*Α. Брянтцев*, Πατριάρχъ Кириллъ Лукарисъ и его заслуги для Православной Церкви. Ἐν Πετροπόλει, 1870), σ. 65. *Εὐγράφου Ὁφσείννικοφ* Ὁ πατρ. ΚΠ Κύριλλος Λούκαρις καὶ ὁ ἀγὼν αὐτοῦ κατὰ τῆς ἐν Ἀνατολῇ Ῥωμαιοκατολικῆς προπαγάνδας (*Евг. Осси́нниковъ*, Конст. патр. Кириллъ Лукарисъ; его борьба съ римско-католическогою пропагандою на востокѣ. Νοβοτσερκασκ, 1903), σ. 149.

⁴) *Legrand* ἐνθ. ἀνωτ. σ. 344.

⁵) Παρὰ τῷ *Γεθεὼν* (Πατρ. πιν. σ. 552) ἀνακριβῶς ἔτει 1623-φ. Ὁ μέγας λογοθέτης *Χρυσόσκουλος* ἐν τῇ ἀφηγήσει του (παρὰ τῷ *J. Aymon*, *Monuments authentiques*. La Haye, 1708, σ. 204) ὀρίζει τὸ 1622-ον ἔτος. Ἡ πτώσις τοῦ Κυρίλλου καὶ τοῦ ἐξ Ἀμασείας Γρηγορίου ἡ πατριαρχία διενεργήθη κατὰ παραγγελίαν ἐκ Ῥώμης καὶ Παρισίων ὑπὸ τοῦ τότε γάλλου πρεσβευτοῦ *de Cevy*· ὄρα τὰς πρὸς τὸν βασιλέα του Λουδοβίκου 13-ον σχετικὰς πρὸς τὴν ὑπόθεσιν ταύτην ἐπιστολάς του παρὰ τῷ *A. J. Turgenew*, *Historica Russiæ monumenta*. Petropoli, 1841—1848, τ. 2, σ. 424 καὶ 425.

ρως (1623), ὁ Θεσσαλονίκης Ἀθανάσιος μετέχει τῶν ἐργασιῶν (μηγὶ Ἰου-
νίῳ 1624) τῆς περὶ τοῦτον συνόδου¹. Μεθ' ἱκανὰ ἔτη (1632) ἀπαντᾷ ἐπι-
στολῇ τοῦ Θεσσαλονίκης Ἀθανασίου πρὸς τὸν ἐν Κωνσταντινουπόλει πάστορα
Ἀντώνιον Leger, ἐξ ἧς φαίνεται ὅτι τοῦ Λουκάρως πατριαρχοῦντος εἶχε καὶ
ὁ Ἀθανάσιος τὴν εὖνοιαν τῆς τότε μέγα δυναμένης ἐκεῖ πρεσβείας τῶν Κάτω
Χωρῶν ἐναντίον τῶν ἐν Τουρκίᾳ ἐπηρειῶν τῶν κατολίκων πρεσβειῶν. Ἡ ἐπι-
στολὴ παριστᾷ μετὰ μὲλον τοῦ Ἀθανασίου, ὅτι συνέβη ἐν καιροῖς ἀνωμάλους
διὰ τὴν Ὀρθόδοξον Ἐκκλησίαν νὰ εἶναι καὶ αὐτὸς ἀρχιερεὺς, καὶ οὕτω νὰ
στερεῖται τῆς ἄλλοτε ποτε προσφιλοῦς αὐτῷ μελέτης, ὥστε καὶ νὰ λησμονῇ
ἂν εἶχε ποτὲ σπουδάσει ἐντὸς φροντιστηρίων². Μηγὶ Ὀκτωβρίῳ τοῦ 1635-ου
ἔτους διώξας τὸν ὀρθόδοξον Λούκαριν ἀρπάζει τὸν πατριαρχικὸν θρόνον ὁ
τελειῶς κατόλιχος ἀρχιερεὺς Κύριλλος ὁ ἐκ Βερροίας· μετὰ μίαν ὄμως ἐβδο-
μάδα διωχθέντος καὶ αὐτοῦ, δίδεται πάλιν ὁ θρόνος Κυρίλλῳ τῷ Λουκάρει³.
οὔτινος ἤδη πατριαρχοῦντος τὸ ἠττημένον παπιστικὸν ἐν Κωνσταντινουπό-
λει κόμμα (οὗ προστάτης ὁ αὐτόθι παπικὸς πατριαρχικὸς βικάριος καὶ τῆς
Αὐστρίας ὁ πρέσβυς Schmid, ὅστις καὶ ὄργανον ἦτο φανερόν τοῦ καρδι-
νάλι Βαρβερίνι, προέδρου τότε τῆς ἐν Ῥώμῃ Προπαγάνδας), προσεταιρί-
ζεται τὸν ὑπόπτου χαρακτῆρος Θεσσαλονίκης Ἀθανάσιον τὸν Πατελλᾶρον,
καὶ δι' ἐξαγορᾶς τῆς συνειδήσεως αὐτοῦ, τινῶν κληρικῶν καὶ λαϊκῶν καὶ τῶν
ἰσχυόντων ἐν τῇ τότε τουρκικῇ κυβερνήσει μουσουλμάνων, ἀναβιβάζει τὸν ἐν
τῷ μεταξὺ οὐντίσαντα Ἀθανάσιον εἰς τὸν θρόνον Κωνσταντινουπόλεως ἔτει
1634-ῳ· ἀλλ' ἠδυνήθη νὰ μένη ἐν αὐτῷ βραχὺν μόνον χρόνον μεταξύ Μαρ-
τίου καὶ Ἀπριλίου, ἐπὶ ἡμέρας τεσσαράκοντα, βαρύνας τὸ πατριαρχεῖον μὲ
χρέος μέγα⁴. τότε δὲ καὶ τὴν μητρόπολιν Θεσσαλονίκης ἔδωκε τῷ ἀπὸ Ῥεν-
τίνης ἐπισκόπῳ Δαμασκηῳ⁵. Διωχθέντος ὄμως τοῦ Ἀθανασίου ἐκ τοῦ πα-
τριαρχείου καὶ ἐπανελθόντος εἰς τοῦτο τὸ τέταρτον τοῦ Κυρίλλου Λουκά-

¹) *Legrand*, Bibliogr. hell. du XVIIe siècle, τ. 4, σ. 346 καὶ 348.

²) *Legrand* αὐτόθι σ. 406—407.

³) Τὰ γεγονότα ταῦτα εἶναι καὶ ἀνακριβῆ καὶ συγκεχυμένα ἐν τοῖς Πατριαρχικοῖς πίναξι τοῦ
Γεθεῶν, ἀγνοοῦντος αὐτοῦ καὶ τὸν χρόνον τῆς πρώτης ληστρικῆς τοῦ ἐκ Βερροίας Κυρίλλου πατρι-
αρχίας καὶ τὴν μετ' αὐτὴν ἐπάνοδον τοῦ Λουκάρως εἰς τὸν θρόνον (ἴδε σ. 558—559). Τὸν χρόνον
τῶν γεγονότων τούτων ὀρίζει σύγχρονος ἀνώνυμος (ἴδε τοὺς ἡμετ. πατριαρχικοὺς καταλόγους ἐν τῇ
Byzant. Zeitschrift, 1899, τ. 8, σ. 399—400), ὅστις προσθέτει ὅτι ὁ ἐκ Βερροίας ἐπατριάρχησεν
«ἕως μίαν ἐβδομάδαν», ἐνῶ τὸ τῆς καθαιρέσεως αὐτοῦ γράμμα ὀρίζει: ἡμέρας ὀκτώ (ὄρα τὰ ἡμέτερα
Ἀνάλεκτα, τ. 4, σ. 98), ἦτοι τὸ μεταξὺ 5—12 Ὀκτωβρίου διάστημα, ὡς φαίνεται ἐκ τῆς *Μελετίου*
τοῦ Ἀθηνῶν εἰδήσεως ἐν *Ἐκκλησ. ἱστορίᾳ*, τ. 3, σ. 447 (παρὰ τούτῳ μόνον τὸ ἔτος λελανθασμένον,
ὡς καὶ παρ' ἄλλοις τισίν, οἷον ἐν τῇ *Relation de l' établissement des Pères de la Compagnie*
de Jesus en Levant, ἐκδ. *Legrand*. Paris, 1869, σ. 6).

⁴) Κατὰ τὸ ἐγγραφοῦ τῆς καθαιρέσεώς του ἐχρέωσε τὸ πατριαρχεῖον μὲ ἐξήκοντα καὶ πλεόν
χιλιάδας ἀσπρων, κατὰ δὲ τὸν Ἐφέσου μητροπολίτην Μελέτιον τὸν Παντόγαλον μὲ ἐβδομήκοντα χί-
λιάδας γροσίων ἴδε *Legrand*, *Bibl. hell.*, τ. 4, σ. 434. Πρβλ. *H. Hottinger*, *Analecta historico-*
theologica. Tiguri, 1652, σ. 559—560. *J. Aymon*, *Monuments authentiques*, σ. 103.

⁵) *Κ. Σάθα* Μεσαιων. Βιβλιοθήκη, τ. 3, σ. 570.

ρεως, ἡ περὶ αὐτὸν ἐνδημοῦσα σύνοδος ἐξέδωκε καὶ πανταχοῦ γνωστὸν κατέστησεν ἀνάθεμα δίκαιον κατὰ τοῦ λυμεῶνος τοῦ πατριαρχείου, τοῦ ἐπιβάτου Ἀθανασίου¹. Ἡ μετὰ τὸ πάθημα τοῦτο τύχη τοῦ Ἀθανασίου εἶναι δυσδιάκριτος. Ὑπάρχει εἶδησις, ὅτι ἐστάλη εἰς τὴν μητρόπολιν του Θεσσαλονίκης², ἀλλὰ τοῦτο προϋποθέτει καθαιρέσιν τοῦ ἐκεῖ ἐγκατεστημένου Δαμασκηνοῦ ὑπὸ τοῦ Λουκάρεως· ὑπάρχει καὶ εἶδησις, ὅτι κατώρθωσεν ὁ Ἀθανάσιος νὰ διώξῃ τὸν Δούκαριν καὶ νὰ καταλάβῃ πάλιν τὸ πατριαρχεῖον³. Ἡ περὶ τούτου ὅμως εἶδησις φαίνεται μοι ἀποτέλεσμα συγχύσεως γεγονότος πολὺ μεταγενεστέρου· ἀλλ' ἂν ἔχῃ βάσιν τινὰ ἀληθῆ, ἡ τοιαύτη δευτέρα τοῦ Ἀθανασίου πατριαρχία θὰ συνέβῃ μετὰ Δεκεμβρίου 1634 καὶ ἀρχῶν Μαρτίου 1635, ἐντὸς τριμήνου διαστήματος, καθ' ὃ στερούμεθα συγχρόνων γραπτῶν μνημείων ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας· διότι πράγματι ἀπὸ τέλους Νοεμβρίου 1634, ὅτε ἐπατριάρχει τὸ τέταρτον ὁ Λούκαρις, ἄχρι τῆς κατὰ Μάρτιον 1635 δευτέρας τοῦ ἐκ Βερροίας Κυρίλλου πατριαρχίας στερούμεθα καὶ σαφῶν περὶ τοῦ Λουκάρεως εἰδήσεων. Βέβαιον φαίνεται, ὅτι καθαιρεθεὶς καὶ ἀναθεματισθεὶς ὁ Ἀθανάσιος ἐστάλη πρὸς ἐξόριστον, ὅπουθεν ἤλπιζε διὰ τῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει παπικῶν καὶ παπιστικῶν ὀργάνων του νὰ διωχθῆ ὁ Λούκαρις καὶ νὰ μετακληθῆ εἰς τὸν πατριαρχικὸν θρόνον· ἰδὼν ὅμως ὅτι προϋτιμήθη ὑπ' ἐκείνων ὁ κατολικώτερος αὐτοῦ Κύριλλος ὁ ἐκ Βερροίας, καὶ νομίσας οὕτως ἑαυτὸν καὶ προσβεβλημένον καὶ ἠδικημένον, δραπετεύσας ἤρχεται πρὸς τὴν Ῥώμην, ἵνα τὸν ἐκ Βερροίας παραστήσῃ τῷ πάπα ἀκατάλληλον πρὸς τοὺς σκοποὺς αὐτοῦ, ζητήσῃ δὲ καὶ τὴν προστασίαν του πρὸς ἐπανάκτησιν τοῦ θρόνου Κωνσταντινουπόλεως. Ἐκ τούτου βλέπομεν τὸν Ἀθανάσιον διὰ τοῦ ὑπ' ἀριθ. 15 γράμματός του εἰς Ἀγκῶνα μηνὶ Σεπτεμβρίῳ τοῦ 1635-ου ἔτους⁴ γράφοντα ἐκεῖθεν τῷ πάπα Οὐρβανῶ, ἐπαγγελλόμενον αὐτῷ

¹) Ὅρα τὰ περὶ τούτου ἔγγραφα ἐν τῇ ἡμετ. Ἱεροσολυμιτικῇ Βιβλιοθήκῃ, τ. 4, σ. 17—18 καὶ 20. Ἠρβλ. Ἀ. Δημητριοπούλου Ἐπανορθώσεις σφαλμάτων. Τεργέστη, 1872, σ. 24—26, ὅπου ὁ τοῦ Ἀθανασίου ἀναθεματισμὸς ἀποδίδεται ἀνακριβῶς εἰς τὸν ὁμόφρονά του Κύριλλον τὸν ἐκ Βερροίας, ὡς ὀρθῶς διέκρινε τοῦτο καὶ ὁ Γεθεών, Πατριαρχ. πινάκων σ. 560.

²) Δοσιθέου Ἱεροσολύμων Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχευσάντων. Ἐν Βουκουρεστίῳ, 1715, σ. 1170. Ἀ. Κ. Ὑψηλάντου Τὰ μετὰ τὴν Ἄλωσιν. Ἐν Κ/πόλει, 1870, σ. 136.

³) Τὴν εἶδησιν ταύτην βλέπω σαφῆ παρὰ τισι συγγραφεῦσιν. Οὕτως ὁ Ὑψηλάντης (ἐνθ. ἀνωτ. σ. 139—140) ὀρίζων τὴν 2-αν πατριαρχίαν τοῦ Ἀθανασίου ἔτει 1635-φ λέγει «Ἐλθὼν ἀπὸ Μολδαβίας ἐξαίφνης Ἀθανάσιος Πατελάριος πατριαρχεῖ κατὰ μῆνα Μάρτιον, ἐξωσθέντος Κυρίλλου τοῦ Λουκάρεως καὶ εἰς τὴν Ῥόδον ἐξορισθέντος· κἀν τῇ ἐορτῇ τῶν ἁγίων ἀποστόλων ἐρμηνεύσας τὸ Σὺ εἶ Πέτρος καὶ τὰ ἐξῆς, κατὰ τὴν γνώμην τῶν θεολόγων, ἐλάλησε κατὰ τῆς ἀρχῆς τοῦ πάπα». Εἰς τὴν πατριαρχίαν ταύτην ὁ Ὑψηλάντης ἀπονέμει διάρκειαν ἐνὸς ἔτους. Ἡ περὶ αὐτῆς εἶδησις καὶ παρὰ Μελετίῳ, τ. 3, σ. 448, καὶ παρὰ Κυρίλλῳ Λαυριώτῃ (Πατριάρχαι μετὰ τὴν Ἄλωσιν, ἐκδ. Γεθεών. Ἀθήνησιν 1877, σ. 37).

⁴) Ἄγνωστος εἶναι καὶ ὁ τόπος τῆς ἐξορίας καὶ ὁ χρόνος τῆς ἐκεῖθεν εἰς Ἰταλίαν ἐκκινήσεως τοῦ Ἀθανασίου. Γνωστὸν μόνον, ὅτι μεσοῦντος Ἰουλίου 1635 ἐταξίθευσε, διαδίδων ὅπου ἐστάθμευεν, ὅτι μεταβάνει εἰς Ῥώμην πρὸς ἀπολαβὴν τῆς ἐκεῖθεν ἀμοιβῆς δι' ἣν προὔκλεσε πτώσιν τοῦ καλβινιστοῦ Λουκάρεως. Ταῦτα γνωρίζει ἡμῖν αὐτὸς ὁ ἤδη ἐξόριστος Λούκαρις ἐκ Ῥόδου δι' ἐπιστολῆς

ἀποκαλύψεις περὶ τῶν ἐν Κ/πόλει πραγμάτων, ζητοῦντα ἄδειαν νὰ ἐλθῆ πρὸς αὐτὸν ἐν Ῥώμῃ καὶ τὴν συνδρομὴν αὐτοῦ ὑπὲρ τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου! Περὶ τοῦ τολμήματος τούτου τοῦ Ἀθανασίου εἶχομεν ἀλλαχόθεν ἱκανὰς εἰδήσεις, ἀλλ' ἡ οὐσία αὐτῶν νῦν τὸ πρῶτον κυροῦται παρ' αὐτοῦ τοῦ Ἀθανασίου¹. Τὸ τολμημα τοῦτο προὐκάλεσε τότε ἀρκοῦσαν ἐν Τουρκίᾳ κατὰπληξιν. Τοῦ Ἀθανασίου μεταβαίνοντος εἰς Ῥώμην, εἶχεν ἔγκαιρον περὶ αὐτοῦ εἶδησιν αὐτὸς ὁ Λούκαρις ἐν Ῥόδῳ, ἀλλὰ καὶ διάδοσιν ἐγένωσκε περὶ τοῦ ἐκεῖ σκοπομένου γενέσθαι². Ἄλλος σύγχρονος, Ναθαναήλ ὁ Κωνῴπιος, ἔγραφε τῷ Leger μετὰ τὴν ἐξ Ἰταλίας ἐπάνοδον τοῦ Ἀθανασίου εἰς Κωνσταντινούπολιν· «Περὶ τοῦ παπολάτρου Πατελάρου λόγος ἐξῆλθεν ὅτι, καθὼς ἤκουσται, ἀπελθὼν εἰς τὸν πάπαν καὶ παρακληθεὶς ἵνα ὑπογράψῃ αὐτῷ καὶ μὴ βουληθεὶς ἐπέστρεψεν· καὶ τοῦτο νομίζω εἶναι μηχανή τις διαβόλων παπιστῶν καὶ τῶν πανουργοτάτων Ἰησουϊτῶν, μὴ βουλομένων τυχόν τοὺς πολλοὺς φανερώς οὕτως πιστοῦσθαι ὡς ὁμόφρων αὐτῶν ἔστι, καὶ τοῦτο ἵνα ἔχῃ πάλιν πολεμεῖν τῇ Ἀνατολικῇ Ἐκκλησίᾳ»³. Ἄλλος δὲ σύγχρονος, ὁ Ἐφέσου Μελέτιος, ἔγραψεν εἰς τοὺς Κρητὰς ἔτει 1636-φ· «Προσποιοῦμενοι

του (ἂν εἶναι γνησία) πρὸς τὸν Leger ἀπὸ 16 Ἰουλίου 1635, γράφων αὐτῷ ἐξ ἀφορμῆς τῆς τότε ἀδημοσιευμένης ὁμολογίας του ταῦτα «...e a quel hypocryta falso patriarcha costi similmente, come a quel altro furbo del Patelaro, il qual correndo se ne va à Roma per vestire dice del capello di cardinale, per haver deposto un patriarcha calvinista, e questo predica per dovunque passa» (*É. Legrand, Bibliographie hellénique du XVIIe siècle, t. 4, s. 485—486. J. Aymon, Monuments authentiques de la religion des Grecs, s. 101—103.*)

¹) Σημειῶσαι πρῶτον, ὅτι ὁ Γεθῶν (Πατριαρχ. πιν. σ. 559 καὶ 580) ἀγνοεῖ τὰς εἰδήσεις ταύτας, οἷονεὶ παριστῶν τὸν Ἀθανάσιον ἐν τῇ πρώτῃ πατριαρχίᾳ του καὶ μετ' αὐτὴν καθαρὸν ὀρθόδοξον καὶ δῆθεν ἤσυχον μοναχὴν ἐν Ἀγίῳ Ὅρει μέχρι τῆς ἔτει 1652-φ δευτέρας πατριαρχίας του περὶ δὲ τῶν ὧν ὁ λόγος εἰδήσεων ὄρα *L. Allatii, de Ecclesiae Occidentalis atque Orientalis perpetua consensione. Coloniae Agrippinae, 1648, s. 1092*: «Athanasius etiam Patellarius patriarcha Anconam pervenit, ubi munificentissimè exceptus ab Urbano VIII, reconciliatus Romanæ Ecclesiae, in Orientem discessit et archiepiscopatu Thessalonicensi donatur». Δοσιθεὸς ἐν τῇ Ἱστορίᾳ λέγει (σ. 1170): «Τῷ Πατελάρῳ ἐδόθη ἡ Θεσσαλονική, ὅστις ἐκεῖθεν εἰς Ἀγκῶνα ἀποδημήσας καὶ διανοοῦμενος ἀπιέναι καὶ εἰς Ῥώμην ἐπεμψε τὸν ἐπίσκοπον Δρηγνυπόλεως πρεσβευτὴν πρὸς τὸν πάπαν Κάλλιστον (!), γράφων αὐτῷ ὅτι ἔχει σκοπὸν ἵνα ἀπέλθῃ εἰς Ῥώμην, εἰάν ὁμοῦς ἔχῃ τὸν θρόνον καὶ τὸν τόπον Κωνσταντινουπόλεως· ὁ δὲ πάπας ἀπεκρίθη αὐτῷ, ὅτι εἰάν θελήσῃ ὑπογράψαι εἰς τὴν Ῥωμαϊκὴν πίστιν, δώσει αὐτῷ θρόνον καρδηνάλιον. Καὶ λοιπὸν δυσαρστήσας ὁ Πατελάρος καὶ ἐπανελθὼν ἀπῆλθεν εἰς Μπογδανίαν, κάκειθεν εἰς Μοσχοβίαν». Ταῦτα, εἰ καὶ ἀνακριβῆ κατὰ τὸ πλεῖστον, ἐκδέττει ὁ Ἰψηλάντης διαφόρως, λέγων (σ. 136). «Ὁ δὲ Πατελάριος εἰς τὴν Ἀγκῶνα τῆς Ἰταλίας ἀπῆλθε, διανοοῦμενος ἀπελθεῖν εἰς τὴν Ῥώμην· ὅθεν ἐκεῖθεν γράψας πρὸς τὸν τότε πάπαν Οὐρβανὸν τὸν Η', ἡ κατ' ἄλλους Κάλλιστον, πέμπει τὰ γράμματα διὰ Καλλίστου τοῦ Δρηγνυπόλεως ἐπισκόπου· ἤτει δὲ διὰ τῶν γραμμάτων τὸ μετὰ τὸ παρατενεσθαι αὐτὸν εἰς τὴν Ῥώμην ἔχειν τὸν θρόνον Κ/πόλεως. Ἀλλ' ὁ πάπας ἀπεκρίθη αὐτῷ τὸ εἶναι τῇ τῆς Ῥωμαϊκῆς πίστεως ὁμολογίᾳ ὑπογράψῃ, ἔξει τὸν θρόνον τοῦ ἐβδομηκостоῦ τρίτου καρδηνάλιος· ὅθεν δυσχεράνας ὁ Πατελάριος ἀπῆλθεν εἰς τὴν Μολδοβλαχίαν». Ὁ Κορνηγιὸς συνενοῖ ἐν αὐτοῖς τὰς εἰδήσεις τοῦ Δοσιθεοῦ καὶ Μελετιοῦ (*Ἐκκλησ. Ἱστορία, τ. 3, σ. 448.*)

²) *J. Aymon, Monuments authentiques, s. 101. Legrand, Bibl. hell. du XVIIe s., t. 4, s. 482.*

³) *Legrand, Bibliogr. hell. du XVIIe siècle, t. 4, s. 504.*

(οἱ Πατελάροι) καὶ ὁ ἐκ Βερροίας (Κύριλλος) τὴν εὐσέβειαν, ὄργανα ἀσεβείας ἐγνωρίσθησαν, ὅτι εὐθὺς τὸν πάπα ἀδελφὸν καὶ συλλειτουργὸν προδήλως καθωμολόγησαν, ὁ μὲν Πατελάρος (Ἀθανάσιος) ἀπελθὼν εἰς τὰς αὐτοῦ χώρας, ἵνα τοῦτον τὸν ἐπίγειον θεὸν προσκυνήσῃ, λόγοις δὲ καὶ ἔργοις ὁ ἐκ Βερροίας»¹. Ἐκτὸς τῶν εἰδήσεων τούτων, δι' ὧν ὁ κύριος σκοπὸς τοῦ εἰς Ἰταλίαν ταξιδίου τοῦ Ἀθανασίου καταλείπεται ἀόριστος, ἔχομεν καὶ ἄλλας τινάς. Ἀπαντᾷ ὁ Ἀθανάσιος, μετὰ τὴν ἐξ Ἀγκῶνος ἐπάνοδόν του, τὸ πρῶτον ἐν τὸς τῆς πόλεως Βενετίας. Οἱ ἐκεῖ ὀρθόδοξοι κατήσχυον αὐτόν²· οὐχ ἤττον αὐτὸς μένει αὐτόθι ἀπτόητος. Κατὰ μῆνα Δεκέμβριον τοῦ 1635-ου ἔτους ἔγραψεν ἐκεῖ ὡς «ἐλέψθαι θεοῦ πατριάρχης τῆς Ἀνατολικῆς Ἐκκλησίας» καὶ ὡς «Ἀθανάσιος ὁ Κωνσταντινουπόλεως» ἔγραψον πιστοποιητικὸν ὑπὲρ νεανίσκου τινὸς ἐκ Θεσσαλονίκης ὀνομαζομένου Νικολάου Κριτοπούλου. Μετὰ δὲ τρεῖς μῆνας τὸν Νικόλαον τοῦτον στέλλει εἰς Ῥώμην, ἵνα σπουδάσῃ εἰς τὸ ἐκεῖ λεγόμενον Κολλέγιον Γραϊκόν. Πρὸς τοῦτο γράφει τῇ 15-ῃ Μαρτίου 1636 γράμμα ἰταλικὸν τῷ βεβερενδισίμῳ ῥέκτορι τοῦ αὐτοῦ κολλεγίου Ταρκουϊνίῳ Γαλλούτση, ὅπως μορφώσῃ τὸν Νικόλαον τοῦτον ὡς θέλει· συνιστᾷ δὲ αὐτῷ καὶ δύο ἀνεψιούς του ἐρχομένους δι' ὑποθέσεις, τὸν Γεώργιον καὶ τὸν ἀρχιδιάκονον Ἰγνάτιον, παρ' ὧν ἐλπίζει ὅτι θὰ ὑπηρετώσῃ διαπαντὸς τὴν *santa chiesa* καὶ τὴν θρησκείαν τοῦ Γαλλούτση· γράφει προσέτι αὐτῷ, ὅτι ἐν τῷ μεταξὺ ἠτοιμάζετο νὰ ἀναχωρήσῃ διὰ τὴν ἐν Κωνσταντινουπόλει πατριαρχικὴν του ἔδραν, κατὰ τὴν ἐκεῖθεν πρόσκλησιν³. Ἐκ τῶν εἰδήσεων τούτων εἶναι, νομίζω, δυνατὸν νὰ πορισθῶμεν τὰ ἐπόμενα. Ἡ μετὰ τοῦ Γαλλούτση ἄγνωστία τοῦ Ἀθανασίου θὰ ἐγένετο ἐν Ῥώμῃ· ἄρα θὰ ἐπετράπη τῷ Ἀθανασίῳ ἢ ἐξ Ἀγκῶνος εἰς Ῥώμην ἄφιξις καὶ ἢ ἐκεῖ συνάντησις αὐτοῦ μετὰ τοῦ πάπα. Τί ἀπεκάλυψεν αὐτῷ καὶ τί μετ' αὐτοῦ συνεφωνήθη ἀγνοοῦμεν. Ἡ εἰδήσις, ὅτι δὲν ἔδωκεν αὐτῷ γραπτὴν ἐξάρνησιν τῆς προτέρας ὀρθοδοξίας του, δὲν φαίνεται ἀληθής, ὡς προδίδει ἢ ἐν Βενετίᾳ μέσον τῶν ὀρθοδόξων ἀπτοησία του, ἢ γραπτὴ παράδοσις ἀνεψιῶν του καὶ δὴ καὶ ἀρχιδιακόνου εἰς τὸν οὐνιτισμὸν, καὶ ἢ κατόπιν περὶ αὐτὸν παπικὴ ὁρᾶσις ἐν Κωνσταντινουπόλει. Πιθανὸν φαίνεται, ὅτι μεταξὺ τῶν ἐν Βενετίᾳ ὀρθοδόξων προσποιούμενος τὸν ὀρθόδοξον διέψευθε τὴν εἰς γρα-

¹) *Legrand* ἐνθ. ἀνωτ. τ. 4, σ. 435.

²) Μᾶς πληροφορεῖ περὶ τούτου Ναθαναήλ ὁ Κωνόπιος, γράφων τῷ *Leger* «Ἐχίρην οὐ συμπαῶς διὰ τὸν κακοῦ Ἀθανάσιον τὸν Πατελάρον, ὅτι ἐξουθένησαν αὐτὸν οἱ Ἑνετίαι· καὶ τοῦτο ἐστὶ ἐκδικησις φανερὰ τοῦ δικαίου θεοῦ», ὅτι ἐδίωξεν ὁ Ἀθανάσιος τὸν Λούκαριν ἀπὸ τοῦ πατριαρχικοῦ θρόνου. *Legrand* ἐνθ. ἀνωτ. τ. 4, σ. 512.

³) Ἀμφότερα τὰ ἐν Βενετίᾳ συντεταγμένα γράμματα τοῦ Ἀθανασίου ἐξέδωκεν ἐκ τῶν αὐτοῦ ἰδιογράφων ὁ *Legrand* ἐνθ. ἀνωτ. τ. 3, σ. 192—193. Αὐτόθι καὶ ἀποσπάζματα πρακτικῶν τοῦ Κολλεγίου (σ. 191), καθ' ἃ οἱ ἄλλοι τελειόφοιτο ἀνεψιοὶ τοῦ Ἀθανασίου, Γεώργιος καὶ Λαυρίντιος, ἀπέβησαν γνήσιοι κατόλικοι.

πτόν οὐνιτισμόν προσχώρησίν του· πιθανόν ἐπίσης φαίνεται, ὅτι πρὸς ἐξαπάτησιν τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει περὶ τὸν Λούκαριν μερίδος ἔγραφεν ἐκεῖ ἀπολογητικῶς· οὕτως ἐξηγητέα, νομίζω, ἡ ἐν ἔτει 1636-ω σαφῆς εἶδησις τοῦ Ναθαναὴλ Κωνωπίου, ὅτι «ὁ Θεσσαλονίκης Πατελᾶρος ἐκ τῶν Ἑνετῶν νεωστὶ γράμματα τοῖς φίλοις αὐτοῦ πέμψας ἐνταῦθα (= εἰς Κ/πολιν) γράφει, ὅτι συμπάσχει καὶ αὐτὸς διὰ τὴν ἄδικον τὴν τε παράλογον τοῦ καλοῦ καθολικοῦ ποιμένος ἐξορίαν (= Κυρίλλου Λουκάρεως· νητέα ἢ διὰ τοῦ ἐκ Βερροίας γενομένη)· καὶ πονθάνεται ἵνα τί τὸν γνήσιον καὶ ἔννομον οἱ ἀρχιερεῖς τοσοῦτον χρόνον ποιμένα τῇ ἐξορίᾳ ἐγκατέλιπον, τὸν δὲ νόθον (= τὸν ἐκ Βερροίας) καὶ παράνομον τοῦτον ἔτι βαστάζουσιν»¹. Ὁ Ἀθανάσιος λοιπὸν σκοπῶν, ὡς εἶχε προσυμφωνήσει πιθανῶς ἐν Ῥώμῃ, νὰ καταλάβῃ καὶ πάλιν τὸν θρόνον Κ/πόλεως, ἐνόμισε συντελεστικὸν νὰ ψεύδεται πρὸς ἐξαπάτησιν τῶν ὀρθοδόξων. Ἀναχωρεῖ ἐκ Βενετίας ἔχων ἠσφαλισμένην ὑπὲρ ἑαυτοῦ τὴν κυβέρνησιν αὐτῆς καὶ μένεα πνέων κατὰ τοῦ τότε μὲν κατέχοντος τὸν θρόνον Κωνσταντινουπόλεως, ἀλλ' ἤδη κλονιζομένου κατολίκου Κυρίλλου τοῦ ἐκ Βερροίας· ἐκεῖνου τὴν θάλασσαν διασχίζοντας, ἐκθρονίζεται οὗτος καὶ ὑπὸ τῶν ὀρθοδόξων ἀνακηρύσσεται πρόσκαιρος πατριάρχης ὁ Ἡρακλείας Νεόφυτος (μέχρις ἀσφαλοῦς ἐνθρονίσεως τοῦ Λουκάρεως)². Ἐμφανίζεται ὁ Ἀθανάσιος εἰς Κ/πολιν, εὐρίσκει τὰς ἐλπίδας του διεψευσμένας, ἄλλον κατέχοντα τὸν θρόνον. Ἀπὸ μηνὸς Σεπτεμβρίου τοῦ αὐτοῦ ἔτους ἔχομεν εἶδησιν, ὅτι ἡ Βενετικὴ Δημοκρατία παρενέβη νὰ συμβιβάσῃ τὸν Ἀθανάσιον μετὰ τοῦ νέου πατριάρχου Νεοφύτου· ὁποῖός τις συμβιβασμὸς ἐζητήθη, ἀγνοεῖται³. Φαίνεται ὅπωςδῆποτε ὅτι ἔμενεν ὁ Πατελᾶρος ἐν Κωνσταντινουπόλει ἀπαιτῶν τὸν θρόνον, ἢ καὶ προσποιούμενος φιλίαν μετὰ τοῦ περὶ τὸν Λούκαριν κόμματος, οὗτινος ὁ προστάτης, ὁ πρέσβυς τῆς Ὀλλανδίας, ἦτο νῦν παρὰ τῇ κυβερνήσει τῇ τουρκικῇ ἰσχυρότερος τοῦ αὐστριακοῦ πρέσβεως Schmid. Δίδει παραίτησιν ὁ Νεόφυτος ὑπὲρ τοῦ Λουκάρεως· ἀναβιβάζεται οὗτος τὸ πέμπτον εἰς τὸν θρόνον, ἀλλ' ἐν τῷ μεταξύ ἐνισχύεται χρηματικῶς ἐκ Ῥώμης παρὰ τοῖς Τούρκοις ὁ Schmid· ἀρπάζεται ὁ Λούκαρις, καταδικάζεται εἰς πνιγμὸν καὶ ἀναβιβάζεται πάλιν εἰς τὸν θρόνον

¹) *Legrand*, Bibliogr. hell. du XVIIe siècle, τ. 4, σ. 440.

²) Ἡ ἐγκατάστασις τοῦ Νεοφύτου ὡς πατριάρχου φαίνεται γενομένη ὀλίγον πρὸ τῆς 12 Ἰουλίου 1636. Ἴδε ἐπιστολὴν τοῦ Leger πρὸς τὸν *Legrand* ἐνθ. ἀνωτ. τ. 4, σ. 450.

³) Ὁ αὐστριακὸς πρέσβυς Schmid ἔγραφε τῷ καρδινάλει Barberini τῇ 20-ῇ Σεπτεμβρίου 1636: «Questo nuovo asserto patriarca Neofito stà per ancora fermo nella cathedra, si governa col consiglio dell' ambasciadore d' Olanda e del vecchio eretico Cirillo, che gli sta sempre appresso, et il disgratiato mosignore La Verea che non ha voluto credermi, è custodito nell' isola de Rody. Da monsignore Athanasio che per mezzo della Republica di Venetia cercava d' accomodarsi con questo nuovo patriarca non hò io inteso altro». Ἴδε *Hurmuzaki*, Documente privitoare la istoria Romanilor. Bucuresci, 1882, τ. 4, μίρος 1, σ. 627.

ὁ κατόλικος μονσινιὸρ Κύριλλος ὁ ἐκ Βερροίας, λησμονηθέντος οὕτω τοῦ Ἀθανασίου ἢ διὰ τὸ ἀμφίβηλον τοῦ χαρακτῆρός του, ἢ διὰ τὴν περὶ αὐτὸν ἀσήμαντον μερίδα. Ὁ Ἀθανάσιος ὁμοῦ ἐκότει κατὰ τοῦ προτιμηθέντος ἐκ Βερροίας· ἀλλ' οἱ ἐπόπται καὶ προστάται αὐτοῦ, προορίζοντες αὐτὸν δι' ἄλλην ὠφέλιμον καὶ ἤττον ταραχώδη εἰς τὸν κατολικισμὸν ὑπηρεσίαν, παρεμβάντες ἐπέτυχον νὰ συμφιλίωσωσιν ἀμφοτέρους, γενομένης τῆς ἀγάπης αὐτῶν ἐν τῇ κατοικίᾳ τοῦ Schmid· οὗτος δὲ ὁ Schmid ἀγγέλλων τὰ κατ' αὐτὴν τῷ γραμματεῖ τῆς ἐν Ῥώμῃ Προπαγάνδας (20 Σεπτεμβρίου 1838) ἤλπιζεν ὅτι ἡ συνδιαλλαγή αὕτη, ἦν καὶ αὕτη αὕτη ἡ Προπαγάνδα συνίστα καὶ ἐπεθύμει, θὰ προὔξεναι ταύτη τὴν δέουσαν εὐφροσύνην¹. Ὁ Schmid κατώρθωσε τὴν συμφιλίωσιν ἐπὶ τῇ συμφωνίᾳ, ὅπως μέρος τῶν διὰ τὴν προτέραν πατριαρχίαν χρεῶν τοῦ Ἀθανασίου πληρώσῃ ὁ ἐκ Βερροίας, λόγῳ δὲ διατροφῆς δώσῃ αὐτῷ τὴν προεδρίαν τῆς μητροπόλεως Θεσσαλονίκης, ἐτησίαν ἐπιχορηγήσῃ 500 ταλήρων καὶ ἄδειαν εἰς τὸ νὰ λειτουργῇ ὡς πατριάρχης. Πάντα ταῦτα ἐδέχθη, ὁ ἐκ Βερροίας, πληρώσας καὶ ἱκανὸν μέρος τῶν χρεῶν τοῦ Ἀθανασίου². Ἀποθνήσκει ὁμοῦ ἐν τῷ μεταξὺ ὁ Ἀλεξανδρείας Μητροφάνης Κριτόπουλος, πατριαρχοῦντος εἰσέτι ἐν Κ/πόλει τοῦ ἐκ Βερροίας Κυρίλλου, καὶ ἡ περίστασις αὕτη θεωρεῖται κατάλληλος εἰς ἐκκατολικισμὸν καὶ τοῦ πατριαρχείου Ἀλεξανδρείας διὰ τοῦ προχείρου αὐτοῦ ὄργανου, τοῦ Ἀθανασίου. Πρὸς τοῦτο ἐγένετο κοινὴ παρὰ τῷ Κυρίλλῳ ἐνέργεια τοῦ Schmid, τοῦ Βενετοῦ βαίλου καὶ τοῦ παπικοῦ πατριαρχικοῦ βικαρίου, παραστησάντων αὐτῷ ὅτι θὰ ἦτο συμφέρον νὰ ἔχῃ ὑπὲρ ἑαυτῆς «τὴν ἁγίαν ἔδραν τῆς Ῥώμης» ἢ Ἑλληνικὴ Ἐκκλησία διὰ παραδόσεως τοῦ πατριαρχείου ἐκείνου εἰς τὸν Ἀθανάσιον, «κληρικὸν κατόλικον ἐκτιμώμενόν τε καὶ ἀγαπώμενον παρὰ τοῦ ἱεροῦ τάγματος τῆς ὑπὲρ πίστεως προπαγάνδας». Ἀλλ' ὁ μονσινιὸρ Κύριλλος ὁ ἐκ Βερροίας ἐζήτησε τὴν ἐπιτυχίαν τούτου κυρίως ἐκ τῆς διανομῆς χρημάτων εἰς τοὺς ὑπουργοὺς τῆς Πύλης, καὶ ἐνῶ ἐγένετο σκέψις εἰς ἐξοικονόμησιν αὐτῶν, ἐνέργεια τοῦ ἡγεμόνος Μολδαβίας ἔδωκε τὸν θρόνον Ἀλεξανδρείας Νικολάῳ τῷ Κλαροντζάνε³. Οὕτως ἔμεινε καὶ πάλιν ὁ Ἀθανάσιος ἀχρησιμοποίη-

¹) Schmid ἐν τοῖς Documente privitoare la Istoria Romanilor, τ. 4, μέρος 1, σ. 640. «Io stimo, che il padre vicario patriarcale havera avvisato, come per opera dell' Excell^{mo}. Sig^r Bailo Veneto et mia si sono reconciliati insieme questo monsignor patriarca et monsignor Atanasio Patellaro. Per levare la ruggine d' ogni diffidenza, che frà loro poteva essere rimasto, hò io messo l' ultima mano, con fare un passo a questi duoi prelati; ch' intervennero, con il padre vicario patriarcale et alcuni metropolitani, lor più cari amici: la passarono quel giorno in casa mia con gran amorevolezza et cortesia. Monsignor Patellaro, contento et sodisfatto, è poi partito verso la stato Veneto. Io spero, che la reconciliatione di detti duoi prelati sara gradita appresso cotesta sacra Congregatione, per il desiderio, che haveva di vederle uniti». Ἴδε καὶ σελ. 687.

²) Schmid ἐκθεσις πρὸς τὸν αὐτοκράτορα Φερδινάνδον 3-ον ἐνθ. ἀνωτ. σ. 687—688.

³) Ὅρα τὸ ἡμέτερον ἄρθρον περὶ τοῦ Ἀλεξανδρείας Νικηφόρου (πρότερον Νικολάου) ἐν τῷ Δελτικῷ τῆς ἱστορ. καὶ ἐθνολογ. Ἐταιρίας, τ. 3, σ. 494—503.

τος διὰ τὸν κατοικισμὸν, ἕως οὗ ἠναγκάσθη νὰ μεταβῆ εἰς τὴν ἐν Θεσσαλονίκη θέσιν τοῦ μεθ' ὑποσχέσεως τοῦ Schmid νὰ ἐπανακληθῆ ἐκεῖθεν εἰς τὸ πατριαρχεῖον ἐν περιπτώσει παύσεως τοῦ ἐκ Βερροίας Κυρίλλου. Διώκεται ἀληθῶς μετ' ὀλίγον οὗτος ὑπὸ τοῦ νικῆσαντος ἐν τῷ μεταξὺ ὀρθοδόξου κόμματος, παρὰ δὲ τῆς Πύλης καὶ πνίγεται ὡς ἀφόρητος σκανδαλοποιός. Οἱ περὶ τὸν Schmid λατινίζοντες ἀρχιερεῖς μετακαλοῦσιν εἰς Κ/πολιν ἐκ Θεσσαλονίκης τὸν Ἀθανάσιον¹. ἀλλὰ προφθὰν τὸ κόμμα τὸ ὀρθόδοξον ἀναγορεύει πατριάρχην τὸν ἀπὸ Ἰωαννίνων Παρθένιον, ὁ δὲ διαθέσιμος ἐν Κ/πόλει μένων Ἀθανάσιος ἀναγκάζεται τέλος, χωρὶς νὰ διακόψῃ τὰς πρὸς τὸν Schmid σχέσεις του, τὸν μὲν οὐνιτισμὸν νὰ περιφρονήσῃ πλέον ὡς ἀνωφελῆ αὐτῷ, τῷ δὲ νέῳ οἰκουμενικῷ Παρθενίῳ τῷ πρώτῳ νὰ δώσῃ παραίτησιν γραπτὴν ἀπὸ τοῦ τίτλου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως καὶ οὕτω νὰ λάβῃ πάλιν εἰς πορισμὸν τῶν τοῦ βίου κατ' Αὐγουστον τοῦ 1639-ου ἔτους τὴν προεδρίαν τῆς μητροπόλεως Θεσσαλονίκης². ἐν ἧ καὶ διέτριβε μέχρι περίπου τοῦ 1643-ου ἔτους, ἔχων ἐκεῖ συνεχεῖς ἐκ μέρους τοῦ νέου πατριάρχου διωγμούς³, ἐνοχλήσεις τοῦ πρώην Θεσσαλονίκης μητροπολίτου Δαμασκηνοῦ⁴, ἀλλὰ καὶ φυλάττων ἐν ἑαυτῷ παράπονον ὅτι, τοσοῦτων καὶ τοιοῦτων προπατριαρχησάντων ἐν Κ/πόλει, δὲν ἔτυχε καὶ αὐτὸς πρότερον ἡσύχως νὰ πατριαρχήσῃ καὶ ἐνδόξως ν' ἀπομακρυνθῆ ἀπὸ τοῦ πατριαρχείου. Τέλος ἔτει 1643-φ, καταλιπὼν τὴν Θεσσαλονίκην, μετέβη εἰς Μολδαβίαν ὅπως, τοῦ καιροῦ καλοῦντος, ἐπιτύχῃ ἐκεῖθεν δικαίωσιν διὰ νομίμου εἰς τὸν πατριαρχικὸν θρόνον ἐπανόδου του· τοῦτο δὲ καὶ ἐγένετο τῇ συνδρομῇ ἀναμφιβόλως τοῦ τότε ἡγεμόνος Μολδαβίας, προσκληθέντος ἤδη τοῦ Ἀθανασίου τὸ δεύτερον ἔτει 1652-φ ὡς κανονικοῦ ὀρθοδόξου πατριάρχου εἰς τὸν οἰκουμενικὸν θρόνον· ὅτε καὶ ἐξεφώνησεν εἰς ἀποτριβὴν δημοσίᾳ ἀφ' ἑαυτοῦ τῆς παλαιᾶς νεανικῆς ἀποστασίας του καὶ εἰς ἀπόδειξιν τῆς εἰλικρινοῦς ὀρθοδοξίας του λόγον ἐν τῷ ναῶ τοῦ πατριαρχείου κατὰ τοῦ ἀντιχριστιανικοῦ ἐν τῇ Ἐκκλησίᾳ παπιστικοῦ μοναρχικοῦ πρωτείου, ἐρμηνεύσας πρὸς τοῦτο ὀρθοδόξως τὸ εὐαγγελικὸν «Σὺ εἶ Πέτρος» κτλ.⁵ Τὸν λόγον τοῦτον ἐξεφώνησεν ὁ Ἀθανάσιος ἐν πατριαρχικῇ λειτουργίᾳ τῆς ἑορτῆς τῶν ἁγίων Ἀποστόλων⁶. μεθ' ἣν ἀμέσως εἰς μαρτυ-

¹) Schmid ἐνθ. ἀν. σ. 688.

²) Ἴδε Κ. Σάθα Μεσαιων. βιβλιοθ. τ. 3, σ. 574. Πρβλ. Ἐκκλησ. Ἀληθ. ἔτ. 1881—1882, τ. 2, σ. 696.

³) Schmid ἐνθ. ἀν. σ. 691.

⁴) Ὅπως οὗτος παύσῃ τοῦ νὰ παρενοχλῆ τὸν Ἀθανάσιον ἐν Θεσσαλονίκη, εἶλετο προεδρικῶς μὲν Ἰουλίῳ τοῦ ἔτους 1639 τὴν μητρόπολιν Κασανδρείας· ἴδε Κ. Σάθα Μεσαιων. βιβλ. τ. 3, σ. 576.

⁵) Τὸ πρᾶγμα τοῦτο μετέφερον ὁ Μελέτιος (Ἐκκλ. ἱστορ. τ. 3, σ. 448) καὶ ὁ Ὑψηλάντης (Τὰ μετὰ τὴν Ἄλωσιν, σ. 139) εἰς τὴν κατ' αὐτοὺς ἔτει 1635-φ δευτέραν τοῦ Ἀθανασίου πατριαρχίαν.

⁶) Ὁ τότε ἐκ Κύπρου κατόλικος ἱερεὺς Ἀθανάσιος ὁ Ῥήτωρ ἐξοργισθεὶς κατὰ τοῦ πατριάρχου Ἀθανασίου συνέταξεν ἐλληνιστὶ παπιστικὴν ἀναίρεσιν τοῦ λόγου αὐτοῦ, ἐπιγράψας αὐτὴν συκο-

ρίαν διτι οὐχί φιλοδοξῶν ἐζήτησε τὸ δεύτερον τὸν πατριαρχικὸν θρόνον, ἀλλ' εἰς ἱκανοποίησιν τῆς ἐκ παλαιοῦ προσβεβλημένης φιλοτιμίας του, ἔδωκε παραίτησιν ἀπὸ τοῦ θρόνου διὰ τοῦ ἐπομένου χαρακτηριστικοῦ γράμματος· «Ἡ μετριότης ἡμῶν διὰ τοῦ παρόντος αὐτῆς γράμματος δηλοποιεῖ, ὅτι, μετὰ τὸ λαβεῖν με ἤδη τὸν ἡμέτερον ἀγιώτατον οἰκουμενικὸν πατριαρχικὸν θρόνον τῆς Κωνσταντινουπόλεως καὶ εἰσελθεῖν εἰς αὐτὸν ἡμέρας ἱκανάς¹, καὶ μὴ δυνηθῆναι ἀπολογηθῆναι καὶ ἀναδεχθῆναι καὶ βαστάζειν τὰ βασιλικά συνήθη δίκαια καὶ τὰ λοιπὰ ἔξοδά τε καὶ βάρη τῆς πατριαρχείας, ἀνεχώρησα τοῦ πατριαρχείου καὶ με οἰκείαν βούλησιν καὶ θέλησιν καὶ ἀβίαστον τρόπον ποιῶ παραίτησιν τοῦ πατριαρχικοῦ αὐτοῦ θρόνου καὶ οὐχί τῆς ἀρχιερωσύνης μου. Ἐχέτω δὲ ἄδειαν ἡ ἱερά σύνοδος τῶν ἀρχιερέων ἐκλέξαι κανονικῶς δν ἂν ἐθέλοιεν ποιῆσαι πατριάρχην Κωνσταντινουπόλεως· ἐγὼ δὲ ἡσυχίᾳ διάξω τὸ λοιπὸν τοῦ βίου. Ὅθεν εἰς ἀσφάλειαν καὶ ἔνδειξιν πᾶσι δέδωκα τὴν παροῦσάν μου ἀβίαστον καὶ οἰκειοθελῆ παραίτησιν, καὶ κατεστρώθη ἐν τῷ ἱερῷ κώδικι τῆς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας. Ἐτει ,αχνα' (γράφε ,αχναβ') ἐν μηνί Ἰουλίῳ ἰνδικτιῶνος ε'. Ὁ πρώην πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως Ἀθανάσιος στέργω τὰ ἄνωθεν»². Μετὰ τοῦτο διαμείνας ἐν Κωνσταντινουπόλει ὑπὲρ τοὺς δύο μῆνας ἀνεχώρησεν ἐκεῖθεν, καὶ τῇ 8-ῃ Ὀκτωβρίου τοῦ 1652-ου ἔτους φθάσ εἰς Γιάσι ἐξενίσθη παρὰ τῷ βοεβόδα αὐτῆς Βασιλείῃ. Ἐκεῖ δὲ ἐν Μολδαβίᾳ φαίνεται ὅτι ἀνέλαβε τὴν διεύθυνσιν οἰκοδομῆς νέου μοναστηρίου· οὗτινος εἰς πλουτισμὸν ἐζήτησε τὴν ἄδειαν νὰ εἰσελθῆ εἰς Ῥωσσίαν ἐπὶ τῷ σκοπῷ νὰ ἐπικαλεσθῆ τὴν ὑλικὴν τοῦ αὐτοκράτορος συνδρομὴν καὶ τῶν ἐν τέλει. Εἰς Μόσχαν ἔφθασε τῇ 16-ῃ Ἀπριλίου τοῦ 1653-ου ἔτους μετὰ συνοδίας ὀκταμελοῦς. Ἐγένετο δεκτὸς μετὰ τιμῶν ἐκτάκτων καὶ σεβασμοῦ· ἔτυχε καὶ δεξιώσεων καὶ ἀκροάσεων καὶ δώρων παντοίων παρὰ τοῦ αὐτοκράτορος, καὶ ἐπιστρέφων ἐκεῖθεν εἰς Μολδαβίαν κατὰ Φεβρουάριον τοῦ 1654-ου ἔτους, σταθμεύει προσωρινῶς ἀδεῖα τῆς ἐπιτοπίου ἀρχῆς ἐν τῇ πόλει Λούπνι τῆς Μικρᾶς Ῥωσίας, ἐν τῷ ἐκεῖ μοναστη-

---

φαντικῶς οὕτω· «Τῆς αὐτοσυστάτου ἀληθείας ἀντιπατελάρου. Πρὸς Ἀθανάσιον τὸν Πατελάρου, πατριάρχην ὄντα ἐν τῇ Κωνσταντινουπόλει καὶ διδάξαντα τὰ ἐν τῇ ἑορτῇ τῶν ἀγίων Ἀποστόλων, τὴν εὐσεβειαν ἀνάστατον ποιοῦντα, καθ' ἣν ἡμέραν τῇ δικαίᾳ τοῦ θεοῦ κρίσει καὶ τοῦ θρόνου ἐξεβλήθη ἔτει ,αχναβ', ἀνασκευαστικὸς τῶν ἐκείνῳ περὶ τοῦ πρωτείου τοῦ μακαρίου Πέτρου ῥηθέντων». Ἐξέδωκε τοῦτο ὁ συγγραφεὺς μετὰ τὸν θάνατον τοῦ Πατελάρου ἐν Παρισίοις ἔτει 1655-φ. Ἴδε *Legrand*, *Bibliogr. hell. du XVIIe siècle*, τ. 2, σ. 82.

¹) *Μελέτιος* ὁ Ἀθηνῶν ἐν Ἐκκλησ. ἱστορ. τ. 3, σ. 465, ὀρίζει ἡμέρας δεκαπέντε, προστιθέμενος ἀνακριβῶς, ὅτι ὁ Ἀθανάσιος «ἐξεβλήθη». Κατὰ *Γεώργιον Ζαβίραν* (Νέα Ἑλλάς, ἐκδ. Κρέμου ἐν Ἀθήναις 1872, σ. 170—171) ὁ *Μελέτιος* ἐν χειρογράφῳ τῆς ἱστορίας του ὀρίζει ἡμέρας ἑξάκα ναι ὀκτώ.

²) Ἀ. Ἰψηλάντου *Τὰ μετὰ τὴν Ἄλωσιν*, σ. 153.

ρίφ, ὅπου καὶ ἀπέθανε τῇ 5-ῃ Ἀπριλίου τοῦ αὐτοῦ ἔτους, τυγχάνοντος αὐτότε ἔκτοτε τοῦ λειψάνου αὐτοῦ μέχρι σήμερον πολλῆς εὐλαβείας¹.

Τὰ λοιπὰ τῆς συλλογῆς Likhatcheff ἔγγραφα (ἀριθ. 17—31) δὲν ἔχουσι τοιαύτην σπουδαιότητα ὅποιαν τὰ μέχρι τοῦδε σχολιασθέντα ἐνταῦθα πλὴν ἀλλὰ παρουσιάζουσι καὶ ταῦτα σχετικὴν τινα σπουδαιότητα. Οὕτω τὸ ὑπ' ἀριθμὸν 15 πολυτελὲς ἐπ' ὀνόματι Παΐσιου Κ/πόλεως ἐγκύκλιον γράμμα τοῦ 1731-ου ἔτους θέτει ἡμᾶς ἐπὶ τῶν ἰχνῶν ἐπικινδύνου τινὸς τυχοδιώκτου. Ὁ ἐξετάζων μετὰ προσοχῆς τὸ γράμμα τοῦτο θέλει παρατηρήσει, ὅτι αἱ ὑπ' αὐτὸ ὑπογραφαὶ διὰ τὸ διάφορον καὶ τὸ ἀνεπιτήδευτον αὐτῶν φαίνονται οὔσαι γνήσiai· ἔρευνα ὅμως προσεκτικωτέρα δύναται, νομίζω, νὰ πείσῃ πάντα ὅτι κατεσκευάσαν αὐτὰς διάφοροι κατὰ παραγγελίαν χεῖρες. Ἐν πρώτοις αὐτὸ τοῦτο τὸ γράμμα φέρει σφραγίδα παντελῶς ἄγνωστον καὶ ἀσυνήθη διαπαντός ἐν τοῖς γραφείοις τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου. Αἱ κλειδὲς τῆς σφραγίδος, τὸ «Δακτύλιον τοῦ Ἀλιέως», τῶν παπικῶν τούτων ἐμβλημάτων ἢ συναρμογὴ μετὰ γνησίων πατριαρχικῶν καὶ τοῦ γράμματος ὁ προορισμὸς φανεροῦσιν ἀρκούντως, ὅτι τούτου ὁ συντάκτης ἤθελε δι' αὐτοῦ παρουσιαζόμενος εἰς χώρας κυβερνήσεων κατολικῶν νὰ παραστήσῃ τὸ μὲν πατριαρχεῖον κατολικίζον, ἑαυτὸν δὲ ἀντιπρόσωπον αὐτοῦ καὶ τρόπον τινὰ Ἑλληνα οὐνίτην ἀρχιερέα, ὅπως οὕτω διὰ τῶν ἐν τῷ γράμματι λεγομένων συναθροίσῃ εὐκόλως ἀπάτης χρήματα. Ὁ ἄνθρωπος οὗτος ὀνομάζει ἑαυτὸν ἐν τῷ γράμματι Παΐσιον Ἐμμανουὴλ Πωγωνᾶτον καὶ μητροπολίτην Παλαιῶν Πατρῶν, ἀντιπρόσωπον τοῦ Ἑλληνικοῦ γένους εἰς συλλογὴν ἐλεῶν ὑπὲρ χριστιανῶν παθόντων δέκα καὶ ἕξ περίπου ἔτη πρὸ τῆς συντάξεως τοῦ γράμματος, κατὰ τὴν ἔτει 1715-φ κατάλυσιν τῆς Ἐνετικῆς δεσποτείας ἐπὶ τῆς Πελοποννήσου καὶ τὴν ἐπανάκτησιν αὐτῆς ὑπὸ τῶν Τούρκων². Ἐὰν ὑπῆρχεν ἀνάγκη συλλογῆς ἐλεῶν εὐρωπαϊκῶν ὑπὲρ τῶν ἐν λόγῳ χριστιανῶν, θὰ ἔπραττε τοῦτο τὸ πατριαρχεῖον ἐγκαίρως καὶ οὐχὶ μετὰ ἔτη ἡμισείας καὶ πλέον γενεᾶς· ἐκτὸς δὲ τούτου δι' ἐξάρχων καὶ διὰ γραμμάτων τοῦ συνήθους ἐν τοῖς γραφείοις αὐτοῦ τύπου, καὶ οὐχὶ δι' ἐμβλημάτων ἀπατηλῶν, ἀλλὰ διὰ τῶν γνωστῶν ταῖς ἐν Κωνσταντινουπόλει εὐρωπαϊκαῖς πρεσβείαις καὶ τῶν κυβερνήσεων αὐτῶν· ἀλλ' οὐδὲ καὶ μετ' ἐκφράσεων ὕβριστικῶν κατὰ τῆς Ὀθωμανι-

¹) Περὶ τῆς ἐν Ῥωσίᾳ διαμονῆς τοῦ Ἀθανασίου καὶ τῶν ἐν Μόσχᾳ πράξεων αὐτοῦ, καθὼς καὶ περὶ τῶν ἐκεῖ γενομένων αὐτῷ τιμῶν καὶ δωρεῶν, ὅρα τὸ ἔργον τοῦ Ν. Κάπτερεφ, Ἡ ἀφίξις εἰς Μόσχαν τῷ 1653-φ ἔτει τοῦ πρώην Κ/πόλεως Ἀθανασίου Πατελλάρου (ἐν τῷ περιοδικῷ βιβλίῳ: Чтенія въ Общ. любит. Дух. просвѣщенія, ἐν Μόσχᾳ 1889, τεῦχος Ὀκτωβρίου, σ. 358—385).

²) Πρβλ. J. de Hammer, Histoire de l' Empire Ottoman; ouvrage traduit de l' allemand par J. J. Hellert. Paris, 1835 - 1839, τ. 13, σ. 267—275. Περὶ τῶν ἐν Πελοποννήσῳ τότε γενομένων ὤμοτῶν ὅρα καὶ Ἀ. Ὑψηλάντου Τὰ μετὰ τὴν Ἑλλάδα, σ. 298—300.

κῆς Κυβερνήσεως (ὁποίας ὁ τυχοδιώκτης παρενέβαλε Πωγωνᾶτος) ἐντὸς γράμματος δημοσίου χαρακτῆρος. Δὲν ὑπάρχει λοιπὸν ἀμφιβολία, ὅτι ἐν τῷ 15-ῳ γράμματι ἔχομεν νόθον ἐγκύκλιον τοῦ πατριάρχου Παΐσιου· καὶ εἶναι μὲν ἀληθὲς ὅτι οὗτος ἐπατριάρχει ἐν ἔτει 1731-ῳ· ἀληθὲς ἐπίσης ὅτι κατὰ τὸ αὐτὸ ἔτος ἔζων καὶ οἱ ἐν ταῖς ὑπογραφαῖς ἀναφερόμενοι μητροπολίται Καισαρείας Νεόφυτος, Νικομηθεΐας Σεραφίμ, Νικαίας Καλλίνικος, Ἀδριανουπόλεως Ἀθανάσιος¹, ἴσως δὲ καὶ οἱ λοιποὶ δύο, ὁ Κυζίκου Αὐξέντιος καὶ Θεσσαλονίκης Ἰωακείμ². ἀλλὰ τίς θ' ἀξιώσῃ, ὅτι ἠδύναντο οὗτοι καὶ νὰ γινώσκωσι τότε ἄλλον τινὰ μακρὰν αὐτῶν περιπλανώμενον καὶ ἀπομιμούμενον τὰς ὑπογραφὰς αὐτῶν, ἢ καὶ γινώσκοντα τὴν ἐν τοῖς ζῶσιν ὑπαρξίν αὐτῶν; Βέβαιον μόνον, ὅτι ὁ ῥεφενδάριος Γεώργιος Σπαντωνῆς εἶναι παντελῶς ἄγνωστος ἀλλαχόθεν. Βέβαιον ὡσαύτως, ὅτι ἔτει 1731-ῳ ἀγνοοῦμεν ἀλλαχόθεν Παλαιῶν Πατρῶν μητροπολίτην Παΐσιον· ἐνὸς ὁμωνύμου μητροπολίτου τὰ ἴχνη φαίνονται ἐν Πάτραις ἀπὸ ἔτους 1721-ου μέχρις ἔτους 1728-ου, καὶ οὗτος ἀρχιεράτευσεν τότε ἐκεῖ τὸ δεύτερον· τὸ δὲ πρῶτον ἀρχιεράτευσεν ἀπὸ ἔτ. 1688-ου καὶ ἐξῆς³. Ὅπως δὲ δύναται νὰ ὑποτεθῆ, ὅτι οὗτος ὁ Παΐσιος καθαιρέθεις μετὰ τὸ 1728-ον ἔτος ἐπεδόθη κατόπιν εἰς πλάνητα βίον· ἀλλ' ἐπειδὴ φέρει ἐν τῷ γράμματι τὸ *Πωγωνᾶτος* ὡς ἐπώνυμον, νομίζω ἀσφαλέστερον νὰ ὑποτεθῆ, ὅτι τὸ Παΐσιος ὄνομα ἐλάμβανε κατὰ τὰς περιστάσεις ἐν γνώσει τῆς προτέρας ὑπάρξεως καὶ εἶτα καθαιρέσεως ἢ θανάτου ἐν τῷ μεταξύ ὁμωνύμου τινὸς Παλαιῶν Πατρῶν μητροπολίτου ὁ περὶ τοὺς χρόνους ἐκείνους διαβόητος ἐν Κ/πόλει καὶ Εὐρώπῃ ἕλλην κληρικὸς τυχοδιώκτης Σεραφίμ ὁ Μυτιληναῖος, ὅστις ἐφήμιζεν ἑαυτὸν ἀπόγονον τοῦ αὐτοκράτορος Πωγωνάτου καὶ ἀντιπρόσωπον τοῦ ἑλληνικοῦ γένους, συναθροίζων δι' ἀπάτης ὑπὸ τὴν ιδιότητα ταύτην ἐλέη, παριστάμενος ὅτε μὲν ὡς κατόλικος ὅτε δὲ ὡς ὀρθόδοξος, χρηματίσας δὲ διὰ τὸ πολύγλωσσον καὶ διερμηνεὺς ἐπίφοβος εὐρωπαϊκῶν ἐν Κ/πόλει πρεσβειῶν καὶ κατάσκοπος κυβερνήσεων ἐν διαφόροις τόποις. Ὁ τοιοῦτος ἀπόγονος τοῦ Πωγωνάτου συλληφθεὶς ἐν Πετροπόλει ἔτει 1732-ῳ, ἀνακριθεὶς καὶ φυλακισθεὶς, ἐξωρίσθη κατόπιν μετὰ τῶν Ἑλλήνων αὐτοῦ ὑπηρετῶν

¹) Τὰς περὶ τούτων εἰδήσεις ἐν ἔτει 1731-ῳ ἀνεκοίνωσέ μοι ὁ μέγας λογοθέτης Σταυράκις Ἀριστάρχης.

²) Περὶ τοῦ Ἰωακείμ τούτου δύναμαι νὰ σημειώσω, ὅτι εἶναι γνωστὸς ὡς Θεσσαλονίκης ἀπὸ μηνὸς Ἰανουαρίου 1734 (βρα τὸν ἐμὸν κατάλογον Ἑλλ. Φιλολογ. Συλλόγου ΚΠ ἐν τῷ ἀρχαιολ. παραρτ. τ. Κ'—ΚΒ', σ. 111), οὐχὶ δὲ ἀπὸ Φεβρουαρίου τοῦ αὐτοῦ ἔτους, ὡς σημειοῦται ὁ Père Louis Petit (Echos d' Orient, 1901—1902, τ. 5, σ. 214), ἀναφερόμενος εἰς τὸ περὶ τῆς ἀγώτης Μάρκου τοῦ Ἐφέσου συνοδικὸν γράμμα, ὅπερ ἢ περιττῶς ἢ παραδρομῇ γλωσσικῇ χαρακτηρίζει ὡς instrument, καλῶν ἅμα καὶ τοὺς ὁμοίους τῷ Μάρκῳ γενναίους τῆς Ὀρθοδόξου Καθολικῆς Ἐκκλησίας ὁμολογητὰς «saints de (sa) trempe».

³) Ὅρα Σ. Ἀριστάρχην καὶ H. Gelzer παρὰ τῷ E. Gerland Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Erzbistums Patras. Leipzig 1903, σ. 253—254.

εἰς Σιβηρίαν¹. Ἀναμφιβόλως τὰ παρ' αὐτῷ οἰαδήποτε ἔγγραφα, καθὼς καὶ τὰ κατόπιν ἐρχόμενα πολλαχόθεν εἰς ὄνομα αὐτοῦ, θὰ ἐκράτησαν ἐν Πετροπόλει οἱ ὑποβαλόντες αὐτὸν εἰς ἀνάκρισιν· καὶ ἂν ὁ Σεραφεῖμ ταυτίζεται μετὰ τοῦ ἡμετέρου τυχοδιώκτου Παΐσιου Πωγωνάτου, τὸ ὑπ' ἀριθ. 15 γράμμα, ὑπερ ἄλλως ἠγόρασεν ὁ κ. Likhatcheff ἐν Πετροπόλει, θὰ εἶναι λείψανον τῶν ἐγγράφων αὐτοῦ. Τῆς αὐτῆς προελεύσεως θὰ εἶναι καὶ τὸ ὑπ' ἀριθ. 17 λατινικὸν περὶ τοῦ αὐτοῦ Παΐσιου γράμμα, τὸ φέρον τὴν ὑπογραφήν τοῦ ἐν ἔτει 1733-φ ὑπουργοῦ τῶν πολεμικῶν ἐν Αὐστρίᾳ Ἰγνατίου ἂν Koch² ἠγοράσθη δὲ καὶ τοῦτο ἐν Πετροπόλει. Σημειώσεως ἄξιον, ὅτι ἐν τῷ λατινικῷ γράμματι ὁ Παΐσιος Πωγωνάτος χαρακτηρίζεται ὡς φανερός κατόλιχος ἀρχιεπίσκοπος Παλαιῶν Πατρῶν.

Ἐν τῇ συλλογῇ Likhatcheff ἔχομεν καὶ δύο σιγίλλια πατριαρχικά καὶ συνοδικά (ἀριθ. 18 καὶ 19), ἀμφότερα γνήσια, φέροντα εἰσέτι ἀπρωρημένας διὰ μετάρσης τὰς μολυβδίνους πατριαρχικάς τῶν σφραγίδας. Τούτων τὸ πρῶτον, γραφὲν μηνὶ Ἰουνίῳ τοῦ 1794-ου ἔτους, ἔχει τὴν ὑπογραφήν τοῦ τότε οἰκουμενικοῦ πατριάρχου Γερασίμου τοῦ τρίτου καὶ τῆς περὶ αὐτὸν συνόδου³· δι' αὐτοῦ δὲ παραχωροῦνται τοῖς ἐν Κωνσταντινουπόλει τότε κοινοῖς ὀρθοδόξοις τρισὶ νοσοκομείοις (δύο ἐν Γαλατᾷ καὶ τρίτον κατὰ τοὺς Ἑπτὰ Κουλάδες) αἱ πρόσοδοι τοῦ ἕξω τῶν τειχῶν αὐτῆς προσκυνήματος τῆς Ζωοδόχου Πηγῆς⁴, ἀνανεουμένου συγχρόνως ἐν τῷ αὐτῷ σιγίλλῳ καὶ ἄλλου τινὸς πρότερον ἐπὶ πατριάρχου Νεοφύτου τοῦ ἐβδόμου γενομένου σιγίλλιώδους κανονισμοῦ τῶν ἐν λόγῳ νοσοκομείων. Τὸ δεύτερον ὑπ' ἀριθμὸν 19 σιγίλλιον ἐκδεδωμένον ἔτει 1797-φ φέρει τὴν ὑπογραφήν τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου Γρηγορίου τοῦ πέμπτου καὶ τῆς περὶ αὐτὸν συνόδου· σκοπὸν δὲ ἔχει τὸ ἐν τῇ ἐπαρχίᾳ Ἰωαννίνων μοναστήριον τοῦ προφήτου Ἥλιου καὶ τὸ ἐν Βουκουρεστίῳ μετόχιόν του· ὧν τὴν κυριότητα καὶ τὰς προσόδους εἶχεν ἡ ἐν τῇ πόλει τῶν Ἰωαννίνων ἀχμαΐα τότε σχολῆ τοῦ Γκιούμα κατὰ παλαιότερον τοῦ πατριάρχου Προκοπίου σιγίλλιον (1787). Ὁ πατριάρχης Γρηγόριος πρόεβη

¹ Ὅρα περὶ αὐτοῦ κατ' ἔκτασιν τὸ ἄρθρον Γ. Есиповъ, *Греки Серафимъ* (ἐν τῷ περιοδικῷ Древняя и Новая Россія, 1876, год. 20^к, т. 1, ἀριθ. 4, σ. 369—383). Μετάφρασις ἐλληνικῆ ὑπὸ Κ. Παλαολόγου ἐν τῷ Παρισιακῷ, 1880, т. 4, σ. 28—51.

² Σημειωτέον ἐνταῦθα ὅτι λέξεων τινῶν δυσδιακρίτων νῦν ἐν τῷ πρωτοτύπῳ τοῦ λατινικοῦ τούτου γράμματος ὀφείλω τὴν ἀνάγνωσιν εἰς τὴν ὀξυδερκεῖαν τοῦ ἀγαπητοῦ συναδέλφου μου κ. Βλαδιμίρου Ν. Μπενεσσέβιτς.

³ Περὶ τοῦ πατριάρχου Γερασίμου ἴδε *Σεργίου Μακρταίου* Ἐκκλησ. ἱστορ. ἐν τῇ Μεσαιων. Βιβλιοθήκῃ τοῦ Σάθα, т. 3, σ. 387—392. Πρβλ. Μ. Χαμουδοπούλου Πατριαρχ. πινακίδας ἐν τῇ Ἐκκλησ. Ἀληθείᾳ, т. 2, σ. 263—264 καὶ 277. Μ. Γεθεῶν Πατριαρχ. πιν. σ. 673—675.

⁴ Τοῦτο ἴσως πρότερον ὑπὸ τὴν πνευματικὴν διοίκησιν τοῦ ἐκάστοτε μητροπολίτου Δέρων. ἴδε *Σεργίου Μακρταίου* Ἐκκλησ. ἱστορίαν ἐνθ. ἀνωτ. σ. 387. Πρβλ. τὸ βιβλίον *Εὐγενίου ἱερέως*, Ἡ Ζωοδόχος Πηγὴ καὶ τὰ ἱερὰ αὐτῆς προσεργήματα. Ἐν Κ/πόλει, 1886, σ. 92—97 καὶ 235—241. Π. Κοιτογιάννη Διονύσιος Καλλιάρχης· ἐν τῇ Ἀθηνῶν, 1906, т. 18, σ. 154.

εἰς τὴν ἔκδοσιν τοῦ ἰδίου τοῦ σιγίλλιου παρακλήσει γραπτῇ τοῦ τότε τῆς σχολῆς ταύτης διευθυντοῦ Κοσμᾶ Βασιλοπούλου τοῦ Μπαλάνου¹.

Μετὰ τὰ σιγίλλια ταῦτα ἔχομεν ἐν τῇ συλλογῇ Likhatcheff δώδεκα διάφορα γράμματα (ἀριθ. 20—31).

α') Ἀργυρόβουλλον τοῦ 1444-ου ἔτους ἐπ' ὀνόματι τοῦ δεσπότη Κωνσταντίνου Παλαιολόγου, ὅπερ, εἰ καὶ νέας κατασκευῆς, ὡς ἐσημείωσα ἐν ταῖς σελίσιν 27—28, νομίζεται μέχρι τοῦδε γνήσιον· παρατηρεῖται δὲ τοῦτο ἐν τῷ βιβλίῳ τοῦ μακαρίτου Ἀντωνίου Μηλιαράκη: «Οἰκογένεια Μαμωνᾶ ἱστορική καὶ γενεαλογικὴ μελέτη τῆς οἰκογενείας Μαμωνᾶ ἀπὸ τῆς ἐμφανίσεως αὐτῆς ἐν τῇ ἱστορίᾳ μέχρι σήμερον, 1248—1902». Ἐν Ἀθήναις, 1902. σ. 38—39, 108—109.

β') Ἐπιστολὴ Φραγκίσκου Ἀρκουδίου (ἀριθ. 21) πρὸς τὸν καρδινάλιν Φραγκίσκον Barberini, ἔτ. 1641. Περὶ τοῦ ἰταλογραίικου τούτου Ἀρκουδίου ὄρα Ἐ. Legrand, Bibliographie hellénique du XVIIe siècle, τ. 3, σ. 232—238, 523—524. Τόμ. 5, σ. 239—240.

γ') Ἐπιστολὴ Φραγκίσκου Γοτζαδίνου πρὸς τὸν πάπαν Οὐρβανὸν τὸν ὀγδοον, ἀχρονολόγητος, συνοδευομένη μετὰ τριῶν ἐπιγραμμάτων τοῦ αὐτοῦ Γοτζαδίνου (ἀριθ. 22)· περὶ αὐτοῦ δὲ ὄρα Legrand ἐνθ. ἀνωτ. τ. 2, σ. 166. Τόμ. 3, σ. 346. Τόμ. 5, σ. 275—277.

δ') Τέσσαρες ἀμοιβαῖαι ἐπιστολαὶ μαθητοῦ καὶ διδασκάλου, Ἀλεξάνδρου Μανασαγγίου καὶ Φραγκίσκου Σόνδη (ἀριθ. 23—26), ἀμφοτέρων ἀγνώστων ἐμοὶ ἀλλαχόθεν. Ἐξετυπώθησαν ὡς ἔχουσι.

ε') Δύο αὐτόγραφα (ἀριθ. 27—28) τοῦ γνωστοῦ πολυγράφου καὶ ἑλλημιστοῦ ἐν τῷ 17-ῳ αἰῶνι Λέοντος Ἀλλατίου, Χίου μὲν τὴν πατρίδα, γόνου δὲ γενεᾶς ἰταλικῆς καὶ κατολίκου ἐκ γενετῆς, οὐχὶ δὲ (ὡς λέγεται συνήθως) Ἕλληνας καὶ πρότερον ὀρθοδόξου. Τὸ πρῶτον τῶν αὐτογράφων αὐτοῦ περιλαμβάνει ἐπίγραμμα πρὸς τὸν γνωστὸν φιλόλογον καὶ ἀρχαιολόγον Ἰωάννην Φριδερίκον Γρονόβιον, συνταχθὲν ἐξ ἀφορμῆς τῆς ἔτει 1636-ῳ ἐκδοθείσης γενναίας αὐτοῦ συγγραφῆς περὶ τοῦ Ῥωμαίου ποιητοῦ Στατίου². τὸ δ' ἕτερον αὐτόγραφον περιλαμβάνει ἐν ἑαυτῷ ἰαμβικὸν ποίημα τοῦ καρδινάλι Barberini κατὰ μετάφρασιν τοῦ Ἀλλατίου ἐξ ἰταλικοῦ τοῦ ποιητοῦ κειμένου.

¹) Περὶ τῆς σχολῆς ταύτης ἴδε τὴν πραγματείαν Β. Μυστακίδου, Συμβολὴ εἰς τὴν ἱστορίαν τῶν ἐν Ἰωαννίνοις σχολείων. Παιδαγωγός, 1886, τ. 10, σ. 55—76, 132—140, 185—191. Τὸ γράμμα τοῦ Κοσμᾶ πρὸς τὸν πατριάρχην αὐτόθι μεταξὺ τῶν σελίδων 68—70. Αὐτόθι, σ. 70—76, καὶ σιγίλλιον τοῦ ἔτους 1805, ἐν ᾧ μνημονεύεται τὸ τοῦ ἡμετέρου Γρηγορίου.

²) Ἡ ἐπιγραφή τῆς συγγραφῆς ταύτης ἔχει οὕτω· Iohannis Frederici Gronovii in P. Papinii Statii Silvarum libros V diatriba ad Th. Graswinckelium equitem et JC. Hagæ—Comitis, ex officina Theodori Maire. 1636. 8°, φύλλα 12+ σελ. 418+ φ. 16.

ζ') Ἐπιστολὴ τοῦ ἑλληνοῦ ἰησοῦίτου Σίμωνος Wangnereck πρὸς Λέοντα τὸν Ἀλλάτιον (ἀριθ. 29), σχετικὴ πρὸς τὸ ἀξιόλογον μὲν ἀλλὰ σπανιώτατον βιβλίον, ἐν ᾧ περιέχονται ἑπτὰ παλαιὰ ἑλληνικὰ κείμενα περὶ τῶν ἁγίων ἀναργύρων Κοσμά καὶ Δαμιανοῦ, μετὰ λατινικῶν μεταφράσεων τοῦ Wangnereck καὶ σοφοῦ προλόγου τοῦ ἰησοῦίτου Reinhold Duhn. Καλλιστον ἀντίτυπον τοῦ βιβλίου τούτου ἔχει ἐν τῇ πλουσίᾳ του βιβλιοθήκῃ ὁ καὶ κάτοχος τῆς αὐτογράφου τοῦ συγγραφέως ἐπιστολῆς κ. Likhatcheff. Ὁ πλήρης αὐτοῦ τίτλος ἔχει οὕτω: Syntagmatis historici, seu veterum Graeciae monumentorum, de tribus Sanctorum Anargyrorum Cosmae et Damiani nomine paribus, partes duae, potissimum ex manuscriptis à clarissimo viro Leone Allatio Româ transmissis, cum interpretatione latinâ R. P. Simonis Wagnereckii, Societatis Jesu. Reinoldus Duhnus, ejusdem Soc. ea quæ P. Wagnereckii obitu imperfecta remanserant absolvit, notis illustravit praefatione apologeticâ opus munivit. Viennae in Austria, apud Matthaeum Cosmerovium, Sacrae Caesareae Majestatis typographum. Facultate Superiorum. Anno M. DC. LX.

ζ') Μαρτυρικὸν τῆς ἐν Πάτρῳ μονῆς, ἔτους 1691-ου, πρὸς χρῆσιν τοῦ τότε Βενετοῦ ἀρχιναύρχου Domenico Mocenigo, περὶ τοῦ δωρηθέντος αὐτῷ ἐκ τῆς μονῆς ἱεροῦ χριστιανικοῦ μνημείου (ἀριθ. 30). Τῷ μαρτυρικῷ τούτῳ ἔπεται μετάφρασις αὐτοῦ ἰταλική (ἀριθ. 31), γενομένη ἐν τῇ νήσῳ Μήλῳ τῷ αὐτῷ ἔτει, ἀξιόλογος δὲ κατὰ τοῦτο, ὅτι τὸ ἀκριβές τῆς μεταφράσεως ἐκώρυσεν ὁ τότε λατῖνος τῆς νήσου ταύτης ἐπίσκοπος Ἰωάννης Ἀντώνιος de Camillis· ὅστις, εἰ καὶ δὲν ἀναγράφεται παρὰ τῷ Lequien¹, εἶναι πάντως γόνος τῆς γνωστῆς ἐκ Χίου ἰταλοφυοῦς οἰκογενείας de Camilli².

Μετὰ πάντα τὰ ἔγγραφα ταῦτα προσετέθησαν ἐν τῷ βιβλίῳ τούτῳ τέσσαρα εἰσέτι τοιαῦτα, ὧν τὰ πρωτότυπα εὐρίσκονται ἐν τῇ Δημοσίᾳ Αὐτοκρατορικῇ Βιβλιοθήκῃ ἐντὸς θήκης περιεχοῦσης καὶ ἄλλα τινὰ ὁμοίας φύσεως πρωτότυπα ἔγγραφα εἰς ἀραβικὴν ἀρμενικὴν καὶ συριακὴν γλῶσσαν³. Τὰ πρῶτα τρία τῶν ἔγγράφων τούτων (σ. 41—48, ἀριθ. 1—3) εἶναι γνωστὰ ἐκ

¹) Oriens Christianus, τ. 3, σ. 1055—1058. Αὐτόθι οὐδ' οἱ ἐν τῷ προλόγῳ τούτῳ μνημοθεθέντες λατῖνοι τῆς Μήλου ἐπίσκοποι μνημονεύονται, Φραγκίσκος Τομάζος καὶ Νικόλαος Λέσδος.

²) Πρὸς. *É. Legrand*, Bibliographie hellénique du XVIIIe siècle, τ. 5, σ. 109—114 καὶ 348—363.

³) Τὰ τῆς θήκης ταύτης ἔγγραφα, συντελεστικὰ εἰς κατάληψιν τῆς ἐν Τουρκίᾳ παρὰ τοῖς χριστιανικοῖς αὐτῆς λαοῖς θρησκευτικοπολιτικῆς ἐπιδράσεως τῆς γαλλικῆς διπλωματίας ἐν τῷ 17-ῳ αἰῶνι, πλοπὸν ἔχει νὰ συνεχῶς μετὰ μελέτης ὁ αἰδ. Dom Antonius Staerk, συγγραφεὺς ἀξιολόγων λατινοῦ γλῶσσης ἐρευνῶν καὶ μελετῶν.

παλαιῶν γαλλικῶν μεταφράσεων, ὡς σημειοῦται ἐν τῷ οἰκείῳ τόπῳ¹. τὸ δὲ ἑλληνικὸν αὐτῶν κείμενον νῦν τὸ πρῶτον δημοσιεύεται. Καὶ ταῦτα καὶ τὰ λοιπὰ εὐρίσκοντο πρότερον ἐν Παρισίοις, πιθανῶς ἐν τῇ abbaye de Saint-Germain· τοῦλάχιστον περὶ τοῦ πρώτου ἐγγράφου τῶν ἀθωνικῶν μονῶν, ὅπερ ἀφορᾷ εἰς τὸν Ἀγάπιον Λάνδον, βέβαιον εἶναι ὅτι εὐρίσκετο ἐξ ἀρχῆς ἐν τῇ ῥηθείᾳ abbaye.² Περὶ τῶν τριῶν τούτων ἐγγράφων γεγραμμένων ὑπὸ κληρικῶν ἀμαθῶν, ὡς ἀποδεικνύει τὸ κείμενον, ἀπὸ σχεδίων προητοιμασμένων ἀναμφιβόλως ἐν τῇ γαλλικῇ πρεσβείᾳ Κωνσταντινουπόλεως ὑπὸ τινος τῶν ἐντοπίων αὐτῆς χριστιανῶν διερμηνέων, ἢ καὶ ὑπὸ κληρικῶν, εἶτα δὲ διὰ προσωπικῆς τοῦ de Nointel ἐπισκέψεως μοναστηρίων καὶ ἐπισκοπῶν ὑπογραφομένων ὑπὸ διαφόρων κληρικῶν, ὧφειλε νὰ γραφῶσιν ἐνταῦθα ἱκανά· ἀλλ' ἐπειδὴ τῶν ἐγγράφων τούτων ἡ γένεσις καὶ ὑπόθεσις συνδέεται στενῶτατα μετὰ μακρᾶς ἐνὸς περιήτου αἰῶνος σκανδαλώδους ἱστορίας, τό γε νῦν ἀρκεσθῶμεν εἰς τὴν ἀπλὴν μόνον ἔκδοσιν αὐτῶν, ἵνα σπουδαῖος εἰλικρινῆς θεολόγος λαμβάνων ἐξ αὐτῶν ἀφορμὴν ἀναζητήσῃ τὴν πηγὴν, τὴν γένεσιν, τὰ αἷτια καὶ αἰτιατὰ τῆς ἐν τῷ 17-ῳ αἰῶνι συντάξεως, δημοσιεύσεως καὶ μέχρι σήμερον κυκλοφορίας ἐν «Συμβολικαῖς» ὁμολογιῶν πίστεως ὀρθοδοξοφανῶν, ἐπηρεῖα μὲν ξένη συντεταγμένων, ὁμῶς δὲ ὑπόπτων ἐναχοῦ καὶ σοβαροῦ στερουμένων κύρους συνοδικοῦ³.

A. Π.-Κ.

¹) Τὸ τέταρτον ἐγγράφον εἶναι ἀπλῶς αἰτήσις συνδρομῆς πρὸς τὴν ἐν Χάλκῃ μονὴν τῆς Ἁγίας Τριάδος, ἐν ἣ σήμερον εὐρίσκεται ἡ Πατριαρχικὴ Θεολογικὴ Σχολή. Αὕτη ἐλέγγο καὶ μονὴ Ἐσώπτρου ἐκ παλαιοῦ· ἴδε Θεοδόσιον Ζυγομαλιᾶν ἐν τῷ ἡμετέρῳ βιβλίῳ: Ὁκτὼ ἑλληνικαὶ περιγραφαὶ τῶν Ἁγίων Τόπων, ἐν Πέτρουπόλει, 1903, σ. 42 (Правосл. Палест. Сборникъ τεύχος 56). Περὶ τῆς μονῆς Μαυρομόλου, ἐξ ἧς ἔχομεν ἐνταῦθα τὸ 3-ον γράμμα (σ. 45—48) ἴδε Σ. Σιδερίδου Παρατηρήσεις εἰς τὴν πραγματείαν Α. Π.-Κ. Ναοὶ Κ/πόλεως κτλ. ἐν Κ/πόλει 1904, σ. 56—58. J. de Hammer, Histoire de l' Empire Ottoman. Paris, 1835—1839, σ. 285. Α. Δ[έμπεδερ], Ἡ ἔρημος Μαυρομόλου· ἐξ ἀρχαιολογικῶν ἐρευνῶν ἐν τοῖς πέριξ Κ/πόλεως (Пустыня Мавромоло; изъ археологическихъ поисковъ въ окрестностяхъ Константинополя). Φυλλάδιον εἰς 4-ον, διςτῆλον, ἐκ 4 σελίδων· ἀπόσπασμα ἐκ τοῦ περιοδικοῦ: Московскія Епархіальныя Вѣдомости. Годъ II, 1870, ἀριθ. 26, σ. 6—7. Ὁ τὸ ἐγγράφον ὑπογράφας Μακάριος ὁ ἡγούμενος τῆς μονῆς Μαυρομόλου ἐξῆ καὶ ἔτει 1681-ῳ ὄρα Ἀθωνική Πατερική, ἐν Μόσχᾳ 1889, ἐκδόσεως 6ης τ. 2, σ. 373.

²) Ὁ ἐκδοὺς τὴν μετάφρασιν αὐτοῦ Pierre Nicole (Réponse générale au nouveau livre de M. Claude. Paris, 1671, σ. 179—181. Perpetuité de la foi de l' Eglise Catholique sur l' Eucharistie. Paris, 1841. τ. 3, σ. κλιχ) λέγει οὕτως αὐτολεξεῖ: „Si M. Claude désire de voir l'original de cette attestation, il le trouvera à l' abbaye de Saint - Germain, où on l'a mise en dépôt». Περὶ Ἰγνατίου τοῦ προέδρου Χίου, ὅστις ὑπέγραψε τὴν πρᾶξιν τῆς Χιακῆς συνόδου (ἀριθ. 2, σελ. 43—45), ἀνάγνωθι τὸ ἀρθρον Περικλέους Ζερλέντη: Ροβέρτος Σάλλγερσ: Ἰησοῦς τῆς ἐλεγχομένου ἐν τοῖς περὶ τοῦ ἔτι γαχ' ἱεράρχου τῶν Χίων (Ἐκκλησιαστ. Ἀλήθεια, 1906—1907, τ. 27, σ. 282—284, 291—292, 311—314).

³) Χαρακτηριστικά τινα περὶ μιᾶς τῶν ὁμολογιῶν τούτων, ἐχούσης χαρακτῆρα συνοδικόν, ἴδε προχείρως παρὰ τῷ ἀρχιμανδρίτῃ Χρυσοστόμῳ Παπαδοπούλῳ ἐν τῇ Νέᾳ Σιών (ἐν Ἱεροσολύμοις, 1907), τ. 5, σ. 104—128. Αὕτη ἐγένετο δι' ὑποσχέσεις τινὰς τοῦ γάλλου κατολικοῦ πρεσβευτοῦ de Nointel· αἵτινες διαψευθεῖσαι κατόπιν ἐβίβασαν τὸν συντάκτην αὐτῆς νὰ μεταμεληθῇ οὕτως, ὥστε τὴν αὐτὴν ὁμολογίαν νὰ συντάξῃ πολλαχῶς διάφορον, κατὰ πνεῦμα ὀρθοδόξον· δυστυχῶς ὁμῶς οὕσα μονοπρόσωπος δὲν ἀκαροῖ τὴν προτέραν συνοδικὴν σύνταξιν.

ΔΙΑΦΟΡΑ ΕΛΛΗΝΙΚΑ ΓΡΑΜΜΑΤΑ

ΕΚ ΤΟΥ ΕΝ ΠΕΤΡΟΥΠΟΛΕΙ ΜΟΥΣΕΙΟΥ ΤΗΣ Α. Ε. ΤΟΥ ΚΥΡΙΟΥ

NIKOLAS LIKHATSCHEFF.

Α'.

ΓΡΑΜΜΑΤΑ ΠΑΤΡΙΑΡΧΙΚΑ.

1.

7070 (1562), *Μηνὶ Αὐγούσιῳ* 21.

(Χάρτης μήκους 0.43, πλάτους 0.316. Αυτόγραφον τοῦ πατριάρχου Ἰωακείμ ἀπ' ἀρχῆς μέχρι τέλους. Ὅπισθεν ἐπιγραφή· «+ τῷ ἱερωτάτῳ καὶ ὑπερτίμῳ μ(ητ)ροπολίτῃ τῆς Κρητῶν νήσου, ἐξ Αἰγύπτου δοθείη». Ὅρα πίνακα φωτοτυπιῶν Α').

+ Ἰωακείμ ἐλέω θ(εο)ῦ πάπας π(ατ)ριάρχης τῆς μεγάλης πόλεως Ἀλεξανδρείας καὶ κριτῆς τῆς οἰκουμένης: +

+ Ἱερωτάτε μ(ητ)ροπολίτα τῆς ἁγίας μ(ητ)ροπόλεως τῆς Κρητῶν νήσου. εὐχομαι κ(ύρι)ῳ τῷ θ(ε)ῷ τοῦ ὑγιαίνειν καὶ σωματικῶς τὴν ἀγιώσυνην σου, εἰς σύστασιν καὶ ὠφέλειαν τῆς ἁγίας ἐκκλησίας Χ(ριστο)ῦ τοῦ ἀληθινοῦ (θεοῦ) ἡμῶν. ἐπειδὴ καὶ ἡμεῖς τῇ αὐτοῦ χάριτι οὕτως ἔχομεν. Γνωστὸν ἔστω σοι ὅτι τὴν τιμίαν σου γραφὴν ἔλαβα, καὶ ἐξ αὐτῆς ἔμαθον ἅπαντα. διὸ ἔγωγε ἔγραψα τῶν λοιπῶν δύο π(ατ)ριάρχων τῆς Ἀνατολῆς. αὐτοὶ δὲ ἀπ' αὐτόθιν ἄς γράψουσι τοῦ οἰκουμενικοῦ π(ατ)ριάρχου τῆς Κωνσταντινουπόλεως. ἐπειδὴ ἡμεῖς εἰς ταῦτα τὰ μέρη τῆς Ἀνατολῆς, ἄνδρες ὑπάρχουσι Σύροι τὴν διάλεκτον, καὶ τῆς ἑλληνικῆς διαλέκτου καὶ γραμματικῆς ἐπιστήμης παντελῶς ἄμοιροι. τούτου ἔνεκεν πρὸς αὐτὸν ὁμοφώνως ἐγράψαμεν, ἵνα αὐτὸς πρὸς ὑμᾶς πέμψῃ ἄνδρας σοφοὺς καὶ ἐπιστήμονας, καὶ τῆς ἑλληνικῆς σοφίας πεπαιδευμένοι. ναὶ ἀληθῶς, εἰ μὲν καὶ ὁ ἀγιώτατος πάπας προσκαλέσει αὐτὸν. ἡμεῖς δὲ ἐδώκαμεν τούτου ὅλον μας τὸ θέλημα καὶ ἐξουσίαν εἰς πᾶσαν ὑπόθεσιν περὶ ταύτης τῆς συνόδου. καὶ δῶη κ(ύρι)ος ὁ θ(ε)ός:

ἡμῶν ἵνα ἐνωθῆ ἡ ἁγία ἐκκλησία Χ(ριστοῦ) τοῦ ἀληθινοῦ θ(εοῦ) ἡμῶν ὡσπερ ὑπῆρχεν καὶ τὸ πρότερον, κατὰ τὴν παράδοσιν τῶν ἁγίων ἐνδόξων καὶ πανευφύμων ἀποστόλων Πέτρου καὶ Παύλου. ὡς καθὼς καὶ αἱ ἅγιοι καὶ οἰκουμενικαὶ ἐπτὰ σύνοδοι τῶν πάλαι ἁγίων π(ατέ)ρων ἡμῶν, ἐγγράφως ἡμῶν παρέδωκαν. ὁ δὲ κ(υρίο)ς ἡμῶν Ἰ(ησοῦ)ς Χ(ριστό)ς ὁ τοῦ π(ατ)ρ(ὸ)ς ὁμοούσιος υἱὸς καὶ συναΐδιος λόγος, εἶη διαφυλάττων σε ἀπὸ παντὸς κακοῦ. ἄνοσον εὐθυμον. ὑγιῆ. εἰς ἐτῶν πολλῶν περιόδους, ἀμήν, ἀμήν: Αὐγουστος. κα
ζο⁸ ἔτους.

+ Ἰωακείμ ἐλέω θ(εοῦ) πάπας καὶ πατριάρχης τῆς μεγάλης πόλεως Ἀλεξανδρείας + : —

2.

1597, Μηνὶ Μαΐω 9.

(Χάρτης μῆκ. 0.215, πλ. 0.315, σχήματος τετραγώνου παραλληλογράμμου. Ὅρα πίνακα φωτοτυπιῶν Β').

+

Μελέτιος ἐλέω θ(εοῦ) πάπας, καὶ π(ατ)ριάρχης τῆς μεγάλης πόλεως Ἀλεξανδρείας, καὶ κριτῆς τῆς οἰκουμένης, ὁ τοῦ Ὀικουμενικοῦ Θεότου Κωνσταντινουπόλεως ἐπιτηρητής: —

+ Τοῖς ἐν Μύλῳ εὐρισκομένοις ὀρθοδόξοις χριστιανοῖς ἱερεῦσι τε, καὶ λαϊκοῖς, υἱοῖς τῆς ἡμῶν μετριότητος ἐν κ(υρί)ῳ ἀγαπητοῖς, χάριν ἔλεος, καὶ εἰρήνην, παρὰ τοῦ κ(υρίο)υ, καὶ θ(εοῦ), καὶ σ(ωτῆ)ρ(ο)ς ἡμῶν Ἰ(ησοῦ)ς Χ(ριστοῦ). ἡ μετριότης ἡμῶν εὐχεται, καὶ εὐλογεῖ πάντας ὑμᾶς. ἤλθε πρὸς ἡμᾶς ὁ εὐλαβεστάτος ἐπίσκοπος τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης φρά Φραντζέσκος λυπούμενος, ὅτι τινὲς τῶν χριστιανῶν ἀφόβως καὶ ἀδίκως διήρπαξαν ἐν τοῖς περασμένοις καιροῖς τὰ πράγματα τῆς ἐκκλησίας αὐτοῦ. ὄιον, βιβλία, σκεύη ἱερά χωράφια, ἀμπελῶνας. καὶ παρόμοια τινά, καὶ ἐζήτει παρ' ἡμῶν δικαίαν ἐκδίκησιν. διὰ τοῦτο ἀποφαινόμεθα ἵνα ἐάν τις ἤ(ρ)παξεν ἀδίκως, ἢ ἀδίκως παρακρατῆ, ἀποδώσῃ δίχα προφάσεως, εἰς τὰς χεῖρας τοῦ πρόδρῆθέντος εὐλαβεστάτου ἐπισκόπου τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης φρά Φραντζέσκου. ἐάν δὲ τις τολμήσῃ παρακούσων τῆς ἡμετέρας προστάξεως. δι' ἄλλων γραμμάτων ἀφοριστικῶν ἐπιτιμήσωμεν αὐτὸν βαρύτερα. οὕτως οὖν ποιήσατε ἵνα ἡ χάρις τοῦ θ(εοῦ) καὶ τὸ ἄπειρος αὐτοῦ ἔλεος εἶη μετὰ πάντων ὑμῶν. θ⁹ Μαΐου
αφ' Ἰζ': —

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τὸ)

+ Μελέτιος ἐλέω θ(εοῦ) πάπας καὶ πατριάρχης τῆς μεγάλης πόλεως Ἀλεξανδρείας . + .

1601, Μηνί Ἰουνίῳ ἰνδ. 14.

(Χάρτης μῆκ. 0.403, πλ. 0.308. Ὅπισθεν: Littera del Patriarca Matheo il morto).

+ Ματθαῖος ἐλέω θ(εο)ῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικὸς π(ατ)ριάρχης : —

+ Θεοφιλέστατε ἐπίσκοπε Μήλου, ἐντιμότατοι κληρικοί, χρησιμώτατοι ἄρχοντες, καὶ ὁ λοιπὸς ἅπας τοῦ Κ(υρίου) χριστῶνυμος λαός, υἱοὶ ἀγαπητοὶ τῆς ἡμῶν μετριότητος, χάρις εἴη ὑμῖν ἅπασι καὶ εἰρήνη καὶ ἔλεος ἀπὸ θ(εο)ῦ. Ὁ ἐκλαμπρότατος καὶ ἐνδοξότατος ἀποκρισιάρχιος τοῦ Φράντζα, ἀνέφερε τῇ ἡμῶν μετριότητι, ὅπως αὐτοῦ ἐν τῇ νήσῳ αὐτῇ τῆς Μήλου ἔστιν ἐκκλησία, ἐπ' ὀνόματι τιμωμένη τῶν ἁγίων Ἀναργύρων. καὶ εἰσὶ καὶ ἀφιερωμένα πράγματα, ἅπερ ὤριζαν ἔκπαλαι οἱ διάδοχοι τῶν ἀφιερωσάντων αὐτὰ. ὡς καὶ παπᾶ Κύριλλος ἱερέβρι¹ παπᾶ Κωνσταντίνος, παπᾶ Γεώργι(ος), καὶ ἄλλοι, καὶ ἔπερον καὶ εἶχον τὰ ἐκ τούτων. Ἐπεὶ δὲ νῦν ζητησίς ἀνέκυψε καὶ διαφορά, καὶ χρεῖα κατὰ τόπον ἀναφανῆναι τὴν ἀλήθειαν, διὰ τὸ δίκαιον, τούτου χάριν γράφομεν ἐν ἁγίῳ πν(εύματι) καὶ ἀποφαινόμεθα. ἵνα ἅπαντες οἱ ἐν Μήλῳ ἱερωμένοι καὶ λαϊκοὶ, καὶ οἱ λοιποὶ, μαρτυρήσητε καὶ φανερώσητε. ὅσα ὤριζεν ἡ τῶν Λατίνων ἐκκλησία, καὶ ὅσα ἡ τῶν Γραικῶν. καὶ νὰ μαρτυρήσητε ἀφιλοπροσώπως, ἐν βάρει ἀφορισμοῦ ἀλύτου καὶ αἰωνίου τοῦ ἀπὸ θ(εο)ῦ παντοκράτ(ο)ρ(ος). καὶ νὰ γένῃ ἀναφορὰ πρὸς τὴν ἡμῶν μετριότητα, διὰ τὸ τελειωθῆναι τὸ δίκαιον, ὅπως ἐκάστη τῶν ἐκκλησιῶν, ἢ, τε Λατίνων καὶ ἢ Γραικῶν, ἔχη τὰ ἑαυτῆς δίκαια. ὅστις δὲ, ἢ ὁ ἐπίσκοπος αὐτός, ἢ ἄλλος ἱερέων ἐναντιθῆ, ἢ ἐμποδίξῃ μὴ ἐλθεῖν πρὸς ἡμᾶς τὴν ἀναφορὰν τοῦ ἀφιλοπροσώπως ποιῆσαι τὸ δίκαιον. ἀργὸς ἔστω, καὶ παιδευθήσεται καὶ ἄλλω τρόπῳ ὡς ἐναντίος ἡμῶν καὶ τοῦ δικαίου. φροντίσατε οὖν γενέσθαι τὴν μαρτυρίαν ἀληθῆ, καὶ ἐλθεῖν τὴν ἀναφορὰν πρὸς ἡμᾶς, καὶ τελειωθῆναι τὸ δίκαιον. οὕτω καὶ μὴ ἄλλως. ἡ τοῦ θ(εο)ῦ χάρις εἴη ὑμῖν: —

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τὸ)

Ἐν μηνί Ἰουνίῳ ἐν(δικτιῶ)νος εἰσ⁷⁶ .: +

1602, Μηνί Ἀπριλίῳ ἰνδ. 15.

(Χάρτης σχήματος τετραγώνου παραλληλογράμμου, μῆκ. 0.22, πλ. 0.31. Πολλὰ ἰῶτα καὶ ψιλα ἐν μέσῳ λέξεως ἔχουσιν ἐπὶ κεφαλῆς ἀνά μίαν στιγμὴν. Ὅπισθεν: Littera del Patriarca Neophito, al populo del isola di M.).

1) Ἡ λέξις αὕτη ἐγράφη ἐπὶ λέξεως ἐτέρας ἀπεξεσμένης.

+ **Νεόφυτος, ἐλέω Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κων(σταντίνου)π(ό)λεως νέας Ῥώμης, καὶ οἰκουμενικὸς π(ατ)ριᾶρχης.**

+ Ἐντιμότατοι κληρικοὶ Μύλου, ὃ, τε οἰκονόμος παπᾶ κύριος Γουλιέρμος. ὁ παπᾶ κύριος Ἰω(άν)νης Χαλδαῖος. ὁ παπᾶ κύριος Γεώργι(ος) Πάτρας. ὁ παπᾶ κύριος Ἀντώνιος Καλίτης. ὁ παπᾶ Ἀντώνι(ος) Μονεμβασίτης. ὁ παπᾶ Κύριλλος. καὶ ὁ κύριος Δημήτρι(ος) Ῥουσκέτος, μετὰ τῶν λοιπῶν χριστιανῶν ἀρχόντων, χάρις εἶη ὑμῖν ἀπὸ Θεοῦ—Γινώσχετε καλῶς, ὅτι ἐξάρχος ἡμέτερος καὶ π(ατ)ριαρχικὸς ἀρχιερεὺς, ἔχει ἐξελθεῖν εἰς τὰς νήσους τῆς Ἀσπρης Θαλάσσης, καὶ ἐπειδὴ ἐλεύσεται καὶ πρὸς ὑμᾶς εἰς τὸ θεωρῆσαι τὴν ὑπόθεσιν τοῦ ναοῦ τῶν ἁγίων Ἀναργύρων, καὶ τῶν κτημάτων αὐτοῦ, πότερον ὑπὸ τὴν ἐκκλησίαν τῶν Γραικῶν ἡμῶν ἴν, ἢ ὑπὸ τῶν Λατίνων, τούτου χάριν γράφοντες ἐντελλόμεθα ὑμῖν ἐν ἀγίῳ πνεύματι. ἵνα ἀφιλοπροσώπως, καὶ μετὰ βάρους ἀλότου, καὶ αἰωνίου ἀφορισμοῦ τοῦ ἀπὸ Θεοῦ παντοκράτορος, μαρτυρήσητε καὶ ὡμολογήσητε τὴν ἀλήθ(ειαν), ἐνώπιον αὐτοῦ τοῦ ἐξάρχου, ὡς ἂν φανερωθεῖσης αὐτῆς, λάβῃ καὶ εὖρη τὸ δίκαιον τὸν τόπον αὐτοῦ, καὶ τὸ φανὲν ἀδικὸν μέρος, παύσῃται καὶ εἰρηνεύῃ. οὕτω φροντίσατε κατὰ τὴν ζήτησιν τοῦ ἐκλαμπροτάτου ἐλτζῆ τῆς Φράντζας, ἵνα ἀναφορὰ γένηται πρὸς ἡμᾶς καὶ λάβῃ πέρας ἡ ὑπόθεσις, καὶ λυθῇ τὸ μεταξὺ ἡμῶν σκάνδαλον: οὕτω γενέσθω: ἡ δὲ τοῦ Θεοῦ χάρις εἶη μεθ' ὑμῶν: ∞

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τὸ)

Ἐν μηνὶ Ἀπριλλίῳ, ἐν(δικτιῶν)ος ιε^{ης} +

5.

1603, Μηνὶ Ἰουλίῳ ἰνδ. 1.

(Δύο πρωτότυπα ἀμφότερα χάρτινα, γεγραμμένα ὑπὸ δύο διαφόρων γραφέων, ἐφ' ὧν ὁ πατριάρχης Ῥαφαὴλ 2-ος ἔγραψεν ἰδιοχείρως τὸν μῆνα καὶ τὴν ἰνδικτιῶνα. Τὸ πρῶτον μήκους 0.419 καὶ πλ. 0.30, τὸ δεύτερον μήκ. 0.425 καὶ πλ. 0.302. Τὸ κείμενον δημοσιεύεται κατὰ τὸ δεύτερον πρωτότυπον).

+ **Ῥαφαὴλ ἐλέω Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνστ(αντινου)π(ό)λεως νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικὸς π(ατ)ριᾶρχης :** —

+ Ἐντιμότατοι κληρικοί, εὐλαβέστατοι ἱερεῖς, χρησιμώτατοι ἄρχοντες. καὶ οἱ λοιποὶ εὐλογημένοι χριστιανοὶ τῆς νήσου Μύλου, τέχνα ἐν κ(υρ)ίῳ ἀγαπητὰ τῆς ἡμῶν μετριότητος, χάρις εἶη ὑμῖν ἅπασι καὶ εἰρήνη καὶ ἔλεος ἀπὸ Θεοῦ παντοκράτ(ο)ρος καὶ κ(υρ)ίου Ἰ(ησοῦ) Χ(ριστοῦ). καλῶς οἴδατε. ὅτι κατὰ τὰ προεκδοθέντα παρὰ τῶν πρὸ ἡμῶν π(ατ)ριάρχων γράμματα, ἐξετάσεως γενομένης αὐτοῦ κατὰ τόπον παρὰ τε τοῦ ἱερωτάτου μ(ητ)ροπολίτου Χί(ου), τοῦ π(ατ)ριάρχικοῦ ἐξάρχου Ἀσπρης Θαλάσσης, καὶ τῶν Κυκλάδων νήσων, καὶ τοῦ σὺν αὐτῷ πρώην μ(ητ)ροπολίτου Παροναξίας Ἀθανασίου, τῶν

προτραπέντων θεωρῆσαι τά τε περὶ τοῦ ἐκεῖσε ναοῦ τῶν ἀγίων καὶ θαυμα-
τουργῶν Ἀναργύρων καὶ τῶν κτημάτων αὐτοῦ, τῶν καλουμένων ἐπίσκοπια-
νῶν, ἐφάνη καὶ ἐμαρτύρηθη παρὰ τῶν αὐτόθι γερόντων, κληρικών, καὶ τῶν
λοιπῶν. ἱερωμένων. καὶ λαϊκῶν. ὅτι ὁ ναὸς οὗτος καὶ τὰ λεγόμενα ἐπίσκο-
πιανὰ χωράφ(ια), ἄνωθεν ἐξαρχῆς ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν ἦσαν τῶν Λατίνων, καὶ
ὁ κατὰ καιροὺς ἐπίσκοπος τῶν Λατίνων, ἐνέμετο καὶ ἐκαρπούτο αὐτά, ἐξ ὧν
ἦν καὶ ὁ Φρατζέσκος ἐκεῖνος. ἡ δὲ τοιαύτη ἀκριβὴς ἐξέτασις ἐγένετο ἐν τῷ
ναῷ τῆς Παναγίας τῆς Εὐαγγελίστριας τῆς κειμένης ἐνδον τῆς χώρας, προ-
κειμένου τοῦ θείου Εὐαγγελίου καὶ ἀφορισμοῦ ἐκφωνουμένου μετὰ ὡμοφροῦ-
ου καὶ ἐπιτραχηλίου. ἐπεὶ δὲ καὶ ὁρίσμος τῆς βασιλείας ἐνεφανίσθη ἡμῖν
ἐπικυρῶν πᾶν τὸ περὶ τούτου, καὶ πρὸς τούτοις τὸ γεγονός κατὰ τὰς μαρ-
τυρίας ὑμῶν χοτζέτιον, ἐπιβραβεύων αὐτοῖς τούτοις τὸ βέβαιον, τούτου χάριν
καὶ ἡ μετριότης ἡμῶν ἀκολούθως ἀποφαίνεται καὶ ἐν ἀγίῳ π(νεύματι)ῖ δῖωρ-
ζεται. ἵνα κατὰ τὴν κρίσιν ταύτην καὶ ἀπόφασιν, καὶ κατὰ τὸν βασιλικὸν ὁ-
ρισμόν, ὁ ναὸς αὐτὸς τῶν ἀγίων Ἀναργύρων, καὶ τὰ λεγόμενα ἐπίσκοπιανὰ
χωράφια, ὑπάρχωσιν ὑπὸ τὴν διοίκησιν τῶν Λατίνων ὡς ἦσαν ἄνωθεν, μὴ
τολμῶντος τοῦ νῦν ἀρχιεπισκόπου Μύλου κῦρ Παρθενίου, ἢ ἄλλου τινὸς ἐ-
ναντιηθῆναι, ἐν ἀργίᾳ ἀσύγγνωστω καὶ ἀφορισμῷ ἀλύτῳ τῷ ἀπὸ θ(εο)ῦ παν-
τοκράτορος. οὕτως οὖν γένοιτο καὶ μὴ ἄλλως. ἵνα καὶ ἡ τοῦ θ(εο)ῦ χάρις
καὶ τὸ ἔλεος εἴη μετὰ πάντων ὑμῶν. —

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τῆ)

Ἐν μηνὶ Ἰουλίῳ ἐν(δικτιῶν)ος α̅γ̅. +

6.

1604, Μηνὶ Φεβρουαρίῳ ἐνδ. 2.

(Χάρτης σχήματος τετραγώνου παραλληλογράμμου, μήκ. 0.22, πλ. 0.313. Ἡ πρὸς δεξιὰν κά-
τω γωνία τοῦ χάρτου διὰ τῆς χειρὸς τοῦ πατριαρχικοῦ γραφέως ἔχει ἐν « ἄνω ». Πολλὰ ἰῶτα τοῦ
κειμένου φέρουσιν ἄνωθεν ἀνά μίαν στιγμὴν).

+ Ῥαφαήλ, ἐλέῳ θ(εο)ῦ ἀρχιεπίσκοπος Κων(σταντινου)π(ό)λεως νέας
Ῥώμης, καὶ οἰκουμένικὸς π(ατ)ριάρχης : ~

+ Θεοφιλέστατε ἀρχιεπίσκοπε Μύλου, ἐν ἀγίῳ πν(εύματι)ῖ ἀδελφὲ καὶ
συλλειτουργῆ, καὶ ἐντιμότατοι κληρικοί, καὶ χρησιμώτατοι εὐλόγημένοι χρι-
στιανοί, χάρις εἴη ὑμῖν ἀπὸ θ(εο)ῦ. προεγράψαμεν περὶ ταύτης τῆς ὑποθέ-
σεως, καὶ πάλιν ἰδοὺ γράφομεν: ἐξαποφάσεως καὶ δίχ' ἄτινος λόγου καὶ ἀν-
τιλογίας, φροντίσατε ἀποδοῦναι καὶ ἐπιστρέψαι τὰ τῆς Φραγγοεπισκοπῆς ἅπαντα
ἀφιερῶματα, πρὸς αὐτήν, τε, καὶ πρὸς τὸν ἐπίσκοπον αὐτῆς τὸν Λατίνον,
εἴτε ὁσπήτια εἰσὶν, εἴτε ἀμπέλια, καὶ χωράφια, καὶ ἄλλα, ἃ εἶχεν ἔκπαλαι

ὑπ' ἐξουσίαν αὐτῆς, ἢ αὐτῇ Φραγγοεπισκοπῇ, ὁμοίως καὶ τὰ εἰσοδήματα, καὶ τῶν τοσοῦτων χρόνων τοὺς καρποὺς καὶ τὰ δικαιώματα πάντα, ἀδόλωσ καὶ ἀληθῶς: ἂν παρακούσητε, εἴτε σὺ ὁ ἐπίσκοπος ὑπάρχεις, εἴτε καὶ ἐκ τῶν ἱερέων, ἄργοι ἔσεσθε, καὶ ὑπεύθυνοι παιδείας τῆς προσηκούσης, ὡς ἄρπαγες καὶ ἄδικοι: λαῖκοι δὲ ὄντες, ἀφωρισμένοι ἀπὸ θ(εο)ῦ, καὶ ἀσυγχώρητοι, καὶ ἄλυτοι, καὶ ἔξω τῆς τῶν χριστιανῶν ἐκκλησίας καὶ ὁμηγύρεως, παρ' οὐδενὸς ἐκκλησιαζόμενοι, οὔτε μὴν συναναστρεφόμενοι, ἐν ἀργίᾳ καὶ ἀφορισμῶ, ἕως οὗ γένηται ὡς γράφομεν: οὕτω ποιήσατε: ἡ δὲ τοῦ θ(εο)ῦ χάρις εἴη μεθ' ὑμῶν: — +

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τὸ)

Ἐν μηνὶ Φεβρουαρίῳ ἐν(δικτιῶν)ος β^α. +

7.

1604, Μηνὶ Ἰουνίῳ ἐνδ. 2.

(Χάρτης μήκ. 0.214, πλ. 0.298. Ἡ πρὸς δεξιὰν κάτω γωνία τοῦ χάρτου διὰ τῆς χειρὸς τοῦ πατριαρχικοῦ γραφέως ἔχει ἐν « ἄνευ ». Πολλὰ τοῦ κειμένου ἰῶτα φέρουσιν ἄνωθεν ἀνά μίαν στήλην).

+ **Ραφαὴλ ἐλέω θ(εο)ῦ ἀρχιεπίσκοπος Κων(σταντινου)π(ό)λεως νέας Ρώμης καὶ οἰκουμηνικὸς π(ατ)ριάρχης :** —

+ Θεοφιλέστατε ἀρχιεπίσκοπε Μύλου ἐν ἀγίῳ πν(εύμα)τι ἀγαπητὲ ἀδελφὲ καὶ συλλειτουργέ, καὶ ἐντιμώτατοι κληρικοὶ καὶ ἄρχοντες. χάρις εἴη ὑμῖν καὶ εἰρήνη ἀπο θ(εο)ῦ. ὁ αὐτόθ(ε) ἐπίσκοπος ὁ Λατίνος, Φραγκίσκος ὁ Τομάζος ἀνήνεγκεν ἡμῖν, ὡς καὶ ἐπληροφορήθημεν ἀλαχόθεν. ὅτι ἦ, τε σὴ θεοφιλία, ὁ παπᾶ Γουλιέρμος, Μάρκος Μαμονᾶς καὶ ἄλλοι χριστιανοὶ, ἐκ πολλοῦ κατακρατῆτε τῆς ἐπισκοπῆς αὐτοῦ τῆς Λατινικῆς βιαίως ἔχοντες τὴν ἐκκλησίαν αὐτοῦ, μετὰ χωραφίων, ἀμπελίων, μύλων, πετρῶν, καὶ ἄλλων τινῶν πραγμάτων, καὶ ἀδικεῖτε οὐ μετρίως, μὴ βουλόμενοι ἀποδοῦναι, ἅπερ ἀδίκως κατακρατεῖτε. τούτου χάριν γράφοντες ἀποφαινόμεθα. ἵνα πάντες ὅσοι ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα ἔχητε, ἀποδῶτε ἀταράχως καὶ εἰρηναίως τῷ ῥηθέντι ἐπισκόπῳ τῶν Λατίνων, ὅπως καὶ παρὰ μὲν τοῦ θεοῦ φιλανθρωπίας τύχοιτε, παρὰ δὲ τῆς ἡμῶν μετριότητος ἐυλογίας. ἂν δὲ ἄλλως ποιήσαντες ἐπιμένητε ἀδικοῦντες, ἀφωρισμένοι ἀπὸ θεοῦ παντοκράτορος εἴητε, καὶ κατηραμένοι, καὶ ἀσυγχώρητοι, καὶ ἄλυτοι μετὰ θάνατον αἰωνίως. ἂν δὲ καὶ φανῆτε προφανῶς ἀδικοῦντες, οἱ μὲν ἱερωμένοι τῶν ἀδικούντων ἄργοι ἔστωσαν. οἱ δὲ λαῖκοι καὶ ἔξω τῆς ἐκκλησίας Χ(ριστ)οῦ: ἐν ἀργίᾳ μὴ ἐκκλησιαζόμενοι. ὁμοίως καὶ οἱ γινώσκοντες τὴν περὶ τούτων ἀλήθειαν, κἂν μὴ εἴπωσιν, ἀλλὰ κρύφαντες φωραθῶσι ἔστωσαν τοῖς αὐτοῖς ἐπιτιμίαις: οὕτω γενέσθω. ἡ δὲ τοῦ θεοῦ χάρις εἴη ὑμῖν: —

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τὸ)

Ἐν μηνὶ Ἰουνίῳ ἐν(δικτιῶν)ος β^α.

8.

1604, *Μηνὶ Ὀκτωβρίῳ* ἰνδ. 3.

(Χάρτης μῆκ. 0.213, πλ. 0.308. Ἡ πρὸς δεξιὰν κάτω γωνία τοῦ χάρτου διὰ τῆς χειρὸς τοῦ πατριαρχικοῦ γραφέως ἔχει τὸ « ἄνευ »).

+ Ῥαφαὴλ ἐλέω θ(εο)ῦ ἀρχιεπίσκοπος Κων(σταντινου)π(ό)λεως νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικὸς π(ατ)ριᾶρχης :

+ Ἐντίμωτατοι κληρικοί, καὶ εὐλαβέστατοι ἱερεῖς, καὶ χρησιμώτατοι ἄρχοντες, οἱ ἐυρίσκομενοι ἐν τῇ ἐπαρχίᾳ τῆς ἀρχιεπισκοπῆς Μύλου, χάρις εἶη ὑμῖν καὶ εἰρήνη ἀπὸ θ(εο)ῦ. ὁ θεοφιλέστατος Φραγκοεπίσκοπος τῆς αὐτῆς νήσου Μύλου, φρᾶ Φραντζέσκος. ἐλθὼν πρὸς ἡμᾶς ἐζήτησε γράμμα ἡμέτερον π(ατ)ριᾶρχικὸν ἐπιτίμιον, πρὸς τοὺς αὐτόθι χριστιανούς εἰς φανέρωσιν τῶν πραγμάτων τῆς Φραγκοεπισκοπῆς αὐτοῦ. διὸ γράφοντες ἀποφαινόμεθα. ἵνα ὅσοι τῶν Ῥωμαίων διακατέχουσιν πράγματα ἐκκλησιαστικὰ τῆς ἐπισκοπῆς αὐτοῦ, κίνητᾶ, ἢ ἀκίνητᾶ, ἢ γίνωσκουσιν τὴν περὶ τούτων ἀλήθειαν, ἢ βοηθήσουσιν, ἢ συνδράμωσι κατὰ τὴν τῷ ἀρχιεπισκόπῳ Παρθενῶ, κἂν τε ἱερεῖς, κἂν τε λαϊκοὶ ὦσιν, εἰ μὲν ἱερεῖς ὑπάρχουσιν ἀργοὶ πάσης ἱεροπραξίας, καταφρονοῦντες δὲ, καὶ ἀφωρισμένοι, εἰ δὲ λαϊκοὶ ἀφωρισμένοι ἀπο θ(εο)ῦ, καὶ κατηραμένοι, καὶ ἀσυγχώρητοι, καὶ ἄλυτοι μετὰ θάνατον, ἕως οὗ ὁμολογήσωσιν τὴν ἀλήθειαν. οὕτω γενέσθω καὶ μὴ ἄλλως. ἢ δὲ τοῦ θ(εο)ῦ χάρις εἶη μεθ' ὑμῶν : +

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τοῦ)

Ἐν μηνὶ Ὀκτωβρίῳ ἰν(δικτιῶν)ος γ' ἡ'.

9.

1606, *Μηνὶ Ἰουλίῳ* ἰνδ. 4.

(Χάρτης μῆκ. 0.212, πλ. 0.316. Ὅπισθεν: Al Populo et Proc^{ri} di Milo alquali scrive il Patriarca che non obedendo il vescovo Greco alle lre Patriarchali, che non lo tengono per prelato, e sia scomunicato chi lo favorira).

+ Ῥαφαὴλ ἐλέω θ(εο)ῦ ἀρχιεπίσκοπος Κων(σταντινου)π(ό)λεως νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικὸς π(ατ)ριᾶρχης : +

+ Ἐντίμωτατοι κληρικοί, εὐλαβέστατοι ἱερεῖς, χρησιμώτατοι ἄρχοντες, καὶ ἐπίτροποι τῆς πολιτείας Μύλου, χάρις ὑμῖν εἶη καὶ εἰρήνη ἀπὸ θ(εο)ῦ. Γίνωσκετε καλῶς ὅτι οἶδαμεν τὴν γενομένην κρίσιν τε καὶ ἀπόφασιν ὑμῶν, αἰρετῶν καταστάντων κρίτων, εἰς τὴν διαφορὰν ἣν εἶχον ἀναμεταξὺ οἱ αὐτόθι θεοφιλέστατοι ἀρχιερεῖς, ὅτε κῦρ Παρθένιος, καὶ ὁ φρᾶ Φραγκίσκος περὶ τῶν αὐτόθι ἐπίσκοπιανῶν καλουμένων κτημάτων, καὶ ἐπεβεβαίωσαμεν αὐτὴν καὶ ἡμεῖς, γνώμη συνοδικῇ. ὥστε τὸν μὲν θεοφιλέστατον κῦρ Παρθένιον ἔχειν καὶ καρποῦσθαι τὸ τρίτον μέρος αὐτῶν, τὸν δὲ ἀιδεσιμώτατον, φρᾶ Φραγκί-

σκον τὰ λοιπὰ δύο μέρη, καθὼς διαλαμβάνει καὶ ἡ ἐνυπόγραφος σύμφωνία αὐτῶν, ἣν δὴ καὶ κατεστρώσαμεν ἐν τῷ ἱερῷ κώδικι τῆς καθ' ἡμᾶς τοῦ Χ(ριστοῦ) Μεγ(ά)λης Ἐκκλησίας, εἰς ἀσφάλειαν διηνεκῆ. διὰ τοῦτο φροντίσατε καὶ ὑμεῖς, ἵνα ἔργῳ αὕτη ἡ ἀπόφασις τελεσθῆ, ἂν δὲ καὶ νῦν πάλιν ὁ θεοφιλέστατος κῦρ Παρθένιος, δῦστροπήση καὶ ἀθετήση, γινώσκετε καλῶς, ὅτι ἔχομεν αὐτὸν ἀργὸν καὶ ἀφωρισμένον, ὡς τῇ τελείᾳ καθαιρέσει ὑπόδικον, καὶ μηδεὶς πλέον παρέχῃ τὰ εἰδισμένα αὐτῷ δίκαιώματα, εἰς βάρος ἀλύτου, καὶ αἰωνίου ἀφορισμοῦ. εἰς γὰρ τὴν περὶ τούτου δήλωσιν καὶ ἀσφάλειαν ἐγένετο καὶ τὸ παρὸν ἀποφασιστικὸν ἡμέτερον ἔγγραφον. Ἐν ἔτει. ρ̄ϛ̄δ̄ω: ∞ ἀναγνωσθῆτο δὲ τὸ παρὸν γράμμα εἰς ὑπήκοον πάντων: —

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τὸ)

Ἐν μηνὶ Ἰουλίῳ, ἐν(δικτιῶν)ος δ̄^ϛ

10.

1609, Μηνὶ Ἰουλίῳ ἰνδ. 7.

(Χάρτης τετραγώνου παραλληλογράμμου σχήματος, μήκ. 0.212, πλ. 0.304. Ὅπισθεν: Lettera del Patriarca contra quelli chi ritengono le robb. del V^{no} Franco Franc(esc)o. Πολλὰ ἰῶτα τοῦ κειμένου φέρουσιν ἄνωθεν ἀνὰ μίαν στιγμῆν. Ὅρα πίνακα φωτοτυπικὸν Γ).

+ Νεόφῆτος, ἐλέφ θ(εο)ῦ ἀρχιεπίσκοπος Κων(σταντινου)π(ό)λεως νέας Ῥώμης, καὶ οἰκουμενικὸς π(ατ)ριάρχης : ∞

+ Θεοφιλέστατε ἀρχιεπίσκοπε Μύλου, ἐν ἀγίῳ πν(εύματ)ι: ἀδελφεὲ καὶ συλλειτουργε, καὶ ἐντιμότατοι κληρικοί, καὶ ἄρχοντες χρήσιμοι, χάρις εἴη ὑμῖν καὶ εἰρήνη ἀπὸ θ(εο)ῦ. ὁ ἐκλαμπρότατος ἄρχων ἀποκρισιάριος τῆς Φραντζας, εἶπεν ἡμῖν. ὅτι τινὲς τῶν, αὐτόθι ἤρπασαν ἀπὸ τῶν σκευῶν τῆς Φραγγοεπισκοπῆς, καὶ τῶν ρούχων, καὶ πραγμάτων τοῦ ἀποθανόντος Φραγγοεπισκόπου, καὶ τῶν λοιπῶν χρειωδῶν τῶν κτημάτων αὐτοῦ, καὶ ἠδίχησαν. τούτου χάριν γράφομεν: ἵνα, ὅσοι ἔλαβον ἐξ αὐτῶν, ἀποδώσι πάντα καὶ ἐπιστρέψωσι πρὸς οὓς γράφει ἐπιτρόπους ὁ αὐθέντης ὁ ἀποκρισιάριος: ἂν δ' ἄλλως ποιήσωσι, ἱερεῖς μὲν ὄντες, ἀργοὶ ἔστωσαν πάσης ἱεροπραξίας: λαϊκοὶ δὲ, ἀφωρισμένοι ἀπὸ θ(εο)ῦ καὶ ἀσυγχώρητοι, καὶ ἄλυτοι μετὰ θάνατον: οὕτω φροντίσατε καὶ μὴ ἄλλως ἐξαποφάσεως: ἡ δὲ τοῦ θ(εο)ῦ χάρις εἴη μετὰ πάντων ὑμῶν: ∞ +

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τὸ)

Ἐν μηνὶ Ἰουλλῆῳ, ἐν(δικτιῶν)ος ς̄^ϛ +

11.

1614, Μηνὶ Φεβρουαρίῳ ἰνδ. 12.

(Χάρτης σχήματος τετραγώνου παραλληλογράμμου, μήκ. 0.21, πλ. 0.305).

+ Τιμόθεος, ἐλέω Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης: +

+ Ἐντιμότατοι κληρικοὶ τῆς ἀγιωτάτης ἀρχιεπισκοπῆς Μύλου, χάρις εἶη ὑμῖν ἀπὸ Θεοῦ. Ὡςδε ἠκούσαμεν, ὅτι ἐνοχλεῖτε καὶ ἐπηρεάζετε, τὸν Φραγκοεπίσκοπον Μύλου, καὶ ζητεῖτε νὰ πάρετε ἀπὸ τὰ εἰσοδήματα τῆς ἐπαρχίας του, καὶ διὰ τοῦτο γράφομεν σας, ὅτι νὰ μὴν τὸν ἐνοχλεῖτε, μόνον νὰ πορεύεσθε ὡς καθὼς ἐπορεύουσαν καὶ πρότερον, καὶ νὰ ἔχη ὁ Φραγκοεπίσκοπος τὰ ἐδικὰ του εἰσοδήματα, καὶ ὑμεῖς πάλιν νὰ συνάζεται τὰ ἐδικὰ σας, διὰ νὰ μὴν γίνεταί ἀδικία καὶ εἰς τὰ δύο μέρη. οὕτω φροντίσατε καὶ μὴ ἄλλως, ἢ δὲ τοῦ Θεοῦ χάρις εἶη ὑμῖν: —

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τὸ)

Ἐν μηνὶ Φεβρουαρίῳ, ἐν(δικτιῶν)ος ιβ^τ: —

12.

1614, Μηνὶ Φεβρουαρίῳ ἐνδ. 12.

(Χάρτης σχήματος τετραγώνου παραλληλογράμμου, μήκ. 0.21, πλ. 0.304—306. Πολλὰ ἴωτα ἔχουσιν ἐνταῦθα ἄνωθεν ἀνὰ μίαν στιγμὴν).

+ Τιμόθεος, ἐλέω Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης: —

+ Ἐντιμότατοι κληρικοὶ τῆς ἀγιωτάτης ἀρχιεπισκοπῆς Μύλου, καὶ χρησιμώτατοι ἄρχοντες, χάρις εἶη ὑμῖν καὶ εἰρήνη ἀπὸ Θεοῦ: νὰ γινώρξετε καλά, ὅτι τὸν ἀρχιεπίσκοπόν σας Μύλου Νεόφυτον, ἡ σύνοδος τῶν ἀρχιερέων τὸν ἐκάθηρε παντελῶς, καὶ τὸν νεγύμνωσε τῆς ἀρχιεροσύνης αὐτοῦ, καὶ διὰ τοῦτο γράφομεν, ἵνα μὴςδεῖς ἐξ' ὑμῶν τῶν ἱερωμένων, ἢ τῶν λαϊκῶν, ἔχη καὶ τιμὰ αὐτὸν ὡς ἀρχιερέα, ἢ εἰσοδήμα πολὺ, ὀλίγον δώσει πρὸς αὐτὸν, ἐν βάρ(ει) ἀργίας, καὶ ἀφορισμοῦ, μόνον τα εἰσοδήματα ἅπαντα, νὰ τὰ συνάζετε ὑμεῖς οἱ κληρικοὶ τῆς πρώτης πεντάδος, μετὰ καθαροῦ καταστίχου, καὶ νὰ τὰ φυλάττε(ε). Ἔως οὗ νὰ σᾶς πέμψωμεν, ἕτερον ἀρχιεπίσκοπον νόμιμον: οὕτω φροντίσατε: ἢ δὲ τοῦ Θεοῦ χάρις εἶη ὑμῖν: —

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τὸ)

Ἐν μηνὶ Φεβρουαρίῳ, ἐν(δικτιῶν)ος ιβ^τ.

13.

1615, Μηνὶ Μαΐῳ ἐνδ. 13.

(Χάρτης σχήματος τετραγώνου παραλληλογράμμου, μήκ. 0.202, πλ. 0.305. Πολλὰ ἴωτα ἔχουσιν ἐνταῦθα ἄνωθεν ἀνὰ μίαν στιγμὴν).

+ Τιμόθεος, ἐλέω Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως νέας Ῥώμης, καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης: —

+ Ἐντιμότετοι κληρικοὶ τῆς ἀρχιεπισκοπῆς Μύλου, καὶ χρήσιμοι ἀρχοντες, χάρις εἶη ὑμῖν καὶ εἰρήνη ἀπὸ θ(εο)ῦ: ἐπειδὴ ὁ θεοφιλέστατος, Φραγκοεπίσκοπος Νικόλαος Λέσδος, ἀπῆλθεν εἰς Ἑτταλίαν διὰ τινὰ χρεῖαν αὐτοῦ, καὶ ἀφῆκεν ἐπίτροπον τὸν Τζιανταρμέρη τὸν κούσουλ(ον) Φρατζέσδον, διὰ νὰ ἐπιτηρῇ, καὶ νὰ ἐπιβλέπη τὰ πράγματα τῆς ἐπισκοπῆς ταύτης, καὶ διὰ τοῦτο ἐδεήθη γράμματος καὶ ἀποφαινόμεθα: ἵνα, μηδεὶς ἐξ ὑμῶν τολμήσ(η) ἐπειρεάξῃ, ἢ ἐνοχλήσ(η) αὐτῷ, ὅστις δὲ θελήσ(ει) κατὰ τι, ἐπηρεάξῃ, ἢ ζημιᾶν τινὰ προξενήσ(ει), ἱερεὺς μὲν ὢν ἀργὸς μενέτω πάσης ἱεροπραξίας, λαϊκὸς δὲ ἀφωρισμένος ἀπὸ θ(εο)ῦ, καὶ κατηραμένος, καὶ ἀσυγχώρητος, καὶ μετὰ θάνατον ἄλυτος: οὕτως ἀποφαινόμεθα καὶ μὴ ἄλλως: ἢ δὲ τοῦ θ(εο)ῦ χάρις εἶη μεθ' ὑμῶν .: —

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τοῦ)

Ἐν μηνὶ Μαΐῳ, ἐν(δικτιῶν)ος ἰγ^η·:

14.

1628, Μηνὶ Ἰουλίῳ ἐνδ. 11.

(Χάρτης σχήματος τετραγώνου παραλληλογράμμου, μήκ. 0.205, πλ. 0.30. Πολλὰ ἰῶτα καὶ ὤφιλα ἐν μέσῳ λέξεως ἔχουσιν ἄνωθεν ἀνὰ μίαν στιγμὴν. Ὅρα πίνακα φωτοτυπιῶν Δ').

+ Κύριλος, ἐλέω θ(εο)ῦ ἀρχιεπίσκοπος Κων(σταντινου)π(ό)λεως νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμηνικὸς π(ατ)ριάρχης: —

+ Ἡ μετριότης ἡμῶν ἀπὸ τῆς χάριτος καὶ δωρεᾶς καὶ ἐξουσίας τοῦ παναγίου καὶ ζωαρχικοῦ πν(εύμα)τος, τῆς δοθείσης παρὰ τοῦ σ(ωτῆ)ρ(ο)ς ἡμῶν Ἰ(ησο)ῦ Χ(ριστο)ῦ, τοῖς θείοις αὐτοῦ μαθηταῖς καὶ ἱεροῖς ἀποστόλοις, εἰς τὸ δεσμεῖν τε καὶ λύειν τὰς τῶν ἀν(θρώπων) ἀμαρτίας εἰρηκότος αὐτοῖς, Δάβετε πν(εῦμ)α ἅγιον ἄν τινων ἀφῆτε τὰς ἀμαρτίας ἀφίενται αὐτοῖς, ἄν τινων κρατῆτε κεκράτηνται, καὶ Ὅσα ἄν δήσητε καὶ λύσητε ἐπὶ τῆς γῆς ἔσται δεδεμένα καὶ λελυμένα ἐν τῷ οὐ(ρα)νῷ, ἐξ ἐκείνων δὲ καὶ εἰς ἡμᾶς ἀλληλοδιαδόχως διεβιβάσθη ἔχει συγκεχωρημένην καὶ τὴν κατὰ πν(εῦμ)α θυγατέρα αὐτῆς Ἀθανασίαν μοναχὴν, εἰς ὅσα καὶ αὐτὴ ὡς ἀν(θρώπος) ἡμαρτε, καὶ εἰς θ(εὸν) ἐπλημμέλησε, λόγῳ, ἔργῳ, διανοίᾳ, καὶ ἐν πάσαις αὐτῆς ταῖς αἰσθήσεσι, καὶ εἰ ὑπὸ κατάραν ἀρχιερέως, ἢ ἱερέως ἐγένετο, ἢ π(ατ)ρ(ό)ς, ἢ μ(η)τ(ρ)ό)ς αὐτῆς, ἢ τῷ ἰδίῳ ἀναθέματι περιέπεσον, ἢ ὄρκον ὤμοσε καὶ τοῦτον παρέβη, ἢ ἀφορισμῷ ὀθενδῆποτε ἐδεσμεύθ(η), ἢ καὶ ἄλλοις τισὶν ἀμαρτήμασιν ὡς ἀν(θρώπος) οὔσα καὶ αὐτὴ καὶ τὸν κόσμον τοῦτον οἰκοῦσα, κατὰ διαφόρους καιροὺς περιεπάρη, καὶ ταῦτα πν(ευματ)ικοῖς π(ατ)ράσι ἐξωμολογήσατο, καὶ τὸν παρ' αὐτοῖς κανόνα ἐκ καρδίας ἐδέξατο, καὶ πληρῶσαι προ-

εθυμήθη). ἐκ τούτων οὖν πάντων λύομεν αὐτὴν καὶ ἐλευθέραν ἔχομεν καὶ συγκεχωρημένην τῇ παντοδυνάμῳ ἐξουσίᾳ καὶ χάριτι τοῦ θεοῦ καὶ προσκυνητοῦ πνεύματος. ὅσα δὲ διὰ λήθη(ην) ἀνεξωμολόγητα εἶασε, κάκεῖνα πάντα συγχωρήσαι αὐτῇ ὁ ἐλεήμων θεός. ὁ ὢν εὐλογητὸς εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰῶνων ἀμήν: —

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τὸ)
Ἐν μηνὶ Ἰουλλ(ίω), ἐν(δικτιῶν)ος ἰα⁷⁶ +

15.

1635, Μηνὶ Σεπτεμβρίῳ 23.

(Αὐτόγραφος ἐπιστολὴ Ἀθανασίου Πατελλαρίου, ἐκπτώτου καὶ ἐξορίστου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως, τῷ πάπᾳ Ῥώμης Οὐρβανῷ τῷ ὀγδόῳ. Χάρτης διφυλλος, ἐφ' οὗ εὐρίσκεται κεκολλημένον τεμάχιον χαρτίου μετὰ σημειώματος ἰταλικοῦ τοῦ παπικοῦ γραμματέως, ἀπευθυνομένου πρὸς τὸν πάπαν καὶ περιλήψιν αὐτῷ διδόντος τῶν ἐν τῷ γράμματι τοῦ Ἀθανασίου λεγομένων. Ὅρα πίνακα φωτοτυπιῶν Ε').

+ Τῷ μακαριωτάτῳ, καὶ ἁγιωτάτῳ ἄκρῳ ἀρχιερεῖ.

+ Οὐκ ἔστι μοι διὰ τοῦ παρόντος διαρρήδην τὰ πάντα διευκρυνῆσαι τῇ ἄκρᾳ σου ἀρχιερωσύνη δι' ὧν μέχρι τοῦδε πλεύσας ἀφικόμην, τῇ μὲν διὰ τὸ ἔτι μου τὴν κεφαλὴν ἐκ τῆς τοῦ πλοίου δονεῖσθαι ταραχῆς, τῇ δὲ καὶ ὅτι ἐν τῷ ἐμὲ σχεδὸν τὸν πόδα τῇ ἡπίρῳ στηρίζειν ἐν χρῶ τὴν ὁ κομιστῆς ἀπάρας. τῇ δ' (ὁ καὶ εὐλογώτερον) ὅτι διὰ γράμματος οὐ χρῆ ὁ τῇ ζώσῃ φωνῇ δεδοται ἐκκαλύπτεσθαι. ὅθεν δὴ τὰ περὶ τῆς ἐμῆς ἀφίξεως μόνον δῆλα καθίσταμαι, μετὰ δ' οὐ πολλὰς τῶν ἡμερῶν πέμψω τὸν ἐμὸν πρωτοσύγγelon, καὶ ἀνεψιὸν, ὃς ἐκτυπωτέρως διασαφηνίσει τὰ καθήκοντα. ἐγὼ δὲ προσδοκῶν ἔσομαι τὸ δόξαν τῇ μακαριότητί σου. καὶ εἰ θελητὸν ἔσται αὐτότι με παραγενέσθαι τὰ ἐλλείποντα ἀναπλειρώσω. καὶ τὰ χρειώδη πάντα τῆς Ἀνατολικῆς Ἐκκλησίας ἀναγράψω. ἧ καὶ χεῖρα οἷός τ' εἶ βοηθείας ὀρέξει τῇ μεγίστῃ ἰσχύϊ σου, ἣν ὁ κ(ύριος) διὰ τοῦ μακαρίου ἐδωρῆσατό σοι Πέτρου. ἐρρωμένην διαφυλάξαι σου κ(ύριος) τὴν μακαριότητα, θεία καὶ ἱερὰ κεφαλὴ, κατὰ τὸν διπλοῦν ἄν(θρωπον).

Ἐξ Ἀγκῶνος. κγ: Σεπτεβρίου: κατὰ τὸ ἀχλε ἔτος τὸ σ(ωτή)ριον.

Δούλος τῆς σῆς μακαριότητος:

+ ὁ Κωνσταντινουπόλεως π(ατ)ριάρχης Ἀθανάσιος: —

16.

1731, Μηνὶ Μαΐῳ ἰνδ. 9.

Νόθος πατριαρχικὴ ἀπανταχοῦσα τοῦ ἔτους 1731, ἧς αἱ ὑπογραφαὶ καὶ διὰ τὸ ἀνεπιτήδευτον καὶ διὰ τὸ διάφορον τῆς γραφῆς δύνανται νὰ νομίζωνται γνήσια. Τὸ ἔγγραφο ὅμως ὅλον αὐτὸ καθ' ἑαυτὸ φαίνεται ὅν κατασκευάσμα, καὶ τοῦτο πρὸς ἀργυρολογίαν, τοῦ διαβοήτου τυχοδιώκτου Σεραφίμ

Μυτιληναίου, ἀνδρὸς ταραζίου, ἐπικινδύνου ἐν Κωνσταντινουπόλει καὶ μετὰ πλάνητα βίον οἰκτρῶς ἀποθανόντος ἐν Σιβηρίᾳ, ὅστις ἐν Αὐστρίᾳ, Σουηδίᾳ καὶ Ῥωσίᾳ πλανώμενος καὶ διαφόρους ἐνεργῶν ἀπάτας ἐφήμιζεν ἑαυτὸν ἀπόγονον τοῦ αὐτοκράτορος Πωγωνάτου. — Μεμβράνα ἐπιμήκης, μήκ. 0.863, πλ. 0.605, ἔχουσα πρὸς τὰ κάτω τέσσαρας ὀπὰς, ἐξ ὧν ἀπηώρητο διὰ μεταξὺς ἡ τοῦ πατριάρχου μολυβδίνῃ σφραγίς. Ὁ τίτλος τοῦ πατριάρχου διὰ μεγάλων ἐπιγράσεων κεφαλαιωδῶν γραμμάτων (μήκους 0.024) ἐν τρισὶ γραμμαῖς, ὧν ἐν τῷ μέσῳ κύκλος ἀποτελῶν στέφανον ἐκ δάφνης· ἐν δὲ τούτῳ πρὸς ἀριστερὰν μὲν εἰκονίζεται φρούριον, ἐν μέσῳ δὲ τοῦ στεφάνου ὁ ἅγιος Γεώργιος ἐφιππος, φέρων μὲν ἐπὶ κεφαλῆς κορώναν ἀρχιερατικὴν, διὰ λόγχης δὲ φονεύων δράκοντα ὑπὸ τοῦ ἵππου καταπατούμενον. Καὶ ὁ τίτλος καὶ ὁ στέφανος ἐπὶ ἐδάφους χρυσοπρασίνου σχηματίζοντος πλατυτάτην φυλλωματοῦδῃ ταινίαν, καὶ ταύτην πολυχρωμάτιστον. Τὸ πρῶτιστον τοῦ κειμένου γράμμα, τὸ Τ, πολὺ μέγα (μήκους 0.16.) καὶ ἐντός πλαισίου. Τοῦτο δὲ τὸ Τ εἶναι ἐσχεδιασμένον ἐπὶ τῆς ῥάχεως δικεφάλου μέλανος καὶ ἐπιχρῶσου ἀετοῦ ἔχοντος τὰς πτέρυγας ἀνοικτάς καὶ τὰς κεφαλὰς ἐστραμμένας καὶ ἐστηρημένας ἐπὶ τῆς ἄνω εὐθείας τοῦ Τ γραμμῆς· ὑπὸ τὰς κεφαλὰς ἀνὰ εἰς ῥόδαξ· τοὺς πόδας ὁ ἀετός στηρίζει ἐπὶ δύο πτερωτῶν δρακόντων, ὧν τὸ μὲν σῶμα πράσινον, τὰ δὲ πτερά κόκκινα. Ἐν τέλει τοῦ κειμένου, πρὸ τῆς λέξεως Ἐδὼθη, ὑπάρχει τύπος σφραγίδος, σχήματος ὀκταγώνου, μήκ. 0.06, πλ. 0.048. Ἡ σφραγίς ἐπιχρῶτος, ἔχουσα περίξ τὴν ἐπιγραφὴν· ΤΟ Δ[Α]ΚΤΥΛΙ[ΔΙ]-ΟΝ [Τ]ΟΥ ΑΛΙΕΩΣ. Ἐν τῇ σφραγίδι ὑπάρχει ἔμβλημα παριστῶν κορώναν πατριαρχικὴν ἄνωθεν δύο δισταυρωμένων κλειδῶν· μετὰ δὲ τὰς κλεῖς σταυρὸς δικέρατος ἐπὶ θώρακος (blason) περιλείοντος δικεφάλου ἀετὸν μετὰ τῆς ἐπιγραφῆς ΟΙΚΟΥΦΑΙΟΙ ΤΩΝΔΙΠΟΣΤΟΛΩΝ. Κάτωθεν δὲ τοῦ ἀετοῦ καὶ τῆς ἐπιγραφῆς ταύτης εἰκονίζονται ὄρθιοι οἱ ἀπόστολοι Πέτρος καὶ Παῦλος συνοψούντες διὰ τῶν χειρῶν των τὸν ναὸν τῆς Ἁγίας Σοφίας μετ' αὐτῶν τῶν ἰσλαμικῶν αὐτῆς μνηρέδων.

ΠΑΪΣΙΟΣ ΤΡΙΤΟΣ ΕΛΕΩ
ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟ·
ΟΙΚΟΥΜΕΝΙΚΟΣ

ΘΕΟΥΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΟΣ
ΛΕΩΣΝΕΑΣΡΩΜΗΣΚ(αί)
ΠΑΤΡΙΑΡΧΗΣ

Τοῖς ἐν πάσῃ τῇ οἰκουμένῃ, καὶ ἀπανταχοῦ κοινῶς, τὸν κ(ύριον) ἡμῶν Ἰησοῦν Χ(ριστὸν) λατρεύουσι, καὶ ἀληθινὸν Θεὸν ὁμολογοῦσι, γαληνωτάτοις, καὶ κραταιωτάτοις βασιλευσίν, ὑψηλωτάτοις, καὶ ὑπερτάτοις τῆς Ἱερᾶς Ῥωμαϊκῆς Βασιλείας λετόροι(ς), περιφανεστάτοις δουξί, δεσπόταις, ἡγεμόσι, καὶ δυνάσαις, θεοσεβεστάτοις, καὶ παναιδεσιμωτάτοις ἀρχιεπισκόποις, καὶ ἐπισκόποις ἐν Χ(ριστῷ) ἀγαπητοῖς ἀδελφοῖς σὺν πάσῃ τῇ ἱερᾷ καὶ σεβασμῆ ἐκκλησιαστικῇ τάξει, τοῖς πανευγενεστάτοις ἀρχουσίν, ἐξουσιασταῖς, μεγιστᾶσιν, ἐπάρχοις, καὶ ὑπάτοις, τοῖς σοφολογιωτάτοις ἱεροδιδασκάλοις, καὶ καθηγηταῖς, τῶν τε μεγίστων, καὶ περιφήμων ἀκαδημιῶν ἀρίστοις προσετώσι, καὶ ἀπλῶς παντὶ τῷ χριστωνύμῳ πληρώματι τέκνοις ἐν Κυρίῳ ἀγαπητοῖς, καὶ περιποθήτοις τῆς ἡμῶν μετριότητος χάρις καὶ ἔλεος παρὰ Θε(ο)ῦ παντοκράτορος καὶ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, παρ' ἡμῶν δὲ τὴν ἀποστολικὴν εὐλογίαν: ~ Πᾶσα μὲν ἀπαξᾶπλῶς ἀγαθοεργία, καὶ φιλοτιμία πρὸς τοὺς χρεῖαν καὶ ἀνάγκην ἔχοντας γινομένη, εὐάρεστος λογίζεται παρὰ τῷ Θεῷ, καὶ εὐπρόσδεκτος, μᾶλλον δὲ τὸ ἐλεεῖν πτωχοῖς ἀσθενέσι, καὶ χεῖρα βοηθείας τοῖς αἰχμαλώτοις, καὶ πεπτωκόσιν ὀρέγειν, φησὶ γὰρ ὁ Σωτὴρ ἡμῶν Γίνεσθε ἐλεήμονες, καὶ οἰκτεῖρμονες, ὅτι καὶ ὁ π(α)τὴρ ἡμῶν ὁ οὐράνιος ἐλεήμων ἐστὶ, καὶ ἐν ἐτέρῳ Ἐλεημοσύναι καὶ εὐποιαί ρύουσι ψυχὴν ἐκ θανάτου: — Δηλοποιοῦμεν τοίνυν πᾶ-

σιν ὑμῖν, ὅτι κατὰ τὴν φθάσασαν πρὸ χρόνων ἀνάλωσιν τῆς Πελοποννήσου πάμπολλοι τῶν χριστιανῶν αἰχμαλωτισθέντες, κρίμασιν οἷς οἶδεν ὁ Κύριος, παρὰ τῆς φθοροποιοῦ τῶν Ἀγαρηνῶν ὀρμῆς καὶ δυναστείας, οἱ μὲν τινες ἐξ αὐτῶν, διὰ πάσης συνδρομῆς καὶ βοηθείας τῆς καθ' ἡμᾶς ἀγιωτάτης Ἀποστολικῆς Καθέδρας ἐλυτρώθησαν, οἱ δὲ διὰ τῆς ἐλεημοσύνης, καὶ ἐγγυήσεως τῶν ἡμετέρων ἐκκλησιαστικῶν τε, καὶ λαϊκῶν πάσαν φροντίδα, καὶ ἐπιμέλειαν θέμενοι, ὅσον ἦν αὐτοῖς, καὶ ἡμῖν ἐφικτὸν, γενομένης ὀφειλῆς, καὶ ὑποσχέσεως πλείστης, οἱ δὲ εἰσέτι καὶ νῦν ἐμμένουσι ὑπὸ τῆς ἀδυναμίας ἡμῶν, πικρᾶ δουλείᾳ, καὶ κακῶσει ἀνεκδιηγῆται, ὡς διάδηλον τοῖς πᾶσι, πάσχοντες πάνδεινα, καὶ πνέοντες τὰ ἔσχατα ἐν στεναγμοῖς καὶ κλαυθμοῖς ἀλαλήτοις ὑπὸ τὸν τυραννικὸν ζυγὸν τῶν ἀσεβῶν Ὀθωμανῶν, σκληρῶν τε βαρβάρων Ἀράβων, τῶν τε θηριογνώμων Σκυθῶν ἤτοι Τατάρων, ἄνδρες τε καὶ γυναῖκες σὺν τοῖς τέκνοις αὐτῶν γεννηθεῖσι δυστυχῶς ὑπὸ τὴν αἰχμαλωσίαν, καὶ ταλαιπωρίαν τῶν γονέων αὐτῶν. Τούτου χάριν συνοδικῆ κοινῆ γνώμῃ προεπέψαμεν ἱερομονάχους τινὰς ἡμετέρους, καὶ πρεσβυτέρους, ἐλέους καὶ βοηθείας ἕνεκα τούτων, τῆς τε ῥηθείσης ὀφειλῆς, εἰς ἣν καὶ ἐνέχονται οἱ ἐγγυηθέντες. Ἦδη δ' αὖθις ἀνάγκης κατεπειγούσης ὡς ἐνοχλουμένων σφόδρα παρὰ τῶν ἀσεβῶν, περιστάσεσί τε ἀλλεπαλλήλαις, καὶ ξυμφοραῖς τῶν δεινῶν κυκλομένων, πικραῖς τε τιμωρίαις προσομιλοῦντων καὶ οὐ παυόντων δεινοπαθῶς ὁσημέραι μετὰ πολλῶν δακρύων δέεσθαι καὶ παρακαλεῖν ἡμᾶς συναλγῆσαι αὐτοῖς, καὶ φροντίσαι ὑπὲρ τῆς ἐλευθερίας αὐτῶν, προνοοῦντες ὡς χρεῶν ἡμῖν ὑπὲρ τῆς τούτων σ(ωτη)ρίας τῶν ἀθλίως κινδυνευόντων ψυχῇ καὶ σώματι αἰχμαλώτων, καίτοι στηρίζοντες αὐτοὺς ὡς εἰκός, καὶ τὰ ὑπερδύναμιν ὡς εἰπεῖν βοηθοῦντες αὐτοῖς μέντοι γε μὴ ἔχοντες ἄλλως πῶς ποιῆσαι ὡς τὸ ἡμέτερον Γένος ἐν ἀπορίᾳ καὶ ἀμηχανίᾳ πλείστη τυγχάνον, ὑπὸ τῆς καθεκάστην πιεζούσης πάντας τυραννίας, καὶ συνδουλείας, συνδιασχεψάμενοι ἀλλήλοις τὸ δέον, συνθλιβόμενοι τε τῇ δεινῇ κακουχίᾳ τοῦ πλησίον, ὡς ὑπόχρεοι πάντες οἱ κατὰ Χ(ριστὸ)ν ζῶντες ὑπὲρ τῆς ἀναρρύσεως τούτων, ἐκρίναμεν καὶ αὖθις εὐλογον καὶ ἀναγκαῖον ἐξαποστεῖλαι καὶ εἰς τὰ σπλάγχνα τῶν κραταιῶν ὑμῶν βασιλειῶν, καὶ ἐξουσιῶν, διὰ τῶν παρόντων ἡμετέρων παρακλητικῶν π(ατ)ριαρχικῶν καὶ συνοδικῶν γραμμάτων, τὸν παρόντα ἱερώτατον μ(ητ)ρόπολίτην ἀρχιεπίσκοπον Παλαιῶν Πατρῶν ὑπέρτιμον καὶ ἔξαρχον πάσης Ἀχαΐας κύρ Παῖσιον Ἐμμανουὴλ Πωγωνάτον, ἐν ἀγίῳ πν(εύμα)τι ἀγαπητὸν ἡμῶν ἀδελφὸν καὶ συλλειτουργόν, μετὰ τῆς ἱερᾶς συνοδίας αὐτοῦ, ἐκ τῆς Πελοποννήσου ὑπάρχοντα, καὶ περιπεσόντα χάυτὸν τῇ κοινῇ δεινῇ αἰχμαλωσίᾳ, σὺν τοῖς οἰκειοῖς αὐτοῦ γονεῦσι, καὶ συγγενέσι, καὶ μετὰ ταῦτα μυρία δεινὰ παθόντα, καὶ ὑπομείναντα παρὰ τῶν ἀθέων Βαρβάρων ὑπὲρ τῆς εὐσεβείας. Ὅντινα καὶ πέμπομεν παρὰ τοῦ καθ' ἡμᾶς ἀγιωτάτου Ἀποστολικοῦ καὶ Οἰκουμενικοῦ Θρόνου κοινῆ γνώμῃ, καὶ ἀποφάσει, τῶν περὶ ἡμᾶς ἱερωτάτων ἀρ-

χειρέων μ(ητ)ρόπολιτῶν, καὶ ὑπερτίμων, τῆς ἱεραρχικῆς συγκλήτου βουλῆς ἡμῶν, ἐν ἀγίῳ πν(εύματι) ἀγαπητῶν ἀδελφῶν καὶ συλλειτουργῶν, εἰς τὰ σπλάγχνα τῆς φιλευσεβείας ὑμῶν χάριν ἐλέους, καὶ βοήθειας ὑπὲρ τῆς ἐλευθερώσεως τούτων τῶν αἰχμαλώτων, προσέτι καὶ ἐξαρχικῶς ἐπὶ πάντας τοὺς ἡμετέρους ἱερομονάχους, καὶ πρεσβυτέρους ὅπη δ' ἂν τύχωσι, οἷσπερ καὶ ἐντελλόμεθα συνοδικῶς ὑπακούειν καὶ πειθαρχεῖν τῷ παρόντι ἡμετέρῳ ἐξάρχῳ ὡς πρόσωπον π(ατ)ριαρχικὸν ἡμέτερον ἐπιφέροντι καὶ πάσης τῆς ἱερᾶς ἡμῶν συνόδου, ᾧ τινι καὶ δεδώκαμεν πᾶσαν ἄδειαν, ἔνεκεν μὲν πάσης ἄλλης συμβάσης ἐκκλησιαστικῆς ὑποθέσεως, πρὸς τούτοις δὲ ἐπὶ τῷ παραλαβεῖν, καὶ συναΐσαι παρ' αὐτῶν τὴν καλὴν ἐλεημοσύνην, καὶ βοήθειαν τῶν φιλοχρίστων. διάτοι τοῦτο, καὶ συνιστῶμεν τῇ ὑμετέρᾳ εὐσπλαγχνίᾳ τῶν εὐσεβῶς, καὶ κραταιῶς βασιλευόντων θεοφρουρήτων ἀνάκτων, τῇ τε μεγαλοπρεπείᾳ τῶν ὑπερτάτων, καὶ γαληνωτάτων λετόρων, περιφανεστάτων δουκῶν τε, πριγγίπων, δυναστῶν ἡγεμόνων μεγαλοφυχία, καὶ πάσης ἄλλης ὁποίας δηποτοῦν ἀρχικῆς ἐξουσίας, καὶ τάξεως γεναιότητι, παρακαλοῦντες πάντας ὑμᾶς μετὰ πάσης εὐχῆς καὶ εὐλογίας ἀποστολικῆς, ὅπως ἐρχομένῳ πρὸς τὴν ὑμετέραν φιλόθεον ἀγάπην τῷ ῥηθέντι ἡμετέρῳ μ(ητ)ρόπολίτῃ, ἐπιδειξήτε πᾶσαν εὐσπλαγχνίαν, καὶ βοήθειαν, ἔργοις καὶ λόγοις, ἰλαρῶ τε, καὶ εὐσπλάγχνῳ τῷ ὄμματι αὐτὸν ἀποδεχθείητε, καὶ πᾶσαν ἄλλην φιλοτιμίαν αὐτῷ, καὶ συστατικὴν χάριν ποιήσητε συνιστῶντες αὐτὸν ἀπὸ τόπου εἰς τόπον, διὰ τῶν ὑμετέρων ἐνδόξων συστατικῶν γραμμάτων, ἵνα γένηται βοήθεια, καὶ εὐποία πλουσιόπαροχος, καὶ ἀνάλογος πρὸς τὴν ἀνάγκην τῶν δεομένων παρὰ τῆς φιλευσεβείας ὑμῶν μεσιτευούσης τῆς ὑμετέρας παρακλήσεως πρὸς σ(ωτη)ρίαν, καὶ ἀπαλλαγὴν τῶν ἐν θλίψεσι καταπονουμένων, καὶ δεινῶς ἐν τῇ πικρᾷ δουλείᾳ τῶν ἀσεβῶν ὑπαρχόντων, καὶ τὰ ἔσχατα κινδυνεύοντων: οὐχ ἦκιστα δὲ βεβαιούμεθα ὅτι ὡς θεοσεβεῖς, καὶ φιλόχριστοι ὑμεῖς πάντες ἀναλογιζόμενοι τὴν μεγίστην ἀνάγκην τῆς κακώσεως αὐτῶν, καὶ ταιλαιπωρίας, τό τε προγεγονὸς βαρύτατον χρέος ὑπὲρ τῆς παραμυθίας αὐτῶν, ἐφ' ᾧπερ ἐνέχονται οἱ ἐγγυηθέντες ἐκκλησιαστικοί τε, καὶ λαϊκοί, συμπάσχοντες ἅπαντες παρὰ τῶν ἀπαραιτήτως, καὶ δεινῶς ἀπαιτούντων τὴν ὀφειλὴν τῆς ποσότητος, καὶ συνελόντι κινδυνεύοντες ἐσχάτως, ποιήσητε συναχθῆναι βοήθειαν, καὶ ἐλεημοσύνην ἀρμόζουσαν, καὶ ἀξιόλογον ἐξ ὧν ὑμῖν ὁ Θε(εὸς) ἐχαρίσατο ἀγαθὰ, καὶ ἐπιδειξήτε πᾶσαν φιλεύσπλαχρον γνώμην, προαίρεσιν, συνδρομὴν, σπουδὴν, ἐπιμέλειαν, καὶ προθυμίαν, κατὰ τὴν αἴτησιν ἡμῶν, πρὸς τὸν ἐπιφέροντα ἡμέτερον μ(ητ)ρόπολίτην τὰ παρόντα π(ατ)ριαρχικὰ συνοδικὰ ἡμῶν γράμματα, ἀποπληρωθησομένων τῶν ἐντολῶν τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χ(ριστοῦ) ὑπὸ τῆς φυσικῆς ὑμῶν καλοκαγαθίας, ὡς αἰνετὸν τὸ ὄνομα ὑμῶν ἀπὸ Ἀνατολῶν μέχρι Δυσμῶν, ἵνα διὰ τῆς καλῆς ὑμῶν ἐλεημοσύνης, καὶ ἀγαθοεργίας, οἱ μὲν δυστυχεῖς αἰχμάλωτοι ἀπολυτρωθῶσι σὺν γυναιξί, καὶ τέκνοις ἐκ

τῆς πικρᾶς καὶ σκληρᾶς δουλείας, ἐλευθερωθῶσι τε καὶ οἱ συμπάσχοντες ἐκ τῆς ὀφειλῆς καὶ ἐνοχῆς τῆς ἑαυτῶν ἐγγυήσεως, ὑμεῖς δὲ τοὺς ἀξίους μισθοὺς ἐξ οὐρανοῦ μυριοπλασίως ἀντιλήψθησθε, καὶ ζωήν τὴν αἰώνιον: ἔχοντες καὶ ἡμεῖς ἀπαραίτητον χρέος αἴρειν ἰκέτιδας χεῖρας Θε(ε)ῶν ὀσημέραι, καὶ δέεσθαι τῆς εὐσπλαχνίας αὐτοῦ, καὶ παντοδυναμίας ὑπὲρ τῆς ὑγιείας καὶ σωτηρίας ὑμῶν, ὑπὲρ τοῦ διατηρῆσαι, καὶ περιφρουρῆσαι τὰς βασιλείας ὑμῶν, καὶ πάσας τὰς ὑμετέρας ἀρχὰς καὶ ἐξουσίας κραταιᾶς τε καὶ ἀνικητούς, ὑπὲρ τοῦ συμπολεμῆσαι, καὶ ὑποτάξαι ὑπὸ τὰ σκῆπτρα ὑμῶν πάντα ἐχθρὸν, καὶ πολέμιον, ὑπὲρ τοῦ δωρηθῆναι ὑμῖν πάντα τὰ ἐφετά, καὶ καταθύμια, βαθύ τε γῆρας, καὶ λιπαρὸν, καὶ διαδοχὴν ἀδιάλειπτον, τὴν τε εὐλογίαν καὶ εὐθηνίαν τοῦ Ἀβραάμ, Ἰσαὰκ, καὶ Ἰακώβ, καὶ τὰ ἔσχατα τοῦ Ἰωβ: Ἐπὶ δὲ τούτοις ὡς τέχνα ἡμῖν ἀγαπητὰ, καὶ περιπόθητα τὴν τοῦ Κ(υρίου) ἡμῶν Ἰ(ησοῦ) Χ(ριστοῦ) εἰρήνην, καὶ ἀγάπην πᾶσιν ὑμῖν ἀποδιδόντες, ποθεινῶς ἐκ καρδίας ἐπιστέλλομεν τὴν ἀποστολικὴν εὐχὴν, καὶ εὐλογίαν, οὗ ἡ χάρις καὶ τὸ ἄπειρον ἔλεος εἴη μετὰ πάντων ὑμῶν ἀμήν: —

Ἐδώθη ἐν Νεᾷ Ῥώμῃ ἐν τῷ Ἀγίῳ Γεωργίῳ, ἐπὶ τῷ δακτυλίῳ τοῦ ἀλιέως. Ἐν ἔτει σωτηρίῳ $\overline{\text{ΑΨΛΑ}}$:— Τῆς ἀρχιερωσύνης ἡμῶν ἔτει πέμπτῳ: ~

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τὸ)

Ἐν μηνὶ Μαΐῳ, ἐν(δικτιῶν)ος $\overline{\text{Θ}}$ ^ῳ: —

+	Ὁ Καισαρείας	Νεόφυτος.
+	Ὁ Κυζίκου	Αὐξέντιος:.
+	Ὁ Νικομηδείας	Σεραφεῖμ:—
+	Ὁ Νικαίας	Καλλίνικος:.
+	Ὁ Θεσσαλονίκης	Ἰωακεῖμ:.
+	Ὁ Ἀδριανουπόλεως	Ἀθανάσιος:—

Γεώργιος Σπαντωνῆς μέγας ῥεφερενδάριος τοῦ
Οἰκουμενικοῦ Θρόνου +

17.

1733, Μηνὶ Σεπτεμβρίῳ.

Μεμβράνα μῆκ. 0.545, πλ. 0.725. Γραφὴ κανονικὴ καὶ ἐπιμελής. Τὰ κεφαλαῖα στοιχεῖα τῶν πρώτων πέντε λέξεων μέγιστα καὶ πεποικιλμένα φιλοκάλως, πάντων δὲ μέγιστον τὸ S τῆς πρώτης λέξεως. Μεγάλα καὶ πεποικιλμένα ὡσαύτως τὰ κεφαλαῖα στοιχεῖα τῶν δύο πρώτων λέξεων (Per Imperatorem) τῆς ὑπογραφῆς. Ὑπὸ τὸ κείμενον διακρίνεται τύπος μεγάλης κηρίνης σφραγίδος ἐκπασούσης. Ἐνιαχοῦ τὸ κείμενον ἐφθάρη ἐξ ὑγροῦ τινος ὀξέος. Ὅπισθεν τοῦ κειμένου ἀλληριστί: «№ 3 Πατέντα Λατινική».

Sacræ Caesaræ Regiæque Catholicæ Majestatis Domini No-
stri Clementissimi Nomine Universis, et Singulis cujuscunque

σκον τὰ λοιπὰ δύο μέρη, καθὼς διαλαμβάνει καὶ ἡ ἐνυπόγραφος σύμφωνία αὐτῶν, ἣν δὴ καὶ κατεστρώσαμεν ἐν τῷ ἱερῷ κώδικι τῆς καθ' ἡμᾶς τοῦ Χ(ριστοῦ) Μεγ(ά)λης Ἐκκλησίας, εἰς ἀσφάλειαν διηνεκῆ. διὰ τοῦτο φροντίσατε καὶ ὑμεῖς, ἵνα ἔργῳ αὕτη ἡ ἀπόφασις τελεσθῆ, ἂν δὲ καὶ νῦν πάλιν ὁ θεοφιλέστατος κῦρ Παρθένιος, δυστροπήσῃ καὶ ἀθετήσῃ, γινώσχετε καλῶς, ὅτι ἔχομεν αὐτὸν ἀργὸν καὶ ἀφωρίσμενον, ὡς τῇ τελείᾳ καθαιρέσει ὑπόδικον, καὶ μηδεὶς πλέον παρέχῃ τὰ εἰδισμένα αὐτῷ δίκαιώματα, εἰς βᾶρος ἀλύτου, καὶ αἰωνίου ἀφορισμοῦ. εἰς γὰρ τὴν περὶ τούτου δήλωσιν καὶ ἀσφάλειαν ἐγένετο καὶ τὸ παρὸν ἀποφασιστικὸν ἡμέτερον ἔγγραφον. Ἐν ἔτει. ρ̄ιδ^ω: ∞ ἀναγνωσθήτω δὲ τὸ παρὸν γράμμα εἰς ὑπήκοον πάντων: —

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τὸ)

Ἐν μηνὶ Ἰουλλίῳ, ἐν(δικτιῶν)ος δ^{γ'}

10.

1609, Μηνὶ Ἰουλίῳ ἐνδ. 7.

(Χάρτης τετραγώνου παραλληλογράμμου σχήματος; μήκ. 0.212, πλ. 0.304. Ὅπισθεν: Lettera del Patriarca contra quelli chi ritengono le robb. del Vno Franco Franc(esc)o. Πολλὰ ἴωτα τοῦ κειμένου φέρουσιν ἄνωθεν ἀντὶ μίαν στιγμὴν. Ὅρα πίνακα φωτοτυπικὸν Γ).

+ Νεοφῖτος, ἐλέφ θ(εο)ῦ ἀρχιεπίσκοπος Κων(σταντινου)π(ό)λεως νέας Ῥώμης, καὶ οἰκουμένικὸς π(ατ)ριάρχης : ∞

+ Θεοφιλέστατε ἀρχιεπίσκοπε Μύλου, ἐν ἀγίῳ πν(εύματι)ἰ ἀδελφέ καὶ συλλειτουργε, καὶ ἐντιμότατοι κληρικοί, καὶ ἄρχοντες χρήσιμοι, χάρις εἴη ὑμῖν καὶ εἰρήνη ἀπὸ θ(εο)ῦ. ὁ ἐκλαμπρότατος ἄρχων ἀποκρισιάριος τῆς Φραντζας, εἶπεν ἡμῖν. ὅτι τινὲς τῶν, αὐτόθι ἤρπασαν ἀπὸ τῶν σκευῶν τῆς Φραγγοεπισκοπῆς, καὶ τῶν βούχων, καὶ πραγμάτων τοῦ ἀποθανόντος Φραγγοεπισκόπου, καὶ τῶν λοιπῶν χρειωδῶν τῶν κτημάτων αὐτοῦ, καὶ ἠδίκησαν. τούτου χάριν γράφομεν: ἵνα, ὅσοι ἔλαβον ἐξ αὐτῶν, ἀποδοῦσι πάντα καὶ ἐπιστρέψωσι πρὸς οὓς γράφει ἐπιτρόπους ὁ αὐθέντης ὁ ἀποκρισιάριος: ἂν δ' ἄλλως ποιήσωσι, ἱερεῖς μὲν ὄντες, ἀργοὶ ἔστωσαν πάσης ἱεροπραξίας: λαϊκοὶ δὲ, ἀφωρισμένοι ἀπὸ θ(εο)ῦ καὶ ἀσυγχώρητοι, καὶ ἄλυτοι μετὰ θάνατον: οὕτω φροντίσατε καὶ μὴ ἄλλως ἐξαποφάσεως: ἡ δὲ τοῦ θ(εο)ῦ χάρις εἴη μετὰ πάντων ὑμῶν: ∞ +

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τὸ)

Ἐν μηνὶ Ἰουλλίῳ, ἐν(δικτιῶν)ος ε^{γ'} +

11.

1614, Μηνὶ Φεβρουαρίῳ ἐνδ. 12.

(Χάρτης σχήματος τετραγώνου παραλληλογράμμου, μήκ. 0.21, πλ. 0.305).

+ Τιμόθεος, ἐλέω θ(εο)ῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνστ(αν)τινουπόλεως νέας
'Ρώμης καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης: +

+ Ἐντιμότατοι κληρικοὶ τῆς ἀγιωτάτης ἀρχιεπισκοπῆς Μύλου, χάρις
εἶη ὑμῖν ἀπὸ θ(εο)ῦ. ὧδε ἠκούσαμεν, ὅτι ἐνοχλεῖτε καὶ ἐπηρεάζετε, τὸν Φραγ-
χοεπίσκοπ(ον) Μύλου, καὶ ζητεῖτε νὰ πάρετε ἀπὸ τὰ εἰσοδήματα τῆς ἐπαρχίας
του, καὶ διὰ τοῦτο γράφομέν σας, ὅτι νὰ μὴν τὸν ἐνοχλεῖτε, μόνον νὰ πο-
ρεύεσθε ὡς καθὼς ἐπορεύουσαν καὶ πρότερον, καὶ νὰ ἔχη ὁ Φραγχοεπίσκο-
πος τὰ ἐδικὰ του εἰσοδήματα, καὶ ὑμεῖς πάλ(ιν) νὰ συνάξεται τὰ ἐδικὰ σας,
διὰ νὰ μὴν γίνεταί ἀδικία καὶ εἰς τὰ δύο μέρη. οὕτω φροντίσατε καὶ μὴ
ἄλλως, ἢ δὲ τοῦ θ(εο)ῦ χάρις εἶη ὑμῖν: —

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τὸ)

Ἐν μηνὶ Φεβρουαρίῳ, ἰν(δικτιῶν)ος ἰβ⁷⁶: —

12.

1614, Μηνὶ Φεβρουαρίῳ ἰνδ. 12.

(Χάρτης σχήματος τετραγώνου παραλληλογράμμου, μήκ. 0.21, πλ. 0.304—306. Πολλὰ ἴωτα
ἔχουσι ἐνταῦθα ἄνωθεν ἀνὰ μίαν στιγμὴν).

+ Τιμόθεος, ἐλέω θ(εο)ῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνστ(αν)τινουπόλεως νέας
'Ρώμης καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης: —

+ Ἐντιμότατοι κληρικοὶ τῆς ἀγιωτάτης ἀρχιεπισκοπῆς Μύλου, καὶ
χρησιμώτατοι ἄρχοντες, χάρις εἶη ὑμῖν καὶ εἰρήνη ἀπὸ θ(εο)ῦ: νὰ γνωρίζετε
καλὰ, ὅτι τὸν ἀρχιεπίσκοπόν σας Μύλου Νεόφυτον, ἡ σύνοδος τῶν ἀρχιερέων
τὸν ἐκάθηρε παντελῶς, καὶ τὸν νεγύμνωσε τῆς ἀρχιεροσύνης αὐτοῦ, καὶ διὰ
τοῦτο γράφομεν, ἵνα μὴςδεῖς ἐξ' ὑμῶν τῶν ἱερωμένων, ἢ τῶν λαϊκῶν, ἔχη
καὶ τιμὰ αὐτὸν ὡς ἀρχιερέα, ἢ εἰσοδήμα πολὺ, ὀλίγον δώσει πρὸς αὐτὸν, ἐν
βάρ(ει) ἀργίας, καὶ ἀφορισμοῦ, μόνον τα εἰσοδήματα ἅπαντα, νὰ τὰ συνάξετε
ὑμεῖς οἱ κληρικοὶ τῆς πρώτης πεντάδος, μετὰ καθαροῦ καταστίχου, καὶ νὰ
τὰ φυλάττετε. ἕως οὔ νὰ σὰς πέμψωμεν, ἕτερον ἀρχιεπίσκοπ(ον) νόμι-
μον: οὕτω φροντίσατε: ἢ δὲ τοῦ θεοῦ χάρις εἶη ὑμῖν: —

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τὸ)

Ἐν μηνὶ Φεβρουαρίῳ, ἰν(δικτιῶν)ος ἰβ⁷⁵.

13.

1615, Μηνὶ Μαΐῳ ἰνδ. 13.

(Χάρτης σχήματος τετραγώνου παραλληλογράμμου, μήκ. 0.202, πλ. 0.305. Πολλὰ ἴωτα ἔχου-
σιν ἐνταῦθα ἄνωθεν ἀνὰ μίαν στιγμὴν).

+ Τιμόθεος, ἐλέω θ(εο)ῦ ἀρχιεπίσκοπος Κων(σταντινου)π(ό)λεως νέας
'Ρώμης, καὶ οἰκουμενικὸς π(ατ)ριάρχης: —

+ Ἐντιμώτατοι κληρικοὶ τῆς ἀρχιεπισκοπῆς Μύλου, καὶ χρήσιμοι ἄρχοντες, χάρις εἶη ὑμῖν καὶ εἰρήνη ἀπὸ θ(εο)ῦ: ἐπειδὴ ὁ θεοφιλέστατος, Φραγκοεπίσκοπος Νικόλαος Λέσδος, ἀπῆλθεν εἰς Ἑτταλίαν διὰ τινὰ χρεῖαν αὐτοῦ, καὶ ἀφήκεν ἐπίτροπον τὸν Τζιανταρμέρη τὸν κούσουλ(ον) Φρατζέσδον, διὰ νὰ ἐπιτηρῇ, καὶ νὰ ἐπιβλέπη τὰ πράγματα τῆς ἐπισκοπῆς ταύτης, καὶ διὰ τοῦτο ἐδεήθη γράμματος καὶ ἀποφαινώμεθα: ἵνα, μηδεὶς ἐξ ὑμῶν τολμήσ(η) ἐπειρεᾶξ(η), ἢ ἐνοχλήσ(η) αὐτῷ, ὅστις δὲ θελήσ(ει) κατὰ τί, ἐπηρεᾶξ(η), ἢ ζημιᾶν τινὰ προξενήσ(ει), ἱερεὺς μὲν ὢν ἀργὸς μενέτω πάσης ἱεροπραξίας, λαϊκὸς δὲ ἀφωρισμένος ἀπὸ θ(εο)ῦ, καὶ κατηραμένος, καὶ ἀσυγχώρητος, καὶ μετὰ θάνατον ἄλυτος: οὕτως ἀποφαινώμεθα καὶ μὴ ἄλλως: ἡ δὲ τοῦ θ(εο)ῦ χάρις εἶη μεθ' ὑμῶν .: —

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τῶ)

Ἐν μηνὶ Μαΐῳ, ἐν(δικτιῶν)ος ἰγ^{τι}·.

14.

1628, Μηνὶ Ἰουλίῳ ἐνδ. 11.

(Χάρτης σχήματος τετραγώνου παραλληλογράμμου, μήκ. 0.205, πλ. 0.30. Πολλὰ ἰῶτα καὶ ὤφιλα ἐν μέσῳ λέξεως ἔχουσιν ἄνωθεν ἀνὰ μίαν στιγμὴν. Ὅρα πίνακα φωτοτυπικὸν Δ').

+ Κύριλος, ἐλέω θ(εο)ῦ ἀρχιεπίσκοπος Κων(σταντινου)π(ό)λεως νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμηνικὸς π(ατ)ριάρχης: —

+ Ἡ μετριότης ἡμῶν ἀπὸ τῆς χάριτος καὶ δωρεᾶς καὶ ἐξουσίας τοῦ παναγίου καὶ ζωαρχικοῦ πν(εύμα)τος, τῆς δοθείσης παρὰ τοῦ σ(ωτῆ)ρ(ο)ς ἡμῶν Ἰ(ησο)ῦ Χ(ριστο)ῦ, τοῖς θείοις αὐτοῦ μαθηταῖς καὶ ἱεροῖς ἀποστόλοις, εἰς τὸ δεσμεῖν τε καὶ λύειν τὰς τῶν ἀν(θρώπων) ἀμαρτίας εἰρηκότος αὐτοῖς, Λάβετε πν(εῦμ)α ἅγιον ἅν τινων ἀφῆτε τὰς ἀμαρτίας ἀφίενται αὐτοῖς, ἅν τινων κρατῆτε κεκράτηνται, καὶ Ὅσα ἂν δήσητε καὶ λύσητε ἐπὶ τῆς γῆς ἔσται δεδεμένα καὶ λελυμένα ἐν τῷ οὐ(ρα)νῷ, ἐξ ἐκείνων δὲ καὶ εἰς ἡμᾶς ἀλληλοδιαδόχως διεβιβᾶσθη ἔχει συγκεχωρημένην καὶ τὴν κατὰ πν(εῦμ)α θυγατέρα αὐτῆς Ἀθανασίαν μοναχὴν, εἰς ὅσα καὶ αὐτὴ ὡς ἀν(θρώπος) ἡμαρτε, καὶ εἰς θ(εόν) ἐπλημμέλησε, λόγῳ, ἔργῳ, διανοίᾳ, καὶ ἐν πάσαις αὐτῆς ταῖς αἰσθήσεσι, καὶ εἰ ὑπὸ κατάραν ἀρχιερέως, ἢ ἱερέως ἐγένετο, ἢ π(ατ)ρ(ό)ς, ἢ μ(η)τ(ρ)ό)ς αὐτῆς, ἢ τῷ ἰδίῳ ἀναθέματι περιέπεσεν, ἢ ὕρκον ὤμοσε καὶ τοῦτον παρέβη, ἢ ἀφορισμῷ ὀθενῶποτε ἐδεσμεύθ(η), ἢ καὶ ἄλλοις τισὶν ἀμαρτήμασιν ὡς ἀν(θρώπος) οὕσα καὶ αὐτὴ καὶ τὸν κόσμον τοῦτον οἰκοῦσα, κατὰ διαφόρους καιροὺς περιεπάρη, καὶ ταῦτα πν(ευμα)τικοῖς π(ατ)ράσι ἐξωμολογήσατο, καὶ τὸν παρ' αὐτοῖς κανόνα ἐκ καρδίας ἐδέξατο, καὶ πληρῶσαι προ-

εθυμήθ(η). ἐκ τούτων οὖν πάντων λύομεν αὐτὴν καὶ ἐλευθέραν ἔχομεν καὶ συγκεχωρημένην τῇ παντοδυνάμῳ ἐξουσίᾳ καὶ χάριτι τοῦ θεοῦ καὶ προσκυνητοῦ πν(εύμα)τος. ὅσα δὲ διὰ λήθ(η)ν ἀνεξωμολόγητα εἶασε, κάκεῖνα πάντα συγχωρήσαι αὐτῇ ὁ ἐλεήμων θεός. ὁ ὢν εὐλογητός εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰῶνων ἀμήν: —

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τὸ)
Ἐν μηνὶ Ἰουλλ(ίω), ἐν(δικτιῶν)ος ἰα⁷⁵ +

15.

1635, Μηνὶ Σεπτεμβρίῳ 23.

(Αὐτόγραφος ἐπιστολὴ Ἀθανασίου Πατελλαρίου, ἐκπτώτου καὶ ἐξορίστου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως, τῷ πάπᾳ Ῥώμης Οὐρβανῷ τῷ ὀγδόῳ. Χάρτης δίφυλλος, ἐφ' οὗ εὐρίσκεται κεκολλημένον τεμάχιον χαρτίου μετὰ σημειώματος ἰταλικοῦ τοῦ παπικοῦ γραμματέως, ἀπευθυνομένου πρὸς τὸν πάπαν καὶ περιλήψιν αὐτῷ δίδόντος τῶν ἐν τῷ γράμματι τοῦ Ἀθανασίου λεγομένων. Ὅρα πίνακα φωτοτυπιῶν Ε').

+ Τῷ μακαριωτάτῳ, καὶ ἁγιωτάτῳ ἄκρῳ ἀρχιεφεῖ.

+ Οὐκ ἔστι μοι διὰ τοῦ παρόντος διαβρήδην τὰ πάντα διευκρυνῆσαι τῇ ἄκρᾳ σου ἀρχιερωσύνη δι' ὧν μέχρι τοῦδε πλεύσας ἀφικόμην, τῇ μὲν διὰ τὸ ἔτι μου τὴν κεφαλὴν ἐκ τῆς τοῦ πλοίου δονεῖσθαι ταραχῆς, τῇ δὲ καὶ ὅτι ἐν τῷ ἐμὲ σχεδὸν τὸν πόδα τῇ ἡπίρῳ στηρίζειν ἐν χρῶ ἦν ὁ κομιστῆς ἀπάρας. τῇ δ' (ὁ καὶ εὐλογώτερον) ὅτι διὰ γράμματος οὐ χρῆ ὁ τῇ ζώσῃ φωνῇ δέδοται ἐκκαλύπτεσθαι. ὅθεν δὴ τὰ περὶ τῆς ἐμῆς ἀφίξεως μόνον δῆλα καθίσταμαι, μετὰ δ' οὐ πολλὰς τῶν ἡμερῶν πέμψω τὸν ἐμὸν πρωτοσύγγelon, καὶ ἀνεψιόν, ὃς ἐκτυπωτέρως διασαφηνίσει τὰ καθήκοντα. ἐγὼ δὲ προσδοκῶν ἔσομαι τὸ δόξαν τῇ μακαριότητί σου. καὶ εἰ θελητὸν ἔσται αὐτόθι με παραγενέσθαι τὰ ἐλλείποντα ἀναπλειρώσω. καὶ τὰ χρειώδη πάντα τῆς Ἀνατολικῆς Ἐκκλησίας ἀναγράψω. ἧ καὶ χεῖρα οἷός τ' εἶ βοηθείας ὀρέξει τῇ μεγίστῃ ἰσχύϊ σου, ἣν ὁ κ(ύρι)ος διὰ τοῦ μακαρίου ἐδωρήσατό σοι Πέτρου. ἐρρωμένην διαφυλάξει σου κ(ύρι)ος τὴν μακαριότητα, θεία καὶ ἱερὰ κεφαλὴ, κατὰ τὸν διπλοῦν ἄν(θρωπ)ον.

Ἐξ Ἀγκῶνος. κγ: Σεπτεβρίου: κατὰ τὸ ἀχλε ἔτος τὸ σ(ωτή)ριον.

Δούλος τῆς σῆς μακαριότητος:

+ ὁ Κωνσταντινουπόλεως π(ατ)ριάρχης Ἀθανάσιος: —

16.

1731, Μηνὶ Μαΐῳ ἰνδ. 9.

Νόθος πατριαρχικὴ ἀπανταχοῦσα τοῦ ἔτους 1731, ἧς αἱ ὑπογραφαὶ καὶ διὰ τὸ ἀνεπιτήδευτον καὶ διὰ τὸ διάφορον τῆς χαράξεως δύνανται νὰ νομίζωνται γνήσια. Τὸ ἔγγραφο ὅμως ὅλον αὐτὸ καθ' ἑαυτὸ φαίνεται ὅν κατασκευάσμα, καὶ τοῦτο πρὸς ἀργυρολογία, τοῦ διαβοήτου τυχοδιώκτου Σερζάμ

σκον τὰ λοιπὰ δύο μέρη, καθὼς διαλαμβάνει καὶ ἡ ἐνυπόγραφος σύμφωνία αὐτῶν, ἣν δὴ καὶ κατεστρώσαμεν ἐν τῷ ἱερῷ κώδικι τῆς καθ' ἡμᾶς τοῦ Χ(ριστοῦ) Μεγ(ά)λης Ἐκκλησίας, εἰς ἀσφάλειαν διηνεκῆ. διὰ τοῦτο φροντίσατε καὶ ὑμεῖς, ἵνα ἔργῳ αὐτῆ ἡ ἀπόφασις τελεσθῆ, ἂν δὲ καὶ νῦν πάλιν ὁ θεοφιλέστατος κῦρ Παρθένιος, δῶστροπήση καὶ ἀθετήση, γίνωσκετε καλῶς, ὅτι ἔχομεν αὐτὸν ἀργὸν καὶ ἀφωρισμένον, ὡς τῆ τελεία καθαιρέσει ὑπόδικον, καὶ μηδεὶς πλέον παρέχη τὰ εἰδισμένα αὐτῷ δίκαιώματα, εἰς βάρος ἀλύτου, καὶ αἰωνίου ἀφορισμοῦ. εἰς γὰρ τὴν περὶ τούτου δῆλωσιν καὶ ἀσφάλειαν ἐγένετο καὶ τὸ παρὸν ἀποφασιστικὸν ἡμέτερον ἔγγραφον. Ἐν ἔτει. ρρδ^ω : ∞ ἀναγνωσθήτο δὲ τὸ παρὸν γράμμα εἰς ὑπήκοον πάντων : —

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τὸ)

Ἐν μηνὶ Ἰουλλίῳ, ἐν(δικτιῶν)ος δ^ϛ

10.

1609, Μηνὶ Ἰουλλίῳ ἐνδ. 7.

(Χάρτης τετραγώνου παραλληλογράμμου σχήματος, μήκ. 0.212, πλ. 0.304. Ὅπισθεν: Lettera del Patriarca contra quelli chi ritengono le robb. del V^{no} Franco Franc(esc)o. Πολλὰ ἰῶτα τοῦ κειμένου φέρουσιν ἄνωθεν ἀνὰ μίαν στιγμὴν. Ὅρα πίνακα φωτοτυπικὸν Γ).

+ **Νεοφῶτος, ἐλέῳ θ(εο)ῦ ἀρχιεπίσκοπος Κων(σταντινου)π(ό)λεως νέας Ῥώμης, καὶ οἰκουμενικὸς π(ατ)ριάρχης :** ∞

+ Θεοφιλέστατε ἀρχιεπίσκοπε Μύλου, ἐν ἀγίῳ πν(εύματ)ι ἀδελφε καὶ συλλειτουργε, καὶ ἐντιμότατοι κληρικοί, καὶ ἄρχοντες χρήσιμοι, χάρις εἴη ὑμῖν καὶ εἰρήνη ἀπὸ θ(εο)ῦ. ὁ ἐκλαμπρότατος ἄρχων ἀποκρισιάριος τῆς Φραντζας, εἶπεν ἡμῖν. ὅτι τινὲς τῶν, αὐτόθι ἤρπασαν ἀπὸ τῶν σκευῶν τῆς Φραγγοεπισκοπῆς, καὶ τῶν ρούχων, καὶ πραγμάτων τοῦ ἀποθανόντος Φραγγοεπισκόπου, καὶ τῶν λοιπῶν χρειωδῶν τῶν κτημάτων αὐτοῦ, καὶ ἠδίκησαν. τούτου χάριν γράφομεν: ἵνα, ὅσοι ἔλαβον ἐξ αὐτῶν, ἀποδώσι πάντα καὶ ἐπιστρέψωσι πρὸς οὐδὲ γράφει ἐπιτρόπους ὁ αὐθέντης ὁ ἀποκρισιάριος: ἂν δ' ἄλλως ποιήσωσι, ἱερεῖς μὲν ὄντες, ἀργοὶ ἔστωσαν πάσης ἱεροπραξίας: λαϊκοὶ δὲ, ἀφωρισμένοι ἀπὸ θ(εο)ῦ καὶ ἀσυγχώρητοι, καὶ ἄλυτοι μετὰ θάνατον: οὕτω φροντίσατε καὶ μὴ ἄλλως ἐξαποφάσεως: ἡ δὲ τοῦ θ(εο)ῦ χάρις εἴη μετὰ πάντων ὑμῶν: ∞ +

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τὸ)

Ἐν μηνὶ Ἰουλλίῳ, ἐν(δικτιῶν)ος ς^ϛ +

11.

1614, Μηνὶ Φεβρουαρίῳ ἐνδ. 12.

(Χάρτης σχήματος τετραγώνου παραλληλογράμμου, μήκ. 0.21, πλ. 0.305).

+ Τιμόθεος, ἐλέω θ(εο)ῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνστ(αν)τινουπόλεως νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικὸς ππριάρχης: +

+ Ἐντιμότατοι κληρικοὶ τῆς ἀγιωτάτης ἀρχιεπισκοπῆς Μύλου, χάρις εἶη ὑμῖν ἀπὸ θ(εο)ῦ. Ὡδε ἠκούσαμεν, ὅτι ἐνοχλεῖτε καὶ ἐπηρεάζετε, τὸν Φραγκοεπίσκοπ(ον) Μύλου, καὶ ζητεῖτε νὰ πάρετε ἀπὸ τὰ εἰσοδήματα τῆς ἐπαρχίας του, καὶ διὰ τοῦτο γράφομέν σας, ὅτι νὰ μὴν τὸν ἐνοχλεῖτε, μόνον νὰ πορεύεσθε ὡς καθὼς ἐπορεύουσαν καὶ πρότερον, καὶ νὰ ἔχη ὁ Φραγκοεπίσκοπος τὰ ἐδικὰ του εἰσοδήματα, καὶ ὑμεῖς πάλ(ιν) νὰ συνάζεται τὰ ἐδικὰ σας, διὰ νὰ μὴν γίνετα ἀδικία καὶ εἰς τὰ δύο μέρη. οὕτω φροντίσατε καὶ μὴ ἄλλως, ἢ δὲ τοῦ θ(εο)ῦ χάρις εἶη ὑμῖν: —

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τῆ)

Ἐν μηνὶ Φεβρουαρίῳ, ἐν(δικτιῶν)ος ἰβ^η: —

12.

1614, Μηνὶ Φεβρουαρίῳ ἐνδ. 12.

(Χάρτης σχήματος τετραγώνου παραλληλογράμμου, μήκ. 0.21, πλ. 0.304—306. Πολλὰ ἰῶτα ἔχουσιν ἐνταῦθα ἄνωθεν ἀνά μίαν στιγμὴν).

+ Τιμόθεος, ἐλέω θ(εο)ῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνστ(αν)τινουπόλεως νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης: —

+ Ἐντιμότατοι κληρικοὶ τῆς ἀγιωτάτης ἀρχιεπισκοπῆς Μύλου, καὶ χρησιμώτατοι ἄρχοντες, χάρις εἶη ὑμῖν καὶ εἰρήνη ἀπὸ θ(εο)ῦ: νὰ γινώριζετε καλὰ, ὅτι τὸν ἀρχιεπίσκοπόν σας Μύλου Νεόφυτον, ἡ σύνοδος τῶν ἀρχιερέων τὸν ἐκάθηρε παντελῶς, καὶ τὸν νεγύμνωσε τῆς ἀρχιεροσύνης αὐτοῦ, καὶ διὰ τοῦτο γράφομεν, ἵνα μὴςδεῖς ἐξ' ὑμῶν τῶν ἱερωμένων, ἢ τῶν λαϊκῶν, ἔχη καὶ τιμὰ αὐτὸν ὡς ἀρχιερέα, ἢ εἰσοδήμα πολὺ, ὀλίγον δώσει πρὸς αὐτὸν, ἐν βάρ(ει) ἀργίας, καὶ ἀφορισμοῦ, μόνον τα εἰσοδήματα ἅπαντα, νὰ τὰ συνάζετε ὑμεῖς οἱ κληρικοὶ τῆς πρώτης πεντάδος, μετὰ καθαροῦ καταστίχου, καὶ νὰ τὰ φυλάττετε(ε). Ἔως οὗ νὰ σᾶς πέμψωμεν, ἕτερον ἀρχιεπίσκοπ(ον) νόμιμον: οὕτω φροντίσατε: ἢ δὲ τοῦ θεοῦ χάρις εἶη ὑμῖν: —

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τῆ)

Ἐν μηνὶ Φεβρουαρίῳ, ἐν(δικτιῶν)ος ἰβ^η.

13.

1615, Μηνὶ Μαΐῳ ἐνδ. 13.

(Χάρτης σχήματος τετραγώνου παραλληλογράμμου, μήκ. 0.202, πλ. 0.305. Πολλὰ ἰῶτα ἔχουσιν ἐνταῦθα ἄνωθεν ἀνά μίαν στιγμὴν).

+ Τιμόθεος, ἐλέω θ(εο)ῦ ἀρχιεπίσκοπος Κων(σταντινου)π(ό)λεως νέας Ῥώμης, καὶ οἰκουμενικὸς π(ατ)ριάρχης: —

+ Ἐντιμότατοι κληρικοὶ τῆς ἀρχιεπισκοπῆς Μύλου, καὶ χρήσιμοι ἀρχόντες, χάρις εἶη ὑμῖν καὶ εἰρήνη ἀπὸ θ(εο)ῦ: ἐπειδὴ ὁ θεοφιλέστατος, Φραγκοεπίσκοπος Νικόλαος Λέσδος, ἀπῆλθεν εἰς Ἑτταλίαν διὰ τινὰ χρεῖαν αὐτοῦ, καὶ ἀφῆκεν ἐπίτροπον τὸν Τζιανταρμέρη τὸν κούσουλ(ον) Φρατζέσδον, διὰ νὰ ἐπιτηρῇ, καὶ νὰ ἐπιβλέπη τὰ πράγματα τῆς ἐπισκοπῆς ταύτης, καὶ διὰ τοῦτο ἐδεήθη γράμματος καὶ ἀποφαινόμεθα: ἵνα, μηδεὶς ἐξ ὑμῶν τολμήσ(η) ἐπειρεᾶξῃ, ἢ ἐνοχλήσ(η) αὐτῷ, ὅστις δὲ θελήσ(ει) κατὰ τῆ, ἐπηρεᾶξῃ, ἢ ζημίαν τινὰ προξενήσ(ει), ἱερεὺς μὲν ὧν ἀργὸς μενέτω πάσης ἱεροπραξίας. λαϊκὸς δὲ ἀφωρισμένος ἀπὸ θ(εο)ῦ, καὶ κατηραμένος, καὶ ἀσυγχώρητος, καὶ μετὰ θάνατον ἄλυτος: οὕτως ἀποφαινόμεθα καὶ μὴ ἄλλως: ἢ δὲ τοῦ θ(εο)ῦ χάρις εἶη μεθ' ὑμῶν .: —

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς το)

Ἐν μηνὶ Μαΐῳ, ἐν(δικτιῶν)ος ἐγ'.

14.

1628, Μηνὶ Ἰουλίῳ ἰνδ. 11.

(Χάρτης σχήματος τετραγώνου παραλληλογράμμου, μήκ. 0.205, πλ. 0.30. Πολλὰ ἴωτα καὶ ὕφιλα ἐν μέσῳ λέξεως ἔχουσιν ἄνωθεν ἀνὰ μίαν στιγμὴν. "Ὅρα πίντσα φωτοτοπικὸν Δ").

+ Κύριλος, ἐλέφ θ(εο)ῦ ἀρχιεπίσκοπος Κων(σταντινου)π(ό)λεως νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμηνικὸς π(ατ)ριάρχης: —

+ Ἡ μετριότης ἡμῶν ἀπὸ τῆς χάριτος καὶ δωρεᾶς καὶ ἐξουσίας τοῦ παναγίου καὶ ζωαρχικοῦ πν(εύμα)τος, τῆς δοθείσης παρὰ τοῦ σ(ωτῆ)ρ(ο)ς ἡμῶν Ἰ(ησο)ῦ Χ(ριστο)ῦ, τοῖς θείοις αὐτοῦ μαθηταῖς καὶ ἱεροῖς ἀποστόλοις, εἰς τὸ δεσμεῖν τε καὶ λύειν τὰς τῶν ἀν(θρώπων) ἀμαρτίας εἰρηκότος αὐτοῖς, Λάβετε πν(εῦμα) ἅγιον ἅν τινων ἀφῆτε τὰς ἀμαρτίας ἀφίενται αὐτοῖς, ἅν τινων κρατῆτε κεκράτηνται, καὶ Ὅσα ἅν δήσητε καὶ λύσητε ἐπὶ τῆς γῆς ἔσται δεδεμένα καὶ λελυμένα ἐν τῷ οὐ(ραν)ῷ, ἐξ ἐκείνων δὲ καὶ εἰς ἡμᾶς ἀλληλοδιαδόχως διεβιβάσθη ἔχει συγκεχωρημένην καὶ τὴν κατὰ πν(εῦμα) θυγατέρα αὐτῆς Ἀθανασίαν μοναχὴν, εἰς ὅσα καὶ αὐτὴ ὡς ἀν(θρώπος) ἤμαρτε, καὶ εἰς θ(εὸν) ἐπλημμέλησε, λόγῳ, ἔργῳ, διανοίᾳ, καὶ ἐν πάσαις αὐτῆς ταῖς αἰσθήσεσι, καὶ εἰ ὑπὸ κατάραν ἀρχιερέως, ἢ ἱερέως ἐγένετο, ἢ π(ατ)ρ(ὸ)ς, ἢ μ(η)τ(ρ)ὸς αὐτῆς, ἢ τῷ ἰδίῳ ἀναθέματι περιέπεσεν, ἢ ὄρκον ὤμοσε καὶ τοῦτον παρέβη, ἢ ἀφορισμῷ ὀθενδῆποτε ἐδεσμεύθ(η), ἢ καὶ ἄλλοις τισὶν ἀμαρτήμασιν ὡς ἀν(θρώπος) οὔσα καὶ αὐτὴ καὶ τὸν κόσμον τοῦτον οἰκοῦσα, κατὰ διαφόρους καιροὺς περιεπάρη, καὶ ταῦτα πν(ευμα)τικοῖς π(ατ)ράσι ἐξωμολογήσατο, καὶ τὸν παρ' αὐτοῖς κανόνα ἐκ καρδίας ἐδέξατο, καὶ πληρῶσαι προ-

εθυμήθη). ἐκ τούτων οὖν πάντων λύομεν αὐτὴν καὶ ἐλευθέραν ἔχομεν καὶ συγκεχωρημένην τῇ παντοδυνάμῳ ἐξουσίᾳ καὶ χάριτι τοῦ θεοῦ καὶ προσκυνητοῦ πνεύματος. ὅσα δὲ διὰ λήθη(ην) ἀνεξωμολόγητα εἶασε, κάκεινα πάντα συγχωρήσαι αὐτῇ ὁ ἐλεήμων θεός. ὁ ὧν εὐλογητός εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων ἀμήν: —

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τὸ)
Ἐν μηνὶ Ἰουλλ(ίῳ). ἰν(δικτιῶν)ος ἰα⁷⁶ +

15.

1635, Μηνὶ Σεπτεμβρίῳ 23.

(Αὐτόγραφος ἐπιστολὴ Ἀθανασίου Πατελλάριου, ἐκπτώτου καὶ ἐξορίστου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως, τῷ πάπᾳ Ῥώμης Οὐρβανῷ τῷ ὀγδόῳ. Χάρτης διφυλλος, ἐφ' οὗ εὐρίσκεται κεκολλημένον τεμάχιον χαρτίου μετὰ σημειώματος ἰταλικοῦ τοῦ παπικοῦ γραμματέως, ἀπευθυνομένου πρὸς τὸν πάπαν καὶ περιλήψιν αὐτῷ διδόντος τῶν ἐν τῷ γράμματι τοῦ Ἀθανασίου λεγομένων. "Ὅρα πίνακα φωτοτυπικὸν Ε').

+ Τῷ μακαριωτάτῳ, καὶ ἁγιωτάτῳ ἄκρῳ ἀρχιερεῖ.

+ Οὐκ ἔστι μοι διὰ τοῦ παρόντος διαρρήδην τὰ πάντα διευκρυνῆσαι τῇ ἄκρᾳ σου ἀρχιερωσύνη δι' ὧν μέχρι τοῦδε πλεύσας ἀφικόμην, τῇ μὲν διὰ τὸ ἔτι μου τὴν κεφαλὴν ἐκ τῆς τοῦ πλοίου δονεῖσθαι ταραχῆς, τῇ δὲ καὶ ὅτι ἐν τῷ ἐμὲ σχεδὸν τὸν πόδα τῇ ἠπείρῳ στηρίζειν ἐν χρῶ ἦν ὁ κομιστῆς ἀπάρας. τῇ δ' (ὁ καὶ εὐλογώτερον) ὅτι διὰ γράμματος οὐ χρῆθ' ἐτὶ τῇ ζώσῃ φωνῇ δέδοται ἐκκαλύπτεσθαι. ἔθεν δὴ τὰ περὶ τῆς ἐμῆς ἀφίξεως μόνον δῆλα καθίσταμαι, μετὰ δ' οὐ πολλὰς τῶν ἡμερῶν πέμψω τὸν ἐμὸν πρωτοσύγγelon, καὶ ἀνεψιόν, ὃς ἐκτυπωτέρως διασαφηνίσει τὰ καθήκοντα. ἐγὼ δὲ προσδοκῶν ἔσομαι τὸ δόξαν τῇ μακαριότητί σου. καὶ εἰ θελητὸν ἔσται αὐτόθι με παραγενέσθαι τὰ ἐλλείποντα ἀναπλειρώσω. καὶ τὰ χρειώδη πάντα τῆς Ἀνατολικῆς Ἐκκλησίας ἀναγράψω. ἧ καὶ χεῖρα οἶός τ' εἰ βοηθείας ὀρέξαι τῇ μεγίστῃ ἰσχύϊ σου, ἣν ὁ κ(ύριος) διὰ τοῦ μακαρίου ἐδωρήσατό σοι Πέτρου. ἐρρωμένην διαφυλάξαι σου κ(ύριος) τὴν μακαριότητα, θεία καὶ ἱερὰ κεφαλὴ, κατὰ τὸν διπλοῦν ἄν(θρωπον).

Ἐξ Ἀγκῶνος. κατὰ τὸ Σεπτεμβρίου: κατὰ τὸ ἀχλεῖ ἔτος τὸ σ(ωτή)ριον.

Δούλος τῆς σῆς μακαριότητος:

+ ὁ Κωνσταντινουπόλεως π(ατ)ριάρχης Ἀθανάσιος: —

16.

1731, Μηνὶ Μαΐῳ ἰνδ. 9.

Νόθος πατριαρχικὴ ἀπανταχοῦσα τοῦ ἔτους 1731, ἧς αἱ ὑπογραφαὶ καὶ διὰ τὸ ἀνεπιτήδευτον καὶ διὰ τὸ διάφορον τῆς γραφῆς δύνανται νὰ νομίζωνται γνήσια. Τὸ ἔγγραφο ὅμως ὅλον αὐτὸ κατ' ἑαυτὸ φαίνεται ὅν κατασκευάσμα, καὶ τοῦτο πρὸς ἀργυρολογίαν, τοῦ διαβόητου τυχοδιώκτου Σεραφείμ

Μυτιληναίου, ἀνδρὸς ταραξίου, ἐπικινδύνου ἐν Κωνσταντινουπόλει καὶ μετὰ πλάνητα βίον οἰκτρῶς ἀποθανόντος ἐν Σιβηρίᾳ, ὅστις ἐν Αὐστρίᾳ, Σουηδίᾳ καὶ Ῥωσίᾳ πλανώμενος καὶ διαφόρους ἐνεργῶν ἀπάτας ἐφήμιζεν ἑαυτὸν ἀπόγονον τοῦ αὐτοκράτορος Πωγωνάτου. — Μερβρίνα ἐπιμήκης, μήκ. 0.863, πλ. 0.605, ἔχουσα πρὸς τὰ κάτω τέσσαρας ὀπὰς, ἐξ ὧν ἀπηώρητο διὰ μετάξης ἡ τοῦ πατριάρχου μολυβδίνη σφραγίς. Ὁ τίτλος τοῦ πατριάρχου διὰ μεγάλων ἐπιγράσεων κεφαλαιωδῶν γραμμάτων (μήκος 0.024) ἐν τρισὶ γραμμαῖς, ὧν ἐν τῷ μέσῳ κύκλος ἀποτελῶν στέφανον ἐκ δάφνης· ἐν δὲ τούτῳ πρὸς ἀριστερὰν μὲν εἰκονίζεται φρούριον, ἐν μέσῳ δὲ τοῦ στεφάνου ὁ ἅγιος Γεώργιος ἔφιππος, φέρων μὲν ἐπὶ κεφαλῆς κορώναν ἀρχιερατικὴν, διὰ λόγχης δὲ φονεύων δράκοντα ὑπὸ τοῦ ἵππου καταπατούμενον. Καὶ ὁ τίτλος καὶ ὁ στέφανος ἐπὶ ἐδάφους χρυσοπρασίνου σχηματίζοντος πλατυτάτην φυλλωματοῦδῃ ταινίαν, καὶ ταύτην πολυχρωμάτιστον. Τὸ πρῶτιστον τοῦ κεμένου γράμμα, τὸ T, πολὺ μέγα (μήκος 0.16.) καὶ ἐντὸς πλαισίου. Τοῦτο δὲ τὸ T εἶναι ἐσχεδιασμένον ἐπὶ τῆς ῥάχως διεφάλου μέλανος καὶ ἐπιχρῶσου ἀετοῦ ἔχοντος τὰς πτέρυγας ἀνοικτάς καὶ τὰς κεφαλὰς ἐστραμμένας καὶ ἐστηριγμένας ἐπὶ τῆς ἄνω εὐθείας τοῦ T γραμμῆς· ὑπὸ τὰς κεφαλὰς ἀνά εἰς ῥόδαξ· τοὺς πόδας ὁ ἀετὸς στηρίζει ἐπὶ δύο πτερωτῶν δρακόντων, ὧν τὸ μὲν σῶμα πράσινον, τὰ δὲ πτερὰ κόκκινα. Ἐν τέλει τοῦ κεμένου, πρὸ τῆς λέξεως Ἐδὼθη, ὑπάρχει τύπος σφραγίδος, σχήματος ὀκταγώνου, μήκ. 0.06, πλ. 0.048. Ἡ σφραγίς ἐπίχρυσος, ἔχουσα περίξ τὴν ἐπιγραφήν· ΤΟ Δ[Α]ΚΤΥΛΑΙ[ΔΙ]ΟΝ [Τ]ΟΥ ΑΔΙΕΩΣ. Ἐν τῇ σφραγίδι ὑπάρχει ἐμβλημα παριστῶν κορώναν πατριαρχικὴν ἄνωθεν δύο διεσταυρωμένων κλειδῶν μετὰ δὲ τὰς κλεῖς σταυρὸς δικέρατος ἐπὶ θώρακος (blason) περικλειόντος δικέφαλον ἀετὸν μετὰ τῆς ἐπιγραφῆς ΟΙΚΟΥΦΑΙΟΙ ΤΩΝΑΠΟΣΤΟΛΩΝ. Κάτωθεν δὲ τοῦ ἀετοῦ καὶ τῆς ἐπιγραφῆς ταύτης εἰκονίζονται ὄρθιοι οἱ ἀπόστολοι Πέτρος καὶ Παῦλος συνοψούντες διὰ τῶν χειρῶν των τὸν ναὸν τῆς Ἁγίας Σοφίας μετ' αὐτῶν τῶν ἰσλαμικῶν αὐτῆς μνηρεδῶν.

ΠΑΪΣΙΟΣ ΤΡΙΤΟΣ ΕΛΕΩ
ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟ·
ΟΙΚΟΥΜΕΝΙΚΟΣ

ΘΕΟΥΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΟΣ
ΛΕΩΣΝΕΑΣΡΩΜΗΣΚ(αί)
ΠΑΤΡΙΑΡΧΗΣ

Τοῖς ἐν πάσῃ τῇ οἰκουμένῃ, καὶ ἀπανταχοῦ κοινῶς, τὸν κ(ύριον) ἡμῶν Ἰ(ησοῦ)ν Χ(ριστὸ)ν λατρεύουσι, καὶ ἀληθινὸν Θεὸν ὁμολογοῦσι, γαληνωτάτοις, καὶ κραταιωτάτοις βασιλεῦσιν, ὑψηλωτάτοις, καὶ ὑπερτάτοις τῆς Ἱερᾶς Ῥωμαϊκῆς Βασιλείας λετόροι(ς), περιφανεστάτοις δουξί, δεσπόταις, ἡγεμόσι, καὶ δυνάσταις, θεοσεβεστάτοις, καὶ παναιδεσιμωτάτοις ἀρχιεπισκόποις, καὶ ἐπισκόποις ἐν Χ(ριστ)ῷ ἀγαπητοῖς ἀδελφοῖς σὺν πάσῃ τῇ ἱερᾷ καὶ σεβασμίᾳ ἐκκλησιαστικῇ τάξει, τοῖς πανευγενεστάτοις ἀρχουσίν, ἐξουσιασταῖς, μεγιστᾶσιν, ἐπάρχοις, καὶ ὑπάτοις, τοῖς σοφολογιωτάτοις ἱεροδιδασκάλοις, καὶ καθηγηταῖς, τῶν τε μεγίστων, καὶ περιφήμων ἀκαδημιῶν ἀρίστοις προεστώσι, καὶ ἀπλῶς παντὶ τῷ χριστωνύμῳ πληρώματι τέκνοις ἐν Κυρίῳ ἀγαπητοῖς, καὶ περιποθήτοις τῆς ἡμῶν μετριότητος χάρις καὶ ἔλεος παρὰ Θε(ο)ῦ παντοκράτορος καὶ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, παρ' ἡμῶν δὲ τὴν ἀποστολικὴν εὐλογίαν: ~ Πᾶσα μὲν ἀπαξοπλῶς ἀγαθοεργία, καὶ φιλοτιμία πρὸς τοὺς χρεῖαν καὶ ἀνάγκην ἔχοντας γινομένη, εὐάρεστος λογίζεται παρὰ τῷ Θεῷ, καὶ εὐπρόσδεκτος, μᾶλλον δὲ τὸ ἐλεεῖν πτωχοῖς ἀσθενέσι, καὶ χεῖρα βοηθείας τοῖς αἰχμαλώτοις, καὶ πεπτωκόσιν ὀρέγειν, φησὶ γὰρ ὁ Σωτὴρ ἡμῶν Γίνεσθε ἐλεήμονες, καὶ οἰκτεῖρμονες, ὅτι καὶ ὁ π(α)τήρ ἡμῶν ὁ οὐράνιος ἐλεήμων ἐστὶ, καὶ ἐν ἑτέρῳ Ἐλεημοσύναι καὶ εὐποιίαι ρύουσι ψυχὴν ἐκ θανάτου: — Δηλοποιούμεν τοίνυν πᾶ-

σιν ὁμῖν, ὅτι κατὰ τὴν φθάσασαν πρὸ χρόνων ἀνάλωσιν τῆς Πελοποννήσου πάμπολλοι τῶν χριστιανῶν αἰχμαλωτισθέντες, κρίμασιν οἷς οἶδεν ὁ Κύριος, παρὰ τῆς φθοροποιοῦ τῶν Ἀγαρηνῶν ὀρμῆς καὶ δυναστείας, οἱ μὲν τινες ἐξ αὐτῶν, διὰ πάσης συνδρομῆς καὶ βοηθείας τῆς καθ' ἡμᾶς ἀγιωτάτης Ἀποστολικῆς Καθέδρας ἐλυτρώθησαν, οἱ δὲ διὰ τῆς ἐλεημοσύνης, καὶ ἐγγυήσεως τῶν ἡμετέρων ἐκκλησιαστικῶν τε, καὶ λαϊκῶν πάσαν φροντίδα, καὶ ἐπιμέλειαν θέμενοι, ὅσον ἦν αὐτοῖς, καὶ ἡμῖν ἐφικτὸν, γενομένης ὀφειλῆς, καὶ ὑποσχέσεως πλείστης, οἱ δὲ εἰσέτι καὶ νῦν ἐμμένουσι ὑπὸ τῆς ἀδυναμίας ἡμῶν, πικρᾷ δουλείᾳ, καὶ κακώσει ἀνεκδιηγῆται, ὡς διάδηλον τοῖς πᾶσι, πάσχοντες πάνδεινα, καὶ πνέοντες τὰ ἔσχατα ἐν στεναγμοῖς καὶ κλαυθμοῖς ἀλαλήτοις ὑπὸ τὸν τυραννικὸν ζυγὸν τῶν ἀσεβῶν Ὀθωμανῶν, σκληρῶν τε βαρβάρων Ἀράβων, τῶν τε θηριογνώμων Σκυθῶν ἤτοι Τατάρων, ἄνδρες τε καὶ γυναῖκες σὺν τοῖς τέκνοις αὐτῶν γεννηθεῖσι δυστυχῶς ὑπὸ τὴν αἰχμαλωσίαν, καὶ τάλαιπωρίαν τῶν γονέων αὐτῶν. Τούτου χάριν συνοδικῆ κοινῇ γνώμῃ προεπέμψαμεν ἱερομονάχους τινὰς ἡμετέρους, καὶ πρεσβυτέρους, ἐλέους καὶ βοηθείας ἕνεκα τούτων, τῆς τε ῥηθείσης ὀφειλῆς, εἰς ἣν καὶ ἐνέχονται οἱ ἐγγυηθέντες. Ἡδὴ δ' αὖθις ἀνάγκης κατεπειγούσης ὡς ἐνοχλουμένων σφόδρα παρὰ τῶν ἀσεβῶν, περιστάσεσί τε ἄλλεπαλλήλαις, καὶ συμφοραῖς τῶν δεινῶν κυκλομένων, πικραῖς τε τιμωρίαις προσομιλοῦντων καὶ οὐ παυόντων δεινοπαθῶς ὁσημέραι μετὰ πολλῶν δακρύων δέεσθαι καὶ παρακαλεῖν ἡμᾶς συναλγῆσαι αὐτοῖς, καὶ φροντίσαι ὑπὲρ τῆς ἐλευθερίας αὐτῶν, προνοοῦντες ὡς χρεῶν ἡμῖν ὑπὲρ τῆς τούτων σ(ωτη)ρίας τῶν ἀθλίως κινδυνευόντων ψυχῇ καὶ σώματι αἰχμαλώτων, καίτοι στηρίζοντες αὐτοὺς ὡς εἰκὸς, καὶ τὰ ὑπερδύναμιν ὡς εἰπεῖν βοηθοῦντες αὐτοῖς μέντοι γε μὴ ἔχοντες ἄλλως πῶς ποιῆσαι ὡς τὸ ἡμέτερον Γένος ἐν ἀπορίᾳ καὶ ἀμηχανίᾳ πλείστη τυγχάνον, ὑπὸ τῆς καθεκάστην πιεζούσης πάντας τυραννίας, καὶ συνδουλείας, συνδιασχεψάμενοι ἀλλήλοις τὸ θέον, συνθλιβόμενοι τε τῇ δεινῇ κακουχίᾳ τοῦ πλησίον, ὡς ὑπόχρεοι πάντες οἱ κατὰ Χ(ριστὸ)ν ζῶντες ὑπὲρ τῆς ἀναρρύσεως τούτων, ἐκρίναμεν καὶ αὖθις εὐλογον καὶ ἀναγκαῖον ἐξαποστεῖλαι καὶ εἰς τὰ σπλάγγνα τῶν κραταιῶν ὁμῶν βασιλειῶν, καὶ ἐξουσιῶν, διὰ τῶν παρόντων ἡμετέρων παρακλητικῶν π(ατ)ριαρχικῶν καὶ συνοδικῶν γραμμάτων, τὸν παρόντα ἱερώτατον μ(ητ)ρὸπολίτην ἀρχιεπίσκοπον Παλαιῶν Πατρῶν ὑπέρτιμον καὶ ἕξαρχον πάσης Ἀχαΐας κ(υρ) Παῖσιον Ἐμμανουὴλ Πωγωνάτον, ἐν ἀγίῳ πν(εύματι) ἀγαπητὸν ἡμῶν ἀδελφὸν καὶ συλλειτουργὸν, μετὰ τῆς ἱεράς συνοδίας αὐτοῦ, ἐκ τῆς Πελοποννήσου ὑπάρχοντα, καὶ περιπεσόντα καὶ τὴν κοινῇ δεινῇ αἰχμαλωσίᾳ, σὺν τοῖς οἰκείοις αὐτοῦ γονεῦσι, καὶ συγγενέσι, καὶ μετὰ ταῦτα μυρία δεινὰ παθόντα, καὶ ὑπομείναντα παρὰ τῶν ἀθέων Βαρβάρων ὑπὲρ τῆς εὐσεβείας. Ὅντινα καὶ πέμπομεν παρὰ τοῦ καθ' ἡμᾶς ἀγιωτάτου Ἀποστολικοῦ καὶ Οἰκουμενικοῦ Θρόνου κοινῇ γνώμῃ, καὶ ἀποφάσει, τῶν περὶ ἡμᾶς ἱερωτάτων ἀρ-

χιερῶν μ(ητ)ρόπολιτῶν, καὶ ὑπερτίμων, τῆς ἱεραρχικῆς συγκλήτου βουλῆς ἡμῶν, ἐν ἀγίῳ πν(εύματι) ἀγαπητῶν ἀδελφῶν καὶ συλλειτουργῶν, εἰς τὰ σπλάγχνα τῆς φιλευσεβείας ὑμῶν χάριν ἐλέους, καὶ βοήθειας ὑπὲρ τῆς ἐλευθερώσεως τούτων τῶν αἰχμαλώτων, προσέτι καὶ ἐξαρχικῶς ἐπὶ πάντας τοὺς ἡμετέρους ἱερομονάχους, καὶ πρεσβυτέρους ὄπη δ' ἂν τύχῃσι, οἷσπερ καὶ ἐντελλόμεθα συνοδικῶς ὑπακούειν καὶ πειθαρχεῖν τῷ παρόντι ἡμετέρῳ ἐξάρχῳ ὡς πρόσωπον π(ατ)ριαρχικὸν ἡμέτερον ἐπιφέροντι καὶ πάσης τῆς ἱερᾶς ἡμῶν συνόδου, ᾧ τινι καὶ δεδώκαμεν πᾶσαν ἄδειαν, ἔνεκεν μὲν πάσης ἄλλης συμβάσης ἐκκλησιαστικῆς ὑποθέσεως, πρὸς τούτοις δὲ ἐπὶ τῷ παραλαβεῖν, καὶ συνάζαι παρ' αὐτῶν τὴν καλὴν ἐλεημοσύνην, καὶ βοήθειαν τῶν φιλοχρίστων. διάτοι τοῦτο, καὶ συνιστῶμεν τῇ ὑμετέρᾳ εὐσπλαγχνίᾳ τῶν εὐσεβῶς, καὶ κραταιῶς βασιλευόντων θεοφρουρήτων ἀνάκτων, τῇ τε μεγαλοπρεπείᾳ τῶν ὑπερτάτων, καὶ γαληνωτάτων λετόρων, περιφανεστάτων δουκῶν τε, πριγγίπων, δυναστῶν ἡγεμόνων μεγαλοψυχία, καὶ πάσης ἄλλης ὁποίας δημοτοῦν ἀρχικῆς ἐξουσίας, καὶ τάξεως γεναιότητι, παρακαλοῦντες πάντας ὑμᾶς μετὰ πάσης εὐχῆς καὶ εὐλογίας ἀποστολικῆς, ὅπως ἐρχομένῳ πρὸς τὴν ὑμετέραν φιλόθεον ἀγάπην τῷ ῥηθέντι ἡμετέρῳ μ(ητ)ρόπολίτῃ, ἐπιδείξητε πᾶσαν εὐσπλαγχνίαν, καὶ βοήθειαν, ἔργοις καὶ λόγοις, ἰλαρῷ τε, καὶ εὐσπλάγγῳ τῷ ὁμματι αὐτὸν ἀποδεχθεῖτε, καὶ πᾶσαν ἄλλην φιλοτιμίαν αὐτῷ, καὶ συστατικὴν χάριν ποιήσητε συνιστῶντες αὐτὸν ἀπὸ τόπου εἰς τόπον, διὰ τῶν ὑμετέρων ἐνδόξων συστατικῶν γραμμάτων, ἵνα γένηται βοήθεια, καὶ εὐποιία πλουσιπάροχος, καὶ ἀνάλογος πρὸς τὴν ἀνάγκην τῶν δεομένων παρὰ τῆς φιλευσεβείας ὑμῶν μεσιτευσούσης τῆς ὑμετέρας παρακλήσεως πρὸς σ(ωτη)ρίαν, καὶ ἀπαλλαγὴν τῶν ἐν θλίψεσι καταπονουμένων, καὶ δεινῶς ἐν τῇ πικρᾷ δουλείᾳ τῶν ἀσεβῶν ὑπαρχόντων, καὶ τὰ ἔσχατα κινδυνεύοντων: οὐχ ἥκιστα δὲ βεβαιούμεθα ὅτι ὡς θεοσεβεῖς, καὶ φιλόχριστοι ὑμεῖς πάντες ἀναλογιζόμενοι τὴν μεγίστην ἀνάγκην τῆς κακώσεως αὐτῶν, καὶ ταλαιπωρίας, τό τε προγεγονὸς βαρύτατον χρέος ὑπὲρ τῆς παραμυθίας αὐτῶν, ἐφ' ᾧπερ ἐνέχονται οἱ ἐγγυηθέντες ἐκκλησιαστικοὶ τε, καὶ λαϊκοὶ, συμπάσχοντες ἅπαντες παρὰ τῶν ἀπαραιτήτως, καὶ δεινῶς ἀπαιτοῦντων τὴν ὀφειλὴν τῆς ποσότητος, καὶ συνελόντι κινδυνεύοντες ἐσχάτως, ποιήσητε συναχθῆναι βοήθειαν, καὶ ἐλεημοσύνην ἀρμόζουσαν, καὶ ἀξιόλογον ἐξ ὧν ὑμῖν ὁ Θε(ε)ὸς ἐχαρίσατο ἀγαθὰ, καὶ ἐπιδείξητε πᾶσαν φιλεύσπλαχνον γνώμην, προαίρεσιν, συνδρομήν, σπουδὴν, ἐπιμέλειαν, καὶ προθυμίαν, κατὰ τὴν αἴτησιν ἡμῶν, πρὸς τὸν ἐπιφέροντα ἡμέτερον μ(ητ)ρόπολίτην τὰ παρόντα π(ατ)ριαρχικὰ συνοδικὰ ἡμῶν γράμματα, ἀποπληρωθῆσομένων τῶν ἐντολῶν τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χ(ριστοῦ) ὑπὸ τῆς φυσικῆς ὑμῶν καλοκαγαθίας, ὡς αἰνετὸν τὸ ὄνομα ὑμῶν ἀπὸ Ἀνατολῶν μέχρι Δυσμῶν, ἵνα διὰ τῆς καλῆς ὑμῶν ἐλεημοσύνης, καὶ ἀγαθοεργίας, οἱ μὲν δυστυχεῖς αἰχμάλωτοι ἀπολυτρωθῶσι σὺν γυναίξϊ, καὶ τέκνοις ἐκ

τῆς πικρᾶς καὶ σκληρᾶς δουλείας, ἐλευθερωθῶσι τε καὶ οἱ συμπάσχοντες ἐκ τῆς ὀφειλῆς καὶ ἐνοχῆς τῆς ἑαυτῶν ἐγγυήσεως, ὑμεῖς δὲ τοὺς ἀξίους μισθοὺς ἐξ οὐρανοῦ μυριοπλασίως ἀντιλήψθησθε, καὶ ζωὴν τὴν αἰώνιον: ἔχοντες καὶ ἡμεῖς ἀπαραίτητον χρέος αἶρειν ἰκέτιδας χεῖρας Θε(εὸν) ὀσημέραι, καὶ δέεσθαι τῆς εὐσπλαχνίας αὐτοῦ, καὶ παντοδυναμίας ὑπὲρ τῆς ὑγείας καὶ σωτηρίας ὑμῶν, ὑπὲρ τοῦ διατηρῆσαι, καὶ περιφρουρῆσαι τὰς βασιλείας ὑμῶν, καὶ πάσας τὰς ὑμετέρας ἀρχὰς καὶ ἐξουσίας κραταιᾶς τε καὶ ἀνικητούς, ὑπὲρ τοῦ συμπολεμῆσαι, καὶ ὑποτάξαι ὑπὸ τὰ σκῆπτρα ὑμῶν πάντα ἐχθρὸν, καὶ πολέμιον, ὑπὲρ τοῦ δωρηθῆναι ὑμῖν πάντα τὰ ἐφετά, καὶ καταθύμια, βαθύ τε γῆρας, καὶ λιπαρὸν, καὶ διαδοχὴν ἀδιάλειπτον, τὴν τε εὐλογίαν καὶ εὐθηνίαν τοῦ Ἀβραάμ, Ἰσαὰκ, καὶ Ἰακώβ, καὶ τὰ ἔσχατα τοῦ Ἰώβ: Ἐπὶ δὲ τούτοις ὡς τέκνα ἡμῖν ἀγαπητὰ, καὶ περιπόθητα τὴν τοῦ Κ(υρίου) ἡμῶν Ἰ(ησοῦ) Χ(ριστοῦ) εἰρήνην, καὶ ἀγάπην πᾶσιν ὑμῖν ἀποδιδόντες, ποθεινῶς ἐκ καρδίας ἐπιστέλλομεν τὴν ἀποστολικὴν εὐχὴν, καὶ εὐλογίαν, οὗ ἡ χάρις καὶ τὸ ἄπειρον ἔλεος εἶη μετὰ πάντων ὑμῶν ἀμήν: —

Ἐδώθη ἐν Νέα Ῥώμῃ ἐν τῷ Ἀγίῳ Γεωργίῳ, ἐπὶ τῷ δακτυλίῳ τοῦ ἀλιέως. Ἐν ἔτει σωτηρίῳ $\overline{\text{ΑΨΛΑ}}$:— Τῆς ἀρχιερωσύνης ἡμῶν ἔτει πέμπτῳ: ~

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τὸ)

Ἐν μηνὶ Μαΐῳ, ἐν(δικτιῶν)ος $\overline{\text{Ϡ}}^{\text{Ϟ}}$: —

- + Ὁ Καισαρείας Νεόφυτος.
- + Ὁ Κοζίκου Ἀὐξέντιος:·
- + Ὁ Νικομηδείας Σεραφεῖμ:—
- + Ὁ Νικαίας Καλλίνικος:·
- + Ὁ Θεσσαλονίκης Ἰωακεῖμ:·
- + Ὁ Ἀδριανουπόλεως Ἀθανάσιος:—

Γεώργιος Σπαντωνῆς μέγας ῥεφερενδάριος τοῦ
Οἰκουμενικοῦ Θρόνου +

17.

1733, Μηνὶ Σεπτεμβρίῳ.

Μεμβράνα μήκ. 0.545, πλ. 0.725. Γραφὴ κανονικὴ καὶ ἐπιμαλής. Τὰ κεφαλαῖα στοιχεῖα τῶν πρώτων πέντε λέξεων μέγιστα καὶ πεποικιλμένα φιλοκάλως, πάντων δὲ μέγιστον τὸ S τῆς πρώτης λέξεως. Μεγάλα καὶ πεποικιλμένα ὡσαύτως τὰ κεφαλαῖα στοιχεῖα τῶν δύο πρώτων λέξεων (Per Imperatorem) τῆς ὑπογραφῆς. Ὑπὸ τὸ κείμενον διακρίνεται τύπος μεγάλης κηρίνης σφραγίδος ἐκπεσούσης. Ἐνιαχοῦ τὸ κείμενον ἐφθάρη ἐξ ὑγροῦ τινος ὀξέος. Ὅπισθεν τοῦ κειμένου ἑλληνιστί: «№ 3 Πατέντα Λατινική».

Sacræ Caesaræ Regiaeque Catholicæ Majestatis Domini No-
stri Clementissimi Nomine Universis, et Singulis cujuscunque

Statûs, gradûs, Ordinis, dignitatis, conditionis, aut praeeminentiæ existentibus, tam Ecclesiasticis, quam Saecularibus Magistratibus, item Urbium, Oppidorum, aliorumque quorumvis locorum, et Communitatum Rectoribus, et Magistris, nec non portuum, pontium, et passuum Custodibus tum etiam praelibatæ suæ Majestatis militaribus Officialibus cæterisque gregariis, tam (ae)questris, quàm pedestris Ordinis Militibus et aliis quibusvis hisce benevolè significandum. Exhibitorem praesentium admodum Reverendum Dominum **Paisium Emanuelem de Pogonati** Archi=Episcopum (Patriarum in Achaia Moreæ documentis testimonialibus authenticis exposuisse, se per imanem tyrranicamque persecutionem infidelium Zelô fidei Catholicae, multifarias aerumnas, afflictiones, et tormenta, gravissimosque, ac diuturnos Carcerum Squalores perpessum fuisse, et posteaquam infinita Dei misericordiâ, et providentiâ è tam atroci, crudelique captivitate evasisset, relictâ in felice suâ familiâ, Consanguineis, ac aliquibus compatriotis suis simul secum in memorata dira captivitate Turcarum detentis, ad Augustissimam Aulam Caesaream pro imploranda benignissima Ejusdem assistentia confugisse, modò autem tam in Sacrum Romanum Imperium omnesque ditiones haereditarias praelibatæ Majestatis Suae, quam ad extera Regna et Provincias, ad colligendam pro eliberandis dictis captivis Christi fidelibus eleemosynam proficisci intendere, humillimè supplicando, quatenus eidem hunc in finem Protectionales non minus, quam promotoriales Literæ benignè impertirentur. Cui tam pio, ac laudabili Christianæ charitatis operi proinde, ut undique semotis omnibus impedimentis insultibus, ac periculis tutè vacare illudque tantò facilius et citius perficere, atque ad redimendos suprâ nominatos captivos reverti valeat omnes et singuli praerecensiti cujuscunque Statûs, conditionis aut dignitatis sint, repetitæ Sacrae, Caesareæ, Regiaeque Catholicae Majestatis Nomine Ejusdem ditioni . . n subiecti hisce benevolè requiruntur Militibus verò, Subditisque Caesareo=Regiis seriò injungitur, ac demandatur, ut ante nominatum Dominum Archi=Episcopum **de Pogonati** unâ cum alio Sacerdote, interprete, et famulo, sarcinis, aliisque rebus, quas secum habere posset, non solum ubique locorum absque ulla molestia, detentione, aut renitentia, liberè, secureque ire, transire, commorari redireque nec ullis uspiam injuriis affici permittere, sed potius optimè commendatum habere et omnibus benevolentiae officiis

prosequi, Eidemque non minus curribus, equis, aut aliô quôvis modô pro tutè celeriterque perficiendo itinere et ad omnem . . . o-pensam voluntatem operam et assistentiam praestare et apud pro-bos Christianos pro redimendis saepè mentionatis in Turcica ca-ptivitate gementibus captivis necessarium Lÿtrum colligendi fa-cultatem concedere nec non ipsimet ex charitate proximi libe-rali subsidiô succurrere velint; Facturi in eo rem voluntati Cae-sareo=Regiae conformem, gratiâ suâ recognoscendam. In cujus rei fidem præsentis Literæ Sigillô Caesareô munitæ, et corro-boratae fuere, Quae dabantur Viennæ Die Vigesi-mâ Mensis Se-ptembris Annô Millesimô Séptingentesimô Trigesimô Tertiô.

(T. Σ.)

Per Imperatorem
Ex Consilio Bellico
Die, et Annô ut Suprà
Ignatius à Koch.

18.

1794, *Μηνί 'Ιουνίω* ἰνδ. 12.

(Μεμβράνα ἐπιμήκης, μήκ. 0.715, πλ. 0.59, ὑποστᾶσα φθοράν τινα ὑφ' ὕδατος. Πρὸς τὰ κάτω διὰ κυανῆς μετάξης ἀπγώρηται μολυβδίνη σφραγίς διαμέτρου 0.063, φέρουσα ἐπὶ τῆς πρώτης ὀ-ψεως τὴν Θεοτόκον ἐν τῇ ἀριστερᾷ κρατούσαν ἀγκάλῃ τὸ βρέφος Ἰησοῦν, τὴν δεξιάν δὲ ἐπὶ τοῦ ἰδί-ου αὐτῆς ἔχουσαν στήθος. Ἐκατέρωθεν τῆς Θεοτόκου τὰ στοιχεῖα ΜΡ ΘΥ, ἐκατέρωθεν δὲ τοῦ βρέ-φους τὰ IC XC. Ἐπὶ τῆς ἐτέρας ὀψεως τῆς σφραγίδος ἐπιγραφὴ ὀκτάστιχος μεταξὺ τεσσάρων ἀστε-ρίσκων: ΓΕΡΑΣΙΜΟΣ | ΕΛΕΩ ΘΕΣ | ΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΟΣ | ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΕΩΣ | ΝΕΑΣ
ΡΩΜΗΣ ΚΑΙ ΟΙΚΟΥΜΕΝΙΚΟΣ | ΠΑΤΡΙΑΡΧΗΣ | ΑΨΗΔ).

+ *Γεράσιμος ἑλέω Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως νέας Ῥώ-μης, καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης.*

+ Οὔτε ἀναγκαῖον, ἀλλὰ καὶ περιττὸν ἂν δόξειε . . . . . εἰς τοὺς προφασιζομένους, μακρηγορεῖν, ὅτι περι . . . . καὶ ἰδίου . . . . τοῖς χρι-στιανοῖς ὁ περὶ φιλαδελφίας λόγος ἐστίν, ὅπου γε καὶ ὁ θεολογίας ἐπώνυ-μος, καὶ ἐπιστήθιος Ἰωάννης, ἐν οἷς ἡμῖν πρὸς εὐσέβειαν θαιμασίως ἐμυ-σταγώγησε λ . . . . . ταύτην γνώμην προανακηρύττων ἀπεφήνατο, ὅτι οὐ-δὲν ἕτερον ἐνδεικτικὸν καὶ παραστατικὸν τῆς πρὸς θεὸν ἀγάπης, ὅσον ἢ πρὸς τὸν πλησίον ἐνεργουμένη. πρῶτον μὲν γὰρ πᾶς ὁ τὴν κατὰ Χριστὸν ἀγά-πην τὸν πλησίον ἀγαπήσας, δῆλός ἐστι καὶ τὸν θεὸν ἀγαπᾶν. ἐν τοίῳ γὰρ φησι γνώσονται πάντες οὗ ἐμοὶ μαθήται ἐστέ, ἐὰν ἀγαπᾶτε ἀλλήλους. ἔπειτα δέ, ὅτι τῶν δύο τούτων ἀρετῶν τῆς πρὸς θεὸν φα-

μὲν ἀγάπης, καὶ τῆς πρὸς τὸν πλησίον, ἐν πράξει γενέσθαι ἐμέλησεν, οὗτος ἂν εἴη τῷ ὄντι χριστιανός, καὶ πάσας τὰς ἄλλας ἀρετὰς συνειλογῶς ἐν ἑαυτῷ. ὁ μὲν γὰρ τὸν θεὸν ἀγαπῶν, καὶ τὰς τοῦ θεοῦ φυλάξει ἐντολάς. ὁ δὲ τὰς τοῦ θεοῦ φυλάττων ἐντολάς, δίκαιος ὀνόματι ἔσται, σώφρων, εὐσεβής. καὶ τὰς λοιπὰς ἀσκήτων ἀρετὰς, ἀγαπῶν δὲ καὶ τὸν πλησίον, ὡς ἑαυτὸν. ὁ δὲ τὸν πλησίον ἀγαπῶν, πάντως καὶ τὰ πρὸς τὴν χρείαν ἐκείνῳ προθύμως συναντιλήψεται. γυμνὸν γὰρ ὄντα περιβαλεῖ. πεινῶντι, καὶ διψῶντι, φαγεῖν, καὶ πιεῖν δώσει, ἀσθενοῦντι ἐπιμελήσεται, ἐν φυλακῇ προσελεύσεται. εἰ δὲ τις ἐπὶ τοσοῦτον ἦκεν ἡλιθιότητος καὶ φαυλότητος, ὥστε μήτε τὸν θεὸν ἀγαπᾶν, μήτε τὸν πλησίον, ὡς ἑαυτὸν, περὶ τούτου οὐδεὶς ἂν ἀμφιγνώσκειε πᾶσαν ἀρετὴν ἀφαιρεῖσθαι. ὁ μὲν γὰρ τὸν θεὸν μὴ ἀγαπῶν, οὐ δίκαιος, οὐκ εὐσεβής, οὐ σώφρων ἔσται, οὐδὲ τὰς ἄλλας φυλάξει αὐτοῦ ἐντολάς, οὔτε μὴν τὸν πλησίον ἀγαπήσει, ὡς ἑαυτὸν. ὁ δὲ μὴ τὸν πλησίον ἀγαπῶν, οὗτος, οὔτε γυμναστεύοντι, οὔτε πεινῶντι, ἢ διψῶντι, οὔτε τοῖς ἐν φυλακῇ καὶ ἀσθενείαις, ἢ ταῖς ἄλλαις ἀνάγκαις καὶ συμφοραῖς ἐπιδώσει τὰ πρὸς τὴν χρείαν. ταῦτ' ἄρα καὶ ἐν τῷ. *ἀγαπήσεις κύριον τὸν θεόν σου, καὶ τὸν πλησίον σου, ὡς ἑαυτόν*, ἅπας ὁ νόμος καὶ οἱ προφῆται κρέμανται κατὰ τὰ θεῖα, καὶ ἱερά λόγια. τῆς δ' ἐτέρας τῶν ἐντολῶν τούτων σαφὲς τεκμήριον τὴν ἐτέραν αὐτοῦ ὁ κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς παραδίδωσιν, ἐν οἷς φησὶν, *ἐν τοιῷ γνώσονται πάντες, ὅτι ἐμοὶ μαθηταὶ ἐστέ, ἐὰν ἀγαπᾶτε ἀλλήλους*, τὴν φιλαδελφίαν σαφὲς τεκμήριον τῆς κατὰ χριστιανούς φιλοθείας τιθέμενος. ἀλλ' ὅσα μὲν καὶ οἷα πρὸς ψυχικὴν σωτηρίαν δύνανται τὸ τὸν πλησίον ἀγαπᾶν, καὶ τὸ πρὸς τοὺς δεομένους ἐπικουρητικόν, ἐπιλείψει ἡμᾶς ὁ πᾶς χρόνος διηγουμένων. ἔνθεν τοι τὰ περὶ τούτου ἀφέντας. ἵνα μὴ μακρηγορεῖν δοξώμεν, ἐπὶ τὰ λοιπὰ χωρητέον τοῦ λόγου. ἐπὶ γὰρ τοῦ προκατόχου ἡμῶν παναγιωτάτου ἀγαπητοῦ ἡμῶν ἀδελφοῦ κυρίου Νεοφύτου, ἡ καθ' ἡμᾶς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλῃ Ἐκκλησίᾳ, ἔγνω τὰ κατὰ τὰς θείας ταύτας ἐντολάς ἐπιτελέσαι, τῇ ἐπισκευῇ τῶν κατὰ τὸν Γαλατᾶν δύο νοσοκομείων, καὶ τῇ ἀνακτίσει τοῦ κατὰ τοὺς Ἑπτὰ Κουλάδες κατερηρμιμένου νοσοκομείου, καὶ τῇ ἐπιμελείᾳ τῶν ἐν ταῖς εἰρηκαῖς Πόλεως, καὶ Γαλατᾶ. καὶ κοινὸν ἱερόν πατριαρχικόν τεσσαρακονταλείτουργον προκατηγγέλη πᾶσι τοῖς χριστιανοῖς Πόλεως, Γαλατᾶ, καὶ Καταστένου, καταγράψαι ὀνόματα ζώντων καὶ τεθνεώτων, ὅσα τε. καὶ ἐφ' οἷον ἂν ἕκαστος προαιρεῖται, ἀπ' ὧν γενήσοιτο μὲν ἢ τῶν νοσοκομείων ἐπισκευή τε καὶ ἀνάκτησις, διαμενοῖ δὲ καὶ ἢ τῶν ἐν φυλακαῖς ἐπιμέλεια. καὶ τὸ μὲν τεσσαρακονταλείτουργον συνετελέσθη, τὰ γε μὴν παρὰ τῶν χριστιανῶν συναχθέντα ἐλέη, μηδὲ γούν πρὸς τὴν οἰκοδομὴν τοῦ κατὰ τοὺς Ἑπτὰ Κουλάδες νοσοκομείου ἱκανὰ ἀνεφάνησαν. ἀλλὰ τὰ πρὸς οἰκοδομὴν τούτου ὠκονομήθησαν διὰ προστασίας καὶ ἐπιμελείας τοῦ ῥηθέντος παναγιωτάτου προκατόχου ἡμῶν. ὅμως δ' οὖν. ἐγ. . . τὰ κατὰ τὸν Γαλατᾶν ἐπισκευασθήναι

νοσοκομεία, καὶ τοὺς ἀσθενεῖς, καὶ τοὺς ἐν φυλακαῖς τυγχάνειν ἀδελφούς ἐπισκέψεως ἐς αἶψα, ἐδέδοκτο ἐπιστῆσαι τὴν προστασίαν τῶν εὐλογημένων ρουφετίων, μετὰπεμπτοὶ καὶ τότε γενέσθαι οἱ προκριτώτεροι αὐτῶν, ἐξελέξαντο καθ' ἑαυτοὺς τὰ πέντε ρουφετία, τοὺς γουναράδες δηλαδή, καὶ τζεβαχερτζίδες, καὶ τῶν Χίων τοὺς τζοχατζίδες τε, καὶ χεταϊτζίδες, καὶ τοὺς ἀμπατζίδες, κατὰ κοινήν γνώμην καὶ συναίνεσιν, ἐπιθέντες αὐτοῖς, καὶ ἐπιτρέψαντες πᾶσαν τὴν (ἐπίστασιν) τῶν τριῶν νοσοκομείων καὶ τῶν ζιντανίων, καὶ ἄλλων φυλακῶν, τῶν τε ἐν τῇ Πόλει, καὶ τῶν ἐν Γαλατᾷ, ἐπὶ τοιαύταις μέντοι ὑποσχέσεσι, καὶ συμφωνίαις, ὅπως πρῶτον μὲν οἱ χριστιανοὶ τῶν ῥηθέντων) πέντε ρουφετίων κατὰ τελείαν πληρεξουσιότητα ἀποκαθιστώσι καὶ διορίζωσιν ἐπιτρόπους τῶν ῥηθέντων ζιντανίων, φυλακῶν καὶ νοσοκομείων, ἄνδρας φιλοθέους, εὐλαβεῖς, καὶ φιλαδέλφους, μὴ μόνον ἀπὸ τῶν ρουφετίων αὐτῶν, ἀλλὰ καὶ ἀπὸ τῶν λοιπῶν ρουφετίων. δεύτερον δὲ ἐν ἐκάστη ἐκκλησίᾳ Πόλεως, Γαλατᾷ, καὶ Καταστένου διορίσωσιν ἐπιτρόπους, ἵνα ἐν πάσαις ταῖς Κυριακαῖς, καὶ ἑορταῖς, μετὰ τοὺς δύο δίσκους τῆς ἐκκλησίας, ἀμέσως περιφέρωσι κουτεῖον ἐλεημοσύνης ζιντανίων, καὶ ὀσπηταλίων. τρίτον δὲ ἕκαστον ρουφετίον ἀποδείξῃ καὶ διορίσῃ μηνιαῖον τινὰ ἔλεον κατὰ δύναμιν, ὅστις ἐχειρισθήσεται τοῖς παρ' αὐτῶν τῶν πέντε ρουφετίων διοριζόμενοι ἐπιτρόποις. τέταρτον δὲ οἱ τὰς διαθήκας ποιούμενοι ἀναμιμνήσκονται, καὶ τῶν ὀσπηταλίων, καὶ ζιντανίων τούτων, καὶ ἀνατιθῶσιν εἰς αὐτὰ, εἴτε λόγῳ παρρησίας, καὶ προθέσεως, εἴτε ἄλλως πως, ὅσα περ ἂν βούλωνται. πέμπτον δὲ οἱ ἐν τῇ Πόλει, Γαλατᾷ, καὶ Καταστένω πνευματικοὶ πατέρες κατὰ χρέος προτρέπωσι τὰ πνευματικὰ αὐτῶν τέκνα, εἰς ἀντίληψιν καὶ βοήθειαν τῶν ζιντανίων, νοσοκομείων, καὶ τοιούτων τινῶν. ἕκτον δὲ οἱ προχειριζόμενοι εἰς ἐπαρχίας, ἢ μετατιθέμενοι ἀρχιερεῖς, ἀποδιδώσιν εἰς αὐτὰ τὰ ὀσπητάλια, καὶ φυλακὰς ἕκαστος, ὁ μὲν τῆς πρώτης τάξεως γρόσια ἑκατὸν πεντήκοντα, ὁ δὲ τῆς δευτέρας ἑκατὸν, ὁ δὲ τῆς τρίτης πεντήκοντα. ἑβδομον δὲ καὶ τελευταῖον, ὅπως οἱ ἐν τοῖς νοσοκομείοις τούτοις κατ' αἰδίαν πατριαρχικὴν, καὶ ἐκλογὴν τῶν εἰρημένων πέντε ρουφετίων διοριζόμενοι ἱερεῖς καὶ πνευματικοί, ὑπάρχωσι πάντῃ ἀσύδοτοι, καὶ ἐλεύθεροι τῆς πρὸς τὸν κατὰ καιροὺς πατριάρχην φιλοτιμίας. Ταῦτα μὲν οὖν κατὰ κοινήν γνώμην, καὶ συναίνεσιν, τότε συνετέθη. ἤδη δὲ καὶ ἡ μετριότης ἡμῶν ἐλέω θείῳ τοὺς οἴακας τοῦ οἰκουμενικοῦ τούτου σκάφους διαδεξαμένη, καὶ οὐκ ἀνεχτὸν ἡγουμένη, εἰ τὸ κοινωφελὲς καὶ θεάρεστον τοῦτο ἔργον ἡμιτελὲς παραλίποι, καὶ τὴν σύστασιν τῶν νοσοκομείων ἐν μόναϊς τυχηραῖς κινδυνευομένην προσδόοις, προσεθήκαμεν δι' ἑτέρου ἡμετέρου πατριαρχικοῦ συνοδικοῦ σιγγιλιώδους γράμματος τοῖς ῥηθεῖσι νοσοκομείοις καὶ πᾶσαν τὴν πρόσδοδον τῆς ἑξῶθι τῆς Κωνσταντινουπόλεως ἐκκλησίας τῆς ὑπεραγίας δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου, καὶ τοῦ ἐν αὐτῇ ἀγιάσματος τοῦ Μπαλουκλείου, διὰ τοῦ παρόντος δὲ ἔγνωμεν ἀπλῶς

*

κρατόναι τὰ ἀνωτέρω ἀπηριθμημένα κεφάλαια, καὶ τὴν ἐπιτροπικὴν πρὸς διαμονὴν τῆς ἐπισκέψεως τῶν ἐν τοῖς νοσοκομείοις καὶ εἰρηταῖς χριστιανῶν, κατὰ τὴν κοινὴν γνώμην καὶ συναίνεσιν πάντων τῶν εὐλογημένων ρουφετίων. Καὶ δὴ γράφοντες ἀποφαινόμεθα συνοδικῶς, μετὰ τῶν περὶ ἡμᾶς ἱερωτάτων ἀρχιερέων καὶ ὑπερτίμων, τῶν ἐν ἀγίῳ πνεύματι ἀγαπητῶν ἀδελφῶν καὶ σὺλλειτουργῶν, ἵνα οἱ χριστιανοὶ τῶν ῥηθέντων πέντε εὐλογημένων ρουφετίων, γουναράδες δηλαδὴ, τζεβαχερτζίδες, καὶ τῶν Χίων οἱ τζοχατζίδες, καὶ χετατζίδες καὶ οἱ ἀμπατζίδες, ἔχωσι πᾶσαν τὴν φροντίδα καὶ ἐπίσκεψιν τῶν τε τριῶν νοσοκομείων, καὶ τῶν ζιντανίων καὶ ἄλλων φυλακῶν, ἐπὶ τοῖσδε τοῖς κεφαλαίοις, ὡς εἴρηται, ὅπως πρῶτον μὲν οἱ χριστιανοὶ τῶν ῥηθέντων πέντε ρουφετίων κατὰ τελείαν πληρεξουσιότητα ἀποκαθιστῶσι καὶ διορίσωσιν ἐπιτρόπους τῶν ῥηθέντων ζιντανίων, φυλακῶν, καὶ νοσοκομείων, ἄνδρας φιλοθέους, εὐλαβεῖς, καὶ φιλαδέλφους, (οὐ μόνον) ἀπὸ τῶν ἐσναφίων αὐτῶν, ἀλλὰ καὶ ἀπὸ τῶν λοιπῶν ρουφετίων· δεύτερον δὲ ἐν ἐκάστη ἐκκλησίᾳ Πόλεως, Γαλατᾶ, καὶ Καταστένου, διορίσωσιν ἐπιτρόπους, ἵνα ἐν πάσαις ταῖς Κυριακαῖς καὶ ἑορταῖς, μετὰ τοὺς δύο δίσκους τῆς ἐκκλησίας, ἀμέσως περιφέρωσι κουτεῖον ἐλεημοσύνης ζιντανίων, καὶ ὀσπηταλίων· τρίτον δὲ ἕκαστον ρουφετίον ἀποδείξῃ καὶ διορίσῃ μηνιαῖον τινα ἔλεον κατὰ δύναμιν, ὅστις ἐγχειρισθῆσεται τοῖς παρ' αὐτῶν τῶν πέντε ἐσναφίων διοριζομένοις ἐπιτρόποις· τέταρτον δὲ οἱ διαθήκας ποιούμενοι ἀναμιμνήσκωνται καὶ τῶν ὀσπηταλίων καὶ ζιντανίων τούτων, καὶ ἀναθέτωσιν εἰς αὐτὰ, εἴτε λόγῳ παρῆρησίας καὶ προθέσεως, εἴτε ἄλλως πως, ὅπως ἂν βούλωνται· πέμπτον δὲ οἱ ἐν τῇ Πόλει, Γαλατᾶ, καὶ Καταστένῳ πνευματικοὶ πατέρες κατὰ χρέος προτρέπωσι τὰ πνευματικὰ αὐτῶν τέχνα εἰς ἀντίληψιν καὶ βοήθειαν τῶν ζιντανίων, ὀσπηταλίων, καὶ φυλακῶν· (ἕκτον δὲ) οἱ προχειριζόμενοι εἰς ἐπαρχίας, ἢ μετατιθέμενοι ἀρχιερεῖς ἀποδιδῶσιν εἰς αὐτὰ τὰ ὀσπητάλια, καὶ φυλακὰς ἕκαστος, ὁ μὲν τῆς πρώτης τάξεως (γρόσια ἑκατὸν πενήκοντα, ὁ δὲ τῆς δευτέρας) ἑκατὸν, ὁ δὲ τῆς τρίτης πενήκοντα· ἕβδομον δὲ καὶ τελευταῖον, ὅπως οἱ ἐν τοῖς ὀσπηταλίοις τούτοις) κατ' ἄδειαν (πατριαρχικὴν) καὶ ἐκλογὴν τῶν εἰρημένων πέντε ρουφετίων διοριζόμενοι ἱερεῖς καὶ πνευματικοὶ (ὑπάρχωσι πάντῃ ἀσύδοτοι καὶ ἐλεύθεροι τῆς πρὸς τὸν κατὰ καιροῦς) πατριάρχην φιλοτιμίας. Ὅσοι δ' ἂν καὶ ὅποιοι τῶν λαϊκῶν μικροὶ, ἢ μεγάλοι, ἱερωμένοι, ἢ πνευματικοὶ, ὅποιασοῦν τάξεως καὶ (ἂν ᾧσιν), ἐπιχειρήσωσιν, ἐμμέσως, ἢ ἀμέσως, κρυφίως, ἢ φανερώς παραβῆναι, καὶ ἀνατρέψαι ὅπωςοῦν τὰ ἐν τῷ παρόντι γνώμῃ συνοδικῇ, καὶ κοινῇ ἀποφανθέντα καὶ κυρωθέντα, οἱ τοιοῦτοι, ὡς διεστραμμένοι καὶ κακότροποι, ὡς ἐναντίοι ταῖς δεσποτικαῖς θεαῖς ἐντολαῖς, ὡς κοινοβλαβεῖς, καὶ ἐπιζήμιοι τῷ γένει ἡμῶν, ἀφωρισμένοι εἴησαν ἀπὸ τῆς ἀγίας, ὁμοουσίου, ζωοποιοῦ, καὶ ἀδιαιρέτου τριάδος τοῦ ἐνὸς τῆ φύσει μόνου θεοῦ, καὶ κατηραμένοι, καὶ ἀσυγχώρητοι, καὶ ἄλυτοι μετὰ θάνατον.

καὶ τυμπανιαῖοι, καὶ πάσαις ταῖς πατριαῖς, καὶ συνοδικαῖς ἀραῖς ὑπεύθυνοι, καὶ ὑπόδικοι, καὶ ἔνοχοι τῷ αἰωνίῳ πυρὶ τῆς Γεέννης. Ταῦτα μὲν οὖν ἀπεφάνθη, καὶ κεχύρωται συνοδικῶς, εἰς δὲ τὴν περὶ τούτων ἔνδειξιν καὶ διηνεκῆ τὴν ἀσφάλειαν, ἐγένετο καὶ τὸ παρὸν ἡμέτερον πατριαρχικὸν συνοδικὸν σιγγιλιῶδες ἐν μεμβράναις γράμμα, καταστρωθὲν καὶ τῷ ἱερῷ κώδικι τῆς καθ' ἡμᾶς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας, καὶ ἐδόθη εἰς χεῖρας τῶν προκριτωτέρων χριστιανῶν τῶν εἰρημένων πέντε εὐλογημένων ρουφετίων +

Ἐν ἔτει σωτηρίῳ χιλιοστῷ ἐ(πτακοσιοστῷ) ἐνε(νη)κοστῷ τετάρτῳ, κατὰ μῆνα Ἰούνιον, ἐπινεμήσεως δεκάτης δευτέρας.

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς ἡ ἐξῆς ὑπογραφή).

+ Γεράσιμος ἐλέῳ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ῥώμης, καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης: +

(Αἱ ὑπογραφαὶ τῶν συνοδικῶν).

- + Ὁ Καισαρείας Γρηγόριος.
- + Ὁ Ἐφέσου Σαμουήλ.
- + Ὁ Ἡρακλείας Μεθόδιος.
- + Ὁ Κουζίκου Ἀγάπιος.
- + Ὁ Νικομηδείας Ἀθανάσιος.
- + Ὁ Χαλκηδόνος Ἱερεμίας.
- + Ὁ Δέρκων Μακάριος.
- + Ὁ Προύσης Ἄνθιμος.
- + Ὁ Σμύρνης Γρηγόριος.
- + Ὁ Ἀγχύρας Ἰωαννίκιος.
- + Ὁ Ἀγχιάλου Ἰωακείμ.
- + Ὁ Βάρνης Φιλόθεος.

19.

1797, *Μηνὶ Νοεμβρίῳ ἰνδ. 1.*

(Μεμβράνα ἐπιμήκης, μήκ. 0.70, πλ. 0.49 κατὰ τὸ εὐρύτερον αὐτῆς μέρος. Πρὸς τὰ κάτω διὰ κυανῆς μετάξης ἀπώρηται μολυβδίνη σφραγίς διαμέτρου 0.064, φέρουσα ἐπὶ τῆς μιᾶς ὀψεως τὴν Θεοτόκον ἐν τῇ ἀριστερᾷ κρατοῦσαν τὸ βρέφος Ἰησοῦν, τὴν δεξιὰν δὲ ἐπὶ τοῦ ἰδίου αὐτῆς ἔ-

χουσαν στήθους. Ἐκατέρωθεν τῆς Θεοτόκου τὰ στοιχεῖα $\overline{MP}$ $\overline{\Theta Y}$, ἑκατέρωθεν τοῦ βρέφους τὰ $\overline{IC}$ $\overline{XC}$. Ἐπὶ τῆς ἐτέρας ὀψεως τῆς σφραγίδος ἐπιγραφὴ ὀκτάστιχος μεταξύ τεσσάρων ἀστερισκῶν: ΓΡΗΓΟΡΙΟΣ | ΕΛΕΩ ΘΕΟΥ | ΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΟΣ | ΚΩΝΣΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΕΩ | ΝΕΑΣ ΡΩΜΗΣ ΚΑΙ ΟΙ | ΚΟΥΜΕΝΙΚΟΣ | ΠΑΤΡΙΑΡΧΗΣ | ΑΨΥΖ. Ὅπισθεν τῆς μεμβράνης διὰ λογίας χειρὸς 19-ου αἰῶνος: «Πατριαρχικὸν καὶ συνοδικὸν γράμμα ἐκδοθὲν ἐν τῇ πατριαρχείᾳ τοῦ παναγιωτάτου πρώην οἰκουμενικοῦ πατριάρχου κυρίου Γρηγορίου, τὸ ὁποῖον ὑπάρχει πάντῃ ἄχρηστον καὶ ἀνωφελές, ἐπειδὴ ὁμολογεῖται ἡ ἀντίφασις, δηλ: ἂ μὲν πρῶτον ἐπιβεβαίωσι ταῦτα ἐς ὕστερον ἀναίρει, ὅτι πρῶτον μὲν ἐπικυρεῖ τὸ προδοθὲν σιγγιλιῶδες γράμμα ἐν τῇ πατριαρχείᾳ καὶ ἐν μακαρίᾳ τῇ λήξει κυρίου Προκοπίου. ἔπειτα πρὸς τὸ τέλος γράφει νὰ δίδουν εἰς τὸ σχολεῖον μόνον τριακόσια γρόσια ἀπὸ τῆν ἐν Βουκουρεστῖῳ ἱερὰν μονὴν τοῦ προφήτου Προδρόμου»).

+ Ὁ Γρηγόριος ἐλέφ θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης +

+ Ὅσα μὲν κατὰ τοὺς θείους θεσμοὺς καὶ τοὺς ἱεροὺς ἀποστολικούς καὶ συνοδικούς κανόνας τυγχάνει διακυβερνώμενα, πολλήν ἔχουσι τὴν χάριν παρὰ θεοῦ, καὶ τὸ ἔλεος μέγιστον· ὅσα δὲ τούναντίον παραβαίνει τῶν ὀρθῶν ἐκτρεπόμενα, ἐν τούτοις προφανῆς ἡ ἀκοσμία, κατάδηλος ἡ φθορά, καὶ ἐπὶ πᾶσιν ἡ τῶν ψυχῶν ἀπώλεια. εἰ γὰρ καθάπερ οἱ περὶ τῶν καθ' ἕκαστα ἐκκλησιῶν νόμοι, οὕτω καὶ οἱ περὶ τῶν σταυροπηγιακῶν μοναστηρίων τῶν ὑπὸ τῷ καθ' ἡμᾶς ἀποστολικῷ, καὶ οἰκουμενικῷ θρόνῳ ἀπαράτρεπτοι διαφυλάττοντο, καὶ τῆς κατὰ νόμους ἐπιμελείας καὶ προστασίας κάκεῖνα ἴσισούντο παρὰ τῶν αἰεὶ πατριαρχευσόντων, οὐκ ἂν τσαῦτα καὶ τηλικαῦτα τὰ θειὰ τοῖς μοναστηρίοις συνέβαινον. ἀλλ' ἐπειδὴ, οὐκ οἶδαμεν ὅπως τῶν ἱερῶν παρημελημένων νόμων, εἰς τσαύτην προῆλθον ἀκαταστασίαν καὶ ἐλείνην ἀπώλειαν τὰ ἱερὰ ταῦτα καταγώγια, διὰ ταῦτα εὐθύς ἀνεληφόσιν ἡμῖν τοὺς οἴακας τοῦ παγκοίνου τουτουῖ σάφους, ἔδοξε πρὸς τοῖς ἄλλοις, καὶ τὰ παρημελημένα αὐτὰ εὐαγῆ μοναστήρια διορθώσασθαι, ἀφορῶσι πρὸς τὸ ἐκείνων συμφέρον, ὡς μέλη γνήσια ὄντα τῆς καθ' ἡμᾶς ἀγίας τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας, καὶ τῷ σταυροπηγιακῷ, καὶ πατριαρχικῷ προνομίῳ τιμημένα. ἄλλως τε οὐδὲ καινοὺς τινὰς ἀφ' ἑαυτῶν νόμους φέρουσιν, ἀλλ' ἀρχαίους ἀνανεούμενοις καὶ γεραροῦς. τὴν γὰρ τῶν ἐκκλησιαστικῶν πραγμάτων προστασίαν τοῖς ἐπισκόποις ἐπιτρέπουσιν οἱ θεῖοι καὶ ἱεροὶ νόμοι καὶ κανόνες, τὸν τοῦ θεοῦ φόβον προτίθεσθαι διακελυόμενοι, ἵνα, εἴ γε δέοιντο, καὶ αὐτοὶ ἀπολαμβάνωσιν, ὃν τρόπον ὁ λη^α: τῶν ἀγίων ἀποστόλων κανῶν, καὶ ὁ κα^α: τῆς ἐν Ἀντιοχείᾳ ἱεραῶ συνόδου, καὶ ἡ ἐν Χαλκηδόνι, οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τῆς ἐν Νικαίᾳ ὅ τε ιε^α: καὶ ὁ ιβ^α: καὶ τῆς ἐν Ἀγκύρᾳ ὁ ιε^α: καὶ ὁ μθ^α: τῆς ἐν Τρούλλῳ, καὶ ἄλλοι πλεῖστ' ὅσοι σεπτοὶ νόμοι καὶ κανόνες σαφῶς φαίνονται τὴν τῶν ἱερῶν μοναστηρίων ἐξουσίαν τοῖς ἐπισκόποις διδόντες, ὥστε μεταλαμβάνειν μὲν καὶ αὐτοὺς τῶν δεόντων, εἴ γε δέοιντο, εἰς τὰς ἑαυτῶν χρείας, τὴν δὲ περὶ ἐκεῖνα ἐπιμέλειαν μεγίστην τε καὶ ὡς θεοῦ ἐφορῶντος ποιεῖσθαι, ἵνα προστατεύωσιν αὐτῶν, καὶ οἰκονόμους, καὶ ἐπιτρόπους, καὶ ἡγουμένους ἀποκαθιστῶσιν ἐν αὐτοῖς καλῶς περὶ τῆς ἀνέξεως καὶ βελτιώσεως τούτων ἐπιμελούμενοι, ἵνα μὴ δι' ἀμέλειαν ἔνοχοι γένωνται τοῖς ἐκ τοῦ νόμου ἐπιτιμίαις. οἱ δὲ οἰκονόμοι ἡγούμενοί τε, καὶ ἐπίτροποι, διαμένουσιν ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τῶν ἐπισκόπων, καὶ διχα τῆς ἀδείας αὐτῶν μῆτε πωλῶσι μοναστηριακόν τι κτήμα ἀλλ' οἰκονομῶσι καλῶς πρὸς τὴν ἐκείνων ὁδηγίαν καὶ ἀδειαν, ὅπως μὴ καὶ αὐτοὶ ὡς ἀνατρέποντες τοὺς ἐκκλησιαστικούς τούτους ὄρους καὶ κανόνας, βαρυτάτοις ὑποπέσωσι τοῖς ἐπιτιμίαις καὶ τιμωρίαις. ταῦτα μὲν οὖν οἱ θεῖοι νόμοι ἀποφαίνονται περὶ τῶν ἱερῶν μοναστηρίων. τούτων δὲ τὰ μὲν τοῖς κατὰ τόπον ἐπιτετραμμένοις ἐνοριακὰ τῆς

προσηκούσης ἀρχιερατικῆς ὡς εἰκὸς ἐπ' αὐξήσει τυγχάνει ἐπιμελείας, μόνα δὲ τὰ τῆ σταυροπηγιακῆ ἀξία τετιμημένα, οὐκ οἶδαμεν ὅπως, πρὸ χρόνων πολλῶν παρημέληται. καὶ δέον ὡς θεοῦ ἐφορῶντος διοικεῖσθαι αὐτὰ, καὶ ἐκ παντὸς τρόπου ἐπιμελείας τῆς ἀναλόγου ἀξιοῦσθαι. ὅπως αὐτοῖς τῶν ἀγαθῶν, τὰ μὲν ὑπάρχοντα διαμένῃ, περιποιεῖται δὲ τὰ προσγενησόμενα ἂν, τῶν δὲ φαύλων τὰ μὲν προσόντα ἀποδιοπομπεῖται, τὰ δὲ συμβησόμενα ἂν διακωλύονται. τοιαύτην οὖν κατὰ νόμους τὴν ὑπὲρ αὐτῶν πάντων τῶν σταυροπηγιακῶν ἡμῶν μοναστηρίων καθόλου φροντίδα κατεβάλλομεν ἐκδιέμενοι κατὰ κοινήν γνώμην καὶ συνοδικὴν διάγνωσιν ἱερὸν τόμον ἀποφαίνόμενον συνωδᾷ τοῖς ἱεροῖς νόμοις καὶ τοῖς ὧδε γραφομένοις περὶ τῆς εἰς τὸ ἐξῆς ἀρίστης διοικήσεως ἐκάστου σταυροπηγιακοῦ μοναστηρίου, καὶ εὐνομίας τῶν ἀσκουμένων ὀσιωτάτων πατέρων, καὶ τῆς δυνατῆς ἀντιλήψεως, καὶ ἀμέσου προστασίας αὐτοῦ παρὰ τῆς καθ' ἡμᾶς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας. ἀνανεοῦντες τὰ παλαιγενῆ πατριαρχικά καὶ συνοδικὰ αὐτῶν σιγγίλια δωρεάν, καὶ ἐπικυροῦντες ἅπασι τὰ σταυροπηγιακὰ αὐτῶν προνόμια εἰς διηνεκὴ συντήρησιν αὐτῶν καὶ ἀσφάλειαν, μὴ δεόμενα ποτὲ ἀνανεώσεως καὶ ἐπικυρώσεως. ὡς καὶ περὶ τοῦ ἐν Ἰωαννίνοις ἱεροῦ καὶ σεβασμίου μοναστηρίου τοῦ προφήτου Ἡλιοῦ, μετὰ τοῦ ἐν Βουκουρεστίῳ τῆς Βλαχίας μετοχείου αὐτοῦ, τοῦ ἱεροῦ, φαιμέν, μοναστηρίου τοῦ ἁγίου Ἰωάννου. Ἐνεφανίσθη γὰρ ἤδη ἡμῖν πατριαρχικὸν συνοδικόν, σιγγιλιῶδες γράμμα, ἐκδοδόμενον ἐπὶ τῆς πατριαρχείας τοῦ προπατριαρχεύσαντος Κωνσταντινουπόλεως ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ ἀγαπητοῦ καὶ περιποθήτου ἡμῶν ἀδελφοῦ κυρίου κυρίου Προκοπίου, ἐν ἔτει „αψπζ“: καὶ περιέχον ὅτι τὸ ἱερὸν τοῦτο μοναστήριον τοῦ προφήτου Ἡλιοῦ, ἐνοριακὸν ὄν πρότερον, καὶ χρέεσι παμπόλλοις περιπεσόν, καὶ κατασχεθὲν ἐλεεινῶς παρὰ ἀλλοτρίων προσώπων, ὕστερον κατὰ συναίνεσιν τοῦ ἱερωτάτου μητροπολίτου Ἰωαννίνων, ἐν ἁγίῳ πνεύματι ἀγαπητοῦ ἡμῶν ἀδελφοῦ καὶ συλλειτουργοῦ κὺρ Μακαρίου, καὶ τῶν περὶ τὴν αὐτοῦ ἱερότητα ἐντιμωτάτων κληρικῶν καὶ ἀρχόντων καὶ προκρίτων χριστιανῶν, ἀπαλλαγέν τοῦ ὑπερόγκου ἐκείνου χρέους, ἀπὸ ἄσπρων ἀρχιμανδρίτου Δοσιθέου τοῦ ῥηθέντος μετοχείου αὐτοῦ, καὶ ἀφ' ὧν ἀνατεθείκασιν οἱ χριστιανοὶ εἰς τὴν ἐκεῖ ἐν Ἰωαννίνοις σχολὴν τοῦ Γχιούμα, ἀπεκατεστάθησαν σταυροπήγια, αὐτό τε καὶ τὸ ῥηθὲν μετόχειον, μετὰ πάντων τῶν κτημάτων καὶ πραγμάτων αὐτῶν, τοσοῦτον ἐνωθέντα τῇ ῥηθείσῃ σχολῇ, ὥστε νομιζεσθαι τὴν σχολὴν αὐτὴν, καὶ τὸ μοναστήριον τοῦτο μετὰ τοῦ μετοχείου κτήματα ἀλλήλων ἴδια, καὶ ἀναπόσπαστα εἰς αἰῶνα τὸν ὅπαντα, ἐπὶ ῥητοῖς κεφαλαίοις ἐμπεριεχομένοις ἐν τῷ εἰρημένῳ σιγγιλίῳ. εἰς ἀνακαίνεσιν οὖν τούτου, μικρὸν τὰ περὶ τῆς διοικήσεως μεταβαλλόντες, κατὰ τὸ κοινῇ ἤδη δόξαν περὶ πάντων τῶν σταυροπηγιακῶν μοναστηρίων, τὸ δὲ περὶ τοῦ ἐτησίου μισθοῦ τοῦ ἐν τῇ ῥηθείσῃ σχολῇ διδασκάλου προσθέντες, κατὰ θερμῆν ἔγγραφον αἴτησιν τοῦ ῥηθέντος αὐτῆς

διδασκάλου εὐλαβεστάτου ἐν ἱερεῦσιν οἰκονόμου, ἡμετέρου κατὰ πνεῦμα υἱοῦ ἀγαπητοῦ καὶ περιποθήτου κὺρ Κοσμᾶ, τῇ ἐγγράφῳ συναινέσει καὶ τοῦ εἰρημένου κατὰ τόπον ἀρχιερέως, γράφοντες ἀποφαινόμεθα συνοδικῶς μετὰ τῶν περὶ ἡμᾶς ἱερωτάτων ἀρχιερέων καὶ ὑπερτίμων, τῶν ἐν ἀγίῳ πνεύματι ἀγαπητῶν ἡμῶν ἀδελφῶν καὶ συλλειτουργῶν, ἵνα τὸ ῥηθὲν ἐν Ἰωαννίνοις μοναστήριον τοῦ προφήτου Ἐλίου, καὶ τὸ ἐν Βλαχία μετόχειον αὐτοῦ τοῦ ἀγίου Ἰωάννου, ἀμφοτέρα μετὰ πάντων τῶν κτημάτων καὶ πραγμάτων καὶ ἀφιρωμάτων αὐτῶν, τῶν τε ἤδη ὄντων εἰσέπειτα προσγενησομένων ἂν, ὡς ἀνεκαθεν καὶ ἐξ ἀρχῆς οὕτω καὶ εἰς τὸν ἐξῆς ἅπαντα χρόνον, ὑπάρχωσιν εἰς αἰῶνα τὸν ἅπαντα, καὶ παρὰ πάντων γινώσκονται, πατριαρχικά, σταυροπηγιακά, τοῦ καθ' ἡμᾶς ἀγιωτάτου πατριαρχικοῦ θρόνου, ἐλεύθερα, ἀδούλωτα, ἀκαταπάτητα, καὶ ὅλως ἀνενόχλητα παρ' οὐτινοσοῦν προσώπου ἱερωμένου ἢ λαϊκοῦ, καὶ μηδεὶς τῶν κατὰ καιροὺς μητροπολιτῶν Ἰωαννίνων ἔχη ἄλλην τινα ἐξουσίαν ἐν τῷ μοναστηρίῳ τούτῳ τοῦ προφήτου Ἐλίου, ἀλλ' ὅσον ἱερουργίαν μίαν καθ' ἕκαστον ἔτος ἐν αὐτῷ ἐπιτελεῖν ἐπ' εὐλογία τῶν ἐκεῖ μοναζόντων, καὶ λαμβάνειν ἐπὶ τούτῳ γρόσια τριάκοντα ἐτησίως. χειροτονεῖν καὶ τοὺς ἐν αὐτῷ ἱεραῖσθαι βουλομένους, λαμβάνων τὸ νενομισμένον καὶ ἔθιμον. ἔτι δὲ τὸ μοναστήριον τοῦτο τοῦ προφήτου Ἐλίου, καὶ τὸ ῥηθὲν ἐν Βλαχία μετόχειον αὐτοῦ, μετὰ πάντων τῶν κατὰ καιροὺς κτημάτων καὶ ἀναθημάτων αὐτῶν ὑπάρχωσιν εἰς αἰεὶ προσωκειωμένα τῇ ῥηθείσῃ σχολῇ τοῦ Γκιούμα ἐν Ἰωαννίνοις, τοσοῦτον, ὥστε τό τε μοναστήριον αὐτὸ μετὰ τοῦ εἰρημένου μετοχείου καὶ πάντων τῶν κτημάτων αὐτῶν, καὶ αὐτὴν τὴν σχολὴν τοῦ Γκιούμα γινώσκεισθαι ἀλλήλων κτήματα ἴδια καὶ ἀναπόσπαστα εἰς αἰεὶ. καὶ ἐπὶ τῷ ῥηθέντι μοναστηρίῳ τοῦ προφήτου Ἐλίου, ἀποκαθιστῶνται ἐπίτροποι, ὃ τε κατὰ καιροὺς διδάσκαλος τῆς σχολῆς, καὶ οἱ κατὰ καιροὺς ἐπίτροποι αὐτῆς, καὶ ἔτι δύο τῶν προκριτοτέρων Ἰωαννινῶν χριστιανῶν, συναينوῦντος καὶ τοῦ διδασκάλου πρὸς ἐπίσκεψιν καὶ βοήθειαν τοῦ ἐν αὐτῷ διοριζομένου οἰκονόμου, ἀποκαθισταμένου κατ' ἔτος τῇ ἐκλογῇ τοῦ διδασκάλου ὡς πρῶτον, καὶ τῶν λοιπῶν ἐπιτρόπων τῆς σχολῆς, ἐπὶ δὲ τῇ ἐκλογῇ καὶ ἀποκαταστάσει τοῦ διδασκάλου, συναινῆ ἑπερωτώμενος, καὶ ἔχη γνώμην καὶ ὁ ἐν Βλαχία ἀρχιμανδρίτης τοῦ μετοχείου τοῦ ἀγίου Ἰωάννου. τοῦ δὲ ἀρχιμανδρίτου ἢ ἐκλογὴ γίνηται ἐκ τῶν ἐν τῷ ἱερῷ μοναστηρίῳ τοῦ προφήτου Ἐλίου, ταῦτόν εἰπεῖν τῇ σχολῇ ἱερομονάχων, ἐκλεγομένου ὑπὸ τοῦ διδασκάλου, καὶ τῶν ἐκεῖ εὐγενεστάτων ἀρχόντων, διὰ κοινῆς αὐτῶν ἀναφορᾶς, ἀναφερομένη καὶ ἐπικυρουμένη παρὰ τοῦ κατὰ καιροὺς οἰκουμενικοῦ πατριάρχου. ὁ δὲ ἀρχιμανδρίτης ἐκεῖνος, ἐπειδ' ἂν οὕτως ἐκλεχθῆ, καὶ ἐπικυρωθεῖ διὰ πατριαρχικοῦ γράμματος σταλθῆ ἐκεῖσε εἰς Βλαχίαν, μένει διὰ βίου ἐκεῖ ἐπιμελούμενος τῆς αὐξήσεως καὶ βελτιώσεως τοῦ εἰρημένου μοναστηρίου τοῦ ἀγίου Ἰωάννου, διάγων κατὰ τὸ μοναδικὸν αὐτοῦ ἐπάγγελμα, καὶ ἐκπέμπων

κατ' ἔτος τῷ διδασκάλῳ καὶ ἐπιτρόπῳ τῆς σχολῆς ἀκριβῆ καὶ καθαρὸν λογαριασμὸν, καὶ ἀνὰ γρόσια τριακόσια πρὸς ἀμειβὴν τινα τῶν πόνων, μηδενὸς τολμῶντος ἀποβαλεῖν ἢ μετακινήσαι αὐτὸν, ἐκτὸς εἰ μὴ φωραθεῖ τῷ ἐπαινετοῖς ἤθεσιν ἀντιπράττων, ἢ κακῆ οἰκονομία χρώμενος περὶ τὸ ῥηθὲν μοναστήριον. καὶ μηδεὶς ἔχη ἄδειαν παροικεῖν ἢ κατοικεῖν ἐν τῷ ῥηθέντι κατὰ τὴν Βλαχίαν μοναστηρίῳ ἀμισθεὶ, φιλοτιμίαις ἢ δωρεαῖς ἢ δυσωπίαις, ἢ ἄλλου τινὸς τοιοῦτου χάριν, μηδ' ἂν τῶν ἐκεῖ διατριβόντων ἀγίων ἀρχιερέων βουλευθῆ τις, ὡς εἰώθεσαν, ἀλλ' ὁ ἐν αὐτῷ κατὰ καιροὺς ἀρχιμανδρίτης ἐκδιδῶ ἐπὶ ἐνοικίαις τοὺς τοῦ μοναστηρίου τούτου οἰκίσκους, καὶ τὰ λοιπὰ αὐτοῦ κτήματα. οἱ δὲ κατὰ καιροὺς ἐπίτροποι τῆς ῥηθείσης σχολῆς ὁμοῦ μετὰ τοῦ διδασκάλου κατ' ἔτος λαμβάνωσι ἀκριβῆ καὶ καθαρὸν λογαριασμὸν τοῦ οἰκονόμου τοῦ ῥηθέντος μοναστηρίου τοῦ προφήτου Ἑλίου, καὶ τὰ περιτεύοντα τῶν ἀπαραιτήτων ἐξόδων τοῦ μοναστηρίου τούτου καὶ τοῦ μετοχείου αὐτοῦ λαμβάνοντες, ἀναπληρῶσι τῷ διδασκάλῳ τὸν προσήκοντα ἐτήσιον μισθὸν, καὶ τὰ εἰς τροφὰς καὶ ἐνδυμασίας δέκα μαθητῶν, ἐκλεγομένων ἐν φόβῳ θεοῦ καὶ ἀφιλοπροσώπως, καὶ συντασσομένων ἐν τῷ καταλόγῳ τῶν ὑποτρόφων μαθητῶν τῆς σχολῆς, καὶ τοῦ ἱεροῦ τούτου μοναστηρίου, ὧν οἱ δοκιμώτεροι καὶ ἀξιώτεροι, εἰ βουλευθεῖεν γενόμενοι ἱεροδιάκονοι καὶ ἱερομόναχοι προάγονται καὶ εἰς τὴν ὅλην οἰκονομίαν τοῦ ἱεροῦ τούτου μοναστηρίου, καὶ ἀποστέλονται καὶ εἰς τὴν Βλαχίαν ἡγούμενοι καὶ ἀρχιμανδρίται. ὑφαιρουμένων δὲ τῶν ἀπαραιτήτων μοναστηριακῶν ἐξόδων, καὶ τῶν εἰς μισθοὺς διδασκάλων καὶ εἰς χρεῖας τῶν ὑποτρόφων μαθητῶν, τὰ καταλειπόμενα, εἰ οὕτω τύχειεν, μένωσιν εἰς αὐξήσιν καὶ διηνεκῆ σύστασιν τοῦ ῥηθέντος μοναστηρίου. καὶ ταῦτα μὲν τὰ περὶ τοῦ μοναστηρίου τούτου ἴδια, κοινὰ δὲ ὡς καὶ περὶ πάντων ἡδὴ τῶν σταυροπηγιακῶν μοναστηρίων ἀποφαινόμενα καὶ περὶ τούτου, ἵνα μνημονεύηται ἐν αὐτῷ τὸ κανονικὸν πατριαρχικὸν ὄνομα, ἔχοντος καὶ τὸ προνόμιον κατὰ πατριαρχικὴν φιλοτιμίαν, ὥστε τὸν κατὰ καιροὺς ἐν αὐτῷ ἡγούμενον ἐν ταῖς ἑορτασίμοις ἡμέραις φορεῖν ἐπ' ἐκκλησίας μανθῶσαν προχειρίζομενον καὶ πατερίτζαν. καὶ πρῶτον μὲν ὑπάρχη ἀπηλλαγμένον πάσης ἐξαρχικῆς ἐξουσίας καὶ δεσποτείας. δεῦτερον δὲ ἀποδιδῶ εἰς μὲν τὸν κατὰ καιροὺς ἀρχιερέα τῶν Ἰωαννίνων γρόσια τριάκοντα ἐπὶ ἐτησίῳ ἱεροτελεστία ὡς ἂν εἴρηται, εἰς δὲ τὸ Κοινὸν τῆς καθ' ἡμᾶς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας καθ' ἕκαστον ἔτος ἀπαραιτήτως λόγῳ ὑποταγῆς γρόσια διακόσια πενήκοντα, καὶ λαμβάνη ἐξοφλητικὴν ἀπόδειξιν κατὰ τὸ ὕφος τοῦ ἐπαρχικοῦ, καὶ οὕτως ἀναλαβὸν τὸ ἀρχαῖον γεραρὸν τῆς σταυροπηγιακῆς ἀξίας προνόμιον, καὶ καλῶς διοικούμενον, ὡς μέλος γνήσιον τοῦ καθ' ἡμᾶς ἀγιωτάτου πατριαρχικοῦ, ἀποστολικοῦ καὶ οἰκουμενικοῦ θρόνου. ὁ ἐν αὐτῷ κατὰ καιροὺς ἡγούμενος, ὡσπερ οἱ ἀρχιερεῖς, οὕτω καὶ αὐτὸς γράφη ἀμέσως πρὸς τὴν καθ' ἡμᾶς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλῃ Ἐκκλησίᾳ, καὶ ἀξιῶται τῆς προσηκούσης

Statûs, gradûs, Ordinis, dignitatis, conditionis, aut praeeminentiæ existentibus, tam Ecclesiasticis, quam Saecularibus Magistratibus, item Urbium, Oppidorum, aliorumque quorumvis locorum, et Communitatum Rectoribus, et Magistris, nec non portuum, pontium, et passuum Custodibus tum etiam praelibatæ suæ Majestatis militaribus Officialibus cæterisque gregariis, tam (ae)questris, quàm pedestris Ordinis Militibus et aliis quibusvis hisce benevolè significandum. Exhibitorem praesentium admodum Reverendum Dominum **Paisium Emanuelem de Pogonati** Archi=Episcopum (Patriarum in Achaia Moreæ documentis testimonialibus authenticis exposuisse, se per imanem tyranicamque persecutionem infidelium Zelô fidei Catholicæ, multifarias aerumnas, afflictiones, et tormenta, gravissimosque, ac diuturnos Carcerum Squalores perpassum fuisse, et posteaquam infinita Dei misericordiâ, et providentiâ è tam atroci, crudelique captivitate evasisset, relictâ in felice suâ familiâ, Consanguineis, ac aliquibus compatriotis suis simul secum in memorata dira captivitate Turcarum detentis, ad Augustissimam Aulam Caesaream pro imploranda benignissima Ejusdem assistentia confugisse, modò autem tam in Sacrum Romanum Imperium omnesque ditiones haereditarias praelibatæ Majestatis Suae, quam ad extera Regna et Provincias, ad colligendam pro eliberandis dictis captivis Christi fidelibus eleemosynam proficisci intendere, humillimè supplicando, quatenus eidem hunc in finem Protectionales non minus, quam promotoriales Literæ benignè impertirentur. Cui tam pio, ac laudabili Christianæ charitatis operi proinde, ut undique semotis omnibus impedimentis insultibus, ac periculis tutè vacare illudque tantò facilius et citius perficere, atque ad redimendos suprâ nominatos captivos reverti valeat omnes et singuli praerecensiti cujuscunque Statûs, conditionis aut dignitatis sint, repetitæ Sacræ, Caesareæ, Regiæque Catholicæ Majestatis Nomine Ejusdem ditioni . . n subjecti hisce benevolè requiruntur Militibus verò, Subditisque Caesareo=Regiis seriò injungitur, ac demandatur, ut ante nominatum Dominum Archi=Episcopum **de Pogonati** unâ cum alio Sacerdote, interprete, et famulo, sarcinis, aliisque rebus, quas secum habere posset, non solum ubique locorum absque ulla molestia, detentione, aut renitentia, liberè, secureque ire, transire, commorari redireque nec ullis uspiam injuriis affici permittere, sed potius optimè commendatum habere et omnibus benevolentiae officiis

prosequi, Eidemque non minus curribus, equis, aut aliô quôvis modô pro tutè celeriterque perficiendo itinere et ad omnem . . . o-pensam voluntatem operam et assistentiam praestare et apud pro-bos Christianos pro redimendis saepè mentionatis in Turcica ca-ptivitate gementibus captivis necessarium Lÿtrum colligendi fa-cultatem concedere nec non ipsimet ex charitate proximi libe-rali subsidiô succurrere velint; Facturi in eo rem voluntati Cae-sareo=Regiae conformem, gratiâ suâ recognoscendam. In cujus rei fidem præsentis Literæ Sigillô Caesareô munitæ, et corro-boratae fuere, Quae dabantur Viennæ Die Vigestimâ Mensis Se-ptembris Annô Millesimô Séptingentesimô Trigesimô Tertiô.

(T. Σ.)

Per Imperatorem
Ex Consilio Bellico
Die, et Annô ut Suprà
Ignatius à Koch.

18.

1794, *Μηνί Ἰουνίῳ* ἰνδ. 12.

(Μεμβράνα ἐπιμήκης, μήκ. 0.715, πλ. 0.59, ὑποστᾶσα φθοράν τινα ὑφ' ὕδατος. Πρὸς τὰ κάτω διὰ κυανῆς μετάξης ἀπγώρηται μολυβδίνη σφραγίς διαμέτρου 0.063, φέρουσα ἐπὶ τῆς πρώτης ὀ-ψews τὴν Θεοτόκον ἐν τῇ ἀριστερᾷ κρατοῦσαν ἀγκάλῃ τὸ βρέφος Ἰησοῦν, τὴν δεξιάν δὲ ἐπὶ τοῦ ἰδί-ου αὐτῆς ἔγρουσαν στήθους. Ἐκατέρωθεν τῆς Θεοτόκου τὰ στοιχεία ΜΡ ΘΥ, ἑκατέρωθεν δὲ τοῦ βρέ-φους τὰ IC XC. Ἐπὶ τῆς ἐτέρας ὀψews τῆς σφραγίδος ἐπιγραφὴ ὀκτάστιχος μεταξὺ τεσσάρων ἀστε-ρίσκων: ΓΕΡΑΣΙΜΟΣ | ΕΛΕΩ ΘΕΩ | ΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΟΣ | ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΕΩΣ | ΝΕΑΣ ΡΩΜΗΣ ΚΑΙ ΟΙ | ΚΟΥΜΕΝΙΚΟΣ | ΠΑΤΡΙΑΡΧΗΣ | ΑΨΗΔ).

+ *Γεράσιμος ἐλέω Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως νέας Ῥώ-μης, καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης.*

+ Οὔτε ἀναγκαῖον, ἀλλὰ καὶ περιττὸν ἂν δόξειε . . . . . εἰς τοὺς προφασίζομένους, μακρηγορεῖν, ὅτι περι . . . . καὶ ἰδίου . . . . τοῖς χρι-στιανοῖς ὁ περὶ φιλαδελφίας λόγος ἐστίν, ὅπου γε καὶ ὁ θεολογίας ἐπώνυ-μος, καὶ ἐπιστήθιος Ἰωάννης, ἐν οἷς ἡμῖν πρὸς εὐσέβειαν θαυμασίως ἐμυ-σταγώγησε λ . . . . . ταύτην γνώμην προανακηρύττων ἀπεφήνατο, ὅτι οὐ-δὲν ἕτερον ἐνδεικτικὸν καὶ παραστατικὸν τῆς πρὸς θεὸν ἀγάπης, ὅσον ἢ πρὸς τὸν πλησίον ἐνεργουμένη. πρῶτον μὲν γὰρ πᾶς ὁ τὴν κατὰ Χριστὸν ἀγά-πην τὸν πλησίον ἀγαπήσας, δῆλός ἐστι καὶ τὸν θεὸν ἀγαπᾶν. ἐν τούτῳ γὰρ φησι γνώσονται πάντες ὅτι ἐμοὶ μαθηταὶ ἐστέ, ἐὰν ἀγαπᾶτε ἀλλήλους. ἔπειτα δέ, ὅτι τῶν δύο τούτων ἀρετῶν τῆς πρὸς θεὸν φα-

μὲν ἀγάπης, καὶ τῆς πρὸς τὸν πλησίον, ἐν πράξει γενέσθαι ἐμέλησεν, οὗτος ἂν εἴη τῷ ὄντι χριστιανός, καὶ πάσας τὰς ἄλλας ἀρετὰς συνειλογῶς ἐν ἑαυτῷ. ὁ μὲν γὰρ τὸν θεὸν ἀγαπῶν, καὶ τὰς τοῦ θεοῦ φυλάζει ἐντολάς. ὁ δὲ τὰς τοῦ θεοῦ φυλάττων ἐντολάς, δίκαιος δῆπου ἔσται, σώφρων, εὐσεβής, καὶ τὰς λοιπὰς ἀσκῶν ἀρετὰς, ἀγαπῶν δὲ καὶ τὸν πλησίον, ὡς ἑαυτὸν. ὁ δὲ τὸν πλησίον ἀγαπῶν, πάντως καὶ τὰ πρὸς τὴν χρεῖαν ἐκείνῳ προθύμως συναντιλήψεται. γυμνὸν γὰρ ὄντα περιβαλεῖ. πεινῶντι, καὶ διψῶντι, φαγεῖν, καὶ πιεῖν δώσει, ἀσθενοῦντι ἐπιμελήσεται, ἐν φυλακῇ προσελεύσεται. εἰ δὲ τις ἐπὶ τοσοῦτον ἦκεν ἡλιθιότητος καὶ φαυλότητος, ὥστε μήτε τὸν θεὸν ἀγαπᾶν, μήτε τὸν πλησίον, ὡς ἑαυτὸν, περὶ τούτου οὐδεὶς ἂν ἀμφιγνοήσειε πᾶσαν ἀρετὴν ἀφαιρεῖσθαι. ὁ μὲν γὰρ τὸν θεὸν μὴ ἀγαπῶν, οὐ δίκαιος, οὐκ εὐσεβής, οὐ σώφρων ἔσται, οὐδὲ τὰς ἄλλας φυλάζει αὐτοῦ ἐντολάς, οὔτε μὴν τὸν πλησίον ἀγαπήσει, ὡς ἑαυτὸν. ὁ δὲ μὴ τὸν πλησίον ἀγαπῶν, οὗτος, οὔτε γυμνητεύονται, οὔτε πεινῶντι, ἢ διψῶντι, οὔτε τοῖς ἐν φυλακῇ καὶ ἀσθενεῖαις, ἢ ταῖς ἄλλαις ἀνάγκαις καὶ συμφοραῖς ἐπιδώσει τὰ πρὸς τὴν χρεῖαν. ταῦτ' ἄρα καὶ ἐν τῷ, *ἀγαπήσεις κύριον τὸν θεόν σου, καὶ τὸν πλησίον σου, ὡς ἑαυτὸν*, ἅπας ὁ νόμος καὶ οἱ προφῆται κρέμανται κατὰ τὰ θεῖα, καὶ ἰερά λόγια. τῆς δ' ἐτέρας τῶν ἐντολῶν τούτων σαφὲς τεκμήριον τὴν ἐτέραν αὐτοῦ ὁ κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς παραδίδωσιν, ἐν οἷς φησὶν, *ἐν τοιῷ γνώσονται πάντες, οὐ ἐμοὶ μαθηταὶ ἐστέ, ἐὰν ἀγαπᾶτε ἀλλήλους*, τὴν φιλαδελφίαν σαφὲς τεκμήριον τῆς κατὰ χριστιανούς φιλοθείας τιθέμενος. ἀλλ' ὅσα μὲν καὶ οἷα πρὸς ψυχικὴν σωτηρίαν δύναται τὸ τὸν πλησίον ἀγαπᾶν, καὶ τὸ πρὸς τοὺς δεομένους ἐπικουρητικόν, ἐπιλείπει ἡμᾶς ὁ πᾶς χρόνος διηγουμένων. ἔνθεν τοι τὰ περὶ τούτου ἀφέντας, ἵνα μὴ μακρηγορεῖν δοξώμεν, ἐπὶ τὰ λοιπὰ χωρητέον τοῦ λόγου. ἐπὶ γὰρ τοῦ προκατόχου ἡμῶν παναγιωτάτου ἀγαπητοῦ ἡμῶν ἀδελφοῦ κυρίου Νεοφύτου, ἢ καθ' ἡμᾶς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλου Ἐκκλησία, ἔγνω τὰ κατὰ τὰς θείας ταύτας ἐντολάς ἐπιτελέσαι, τῇ ἐπισκευῇ τῶν κατὰ τὸν Γαλατᾶν δύο νοσοκομείων, καὶ τῇ ἀνακτίσει τοῦ κατὰ τοὺς Ἑπτὰ Κουλάδες κατερηριμμένου νοσοκομείου, καὶ τῇ ἐπιμελείᾳ τῶν ἐν ταῖς εἰρκταῖς Πόλεως, καὶ Γαλατᾶ. καὶ κοινὸν ἱερὸν πατριαρχικόν τεσσαρακονταλείτουργον προκατηγγέλθη πᾶσι τοῖς χριστιανοῖς Πόλεως, Γαλατᾶ, καὶ Καταστένου, καταγράψαι ὀνόματα ζώντων καὶ τεθνεώτων, ὅσα τε, καὶ ἐφ' οἷα ἂν ἕκαστος προαιρεῖται, ἀφ' ὧν γενήσοιτο μὲν ἢ τῶν νοσοκομείων ἐπισκευή τε καὶ ἀνάκτησις, διαμενοὶ δὲ καὶ ἢ τῶν ἐν φυλακαῖς ἐπιμελεία. καὶ τὸ μὲν τεσσαρακονταλείτουργον συνετελέσθη, τὰ γε μὴν παρὰ τῶν χριστιανῶν συναχθέντα ἐλέη, μηδὲ γοῦν πρὸς τὴν οἰκοδομὴν τοῦ κατὰ τοὺς Ἑπτὰ Κουλάδες νοσοκομείου ἱκανὰ ἀνεφάνησαν, ἀλλὰ τὰ πρὸς οἰκοδομὴν τούτου ὠκονομήθησαν διὰ προστασίας καὶ ἐπιμελείας τοῦ ῥηθέντος παναγιωτάτου προκατόχου ἡμῶν. ὅμως δ' οὖν, ἐγ. . . . τὰ κατὰ τὸν Γαλατᾶν ἐπισκευασθῆναι

νοσοκομεία, καὶ τοὺς ἀσθενεῖς, καὶ τοὺς ἐν φυλακαῖς τυγχάνειν ἀδελφούς ἐπι-
 σκέψεως ἐς αἰεὶ, ἐδέδοκτο ἐπιστήσαι τὴν προστασίαν τῶν εὐλογημένων ρου-
 φετίων, μετάπεμπτοι καὶ τότε γενέσθαι οἱ προκριτώτεροι αὐτῶν, ἐξελέξαντο
 καθ' ἑαυτοὺς τὰ πέντε ρου(φέ)τια, τοὺς γουναράδες δηλαδὴ, καὶ τζεβαχερ-
 τζίδες, καὶ τῶν Χίων τοὺς τζοχατζίδες τε, καὶ χεταϊτζίδες, καὶ τοὺς ἀμπα-
 τζίδες, κατὰ κοινήν γνώμην καὶ συναίνεσιν, ἐπιθέντες αὐτοῖς, καὶ ἐπιτρέψαντες
 πᾶσαν τὴν (ἐπιστασίαν) τῶν τριῶν νοσοκομείων καὶ τῶν ζιντανίων, καὶ ἄλ-
 λων φυλακῶν, τῶν τε ἐν τῇ Πόλει, καὶ τῶν ἐν Γαλατᾷ, ἐπὶ τοιαύταις μέν-
 τοι ὑποσχέσεσι, καὶ συμφωνίαις, ὅπως πρῶτον μὲν οἱ χριστιανοὶ τῶν ῥ(η-
 θέντων) πέντε ρουφετίων κατὰ τελείαν πληρεξουσιότητα ἀποκαθιστώσι καὶ
 διορίζωσιν ἐπιτρόπους τῶν ῥηθέντων ζιντανίων, φυλακῶν καὶ νοσοκομείων,
 ἄνδρας φιλοθέους, εὐλαβεῖς, καὶ φιλαδέλφους, μὴ μόνον ἀπὸ τῶν ρουφετί-
 ων αὐτῶν, ἀλλὰ καὶ ἀπὸ τῶν λοιπῶν ρουφετίων. δεύτερον δὲ ἐν ἐκάστη
 ἐκκλησίᾳ Πόλεως, Γαλατᾷ, καὶ Καταστένου διορίσωσιν ἐπιτρόπους, ἵνα ἐν πά-
 σαις ταῖς Κυριακαῖς, καὶ ἑορταῖς, μετὰ τοὺς δύο δίσκους τῆς ἐκκλησίας, ἀ-
 μέσως περιφέρωσι κουτεῖον ἐλεημοσύνης ζιντανίων, καὶ ὀσπηταλίων. τρίτον
 δὲ ἕκαστον ρουφετίον ἀποδείξῃ καὶ διορίσῃ μηνιαῖον τινὰ ἔλεον κατὰ δύνα-
 μιν, ὅστις ἐχειρισθήσεται τοῖς παρ' αὐτῶν τῶν πέντε ρουφετίων διοριζόμε-
 νοις ἐπιτρόποις. τέταρτον δὲ οἱ τὰς διαθήκας ποιούμενοι ἀναμιμνήσκονται, καὶ
 τῶν ὀσπηταλίων, καὶ ζιντανίων τούτων, καὶ ἀνατιθῶσιν εἰς αὐτὰ, εἴτε λόγῳ
 παρρησίας, καὶ προθέσεως, εἴτε ἄλλως πως, ὅσα περ ἂν βούλωνται. πέμ-
 πτον δὲ οἱ ἐν τῇ Πόλει, Γαλατᾷ, καὶ Καταστένω πνευματικοὶ πατέρες κατὰ
 χρέος προτρέπωσι τὰ πνευματικὰ αὐτῶν τέχνα, εἰς ἀντίληψιν καὶ βοήθειαν
 τῶν ζιντανίων, νοσοκομείων, καὶ τοιούτων τινῶν. ἕκτον δὲ οἱ προχειριζόμε-
 νοι εἰς ἐπαρχίας, ἢ μετατιθέμενοι ἀρχιερεῖς, ἀποδιδῶσιν εἰς αὐτὰ τὰ ὀσπη-
 τάλια, καὶ φυλακὰς ἕκαστος, ὁ μὲν τῆς πρώτης τάξεως γρόσια ἑκατὸν πεν-
 τήκοντα, ὁ δὲ τῆς δευτέρας ἑκατὸν, ὁ δὲ τῆς τρίτης πενήκοντα. ἑβδομον δὲ
 καὶ τελευταῖον, ὅπως οἱ ἐν τοῖς νοσοκομείοις τούτοις κατ' ἄδειαν πατριαρ-
 χικὴν, καὶ ἐκλογὴν τῶν εἰρημένων πέντε ρουφετίων διοριζόμενοι ἱερεῖς καὶ
 πνευματικοί, ὑπάρχωσι πάντῃ ἀσύδοτοι, καὶ ἐλεύθεροι τῆς πρὸς τὸν κατὰ και-
 ρὸς πατριάρχην φιλοτιμίας. Τὰῦτα μὲν οὖν κατὰ κοινήν γνώμην, καὶ συναί-
 νεσιν, τότε συνετέθη. ἤδη δὲ καὶ ἡ μετριότης ἡμῶν ἐλέῳ θεῖῳ τοὺς οἶακας
 τοῦ οἰκομενικοῦ τούτου σκάφους διαδεξαμένη, καὶ οὐκ ἀνεκτὸν ἡγουμένη, εἰ
 τὸ κοινωφελὲς καὶ θεάρεστον τοῦτο ἔργον ἡμιτελὲς παραλίποι, καὶ τὴν σύ-
 στασιν τῶν νοσοκομείων ἐν μόναϊς τυχηραῖς κινδυνουομένην προσόδοις, προ-
 σεθήκαμεν δι' ἑτέρου ἡμετέρου πατριαρχικοῦ συνοδικοῦ σιγγιλιώδους γράμ-
 ματος τοῖς ῥηθεῖσι νοσοκομείοις καὶ πᾶσαν τὴν πρόσσodon τῆς ἔξωθι τῆς Κων-
 σταντινουπόλεως ἐκκλησίας τῆς ὑπεραγίας δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου, καὶ τοῦ
 ἐν αὐτῇ ἀγιάσματος τοῦ Μπαλουκλείου, διὰ τοῦ παρόντος δὲ ἔγνωμεν ἀπλως

κρατῶναι τὰ ἀνωτέρω ἀπηριθμημένα κεφάλαια, καὶ τὴν ἐπιτροπικὴν πρὸς διαμονὴν τῆς ἐπισκέψεως τῶν ἐν τοῖς νοσοκομείοις καὶ εἰρηκαῖς χριστιανῶν, κατὰ τὴν κοινὴν γνώμην καὶ συναίνεσιν πάντων τῶν εὐλογημένων ρουφετίων. Καὶ δὴ γράφοντες ἀποφαινόμεθα συνοδικῶς, μετὰ τῶν περὶ ἡμᾶς ἱερωτάτων ἀρχιερέων καὶ ὑπερτίμων, τῶν ἐν ἀγίῳ πνεύματι ἀγαπητῶν ἀδελφῶν καὶ συλλειτουργῶν, ἵνα οἱ χριστιανοὶ τῶν ῥηθέντων πέντε εὐλογημένων ρουφετίων, γουναράδες δηλαδὴ, τζεβαχερτζίδες, καὶ τῶν Χίων οἱ τζοχατζίδες, καὶ χεταῖτζίδες καὶ οἱ ἀμπατζίδες, ἔχωσι πᾶσαν τὴν φροντίδα καὶ ἐπίσκεψιν τῶν τε τριῶν νοσοκομείων, καὶ τῶν ζιντανίων καὶ ἄλλων φυλακῶν, ἐπὶ τοῖσδε τοῖς κεφαλαίοις, ὡς εἴρηται, ὅπως πρῶτον μὲν οἱ χριστιανοὶ τῶν ῥηθέντων πέντε ρουφετίων κατὰ τελείαν πληρεξουσιότητα ἀποκαθιστῶσι καὶ διορίζωσιν ἐπιτρόπους τῶν ῥηθέντων ζιντανίων, φυλακῶν, καὶ νοσοκομείων, ἄνδρας φιλοθέους, εὐλαβεῖς, καὶ φιλαδέλφους, (οὐ μόνον) ἀπὸ τῶν ἐσναφίων αὐτῶν, ἀλλὰ καὶ ἀπὸ τῶν λοιπῶν ρουφετίων· δεύτερον δὲ ἐν ἐκάστη ἐκκλησίᾳ Πόλεως, Γαλατᾶ, καὶ Καταστένου, διορίσωσιν ἐπιτρόπους, ἵνα ἐν πάσαις ταῖς Κυριακαῖς καὶ ἑορταῖς, μετὰ τοὺς δύο δίσκους τῆς ἐκκλησίας, ἀμέσως περιφέρωσι κουτεῖον ἐλεημοσύνης ζιντανίων, καὶ ὀσπηταλίων· τρίτον δὲ ἕκαστον ρουφετίον ἀποδείξῃ καὶ διορίσῃ μηνιαῖον τινὰ ἔλεον κατὰ δύναμιν, ὅστις ἐγχειρισθήσεται τοῖς παρ' αὐτῶν τῶν πέντε ἐσναφίων διοριζομένοις ἐπιτρόποις· τέταρτον δὲ οἱ διαθήκας ποιούμενοι ἀναμιμνήσκονται καὶ τῶν ὀσπηταλίων καὶ ζιντανίων τούτων, καὶ ἀναθέτωσιν εἰς αὐτὰ, εἴτε λόγῳ παρρησίας καὶ προθέσεως, εἴτε ἄλλως πως, ὅπως ἂν βούλωνται· πέμπτον δὲ οἱ ἐν τῇ Πόλει, Γαλατᾶ, καὶ Καταστένῳ πνευματικοὶ πατέρες κατὰ χρέος προτρέπωσι τὰ πνευματικὰ αὐτῶν τέκνα εἰς ἀντίληψιν καὶ βοήθειαν τῶν ζιντανίων, ὀσπηταλίων, καὶ φυλακῶν· (ἕκτον δὲ) οἱ προχειριζόμενοι εἰς ἐπαρχίας, ἢ μετατιθέμενοι ἀρχιερεῖς ἀποδιδῶσιν εἰς αὐτὰ τὰ ὀσπητάλια, καὶ φυλακὰς ἕκαστος, ὁ μὲν τῆς πρώτης τάξεως (γρόσια ἑκατὸν πεντήκοντα, ὁ δὲ τῆς δευτέρας) ἑκατὸν, ὁ δὲ τῆς τρίτης πενήκοντα· ἑβδομον δὲ καὶ τελευταῖον, ὅπως οἱ ἐν τοῖς ὀσπηταλίοις τούτοις) κατ' ἄδειαν (πατριαρχικὴν) καὶ ἐκλογὴν τῶν εἰρημένων πέντε ρουφετίων διοριζόμενοι ἱερεῖς καὶ πνευματικοὶ (ὑπάρχωσι πάντῃ ἀσύδοτοι καὶ ἐλεύθεροι τῆς πρὸς τὸν κατὰ καιροῦς) πατριάρχην φιλοτιμίας. Ὅσοι δ' ἂν καὶ ὅποιοι τῶν λαϊκῶν μικροὶ, ἢ μεγάλοι, ἱερωμένοι, ἢ πνευματικοὶ, ὅποιασοῦν τάξεως καὶ (ἂν ᾧσιν), ἐπιχειρήσωσιν, ἐμμέσως, ἢ ἀμέσως, κρυφίως, ἢ φανερώς παραβῆναι, καὶ ἀνατρέφαι ὅπωςοῦν τὰ ἐν τῷ παρόντι γνώμη συνοδικῇ, καὶ κοινῇ ἀποφανθέντα καὶ κυρωθέντα, οἱ τοιοῦτοι, ὡς διεστραμμένοι καὶ κακώτροποι, ὡς ἐναντίοι ταῖς δεσποτικαῖς θείαις ἐντολαῖς, ὡς κοινοβλαβεῖς, καὶ ἐπιζήμιοι τῷ γένει ἡμῶν, ἀφωρισμένοι εἴησαν ἀπὸ τῆς ἀγίας, ὁμοουσιῦ, ζωοποιῦ, καὶ ἀδιαιρέτου τριάδος τοῦ ἐνὸς τῆ ψύσει μόνου θεοῦ, καὶ κατηραμένοι, καὶ ἀσυγχώρητοι, καὶ ἄλυτοι μετὰ θάνατον.

καὶ τυμπανιαῖοι, καὶ πάσαις ταῖς πατριαῖς, καὶ συνοδικαῖς ἀραῖς ὑπεύθυνοι, καὶ ὑπόδικοι, καὶ ἔνοχοι τῷ αἰωνίῳ πυρὶ τῆς Γεέννης. Ταῦτα μὲν οὖν ἀπεφάνθη, καὶ κεκύρωται συνοδικῶς, εἰς δὲ τὴν περὶ τούτων ἔνδειξιν καὶ διηνεκῆ τὴν ἀσφάλειαν, ἐγένετο καὶ τὸ παρὸν ἡμέτερον πατριαρχικὸν συνοδικὸν σιγγιλῶδες ἐν μεμβράναις γράμμα, καταστρωθὲν κἂν τῷ ἱερῷ κώδικι τῆς καθ' ἡμᾶς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας, καὶ ἐδόθη εἰς χεῖρας τῶν προκριτωτέρων χριστιανῶν τῶν εἰρημένων πέντε εὐλογημένων ρουφετίων +

Ἐν ἔτει σωτηρίῳ χιλιοστῷ ἐ(πτακοσιοστῷ) ἐνε(νη)κοστῷ τετάρτῳ, κατὰ μῆνα Ἰούνιον, ἐπινεμήσεως δεκάτης δευτέρας.

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς ἢ ἐξῆς ὑπογραφῆ).

+ Γεράσιμος ἐλέῳ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ῥώμης, καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης: +

(Αἱ ὑπογραφαὶ τῶν συνοδικῶν).

- + Ὁ Καισαρείας Γρηγόριος.
- + Ὁ Ἐφέσου Σαμουήλ.
- + Ὁ Ἡρακλείας Μεθόδιος.
- + Ὁ Κυζίκου Ἀγάπιος.
- + Ὁ Νικομηδείας Ἀθανάσιος.
- + Ὁ Χαλκηδόνης Ἱερεμίας.
- + Ὁ Δέρκων Μακάριος.
- + Ὁ Προύσης Ἄνθιμος.
- + Ὁ Σμύρνης Γρηγόριος.
- + Ὁ Ἀγκύρας Ἰωαννίκιος.
- + Ὁ Ἀγχιάλου Ἰωακείμ.
- + Ὁ Βάρνης Φιλόθεος.

19.

1797, *Μηνὶ Νοεμβρίῳ ἰνδ. 1.*

(Μεμβράνα ἐπιμήκης, μήκ. 0.70, πλ. 0.49 κατὰ τὸ εὐρύτερον αὐτῆς μέρος. Πρὸς τὰ κάτω διὰ κυανῆς μετάξης ἀπώρηται μολυβδίνη σφραγίς διαμέτρου 0.064, φέρουσα ἐπὶ τῆς μιᾶς ὀψέως τὴν Θεοτόκον ἐν τῇ ἀριστερᾷ κρατούσαν τὸ βρέφος Ἰησοῦν, τὴν δεξιὰν δὲ ἐπὶ τοῦ ἰδίου αὐτῆς ἔχουσαν στήθους. Ἐκατέρωθεν τῆς Θεοτόκου τὰ στοιχεῖα $\overline{MP}$ $\overline{\Theta Y}$, ἐκατέρωθεν τοῦ βρέφους τὰ $\overline{IC}$ $\overline{XC}$. Ἐπὶ τῆς ἐτέρας ὀψέως τῆς σφραγίδος ἐπιγραφὴ ὀκτάστιχος μεταξύ τεσσάρων ἀστερισκῶν: ΓΡΗΓΟΡΙΟΣ | ΕΛΕΩ ΘΕΟΥ | ΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΟΣ | ΚΩΝΣΑΝΤΙΝΟΥΠΟΛΕΩ | ΝΕΑΣ ΡΩΜΗΣ ΚΑΙ ΟΙ | ΚΟΥΜΕΝΙΚΟΣ | ΠΑΤΡΙΑΡΧΗΣ | ΑΨΥΖ. Ὅπισθεν τῆς μεμβράνης διὰ λογίας χειρὸς 19-ου αἰῶνος «Πατριαρχικὸν καὶ συνοδικὸν γράμμα ἐκδοθὲν ἐν τῇ πατριαρχείᾳ τοῦ παναγιωτάτου πρώην οἰκουμενικοῦ πατριάρχου κυρίου κυρίου Γρηγορίου. τὸ ὁποῖον ὑπάρχει πάντῃ ἀχρηστον καὶ ἀνωφελές, ἐπειδὴ ὁμολογεῖται ἢ ἀντίφασις, δηλ: ἂ μὲν πρῶτον ἐπιβεβαιοῖ ταῦτα ἐς ὕστερον ἀναρῆι, ὅτι πρῶτον μὲν ἐπικυρεῖ τὸ προδοθὲν σιγγιλῶδες γράμμα ἐν τῇ πατριαρχείᾳ καὶ ἐν μακαρίᾳ τῇ λήξει κυρίου Προκοπίου. ἔπειτα πρὸς τὸ τέλος γράφει νὰ δίδουν εἰς τὸ σχολεῖον μόνον τριακόσια γρόσια ἀπὸ τῆν ἐν Βουκουρεστίῳ ἱερὰν μονὴν τοῦ προφήτου Προδρόμου»).

+ Ὁ Γρηγόριος ἐλέω Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης +

+ Ὅσα μὲν κατὰ τοὺς θείους θεσμοὺς καὶ τοὺς ἱεροὺς ἀποστολικούς καὶ συνοδικούς κανόνας τυγχάνει διακυβερνώμενα, πολλήν ἔχουσι τὴν χάριν παρὰ Θεοῦ, καὶ τὸ ἔλεος μέγιστον· ὅσα δὲ τούναντίον παραβαίνει τῶν ὀρθῶν ἐκτρεπόμενα, ἐν τούτοις προφανῆς ἡ ἀκοσμία, κατὰδηλος ἡ φθορά, καὶ ἐπὶ πᾶσιν ἡ τῶν ψυχῶν ἀπώλεια. εἰ γὰρ καθάπερ οἱ περὶ τῶν καθ' ἕκαστα ἐκκλησιῶν νόμοι, οὕτω καὶ οἱ περὶ τῶν σταυροπηγιακῶν μοναστηρίων τῶν ὑπὸ τῷ καθ' ἡμᾶς ἀποστολικῷ, καὶ οἰκουμενικῷ θρόνῳ ἀπαράτρεπτοι διαφυλάττοντο, καὶ τῆς κατὰ νόμους ἐπιμελείας καὶ προστασίας κάκεῖνα ἤσονται παρὰ τῶν αἰεὶ πατριαρχευσόντων, οὐκ ἂν τσαυτὰ καὶ τηλικαῦτα τὰ θεινὰ τοῖς μοναστηρίοις συνέβαινε. ἀλλ' ἐπειδὴ, οὐκ οἶδαμεν ὅπως τῶν ἱερῶν παρημελημένων νόμων, εἰς τσαυτὴν προῆλθον ἀκαταστασίαν καὶ ἐλείνην ἀπώλειαν τὰ ἱερά ταῦτα καταγώγια, διὰ ταῦτα εὐθύς ἀνελήφθουν ἡμῖν τοὺς οἵκτους τοῦ παγκοίνου τουτουῖ σκάφους, ἔδοξε πρὸς τοῖς ἄλλοις, καὶ τὰ παρημελημένα αὐτὰ εὐαγῆ μοναστήρια διορθώσασθαι, ἀφορῶσι πρὸς τὸ ἐκείνων συμφέρον, ὡς μέλη γνήσια ὄντα τῆς καθ' ἡμᾶς ἀγίας τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας, καὶ τῷ σταυροπηγιακῷ, καὶ πατριαρχικῷ προνομίῳ τιμημένα. ἄλλως τε οὐδὲ καινοὺς τινὰς ἀφ' ἑαυτῶν νόμους φέρουσιν, ἀλλ' ἀρχαίους ἀνανεομένους καὶ γεραροὺς. τὴν γὰρ τῶν ἐκκλησιαστικῶν πραγμάτων προστασίαν τοῖς ἐπίσκοποις ἐπιτρέπουσιν οἱ θεοὶ καὶ ἱεροὶ νόμοι καὶ κανόνες, τὸν τοῦ Θεοῦ φόβον προτίθεσθαι διακελευόμενοι, ἵνα, εἴ γε δέοιντο, καὶ αὐτοὶ ἀπολαμβάνωσιν, ὃν τρόπον ὁ λη^α: τῶν ἀγίων ἀποστόλων κανῶν, καὶ ὁ κα^α: τῆς ἐν Ἀντιοχείᾳ ἱεραῶς συνόδου, καὶ ἡ ἐν Χαλκηδόνι, οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τῆς ἐν Νικαίᾳ ὅ τε ιε^α: καὶ ὁ ιβ^α: καὶ τῆς ἐν Ἀγκύρᾳ ὁ ιε^α: καὶ ὁ μθ^α: τῆς ἐν Τρούλλῳ, καὶ ἄλλοι πλεῖστ' ὅσοι σεπτοὶ νόμοι καὶ κανόνες σαφῶς φαίνονται τὴν τῶν ἱερῶν μοναστηρίων ἐξουσίαν τοῖς ἐπίσκοποις διδόντες, ὥστε μεταλαμβάνειν μὲν καὶ αὐτοὺς τῶν δεόντων, εἴ γε δέοιντο, εἰς τὰς ἑαυτῶν χρείας, τὴν δὲ περὶ ἐκεῖνα ἐπιμέλειαν μεγίστην τε καὶ ὡς Θεοῦ ἐφορῶντος ποιεῖσθαι, ἵνα προστατεύωσιν αὐτῶν, καὶ οἰκονόμοι, καὶ ἐπιτρόποι, καὶ ἡγουμένους ἀποκαθιστῶσιν ἐν αὐτοῖς καλῶς περὶ τῆς ἀξίσεως καὶ βελτιώσεως τούτων ἐπιμελούμενοι, ἵνα μὴ δι' ἀμέλειαν ἔνοχοι γένωνται τοῖς ἐκ τοῦ νόμου ἐπιτιμίαις. οἱ δὲ οἰκονόμοι ἡγούμενοί τε, καὶ ἐπίτροποι, διαμένουσιν ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τῶν ἐπισκόπων, καὶ διχα τῆς ἀδείας αὐτῶν μίτη πωλῶσι μοναστηριακόν τι κτῆμα ἀλλ' οἰκονομῶσι καλῶς πρὸς τὴν ἐκείνων ὁδηγίαν καὶ ἀδειαν, ὅπως μὴ καὶ αὐτοὶ ὡς ἀνατρέποντες τοὺς ἐκκλησιαστικούς τούτους ὄρους καὶ κανόνας, βαρυτάτοις ὑποπέσωσι τοῖς ἐπιτιμίαις καὶ τιμωρίαις. ταῦτα μὲν οὖν οἱ θεοὶ νόμοι ἀποφαίνονται περὶ τῶν ἱερῶν μοναστηρίων. τούτων δὲ τὰ μὲν τοῖς κατὰ τόπον ἐπιτετραμμένοις ἐνοριακῶς τῆς

προσηκούσης ἀρχιερατικῆς ὡς εἶκός ἐπ' αὐξήσει τυγχάνει ἐπιμελείας, μόνα δὲ τὰ τῆ σταυροπηγιακῆ ἀξία τετιμημένα, οὐκ οἶδαμεν ὕπως, πρὸ χρόνων πολλῶν παρημέληται. καὶ δεόν ὡς θεοῦ ἐφορῶντος διοικεῖσθαι αὐτά, καὶ ἐκ παντός τρόπου ἐπιμελείας τῆς ἀναλόγου ἀξιούσθαι. ὕπως αὐτοῖς τῶν ἀγαθῶν, τὰ μὲν ὑπάρχοντα διαμένῃ, περιποιεῖται δὲ τὰ προσγενησόμενα ἂν, τῶν δὲ φαύλων τὰ μὲν προσόντα ἀποδιοπομπεῖται, τὰ δὲ συμβησόμενα ἂν διακωλύονται. τοιαύτην οὖν κατὰ νόμους τὴν ὑπὲρ αὐτῶν πάντων τῶν σταυροπηγιακῶν ἡμῶν μοναστηρίων καθόλου φροντίδα κατεβάλλομεν ἐκθήμενοι κατὰ κοινὴν γνώμην καὶ συνοδικὴν διάγνωσιν ἱερὸν τόμον ἀποφαίνόμενον συνωδᾶ τοῖς ἱεροῖς νόμοις καὶ τοῖς ὧδε γραφομένοις περὶ τῆς εἰς τὸ ἐξῆς ἀρίστης διοικήσεως ἐκάστου σταυροπηγιακοῦ μοναστηρίου, καὶ εὐνομίας τῶν ἀσκουμένων ὀσιωτάτων πατέρων, καὶ τῆς δυνατῆς ἀντιλήψεως, καὶ ἀμέσου προστασίας αὐτοῦ παρὰ τῆς καθ' ἡμᾶς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας, ἀνανεοῦντες τὰ παλαιγενῆ πατριαρχικά καὶ συνοδικὰ αὐτῶν σιγγιλια δωρεάν, καὶ ἐπικυροῦντες ἅπαξ τὰ σταυροπηγιακὰ αὐτῶν προνόμια εἰς διηνεκῆ συντήρησιν αὐτῶν καὶ ἀσφάλειαν, μὴ δεόμενα ποτὲ ἀνανεώσεως καὶ ἐπικυρώσεως. ὡς καὶ περὶ τοῦ ἐν Ἰωαννίνοις ἱεροῦ καὶ σεβασμίου μοναστηρίου τοῦ προφήτου Ἡλιοῦ, μετὰ τοῦ ἐν Βουκουρεστίῳ τῆς Βλαχίας μετοχείου αὐτοῦ, τοῦ ἱεροῦ, φαμέν, μοναστηρίου τοῦ ἁγίου Ἰωάννου. Ἐνεφανίσθη γὰρ ἤδη ἡμῖν πατριαρχικὸν συνοδικόν, σιγγιλιῶδες γράμμα, ἐκδοσόμενον ἐπὶ τῆς πατριαρχείας τοῦ προπατριαρχεύσαντος Κωνσταντινουπόλεως ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ ἀγαπητοῦ καὶ περιποθήτου ἡμῶν ἀδελφοῦ κυρίου κυρίου Προκοπίου, ἐν ἔτει „αψπζ“: καὶ περιέχον ὅτι τὸ ἱερὸν τοῦτο μοναστήριον τοῦ προφήτου Ἡλιοῦ, ἐνοριακὸν ὄν πρότερον, καὶ χρέεσι παμπόλλοις περιπεσόν, καὶ κατασχεθὲν ἐλεεινῶς παρὰ ἀλλοτρίων προσώπων, ὕστερον κατὰ συναίνεσιν τοῦ ἱερωτάτου μητροπολίτου Ἰωαννίνων, ἐν ἁγίῳ πνεύματι ἀγαπητοῦ ἡμῶν ἀδελφοῦ καὶ συλλειτουργοῦ κὺρ Μακαρίου, καὶ τῶν περὶ τὴν αὐτοῦ ἱερότητα ἐντιμωτάτων κληρικῶν καὶ ἀρχόντων καὶ προκρίτων χριστιανῶν, ἀπαλλαγέν τοῦ ὑπερόγκου ἐκείνου χρέους, ἀπὸ ἄσπρων ἀρχιμανδρίτου Δοσιθεοῦ τοῦ ῥηθέντος μετοχείου αὐτοῦ, καὶ ἀφ' ὧν ἀνατεθείκασιν οἱ χριστιανοὶ εἰς τὴν ἐκεῖ ἐν Ἰωαννίνοις σχολὴν τοῦ Γχιούμα, ἀπεκατεστάθησαν σταυροπήγια, αὐτό τε καὶ τὸ ῥηθὲν μετόχειον, μετὰ πάντων τῶν κτημάτων καὶ πραγμάτων αὐτῶν, τοσοῦτον ἐνωθέντα τῇ ῥηθείσῃ σχολῇ, ὥστε νομίζεσθαι τὴν σχολὴν αὐτὴν, καὶ τὸ μοναστήριον τοῦτο μετὰ τοῦ μετοχείου κτήματα ἀλλήλων ἴδια, καὶ ἀναπόσπαστα εἰς αἰῶνα τὸν ὅπαντα, ἐπὶ ῥητοῖς κεφαλαίοις ἐμπεριεχομένοις ἐν τῷ εἰρημένῳ σιγγιλίῳ. εἰς ἀνακαίνεσιν οὖν τούτου, μικρὸν τὰ περὶ τῆς διοικήσεως μεταβαλλόντες, κατὰ τὸ κοινῇ ἤδη δόξαν περὶ πάντων τῶν σταυροπηγιακῶν μοναστηρίων, τὸ δὲ περὶ τοῦ ἐτησίου μισθοῦ τοῦ ἐν τῇ ῥηθείσῃ σχολῇ διδασκάλου προσθέντες, κατὰ θερμῆν ἔγγραφον αἴτησιν τοῦ ῥηθέντος αὐτῆς

διδασκάλου εὐλαβεστάτου ἐν ἱερεῦσιν οἰκονόμου, ἡμετέρου κατὰ πνεῦμα υἱοῦ ἀγαπητοῦ καὶ περιποθήτου κὺρ Κοσμά, τῆ ἐγγράφῳ συναινέσει καὶ τοῦ εἰρημένου κατὰ τόπον ἀρχιερέως, γράφοντες ἀποφαινόμεθα συνοδικῶς μετὰ τῶν περὶ ἡμᾶς ἱερωτάτων ἀρχιερέων καὶ ὑπερτίμων, τῶν ἐν ἀγίῳ πνεύματι ἀγαπητῶν ἡμῶν ἀδελφῶν καὶ συλλειτουργῶν, ἵνα τὸ ῥηθὲν ἐν Ἰωαννίνοις μοναστήριον τοῦ προφήτου Ἐλίου, καὶ τὸ ἐν Βλαχία μετόχειον αὐτοῦ τοῦ ἀγίου Ἰωάννου, ἀμφοτέρω μετὰ πάντων τῶν κτημάτων καὶ πραγμάτων καὶ ἀφιερωμάτων αὐτῶν, τῶν τε ἤδη ὄντων εἰσέπειτα προσγενησομένων ἂν, ὡς ἀνεκάθεν καὶ ἐξ ἀρχῆς οὕτω καὶ εἰς τὸν ἐξῆς ἅπαντα χρόνον, ὑπάρχωσιν εἰς αἰῶνα τὸν ἅπαντα, καὶ παρὰ πάντων γινώσκονται, πατριαρχικὰ, σταυροπηγιακὰ, τοῦ καθ' ἡμᾶς ἀγιωτάτου πατριαρχικοῦ θρόνου, ἐλεύθερα, ἀδούλωτα, ἀκαταπάτητα, καὶ ὅλως ἀνενόγητα παρ' οὔτινοσούν προσώπου ἱερωμένου ἢ λαϊκοῦ, καὶ μηδεὶς τῶν κατὰ καιροὺς μητροπολιτῶν Ἰωαννίνων ἔχη ἄλλην τινὰ ἐξουσίαν ἐν τῷ μοναστηρίῳ τούτῳ τοῦ προφήτου Ἐλίου, ἀλλ' ὅσον ἱερουργίαν μίαν καθ' ἕκαστον ἔτος ἐν αὐτῷ ἐπιτελεῖν ἐπ' εὐλογία τῶν ἐκεῖ μοναζόντων, καὶ λαμβάνειν ἐπὶ τούτῳ γρόσια τριάκοντα ἔτησίως. χειροτονεῖν καὶ τοὺς ἐν αὐτῷ ἱεραῖσθαι βουλομένους, λαμβάνων τὸ νομισμένον καὶ ἔθιμον. ἔτι δὲ τὸ μοναστήριον τοῦτο τοῦ προφήτου Ἐλίου, καὶ τὸ ῥηθὲν ἐν Βλαχία μετόχειον αὐτοῦ, μετὰ πάντων τῶν κατὰ καιροὺς κτημάτων καὶ ἀναθημάτων αὐτῶν ὑπάρχωσιν εἰς αἰεὶ προσωκειωμένα τῆ ῥηθείσῃ σχολῇ τοῦ Γκιούμα ἐν Ἰωαννίνοις, τοσοῦτον, ὥστε τό τε μοναστήριον αὐτὸ μετὰ τοῦ εἰρημένου μετοχείου καὶ πάντων τῶν κτημάτων αὐτῶν, καὶ αὐτὴν τὴν σχολὴν τοῦ Γκιούμα γινώσκεισθαι ἀλλήλων κτήματα ἴδια καὶ ἀναπόσπαστα εἰς αἰεὶ. καὶ ἐπὶ τῷ ῥηθέντι μοναστηρίῳ τοῦ προφήτου Ἐλίου, ἀποκαθιστῶνται ἐπίτροποι, ὅ τε κατὰ καιροὺς διδάσκαλος τῆς σχολῆς, καὶ οἱ κατὰ καιροὺς ἐπίτροποι αὐτῆς, καὶ ἔτι δύο τῶν προκριτοτέρων Ἰωαννιτικῶν χριστιανῶν, συναινοῦντος καὶ τοῦ διδασκάλου πρὸς ἐπίσκεψιν καὶ βοήθειαν τοῦ ἐν αὐτῷ διοριζομένου οἰκονόμου, ἀποκαθισταμένου κατ' ἔτος τῆ ἐκλογῇ τοῦ διδασκάλου ὡς πρῶτον, καὶ τῶν λοιπῶν ἐπιτρόπων τῆς σχολῆς, ἐπὶ δὲ τῇ ἐκλογῇ καὶ ἀποκαταστάσει τοῦ διδασκάλου, συναινεῖ ἐπερωτώμενος, καὶ ἔχη γνώμην καὶ ὁ ἐν Βλαχία ἀρχιμανδρίτης τοῦ μετοχείου τοῦ ἀγίου Ἰωάννου. τοῦ δὲ ἀρχιμανδρίτου ἢ ἐκλογὴ γίνηται ἐκ τῶν ἐν τῷ ἱερῷ μοναστηρίῳ τοῦ προφήτου Ἐλίου, ταῦτόν εἰπεῖν τῇ σχολῇ ἱερομονάχων, ἐκλεγομένου ὑπὸ τοῦ διδασκάλου, καὶ τῶν ἐκεῖ εὐγενεστάτων ἀρχόντων, διὰ κοινῆς αὐτῶν ἀναφορᾶς, ἀναφερομένη καὶ ἐπικυρουμένη παρὰ τοῦ κατὰ καιροὺς οἰκουμενικοῦ πατριάρχου. ὁ δὲ ἀρχιμανδρίτης ἐκεῖνος, ἐπειδ' ἂν οὕτως ἐκλεχθῆ, καὶ ἐπικυρωθεῖ διὰ πατριαρχικοῦ γράμματος σταλθῆ ἐκεῖσε εἰς Βλαχίαν, μένει διὰ βίου ἐκεῖ ἐπιμελούμενος τῆς αὐξήσεως καὶ βελτιώσεως τοῦ εἰρημένου μοναστηρίου τοῦ ἀγίου Ἰωάννου, διάγων κατὰ τὸ μοναδικὸν αὐτοῦ ἐπάγγελμα, καὶ ἐκπέμπων

κατ' ἔτος τῷ διδασκάλῳ καὶ ἐπιτρόπῳ τῆς σχολῆς ἀκριβῆ καὶ καθαρὸν λογαριασμὸν, καὶ ἀνά γρόσια τριακόσια πρὸς ἀμειβὴν τινα τῶν πόνων, μηδενὸς τολμῶντος ἀποβαλεῖν ἢ μετακινήσαι αὐτὸν, ἐκτὸς εἰ μὴ φωραθεῖ τῷ ἐπαινετοῖς ἤθεσιν ἀντιπράττων, ἢ κακῇ οἰκονομίᾳ χρώμενος περὶ τὸ ῥηθὲν μοναστήριον. καὶ μηδεὶς ἔχη ἄδειαν παροικεῖν ἢ κατοικεῖν ἐν τῷ ῥηθέντι κατὰ τὴν Βλαχίαν μοναστηρίῳ ἀμισθεῖ, φιλοτιμίαις ἢ δωρεαῖς ἢ δυσωπίαις, ἢ ἄλλου τινὸς τοιοῦτου χάριν, μηδ' ἂν τῶν ἐκεῖ διατριβόντων ἀγίων ἀρχιερέων βουλευθῆ τις, ὡς εἰώθεσαν, ἀλλ' ὁ ἐν αὐτῷ κατὰ καιροὺς ἀρχιμανδρίτης ἐκδιδῶ ἐπὶ ἐνοικίαις τοὺς τοῦ μοναστηρίου τούτου οἰκίσκους, καὶ τὰ λοιπὰ αὐτοῦ κτήματα. οἱ δὲ κατὰ καιροὺς ἐπίτροποι τῆς ῥηθείσης σχολῆς ὁμοῦ μετὰ τοῦ διδασκάλου κατ' ἔτος λαμβάνωσι ἀκριβῆ καὶ καθαρὸν λογαριασμὸν τοῦ οἰκονόμου τοῦ ῥηθέντος μοναστηρίου τοῦ προφήτου Ἑλίου, καὶ τὰ περιτεύοντα τῶν ἀπαραιτήτων ἐξόδων τοῦ μοναστηρίου τούτου καὶ τοῦ μετοχείου αὐτοῦ λαμβάνοντες, ἀναπληρῶσι τῷ διδασκάλῳ τὸν προσήκοντα ἐτήσιον μισθὸν, καὶ τὰ εἰς τροφὰς καὶ ἐνδυμασίας δέκα μαθητῶν, ἐκλεγομένων ἐν φόβῳ θεοῦ καὶ ἀφιλοπροσώπως, καὶ συντασσομένων ἐν τῷ καταλόγῳ τῶν ὑποτρόφων μαθητῶν τῆς σχολῆς, καὶ τοῦ ἱεροῦ τούτου μοναστηρίου, ὧν οἱ δοκιμώτεροι καὶ ἀξιώτεροι, εἰ βουλευθεῖεν γενόμενοι ἱεροδιάκονοι καὶ ἱερομόναχοι προάγονται καὶ εἰς τὴν ὅλην οἰκονομίαν τοῦ ἱεροῦ τούτου μοναστηρίου, καὶ ἀποστέλονται καὶ εἰς τὴν Βλαχίαν ἡγούμενοι καὶ ἀρχιμανδρίται. ὑφαιρουμένων δὲ τῶν ἀπαραιτήτων μοναστηριακῶν ἐξόδων, καὶ τῶν εἰς μισθοὺς διδασκάλων καὶ εἰς χρεῖας τῶν ὑποτρόφων μαθητῶν, τὰ καταλειπόμενα, εἰ οὕτω τύχειεν, μένωσιν εἰς αὐξήσιν καὶ διηνεκῆ σύστασιν τοῦ ῥηθέντος μοναστηρίου. καὶ ταῦτα μὲν τὰ περὶ τοῦ μοναστηρίου τούτου ἴδια, κοινὰ δὲ ὡς καὶ περὶ πάντων ἡδὴ τῶν σταυροπηγιακῶν μοναστηρίων ἀποφαινόμενα καὶ περὶ τούτου, ἵνα μνημονεύηται ἐν αὐτῷ τὸ κανονικὸν πατριαρχικὸν ὄνομα, ἔχοντος καὶ τὸ προνόμιον κατὰ πατριαρχικὴν φιλοτιμίαν, ὥστε τὸν κατὰ καιροὺς ἐν αὐτῷ ἡγούμενον ἐν ταῖς ἑορτασίμοις ἡμέραις φορεῖν ἐπ' ἐκκλησίας μανθῶσαν προχειρίζομενον καὶ πατερίτζαν. καὶ πρῶτον μὲν ὑπάρχη ἀπηλλαγμένον πάσης ἐξαρχικῆς ἐξουσίας καὶ δεσποτείας. δεῦτερον δὲ ἀποδιδῶ εἰς μὲν τὸν κατὰ καιροὺς ἀρχιερέα τῶν Ἰωαννίνων γρόσια τριάκοντα ἐπὶ ἐτησίῳ ἱεροτελεστία ὡς ἂν εἴρηται, εἰς δὲ τὸ Κοινὸν τῆς καθ' ἡμᾶς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας καθ' ἕκαστον ἔτος ἀπαραιτήτως λόγῳ ὑποταγῆς γρόσια διακόσια πενήκοντα, καὶ λαμβάνη ἐξοφλητικὴν ἀπόδειξιν κατὰ τὸ ὕφος τοῦ ἐπαρχικοῦ, καὶ οὕτως ἀναλαβὸν τὸ ἀρχαῖον γεραρὸν τῆς σταυροπηγιακῆς ἀξίας προνόμιον, καὶ καλῶς διοικούμενον, ὡς μέλος γνήσιον τοῦ καθ' ἡμᾶς ἀγιωτάτου πατριαρχικοῦ, ἀποστολικοῦ καὶ οἰκουμενικοῦ θρόνου. ὁ ἐν αὐτῷ κατὰ καιροὺς ἡγούμενος, ὡσπερ οἱ ἀρχιερεῖς, οὕτω καὶ αὐτὸς γράφη ἀμέσως πρὸς τὴν καθ' ἡμᾶς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλην Ἐκκλησίαν, καὶ ἀξιῶται τῆς προσήκουσας

υπερασπίσεως ἐν ταῖς συμβαινούσαις χρείαις καὶ ὑποθέσει. τρίτον, διαφυλάττωνται καταγεγραμμένα ἐν τῷ διωρισμένῳ κώδικι τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας, ἅπαντα τὰ κτήματα καὶ ἀφιερώματα αὐτοῦ καὶ τὰ χρέη καὶ τὸ τοῦ ἡγουμένου ὄνομα. τέταρτον δὲ τὸ σιγίλλιον αὐτοῦ ἔχη μένειν ἀπαράτρεπτον καὶ ἀπαράβατον, μὴ δεόμενον ποτὲ ἀνανεώσεως καὶ ἐπικυρώσεως ἐκκλησιαστικῆς. πέμπτον, μηδεὶς τοῦ λοιποῦ γίγνηται ἐν αὐτῷ ἡγούμενος ἄνευ γράμματος πατριαρχικοῦ καὶ συνοδικοῦ. ἀλλ' ἐπειδὴν ἔλονται αὐτὸν γνώμη κοινῇ οἱ συγκοινοβιάται πατέρες, τότε ἀποστέλγεται παρ' αὐτῶν κοινῇ ἐνουπόγραφος, καὶ ἐ(ν)σφράγιτος ἀναφορὰ περὶ τῆς τοιαύτης ἐκλογῆς πρὸς τὸν κατὰ καιροὺς οἰκουμενικὸν πατριάρχην, καὶ οὕτω δι' ἐκκλησιαστικοῦ γράμματος ἀποκαθιστῶται ὁ ἡγούμενος τοῦ μοναστηρίου τούτου, σημειουμένου καὶ τοῦ ὀνόματος αὐτοῦ ἐν τῷ ῥηθέντι κώδικι. ὀφείλων κατ' ἔτος ἐξαποστέλλειν ἀκριβῆ ἐνουπόγραφον καὶ ἐνσφράγιτον καταγραφὴν τῶν τοῦ ἔτους ἐκεῖνου μοναστηριακῶν ἐσόδων καὶ ἐξόδων. ἔκτον, ἡ σφραγὶς τοῦ μοναστηρίου διαιρητῆ εἰς τμήματα τέσσαρα καὶ ἡ μὲν λαβὴ παρακατατεθειμένη ὑπάρχη τῶ ἡγουμένῳ τὰ δὲ τέσσαρα τμήματα τέσσαρσι συγκοινοβιάταις πατράσιν ἐκλεγόμενοις κοινῶς παρὰ πάντων τῶν συγκοινοβιατῶν πατέρων. ἕβδομον, οἱ ἐπιτετραμμένοι τὰ τέσσαρα τμήματα καὶ τὴν λαβὴν μὴ ἔχωσιν ἄδειαν καθ' ἑαυτοὺς σφραγίζειν μοναστηριακὰς χρεωστικὰς ὁμολογίας, ἀλλ' ἐπὶ παρουσίᾳ τοῦ προκριτοτέρου ἐν τοῖς συγκοινοβιάταις, ὑπογραφομένων κἀκείνων ἰδίαις χερσίν. αἱ δὲ μὴ κατὰ τὸν εἰρημένον τρόπον γεγραμμένα καὶ ἐσφραγισμένα ὁμολογία νομίζονται μὴ τοῦ μοναστηρίου, ἀλλ' ἴδιαι τῶν κατ' ἴδιαν σφραγισάντων, καὶ ἐκεῖνοι ἐξ ἰδίων ἀποπληρῶσι τὰς ἐμπεριεχομένας ἐν ταῖς τοιαύταις ὁμολογίαις χρηματικὰς ποσότητας. οὗτοι δὲ δηλ.: ὁ ἡγούμενος μετὰ τῶν τεσσάρων τῶν ἐπιτετραμμένων τὰ τῆς σφραγίδος τμήματα, ἔχωσι πᾶσαν πληρεξουσιότητα τῆς Ἐκκλησίας, ἐπιτιμᾶν, σωφρονίζειν, ἀποβάλλειν ἐκ τῆς μονῆς τοὺς ἀτακτοῦντας, καὶ τοὺς ἐκνευροῦντας τοὺς μετερχομένους τὸ ἄθλον τῆς ἀσκήσεως, καὶ μὴ πειθομένους τελευταῖον διὰ κοινῆς αὐτῶν ἀναφορᾶς ἀναγγέ(λ)λειν τῇ Ἐκκλησίᾳ. ὄγδοον, μηδεὶς τοῦ μοναστηρίου τούτου δύνηται τοῦ λοιποῦ πωλεῖν μοναστηριακὸν ὑποστατικόν, ἄνευ τῆς νομίμου εἰδήσεως τοῦ κατὰ καιρὸν οἰκουμενικοῦ πατριαρχοῦ, εἰ μὴ μόνον τὰς κατ' ἔτος ἐπικαρπίας καὶ τὰ γεννήματα καὶ τὰ μοναστηριακὰ θρέμματα, διὰ τὰς ἀναγκαίας αὐτῶν χρείας. ἔνατον, ἐπειδὴν ἐν χρεία χειροτονίας γένωνται ἔχωσι προσκαλεῖν εἰς τὸ σταυροπηγιακὸν ἡμῶν τοῦτο μοναστήριον τὸν κατὰ καιροὺς μητροπολίτην Ἰωαννίνων ὡς ἀνωτέρω εἴρηται. δέκατον δὲ καὶ τελευταῖον, ὀφείλωσιν οἱ ἐν αὐτῷ συνασκούμενοι ὁσιώτατοι πατέρες φυλάττειν τὰ ἐν τῷ παρόντι ἐκτεθέντα ἀπαράτρεπτα καὶ ἀπαράβατα διὰ παντός, καὶ πείθεσθαι τῷ κατὰ καιροὺς ἡγουμένῳ, καὶ διάγειν σεμνῶς, εἰρηγικῶς, καὶ ἀμέμπτως κατὰ τὸν τύπον τοῦ μοναδικοῦ ἐπαγγέλματος, ἀφορῶντες πρὸς τὴν κοσμιότητα αὐτῶν καὶ τὴν κατὰ θεὸν δια-

γωγὴν καὶ πολιτείαν, καὶ πρὸς τὴν βελτίωσιν καὶ αὔξησιν τοῦ ἱεροῦ ἡμῶν τούτου σταυροπηγιακοῦ μοναστηρίου, ἐπόμενοι τῷ θεοφιλεῖ σκοπῷ τῆς Ἐκκλησίας τῆς ἀγρόπνως προνοούσης περὶ τῆς εὐσταθείας τῶν ὑποκειμένων αὐτῇ σταυροπηγιακῶν ἱερῶν μοναστηρίων, καὶ ἐν ταῖς ἱεραῖς ἀκολουθίαις διαφυλάττειν τὴν ἀρχαίαν διατύπωσιν ἀπαράτρεπτον. ὅστις δὲ καὶ ὁποῖος τῶν χριστιανῶν ἱερωμένος ἢ λαϊκός, ὅποιασοῦν τάξεως καὶ βαθμοῦ, τολμήσει παραβῆναι ὕψωσῶν τὰ ἐν τῷ παρόντι νομίμως καὶ κανονικῶς ἀποφανθέντα, καὶ ἀνατρέψαι τι τῶν ἀνωτέρω καταγεγραμμένων, ὁ τοιοῦτος ἀφωρισμένος εἶη, καὶ κατηραμένος, καὶ ἀσυγχώρητος καὶ μετὰ θάνατον ἄλυτος, καὶ πάσαις ταῖς πατριαῖς καὶ συνοδικαῖς ἀραῖς ὑπεύθυνος, καὶ ὑπόδικος, καὶ ἔνοχος τῷ αἰωνίῳ πυρὶ τῆς Γεέννης. ὄθεν εἰς ἔνδειξιν καὶ διηνεκῆ τὴν ἀσφάλειαν ἐγένετο, καὶ τὸ παρὸν ἡμέτερον πατριαρχικὸν, συνοδικὸν συγγιλιῶδες ἐν μεμβράναις γράμμα. καταστρωθὲν κἄν τῷ ἱερῷ κώδικι τῆς καθ' ἡμᾶς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας, τῷ ἐπ' αὐτῷ τούτῳ διορισθέντι. καὶ ἐδόθη εἰς τὸ ῥηθὲν μοναστήριον. ἐν ἔτει σωτηρίῳ χιλιοστῷ, ἑπτακοσιοστῷ, ἐννενηκοστῷ, ἐβδόμῳ. κατὰ μῆνα Νοέμβριον, ἐπὶ νεμήσεως πρώτης : ~

(Διὰ τῆς πατριαρχικῆς χειρὸς τῶ)

+ Γρηγόριος ἐλέω Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης.

(Αἱ ὑπογραφαὶ τῶν συνοδικῶν).

- + Ὁ Ἐφέσου Σαμουὴλ : —
- + Ὁ Ἡρακλείας Μελέτιος : —
- + Ὁ Κυζίκου Ἰωακείμ +
- + Ὁ Νικομηδείας Ἀθανάσιος.
- + Ὁ Νικαίας Καλλίνικος.
- + Ὁ Χαλκηδόνος Ἱερεμίας .:
- + Ὁ Δέρκων Μακάριος .:
- + Ὁ Θεσσαλονίκης Γεράσιμος : —
- + Ὁ Προύσης Ἄνθιμος :
- + Ὁ Νεοκαισαρείας Ἡσαΐας : +
- + Ὁ Λαρίσσης Διονύσιος +
- + Ὁ Εὐρίπου Ἱερόθεος : +

Β΄.

ΔΙΑΦΟΡΑ ΓΡΑΜΜΑΤΑ.

20.

1444, *Μηνὶ Φεβρουαρίῳ, ἰνδ. 7.*

(Νόθον ἀργυροβύλλον. Χάρτης μονόφυλλος, μήκ. 0.305, πλ. 0.224. Τὸ πρῶτον γράμμα, τὸ Ε, μέγα καὶ ἐγκοσμον. Ἡ ὑπογραφή τοῦ δεσπότη Κωνσταντίνου διὰ γραμμάτων παχέων ὡσεὶ ὁ τοῦ ἐγ-

γράφου κατασκευαστής ἀποδίδωσι γνήσιον τοῦ δεσπότης αὐτόγραφον ὄρα τὸ ἀπέναντι πανομοιότυπον αὐτῆς. Ἡ γραφή τοῦ κειμένου καθαρὰ καὶ κανονικὴ. Κατασκευὴ τέλους τοῦ 17-ου ἢ τῆς ἀρχῆς τοῦ 18-ου αἰῶνος. Γραμμαὶ 22 μετὰ τῆς διατίχου ἐπιγραφῆς. Εὑρίσκειτο πρότερον παρὰ τῷ Ἰουλίῳ Τυπάλδῳ καὶ κατοῖεν παρὰ τῷ Βουρέθῃ ἐν Ἀθήναις, ὅθεν ἀντεγράφη ὑπὸ C. Hopf καὶ τύποις ἐξεδόθη τὸ πρῶτον ἀκριβῶς πως ὑπὸ Miklosich-Müller, Acta et diplomata graeca medii aevi, τ. 3, σ. 258—259. Μετεξέδωκεν Ἀ. Μηλιαράκις, Οἰκογένεια Μαμωνᾶ, σ. 108—109. Περί τῆς προτέρας τοῦ ἐγγράφου τύχης ὄρα Π. Χιώτου Σειρὰν ἱστορικῶν ἀπομνημονευμάτων, τ. 3, σ. 133).

Ἐπιδὴ ὁ κύρ Δημήτριος Μαμωνᾶς ὁ Γρηγορᾶς ἐπροθύμισεν μὲ πολλὴν ἐπιμέλειαν καὶ κα= || λὴν προαίρεσιν, εἰς τὴν τοῦ Πρηγτζιπάτου, ἀνακάτωσιν, καὶ σύγχησιν, καὶ εἰς ἄλλα πολλὰ ἀυ= || θεντικὰ ἀγωνίσματα, Ὅμοίως μὲ προθυμίαν τελειωνοντάς τα, ὡσάν καλὸς καὶ πιστὸς δούλος. || Εἰς τοῦτο λοιπὸν ὑπόσχεται διὰ νὰ δουλεύη εἰς ὅλαις ταῖς χρίαις τὴν Βασιλείαν μας, μὲ καλὴν || καὶ καθαρὰν πίστην καὶ ταπεινότητα. Ὅθεν ὄντας τοιοῦτος ὑποδέχεται τούτον ἢ Βασιλεί= || α μου, ὡσάν ὁ ἄκωθεν λόγος ἐφανέρωσεν, τὸν παρόντα ἀργυρόβουλον, δεδωμένον εἰς ἔλευ= || θερίαν τούτου; Διὸ ἀποφασίζει καθὼς κάτωθεν περιέχει, νὰ ἐξουσιάζη ἀπὸ τῶρα καὶ ἔμ= || προσθεν, ὁ αὐτὸς κύρ Δημήτριος Μαμωνᾶς ὁ Γρηγορᾶς, ὁσπίτιον ὅπου εὑρίσκειται εἰς τὸ Ἔλος || ἀντάμα μὲ τὸν Πύργον του καὶ τὸ χωρίον Πρίνικον. καὶ τὴν περιοχὴν του ὅλην, ἧγουν ὅσα κρα= || τεῖ καὶ νομένη τὸ αὐτὸ χωρίον. ἢ ἐνγκάτοιχοι ἔιναι, ἢ ἐλεύθεροι, ἢ ἀπὸ γένους ἢ καὶ ἀλ= || λεωτρόπος εὑρίσκονται ἐκεῖ. νὰ ἔχει νὰ λαμβάνη κάθε χρόνον εἰς κυβέρνησίν του τὰ δέ= || κατα καὶ ἕτοι ἄλλον χρεωστοῦν διὰ τὴν ἀυθεντιάν, ἢ διὰ δούλευσιν ἢ διὰ δωσήματα. Ὅμοίως || νὰ ἔχει τὰ πάντα ὅσα τοῦ ἀπαρθενίζουν, καὶ ἀπὸ ὅλλα ἐκεῖνα ὅπου τοῦ τυχένουν νά= || κερδένη. καὶ ναπέρνη ἀπὸ τὰ ἡσοδήματα καθὼς τοῦ ἐδώθη διὰ γράμματος ἀπὸ ἴδιον || γγενεράλε τῆς Βασιλείας μου κύριον Ἰωάννην Φραγγόπουλον. μὴν ἡμπορῶντας τινὰς ναν τοῦ || δώση καμίαν πείραξιν καὶ ἐνώχλησιν, ἀλλ' οὐδὲ νὰ τὸν παρασαλεύσῃ εἰς τὴν ἐξουσίαν καὶ

Κωνσταντῖν ἡ χυῦ ὡ θωῶ ρύσθ μῆ
 Δεσποτικῆς Πραξιοῦ ὁ πρῶτος φησὶ ὅτι

νομήν || τῶν ἄνωθεν πραγμάτων. μόνον νὰ εἶναι ἀπείραστος, καὶ διαφεντευόμενος μὲ τὴν δύναμιν || τοῦ παρόντος ἀργυροβούλου ὀρισμὸς τῆς βασιλείας μου. μὲ ἐξουσίαν τοῦ ἐδώθησαν τὰ τοιαῦτα || κατὰ τὸν ἄνωθεν γεγραμμένον τρόπον. δουλεύοντας αὐτὸς ἔτοιμα καὶ πρόθυμα τὴν βασιλείαν μας κατὰ || τὴν ὑποταγὴν καὶ εὐπήθειαν ὅπου ὁ αὐτὸς ἐδέιχθη εἰς τὴν δουλειάν μας. Διὰ τοῦτο πρὸς || ἀσφάλειαν αὐτοῦ ἔγινεν εἰς αὐτὸν ὄπαρὸν ἀργυροβούλος ὀρισμὸς τῆς βασιλείας μου: ~

Ἐδώθη κατὰ Μῆνα, Φευρουάριον Γ' Ἰνδικτιῶνος -ζ- ςγνβ. 6952 — εἰς τὸ ὅποιον καὶ ἡ βασιλεία μου || ἐξουσιάζει.

+ Κωνσταντῖνος ἐν $\bar{\chi}\omega$ τῷ $\Theta\phi$ εὐσεβῆς
Δεσπότης Παλαιολόγος ὁ πορφυρογέννητος.

21.

1641, *Μηνὶ Μαριῶ.*

(Χάρτης δίφυλλος, μήκους 0.258, πλ. 0.195. Αὐτόγραφος ἐπιστολὴ Φραγκίσκου Ἀρκούδη).

Τῷ ἐξοχωτάτῳ καὶ αἰδεσιμωτάτῳ κυρίῳ κυρίῳ Φραγκίσκῳ καρδινάλει τῷ Βαρβερινῷ χαίρειν.

Μικρὰ τὰ ἡμέτερα, ὧ ἔμφυχος φιλανθρωπίας εἰκὼν, πρὸς τε τὴν σὴν ἀξίαν, πρὸς τε τοῦμὸν χρέος ἀντεξεταζόμενα. ὥστε πολλῶ ἤττω ἐστὶν ἡ ἀποδοχῆς ἀξιοῦσθαι τσαούτης, ὅσης ἡμᾶς ἠξίωσας τοῖς προσφιλεστάτοις σου γράμμασιν. ἡμεῖς γὰρ τῶν χαμαὶ ἐρχομένων ὄντες, οὐκ ἐπιγινώσκομεν τσαούτων, ὧν παρὰ σοῦ εὖ πάσχομεν, τὴν ἀξίαν: πλὴν γε ὑπὲρ τούτων πλείστην ὄσσην οἶδαμὲν σοὶ χάριν. ἄλλως δὴ πούθεν ἄπορον πάντως ἡμῖν πόρον ὑποίας τινοσοῦν ἀμοιβῆς ἐξευρεῖν. καὶ ταῦτα μὲν δὴ ταῦτα. Πῶς δὲ νῦν συνείρων ὑπερ φιλικῶς ἔπαθον, θωπείας οὐ παρασχοίην ὑπόνοιαν; ἀλλὰ μάρτυρα ποιούμαι τὸν ἔρωτα, ὃν φιλία ὡς αὐτῆς πρωταγωνιστὴν πρεσβεύει καὶ πρύτανιν, ὡς ἀληθείας ἔχεται ὁ λόγος. δεύτερος ἤδη μὴν καὶ πρὸς, ἀφ' οὗ κατάρρους τις ψυχρότατος αἰφνιδίως εἰσπεσὼν μοι, τὸν δεξιόν μου ὄμων καὶ τὸν βραχίονα σὺν τῇ χειρὶ πάνυ σφοδρῶς ἠνόχλησε. κίνδυνος δ' ἠπειλεῖτό μοι, ὡς τῶν ἱατρῶν οἱ παῖδες ἔχρινον, μήπως πωρωθεῖσα ἡ ἐνδελεχοῦσα καὶ διηνεκῶς καταρρέουσα ἀπὸ τοῦ ἐγκεφάλου ψυχρὰ ὕλη, τοῖς νεύροις διαλυμνηται, καὶ ἡμῖξηρον τὸ μέλος ἐργάσσηται. διὸ καὶ σχολὴν ἄγειν ἀπὸ τῶν βιβλίων καὶ κλινῆρη με εἶναι κατηνάγκασεν. ἀλλὰ τὸ σὸν κομισάμενος γράμμα ἐλαφροβλιῶνος δεκάτῃ φθίνοντος, τὸ τῶν φιλιτάτων μοι μελιττῶν ἐπιφερόμενον τὴν σφραγίδα, καὶ τῷ φιλανθρωποτάτῳ τῆς ἱερᾶς σου χειρὸς χαρακτῆρι ὄλοσχερῶς αὐτοσχεδιασθὲν, εὐθὺς ἐρράϊσα. ἡ γὰρ ὑπέρθερμος τῆς εὐ-

μενεστάτης σου διαθέσεως αὔρα εἰς ἐμέ πνεύσασα, τὴν ψυχράν καὶ ὀλέθριον τοῦ κατάρρου καὶ κινδύνου φορὰν οὕτως ἐπέσχε, καὶ τὸ δεινὸν ἀνεκούφισεν, ὥστε τὸ ἡμίξηρον σχεδὸν τοῦ βραχίονος καὶ τὸ ἀκίνητον τῆς χειρὸς εἰς τὴν τῶν γραμμάτων τούτων διασκευὴν ἐζώωσέ τε καὶ ἀνεκτήσατο. καὶ μοι ἀπὸ κλίνης παρεχώρησε τοσαῦτα ἀντεπιστεῖλαι σοι. Ὅραξ, ᾧ σεμνὴ καὶ ἱερά κεφαλή, τῆς εὐνουστάτης σου προσήσεως τὴν ἰσχὺν; θεός, τὸ τῆς παροιμίας, ἡμῖν ἀνεφάνης διὰ τῆς ἐπιστολῆς. ἦν οὐκ ἀστόχως ὁ ἔρωσ ὑπηγόρευσέ μοι εὐθύς, Ἐλένης καλέσαι κρατῆρα, ὅστις (ἐπειδὴ τούτῳ ἢ τοῦ Διὸς παῖς ἐν τοῖς Μενελάου δάκρυσι φαρμακεύει κατ' Ὅμηρον τὰς ψυχάς) οὐ πόα τις ἴσως ἦν, οὐδ' Αἴγυπτία τέχνη, νηπενθές, ἄχολόν τε, κακῶν ἐπίληθες ἀπάντων πόμα σκευάζουσα, ἀλλὰ καὶ τις λόγος ἠδὺς καὶ καίριος, ὡς τὸ σὸν γράμμα, φαρμάκου δίκην θεραπεῦσαι πάθη δυνάμενος. ἀπάγει δὲ εἰς Αἴγυπτον τὸν μῦθον ἢ ποιήσεις, ἵνα τὴν μητέρα τῶν σοφῶν λόγων αἰνίξῃται. Οὕτω τοῖνον τοῦ ἀπειληθέντος κινδύνου ἐπισχεθέντος τὰ νῦν, εἶθε καὶ εἰς τοῦπιόν τοιαύτη γένοιτό μοι παραμυθία, τὸ δέξασθαι τῆς φιλτάτης σου ἐμοὶ κεφαλῆς γράμματα, τὸ τιλμαφέστατον τῶν ἀπὸ Ῥώμης ἀγώγιμον, ὅπως ἀνασφήλω καθάπαξ. εἰ ὁμῶν γὰρ ὅλως ἀρτώμεθα, καὶ ὁμᾶς ὅλη τῇ μνήμῃ, ὅλη τε τῇ ψυχῇ οὐχ ἤττον πνέομεν, ἢ τὸν ψυχρὸν τοῦτον ἀέρα τῷ στόματι. Εἰ δὲ τὰ τῆς νόσου εἰς τὸ βέλτιον οὐ περισταίῃ μοι, ἄλλοσε (ἦν μοι τοῦτο χαρίσαις) ἢ εἰς τὴν φίλην ἱτέον μοι πατρίδα, ἵνα τῆς μητριᾶς ταύτης ἀποφύγω τὴν ἀπήνειαν, κάκεινή ὡς ἀληθῆς μήτηρ ἐν τοῖς αὐτοῖς κόλποις περιπτύξασα θάλψῃ καὶ ἀνακαλέσῃται. πλὴν ἀλλὰ σώζειν φίλους Φραγκίσκος ὁ Βαρβερινός καὶ φύσιν ἔχει καὶ τύχην καὶ τέχνην. Τῇ ἀφηγήσει τῶν πόνων Σαλμασίου καὶ Ἰλεινσίου, καὶ τῇ ἐμμούσῳ πρὸς σφᾶς ἀμίλλη πάνυ μὲν ἦσθη. οὐ μὴν δὲ καὶ τὸ τοῦ Ἀλλατίου φιλόπονον περὶ τὸν θεῖον Νεῖλον ἀπεδεξάμην. ὅτι τὸ πολυμαθὲς τοῦ ἀνδρὸς καὶ ἡ αὐτοῦ ἄσκησις πρὸς τοσοῦτον πόνον ἐξαρκέσει καὶ τὴν ἐμὴν ἡλαττωμένην συνεισφορὰν ἀποπληρώσει. καὶ ὁμῆς δ' οὕτω γράφοντες, ἡμᾶς εἰς τοὺς ἡργμένους μὲν περὶ τὸν Στουδίτην Θεόδωρον, καθυφειμένους δὲ διὰ τὴν ἐπελθοῦσαν νόσον ἰδρωτάς, σοφῶς μυοπίζετε, καὶ τὸν σπεύδοντα τὸν ἐν τῇ παροιμίᾳ ἐποτρύνετε. τῶν ἐν στήλαις ἢ ἐν ἐπιταφίοις πλαστῖν, ἢ ἐν ἀγαλμάτων καθιδρύσεσιν, ἢ ἐν θεῶν ἱερώσεσιν ἐπιγραμμάτων τὴν ἔρευναν οὐκ ἀπολείψω. πλὴν, ὡς ἔοικε, σπανίζει τούτων τὰ ἐγγύς καὶ ἀοίκητα ὄρη ταῦτα. οὐ γὰρ Μουσῶν, ἢ θεῶν, ἢ ἡρώων ἐνδαιτιήματα, ἀλλὰ νέων Κυκλώπων, ἢ μισανθρώπων καὶ ἀνθρωποφάγων θηρίων σπήλαια, ὡς οἶμαι, ταῦτα πάλαι καθέστηκε. τὰ ὀλίγα ταυτὶ τῶν ἰχθύων τεταρτιευμένα ὠά, ἦτοι ὠοταρίχη, ὡς δῶρον ἀφ' Ἑλλάδος πεμφθέντα μοι, οὐ μὴν δὲ καὶ τὰ ὀλίγα ταυτὶ τῶν ἀπίων μῆλα, ἅπερ οἶα γῆς ταύτης καρποὶ διὰ τὴν ἄκραν ἐνταῦθα ψυχρότητα ἔτι ἄσηπτοι διαμένουσιν, πρὸς τὴν σὴν ἐξοχότητα ὡς δασμόν τινα τῇ τεσσαρακοστῇ ἀρμόδιον, ἀναπέμπω. αὐτὸς

εὐμενῶς καὶ μεγαλοπρεπῶς κατὰ τὸ σοὶ εἰωθὸς τὰ μικρὰ ταῦτα δέχου, καὶ ἡμῶν μέμνησο· εὐδαιμονῶν ἔσασαι καὶ ἐρρωμένους διαβιώης, ὧ ἐξοχώτατος πορφύρας ἄνθος. Νούσκοθεν νουμηνία Μουνουχιῶνος. ραχμα.

Τῆς αἰδεσιμωτάτης σου ἐξοχότητος

μάλιστα ὑπόχρεως, ἐλάχιστος δοῦλος
Φραγκίσκος ὁ Ἀρχοῦδος ἐπίσκοπος Νούσκου. ~

22.

(Χάρτης δίφυλλος, μ.κ. 0.275, πλ. 0.205. Αὐτόγραφος ἐπιστολή Φραγκίσκου Γοτσαδίνου πρὸς τὸν Ῥώμης πάπαν Οὐρβανον τὸν Η΄).

Μακαριώτατε πάτερ.

Εικοστὸν ἔτη ἔτος τοῦτι παρώγηκε, ἀφ' οὗ χαίρειν εἰπὼν τῇ ἐναγκαμένη ἵνα τὰς τῶν Ἀγαρηῶν χεῖρας ἐκφύγω, πολλάκις ὑπ' αὐτῶν διωχθεὶς, οὐκ' ὀλιγάκις συλληφθεὶς, καὶ δις πραθεὶς, εἰς Ῥώμην τὴν κοινὴν πατρίδα, καὶ πάνδημον ξενῶνα κατήντησα: Ἐνθα καὶ γὰρ ἐμφύτω τινὶ προθυμίᾳ φερόμενος ἐπὶ τὸ γέυσασθαι τῶν τῆς ἀπτικοεργοῦς μελίττης φιλοπονημάτων, τόχῃ δὲ μᾶλλον χρησάμενος, οὐ μόνον ἄκρω δακτύλῳ τούτων ἐγευσάμην, ἀλλ' ἀνέδη, καὶ κατὰ κόρον ἐνεπλήσθην. καὶ πρῶτον μὲν ἠνίκα ἐπιστατέων ἦσθα τοῦ Ἑλληνομουσείου, πρὸ τοῦ εἰς τοῦτον σε ἀρθῆναι τὸν θρόνον, ἔπειτα μετεωρισθεὶς εἰς ὃ νῦν ἀντίθεον ἀξίωμα περιαστράπτεις, τὰς τοῦ ἀνεψιοῦ, τοῦ ἐξοχωτάτου Φραγκίσκου φημί, ἰσαρίθμους μελίσσας μελιττουργεῖν αὐθις προεμηθεύσω: καὶ οὕτω γέγονέ μοι καὶ μὴ βουλομένῳ, τελῶς ἐκμυζῆσαι τὸ Ἡμίτιον τῆς Ἑλληνίδος γλώσσης νέκταρ. Ἐπανακάμπτειν τόινυν εἰς τὴν θρέψασαν μὴ δυνάμενος, διὰ τὸ τὸν ἐμὸν πατέρα, οὐ μετρίως τὰ τῶν Ἀγαρηῶν λυμήνασθαι, κακείθεν εἰς Ἰταλίαν διαδράντα, ἐντεῦθεν αὖ πάλιν πεντάκις ἐκστρατεῦσαι: καὶ τὰ μὲν ὁρῶν ἐμαυτὸν ἐν τοσαύτῃ πραγμάτων περιστάσει, χρημάτων ἄνευ, καὶ πατρίδος ἐξωσμένον, τὰ δ' ἀπορῶν ὄπη προσφύγω, διὰ τὸ νῦν διεφθαρμένον τοῦ αἰῶνος, σοὶ μετὰ γε θεὸν προσδραμεῖν, καὶ τοῖς ποσὶ σου προσπεσεῖν, τῷ καὶ τούτου τὰ τῆς οἰκουμένης ἐμπιστευθέντι πηδάλια διενοησάμην, ἵνα καθάπερ μέχρι τούτου τὴν τε ψυχικὴν, καὶ σωματικὴν τροφὴν παρὰ τῆς πλουσιοπαρόχου σου χειρὸς διέγων, οὕτω καὶ τὸν μετέπειτα βίον διὰ σοῦ σωζόμενον, εἰς τῶν κατορθωμάτων σου τοὺς ἐπάινους ἐξαναλώσω. τοιαύταις ἔτι φροντίσι κυμαινομένῳ μοι ὁ τῆς Κρήτης ἀρχιεπίσκοπος διδάσκαλος θεολογικῆς ἐπιστήμης ἐξερευνῶν τοῦ ὑπ' αὐτοῦ νεωστὶ οἰκοδομηθέντος φροντιστηρίου ἀπαγγέλλεται: τῆς δὲ ἱεῤῥας σου κεφαλῆς συνένευσαι εἰς τὸν τοιοῦτον βαθμὸν ἀνήχθη ἑγώ. ὅθεν ἤκω σοι νῦν οὐ τὰ πρὸς τὸ ζῆν συντείνοντα ἐξαιτήσω, ἀλλ' ὑπὲρ ὧν τοὺς ἀναξίους ἐφθης ἀξιώσαι εὐχαριστήσων. ἐπεὶ δὲ ἡ παρὰ σοῦ πρὸς ἡμᾶς πρόνοια, εἰς

μακράς πλάνας καὶ ὑπερορίους στρατείας ἐπαναγκάζει, ἐφοδίου τινός, καὶ μά-
λα ἀδρου ὀσόμενους ἴσθι. ἐμμενετέον δὲ τοῖς ἐλευθερίοις σου θεσπίσμασι. σοὶ
γάρ ὡς ἐπ' ἱερᾶ ἀγκύρα ἐπισαλεύει νῦν τάμα, ἧς ἀποσχοινισθεὶς οὐκ εἰς
μακρὰν ναυαγήσω τὸ σύνολον.

Ἐρρωσο, καὶ ὑπὲρ τὰς τοῦ Νέστορος Ὀλυμπιάδας Ἐνδυμίωνός τε, καὶ
Ἐπιμενίδου ζώης:

*Εἰς Οὐρβανὸν τὸν .η. ἄκρον Ἀρχιερέα, σοφῶς τὰ τῆς εἰρήνης
διοικήσαντα, λοιμὸν δὲ, καὶ λιμὸν εὐδαιμόνως τῶν τῆς ἐκκλησίας ὄρων
ἐξορίσαντα.*

ΕΠΙΓΡΑΜΜΑΤΑ.

Ἦ σοφίης ἀπλέτου, πασέων ἀρετῶν τε δοχεῖον,
Ἦλβιε Οὐρβανὲ Πετροκαθεδροδόχε,
Πῶς τρισσῶν τεράτων ἀνυπόστατον εὐνασας ὀιστρον,
Ἄστεα Ἰταλῆς ἐξεπιβοσκομένων;
Λοιμοῦ, καὶ λιμοῦ, πτολέμοιό τε ἐγγεσιμάργου
Αὔδαε μὴ κεύθης, οἰδοῖτι πάντα λέγε:
Εἰ κεύθεις δὲ μελισσῶν τριάς ἄυτό λαλήσει,
Ἦτι τριάς, τεράτων ἠγνίασε τριάδι.

Ἄ Λ Λ Ο.

Τεῖρεα δισὰ βλέπω περιλαμπέα ἔχγονα Φόιβου,
Αὐτὰρ ποῦ κρύπτεται ἡμερίων;
Φραγκίσκον κ' Ἄντωνιον ἄμφω πορφυρολαμπεῖς.
Οὐρβανὸς τελέθει τῶνδε ὁ φεγγοδότης.
Ἄνδράσιν ὃς μερόπεσιν ἐπηύγασεν ὄλβιον ἡμᾶρ
Πύθων' οὐχ' ἓνα νῦν, τρισσὸν ὄμως ὄλεσας.

Ἄ Λ Λ Ο ἸΑΜΒΕΪΟΝ

Ἔσωσε τὰ πρὶν τὴν ὑφήλιον πλάχα
λύσσα δασμούς ἢ θεάνθρωπος φύσις,
δασμούς ἀδέσμούς παρθενικῆς γαστέρος.
τύραννος ἦμος νερτέρων στρατευμάτων,
λήθης ἀπ' ἀκτῶν ταρταρόσσουτον μένος,
τρισσῶν ἀφῆκε Κερβέρου βροτοκτόνου
κακῶν συνένων τῶν Ἐρινύων: ὅπως
βροτοῖσιν αἴφνης δαιδαλογλώσσοις μύρον

ἄγωσι πικρὸν, κάξερημῶσι χθόνα.
Χριστὸς γὰρ εὐθὺς ταρτάρου ἐς πυθμένας
ρίψεν, κεραυνοῖς αἰθαλώσας τὸ θράσος,
διπλαῖς τε σειραῖς ἔσχε κεκρατημένας.
νῦν δ' αὖ λαθράιως ἐκφαγοῦσαι τὰς πέδας
πλήσθησαν αἴφνης Ἰταλικῶν αἱμάτων:
χῶσαν δὲ τύμβους τὰς ὀλοκλήρους πόλεις,
αὐτῆς τε Ῥώμης τὰ προπύργια τρέμον
ἄφυκτον ὄρμην τῶν ἀκάμπτων θηρίων.
αὐτὰρ πάτερ ὦ τρισόλβιον κέρα,
ὡς ἀντὶ Χριστοῦ τὴν κάτω Ἐκκλησίαν
καλῶς διοικῶν, τοὺς δρακοντίους γόνους
ἔδησας ἄνθις παγιωτέραις πάγαις.
εὐθὺς δ' ἄνωθεν ἡ θεόπεμπος χάρις
ἡμῖν ἐπέμφθη τοῖς ἀναξίοις ὄλωσ,
ἔρωσ ὁ κοινός, ἡ βροτῶν σωτηρία.
Τέλος τῷ δὲ θεῷ δόξα καὶ ἄινος.

Τῷ παναγιωτάτῳ πατρὶ

Οὐρβανῷ τῷ ὀγδόῳ

διὰ

Φραγκίσκον τὸν Γοτσαδῖνον.

23.

1663, Μηνὶ Ἀπριλίῳ.

(Χάρτης διφυλλος, μήκ. 0.27, πλ. 0.20. Αὐτόγραφος ἐπιστολὴ πεμφθεῖσα κατὰ τὴν ἐπιγραφὴν:
Al Rev^{mo}: P^{re} Abbe Sig^e: e Prone: mio Coll^{mo}: il P. D. Francesco Sondi. — I. Sec^{on}-
do — Gubbio).

Ἀλέξανδρος Μανασαγγύος τῷ ἑαυτοῦ Διδασκάλῳ ἐν τῇ Ευγουβιωτῇ Κα-
νονικῇ ἀξιοτάτῳ ἡμῶν ἡγέμονι. εὐπραπτεῖν.

Ὅγδους τῶν φυσικῶν εἶδον κατὰ Ἀριστοτέλη, διορθοῦντος Πατρὸς Λου-
κατελλοῦ, σοι τε ὡς πᾶσι ἐν ταύτῃ ἐργασίᾳ φανεροῦ. συμβέβηκε δὲ νῦν ἐν
τῷ διελθεῖν ὧδε ὁ καθολικὸς ἡμῶν ἡγέμων, μένει γε μὲν, δισθὰ σοι, συνα-
θροῖσαι ἐν τῇ Φλουρεντία τὸν σύνοδον ἐπὶ τὴν δίαιταν. ἐνέβαλ' ὄυν εἰς τὴν
χεῖρα αὐτοῦ τὸν φόρτον, τρία ἐτῆ μαλαχῶς ἔχων, προεχρίθη μὲν τις Κα-
πόυνος κληθεὶς, αὐτος τε σοι, μίκρας ἀκοῆς, ὃν Ιαχικίος ὁ πρωτοδιοικη-
τῆς ἀρχηγὸς ἤδη ἀπεπτύσε. Ἐν χρόνῳ τουτῷ περὶ τῶν ἑλληνικῶν σπου-

δάσω μᾶλλον, ἵνα ἐν μέλλοντι ἐνιαυτῷ τι πράξῃς ἐν ἰδιώματι τουτῷ σου παροντος, ἐπικαλοῦμαι σε οὖν ἐπὶ τουτουῦ. καὶ ἡδέως ἂν σου ἀκούσαιμι· ἀντιγράφαντος, νῦν οὐκ ἔχον ἄλλον σοι εἰμὴ πολεμικὰ διηγεῖσθαι. ἔρρωσο ἐτεῖ ἀπὸ τοῦ Χριστοῦ παθόντος χιλιοστῷ ἐξακοσιοστῷ ἐξηκοστῷ τρίτῳ θαρ-
γελιώνος πέμπτη φθίνοντος.

24.

(Χάρτης μονόφυλλος, μήκ. 0.192, πλ. 0.132. Ἀπόκρισις ἀνυπόγραφος εἰς τὸ ὑπ' ἀριθ. 23 γράμμα).

Ἀρέσκομαι ἀκούων, ὅτι τὰ σὰ ἐπιτηδεύματα βουδρομοῦσι. ἀλλ' ὅμως οὕτω δεῖ σε τὰ μαθήματα διαθεῖν, ὡς' οὐ μόνον τῆς γνώσεως, ἀλλὰ καὶ τῆς ἕξεως τυχεῖν. Ἐπαινῶ δέ σε, τοῦ φιλοτίμως μελετᾶν τὴν ἑλληνικὴν παι-
δειαν, ὡς δυναμένην παρέχειν ταῖς ἅπασιν ἐπιστήμασι μεγίστην σαφήνειαν. Ἐπεὶ οὖν δέδοχθαι σοὶ τι πράξῃς ἐν ἰδιώματι τούτῳ, ἵνα πώποτε μου πά-
ροντος, ἀπαγγέλῃς, εὖ ἴσθι, ὅτι μηδέποτε μοι πορίσεις ἥδιον ἄκουσμα τῆς
σῆς παιδευτικῆς ἐπιδόσεως. Τὸν ἄνθρωπον διδα, περὶ οὗ μέμνησαι· οὐκ ἀνά-
ξισαι δὲ τῆς τιμῆς ἂν ἦσαν αὐτοῦ διδασκαλῆαι (οὗ γὰρ τύχοντες γεγέννηται)
ἐάν, ὡς περὶ τῆς διδάξεως, οὕτως περὶ τῆς εὐφημίας αὐτὸς πεφιλοπονήκη.
Ἐν ἄλλοτρίῳ γοῦν κινδύνῳ εὐλάβειαν ποιητέον. ἔρρ.

25.

1 6 6 4.

(Χάρτης δίφυλλος, μήκ. 0.293, πλ. 0.208. Αὐτόγραφος ἐπιστολὴ Ἀλεξάνδρου Μιννασαγγίου, πεμφθεῖσα κατὰ τὴν ἐπιγραφήν: Al Rev^{mo}: Pfr. Abb^e: Sig^o e Prono mio Col^{mo}: il P. D. Fran-
cesco Sondi. — Letter greche e spagniole. — S. Pietro in Vincoli.).

Ἀλέξανδρος ὁ Μαθητῆς τῷ ἑαυτοῦ Διδασκάλῳ, νῦν παρὰ τον Ἄ-
γιον Πέτρον πρὸς δέσμους κοινοβιαρχῶ ἐυπραττεῖν.

Τὰς μοῦ παροῦσας ἐπιστόλας θαυμάσης ἰδὼν, ἐλέγχων ἐκ τοῦ χρονοῦ
διαστολῆς τυχόν, ἢ τῆς ἑλληνικῆς γλωσσῆς, ἢ τῆς περὶ ταύτης σου παι-
δειας ἀμνήμονα, ἀλλ' οὐκ οὕτως, οὔδας γὰρ πρῶτον δεῖ μὲ τὰ φυσικὰ μα-
θεῖν, καὶ μετὰ ταῦτα πρὸς τὰ ἄλλα. νῦν οὖν ὅτι αὐτα ἡσύχαζει, καὶ μετὰ
τὸ ἀναστρέφαι ἀπὸ τῆς Κανονικῆς τοῦ Ρενοῦ λεγομένης, οὐ ὀκτῷ ἡμέρας
ἔμενον σὺν τῷ ἡμῶν Ἄρχοντι, αὐτὸς γε μένει δὲ. λαμβάν' οὖν τὸν καιρὸν
ἐπὶ τῷ λελεφομένῳ ἀξιώματι χαιρεῖν, εὐχέσθαι τε σοι ἀγαθὰ πόλλα. Νεὸν
οὐκ ἔχω τι φερεῖν, εἰ μὴ τῶν ἀπαντῶν ὑγίειαν. Πολλάκις μὲν ἔθελον γρά-
φειν σοὶ ἐπιθυμῶν τὴν Θεῖαν γραφὴν νέαν, καὶ παλαιάν διαθήκην πράσειν,
νῦν ἐν ταυτῇ Βιβλιοθήκῃ δεεῖν ἔυρον, ὧν μῖα καλῆ¹ σὺν τοῖς παραγραφοῖς
κάτω περὶ τῶν συμφεροντῶν, καὶ διαφεροντῶν τῇ ἐβραῖα ἀλεθειᾷ, δοθήσε-
ται μοι τῷ ἀργυριῷ ἢ τῶν ἄλλων βιβλιῶν μεταλλάξει. ἀξιώ οὖν σὲ ἀντιγρά-
φειν μοι τὴν τιμὴν ποτὲ πριάμενον. τὸ λοιπὸν δὲ εἰ ἀρέσκεται ἄσπαζε τὸν

Ἰωσήφ ἐκ τῆς Φεραρίας τὸν φίλον. ἐρῶσο. τῷ ἔτει χιλιοστῷ ἑξακοσιοστῷ ἑξηκοστῷ τεσσαρῷ Βοηδρομιῶνος ἐνάτη ἐσταμένου.

26.

(Χάρτης μονόφυλλος, μήκ. 0.20, πλ. 0.132. Ἀπόκρισις εἰς τὸ ὑπ' ἀριθμ. 25 γράμμα).

Αμέμπτως ἦν ἡ σου σιγή, εἰ ἀπὸ τῆς τῶν διαφερόντων μαθημάτων μελετης ἐγίγνετο. πρέπει γὰρ μανθάνοντα σπουδάζειν. Πολλὴν δὲ χάριν σοι νῦν ἔχω ἐπὶ τῷ συνήσθηναί μοι τῆς παρούσης κοινοβιαρχίας, ἀρεσκούσης μοι μάλιστα, διὰ τὸ διατρίβειν ἐνταῦθα, οὐ τοὺς φίλους ἄν, εἰ οὕτως τύχοι, ὠφελήσαιμι. Περὶ μὲν οὖν τῶν ἀγιογράφων τοῦτο ἔχω λέγειν, ὅτι τὴν παλαιὰν διαθήκην ἐωνήθην προπέρουσι ἐξήκοντα δράχμας, τοῦτέστι πάυλους, καινὴν δὲ, ὡς δώδεκα, ἀμφοτεραν μέντοι περιδεδεμένην τε καὶ ἡμφιεσμένην χαριέντως. Σὺ δὲ οἶμαι ἐυτελεστέως αὐτόθι ὠνήσῃ, ἄλλως τε καὶ ὄυσαν ἐν ἡμετέρᾳ βιβλιοθήκῃ. Ἰώσεφ ὁ σὸς φίλος ἠσθένησε σχεδὸν ἐξῆμαρ. νῦν δὲ ὑγιαίνει, καὶ προσαγορεύει σοι χαίρειν. Ἐρῶσο.

27.

(Τέσσαρα χάρτινα φύλλα συναποτελοῦντα τὸ ἥμισυ τετραδίου, μήκ. 0.195, πλ. 0.134, ὧν γεγραμμένα τὰ δύο πρῶτα, τὰ δ' ἕτερα δύο παντελῶς ἄγραφα. Τὰ γεγραμμένα φέρουσι τὰς σελίδας 489—491 ἀπεσπασμένας ὡς φαίνεται ἐκ χειρογράφου ὀγκώδους. Ἐπὶ κεφαλῆς τοῦ πρώτου φύλλου: In Fridericum Gronovium. — Lib. 2. 26. Ἐπὶ τοῦ δευτέρου φύλλου: Lib. 2. 27. Αὐτόγραφον Λέοντος Ἀλλατίου. Δύο διάφορα ἐπιγράμματα εἰς Γρονόβιον, τὸ πρῶτον ἑλληνικόν, τὸ δ' ἕτερον λατινικόν. Ἐκδότοια μόνον τὸ πρῶτον).

Μουσῶν ἄποινα, καὶ λυκηγενοῦς δόσεις
 Ἴππου τε κρήνης νέκταρ, ἠδ' ἐυποίκιλα
 Ἄνθη χαρίτων, ἄλλων τε περιωνύμων καλά,
 Τὰ Στατίου πρόσσευξε ὕμνοις παμμέτροις
 5 Φωνᾶν ἐπήταις μούνον (ὁ γὰρ χρόνος μακρὸς
 Γραφῶν τ' ἄπειροι χεῖρες ἔτριψαν κακῶς)
 Γρονώβιος δέλτοισι ἔυ ἡσχημέναις
 Δαεῖς σάφ' ἐξέθηκεν ὀρθώσας βίβλον
 Ὡς Πυθαγοριστὴν οὐδὲ λάθρα φᾶναι τινά
 10 Ψυχὴν τὰ πρῶτα Στατίου πλανομένην
 Γρονωβίου ἐς ἄψε' ἐμπεσεῖν φρένας
 Πνοήν τε κοινώσασαν, ἐνθεν ἀπλανῶς
 Νοῦν Στατίου τόξευσαι ἐξηλλαγμένας
 Ῥήσεις τ' ἐς αὐτάς, ἃς ἐκεῖνος πυκτίῳ
 15 Ἔστ' ἂν τὸ πρὶν χάραττεν ἐντίθει σαφῶς
 Εἰ δ' οὐχὶ λῆρος ταῦτα καὶ πλατὺς γέλως,
 Πάντως ἄρ' ἔσται μυριόψυχος γεγῶς
 Καὶ γὰρ φράδαισιν ἐσμός μυρίος σοφῶν

- "Ατ' εἶπον, ἄτ' ἐξέδωκαν, οἶδεν ἔμπεδα
 20 Κείνων μενοιναῖς ἐξακριβώσας γραφῆ,
 Ἐς νοῦν τε βάψας, ὄνπερ ἐξεμάξατο
 Γρονώβιος. τάδε μὲν τοι ἕασσ' ἄλογος λόγος.
 Τὸ δ' οὖν ἀληθὲς πᾶν, ὄφρ' ἔυ εἰδῆς, πίθος
 Κακῶν δ' ἄγευστός ἐστιν ἐν οὐδαί Διὸς
 25 Πλήρης ἐάων κείμενος Γρονώβιος
 Θαυμαστὸν ἔνθεν οὐδὲν, εἰ κεκασμένος
 Ὀλβῳ τοσοῦτῳ, κ' ἐυθαλεῖ παγκαρπία
 Καθ' ὑπερβολὴν πάντεσσι πορσύνων κυρεῖ
 Ἄ πρῶτον εὐτύχησον Δυσόνων ὄσοι
 30 Αὐτοί τ' Ἀχαιῶν πολυφράδμονες γόνοι
 Σοφοί τε παρ' ἄλλοις δῶρα προσκυδέστατα.

Καὶ ταῦτα μέντοι ἐξεσχεδίαζεν τῷ λογιωτάτῳ, καὶ πολυμαθεστάτῳ
 Ἰωάννῃ Φριδερίκῳ τῷ Γρονωβίῳ φιλάς ἀιωνίου μνημόσυνον Δέων ὁ Ἄλ-
 λάτιος.

28.

(Χάρτης μονόφυλλος, μήκ. 0.273, πλ. 0.24. Αὐτόγραφον Λέοντος Ἀλλατίου).

Τῆς καρδίας ἀνοιξίς ἐν τῇ
 τῆς Καγγελαρίας κλεί-
 σαι δι' ὑποψίαν ὑγείας.

LEONIS ALLATII

I A M B U S

ex Italico Eminentissimi Domini
Francisci Cardinalis Barberini.

- Εἰ καὶ διαστολαῖσιν ἀλλήλων, φίλε,
 ξέναις ἀπειργόμεσθα, καὶ κεκλεισμένοις
 τείχεσσι, οὐδὲ κἄν σμικρὸν χαλᾶν στόμα
 ὀρύφακτα συγχωροῦσιν, οὐχ ὄιον πέλει
 5 ἄχθος τι οὐκ ἐνάγγαλον βαιῆ σκέδη,
 πολλῶν λοετρῶν καὶ καθάρσεων ἐνδεῆς
 καὶ βυρσοδεψῶν μυρίων τεχνασμάτων.
 αὐτῇ δ' ἀπόχρη, εἶπερ ἐξ ἀμφοῖν μεροῖν
 φλόγεσσι καπνωθεῖσα κηλέου πυρός,
 10 βρεχθεῖσα τ' ὄξει, ὣδέ πως ἀρτυμμένη
 ἐκδηλά σοι λέξῃσι τάξειργασμένα.
 λέγει δ' ἄρ' αὐτῇ νῦν βιοῦν ἐυδαιμόνως
 ἡμᾶς, θεοῦ διδόντος ἐυανθῆ τύχην.
 οὐ τόσσον ἀστόι μειδιῶσιν ἐν βίου
 15 πόντῳ γαληνοὶ ἔυφρονες Καναρίας.

ἡ ἀσφαλεῖς ἐπ' Ἄλπεσσι πηγωδεστέραις.
διεξίτωσαν ἱστόρων ἀνδρῶν λόγοι,
σὺν δ' ἀδέτωσαν εὐκελάδοις ὕμνων πτυχαῖς
οἱ μουσοποιοί. Φοῖβος οὔπω καλλίων
20 ἵππευσε τηλαυγέστερος βολαῖς φλέγων
οὐδ' ἤματ' ἦκον ὥστε νῦν ἀκηδέα,
παυθέντα μόχθων. ἅ πόσσον ἐκπρεπέστερα
τάδ' εἰσίν, οὐδὲ γὰρ ματᾶ τοῦπος τόδε.
ἔκνιξεν οὐ με τόσσον εὐκλεές γάνος,
25 ὅτ' ἀνετοὺς ᾤκησα Κυρίνου λόφους,
οὐδ' ὅττε γούνου χλωρὸν ἐξανδρόουμενον
ἦβη καλῇ πέπηγε φίλτατον νέοις.
θημῶν κακῶν ἀσπερχές, ἡ μεριμνέων
πέλαγος ἀνίασκον ἦσυχον κέαρ.
30 ἐμῆς δὲ κόιτης ὠδέ πως τετευγμένης,
ὀπηνίξ' οὐχ ἔυρισκε τὸν Καρδινάλιν,
εὐθύς παρ' ἡμᾶς ἄσσον εἰς μολῶν ἀνήρ,
ἔφθασεν εἴσω οὐτίπω κεκλημένος,
τιμὴν τ' ἄεξεν εἰσχυκλῶν γεράσμιον.
35 ἐνθιένδ' ἐκὼν ἄκων τε βίβλους κατθέμην
χ' ὅττ' ἐν χέρεσσιν ἔχειτο πρότυμμασμένον.
καὶ ταῦτα μ' ἠνάγκαζεν ἦθος ἀστυκόν,
τρόπος τε χρηστός· οὐδέ μὴν ἄλλως πάλιν,
ὅταν ἐφομαρτήσαντα τῷ κεκτημένῳ
40 χαλκοστόμου κώδωνος ἐξ ἄλλης στέγης
ἠχῆ βαρεῖα νωθρὸν ἐκκαλεῖ λεῶν,
στίχους, ἐπιστήμας τ' ἀπερρίπτουν μακράν,
ἐχθροί, φίλοι τε, καὶ παρακολουθοῦντες ἐμοί
ἐνοχλήσεως παρεῖχον ἄφθονον σποράν,
45 ἦτις γ' ἀπείρους καρδίῃ βλάσται μόγους.
αἶδ' ἡμέραι λοιπόν, αἷς γαληνίοις
χρῶμαι, λόγους ρίψαιμι, εἰ θέλω λέγειν
ὄσσην φέρουσι εὐτυχῶς παγκληρίαν.
κεῖμαι, καθεύδω, σὺν δὲ τοῖςδ' ἐκμανθάνω
50 δέλτους παλαιῶν, καὶ ὅτι μοι φίλον ποιῶ. ~

29.

(1660).

(Χάρτης δίφυλλος, μήκ. 0.269, πλ. 0.193. Αὐτογράφος ἐπιστολὴ Simonis Wangnereckli πρὸς Λέοντα Ἀλλάτιον, ἔχουσα ἐπὶ τοῦ δευτέρου φύλλου τὴν ἐξῆς ἐπιγραφὴν: Reverendissimo,

perillustri et Eruditissimo Viro, Domino, Dom. Leoni Allatio suo. — Romae. Τὸ κείμενον κατέχει ἀμφοτέραις τὰς σελίδας μόνον τοῦ πρώτου φύλλου).

Χαῖρε φιλοφρονεστάτως, ἡ περιπόθητός μοι πρὸ πάντων, καὶ ἱερὰ κεφαλή! Δέων Ἀλλάτιε!

Τὴν κρυπτολογίαν σου, τὴν τῶν Ἑλλήνων, ἴσθι ὡς κάλλιστα νῦν ἐκδοθῆναι παρ' ἡμῖν, ἐν τῇ τοῦ Καίσαρος Ὀυιέννα, δαπανήμασι τοῦ ἀρχιάτρου, τοῦ παμμεγίστου ἐν τῇ αὐτῇ ἡμῶν, καὶ πρὸς τὰ σου πάντα πονήματα ὑπεράγαν θαυμαστῶς τε καὶ περιποθῆτως ἔχοντος· ὡς δηλοῖ παροῦσα ἡ εἰκὼν σου, διὰ τὸ αὐτοῦ φίλατον πρὸς σε, παρ' ἡμῖν ἐν τῇ Ὀυιέννα, τῷ χαλκῷ τῷ Κυπρίῳ ἐγκεχαραγμένη (τοῦ αὐτοτάτου ἐκεῖνου, ἀργύριον τὸ γινόμενον ἀποτίνοντος) καὶ τῇ σου τῶν Ἑλλήνων κρυπτολογία πάνεπιτηδειοτάτως προτετυπωσομένη.

Τὸ δὲ μέγαλον μου σύνταγμα (οὐτινὸς σου τὸ πρόσθεν, δεινὸς τε καὶ μέγιστός μοι, ἡγεμών τε καὶ συλλήπτωρ ἔτυχες) περὶ τῶν τριῶν συζυγιῶν, τῶν τοῦ αὐτοῦ ὀνόματος Ἀναργύρων, μάλα πολὺ ἐμποδίζεται νῦν, διὰ τὸ ὑπεράγαν φίλαυτον, τῆς θαυμαστῆς ἐυσεβείας τῶν ἐν τῇ Μοναχίῳ φοβοῦσι γὰρ οὗτοι (ὡς τ' ἀληθές εἰπεῖν) οὐκ ἀφιλοδόξως, μὴ τοῖς ἄλλοις, τῶν Ἀράβων τὰ λείψανα οὐκ ἔχειν δοκῶσι εἰ τοῦτο τὸ πλήθος τῶν τοῦ αὐτοῦ ὀνόματος Ἀναργύρων, ἀναμφισβητήτως δι' ἐμοῦ βεβαιωθὲν, εἰς τὴν τῶν πάντων γνῶσιν ἐκδοθῆι. μῆτι οὖν, διὰ τὸ φιλαυτότιμον τῶν ἀνθρώπων τούτων, στερηθήσεται πᾶν τὸ ἀρχαιολογικὸν τῆς ἐκκλησίας, τοῦ ἱστορικοῦ τούτου φωτός, τοῦ παράπαν τονυέχον λανθάνοντος καὶ ἀγνώστου; μῆτι πρὸς τούτοις, διὰ τὴν ἀναίτιον αἰτίαν ταύτην, αἱ περιφανέσταται τῶν πόλεων, αἰσχίστου ψεύδους καταγνωσθήσονται; ἐκτός γὰρ τῆς Ῥώμης τῆς ὑμετέρας, καὶ ἄνευ τῶν Παρισίων τε καὶ τῶν Ἐνετιῶν, καὶ προσέτι ἡ τοῦ Καίσαρος ἡμῶν Ουιέννα, κτήσεται τῶν κεφαλῶν τοῦ Κοσμᾶ καὶ Δαμιανοῦ σεμνύεται, ἐυσεβεστάτως τε καὶ μάλιστα πεποιδότως. δέομαί σου τοίνυν ἐγὼ, ὡς μάλιστα δυσωπῶν σε· πέμψον ἐμοί, ἐν βραχεῖ τῷ χρόνῳ, διατριβὴν σου τινα μικράν, οὐ τῆς παρούσης τῶν Ἑλλήνων κρυπτολογίας σου μακροτέραν· ἐν ἣ τούτο τὸ πλήθος τῶν τοῦ αὐτοῦ ὀνόματος Ἀναργύρων, τῇ θαυμασίᾳ σου ἐν τοιοῖσδε τοῖς συγγράμμασι δεινότητι, ἀφοβήτως παντὶ τῷ κόσμῳ ἀποδείξῃς. ἡμεῖς δὲ ὡς τάχιστα, τόσου καχεῖνο πονημάτιον ἐκδώσομεν, εὐπορωτάτοις τοῦ αὐτοῦ ἀρχιάτρου τούτου δαπανήμασι, μάλιστα δι' αὐτὸ τοῦτο χαρησομένου, καὶ προσέτι μέλλοντος ὑπεραγάλλασθαι τε, καὶ πάνυ σε δεξιώσασθαι, πάσαις ταῖς φιλοφροσύναις· τοῦ γὰρ φθόνου τῆς συγγραφῆς ταύτης δυνατῶς ῥηγμένου, διὰ τῆς ἐξοχωτάτης τοῦ ὀνόματός σου αὐθεντίας, οὐ τοῦπιὸν διός τε ἔσομαι κατηγορεῖσθαι, πρῶτος ἐκπειράσαι τοῦτο ἀποδεικνύου· ἀλλὰ εὐπορώτατόν μοι, ἔσται, προηγουμένῳ σοι ἀνεμποδίστως ἀκολουθεῖν, καὶ σύμφηφόν με ἀβασκάντως παρεστάναι.

Vale, Vir praestantissime. Pragae, in Bohemiâ, 11. Octob. ubi cum cæsareâ Maiestate, per sesqui ferè mense commoratus sum. At nunc, magnis itineribus, Viennâ tendere incipimus: quò et Responsorias ad me tuas, dirigi oportet.

Eruditiss. Nobills. Tuæ,

In Christo servus,

Simon Wangner-Eckius, S. J.

30.

1691, Μηνὶ Φεβρουαρίῳ 5.

(Χάρτης δίφυλλος, μήκους 0.30, πλάτους 0.207, ἔχων ἐπὶ τῆς πρώτης σελίδος τὸ κατωτέρω τῆς ἐν Πάτμῳ μονῆς ἔγγραφον. Ἐνωθεν τοῦ κειμένου σφραγίς κηρίνη ἐπὶ χάρτου λευκοῦ. Ὅρα φωτοτυπικὸν πῖνακα ς').

(Γ. Σ.)

+ Ἡμεῖς ὁ ἡγούμενος προηγούμενῆ τε καὶ μοναχοὶ καὶ ὄλοι οἱ π(α-τέ)ρες τοῦ μοναστηρίου τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Εὐαγγελιστοῦ τῆς νήσου Πάτμου. εἰς τὸ Ἀρτζηπέλαγος. δίδομεν πίστην βεβαίαν. καὶ βεβαιώνομεν εἰς ὄλους τοὺς ἐμπιστεμένους τοῦ Χριστοῦ τοῦ πῖητοῦ μας. πῶς ἀποστέλομεν τοῦ ηψηλοτάτου καὶ ἐκλαμπρωτάτου ημῶν αὐθεντὸς καπετὰν γενεράλε Ντωμένεγω Μουτζηνίγω. μισὴ βούκλα, ἀπὸ τὴν καδένα, μ(ἐ) τὴν ὁποίαν ἐξώσασαι τὸν ἴδιον ἅγιον Ἰωάννην εἰς τὸν καιρὸν τῆς ἁγίας του ἐξορίας. τὴν ὁποίαν τοῦ στέλνομεν διὰ σκέπος καὶ βοήθειαν αὐτοῦ. καὶ ἔστ(ω) διὰ διπλῆν βεβαίωσιν τῆς προσκυνήσεως καὶ στήμα ὅπου κάμομ(εν) εἰς τὴν ἡδιαν. τοῦ παραδίδομεν τὴν παρόν φέδε καὶ ἐξομολόγησιν ἀπόγραμμένη ἀπὸ τὸν ηγούμενον καὶ προηγούμενους. καὶ βουλομένη με τὴν βούλα τοῦ μοναστηρίου μας. εἰς ἀσφάλειαν καὶ βεβαίωσιν πάντων :

Ἐκ Πάτμου ἀπὸ τὸ ἅγιον μοναστήρι τοῦ εὐαγγελιστοῦ Ἰωάννου τοῦ Θεολόγου :

Ἐνέτι 1691

Φεβρουαρίου 5

εἰς τοπαλαῖον :

εὐ πρόειν εἰγούμενος Νικηφόρος ἱερομόναχος. μαρτηρῶ ὡς ἄνοθεν.

Γερμανὸς ἱερομόναχος καὶ προηγούμενος μαρτήρας ὡς ἄνοθεν.

+ Ὁ καθηγούμενος βασιλικῆς μονῆς Πάτμου Ἰάκωβος ἱερομόναχος.

31.

(Χάρτης μονόφυλλος μήκους 0.304, πλάτους 0.202, περιέχων ἐναφράγιστον ἰταλικὴν μετὰφρασιν τοῦ ὑπ' ἀριθ. 30 ἐγγράφου. Ἡ σφραγίς διαμέτρου 0.045, φέρουσα κύκλῳ τὰ γράμματα ταῦτα : IO. ANT. DE CAMILLIS. EPISCOPUS MILENSIS. ADMIN. APLI. SEDE INP.).

+

Traduttione dall' idioma greco.

Noi Abbate, e Predecessori, co monaci, co tutti li Padri del Monastero di S. Giovanni Evangelista dell' Isola di Patmos nell' Arcipelago facciamo fede à tutti i fedeli di Christo qualmente inviamo all' Illmo et Eccel^{mo} Sig. Cap. Gn^{le} Dom(eni)co Mocenigo mezzo anello dalla catena con la quale hanno cinto il med^{mo} s. Giovanni nel tempo della sua santa relegatione. il che gli mandiamo per sua protett^{ne} et aiuto. onde per la veneratione e stima che facciamo della detta catena, rilasciamo la presenta fede, et attestato, sottoscritto dall' Abbate, e precessori Abbati, sigillato col sigillo del nostro Convento. Di Patmos dal santo Monasterio di S. Gio: Evangelista detto Teologo 1691. febraro 5. s. v.

Il già Abbate Niceforo sacer^e monaco attesto ut supra.

Germano sacer^e monaco, e già Abbate attesto quanto sopra.

L' Abbate del Regio Convento di Patmos Giacobò sac^e monaco.

Gio: Antonio de Camillis per ^{gra} d' Idd^o e della santa sede apostolica Vescovo di Milo, et Argentae +

Facciamo fede haver tradotto il presente attestato dall' originale sottoscritto dall' Abbate, e da altri due suoi precessori del Convento di S. Gio: di Patmos, il carattere de' quali pienamente conosciamo, come pure il sigillo del detto Monastero. In fede di che +

Dato in Milo 17. Marzo 1691 s. v.

(T. Σ.) G. de Camilli vescovo di Milo +

ΤΕΣΣΑΡΑ ΠΡΩΤΟΤΥΠΑ ΕΛΛΗΝΙΚΑ ΓΡΑΜΜΑΤΑ

ΕΥΡΙΣΚΟΜΕΝΑ ΕΝ Τῃ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΙΚῃ ΔΗΜΟΣΙΑ ΒΙΒΛΙΟΘΗΚῃ

ΠΕΤΡΟΥΠΟΛΕΩΣ.

1.

1671, Μηνί 'Απριλίῳ 15.

(Χάρτης δίφυλλος, μήκ. 0.315, πλ. 0.23, οὗ ἡ πρώτη σελίς ἔχει κείμενον ἑλληνικὸν μετὰ πέντε σφραγίδων καὶ ὀκτώ ὑπογραφῶν, ἡ δὲ κατόπιν γαλλικὴν πρᾶξιν περὶ τῆς γνησιότητος τοῦ ἑλληνικοῦ κειμένου. Ἐνωθεν τοῦ ἑλληνικοῦ κειμένου εὐρίσκονται μέλανες τύποι τριῶν σφραγίδων, δύο δὲ ἕτεροι παραπλευρῶς, πρὸς ἀριστερὰν τοῦ ἀναγινώσκοντος. Ἡ πρώτη τούτων ἔχει περίξ τὴν ἐπιγραφὴν: + ΣΦΡΑΓΙΣ ΤΙΣ ΜΩΝΗΣ ΤΩΝ ΑΓΓΩΝ ΑΠΟΣΤΟΛΩΝ. Ἐντὸς δὲ τοῦ κύκλου τῶν γραμμῶν τούτων παρίσταται ὁ ἀπόστολος ΠΕ (= Πέτρος) καὶ ὁ ἀπόστολος ΠΑ (= Παῦλος), ἀμφότεροι ὄρθιοι καὶ ἐπὶ τῶν χειρῶν ὑψούντες ναὸν τρισυπόστατον καὶ πολυκάνδηλον· οὗ τὸ ὑποκάτω κενὸν πληροῦται δι' ἑστεμμένον δικεφάλου ἀετοῦ. — Ἡ δευτέρα σφραγίς ὡς μὴ καλῶς ἀποτυπωθεῖσα μένει δυσδιάκριτος· ἡ τρίτη ἐπίσης ἀνεπιτυχῶς ἀποτυπωθεῖσα, ἐκ τῆς ἐπιγραφῆς ὁμῶς αὐτῆς διακρίνονται ταῦτα ΒΟΥΛΑ ΤΗ — — — ΤΗ ΤΟΥ ΚΥΤΟΥΑΜΥΣΙΟΥ. Ἡ τετάρτη δυσδιάκριτος, σφύρουσα τὰ ἐξῆς γράμματα: — — — ΤΗΣ ΛΑΒΡΑΣ ΤῚ ΑΓΙῚ ΑΘΑ[νασίου]. — Ἡ πέμπτη παριστᾷ τὴν κοίμησιν τῆς Θεοτόκου καὶ κύκλῳ ἔχει τὴν ἐπιγραφὴν: + V ΚΟΙΜ[ησ]ΙC ΤΗΣ ΘΕΟΤΟΚῆC ΤΗΣ ΠΟΡΤΑΙΤΗCΙC ΤΩΝ ΙΒΗΡΩΝ... .ΟΡΟC. Σημειωτέον ἐτι, ὅτι ἐντὸς τοῦ διφύλλου τούτου εὐρίσκεται ἕτερος δίφυλλος χάρτης περιλαμβάνων γαλλικὴν τοῦ ἑλληνικοῦ κειμένου μετάφρασιν πρὸς χρῆσιν τοῦ γάλλου πρεσβευτοῦ Nointel. Ἐν τῇ μεταφράσει ταύτῃ προστίθεται, ὅτι ὁ Παρθένιος ἱερομόναχος εἶναι «religieux du monastere d' Eviron». Πρβλ. Perpétui-té de la foi de l' Eglise Catholique sur l' Eucharistie. Paris 1841, τ. 3, σ. XLIX).

Ἡμεῖς οἱ κάτωθεν ὑπογεγραμμένοι πρωεστοί, καὶ πατέρες τοῦ Ἁγίου Ὄρους μαρτυροῦμεν καὶ βεβαιώννομεν ἐν φόβῳ θεοῦ, ὅτι ὁ καλόγερός μας ὀνόματι Ἀγάπιος ἤδη τεθνηκὸς, ἔζησεν εἰς τὸ Ἁγιον Ὄρος μὲ παράδειγμα, καὶ ἀγιωσύνην, ὡς καθῶς τὸ μαρτυροῦσιν ἡ διατριβαῖς του καὶ κόποι του· μάλιστα τὸ βιβλίον τὸ λεγόμενον Ἀμαριολῶν Σωτηρία: τὸ ὁποῖον ὡσάν ὠρθόδοξος διδασκαλία φωτίζει καθὲ καλὸν χριστιανὸν πρὸς τὴν ὁδὸν τῆς σωτηρίας. καὶ διατὶ ἐναντιώννεται τῶν αἰρετικῶν Καλβινιστᾶδων: δίκτοντας τὰ ἐπτὰ μυστήρια τῆς πίστεώς μας κατὰ τὴν ὠρθόδοξον Ἀνατολικὴν Ἐκκλησίαν: ἐφεύρασι πῶς τέτοιον βιβλίον δὲν εἶναι τοῦ Ἀγαπίου μοναχοῦ: μὴν θέλοντας οἱ Καλβινιστᾶδες νὰ πιστεύψουσι περὶ τοῦ ἀχράντου μυστηρίου τῆς εὐχαριστίας; πῶς ὁ ἄρτος, καὶ ὁ οἶνος ἴστερα ἀπὸ τὸν ἀγιασμὸν τοῦ ἱερέως, δὲν εἶναι πλέον ἄρτος, καὶ οἶνος (ἀγκαλὰ καὶ φάνεται κατὰ τὸ εἶδος) ἀμὴ εἶναι ὁ ἄρτος μεταλλαγμένος εἰς ἴδιον, καὶ ἀληθινὸν σῶ-

μα τοῦ Χριστοῦ τοῦ ζῶντος: καὶ ὁ οἶνος εἰς ἴδιον, καὶ ἀληθινὸν αἷμα τοῦ Χριστοῦ τοῦ ζῶντος: ὡς καθῶς μὰς παραγγέλλει ἡ Ἀνατολικὴ Ἐκκλησία μας. τὸ λειπὸν διὰ βεβαίωσιν τῆς ἀληθείας μαρτυροῦμεν πῶς τέτοιον βιβλίον, καὶ ἄλλα πολλὰ ἐτυπώθησαν εἰς τὴν Βενετιὰν ἀπὸ τὸν ἴδιον Ἀγάπιον μοναχὸν τοῦ Ἁγίου Ὁρους: ἔτζι ἡμεῖς γνωρίζοντάς τον μὲ ὄρκον ὑπογράφομεν. ἐν Κωσταντίνουπόλει. ἡ Ἀπριλλίου αχοα.

- ∞ + Ἱερόθεος ἱερο(μόν)αχ(ος) ἐκ τῆς Λαύρας.
- ∞ + Γαβριὴλ ἱερο(μόν)αχ(ος) τοῦ Καρακάλου.
- ∞ Σεργηος μωναχος.
- ∞ + ὁ Κύριλλος τῆς Μεγάλης Συνάξεως.
- ∞ Παρθένιος ἱερομόναχος.
- ∞ Φιλάρετος ἱερο(μόν)αχ(ος) Διόνησιάτης.
- ∞ + ὁ Αθανάσιος προηγούμενος Κουτουλουμοσίου.
- ∞ + Κοσμάς. ἱερο(μόν)αχος.

(Ὅπισθεν τοῦ πρώτου φύλλου πράξις ἐνεφράγιστος ἔχουσα οὕτω):

Nous Charles François Olier Marquis de Nointel Conseiller du Roy en ses Conseiles, en sa Cour de parteman et son Ambassadeur aupres du Grand Seigneur Empereur des Turcs Certifions et attestons a tous qu' il appartiendra que nous estant informé de la verité du fait scavoir si Agapius avoit esté un religieux du Mont Athos, et s' il estoit veritable qu' il eut composé le livre Intitulé **Le Salut des pecheurs**, Touts ceux auxquels nous en avons parlé qui sont en grand nombre, Nous ont declaré qu' ils avoint cognu ce bon religieux, et qu' il estoit l' autheur du livre intitulé **Le Salut des pecheurs**, qui contient la Veritable doctrine de la presence réelle de Jesus Christ au saint sacrement, et de la trans Substantiation du pain et du vin en son corps, et en son sang, qui est celle de toute l' Eglise d' Orient, C' est ce qui nous a esté confirmé par des Religieux qui cognoissoint Agapius, et lesquels comme luy ayant fait leurs veux dans la sainte Montagne, et se trouvant maintenant a Constantinople n' ont pas fait difficulté d' attester cette verité par leur signature, et leur bulle que l' ont peut voir et lire de l' autre part, En foy de quoy Nous avons signé les presentes, et fait Contresigner par Nostre premier secretaire, et a Scelles apposer le scel de Nos Armes. Fait aux Vignes de Pera les Constantinople dans le pa-

lais de france Le Onziesme Jour de May Mil six cent soixante et onze. 1.

(Ὑπογρ.) *Olier de Nointel*

(Τ. Σ.)

Par mondict Seigneur.

(Ὑπογρ.) *De Blois.*

2.

1671, *Μηνὶ Ὀκτωβρίῳ ἰνδ. 10.*

(Χάρτης μονόφυλλος μῆκ. 0.413, πλάτ. 0.30. Πρωτότυπον πράξεως Χιαζῆς συνόδου. Γαλλικὴ μετέφρασις ἐν τῇ Perpétuité de la foi de l'Eglise Catholique sur l'Eucharistie, ἐκδ. Migne, Paris 1841, τ. 2, σ. 1128—1129).

Ζητήσεως οὐ σμικρᾶς ἐπιγενομένης, περὶ τῆς τῶν χριστιανῶν ὕγιους πίστεως. καίτινων ἐπιβεβαιούντων, καὶ λεγόντων τὴν Ἀνατολικὴν Ἐκκλησίαν ἔχειν τινα δόξαν σκολιάν τε, καὶ οὐκ ὀρθήν, καὶ φρονεῖν ἄπερ ἐκεῖνοι δοξάζουσι. πρὸς ἀναίρεσιν μὲν ταύτης, ἀναστύλωσιν δὲ τῆς ἀληθείας, ἐγράφησαν καὶ ταῦτα, ἀποΧίου, ἄπερ ὡς ὀρθὰ κατέχει· αὕτη ἡ Ἀνατολικὴ Ἐκκλησία. διὰ γραφῆς, καὶ ἁγίων πατέρων ἐπιβεβαιούμενα: — κατὰ τὸ. α. χ. σα ἔν μηνί. Ὀκτ(ω)βρ(ίω). ἰν(δικτιῶν)ος ι' +

Α Ἦ Μετουσίωσιν τοῦ ἄρτου καὶ τοῦ οἴνου εἰς σάρκα, καὶ αἷμα τοῦ Χ(ριστοῦ) διὰ ἱερέως τοῖς κυριακοῖς λόγοις γίνεσθαι πιστεύομεν ~

Β Ἦ Σὰρξ, καὶ αἷμα εἰσέρχεται εἰς τοὺς κοινωνοῦντας. ~

Γ Ἦ Μετὰ τὸν ἁγιασμόν μένει τὸ σῶμα, καὶ τὸ αἷμα ἐν τῇ ἁγίᾳ εὐχαριστίᾳ ~

Δ Ἦ Ἡ ἁγία εὐχαριστία προσφέρεται παρὰ τῶν ἱερέων διὰ ζῶντας, καὶ τεθνεώτας ~

Ε Ἦ Ἀρμόζει εἰς αὐτὴν προσκύνησις λατρευτικὴ. ~

ς Ἦ Ἡ Ἐκκλησία κανονίζει νηστείας, ὡς βούλεται. ~

Ζ Ἦ Ἐνα μεσίτην τοῦ προπατορικοῦ ἁμαρτήματος, καὶ τῶν προσωπικῶν τὸν Χ(ριστόν) λέγει. μετὰ δὲ τὴν ἀνάστασιν αὐτοῦ καὶ πάντας τοὺς ἁγίους εἰς τὰ χρειώδη ~

Η Ἦ Κατ' ἄλλον τρόπον προσκυνεῖται ὁ θεός, καὶ κατ' ἄλλον οἱ ἄγιοι, καὶ τὰ λείψανα αὐτῶν. ὁ μὲν θεός λατρευτικῶς, ἡ Παναγία ὑπερδουλικῶς, οἱ δὲ ἄγιοι δουλικῶς ~

Θ Ἦ Σχετικὴν προσκύνησιν ἀπονέμει ταῖς εἰκόσιν ~

Ι Ἦ Ἡ Ἐκκλησία ἔχει ἑπτὰ μυστήρια, τὸ βάπτισμα τὸ μύρον, τὴν ἁγίαν εὐχαριστίαν, τὴν μετάνοιαν, τὸ εὐχέλαιον, τὴν ἱερωσύνην, καὶ τὴν συζυγίαν ~

ΙΑ^{ον} Οἱ ἱερεῖς παρὰ τῶν ἐπισκόπων χειροτονοῦνται, καὶ ἀναγκαιῶς δεῖ παρ' αὐτῶν διοικεῖσθαι τὴν Ἐκκλησίαν ~

ΙΒ^{ον} Ὁφέλμος ἡ τῶν ἀγαθῶν ἐπισκόπων διοίκησις: ~

ΙΓ^{ον} Ἡ Ἐκκλησία κοινῶς οὐποτε σφάλλει ~

ΙΔ^{ον} Ἡ Ἐκκλησία διχῶς ὁρατὴ, καὶ ἀόρατος, ἡ κάτω ὁρατὴ, καὶ ἡ ἄνω ἀόρατος ~

ΙΕ^{ον} Τὰ βιβλία τοῦ Τωβίτ, τῆς Ἰουδήθ, τῆς Σοφίας, τοῦ Σειράχ, τοῦ Βαροῦχ, τῶν Μακαβαίων εἰσὶ μέρη τῆς Γραφῆς, καὶ ἀναγινώσκονται +

+ Ὁ πρόεδρος Χίου Ἰγνάτιος +

+ Ὁ οἰκονόμος Χίου ἱερεὺς Στέφανος.

+ Ὁ σκευοφύλαξ Χίου ἱερεὺς Ἀντώνιος.

+ Ὁ σακελίου Χίου ἱερεὺς Κωνσταντῖνος —

+ Ὁ ἐκκλησιάρχης Χίου ἱερεὺς Νικόλαος.

+ Ὁ ἱερομνήμων Χίου ἱερεὺς Μαρίνος: —

+ Ὁ ὑπομνηματογράφων Χίου ἱερεὺς Ἰωάννης: —

+ Ὁ διδάσκαλος τοῦ Εὐαγγελίου Νικόλαος ἱερεὺς ~

+ Κλήμης ἱερομόναχος τῆς Ἀδελφότητος τῶν Ἁγίων Ἀναργύρων. ~

+ Παρθένιος ἱερομόναχος τῶν Ἁγίων Ἀποστόλων: ~

+ Ὁ πρωτονοτάριος Χίου, Μανουήλος Σάκης, βεβαιῶν ὑπέγραψα +

+ Ἱερομόναχος καὶ πρῶην ἡγούμενος τῆς Νέας Μονῆς ÷

+ Ὁ χαρτοφίλαξ Χίου ἱερεὺς Γεώργιος.

+ Ὁ πρωτέδικος Χίου ἱερεὺς Μιχαήλ

+ Ὁ ῥήτωρ Χίου ἱερεὺς Νικόλα —

+ Ὁ δῆκαίοφῆλεα (sic) Χηοῦ η̄ρες Μιχαηλ

+ Ὁ λογοθέτης Χίου ἱερεὺς Φώτιος

+ Γαβριήλ ἱερομόναχος καὶ διδάσκαλος τῆς Ἀδελφότητος τοῦ Ἁγίου Βίκτορος.

(Ὅπισθεν τοῦ αὐτοῦ φύλλου).

Nous Charles francois olier de Nointel Conseiller du Roy en ses Conseils, et son Ambassadeur en Levant certifions, et attestons que l'attestation escrite de l' autre part, Nous a esté mise entre les mains par Ignace Archevesque du Rite Grec, de l' isle de Chio, lequel nous a déclaré de vive voix, qu' ayant donné son consentement avec son clergé a la verité, qui y est contenuë, et dont Nous desirions d' avoir l' esclarcissement, il a creu qu' il y alloit de la gloire de son Eglise de la souscrire, comme il a fait apres une conclusion prise avec ses principaux Ecclesiastiques. Lesquels au nombre de seize l' ont' confirmé par leurs

signatures, c' est ce que cet Evesque Nous a prié de certifier, et Nous le faisons dautant plus volontiers, que ce Prelat ayant toujours esté grand Ennemi du Rite des Romains, Jusqu' a venir la force a la main dans leurs Eglises pour les en despouiller, a son Oeconome qui a signé le premier apres luy, ayant poussé sa passion encore plus loing en divers rencontres, leur tesmoignage doit paroistre au dessus de toute collusion, c' est le Jugement que Nous en faisons, et que Nous rendons public par nostre signature, et le sceau de nos armes, ordonnants qu il sera contresigné par nostre pnemiere secretaire. Donné aux Vignes de Pera Les Constantinople au Palais de france Le quatriesme Jour de Juillet Mil six cent soixante douze. 1.

Olier De Nointel

(T. Σ.)

Chio.

Par Mondict Seigneur
De Blois

3.

1671, *Μηνι 'Οκτωβρίω* 14.

(Δίφυλλος χονδρός χάρτης μήκ. 0.45 πλ. 0.308, οὐ τρεῖς σελίδες περιλαμβάνουσι τὸ ἑλληνικὸν κείμενον, ἡ δὲ τετάρτη γαλλικὴν ἐναφράγιστον ἐπικύρωσιν τοῦ πρωτοτύπου ἑλληνικοῦ κειμένου καὶ τῶν ὑπὸ τοῦτο ὑπογραφῶν. Σημειωτέον ὅμως ὅτι αἱ μετὰ τὸ ὄνομα τοῦ ἡγουμένου Μακαρίου ὑπογραφαί, πᾶσαι ἀνεξαιρέτως, εἶναι κεχαραγμέναι διὰ τῆς χειρὸς τοῦ Μακαρίου. Τὸ πρῶτον γράμμα τοῦ ἑλληνικοῦ κειμένου, τὸ Η, εἶναι μέγα κόκκινον καὶ περικεκοσμημένον δι' ἀνθέων, ἐφ' ὧν ὑψοῦται βασιλικὸν σταυροφόρον στέμμα. Γαλλικὴν τοῦ κειμένου μετάφρασιν ὄρα ἐν τῇ *Perpétuité de la foi* κτλ., ἐκδ. *Migne*, τ. 2, σ. 1113—1134. Αὐτόθι καὶ διήγησις τοῦ de Nointel περὶ τῆς μεταβάσεώς του εἰς τὴν μονὴν Μαυρομόλου, σ. 1129 κέ.).

Ἡ ἁγία καθολικὴ καὶ ἀποστολικὴ Ἐκκλησία· ἡ Ἀνατολικὴ ἐπιστηριγμέν(η) ἐν ταῖς εὐαγγελικαῖς ἱστορίαις καὶ ἀποστολικαῖς παραινέσεσι θύει διὰ τῆς θείας ἱερουργείας τα ἄχραντα καὶ σωτήρια μυστήρια, καὶ ἐπιτελεῖ τὴν ἀνάμακτον μυσταγωγίαν εἰς ἀνάμνησιν τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰ(ησοῦ) Χ(ριστοῦ) ταύτην δε τὴν θείαν λατρείαν διὰ ἄρτου καὶ οἴνου τελεῖσθαι· ἐδογματίσεν καθὰ καὶ αὐτὸς ὁ κύριος τοῖς ἁγίοις αὐτοῦ μαθηταῖς· καὶ ἀποστόλοις δέειπνον μυστικὸν ποιήσας *λάβετε φάγετε τῶνιο ἐστι τὸ σῶμα μου* λαβὼν τὸν ἄρτον· *καὶ πίετε ἐξ ἀνιοῦ πάντες τῶνιο ἐστι τὸ αἷμα μου* λαβὼν τὸ ποτηριον εἰρηκῶς ἐνετέιλτο. κατὰ τοναυτὸν οὖν τρόπον καὶ ὁ ἱερεὺς τοὺς αὐτοὺς λόγους ἐπιπὼν ἐν τῇ ἱερα μυσταγωγίᾳ δέεται τὸν προτεθέντα ἄρτον καὶ δινον σῶμα καὶ αἷμα Χ(ριστοῦ) γένεσθαι καὶ τῇ ἐπικλήσει τοῦ ἁγίου καὶ τελετάρχικοῦ πνεύματος ἐυλογήσας ἀμφότερα εἰς σῶμα τέλειον καὶ τέλειον αἷμα μεταποιεῖται· οὕτω μεν φρονεῖ ὁμολογεῖ καὶ πιστεύει· ἡ ἀγιανατολικὴ ἐκκλησία μηδὲν ἀποροῦσα ἢ ἀμφιβάλλουσα ἢ τὸν τρόπον ζητοῦσα τρόπος γάρ

μόνη ἢ ἐπίκλησις τοῦ ἁγίου πνεύματος τοῦ ἐξ ὄκων ὄντων εἰς το εἶναι τὰ πάν-
 τα· παραγαγόντος· λύσις δε μιᾶς ἐκάστου ἀπορίας ἢ πιστης καὶ γὰρ ἢ πί-
 στις ἀδιάκριτός· τις συγκατάθεσις τῶν ἀκουσθέντων ἐν πληροφορία τῆς ἀλη-
 θείας ἐστὶ καὶ λέγεται κατὰ τὸν οὐρανοφάντορα Βασιλεῖον ὁ γὰρ πιστεύων ὁ
 μόνος τοῖς κειμένοις αἰσθητοῖς ἀλλὰ τοῖς νοητοῖς ἐπιβλέπει καὶ ὡσπερ ἐπὶ τοῦ
 βαπτίσματος διὰ τοῦ αἰσθητοῦ ὕδατος τὴν ἀναγέννησιν καὶ ἀνακαινίσιν γίνε-
 σθαι πιστεύομεν οὕτω καὶ ἐπὶ τῆς ἱεράς τελετῆς τὸν προτεθέντα καὶ ἁγια-
 σθέντα ἄρτον καὶ δινον σῶμα καὶ αἷμα Χ(ριστο)ύ τελεῖσθαι πείδομεθα ταύτῃ
 δὲ τὴν θυσίαν διὰ ἄρτου ἐνζύμου ἀνελλιπούς καὶ τελείου· καὶ διὰ οἴνου γίνε-
 σθαι οἱ ἅγιοι πατέρες ἀπεφώνησαν· ὡσπερ καὶ ὁ σαρκωθεὶς θεὸς τέλειος ὢν
 κατὰ τε τὴν θεότητα καὶ ἀν(θρῶπ)ότητα ὁ γὰρ ἄρτος τὴν δικῆν σάρκα τοῦ υἱ-
 οῦ τοῦ θεοῦ καὶ ὁ οἶνος τὸ αἷμα αὐτοῦ ἀνίτεται καθὰ καὶ ἡ αὐτωσοφία καὶ
 ἀλήθεια πρὸ τοῦ μυστικῶ δέιπνον ἐν πολλαῖς ταῖς διηγήσεσι περὶ αὐτοῦ ἐφη
*ἐγὼ εἰμι ὁ ἄριος ὁ ἐκ τῶν οὐρανῶν καταβάς καὶ ζωὴν διδούς τῷ
 κόσμῳ καὶ ἀλλαχθὲν ἐάν τις φάγη ἐκ τούτου τοῦ ἄρτου ζήσεται εἰς τὸν
 αἰῶνα· καὶ πάλιν ἐάν μὴ φάγητε τὴν σάρκα τοῦ υἱοῦ τοῦ ἀνθρώπου,
 καὶ πίνετε αὐτοῦ τὸ αἷμα οὐκ ἔχετε ζωὴν ἐν ἑαυτοῖς* αὐτοῦ δὲ ἐσθίουτος
 αὐτοῦ μετὰ τῶν ἱερῶν μαθητῶν ἄρτον αὐτοῖς καὶ οὐκ ἄζυμα ἐκλασε ὡς οἱ εὐ-
 αγγελισταὶ ἐκκηρύττουσι λαβὰν ὁ *Ι(ησο)ύς τὸν ἄρτον, φασί, ἐκλασε καὶ
 ἐδίδου αὐτοῖς καὶ εἶπε λάβετε φάγετε τοῦτο ἐστὶ τὸ σῶμα μου
 ἀλα καὶ ἴακωβος ὁ ἀδελφός* θεός ὁ καὶ πρῶτος ἱεράρχης Ἱεροσολύμων παρα-
 του μεγάλου ἀρχιερέως Χ(ριστο)ύ χειροτονηθεὶς καὶ πρῶτος ἐπίδειξας ἡμῖν
 τὴν θεῖαν ταύτην μυσταγωγίαν διὰ ἄρτου ἐνζύμου αὐτὴν ἐποίησε. καὶ περὶ
 Χ(ριστο)ύ διηγούμενος. ἔλεγε. *λαβὼν ἄρτον ἐπὶ τῶν ἁγίων καὶ ἀχραν-
 των καὶ ἀμώμων· καὶ ἀθανάτων αὐτοῦ χειρῶν, καὶ ἐπομενωσ οἱ θεοὶ καὶ
 ἱεροὶ, διδάσκαλοι οἱ τῆς ἀληθείας κύρυκες καὶ ὑπέρμαχοι ὁ τε θεὸς Βασι-
 λειος καὶ ἱερός Χρυσόστομος καὶ οἱ λοιποὶ τῆς τε Ἀνατολικῆς καὶ Δυτικῆς
 Ἐκκλησίας μέχρι Ἀλεξάνδρου πρώτου πάπα Ῥώμης διὰ ἄρτου ἐνζύμου ἱε-
 ροῦργον· ἀπὸ δε τούτου ἢ μεν Ῥωμαϊκὴ Ἐκκλησία, διὰζύμου μυσταγωγεῖν
 ἤρξατο· ἢ δὲ Ἀνατολικὴ τῆς ἐνζύμου οὐδέποτε παρετράπη. Ἰουδαῖοι γὰρ τὰ
 ἄζυμα ὡς καὶ τὴν περιτομὴν, καὶ τὰ τοῦ παλαιοῦ νόμου λοιπὰ ἐτέλουν ἢ
 μεῖς δὲ ὡς οὐδὲν τοῦ παλαιοῦ νόμου πράττομεν· ἀλλὰ τῆς Καινῆς Διαθήκης
 ἐκλογὴ ἐσμέν οὐδὲ τὰ ἄζυμα ποιητέον αἱ γὰρ σκυαὶ τοῦ νόμου εἰς ἀλή-
 θειαν μετήχθησαν ὡς ὁ θεὸς Χρυσόστομος ἐκδιδάσκει λέγων· ἐκεῖ τουτέ-
 στιν ἐν τῷ παλαίῳ νόμῳ· τὸ γράμμα· ὡδε τὸ πνεῦμα· ἐκεῖ καὶ ὁ ἀμνὸς ὡ-
 δε ὁ Χριστὸς ἐκεῖ τὰ ἄζυμα· ὡδε ὁ ἄρτος· καὶ τέως ὡς οἱ ἀπόστολοι οἱ ἐν-
 ζύμου ἄρτου οὕτω καὶ ἡ οἰκοδομουμένη ἐπὶ ταῖς αὐτῶν ὁμολογίαις Ἀνα-
 τολικῆ Ἐκκλησία μὴδὲν ἀπολυπούσα τῆς ἀληθείας ἢ ὀρθῆς πίστεως ἐκτε-
 λεῖ μὲν καὶ δογματίζει.*

Ευκοσμεῖται ἔτι ἡ ἁγία Ἀνατολική Ἐκκλησία καὶ διὰ τῶ ἁγίων εἰκό-
νων τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χ(ριστο)ύ· τῆς θεομήτορος — παρθένου Μαρίας
καὶ πάντων τῶν ἁγίων αὐτὰς δε προσκυνεῖν δὲ οὐ λατρευτῶς· ἀλλὰ σχετι-
κῶς ἐντελλεται· ὅτι γὰρ θεὸς ἡ εἰκὼν ἢ παρθένος ἢ ἁγίοι ἀλλὰ πρωτότυπα
καὶ ἀρχέτυπα τοῦ πάντων δημιουργοῦ καὶ αὐτῆς τῆς μητροπαρθένου· καὶ
τῶν ἁγίων· προσκυνοῦντες δὲ ὅτι μικρὰς τὰς ἐνεργείας ἀπολαμβάνομεν ὁρῶν-
τες γὰρ· ἐν εἰκόνι τὸν σταυρὸν τοῦ Χ(ριστο)ύ καὶ τα ἄχραντα πάθη τῆς θεί-
ας ἀγάπης καὶ τοῦ περὶ ἡμῶν δίκτρου μνημονέομεν αὐτῶν ὅτι τῶν εἰκόνων
πρῶτος ὁ θεὸς Λουκᾶς τὸν τρόπον παρέδωκεν· ἀλλὰ καὶ ἐποφειδόμενον σέβας·
αὐτοῦ δίδοσθαι παρὰ τῶν ἁγίων ἐντέταλται πατέρων ἔυλογον γὰρ καὶ αἰδέ-
σιμον τῆν τούτων προσκύνησιν ἔχριναν· διὸ εἰ καὶ ἀπίστως καὶ τυραννικῶς·
τῆς ἁγίας, Ἐκκλησίας ἀποβάλλειν ποτέ τινες ἐπέειρασαν ἀλλὰ πάλιν των δει-
νῶν Εἰκονομάχων θεία δίκη ἀναιρεθέντων παρὰ τῆς ἁγίας. ζ. συνόδου μετὰ
προσηκούσης τιμῆς καὶ ἐυλαβείας ἀνέλκθησαν καὶ προσκυνεῖσθαι διετάχθη-
σαν· περὶ τούτων τῶν ἁγίων· εἰκόνων· ἀλλὰ καὶ περὶ τῆς ἱεῤῃς μυστα-
γωγίας

Ἀγάπιος τις μοναχὸς ἐκ μὲν τῆς νήσου Κρήτης ὀρμώμενος εἰς δὲ το
Ἄγιον Ὅρος τὸν βίον ἀσκητικῶς· καὶ θεαρέστως διατρίψας βίβλους ὅχι ὀ-
λίγας μάλιστα δὲ τὴν ἐπικαλουμένην· Ἀμαριολῶν σωτηρίαν ἔγραψέ τε
καὶ εἰς κοίνην ὠφελείαν ἐτύπωσε· ἐξ αὐτῶν τὰ πλεῖστα καταλαβεῖν τῶν α-
ναγινωσκόντων ἕκαστος ἔχει ἐπὶ τούτου ἂς καὶ αὐτὸς αὐτὰς ἐκ πολλῶν πα-
λαιῶν καὶ νέων διδασκάλων συνάξας πόνω καὶ μόχθῳ εἰς εὐκαιρίαν περιε-
ποιήσατο καὶ ὡς ἀληθῆς τοῦ εὐαγγελικοῦ λόγου διατηρήτης· καὶ περιποθη-
τος τὸ τάλαντον ἐπολυπλασίασεν· καὶ τὸν βίον πάντα (= πάντα) ἅγιος· τοῖς
ὁμοίοις ἐργοῖς διαπερασας· ἐν κυρίῳ ἀνεπαύσατο· εἰς ἔνδειξιν ἀσφαλῆ καὶ βε-
βαίαν ὁμολογίαν τῆς ἱερας τελετῆς τῆς προσηκουσης προσκυνήσεως τῶν ἁ-
γίων εἰκόνων καὶ τῆς μοναδικῆς καὶ ἀσκητικῆς πολιτείας τοῦ αὐτοῦ Ἀγαπίου
το παρ (= παρὸν) γράμμα πᾶσι τοῖς χριστιάνοις· καὶ μάλιστα τῷ τὴν ἀλή-
θειαν τῆς πίστεως τῆς Ανατολικῆς Ἐκκλησίας περὶ τούτων· τῶν κεφαλαίων·
ζητήσαντι· εὐγενεστάτω καὶ ἐξοχοτάτω· κυρίῳ Καρόλῳ Φραγκίσκῳ· Ολιεριῳ
Ἐναρχίῳ (=μαρκίῳ) Νοῖντελιῳ τοῦ τῆς Φράντζας δυνατοτάτου βασιλέως
ἀξιοτάτω πρεσβευτῆ δέδοται παρὶ ἡμῶν ὑπογεγραμμένων: ~~██████████~~

Ἐν τῷ ἡμετέρῳ μοναστηρίῳ τοῦ Μαυρομόλου ἐν τῇ του Ὀκτωβρί-
ου 18

Ἐνέτει ἀπὸ Χριστοῦ ἀχρα +

+ Ο καθυγούμενος τῆς θείας ἱεῤῃς καὶ σταυροπιγιάκῆς μωνῆς τῆς
ὑπεραγίας Θεοτόκου του Μαυρου μόλου Μακάριος ἱερομῶναχος· καὶ οἱ
σύνεμοι ἐν Χ(ριστ)ῷ ἀδελφοί +

- + Κύριλος ἱερομῶναχος· καὶ σκευοφύλαξ, τῆς ἁγίας μωνῆς ταύτης +
- + Παρθενῖος ἱερομῶναχος· καὶ προτταίφουμέριος τῆς ἁγίας μωνῆς ταύτης +
- + Καληνίκος ἱερομῶναχος τῆς ἁγίας μωνῆς ταύτης +
- + Δανῖλ ἱερομῶναχος· τῆς ἁγίας μωνῆς ταύτης +
- + Γερμανός ἱεροδιακων τῆς ἁγίας μωνῆς ταύτης +
- + Καὶ πάνταις οἱ ἀδελφοὶ τῆς ἁγίας μωνῆς ταύτης ἔρρωσθεν: +

(Γαλλικὴ ἐπικύρωσις τοῦ αὐτοῦ ἐγγράφου).

Nous Soubsignés Certifions et Attestons a tous ceux qu' il appartiendra, que l' attestation qui est exprimée de l' autre part Nous a esté mise entre les mains par Macarius Superieur de l' abbaye Mauromole qui nous a assureé de l' avoir escritte entierement, Et qui a recognu Sa Signature en nostre presence, pour l' avoir mise de son propre mouvement, et comme une preuve des verités que croit l' Eglise Grecque, Il nous a aussi declaré que pour les rendre plus Authentiques il avoit assemblé Ses Religieux, et qu' ayants tous affirmé qu' ils croyoient la presence recelle de Jesus Christ au Saint Sacrement, La Conversion du pain et du vin en son corps, et en son sang, L' Invoquation des Saints, Et qu' ils avoient cognu Agapius pour un pieux personnage, et pour estre l' autheur du livre Intitulé **Le Salut des pecheurs**, Il avoit escrit ensuite de son nom ceux des Cinq principaux d' entre Euz, Et compris les autres en general, La coustume n' estant pas qu' ils signent, mais que l' abbé ayant signé declare que c' est leur sentiment, qu' il a trouvé que c' estoit l' ordre de sa maison d' en user ainsi, et qu' il a creu que ce n' estoit pas s' en esloigner que d' en nommer quelques uns en particulier. Nous Avons mesme Interrogé les Religieux y desnommés qui nous ont certifié toutes ces verités tant au fonds qu' en la forme, En foy de quoy Nous avons signé, et fait apposer le seel de nos Armes, et Contreseing de nostre premier Segretaire. Donné Aux Vignes de Pera Les Constantinople au Palais de France le Vingt sixiesme Jour d' Octobre Mil Six Cent Soixante Unze. 1.

(Υπογρ.) *Olier de Nointel* ambassadeur de sa maiesté
a la porte.

(T. Σ.)

Par mondict Seigneur
(Υπογρ.) *De Blois*

1691, *Μηνὶ Φεβρουαρίῳ.*

(Μονόφυλλος τουρκικός χάρτης, χονδρὸς καὶ λείος, μήκους 0.59, πλάτους 0.44. Ὅπισθεν ἔχει τὸ ἐξῆς: « + Τῷ μέγα σεβαστοκράτορι | βεζήρι καὶ καθολικῷ τῆς | βασιλείας ἐπιτρόπῳ, | προσκυνητῶς ἐν | χειρισθῆ ». Ἄνωθεν τοῦ κειμένου τοῦ γράμματος ὑπάρχει σφραγὶς ἐντοπος διὰ μελάνης, διαμέτρου 0.40, ἣς τὸ μέσον κατέχει παράστασις εἰκόνος τῆς Ἁγίας Τριάδος, τὸ δὲ περίε ἢ ἐπιγραφή: + ΤΗC ΘΕΙΑC Π(ατ)ΡΙΑΡΧΙΚΗC CΤ(αυ)ΡΩΠΗΓΙΑΚΗC ΜΟΝΗC (τῆ)C ΠΑΝΤΕΡΓΩ ΤΡΙΑΔΟC ΕΝΗCΩ ΧΑΛΚΗ. Τὸ πρῶτον τοῦ κειμένου στοιχείον, τὸ Τ, πολὺ μέγα, περικεκοσμημένον δι' ἀνθέων καὶ φέρον ἄνωθεν βασιλικὸν μετὰ σταυροῦ στέμμα).

Τῷ μέγα καὶ περιφανεῖ καὶ ἐλαμπρωτάτῳ καὶ συνετωτάτῳ ἄρχοντι καὶ ἡγεμόνι τῶν ἡγεμόνων, καὶ πρῶτῳ τῶν προκαθεζομένων μεγιστάνων, μεγίστῳ κνέζῃ καὶ σεβαστοκράτορι βεζήρι τῆς κραταιᾶς καὶ ὑπερκειμένης ὀρθοδοξωτάτης βασιλείας Μοχοβίας καὶ καθολικῷ ἐπιτρόπῳ, κυρίῳ, κυρίῳ _____ τῷ καταπάντα προτεύοντι, οἱ ταπεινοὶ δοῦλλοι καὶ εὐχαῖται αὐτῆς ἱερομόναχοι τε καὶ μοναχοὶ οἱ τὴν ἱερᾶν οἰκοῦντες μονὴν τῆς παναγίας καὶ ζωαρχικῆς Τριάδος τῆς ἐν τῇ νήσῳ Χάλκης. δουλικὴν καὶ ἐδαφιαίαν μετανοίαν καὶ προσκύνησιν ὀλωψυχῶς κωμίζομεν, δεόμενοι τῆς μακαρίας καὶ ζωοποιοῦ καὶ ἀδιερέτου Τριάδος τοῦ ἐνὸς τῇ φύσει μόνου θ(εο)ῦ, ἵνα στεραιοῖ καὶ διαφυλλάττοι τὴν ὑψηλλότητά της, ἄνοσον, ἔυθυμον, ὑγιεῖ, εὐτυχεῖ, καὶ μακρόβιαν, καὶ πάσης ἐναντείας ἀνώτερον ἀμὴν: ~

Γνωστὸν ἔστω τῷ κράτει τῆς θεοσεβείας σου αὐθέντα μέγα κνέζῃ καὶ ἐπίτροπε τῆς θεοσῶστου βασιλείας Μοσχοβίας, κύριε _____ ὅτι τὸ σεβάσμιον ἡμῶν καὶ ἱερὸν τοῦτο μοναστήριον, ὅπερ κεῖται πλησίον Κωνσταντινουπόλεως κατὰ τὴν Ἀνατολικὴν γῆν πλησιάζουσιν ἐν τινὶ νήσῳ ὀνομαζομένη Χάλκη, ἀφῆς καὶ ἡ Χαλκηδόνα τὴν ἐπωνυμίαν ἐκτήσατο. ἐπέχον δὲ ἀπὸ Κωνσταντινουπόλεως κατὰ ἕρουρος ὡς μίλλια δεκαπέντε. ὑπήρχε δὲ πρῶτον στοῦδιον σοφίας καὶ μαθημάτων, οὐ μόνον μοναζόντων; ἀλλὰ καὶ βασιλέων καὶ ἀρχόντων. ἐν δὲ τοῖς καιροῖς ἐν οἷς ἐπολεμεῖτο ἡ Κωνσταντινούπολις, θ(εο)ῦ παραχωρήσῃ ὑπὸ τῶν Ἀγαρρηῶν. κατηδαφίσθη καὶ ἐρυμώθη ὑπαυτῶν, ὕστερον δὲ ἐν τοῖς καιροῖς τῆς ἐπικρατείας σουλτάν Σουλεϊμάνη, ἀνακαινίσθη παρα Μητροφάνους π(ατ)ρίάρχου Κωνσταντίνου πόλεως. καὶ πάλιν παρὰ Ἱερεμίου ἐκαλοπίσθη καὶ εἶναι: καὶ λέγεται πατριαρχικὸν σταυρωπίγειον μέχρι τὴν σήμερον . . . πλὴν αἱ τοῦ καιροῦ ἀνωμαλῖαι, καὶ τὰ ἄπειρα βάρει τῶν ἐπικρατούντων Ἀγαρρηῶν μάλιστα τὰ νῦν νέα φορτία καὶ κεφαλοχάρτζια, καὶ ἡ νέα βοήθεια ἅτινα ἐρύθησαν εἰς τὰ πτωχὰ μοναστήρια, ἐκλόνουσαν ἡμᾶς καὶ ἐβύθησαν ψυχηκῶς τε καὶ σωματικῶς, καὶ ἐχρειώθημεν ὑπὲρ τιμῆς τῶν τῆς πραγμάτων μονῆς, καὶ πολλοὶ τῶν πατέρων ἔφυγον, καὶ οἱ ἐναποληφθέντες οὐ μόνον τῆς ἐφ' ἡμέρου τροφῆς ὕστεροῦμεθα; ἀλλὰ καὶ πάνδεινα φυλακάς τε καὶ μάστιγας ὑποφέρομεν καθεκάστην ἐ-

πικαλοῦμενοι τὸν θάνατον ὡς εὐεργέτην. ὄθεν τὰ τοσαῦτα πάνδεινα θεωρῶν-
 τες τινὲς τῶν φρονήμων ἐσυμβούλευσαν ἡμᾶς ὅπως καταφυγεῖν εἰς τὸ μέγα
 σκέπος τῆς θεοφιλάκτου ὑμῶν βασιλείας καὶ ἐτεῖν ἔλεος σωτηρίας. ὄθεν καὶ
 μῆν ἔχοντες ἄλλην μετὰ θεοῦ ἐλπίδα. ἐσυμφωνήσαμεν ἅπαντες, ἐκλεξάμε-
 νοι τὸν πανόσιώτατον ἐνιερομονάχους καὶ ἀρχιμανδρίτην νέον, τὸν ἀγαπητὸν
 ἡμῶν ἀδελφὸν κύριον πα _____ μετὰ τῆς συνωδίας αὐτοῦ _____
 ἱερομονάχῳ, τῷ κελάρι. καὶ ἀγίῳ μοναχῷ _____ καὶ ἱεροδιάκονι
 _____ καὶ ἐπέμψαμεν αὐτοὺς ἐν τῷ ἐλέει τῆς βασιλείας ὑμῶν, ἀφιε-
 ρῶντας ἐν αὐτῇ καὶ ὅλον τῷ ἐρεῶν ἡμῶν τοῦτο καὶ σεβάσιμον μοναστύ-
 ριον τῆς παναγίας Τριάδος τῆ τοῦ Ἐσώπτρου, διὰ μέσον τῶν ἐπιπεφρόν-
 των τὸ παρὸν ἡμῶν ἀδελφῶν. — διὸ παρακαλοῦμεν προσκυνητῶς καὶ γονυ-
 πετῶς, ὅπως δέξασθαι αὐτοὺς ἰλέως καὶ εὐμενῶς καὶ εὐπροαιρέτως, καὶ συν-
 δράμητε καὶ βοηθήσεται ἐν λόγῳ, ἔργῳ, καὶ ἐλεημοσύνη εὐπροαιρέτῳ, καὶ
 παραστήσητε αὐτοὺς ἐνόποιον τῶν θειωτάτων βασιλέων, καὶ ὥσον ἐστὶ τῆς χρι-
 στομειμήτου σου ψυχῆς φιλαδελφία καὶ ἔλεος, συνδράμεται τὰ πρὸς βοήθειαν
 καὶ σύστασιν τοῦ πτωχοῦ μοναστηρίου συντείνοντα. καὶ τοῖς θεοστέτοις ἄ-
 ναξιν εἰς ἴκτον φιλανθρωπίας παρακινουῦντα. τὴν γὰρ ἀξίαν τῶν ἐλεούτων
 Δα(βὶ)δ ὁ προφητικώτατος κηρίττη μεγαλλοφῶνως λέγων, *δίκαιος ἀνὴρ*
ὁ οἰκίηρον καὶ κηρῶν, καὶ ὁ κύριος ἡμῶν Ἰ(ησοῦ)ς Χ(ριστὸ)ς διὰ τῶν
 καλῶς τὰ προσκαιρα οἰκονομοῦντων, ἀπειροπλασίους ἀμειβᾶς ἐν τῷ μέλλοντι
 ὑπεισχύται. *εὐ δοῦλε ἀγαθὲ φησὶ, καὶ πιστὲ, ἐπὶ ὀλίγα ἡς πιστὸς ἐ-*
πιπολλῶν σε καιασίησω. Ταῦτα τῆ θεοσεβεστάτη σου ψυχῇ πρεσβεύωμεν,
 ὅπως καὶ τὸ παρὸν διασῶσθαι σεβάσιμον μοναστύριον. καὶ τὰς ἐνταῦθα κιν-
 δυνευοῦσας ψυχὰς τῶν ἱκετῶν σας ἐλευθερώσθαι διασωτηρίαν τῆς ψυχῆς
 σας, καὶ μνημόσυνον τῶν μακαρίων γονέων σας. Γράφεται δὲ καὶ τὰ τίμια
 σας ὀνόματα νὰ μνημονεύονται διὰ παντός. καὶ ἀξιώσεται διαχρυσσοβοῦλου καὶ
 βασιλικοῦ ὑμῶν γράμματος, ταχύτερον ἐλθεῖν πρὸς ἡμᾶς, ὅπως καὶ ἡμεῖς
 τῶν δεινῶν ἐλευθερωθέντες. καὶ τύχωμεν ἀναισιν, καὶ χρεωστικῶς πρὸς θεοῦ
 τὰς δεήσεις ὑπὲρ ὑγείας καὶ σωτηρίας ὑμῶν ἀναφέρομεν μέχρι παντῶς
 αἰώνως. αὐτὸς δὲ ὁ τρισπόστατος κύριος καὶ μόνος θεὸς ἀλιθεινός. ἀν-
 ταμείφοι ὑμῖν τὰς ἀμειβᾶς μυριοπλασίους. καὶ μετὰ βαθυτάτου γήρους, καὶ
 πολλῆς νίκας καὶ τρόπαια, ἀξιώση ὑμᾶς καὶ τῆς οὐρανοῦ αὐτοῦ βασιλείας
 μετὰ πάντων τῶν δικαίων καὶ ἀγίων ἀμήν: — Ἐν μηνὶ Φεβρουαρίῳ, ἀχῆτα +

∞ + Ο κατηγοῦμενος τῆς ἱερᾶς π(ατ)ριαρχικῆς μονῆς τῆς πα-
 ναγίας Τριάδος τῆς ἐν τῇ Χάλκῃ τῆ τοῦ Ἐσώπτρου, Διονύσιος ἱερομό-
 ναχος καὶ οἱ συνεμοὶ ἀδελφοὶ καὶ εὐχάιται αὐτῆς: +

ΠΙΝΑΞ ΟΝΟΜΑΤΩΝ

- Ἄβραϊμ ὁ δίκαιος 15.
 Ἀγάπιος, μητροπολίτης Κυζίκου 21.
 Ἀγάπιος Κρής (ὁ Λάνδος) 41, 42, 47, 48.
 Ἀγαρηνοί 13, 31, 49.
 Ἄγιοι Ἀνάργυροι· ναὸς αὐτῶν ἐν τῇ νήσῳ Μήλω 3, 4, 10.
 Ἔτερος ἐν τῇ πόλει Χίψ 44.
 Ἄγιοι Ἀπόστολοι· ναὸς αὐτῶν ἐν τῇ πόλει Χίψ 44. Μοναστήριον ἐν Ἀγίῳ Ὄρει 41.
 Ἄγιον Ὄρος 41, 42, 47.
 Ἄγιος Βίκτωρ· ναὸς ἐν τῇ πόλει Χίψ 44.
 Ἄγιος Γεώργιος· ναὸς πατριαρχικὸς ἐν Κ/πόλει 15.
 Ἀγκυρα, πόλις ἐν Μικρᾷ Ἀσίᾳ 21, 22.
 Ἀγγιλιος, πόλις Θράκης 21.
 Ἀδελφότης ἀγίου Βίκτορος ἐν Χίψ 44.
 Ἀδελφότης ἀγίων Ἀναργύρων ἐν Χίψ 44.
 Ἀδριανούπολις 15.
 Ἀθανασία μοναχὴ 10.
 Ἀθανάσιος (Πατελλάριος), ἐκπτωτος πατριάρχης Κ/πόλεως 11.
 Ἀθανάσιος μητροπολίτης Ἀδριανουπόλεως 15.
 Ἀθανάσιος μητροπολίτης Νικομηδείας 21, 27.
 Ἀθανάσιος μητροπολίτης Παροναξίας 4.
 Ἀθανάσιος προηγούμενος Κουτουλουμουσίου 42.
 Ἀθανασίου τοῦ Ἀθωνίτου λαύρα 41.
 Αἴγυπτιά τέχνη 30.
 Αἴγυπτος 30.
 Ἀλεξάνδρεια 1, 2.
 Ἀλέξανδρος ἀπίκας Ῥώμης 46.
 Ἀλέξανδρος Μανασαγγός 33, 34.
 Ἀλλάτιος (Λέων) 30, 36, 37, 38.
 Ἀλπεις 37.
 Ἀναργύρων ἀγίων (Κοσμᾶ καὶ Δαμιανοῦ) ναοὶ ἐν Χίψ καὶ Μήλω 3, 4, 5, 10, 40. Λείψανα αὐτῶν 38.
 Ἀνατολαί 14.
 Ἀνατολῆς τὰ μέρη 1.
 Ἀνατολικὴ γῆ 49.
 Ἀνατολικὴ Ἐκκλησία 11, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47.
 Ἀνθιμος μητροπολίτης Προύσης 21, 27.
 Ἀντιόχεια Συρίας 22.
 Ἀντώνιος ἱερεὺς, σκευοφύλαξ τῆς μητροπόλεως Χίου 44.
 Ἀντώνιος Γοτζαδίνος 32.
 Ἀντώνιος Κελίτης 4.
 Ἀντώνιος Μονεμβασίτης 4.
 Ἀποστολικὴ Καθέδρα Κ/πόλεως 13.
 Ἀποστόλων ἀγίων (Πέτρου καὶ Παύλου) ναὸς ἐν Χίψ καὶ μονῇ ἐν Ἀγίῳ Ὄρει 41, 44.
 Ἀραβες 12, 38.
 Argentae episcopus 40.
 Ἀριστοτέλης ὁ (Σταγειρίτης) 33.
 Ἀρκούδιος (Φραγκίσκος) 31.
 Ἀρτζιπέλαγος (= Αἰγαῖον πέλαγος) 39.
 Ἀσπρὴ Θάλασσα (= Αἰγαῖον πέλαγος) 4.
 Αὐξέντιος μητροπολίτης Κυζίκου 15.
 Αὖσονες 36.
 Ἀχαΐα 13.
 Achaia Moreæ 16.
 Ἀχαιοί 36.
 Wangnereckius (Simon) 37, 39.
 Βάρβαροι 13.
 Βαρβερινός (Φραγκίσκος) 30.
 Barberinus (Franciscus) 36.
 Βάρνα 21.
 Βαρύχ ὁ προφήτης 44.
 Βασίλειος ὁ Καισαρείας Καππαδοκίας 46.
 Βενετία 42.
 Vienna 17, 39.
 Vignes de Pera 42, 45, 48.
 Βίκτωρος τοῦ ἀγίου ναὸς καὶ ἀδελφότης ἐν Χίψ 44.
 Βλαχία 23, 24, 25.
 Blois (de) 39, 43, 45, 48.
 Bohemia 39.
 Βοηδρομιῶν 35.
 Βουκουρέστιον 21, 23.
 Γαβριήλ ἱερομόναχος καὶ διδάσκαλος τῆς ἐν Χίψ ἀδελφότητος τοῦ ἀγίου Βίκτορος 44.
 Γαβριήλ ἱερομόναχος τῆς μονῆς Καρακάλου 42.
 Γαλατᾶς Κ/πόλεως 18, 19, 20.
 Γένος (= Ἕλληνες οἱ ἐν Τουρκίᾳ) 13.
 Γεράσιμος μητροπολίτης Θεσσαλονίκης 27.
 Γεράσιμος γ' πατριάρχης Κ/πόλεως 17, 21.
 Γερμανὸς ἱεροδιάκονος τῆς μονῆς Μαυρομόλου 48.
 Γερμανὸς ἱερομόναχος τῆς ἐν Πάτρῃ μονῆς 39, 40.
 Γεώργιος μεγαλομάρτυς· ναὸς ἐπ' ὀνόματι αὐτοῦ ἐν Φαναρίῳ Κ/πόλεως 15.
 Γεώργιος ἱερεὺς, χαρτοφύλαξ τῆς μητροπόλεως Χίου 44.
 Γεώργιος παπᾶς ἐν Μήλω 3.
 Γεώργιος Πάτρας, παπᾶς ἐν Μήλω 4.
 Γεώργιος Σπαντωνῆς, ψευδῆς (?) ῥεφενδάριος τοῦ Οἰκουμενικοῦ Θρόνου 15.
 Γκιόμα σχολὴ ἐν Ἰωαννίνοις 23, 24.
 Γοτζαδίνος (Φραγκίσκος) 33.
 Γουλιέρμος παπᾶς ἐν Μήλω 6.
 Γραφή (= Παλαιὰ Διαθήκη) 44.
 Γραικῶν ἐκκλησία ἐν Μήλω 3, 4.
 Γρηγοῶς (Δημήτριος Μαμωνᾶς) 28.
 Γρηγόριος ε', πατριάρχης Κ/πόλεως 21, 22, 27.
 Γρηγόριος μητροπολίτης [Καυσαρείας Καππαδοκίας] 21.
 Γρηγόριος μητροπολίτης Σμύρνης 21.
 Γρονώβιος (Ἰω. Φριδ.) 35, 36.

- Gubbio 33.
 Δαβίδ ὁ προφήτης 50.
 Δαμιανὸς Ἀναργύρου κεφαλαί 38.
 Δανιὴλ ἱερομόναχος τῆς μενῆς Μαυρομόλου 48.
 De Blois 43, 45, 48.
 Δέρκοι 21, 27.
 Δημήτριος Μπαμωνᾶς ὁ Γρηγοράς 28.
 Δημήτριος Ῥουσκέτος 4.
 Διονυσίατῆς 42.
 Διονύσιος μητροπολίτης Λαρίσης 27.
 Διονύσιος ἱερομόναχος, ἡγούμενος τῆς ἐν Χάλκῃ μονῆς τοῦ Ἐσώπτρου 50.
 Domenico Mocenigo 40.
 Δοσίθεος ἀρχιμανδρίτης τοῦ ἐν Βουκουρεστίῳ μετοχίου τῆς ἐν Ἰωαννίνοις μονῆς τοῦ προφήτου Ἡλίου 23.
 Δουμαί 14.
 Δουτική Ἐκκλησία 46.
 Eglise d' Orient, Eglise Greque 42, 48.
 Εἰκονομάχοι 47.
 Ἐλένη ἡ Μενελίου 30.
 Ἑλλάς 30.
 Ἑλλήνων χροπτολογία 38.
 Ἑλληνίς γλῶσσα 31.
 Ἐλληνομουσεῖον (ἐν Ῥώμῃ) 31.
 Ἔλος 28.
 Ἐνδυμίων 32.
 Ἐνετία 38.
 Ἐπιμενίδης 32.
 Ἐπτά Κουλάδες ἐν Κ/πόλει 18.
 Ἐρινύες 32.
 Ἐσώπτρου μονὴ ἐν Χάλκῃ 49.
 Εὐαγγέλιον 5.
 Εὐαγγελιστρίαις ἐκκλησία ἐν Μήλῳ 5.
 Εὐγουβιωτὴ Κανονική 33.
 Εὐρίπος 27.
 Ἐφεσος 21, 27.
 Ζεύς 30.
 Ἡλιὸς τοῦ προφήτου μοναστήριον ἐν Ἰωαννίνοις 23, 24, 25.
 Ἡράκλεια Θράκης 21, 27.
 Ἡσαΐας μητροπολίτης Νεοκαισαρείας 27.
 Θεοτόκου ἐκκλησία ἐξωθι Κ/πόλεως, ἡ καὶ Μπαλουκλί ἢ Ζωολόγος Πηγὴ λεγομένη 19. Θεοτόκου κοιμήσεως εἰκὼν ἐν τῇ Ἀθηναϊκῇ μονῇ τῶν Ἰβήρων 41. Θεοτόκου μονὴ ἡ τοῦ Μαυρομόλου 47.
 Θεόδωρος Στουδίτης 30.
 Θεσσαλονίκη 15, 27.
 Ἰακώβ ὁ δίκαιος 15.
 Ἰάκωβος ὁ ἀδελφόθεος 46.
 Ἰάκωβος ἱερομόναχος, ἡγούμενος τῆς ἐν Πάτμῳ μονῆς 39, 40.
 Ἰβήρων μονὴ ἐν Ἀγίῳ Ὀρει 41.
 Ἰγνάτιος πρόεδρος Χίου 44.
 Ignatius à Koch 17.
 Ἰερά Ῥωμαϊκὴ Βασιλεία 12.
 Ἰεραμίας β' πατριάρχης Κ/πόλεως 49.
 Ἰεραμίας μητροπολίτης Χαλκηδόνος 21, 27.
 Ἰερόθεος ἱερομόναχος Λαύρας τῆς Ἀθωϊτικῆς 42.
 Ἰερόθεος ἀρχιερεὺς Εὐρίπου 27.
 Ἰεροσόλυμα 46.
 Ἰλείσιος 30.
 Io. Ant. de Camillis 40.
 Ἰουδαῖοι 46.
 Ἰουδίθ 44.
 Ἰσαὰκ ὁ προπάτωρ 15.
 Ἰταλία 10, 31, 32.
 Ἰταλικά αἵματα 33.
 Ἰωακείμ πατριάρχης Ἀλεξανδρείας 1, 2.
 Ἰωακείμ μητροπολίτης Ἀγχιόλου 21.
 Ἰωακείμ μητροπολίτης Θεσσαλονίκης 15.
 Ἰωακείμ μητροπολίτης Κυζίκου 27.
 Ἰωάννης ὁ θεολόγος καὶ εὐαγγελιστῆς 17. Μοναστήριον ἐν Πάτμῳ 39.
 Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου μοναστήριον ἐν Βουκουρεστίῳ 21, 23, 24.
 Ἰωάννης ἱερεὺς, ὑπομνηματογράφος τῆς μητροπόλεως Χίου 44.
 Ἰωάννης Φραγγόπουλος 28.
 Ἰωάννης Χαλδαῖος, παπᾶς ἐν Μήλῳ 4.
 (Ἰωάννης) Χρυσόστομος 46.
 Ἰωαννίσιος μητροπολίτης Ἀγχύρας 21.
 Ἰωάννινα 23, 24, 26.
 Ἰωαννίται 24.
 Ἰωβ ὁ δίκαιος 15.
 Ἰωσήφ ἢ Ἰώσεφ ἐκ Φεραρίας 35.
 Καινὴ Διαθήκη 46.
 Καισάρεια Καππαδοκίας 15, 21.
 Καλβινιστάδες 41.
 Καλίτης (Ἀντώνιος) 4.
 Καλλίνικος μητροπολίτης Νικαίας 27.
 Καλλίνικος μητροπολίτης Νικομηδείας 13.
 Καλλίνικος ἱερομόναχος Μαυρομόλου 48.
 Camillis (Io. Ant. de) 39, 40.
 Καναρίας ἀστοί 37.
 Κανονικὴ τοῦ Ῥενοῦ 34.
 Κανονικὴ Εὐγουβιωτῆ 33.
 Καπούνος 33.
 Καρακάλλου μονὴ 42.
 Κάρολος Φραγκίσκος Ὀλιέριος, μαρκίων Νοϊντελιών 42.
 Κατάστημα τοῦ Θρησκ. Βοσπόρου 18, 19, 20.
 Κέρβερος 32.
 Κλήμης ἱερομόναχος τῆς ἐν Χίῳ ἀδελφότητος τῶν ἁγίων Ἀναργύρων 44.
 Κοινὸν τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας Κ/πόλεως 25.
 Κοσμά Ἀναργύρου κεφαλαί 32.
 Κοσμάς (Μπαλάνος), διδάσκαλος τῆς ἐν Ἰωαννίνοις σχολῆς τοῦ Γαιούμα 24.
 Κοσμάς ἱερομόναχος 42.
 Κουτουμούσιον, μοναστήριον ἐν Ἀγίῳ Ὀρει 41, 42.
 Koch (Ignatius à) 17.
 Κρήτη 31, 42, 47. Κρητῶν νῆσοι 1.
 Κύζικος 15, 21, 27.
 Κυκλάδες νῆσοι 4.
 Κύκλωπες 30.
 Κύπριος γαλκός 38.
 Κύριλλος (Λούκαρις), πατριάρχης Κ/πόλεως 10.
 Κύριλλος παπᾶς ἐν Μήλῳ 3, 4.
 Κύριλλος Ἀγιορείτης, μέλος τῆς Μεγάλης Συνάξεως τῶν ἀθωνικῶν μονῶν 42.
 Κύριλλος ἱερομόναχος καὶ σκευοφύλαξ Μαυρομόλου 48.
 Κυρίνου λόφοι 37.
 Κωνσταντῖνος Παλαιολόγος, δεσπότης Πελοποννήσου 28, 29.
 Κωνσταντῖνος παπᾶς ἐν Μήλῳ 3.
 Κωνσταντῖνος ἱερεὺς ἐν Χίῳ 44.
 Κωνσταντινούπολις 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 17, 21, 22, 23, 27, 42, 45, 48, 49.
 Λαγκός 33.
 Λατῖνοι ἐν Μήλῳ 3, 4, 5, 6, 10.
 Λατινικὴ ἐπισκοπὴ ἐν Μήλῳ 6.

- Λαύρα (ἡ τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου τοῦ Ἀθωνίτου) 41, 42.
 Levant 42, 44.
 Λέσδος (Νικόλαος) 10.
 Λουκάς ὁ ἀπόστολος 47.
 Λουκατελλός 33.
 Μακάριος ἱερομόναχος καὶ ἡγούμενος Μαυρομόλου 47, 48.
 Μακάριος μητροπολίτης Δέρκων 21, 27.
 Μακάριος μητροπολίτης Ἰωαννίνων 23.
 Μακκαβαῖοι 44.
 Μαμονᾶς (Μάρκος) 6.
 Μαμωνᾶς (Δημήτριος) 28.
 Μανουῆλος Σίχης 44.
 Μαρία ἡ θεοτόκος 47.
 Μαρτῖνος ἱερεὺς καὶ ἱερομνήμων τῆς μητροπόλεως Χίου 44.
 Μάρκος Μαμονᾶς 6.
 Ματθαῖος πατριάρχης Κ/πόλεως 3.
 Μαυρομόλου μοναστήριον 47, 48.
 Μεγάλη τοῦ Χριστοῦ Ἐκκλησία ἐν Κ/πόλει 8, 18, 21, 22, 23, 25, 26, 27.
 Μεγάλη Σύναξις τῶν Ἀθωνικῶν μονῶν ἐν Καραῖς 42.
 Μεθόδιος μητροπολίτης Ἡρακλείας 21.
 Μελέτιος (Πηγᾶς) πατριάρχης Ἀλεξανδρείας 2.
 Μελέτιος μητροπολίτης Ἡρακλείας 27.
 Μενέλαος 30.
 Μήλος νῆσος 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.
 Μητροφάνης γ' πατριάρχης Κ/πόλεως 49.
 Milensis episcopus 39.
 Milo 40.
 Μιχαὴλ ἱερομόναχος καὶ πρωτονοτάριος τῆς μητροπόλεως Χίου 44.
 Μιχαὴλ ἱερεὺς καὶ δικαιοφύλαξ τῆς μητροπόλεως Χίου 44.
 Μονάχιος (πόλις) 38.
 Μονεμβασίτης 4.
 Mont Athos 42.
 Μο(σ)χοβία 49.
 Μοῦσαι 30, 35.
 Μουτζίνιγος (Ντομένεγος) 39.
 Μπαλουκλεῖον 19.
 Νέα Μονή, ἡ ἐν Χίφ 44.
 Νέα Ρώμη 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 15, 17, 21, 22, 27.
 Νεῦλος (ὁ Μέγας) 30.
 Νεοκαισάρεια 27.
 Νεόφυτος β' πατριάρχης Κ/πόλεως 3, 4, 8.
 Νεόφυτος ζ' πατριάρχης Κ/πόλεως 19.
 Νεόφυτος ἀρχιεπίσκοπος Μήλου 9.
 Νεόφυτος μητροπολίτης Καισαρείας Καππαδοκίας 15.
 Νέστωρ 32.
 Νίκαια 15, 22, 27.
 Νικηφόρος ἱερομόναχος, προηγούμενος τῆς ἐν Πάτμῳ μονῆς 39, 40.
 Νικόλαος Λέσδος, φραγκοεπίσκοπος ἐν Μήλῳ 10.
 Νικόλαος ἱερεὺς καὶ ῥήτωρ τῆς μητροπόλεως Χίου 44.
 Νικόλαος ἱερεὺς καὶ διδάσκαλος τοῦ Εὐαγγελίου ἐν Χίφ 44.
 Νικόλαος ἱερεὺς καὶ ἐκκλησιάρχης τῆς μητροπόλεως Χίου 44.
 Νικομήτεια 15, 21, 27.
 Νοϊντελιῶν, Nointel 42, 44, 45, 46, 47, 48.
 Νούσκοθεν 31.
 Νούσκον 31.
 Ντομένεγος Μουτζίνιγος 39.
 Ὄθωμανοὶ 13.
 Οἰκουμενικὸς Θρόνος (πατριαρχικός, ὁ ἐν Κ/πόλει) 2, 13, 15.
 Olier de Nointel 42, 44, 45, 48.
 Ὅμηρος 30.
 Οὐιέννα, Vienna 38, 39.
 Οὐρβανὸς ἡ', πᾶπας Ῥώμης 11, 32, 33.
 Παῖσιος γ' πατριάρχης Κ/πόλεως 12.
 Παῖσιος Ἐμμανουὴλ Πωγωνάτος 13, 16.
 Παλαιαὶ Πάτραι 13.
 Palais de France à C/ple 43, 45, 48.
 Παναγίας ναὸς ἐν Μήλῳ 5.
 Παρθένιος ἀρχιεπίσκοπος Μήλου 5, 7, 8.
 Παρθένιος ἱερομόναχος Ἰβηρίτης 42.
 Παρθένιος ἱερομόναχος τοῦ ἐν Χίφ ναοῦ τῶν Ἁγίων Ἀποστόλων 44.
 Παρθένιος πρωτεφημέριος τῆς μονῆς Μαυρομόλου 48.
 Παρίσιοι 38.
 Παροναξία 4.
 Πάτμος 39, 40.
 Πάτραι 13.
 Patrarum archiepiscopus 16.
 Πάτρας (Γεώργιος) 4.
 Παῦλος ἀπόστολος 2, 37.
 Πελοπόννησος 13.
 Pera 42, 45, 48.
 Πετροκαθεδρόδοχος 32.
 Πέτρος ἀπόστολος 2, 11, 37.
 Πόλις (= Κωνσταντινούπολις) 18, 19, 20.
 Πορταίτιστα 41.
 Praga 39.
 Πρίνικον, χωρίον 28.
 Προδρόμου μονὴ ἐν Βουκουρεστίῳ 21.
 Προκόπιος πατριάρχης Κ/πόλεως 23.
 Προῦσα 21, 27.
 Πυθαγοριστὴς 35.
 Πωγωνάτος (Παῖσιος Ἐμμανουὴλ) 13, 16.
 Ῥαφαὴλ β' πατριάρχης Κ/πόλεως 4, 5, 6, 7.
 Rite Grec 44.
 Rite des Romains 45.
 Ῥουσκέτος (Δημήτριος) 4.
 Ῥωμαϊκὴ Βασιλεία (Ἱερὰ) 12.
 Ῥωμαϊκὴ Ἐκκλησία 46.
 Ῥωμαῖοι (= Ἕλληνας) ἐν Μήλῳ 7.
 Romains = Λατίνοι 45.
 Ῥώμη (ἡ παλαιά) 2, 30, 31, 38, 46.
 Ῥώμη (ἡ νέα). Ὅρα τὸ Νέα Ῥώμη.
 Σίχης (Μανουῆλος) 44.
 Σαλμάσιος 30.
 Σαμουὴλ μητροπολίτης Ἐφέσου 21, 27.
 San Pietro in Vincoli 34.
 Σεράχ 44.
 Σεραφεῖμ μητροπολίτης Νικομηδείας 15.
 Σέργιος μοναχὸς 38.
 Σκύθοι 13.
 Σμύρνη 21.
 Sondi (Fr.) 33, 34.
 Σουλεϊμάνης σουλτᾶνος 49.
 Σοφία (Σολομώντος) 44.
 Σπαντωνῆς (Γεώργιος) 15.
 Στάτιος 35.
 Στέφανος ἱερεὺς, οἰκονόμος τῆς μητροπόλεως Χίου 44.
 Σύροι 1.
 Τάταροι 13.

- Τζιανταρμέρης, πρόξενος Γαλλίας 43, 45, 47, 48.
 ἐν Μήλῳ 10. Φλουρεντία 33.
 Τιμόθεος ἀ' πατριάρχης Κ/πόλε- Φοῖβος 32, 37.
 ως 9. Φραγγόπουλος (Ἰωάννης) 28.
 Τομάζος (Φραγκίσκος) 6. Φραγκίσκος Τομάζος, ἐπίσκοπος
 λατίνος ἐν Μήλῳ 6, 7.
 Τριάδος ἁγίας μοναστήριον ἐν Φραγκίσκος Ἀρχαῖος 31.
 Χάλκη 49, 50. Φραγκίσκος Βαρβερινός, καρδινά-
 λης 29, 30.
 Turci, Turcs 16, 42. Φραγκίσκος Γοτσαῖνος 31, 32, 33.
 Τωβίτ 44. Fr. Sondí 33, 34.
 Ὑμνήττειον νέκταρ 31. Φραγκοεπισκοπή ἐν Μήλῳ 5, 6,
 7, 8.
 Φεραρία 35. Φραγκοεπίσκοπος ἐν Μήλῳ 7, 8, 9.
 Φιλάρετος ἱερομόναχος Διονυσιά- Χίοι ἐν Κ/πόλει 19, 20.
 τος 42. Φράντζα, France 3, 4, 7, 8, 10, Χίος 4, 43, 44.
 Φιλόθεος μητροπολίτης Βάρνης 21.

ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΑ.

	Σελ.
1. Πρόλογος	γ'—κζ'
2. Διάφορα ελληνικά γράμματα ἐκ τοῦ ἐν Πετροπόλει μουσείου τῆς Α. ΄F. τοῦ κυρίου Νικολάου Likhatcheff	1—40
Α'. Γράμματα πατριαρχικά (Ἰωακείμ Ἀλεξανδρείας, Μελετίου Ἀλεξανδρείας, Ματθαίου Κ/πόλεως, Νεοφύτου Κ/πόλεως, Ῥαφαήλ Κ/πόλεως, Τιμοθέου Κ/πόλεως, Κυρίλλου α' Κ/πόλεως, Ἀθανασίου Κ/πόλεως, Παΐσιου Κ/πόλεως, Γερασίμου Κ/πόλεως, Γρηγορίου ε' Κ/πόλεως).	
Β'. Διάφορα γράμματα (Δημητρίου Παλαιολόγου, Φραγκίσκου Ἀρκουδίου, Φραγκίσκου Γοτζαδίνου, Ἀλεξάνδρου Μανασσαγγίου, Φραγκίσκου Sondi, Λέοντος Ἀλλατίου, Σίμωνος Wangnerckii, μονῆς τῆς ἐν Πάτμῳ).	
3. Τέσσαρα πρωτότυπα ελληνικά γράμματα εὑρισκόμενα ἐν τῇ Αὐτοκρατορικῇ Δημοσίᾳ Βιβλιοθήκῃ Πετροπόλεως (Μεγάλῃς Συνάξεως τοῦ Ἀγίου Ὁρους, συνόδου τῆς ἐπισκοπῆς Χίου, μονῆς Μαυρομόλου, μονῆς Ἐσόπτρου ἐν Χάλκῃ).	41—50
4. Πίναξ ὀνομάτων.	51—54
5. Ἐξ φωτοτυπικοῦ πίνακες γραμμάτων Ἰωακείμ Ἀλεξανδρείας, Μελετίου Ἀλεξανδρείας, Νεοφύτου Κωνσταντινουπόλεως, Κυρίλλου α' Κ/πόλεως, Ἀθανασίου Πατελλάρου, μονῆς τῆς Πάτμου.	

ΠΙΝΑΞ Α'.

αὐτῆς ἰσοῦ μου μὴ : Ⲫ

ⲉ ρωθῆ ρουϥⲓ —
ⲉ ρωθῆ ρουϥⲓ —
ⲉ ρωθῆ ρουϥⲓ —
ⲉ ρωθῆ ρουϥⲓ —
ⲉ ρωθῆ ρουϥⲓ —
ⲉ ρωθῆ ρουϥⲓ —
ⲉ ρωθῆ ρουϥⲓ —
ⲉ ρωθῆ ρουϥⲓ —

Ἐπιγραφὴς:—

Ἐπιγραφὴ τοῦ ἁγίου
ἐκ τῆς βίβλου ἰσραήλ
ἡ ἀρχὴ τοῦ βιβλίου
ἡ ἀρχὴ τοῦ βιβλίου
ἡ ἀρχὴ τοῦ βιβλίου
ἡ ἀρχὴ τοῦ βιβλίου
ἡ ἀρχὴ τοῦ βιβλίου
ἡ ἀρχὴ τοῦ βιβλίου
ἡ ἀρχὴ τοῦ βιβλίου
ἡ ἀρχὴ τοῦ βιβλίου
ἡ ἀρχὴ τοῦ βιβλίου

Ἐπιγραφὴ
ἡ ἀρχὴ τοῦ βιβλίου

The image shows a large, vertically oriented rectangular area with a grainy, high-contrast appearance. This area contains some faint, illegible markings and a prominent, dark, stylized shape that resembles a large Greek letter or symbol. The overall appearance is that of a scan of a document page with significant noise and contrast.

ἡμεῖς οὖν ἀγαπᾶμεν αὐτοὺς ὡς
 ἑαυτοὺς ὡς ἑαυτοὺς ἀγαπᾶμεν,
 ὡς ἑαυτοὺς ἀγαπᾶμεν ὡς
 ἑαυτοὺς ἀγαπᾶμεν ὡς
 ἑαυτοὺς ἀγαπᾶμεν ὡς
 ἑαυτοὺς ἀγαπᾶμεν ὡς
 ἑαυτοὺς ἀγαπᾶμεν ὡς
 ἑαυτοὺς ἀγαπᾶμεν ὡς
 ἑαυτοὺς ἀγαπᾶμεν ὡς

ἡμεῖς οὖν ἀγαπᾶμεν αὐτοὺς ὡς
 ἑαυτοὺς ἀγαπᾶμεν ὡς
 ἑαυτοὺς ἀγαπᾶμεν ὡς
 ἑαυτοὺς ἀγαπᾶμεν ὡς
 ἑαυτοὺς ἀγαπᾶμεν ὡς
 ἑαυτοὺς ἀγαπᾶμεν ὡς
 ἑαυτοὺς ἀγαπᾶμεν ὡς
 ἑαυτοὺς ἀγαπᾶμεν ὡς

Handwritten text in a vertical column, possibly a list or index, enclosed in a rectangular border. The text is written in a cursive script and includes the following lines:

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

Цѣна 4 руб.
